Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 1 (69)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2023

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.** № 1 (69). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. – 276 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва); П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф. (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев – д.э.н., проф. (НГТУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород); Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических исследований РАН); Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Ю.В. Трифонов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); В.Г. Фролов – к.э.н., доц. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва); Н.И. Яшина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2023

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

VESTNIK

OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNY NOVGOROD

SOCIAL SCIENCES

No. 1 (69)

Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod University Press
2023

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences. No. 1 (69). – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press, 2023. – 276 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief
A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; S.V. Ledyaeva – PhD, Assistant Prof .; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovsky – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Purysheva – D.Sc. (Pedagogy). Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.; Yu. V. Trifonov – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; V.G. Frolov – Cand. Sc. (Economics), Assoc. Prof.; A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.; N.I. Yashina – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

Артемова О.В., Ужегов А.О. Инновационное развитие регионов Уральского макрорегиона 9
Вику Коджови Нельсон Крепин Тестирование стационарности панельных данных на примере анализа инфляции в странах экономического сообщества западноафриканских государств 21
Мизиковский И.Е. Формализация связи затрат на обновление компетенций управленческого персонала промышленного предприятия и получаемых экономических выгод 28
Оборин М.С. Технологии управления человеческими ресурсами в условиях цифровизации 33
Овчарова Т.Н. Креативное лидерство и управление организацией в условиях инновационной экономики 42
Павленков М.Н., Сухарева К.С. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления 50
Пак Х.С., Кулибанова В.В. Результаты внедрения системы менеджмента качества в государственное управление 58
Руденок Е.В., Юрасова И.И., Дайнеко Л.В. Направления совершенствования программ реновации жилой недвижимости 66
Чжаосэнь Е, Удалов О.Ф. Особенности корпоративной культуры предприятий международной электронной торговли 74
Яшина Н.И., Яшин С.Н., Вилейшикова А.А. Развитие методик оценки эффективности финансирования государственных программ на примере Приволжского федерального округа 81

Социологические науки

Карасев П.К., Судьин С.А. Профилактика скулшутинга как управленческая задача: кейс нижегородской области 88
Филипова А.Г., Асафова В.С., Баранова И.И. Уроки городского развития: на пути к соучаствующему проектированию городской среды с подростками 94
Ростовская Т.К., Князькова Е.А. Государственное регулирование поддержки молодой детной семьи в странах ЕАЭС 102
Козырьков В.П. Опыт создания А. Зиновьевым новой социологии в контексте обыденного сознания) 108
Костина Н.Б., Гарбузов И.С., Дуран Т.В. Влияние любительского творчества на профессиональное самоопределение студентов колледжа с разным типом участия в художественной самодеятельности 117
Быков А.А., Барышев А.А., Кашпур В.В., Быков Р.А. Возможности социально-сетевого анализа в историко-социологическом исследовании (на примере феномена благотворительности) 124
Варызгина А.А., Куликова А.В., Михайлова В.В. Образовательные стратегии семей: почему родители вкладывают деньги в образование детей? 131
Ермилова А.В. Риски в спорте высших достижений: социологический аспект 138
Иваненко И.Н. Бюрократия как фактор динамики институтов российского местного самоуправления: социокультурные аспекты 147
Комлев В.А., Балыбердин Ю.А., Смирнов М.А., Морзунов А.П. Оценка уровня прагматичного патриотизма молодежи кировской области 155
Лебедева Л.Г. К проблеме рисков цифрового неравенства в поколенческом аспекте 165
Эбзеева Ю.Н. Различия в методологии определения ведущих рейтингов вузов 174
Тихомиров С.М. Векторы возможного трудоустройства наркозависимых лиц 181
Широкалова Г.С., Пронина Е.И. По следам секции «культурное наследие и связь поколений» 188

Педагогические науки

Бережнова К.Е., Муравьёва Г.Е., Шептуховский М.В. Анализ затруднений в профессиональной деятельности молодых педагогов дошкольного образования 195

Зайцева С.А., Крылова Ю.А., Смирнов В.А., Ермошин А.В. Включение будущих педагогов в проектную деятельность как средство формирования у них исследовательских компетенций 203
Зиятдинова Ю.Н., Царева Е.Е., Галеева Ф.Т. Педагогический дизайн онлайн курсов по иностранному языку 213
Косова Е.И., Данько Ю.В. Педагогический потенциал обучения профессионально-ориентированному языку студентов-гуманитариев на основе аутентичных текстов 219
Кручинина Г.А., Филонов Л.В. Мотивационно-ценностный компонент сформированности универсальных компетенций будущих бакалавров физической культуры: результаты экспериментального исследования 228
Лукманова О.Б., Левина Л.М. Чтение лекций по всемирной литературе в режиме распределенного университета: ограничения и возможности 237
Митрофанов В.В. Повседневность учителя нижегородской гимназии в начале XX в. (по письмам С.Н. Шамониной к Н.Н. Платоновой) 247
Орлова Н.Л. Значение порфессионально-ориентированной лексики, терминов и профессиональных неологизмов в процессе преподавания английского языка у студентов естественнонаучных направлений 260
Пушкина Е.Н. Обучение переводу грамматических трудностей английского языка в неязыковом вузе (местоимение *it*) 268

CONTENTS

Economic sciences

Artemova O.V., Uzhegov A.O. Innovative development of the regions of the Ural macroregion 9
Kulibanova V.V. Results of the implementation of the quality management system in public administration 21
Mizikovsky I.E. Formalization of the relationship between the costs of updating the competencies of the management personnel of an industrial enterprise and the economic benefits received 28
Vikou C.N.C. Testing the stationarity of panel data on the example of inflation analysis in the countries of the economic community of West African States (ECOWAS) 33
Oborin M.S. Human resource management technologies in the context of digitalization 42
Ovcharova T.N. Creative leadership and organization management in an innovative economy 50
Pavlenkov M.N., Sukhareva K.S. Evaluation of the effectiveness of local self-government bodies 58
Rudenok Ye.V., Yurasova I.I., Daineko L.V. Directions for improving residential real estate renovation programs 66
Zhaosen Ye, Udalov O.F. Corporate culture in international e-commerce enterprises 74
Yashina N.I., Yashin S.N., Vileishikova A.A. Development of methods for assessing the efficiency of financing of state programs on the example of the Volga Federal District 81

Sociological sciences

Karasev P.K., Sudin S.A. Preventing school shooting as a governance challenge: the case of Nizhny Novgorod region 88
Filipova A.G., Asafova V.S., Baranova I.I. Lessons of urban development: towards participative urban design with adolescents 94
Rostovskaya T.K., Knyazkova E.A. State regulation of support for young foster families in the EAEU countries 102
Kozyr'kov V.P. A Zinoviev's experience of creating a new sociology in the context of ordinary consciousness 108
Kostina N.B., Duran T.V., Garbuzov I.S. The influence of amateur creativity on the professional self-determination of college students with different types of participation in amateur art 117
Bykov A.A., Baryshev A.A., Kashpur V.V., Bykov R.A. Possibilities of socio-network analysis in historical and sociological research (on the example of the phenomenon of charity) 124
Varyzgina A.A., Kulikova A.V., Mikhailova V.V. Extracurricular educational strategies of families: why parents invest in their children? 131
Ermilova A.V. Risks in high performance sport: sociological aspect 138
Ivanenko I.N. Bureaucracy in the dynamics of Russian local government institutions: socio-cultural aspects 147
Komlev V.F., Balyberdin Y.A., Smirnov M.A., Morzunov A.P. Assessment of the level of pragmatic patriotism among the youth of the Kirov region 155
Lebedeva L.G. To the problem of risks of digital inequality in the generational aspect 165
Ebzeeva Y.N. Differences in the methodology to determine leading university rankings 174
Tikhomirov S.M. Vectors of possible employment of drug addicts 181
Shirokalova G.S., Pronina E.I. Following in the footsteps of the section «cultural heritage and communication of generations» 188

Pedagogical sciences

Zaytseva S.A., Krylova Yu.A., Smirnov V.A., Ermoshin A.V. Inclusion of future teachers in project activities as a means of forming their research competencies 195
Ziyatdinova J.N., Tsareva E.E., Galeeva F.T. Instructional design of online language courses 203
Kosova E.I., Danko Yu.V. The pedagogical potential of teaching a professionally oriented language to humanities students in the conditions of lifelong education 213

Kruchinina G.A., Filonov L.V. Motivational and value component of the formation of universal competencies of future bachelors of physical culture: results of experimental research 219
Lukmanova O.B., Levina L.M. Online lectures in world literature within the framework of hybrid/blended learning: challenges, limitations, and opportunities 228
Mitrofanov V.V. Everyday teacher of the Nizhny Novgorod gymnasium in the beginning of the XX century (from the letters of S.N. Shamonina to N.N. Platonovaya) 237
Berezhnova C.E., Muravyeva G.E., Sheptukhovsky M.V. Analysis of difficulties in the professional activity of young teachers of preschool education..... 247
Orlova N.L. The role of professionally – oriented vocabulary, terms & professional neologisms in the process of teaching english to students of natural sciences& sciences 260
Pushkina E.N. Teaching English Grammar Difficulties of Translation in Non-linguistic Universities (pronoun it)..... 268

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 332
DOI 10.52452/18115942_2023_1_9

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ УРАЛЬСКОГО МАКРОРЕГИОНА

© 2023 г.

О.В. Артемова, А.О. Ужегов

Артемова Ольга Васильевна, д.э.н.; проф.; ведущий научный сотрудник
Челябинского филиала Института экономики УрО РАН
artemova.ov@uiec.ru
Ужегов Артем Олегович, аспирант Института экономики УрО РАН, младший научный сотрудник
Челябинского филиала Института экономики УрО РАН
uzhegov.ao@uiec.ru

Статья поступила в редакцию 15.11.2022
Статья принята к публикации 24.01.2023

Приоритетные направления экономического развития связаны с инновационной деятельностью в стране и регионах. Успешность и результативность такой деятельности во многом определяется экономическими возможностями (потенциалом) самих регионов, качеством их институциональной и инфраструктурной среды. В то же время синергетический эффект может быть достигнут в случае совместного использования инновационного потенциала не только отдельных регионов, но и их объединения в рамках макротерриторий. В этой связи интерес представляет исследование регионов в составе макротерритории. В статье критериями такого объединения стала близость географических, территориальных и природно-климатических условий регионов. При этом была констатирована неоднородность и различия в их экономическом и инновационном потенциале. В связи с этим была определена цель исследования: анализ и оценка инновационного развития регионов, близких по своим географическим и природно-климатическим условиям, имеющих значительную территориальную связанность (наличие региональных границ, транспортную связанность и т.п.). В исследовании использовались методы контент-анализа научных источников по данной проблематике, структурно-функционального, экономико-статистического, динамического анализа и др. Было проведено позиционирования регионов Уральской макрозоны, использовались методы визуальной интерпретации результатов исследования. Была проведена оценка инновационного потенциала регионов на основе интегральных индексов. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке аналитических материалов для принятия управленческих решений на региональном уровне.

Ключевые слова: инновационное развитие, регион, Уральский макрорегион, экономическое развитие регионов, оценка инновационного потенциала регионов.

Введение

Инновационное направление регионального развития является в настоящее время приоритетным. При этом инновационная деятельность (ее масштабы и результативность) зависит от уровня экономического развития региона, а также от институциональных и инфраструктурных условий инновационной среды. Учитывая это, авторами сформулировано несколько основополагающих тезисов, придерживаясь которых было проведено исследование инновационного развития регионов Уральской макрозоны.

1. Инновационное развитие в значительной степени определяется уровнем социально-экономического развития региона, состоянием институциональной и инфраструктурной среды.

Авторы исходили из общего понимания инновационного развития региона как процесса формирования региональной инновационной системы, способной к увеличению инновационного потенциала региона и его реализации путем создания инновационных товаров и услуг.

2. Экономическое развитие и экономический потенциал регионов РФ, так же как их инновационные возможности, различаются в силу неоднородности экономического и инновационного пространств.

Неоднородность экономического пространства регионов определяется значительной разницей их экономических потенциалов и отличиями в эффективности их использования.

Неоднородность институциональной среды связана с разной силой воздействия федеральных регуляторов на субфедеральные образования (льготы, привилегии, дотации отдельным территориям), значительной дифференциацией нормативно-правовых актов в субъектах РФ.

Рис. 1. Условия и результаты инновационной деятельности в регионе

Это касается как экономической сферы в целом, так и инновационного сектора экономики.

Неоднородность инфраструктурной среды зависит от различий в количестве, качестве и эффективности использования объектов инфраструктуры, в том числе инновационной инфраструктуры, их неравномерного размещения по территории страны и регионов.

Такая неоднородность ведет к дифференциации регионов по уровню экономического и инновационного развития.

Пространственное развитие регионов связано с использованием понятия «макрорегион» (макрозона, макротерритория). Макрорегион представляет собой совокупность регионов, имеющих общие черты, сходные условия функционирования и функциональное предназначение. В контексте данного исследования речь шла об Уральском макрорегионе, который определяется территориальной близостью субъектов, сходными природно-климатическими условиями, наличием административных границ между регионами.

Исходя из изложенного сформулирована **цель** исследования: анализ и оценка инновационного развития регионов, близких по своим географическим и природно-климатическим условиям, имеющих значительную территориальную связанность (наличие региональных границ, транспортную связанность и т.п.). Такие регионы объединены в макрорегионы. В данном исследовании речь идет об Уральском макрорегионе, в составе которого рассматриваются: Курганская область, Свердловская область, Челябинская область, Пермский край, Республика Башкортостан, Удмуртская Республика и Оренбургская область.

Авторы поставили вопрос о том, какие различия и особенности в инновационном развитии имеются у субъектов макрорегиона при сходности географических условий.

Рамки теоретических и методологических подходов к данному исследованию определялись представленной авторами моделью условий и результатов инновационной деятельности в регионе (рис. 1).

Следуя логике в рамках представленной модели, авторы проанализировали подходы к определению экономических условий и оценке инновационной деятельности в регионах Уральской макрозоны и сформулировали некоторые концепты.

1. *Уровень экономического развития региона* (его экономический потенциал, в том числе промышленный потенциал территории) формирует условия для развития инновационной деятельности в регионе. Авторы ограничились базовыми показателями, характеризующими промышленный потенциал региона. К ним были отнесены: темпы роста промышленного производства; инвестиции в основной капитал, состояние основных производственных фондов.

2. *Условия развития инновационной деятельности регионов* определяются институциональными и инфраструктурными факторами федерального уровня, воздействующими на субъекты РФ. В то же время эти условия зависят от качества институциональной и инфраструктурной среды самих регионов.

Институциональные условия включают: нормативно-правовую базу, меры поддержки инновационного развития, преференции разного уровня, инновационно ориентированные организации и др. Исследователи отмечают, что главной задачей этого компонента является нормативное обеспечение посредством законодательной базы координирующих процессов, способствующих развитию инновационного комплекса действий на всех уровнях функционирования хозяйствующих субъектов [1].

Инфраструктурные условия. Исследования инновационной инфраструктуры, ее роли в обеспечении инновационной деятельности ведутся достаточно давно и многими авторами [2, 3].

По мнению П.А. Сухановой, инновационная инфраструктура – это совокупность взаимосвязанных, взаимодополняющих производственно-технических систем, организаций, фирм и соответствующих организационно-управляющих систем, необходимых и достаточных для эффективного осуществления инновационной деятельности и реализации инноваций [4].

Действительно, развитость инновационной инфраструктуры ускоряет инновационную деятельность на различных ее этапах, позволяет за минимально возможное время осуществить и

реализовать инновационную идею, разработку, продукт, тем самым увеличивая оборот результатов инновационных процессов [5].

Авторы отмечают и такой важный элемент инновационной инфраструктуры, как связующее звено между результатами научных исследований и рынком, государством и предпринимательским сектором экономики. Он обеспечивает сбалансированный доступ к различным ресурсам и услугам, позволяющим коммерциализировать результаты научно-технической деятельности [6].

Основу инновационной системы (инновационной инфраструктуры) составляют центры трансфера технологий, инновационно-технологические центры, технопарки, фонды стартового и венчурного капитала, фонды содействия инновациям, центры содействия бизнесу, информационно-аналитические центры и центры подготовки кадров для информационного обеспечения инновационной деятельности, центры внедрения технологий и др. [7].

Л.П. Королева и Т.В. Ермошина рассматривают инновационную инфраструктуру с двух позиций: 1) как совокупность объектов, способствующую реализации либо всей инновационной цепочки (инновационного цикла) на уровне регионов или страны в целом, либо отдельного ее этапа – коммерциализации разработок; 2) как совокупность структур, способствующую развитию инновационной деятельности в регионе [8].

Качественная институциональная и инфраструктурная среда регионов активизирует институты развития. Региональные институты развития направлены на диверсификацию экономики, формирование инфраструктуры для внедрения инноваций: создание и расширение кластеров в новых секторах региональной экономики, создание технопарков, особых экономических зон, бизнес-инкубаторов, региональных венчурных фондов и пр. [9].

3. *Инновационная деятельность в регионах.* В предложенной модели эта деятельность включает: возможности осуществления инновационной деятельности (ресурсы), использование этих ресурсов по определенной технологии (процесс) и получение результата (инновационный продукт). В этом контексте авторами использовалось понятие инновационного потенциала в нескольких аспектах: а) в узком смысле – как ресурсы для инновационной деятельности; б) в широком – как возможности и реализация этих возможностей, т.е. учет всех трех компонентов (ресурсов, процесса, результатов).

В то же время проведенный контент-анализ показал, что в литературе существуют разные определения инновационного потенциала региона. В рамках системного анализа инновационный потенциал региона рассматривался как составная часть (компонент) социально-экономического потенциала экономики региона, его целевой подсистемы.

Далее следует отметить разные посылы для определения и рассмотрения ИПР. Так, одни исследователи рассматривают инновационный потенциал как предполагаемые или уже мобилизованные на достижение инновационной цели (реализацию инновационной стратегии) ресурсы и организационный механизм (технология деятельности и организационная структура) [10].

Ю.А. Кузнецова, к примеру, приводит классификацию, основываясь на разности подходов к определению сущности понятия: ресурсный, ресурсно-процессный, компетентностный, результативный, ционаправленный [11].

Использование того или иного подхода связано с фокусом анализа ситуации и целями исследования. В данном исследовании определение инновационного потенциала применялось в широком и узком смыслах, о чем говорилось ранее.

Обеспеченность региона ресурсами (инновационный потенциал в узком смысле). Для инновационной деятельности необходимы ресурсы: материальные, технологические, кадровые и другие. В исследовании речь шла об организациях, осуществляющих технологические инновации, а также о численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками.

Процесс инновационной деятельности регионов. Производственный процесс, в т.ч. инновационный, – это способ воздействия средств труда на предмет труда по определенной технологии, который связан с затратами. В качестве затрат авторы использовали в расчетах издержки на внедрение и использование цифровых технологий, а также затраты на инновационную деятельность.

Результаты инновационной деятельности регионов. Итог инновационной деятельности определяется произведенными инновационными товарами. В исследовании это определялось долей инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров.

Используемый авторами подход определил метод оценки экономических условий регионов и их инновационного потенциала.

Данные и методы

В настоящее время широко используются индексные методы оценки различных объектов и явлений, в том числе оценки уровня инновационного развития и потенциала. В отечественной научной литературе представлено довольно много материалов, посвященных данной проблематике. В.А. Еремкин и В.А. Коцюбинский в своей работе анализируют попытки сформиро-

Таблица 1

Экономические показатели развития регионов Уральского макрорегиона

Регионы	ВРП, 2019 г.			ИПП 2020 г., %,	Инвестиции в основной капитал в фактически действовавших ценах 2020 г., руб. на душу населения	Основные фонды, 2020 г., % сохранности *
	млн руб.	руб. на душу населения	доля ВРП субъекта в суммарном ВРП макрорегиона, %			
Курганская область	233468.6	280971.3	2%	97.7	48586	39.6
Свердловская область	2529549.3	586468.3	27%	102.0	88627	38.7
Челябинская область	1545582.5	445276.7	16%	99.3	93267	48.1
Пермский край	1495011.8	573894.3	16%	97.5	107511	35.7
Республика Башкортостан	1810091.0	447535.2	19%	98.2	90885	42.1
Удмуртская Республика	721345.1	479562.9	8%	95.2	73098	31.9
Оренбургская область	1107155.3	564897.9	12%	98.4	102044	36.9

*Рассчитано как 100% минус % износа основных фондов.

Источник: составлено авторами на основе данных: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики, 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 21.09.2022).

вать систему показателей для измерения уровня инновационного развития, рассматривая мировую практику и отечественный опыт [12].

Существующие рейтинги инновационного развития анализируются в работах таких авторов, как В.А. Баринова, С.П. Земцов, Р.И. Семенова, А.К. Жихарева [13–15].

Опираясь на известные методические разработки отечественных ученых по оценке инновационного развития регионов, авторы статьи учитывали их в прикладном аспекте: для оценки экономических условий и инновационного развития регионов Уральского макрорегиона. В частности, использовались методы контент-анализа научных источников по данной проблематике, структурно-функционального, экономико-статистического, динамического анализа и др. Было проведено позиционирование регионов Уральской макрозоны, использовались методы визуальной интерпретации результатов исследования. Была проведена оценка инновационного потенциала регионов на основе интегральных индексов.

Согласно логике данного исследования, вначале были проанализированы условия экономического развития регионов Уральской макрозоны (табл. 1).

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в Уральский макрорегион входят субъекты, которые существенно различаются по текущему экономическому состоянию. Так, ВРП регионов имеют значительные различия: максимальное значение ВРП в Свердловской области (наибольшая доля в ВРП макрорегиона 27%), минимальное – в Курганской области (наименьшая доля в ВРП макрорегиона 2%). Сравнение этих регионов по сопоставимому показателю (ВРП на душу населения) показало разрыв значений практически в 2 раза. Наибольший темп роста промышленного производства в 2020 г. был в Свердловской области, наименьший – в Удмуртской Республике. Лидером по инвестициям в основной капитал в Уральском макрорегионе стал Пермский край, аутсайдером – Курганская область.

Это свидетельствует о значительной неоднородности регионов Уральской макрозоны и высокой степени их экономической дифференциации.

Авторами был проведен анализ институциональной среды регионов макрозоны в части нормативного обеспечения инновационной деятельности (табл. 2).

В таблице названы основные правовые документы по регулированию инновационной деятельности. Кроме них действуют и другие нормативно-правовые акты, далее представлены некоторые из них.

В Свердловской области действуют постановления Правительства: «Об уполномоченном исполнительном органе государственной власти

Таблица 2

Основные нормативно-правовые документы федерального и регионального уровней в части регулирования инновационной деятельности регионов Уральской макрозоны

Регионы Уральского макрорегиона	Название	Номер	Дата принятия	Дата изменения
Федеральные законы				
О науке и государственной научно-технической политике		127-ФЗ	23.08.1996	28.06.2022
О статусе наукограда Российской Федерации		70-ФЗ	07.04.1999	20.04.2015
О техническом регулировании		184-ФЗ	27.12.2002	02.07.2021
Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации		216-ФЗ	29.07.2017	21.12.2021
Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации		258-ФЗ	31.07.2020	02.07.2021
О промышленной политике в Российской Федерации		488-ФЗ	31.12.2014	14.07.2022
О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации		473-ФЗ	29.12.2014	14.07.2022
Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений		39-ФЗ	25.02.1999	14.03.2022
Региональные законы				
Курганская область	О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Курганской области	302	27.03.2000	28.04.2022
Свердловская область	О государственной научно-технической политике Свердловской области	60-ОЗ	15.07.2010	14.10.2020
	О государственной поддержке субъектов инновационной деятельности в Свердловской области	33-ОЗ	02.04.2001	15.07.2021
Челябинская область	О стимулировании инновационной деятельности в Челябинской области	383-ЗО	26.05.2005	04.04.2018
Пермский край	Об инновационной деятельности в Пермском крае	238-ПК	11.06.2008	23.08.2018
Республика Башкортостан	Об инновационной деятельности в Республике Башкортостан	400-з	28.12.2006	28.02.2020
	О научной и научно-технической деятельности в Республике Башкортостан	ВС-22/39	02.03.1994	03.03.2021
Оренбургская область	О промышленной политике в Оренбургской области	3800/103-V-ОЗ	09.03.2016	10.11.2020
	О государственной поддержке инновационной деятельности в Оренбургской области	3222/739-IV-ОЗ	16.11.2009	25.10.2019
Постановления Правительства				
Удмуртская Республика	Об утверждении республиканской целевой программы «Развитие инновационной деятельности в Удмуртской Республике на 2010 – 2014 годы»	182	06.07.2009	18.02.2013

Источник: составлено авторами на основе данных «Инновационная инфраструктура и основные показатели инновационной деятельности субъектов Российской Федерации» / Интегрированная база организаций ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ. URL: https://www.miiris.ru/ (дата обращения: 21.09.2022).

Таблица 3

Инновационная инфраструктура регионов Уральского макрорегиона

Регионы Уральского макрорегиона	ТОСЭР	ОЭЗ	Кластеры	Технопарки, бизнес инкубаторы, индустриальные (промышленные) парки
Курганская область	✓		✓	✓
Свердловская область	✓	✓	✓	✓
Челябинская область	✓		✓	✓
Пермский край	✓		✓	✓
Республика Башкортостан	✓	✓	✓	✓
Удмуртская Республика	✓		✓	✓
Оренбургская область	✓	✓		✓

Источник: составлено авторами на основе данных «Инновационная инфраструктура и основные показатели инновационной деятельности субъектов Российской Федерации» / Интегрированная база организаций ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ. URL: https://www.miiris.ru/ (дата обращения: 21.09.2022).

Свердловской области в сфере предоставления государственной поддержки управляющим компаниям технопарков, базовым организациям технопарков и резидентам технопарков» (№ 1822-ПП); «Об утверждении государственной программы Свердловской области «Развитие промышленности и науки на территории Свердловской области до 2024 года» (№ 1293-ПП); «Об утверждении Стратегии промышленного и инновационного развития Свердловской области на период до 2035 года» (№ 383-ПП).

В Челябинской области – Постановление Правительства № 69-П от 06.03.2013 (дата изменения 17.11.2015) «Об аккредитации инновационных технопарков, осуществляющих деятельность на территории Челябинской области».

В Пермском крае – Постановление Правительства «Об утверждении государственной программы Пермского края «Экономическое развитие и инновационная экономика» (№ 1325-п от 03.10.2013, дата изменения 27.07.2022); Указ Губернатора «Об основных направлениях научной и научно-технической политики Пермского края» (№ 83 от 01.11.2010, дата изменения 10.10.2018).

В Республике Башкортостан – постановления Правительства: «Об утверждении Порядка предоставления субсидий из бюджета Республики Башкортостан бюджетам муниципальных образований Республики Башкортостан в целях финансового обеспечения затрат на осуществление текущей деятельности бизнес-инкубаторов, созданных на территории Республики Башкортостан» (№ 29 от 07.02.2011, дата изменения 09.12.2020); «О формировании кластеров в Республике Башкортостан» (№ 447 от 07.12.2011).

Итак, институциональные условия инновационной деятельности регионов макрозоны, задающие каркас регуляторной среды регионов, с позиций формальных институтов характеризуются их различной концентрацией в территориальном аспекте. Авторы полагают, что в регионах присутствуют проблемные зоны инновационного законодательства. Расширение анализа институциональных условий развития инновационной деятельности в регионах, безусловно, связано с неформальными институтами (традициями, обычаями, практикой, уровнем доверия к власти и пр.), что является предметом дальнейшего исследования авторов.

Далее проводился анализ инновационной инфраструктуры регионов макрозоны. Инновационная инфраструктура обладает следующими свойствами: распределенность по регионам в виде инновационно-технологических центров или инжиниринговых фирм; универсальность; профессионализм; конструктивность, которая обеспечивается ориентацией на конечный результат [16].

С учетом имеющейся информации авторы сфокусировали внимание на распределенности инфраструктуры в регионах макрозоны. Такая инфраструктура представлена различными формами, среди которых территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), особые экономические зоны (ОЭЗ), кластеры, технопарки и пр. (табл. 3).

В Курганской области к территориям опережающего социально-экономического развития относятся моногорода Катайск, Варгаши и Далматово. В регионе расположены Курганский медицинский кластер и территориально-отраслевой комплекс «Новые технологии арматуростроения».

В Свердловской области к ТОСЭР относятся моногорода Краснотурьинск и Верхняя Тура, а также закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО) город Лесной и Новоуральск. На территории региона расположены титановый кластер и особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Титановая долина». Среди технопарков следует выделить: «Академический», «Высоких технологий – Университетский», «Интел-Недра», «Новоуральский».

В Челябинской области к ТОСЭР относятся моногорода Верхний Уфалей, Бакал и Миасс, а также закрытые административно-территориальные образования Озерск и Снежинск. На территории региона расположены Южно-Уральский приборостроительный кластер «ПЛАНАР», промышленный кластер по производству трубопроводной арматуры, промышленный кластер «УралАгроМаш», промышленный кластер специальной экипировки, Южно-Уральский промышленный кластер по производству деталей и узлов дорожных, строительных и сельскохозяйственных машин, промышленный кластер транспортного машиностроения и приводной техники и Уральский промышленный кластер. Среди технопарков следует выделить: «Новатор», технопарк информационных технологий и промышленный технопарк «ЗЭМ». Также на территории Челябинской области расположен Магнитогорский инновационный бизнес-инкубатор.

В Пермском крае к моногородам относятся Нытва и Чусовой, имеющие статус ТОСЭР. В регионе расположены инновационные территориальные кластеры волоконно-оптических технологий «Фотоника» и ракетного двигателестроения «Технополис «Новый Звездный».

В Республике Башкортостан пять моногородов, относящихся к ТОСЭР: Белебей, Кумертау, Благовещенск, Белорецк, Нефтекамск. Инновационная инфраструктура региона представлена: 1) технопарками – «Авиационных технологий», «ИНМАШ»; 2) бизнес-инкубаторами – г. Октябрьский, «Юг Башкортостана», «КОЛОС»; 3) индустриальными парками «Уфимский», «Благовещенский», «Нефтекамский». Помимо этого, на территории расположены: промышленный кластер машиностроительных предприятий Республики Башкортостан, авиационный промышленный кластер Республики Башкортостан и особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Алга».

В Удмуртской Республике расположены два моногорода: Сарапул и Глазов, имеющие статус ТОСЭР. В регионе функционируют следующие кластеры: туристско-рекреационный кластер «Камский берег», Удмуртский машиностроительный кластер и Удмуртский промышленный кластер производства нефтегазового оборудования.

Инновационная инфраструктура Оренбургской области представлена особой экономической зоной промышленно-производственного типа «Оренбуржье». На территории региона расположены два моногорода, относящиеся к ТОСЭР, – Новотроицк и Ясный.

Ряд регионов входит в ассоциации инновационной направленности, что значительно активизирует их инновационную деятельность (табл. 4).

Проведенный анализ свидетельствует о неодинаковой насыщенности инновационной инфраструктурой регионов макрозоны, их разной активности в структурах инновационной направленности.

Экономические условия (потенциал) регионов, качество их институциональной и инфраструктурной среды в значительной степени определяют инновационное развитие регионов.

В данном исследовании проведена оценка инновационного потенциала регионов Уральского макрорегиона.

Методика проводимого авторами исследования включала следующие составляющие и инструменты анализа.

1) Система показателей, характеризующих экономические условия в регионе и уровень инновационного потенциала региона.

2) Индексный метод оценки экономических условий в регионе и инновационного потенциала региона.

3) Позиционирование регионов по критериям «экономические условия» – «инновационный потенциал».

Согласно применяемым авторами методическим подходам к оценке уровня социально-экономического развития региона и его инновационного потенциала, предложена последовательность процедур оценивания, а именно:

1) сформирована система показателей, характеризующих уровень социально-экономического развития региона и его инновационного потенциала (табл. 5). Данные показатели выбраны таким образом, чтобы отражать главные компоненты экономических условий и инновационного потенциала региона;

2) на основе индексного метода проведена оценка уровня экономического развития и инновационного потенциала регионов Уральской макрозоны.

Расчет индексов проводился в два этапа. На первом этапе осуществлялось нормирование значений показателей для обеспечения их сопоставимости; определялось значение нормируемых показателей по формуле:

$$x_j = \frac{x_i - x_{i\,min}}{x_{i\,max} - x_{i\,min}}, \qquad (1)$$

где x_j – нормированное значение i-го показателя для региона в определенный год; x_i – значение i-го показателя региона; x_{imax}, x_{imin} – соответственно наибольшее и наименьшее значение i-го показателя среди всех регионов страны за исследуемый год.

На втором этапе на основе нормированных показателей проводился расчет интегральных индексов определенного региона.

Расчет интегральных индексов осуществляется по формуле (2) на основе средней арифме-

Таблица 4

Участие регионов Уральского макрорегиона в структурах инновационной направленности

Регионы Уральского макрорегиона	Участие в АИРР	Национальная технологическая инициатива (НТИ)		
		Проекты в рамках НТИ	Действующие рынки НТИ *	Потенциальные рынки НТИ *
Курганская область	Нет	Нет	Нет	Neuronet Technet
Свердловская область	Нет	Платформа для автоматизации домов и зданий iRidium (Нижний Тагил); «Канатоход» (Екатеринбург)	Neuronet Energynet Technet	Aeronet
Челябинская область	Нет	Промышленный пассивный экзоскелет модульной конструкции	Neuronet Energynet Technet	Нет
Пермский край	Да	Система управления сетевых распределенных производств; Платформа EMS INSYTE	Energynet Technet	Neuronet
Республика Башкортостан	Да	Нет	Marinet Energynet	Neuronet Technet
Удмуртская Республика	Нет	Нет	Neuronet Technet	Нет
Оренбургская область	Нет	Нет	Нет	Neuronet Technet

*Aeronet – воздушный транспорт; Neuronet – нейрокоммуникации; Energynet – энергетика; Technet – промышленность; Marinet – морской транспорт.

Источник: составлено авторами на основе данных Ассоциации инновационных регионов России (АИРР) https://i-regions.org/; Национальной технологической инициативы (НТИ) https://ntinews.ru/news/regiony/ (дата обращения: 21.09.2022).

тической. Авторы придерживались подхода исследователей [17], считающих целесообразным определение агрегированного показателя в условиях равнозначности индикаторов:

$$I = \frac{\sum x_j}{n}, \quad (2)$$

где I – интегральный индекс; x_j – нормированное значение i-го показателя для региона в определенный год, n – количество показателей.

Далее был проведен расчет интегральных индексов уровня экономического развития региона (условий) и инновационного потенциала по формулам (3) и (4) соответственно:

$$Iэ = \frac{X1 + X2 + X3}{3}, \quad (3)$$

где Iэ – интегральный индекс уровня экономического развития региона,

$$Iи = \frac{X4 + X5 + X6 + X7 + X8}{5}, \quad (4)$$

где Iи – интегральный индекс инновационного потенциала региона. Наименования показателей X_1–X_8 представлены в таблице 5.

Результаты

По предложенной авторами методике для регионов Уральской макрозоны были рассчитаны интегральные показатели, отражающие условия инновационной деятельности, которые определяются уровнем экономического развития регионов, и индексы их инновационного развития.

В таблице 6 представлена динамика индекса уровня экономического развития регионов за 2016–2020 гг.

Авторами использовался горизонтальный анализ как метод сопоставления показателей в течение определенного периода времени. За пятилетний период были выявлены: а) повышательный тренд интегрального индекса: Курганская область (при самых низких значениях интегрального индекса экономических условий и наибольшем приросте этого показателя за 5-летний период), это позволило лишь незначительно приблизиться к лидерам; б) понижательный тренд: Свердловская (начиная с 2017 г.), Оренбургская область; в) явный тренд не был выявлен: Челябинская область, Пермский край, Республика Башкортостан, Удмуртская Республика.

Применение вертикального анализа, как сопоставление показателей между собой в конкретный год, показало, что лидеры по максимальному показателю экономических условий меняются: Пермский край (2016 г., 2018 г., 2019 г.), Свердловская область (2017 г.), Республика Башкортостан (2020 г.). Кроме того, дифференциация экономических условий в рас-

Таблица 5

Система показателей, характеризующих экономические условия и уровень инновационного потенциала региона

Показатели	Обозначение
1. Показатели характеризующие экономические условия для инновационной деятельности в регионе	
Индекс промышленного производства (в процентах к предыдущему году)	X_1
Инвестиции в основной капитал на душу населения (в фактически действовавших ценах; руб.)	X_2
Степень годности основных фондов, %	X_3
2. Инновационный потенциал	
2.1. Ресурсы	
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций, %	X_4
Доля численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в общем числе занятых, %	X_5
2.2. Деятельность (процесс)	
Затраты на внедрение и использование цифровых технологий на душу населения в регионе, млн руб.	X_6
Затраты на инновационную деятельность организаций в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	X_7
2.3. Результаты	
Объем инновационных товаров, работ, услуг в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	X_8

Источник: составлено авторами.

Таблица 6

Динамика интегрального индекса уровня экономического развития регионов Уральского макрорегиона за 2016–2020 гг.

Регионы Уральского макрорегиона	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Темп роста, % 2020/2016
Курганская область	0.152	0.209	0.244	0.218	0.288	**189%**
Свердловская область	0.397	**0.491**	0.410	0.315	0.367	92%
Челябинская область	0.260	0.372	0.385	0.308	0.338	130%
Пермский край	**0.456**	0.437	**0.490**	**0.365**	0.437	96%
Республика Башкортостан	0.309	0.319	0.297	0.289	**0.471**	152%
Удмуртская Республика	0.359	0.283	0.365	0.310	0.356	99%
Оренбургская область	0.248	0.243	0.202	0.166	0.169	68%
Разрыв между минимальным и максимальным значением	3	2.3	2.4	2.2	2.8	

Источник: рассчитано авторами на основе нормированных показателей по данным: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики, 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 21.09.2022).

сматриваемом периоде возрастает: разрыв интегрального индекса экономических условий в 2016 г. составил 3 раза, в 2020 г. – 2.8 раза.

На рисунке 2 представлена карта интегрального индекса экономических условий регионов Уральского макрорегиона. На карте интенсивность тона заливки отражает уровень интегрального индекса: чем сильнее тон, тем выше индекс.

В итоге констатируем то, что объединенные в макрозону регионы демонстрируют значительную асимметрию экономических условий своего развития. Полагаем, что в этих условиях формируются точки региональной конкурентоспособности (по нашей оценке – это Пермский край, Республика Башкортостан), обладающие большим потенциалом, ресурсами. Кроме того, ресурсы (например, кадровые) могут притягиваться от слабых регионов в пользу сильных.

Для определения инновационного потенциала регионов макрозоны были рассчитаны индексы инновационного потенциала за пятилетний период.

В таблице 7 представлена динамика интегрального индекса инновационного потенциала регионов Уральского макрорегиона за 2016–2020 гг.

Результаты горизонтального анализа следующие. За пятилетний период были выявлены: а) повышательный тренд интегрального индекса инновационного потенциала: Курганская область (при самых низких значениях индекса инновационного потенциала и наибольшем приросте этого показателя за 5-летний период), это позволило лишь незначительно приблизиться к лидерам; б) понижательный тренд: Оренбургская область; в) явный тренд не был выявлен: Сведловская и

Рис. 2. Карта интегрального индекса экономических условий регионов Уральского макрорегиона, 2020 г.

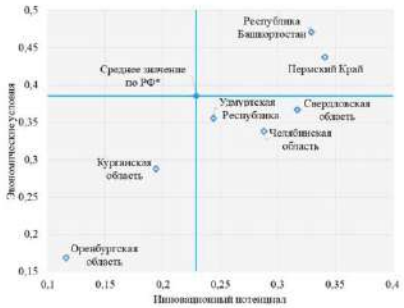
Рис. 3. Карта интегрального индекса инновационного потенциала регионов Уральского макрорегиона, 2020 г.

Таблица 7

Динамика интегральных индексов инновационного потенциала регионов Уральского макрорегиона за 2016–2020 гг.

Регионы	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Темп роста
Курганская область	0.111	0.146	0.165	0.151	0.194	175%
Свердловская область	0.334	**0.395**	0.343	0.283	0.317	95%
Челябинская область	0.234	0.304	0.308	0.261	0.288	123%
Пермский край	**0.355**	0.35	**0.377**	**0.302**	**0.341**	96%
Республика Башкортостан	0.231	0.238	0.226	0.217	0.329	143%
Удмуртская Республика	0.241	0.199	0.247	0.216	0.244	101%
Оренбургская область	0.166	0.164	0.136	0.113	0.116	70%
Разрыв между минимальным и максимальным значением	3.2	2.7	2.8	2.7	2.9	

Источник: рассчитано авторами на основе нормированных показателей по данным: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики, 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 21.09.2022).



*Среднее значение по РФ для инновационного потенциала составляет 0.229, для экономических условий 0.386.

Рис. 4. Позиционирование регионов Уральской макрозоны по критериям «экономические условия» – «инновационный потенциал»

Челябинская области, Пермский край, Республика Башкортостан, Удмуртская Республика.

Вертикальный анализ показал, что лидеры по максимальному показателю инновационного потенциала меняются: Пермский край (2016 г., 2018 – 2020 гг.), Свердловская область (2017 г.). Кроме того, дифференциация интегрального индекса инновационного потенциала в рассматриваемом периоде снизилась: разрыв в 2016 г. составил 3.2 раза, в 2020 г. – 2.9 раза.

На рисунке 3 представлена карта интегрального индекса инновационного потенциала регионов Уральского макрорегиона. На карте интенсивность тона заливки отражает уровень интегрального индекса: чем сильнее тон, тем выше индекс.

Далее авторами было осуществлено позиционирование по критериям «экономические условия» – «инновационный потенциал» регионов Уральской макротерритории.

Позиционирование основывалось на том, что экономические условия развития регионов во многом определяют уровень их инновационного потенциала.

Регионы, расположенные в верхнем правом квадранте (группа по уровню двух показателей выше среднего – Республика Башкортостан и Пермский край) имеют высокие показатели

экономических условий для инновационной деятельности в регионе. При этом данные регионы обладают высоким показателем инновационного потенциала.

Удмуртская Республика, Челябинская и Свердловская области образуют группу с высоким показателем инновационного потенциала, но при этом с экономическими условиями для ведения инновационной деятельности – ниже средних по Российской Федерации.

Курганская и Оренбургская области попали в группу, которая характеризуется значениями экономических условий для инновационной деятельности и инновационного потенциала ниже среднего по РФ.

Заключение

Исследование регионов проводилось в рамках их объединения в макротерритории, критериями такого объединения стали: близость географических, территориальных и природно-климатических условий региона. При схожести регионов авторами констатированы неоднородность и различия в их экономическом и инновационном потенциале. Это было обосновано в результате проведенного анализа и оценки инновационного развития регионов макрозоны.

Было выявлено, что до сих пор острыми остаются вопросы неравномерного экономического развития регионов, т.е. неравные условия для инновационного развития регионов макротерритории. Имеют место существенные различия в региональной институциональной и инфраструктурной среде, в т.ч. в инновационном секторе, что затрудняет переход к инновационному развитию региональной экономики и национальной экономики в целом. Анализ показал, что инновационная деятельность регионов связана, как правило, со сложившейся отраслевой специализацией экономики, возможности такого развития ограничены, но далеко не исчерпаны. В то же время имеется потенциал развития в секторе высоких технологий V и VI технологических укладов, где сетевое взаимодействие регионов макрозоны может быть вполне результативным и принести синергетический эффект. Это направление представляет интерес для авторов статьи и будет предметом дальнейших исследований.

Результаты исследования могут быть использованы при подготовке аналитических материалов для принятия управленческих решений на региональном уровне.

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2023 г.

Список литературы

1. Рахмеева И.И. Теоретико-методологические основы исследования региональной регуляторной среды в условиях новой реальности: Дис… д-ра экон. наук. 08.00.05. Екатеринбург, 2021. 462 с.

2. Зимин И.С. Влияние инновационной инфраструктуры на эффективность инновационной деятельности // Инновации и инвестиции. 2015. № 7. С. 200–202.

3. Калашникова Ю.А., Костарева Л.В. Инновационная инфраструктура Южного Урала // Вестник ЧелГУ. 2015. № 11 (366). С. 64–69.

4. Суханова П.А. Инновационная инфраструктура в региональной инновационной экосистеме и ее элементы // Вестник СИБИТа. 2012. № 3 (3). С. 49–52.

5. Дорошенко Ю.А., Павлова И.Г. Инновационная инфраструктура как драйвер развития региона // ЭВ. 2021. № 4 (27). С. 87–92.

6. Березиков А.А., Сомина И.В. Влияние инновационной инфраструктуры на показатели инновационной деятельности региона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 9. С. 153–156.

7. Боровских Н.В., Чижикова Т.А. Инновационная инфраструктура региона: состояние и перспективы развития // Вестник СИБИТа. 2022. №1. С. 24–30.

8. Королева Л.П., Ермошина Т.В. Инновационная инфраструктура: состав и место в инновационной системе экономики // Инновации. 2014. № 12 (194). С. 59–61.

9. Земцов С.П., Баринова В.А., Семенова Р.И. Государственная поддержка высоких технологий и инноваций в России // Инновации. 2019. № 3 (245). С. 33–44.

10. Сотникова А.А. Методологические аспекты определения инновационного потенциала региона // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. № 3-1. С. 64–71.

11. Кузнецова Ю.А. Исследование подходов к определению понятия «инновационный потенциал региона» // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 5–2 (24). С. 28–30.

12. Коцюбинский В.А., Еремкин В.А. Измерение уровня инновационного развития: мировая практика и российский опыт / Ин-т экон. политики им. Е.Т. Гайдара. М.: Дело, 2014. 192 с.

13. Баринова В.А., Земцов С.П. Рейтинги инновационного развития регионов: Зачем нужна новая методика в России? // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 6. С. 110–116.

14. Жихарева А.К. Возможные проблемы применения региональных рейтингов // Управленческое консультирование. 2019. № 10 (130).

15. Земцов С.П., Баринова В.А., Семенова Р.И. Некоторые методологические подходы к рейтингованию регионов по результатам инновационной деятельности. М.: РАНХиГС при Президенте РФ, 2017. 22 с.

16. Тронина И.А., Татенко Г.И., Грекова А.Е. Инновационная инфраструктура как драйвер развития региона // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2020. № 3. С. 101–112.

17. Овчинников В.Н. Системодополняющий эффект взаимодействия инновационного потенциала и институциональной среды региона // Экономика региона. 2016. № 2. С. 537–546.

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF THE URAL MACROREGION

O.V. Artemova, A.O. Uzhegov

Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Priority areas of economic development are related to innovation activities in the country and regions. The success and effectiveness of such activities is largely determined by the economic capabilities (potential) of the regions themselves, the quality of their institutional and infrastructural environment. At the same time, a synergistic effect can be achieved in the case of joint use of the innovative potential of not only individual regions, but also their association within macro-territories. In this regard, it is of interest to study the regions within the macroterritory. In the article, the criteria for such an association were: the proximity of geographical, territorial and climatic conditions of the regions. At the same time, heterogeneity and differences in their economic and innovative potential were stated. In this regard, the purpose of the study was determined: analysis and assessment of the innovative development of regions that are similar in their geographical and climatic conditions, which have significant territorial connectivity (presence of regional borders, transport connectivity, etc.). The study used the methods of content analysis of scientific sources on this issue, structural-functional, economic-statistical, dynamic analysis, etc. Positioning of the regions of the Ural macrozone was carried out, methods of visual interpretation of the research results were used. The innovative potential of the regions was assessed on the basis of integral indices. The results of the study can be used in the preparation of analytical materials for making managerial decisions at the regional level.

Keywords: innovative development, region, Ural macroregion, economic development of regions, assessment of innovative potential of regions.

УДК 519.862.6
DOI 10.52452/18115942_2023_1_21

ТЕСТИРОВАНИЕ СТАЦИОНАРНОСТИ ПАНЕЛЬНЫХ ДАННЫХ НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ИНФЛЯЦИИ В СТРАНАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА ЗАПАДНОАФРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ

© 2023 г.

Вику Коджови Нельсон Крепин

Вику Коджови Нельсон Крепин, аспирант
Санкт-Петербургского государственного экономического университета
vikounelson@mail.ru

Статья поступила в редакцию 08.09.2022
Статья принята к публикации 16.01.2023

Рассматриваются методы проверки наличия единичных корней для панельных данных и их применение к анализу инфляции в странах Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС). Показано, что существует два поколения тестов на стационарность, которые противоречат друг другу в отношении гипотезы зависимости между объектами панели, вследствие чего для выбора подходящих тестов предварительно необходимо произвести проверку, используя тест на перекрестную зависимость (Tests of cross-sectional dependence). Анализ применения тестов на зависимость и тестов обоих поколений проверки наличия единичных корней в панельных данных выполнен по данным об инфляции в странах ЭКОВАС. Проведенный анализ показал, что тест на зависимость Бреуша–Пагана и тест Песарана приводят к одному и тому же результату, индекс потребительских цен и уровень инфляции в странах ЭКОВАС зависят друг от друга, и что тесты первого поколения, такие как тест Левина–Лина–Чу и тест Има–Песарана–Шина, менее мощны по сравнению с тестами второго поколения, когда между объектами панели существует зависимость. Автором обобщены методы проверки на стационарность панельных данных.

Ключевые слова: стационарность, единичные корни, панель, тест на стационарность, тест на зависимость, инфляция, индекс потребительских цен, страны ЭКОВАС.

Введение

Изучение нестационарных временных рядов сегодня приобретает актуальность, особенно в макроэкономических вопросах. Критерии стационарности рядов являются центральными, поскольку они позволяют избежать ошибочных регрессий и дают оценку наиболее подходящего типа модели [1]. Если исследуемый ряд является результатом стационарного процесса, то сначала определяется лучшая модель среди стационарных процессов, а затем оцениваются ее параметры. С другой стороны, если ряд представляет нестационарный процесс, его сначала приводят к стационарному виду, то есть находят стационарное преобразование этого процесса.

Хотя анализ стационарности широко применяется в эконометрике временных рядов, анализ панельных данных на стационарность развивается совсем недавно, после пионерской работы Левина и Лин (*Levin* и *Lin*) в 1992 г. [2]. И с тех пор в научной литературе по панельным данным было представлено несколько тестов проверки единичного корня. Эти тесты помогают ответить и на некоторые вопросы экономического роста и конвергенции экономических агрегатов [3]. Их применение на панелях представляет собой инструмент повышения мощности тестов, которая обычно очень мала в случае применения к временным рядам. Первым вопросом для обсуждения при проверке панельных данных на стационарность является гипотеза однородности. Некоторые авторы, такие как Левин, Лин и Чу (*Levin, Lin* и *Chu*) (2002), предполагают авторегрессионную однородность корня, в то время как Им, Песаран и Шин (1997) в своих тестах на стационарность полагаются на предположение о неоднородности [4]. Помимо проблемы неоднородности, существует еще одна проблема, специфичная для панельных данных, которая стала центральной при тестировании на стационарность, – это рассмотрение возможных перекрестных зависимостей. Вопрос заключается в том, допускается ли наличие возможных корреляций между остатками различных объектов. В зависимости от ответа на этот вопрос второе поколение тестов, предполагающих зависимость, отличается от первого.

Основной целью статьи является анализ и представление краткого обзора методов проверки наличия единичного корня в панельных данных на примере исследования инфляции в странах ЭКОВАС.

Методы

Специальные тесты на стационарность и коинтеграцию для панелей временных данных оказываются более эффективными, чем их аналоги обычных временных рядов [5]. Использование панельных данных позволяет работать с меньшими выборками во временном измерении за счет увеличения объема доступных данных в индивидуальном измерении, что снижает вероятность возникновения структурных разрывов и решает проблему низкой мощности тестов. Как сказали *Baltagi and Kao* (2000), эконометрика нестационарных панельных данных направлена на объединение «лучшего из двух процессов: обработки нестационарных рядов с использованием методов временных рядов и увеличение числа данных, используя индивидуальную меру, и улучшая мощность статистических тестов» [6].

Первоначально тесты на стационарность панельных данных были основаны на предположении независимости субъектов. *Andrew Levin* и *Chien-Fu Lin* предложили первый тест единичного корня в панельных данных на основе простой модели автокорреляции первого порядка в виде:

$$Y_{(i,t)} = \rho_i Y_{(i,t-1)} + u_{(i,t)}, \text{ где } E\big(u_{(i,t)}\big) = 0;$$
$$E(u^2_{(i,t)}) = \sigma^2 < \infty \text{ и } E(u^4_{(i,t)}) < \infty.$$

Их подход напрямую вдохновлен подходом, использованным Дики–Фуллером в тестах стационарности временных рядов (1979) [7]

$$\big(Y_{(i,t)} - Y_{(i,t-1)}\big) = (\rho_i - 1)Y_{(i,t-1)}.$$

Предполагая, что $\emptyset_i = (\rho_i - 1)$, необходимо проверить следующие гипотезы:

$$\begin{cases} H_0: \emptyset_1 = \emptyset_2 = \cdots = \emptyset_N = 0 \\ H_1: \emptyset_1 = \emptyset_2 = \cdots = \emptyset_N = \emptyset < 0. \end{cases}$$

Andrew Levin и *Chien-Fu Lin* сформулировали нулевую гипотезу H_0 как наличие единичного корня временного ряда.

В 2002 году Левин, Лин и Чу углубили работу *Andrew Levin* и *Chien-Fu Lin* и предположили, что альтернативная гипотеза H_1 является не только гипотезой наличия стационарности, но и гипотезой однородности авторегрессионного корня. Другими словами, гипотеза теста Левина–Лина–Чу (*LLC*) основана на однородности вывода о наличии единичного корня в динамике переменной: либо отвергается гипотеза о стационарности для всех объектов, либо нет. *LLC*-статистика теста *LLC* аналогична статистике Дики–Фуллера, которая определяется следующей формулой [8]:

$$t_\emptyset = \frac{\widehat{\emptyset}}{\sigma(\widehat{\emptyset})}.$$

При T→∞, *N*→∞, (*T, N*) →∞ *LLC*-статистика имеет тенденцию к распределению по стандартному нормальному закону. Основным ограничением теста является тот факт, что он основан на предположении об однородности авторегрессионного корня, особенно в рамках макроэкономических панелей ($\emptyset_i = \emptyset_j = \emptyset, \forall\, i, j$).

Им, Песаран и Шин в 2003 г. ослабили гипотезу теста Левина–Лина–Чу (*Levin–Lin–Chu*) об однородности (2002), допустив изменение однородности от объекта к объекту в соответствии с альтернативной гипотезой, и, следовательно, учитывали неоднородность авторегрессионных коэффициентов между различными объектами, составляющими панель.

Гипотезы теста Има–Песарана–Шина (*IPS t*) таковы [9]:

$$\begin{cases} H_0: \emptyset_i = 0, \forall i \in N \\ H_1: \emptyset_i < 0\ \forall i \in [1, N_1] \text{и } \emptyset_i = 0, \forall i \in]N_1, N]. \end{cases}$$

Им, Песаран и Шин (2003) были первыми, кто разработал тест, подтверждающий альтернативную гипотезу не только в случае авторегрессионной корневой неоднородности ($\emptyset_i \neq \emptyset_j$, $\forall\, i, j \in N$), но и для неоднородности в отношении наличия единичного корня. Альтернативная гипотеза просто подразумевает, что некоторые или все отдельные ряды являются стационарными. При альтернативной гипотезе могут сосуществовать два типа индивидов: индивиды, указанные i = 1,..., N_1, для которых $Y_{(i,t)}$ стационарный, и индивиды, указанные i = N_1+ 1,..., N, для которых динамика переменной $Y_{(i,t)}$ имеет единичный корень.

Статистика *IPS* основана на среднем значении индивидуальной расширенной статистики Дики–Фуллера (*Augmented Dickey–Fuller – ADF*):

$$\bar{t} = \frac{1}{N}\sum_{i=1}^{N} t_{\emptyset i,}$$

где $t_{\emptyset i}$ – *t*-статистика *ADF*-теста, относящаяся к субъекту *i*. Тест *IPS* основан на статистике [10]:

$$\overline{Z} = \frac{\sqrt{N}(\bar{t} - E(\bar{t}))}{\sigma(\bar{t})},$$

где $E(\bar{t})$ и $\sigma(\bar{t})$ – соответственно среднее значение и дисперсия каждой статистики $t_{\emptyset i}$. Эта статистика сходится к нормальному асимптотическому распределению.

Первое преимущество подхода *IPS* перед *LLC* заключается в том, что он учитывает неоднородность авторегрессионного корня в альтернативе. Во-вторых, авторы предлагают очень простую тестовую статистику, основанную на среднем значении отдельных статистических данных Дики–Фуллера, что упрощает приближение к нормальному закону [11].

Основное ограничение этих двух тестов на стационарность, называемых тестом первого поколения, заключается в гипотезе независимости между объектами. Нарушение гипотезы независимости приводит к ошибке асимптотического закона этих статистических тестов. Гипотеза независимости позволяет очень просто установить статистические распределения и оценить, является ли оно нормальным асимптотическим или полуасимптотическим распределением.

Однако гипотезу независимости не следует упускать из виду при изучении стационарности панелей, особенно в макроэкономике.

Тест на перекрестную зависимость (*Tests of cross-sectional dependence)* позволяет проверить, существует ли корреляция между объектами панели. Рассматриваем стандартную модель данных панели в виде [12]:

$$Y_{(i,\,t)} = \alpha_i + \beta X_{(i,\,t)} + u_{(i,\,t)},$$

где $i = 1,\ldots, N$; $t = 1,\ldots, T$; $X_{(i,\,t)}$ – вектор объясняющих переменных; $Y_{(i,\,t)}$ – объясняющая переменная; β – коэффициенты; α – коэффициент индивидуальных эффектов; u – случайная ошибка.

Тест на перекрестную зависимость (*Tests of cross-sectional dependence*) предназначен для проверки корреляции между остатками, а гипотезы теста таковы [13]:

$$\begin{cases} H_0: \quad r_{ij} = r_{ji} = cor(u_{it}, u_{jt}) = 0; \quad i \neq j \\ H_1: \quad r_{ij} = r_{ji} = cor(u_{it}, u_{jt}) \neq 0; \quad i \neq j' \end{cases}$$

где r_{ij} – коэффициент, рассчитанный по формуле:

$$r_{ij} = r_{ji} = cor(u_{ij}, u_{ji}) = \frac{\sum_{t=1}^{T} u_{it} u_{jt}}{(\sum_{t=1}^{T} u_{it})^{1/2} (\sum_{t=1}^{T} u_{jt})^{1/2}}.$$

Параметрические тесты предполагают, что между объектами существует линейная зависимость, которую можно определить с помощью коэффициента линейной корреляции, такого как коэффициент Пирсона (*Pearson*). Среди параметрических тестов мы можем упомянуть: тест Бреуша – Пагана (*Breusch and Pagan*) и тест Песарана. К непараметрическим тестам относятся такие, как тест Фридмана на зависимость между объектами панели, они основаны на коэффициенте ранжирования Спирмена и предполагают, что взаимосвязь между субъектами является нелинейной. В этой статье мы ограничимся параметрическим тестированием.

Используя метод множителя Лагранжа (*Lagrange Multiplier*), Бреуш и Паган для проверки нулевой гипотезы отсутствия корреляции предлагают статистику CD_{LM}. Когда N и $T \to \infty$ [14]:

$$CD_{LM} = T \sum_{i=1}^{N-1} \sum_{j=i+1}^{N} \widehat{r_{ij}}$$

при нулевой гипотезе отсутствия зависимости CD_{LM}-статистика $\to \chi^2$ с $N(N-1)/2$ степенями свободы. Для тех ситуаций, когда $T < N$, статистика CD_{LM} смещена и теряет свои асимптотические статистические свойства. Впоследствии Песаран предложил альтернативный тест. Песаран предлагает определять *CD*-статистику следующим образом:

$$CD = \sqrt{\frac{2T}{N(N-1)}} \sum_{i=1}^{N-1} \sum_{j=i+1}^{N} \widehat{r_{ij}}$$

при нулевой гипотезе отсутствия зависимости *CD*-статистика $\to N(0, 1)$, когда $N \to \infty$ и $T \to \infty$. Когда вероятность *p*-значения меньше 5%, нулевая гипотеза отклоняется.

Идея о том, что следует учитывать зависимость между объектами панели, приводит ко второму поколению тестов стационарности панели. Тесты второго поколения полностью изменяют основы тестов первого поколения. Вместо того, чтобы рассматривать корреляции между объектами как параметры, не имеющие никакого эффекта (*nuisance parameter*), они предлагают использовать эти взаимосвязи для определения новой тестовой статистики. Тесты второго поколения не обязательно учитывают тот факт, что перекрестные корреляции переменной $Y_{(i,\,t)}$ обусловлены исключительно перекрёстной корреляцией остатков. Они рассматривают случай, когда корреляции являются результатом наличия одного или нескольких общих компонентов или факторов. Таким образом, речь идет о предложении теста, который позволил бы максимально широко учитывать все различные возможные формы зависимости между объектами. С этой точки зрения было разработано множество тестов например: тест *Bai and Ng* (2001, 2004), тест *Moon and Perron* (2004), тест *Choi* (2002) и тест Песарана (2003). В этой статье мы сконцентрируемся на тесте Песарана.

Песаран добавляет к исходной переменной $Y_{(i,\,t)}$ модель Дики–Фуллера (*Dickey Fuller*) или расширенного Дики–Фуллера (*Dickey Fuller Augmented*) (*ADF*) путем введения индивидуальных средних значений $Y_{(i,\,t-1)}$ и первых разностей $\Delta Y_{i,t-1}$. Как и в тесте *IPC*, модель имеет вид [15]:

$$Y_{(i,t)} = Y_{(i,t-1)} + u_{(i,t)}.$$

Песаран предполагает следующее:

$$\Delta Y_{(i,t)} = \alpha_i + \emptyset_i Y_{(i,t-1)} + u_{(i,t)},$$

где $\emptyset_i = \rho_i - 1$; $u_{(i,t)} = \gamma_i \theta_t + \varepsilon_{(i,t)}$, индивидуальный эффект $\alpha_i = -\gamma_i \theta_i$, $\gamma_i \in R$; θ_t – общий незаметный фактор χ^2 и $\varepsilon_{(i,t)}$–автокорреляция.

Таблица 1

Результаты теста Левина–Лина–Чу (*Levin–Lin–Chu test*)

Переменные	*P*-значение *None*	*P*-значение *Individual intercept*	*P*-значение *Individual intercept and trend*
Уровень инфляции (*INF*)	0.000	0.000	0.000
Индекс потребительских цен (*IPC*)	1.000	1.000	1.000

Источник: рассчитано автором.

Таблица 2

Результаты теста Има–Песарана–Шина (*Im–Pesaran–Shin test*)

Переменные	*p*-значение *Individual intercept*	*p*-значение *Individual intercept and trend*
Уровень инфляции (*INF*)	0.000	0.000
Индекс потребительских цен (*IPC*)	1.000	1.000

Источник: рассчитано автором.

Таблица 3

Результаты теста Песарана (*Pesaran CIPS Unit Root tests*)

Переменные	Уровень инфляции (*INF*)		Индекс потребительских цен (*IPC*)	
	T-stat (*CIPS*)	Критические значения (5%)	*T-stat* (*CIPS*)	Критические значения (5%)
None	–3.607	–1.650	–1.004	–1.650
Constant	–4.022	–2.260	–1.056	–2.250
Constant and trend	–3.910	–3.000	–1.376	–2.760

Источник: рассчитано автором.

Песаран показывает, что в отсутствие автокорреляции введения в модель среднего значения $\overline{Y_t} = \sum_{i=1}^{N} Y_{(i,t)}$ и его запаздывающего значения $\overline{Y_{t-1}}$ достаточно, чтобы асимптотически учесть эффект общего незаметного фактора θ_t, когда $N \to \infty$. В результате получается модель расширенного поперечного сечения Дики–Фуллера *CADF* (*Cross Sectional Augmented Dickey-Fuller*) в следующей форме [16]:

$$\Delta Y_{(i,t)} = \alpha_i + \emptyset_i Y_{(i,t-1)} + c_i \overline{Y_{t-1}} + d_i \Delta \overline{Y_t} + v_{(i,t)},$$

где $v_{(i,t)}$ – случайная ошибка, c_i и d_i – коэффициенты.

Песаран предложил среднюю статистику теста Има–Песарана–Шина (*IPS*), известную как *CIPS*, для расширенных *IPS* в поперечном сечении, которая имеет следующий вид:

$$CIPS(N,T) = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^{N} t_{\emptyset i}\,(N,T),$$

где $t_{\emptyset i}$ (*N, T*) – статистика Дики–Фуллера, расширенная в поперечном сечении (*cross-sectionally augmented Dickey–Fuller statistic*) для единицы поперечного сечения i (*cross-section*), заданной t коэффициентом $Y_{(i,t-1)}$ в модели *CADF*. При нулевой гипотезе, когда статистика *CIPS* меньше критического значения, гипотеза единичного корня отвергается.

Чтобы провести сравнительное исследование и оценить методологию исследования стационарности панелей, эти тесты были применены к индексу потребительских цен и уровню инфляции в странах ЭКОВАС с использованием программного обеспечения *Eviews*. Ежемесячные данные охватывают период с января 2019 г. по июль 2022 г. и получены из базы данных *The Gobal Economy*, доступной на сайте: https://www.theglobaleconomy.com.

Результаты и обсуждение

Результат теста *LLC* на стационарность представлен в таблице 1.

Вероятности единичного корневого теста *LLC* по уровню инфляции, независимо от спецификации модели, составляют менее 5%. Нулевая гипотеза единичного корня отвергается. Что касается индекса потребительских цен, согласно тесту коэффициент доверительной вероятности равен единице, что превышает 5% для всех спецификаций. Мы не можем отвергнуть нулевую гипотезу, что *IPC* содержит единичные корни с однородностью авторегрессионного корня.

Анализ таблицы 2 показывает, что *p*-значение теста *IPS*, связанного с инфляцией, составляет менее 5%, тогда как вероятность, связанная с *IPC*, превышает 5%. Таким образом, уровень инфляции является стационарным процессом, в то время как индекс потребительских цен содержит единичные корни с неоднородностью авторегрессионного корня.

Таблица 4

Результаты теста на зависимость между объектами панели

Переменные	*p*-значение теста Бреуша–Пагана	*p*-значение теста Песарана	Зависимость/ независимость
Уровень инфляции (*INF*)	0.000	0.001	зависимость
Индекс потребительских цен (*IPC*)	0.000	0.000	зависимость

Источник: рассчитано автором.

Таблица 5

Тесты на стационарность панельных данных

Зависимость/ независимость	Поколение тестов	Тест	
Независимость между объектами	Первое	Однородная спецификация авторегрессионного корня под H1	— Тест Левина–Лина (1992) — Тест Левина–Лина–Чу (2002) — Тест *Harris and Tzavalis* (1999)
		Спецификация авторегрессионной корневой неоднородности	— Тест Има–Песарана – Шина (1997, 2002 и 2003) — Тест *Maddala and Wu* (1999) — Тест *Hadri* (2000)
Зависимость между объектами	Второе	— Тест *Bai and Ng* (2001) — Тест Песарана (2003) — Тест *Moon and Perron* (2004)	

Источник: рассчитано автором.

В таблице 3 представлены результаты панельного теста Песарана на стационарность.

Независимо от спецификации модели *(None, Constant, Constant and trend)* мы отвергаем нулевую гипотезу для уровня инфляции, поскольку статистики *T-stat* (*CIPS*) меньше критических значений при 5% уровне значимости. Таким образом, согласно тесту, уровень инфляции является стационарным процессом. С другой стороны, статистики *T-stat* (*CIPS*) индекса потребительских цен превышают критические значения. Мы не можем отвергнуть гипотезу единичного корня.

Вероятности обоих тестов для исследуемых переменных составляют менее 5%, что показано в таблице 4. В обоих случаях мы отвергаем нулевую гипотезу. Существует зависимость между индексами потребительских цен стран ЭКОВАС. Следует отметить, что оба теста приводят почти к одному и тому же результату: отклонение нулевой гипотезы.

Применение различных тестов к индексу потребительских цен ЭКОВАС и его изменения дает одинаковые результаты в отношении стационарности. Прикладные тесты обладают сильной способностью определять, существует ли единичный корень во временных рядах. Разница между тестами заключается в характере исследуемой переменной. Тесты первого поколения отвергают альтернативную гипотезу о стационарности, когда исследуемая переменная нестационарна и представляет зависимость. Отклонение от альтернативной гипотезы может быть объяснено невозможностью точного определения истинной вероятности, поскольку их асимптотические характеристики искажены из-за нарушения гипотезы независимости между объектами. Этот результат согласуется с выводом *Christophe Hurlin and Valerie Mignon*, что тесты первого поколения теряют свою асимптотическую силу, когда существует зависимость остатков объектов [17]. Поэтому изучение стационарности панелей надо начинать с теста на зависимость. Для наших данных тесты на зависимость, примененные в этом исследовании, дали те же результаты. *R. De Hoyos* и *V. Sarafidis* в своей статье представили различные тесты зависимостей для панели и пришли к выводу, что они дают один и тот же результат [18]. В таблице 5 приведено обобщение имеющихся тестов, которые можно использовать для проверки наличия единичного корня в панельных данных.

Индексы потребительских цен в странах ЭКОВАС содержат общий фактор или компонент в период исследования. Этот общий фактор может быть объяснен шоком, влияющим на экономику сообщества в целом, или последствиями межстрановой торговли ЭКОВАС. Среди шоков можно упомянуть: кризис в области здравоохранения, связанный с распространением вируса Эбола в Западной Африке, засуху в результате изменения климата, кризис в области здравоохранения из-за распространения вируса COVID по всему миру и в Западной Африке, политические кризисы, характеризующиеся государственными переворотами в некоторых странах ЭКОВАС. Помимо потрясений, международная торговля и внутренняя торговля в странах ЭКОВАС могут быть фактором, определяющим зависимость индекса потреби-

тельских цен. Соглашения о таможне и свободном перемещении товаров и услуг в страны ЭКОВАС способствуют развитию торговли между странами. Таким образом, кризисы, влияющие на экономику и цены одной страны, могут передаваться другим странам сообщества, что может привести к зависимости индекса потребительских цен между странами ЭКОВАС.

Заключение

Преимущество анализа панельных данных заключается не только в том, что они позволяют изучать динамику переменной во времени и между несколькими объектами, но также позволяют увеличивать количество наблюдений без увеличения количества лет в базе данных. Из-за этого панельные тесты более эффективны, чем тесты по временным рядам. Большая разница между двумя поколениями тестов заключается в том, что некоторые из них основаны на гипотезе зависимости между объектами, а другие – на гипотезе независимости. Чтобы выбрать подходящий тест, необходимо применить тест на зависимость, известный как *Tests of cross-sectional dependence*.

Применение этих тестов к данным об инфляции в ЭКОВАС показывает, что существует зависимость между индексом потребительских цен и его изменениями в разных странах сообщества. Эти зависимости могут быть объяснены общими факторами, такими как COVID, политический кризис, которые в целом влияют на экономику всех стран. Аналогичным образом, ценовые зависимости также могут быть объяснены последствиями межстрановой торговли в сообществе. Адаптированный тест на стационарность для индекса цен и инфляции в ЭКОВАС является тестом второго поколения, в результате которого выявлена стационарность для уровней инфляции и нестационарность для уровней индекса потребительских цен. Однако тесты первого поколения также приводят к тому же результату, но с меньшей мощностью. Результаты этой работы могут быть очень полезны в будущем как в исследованиях динамики индекса потребительских цен в странах ЭКОВАС, так и во всех исследованиях инфляционных процессов на основе панельных данных.

Список литературы

1. Kwiatkowski D., Phillips P.C.B., Schmidt P., Shin Y. Testing the null hypothesis of stationarity against the alternative of a unit root // Journal of Econometrics. 1992. № 54. P. 91–115.

2. Levin A., Lin C.F. Unit root test in panel data: Asymptotic and finite sample properties // University of California at San Diego. 1992. Discussion. P. 92–93.

3. Choi I. Unit root tests for panel data // Journal of International Money and Finance. 2001. № 20. P. 249–272.

4. Скроботов А.А. Тестирование единичных корней в панельных данных против неоднородной альтернативы с приложением к региональным индексам потребительских цен РФ: Национальная экономика // Российское предпринимательство. Январь 2017. Т. 18. № 2.

5. Ратникова Т.А. Анализ панельных данных и данных о длительности состояний: Учебное пособие. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики (ГУ ВШЭ), 2014. 298 с.

6. Baltagi B.H., Kao C. Nonstationary panels, cointegration in panels and dynamic panels: A survey // Advances in econometrics. Vol. 15. Elsevier Science, 2000. P. 7–51.

7. Stock J.H., Watson M.W. Unit root tests for panel data // Testing for Common Trends. 1988. № 83. P. 1097–1107.

8. Levin A., Lin C.F. et Chu C.S.J. Unit root test in panel data: Asymptotic and finite sample properties // Journal of Econometrics. 2002. № 108. P. 1–24.

9. Im K.S., Pesaran M.H., Shin Y. Testing for unit roots in heterogeneous panels // Journal of Econometrics. 2003. № 115. P. 53–74.

10. Im K.S., Pesaran M.H., Shin Y. Testing for unit roots in heterogenous panels: Econometrica / University of Cambridge. Working Paper 9526. 2002.

11. Westerlund J., Blomquist J. A modified LLC panel unit root test of the PPP hypothesis // Empirical economics. 2013. № 44. P. 833–860.

12. Phillips P., Sul D. Dynamic panel estimation and homogeneity testing under cross section dependence // Econometrics Journal. 2003. № 6. P. 217–259.

13. Pesaran M.H. General diagnostic tests for cross section dependence in panels / University of Cambridge. Faculty of Economics, Cambridge. Working Papers in Economics. 2004. № 0435.

14. Breusch T., Pagan A. The Lagrange multiplier test and its application to model specification in econometrics // Review of Economic Studies. 1980. № 47. P. 239–253.

15. Pesaran H.M., Smith R. Estimating long-run relationships from dynamic heterogenous panels // Journal of Econometrics. 1995. № 68. P. 79–113.

16. Pesaran M.H. A simple panel unit root test in the presence of cross section dependence / University of Cambridge. Faculty of Economics. Cambridge Working Papers in Economics № 0346. 2003.

17. Hurlin C., Mignon V. Une synthèse des tests de racine unitaire sur données de panel // Economie & Prevision. Paris, 2005. № 169-170-171. P. 253–294.

18. De Hoyos R., Sarafidis V. Testing for cross-sectional dependence in panel-data models // The Stata Journal. 2006. № 4. P. 482–496.

TESTING THE STATIONARITY OF PANEL DATA ON THE EXAMPLE OF INFLATION ANALYSIS IN THE COUNTRIES OF THE ECONOMIC COMMUNITY OF WEST AFRICAN STATES (ECOWAS)

C.N.C. Vikou

Saint Petersburg State University of Economics

The article discusses methods for checking the presence of single roots in panels and the application of these methods to inflation data in the countries of the economic Community of West African States. The importance of checking the stationarity on the panels is determined. A brief overview of methods for checking the presence of a single root in panel data was presented. It is established that there are two generations of stationarity tests that contradict each other with respect to the hypothesis of dependence between the subjects of the panel, and that dependence tests, such as cross-sectional dependence tests, are used to select suitable tests. The application of dependency tests and tests to verify the presence of single roots in panels of both generations was carried out on the basis of ECOWAS data on inflation. The analysis showed that the Breusch and Pagan dependency test and the Pesaran test lead to the same result, the consumer price index and the inflation rate in the ECOWAS countries depend on each other, and that the first-generation tests, such as the Levin, Lin, and Chu test and Im, Pesaran, Shin test, are less they are powerful compared to second-generation tests, such as Pesaran CIPS Unit Root tests, when there is a dependency between subjects.

Keywords: stationarity, unit roots, panel, stationarity test, dependency test, inflation, Consumer Price Index, ECOWAS.

УДК 657
DOI 10.52452/18115942_2023_1_28

ФОРМАЛИЗАЦИЯ СВЯЗИ ЗАТРАТ НА ОБНОВЛЕНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ И ПОЛУЧАЕМЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫГОД

© 2023 г.

И.Е. Мизиковский

Мизиковский Игорь Ефимович, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой бухгалтерского учета
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
core090913@gmail.com

Статья поступила в редакцию 08.11.2022
Статья принята к публикации 24.01.2023

Устойчивое развитие хозяйствующего субъекта требует перманентного наращивания компетенций его сотрудников. Системное проведение мероприятий, способствующих реализации данной стратегии, нередко становится серьезной нагрузкой на бюджет организации. Данный факт мотивирует необходимость усиления контроля расходования соответствующих ресурсов лицами, принимающими управленческие решения. Инструментом решения данной задачи является выстраивание количественно измеримых экономических связей между производимыми расходами и получаемыми результатами в виде запланированных экономических выгод. Цель представленного автором исследования мотивирована запросом корпоративного менеджмента на сведения, отражающие формализацию соответствия затрат на повышение компетенций персонала промышленного предприятия в сфере управления обычными видами деятельности и получаемых в результате них экономических выгод. Доказано, что реализация данной цели связана с совершенствованием информационно-инструментального пространства учета затрат и калькулирования себестоимости продукции (работ, услуг), результаты которого ориентированы на повышение качества осведомленности лиц, принимающих финансово-хозяйственные решения. В ходе исследования применялись логико-философский, структурно-функциональный и системный подходы, методы декомпозиции, синтеза, графоаналитической интерпретации и комплексного экономического анализа. Предложенная автором методика, предполагающая структурирование транспарентного информационно-инструментального пространства затрат на повышение компетентности путем создания и ведения предметно адаптированных аналитических регистров учета, позволяет эффективно использовать метод распределения затрат по видам деятельности и линейный способ погашения расходов. Результат применения данной методики, в свою очередь, предполагает формализацию связи исследуемых затрат и получаемых экономических выгод, являющейся ценным ресурсом повышения профессиональной осведомленности лиц, принимающих управленческие решения.

Ключевые слова: затраты, экономические выгоды, учет, калькулирование, информационно-инструментальное пространство, корпоративное управление, промышленное предприятие.

Введение

Макроэкономические изменения последнего времени катализировали создание новой модели хозяйствования, в приоритеты которой входит в том числе существенное повышение качества корпоративного управления предприятиями обрабатывающих отраслей. Решающим фактором успеха реализации данной цели является планомерное обновление компетенций персонала (рис.1), последовательная интеграция результатов данного процесса в интеллектуальный капитал организации [1]. Основным инструментарием обеспечения должного уровня компетентности является проведение консультаций, семинаров, бизнес-тренингов и иных краткосрочных мероприятий консалтинговыми, аудиторскими, юридическими организациями. Как правило, получение информационно-консультационных услуг нацелено на повышение рентабельности производственно-хозяйственной деятельности, даже если тематика занятий напрямую не затрагивает эти вопросы.

Затраты, связанные с повышением компетентности, по мнению автора, имеют интегрированный характер и включают в себя соответствующие сегменты информационных и консультационных услуг (рис. 2).

Вполне очевидно, перманентное и качественное улучшение компетентности персонала требует существенных средств, что, по определению, предполагает адекватный уровень контроля их эффективности. Известно, что имманентными свойствами производимых предприятием затрат должны являться целесообразность, рациональность и результативность [2], соответствие которым позволяет идентифицировать их в качестве обоснованных расходов [3]. Исходя из данного постулата, необходимо отметить, что рассматриваемые затраты должны

Рис. 1. Контекстная диаграмма процесса актуализации компетенций персоналом промышленного предприятия

Рис. 2. Структурирование затрат на обновление компетенций персонала промышленного предприятия

иметь «видимую», транспарентную связь с получаемыми в результате них экономическими выгодами. Проведенные автором исследования на ряде промышленных предприятий г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области, к сожалению, показали, что подобная связь зачастую не формализуется; количественное измерение эффективности расходов произвести невозможно. Такая «зашумленность» информационного пространства негативно влияет на качество управленческих решений, например, связанных с предупреждением возникновения дисбаланса экономического соотношения расходов и доходов.

Учетные модели, принятые на исследуемых предприятиях, предполагают учет затрат на повышение компетенций в составе прочих затрат на производство и (или) реализацию, что полностью соответствует [4]. Вместе с тем данный подход к структуризации информационного пространства рассматриваемых расходов не позволяет объективировать их в калькуляционной системе таким образом, чтобы имелась возможность формализации связи последних с получаемыми результатами в виде экономических выгод. Существенным недостатком рассматриваемых моделей является отсутствие возможности выполнения продуктивных процедур верификации изучаемых затрат, что, безусловно, негативно влияет на качество генерируемых результатов. Так, по существу, не проводятся проверки по критериям соответствия затрат требованиям, связанным с тем, что процесс обновления компетенций может быть направлен исключительно на повышение качества менеджмента обычных видов деятельности [2]; реализующие его организации не должны иметь права осуществления образовательной и (или) аудиторской деятельности [2, 5–9]. Вместе с тем, по мнению автора, учет затрат на обновление компетенций, осуществляемый исключительно на основании услуг сторонних организаций, приводит к возникновению «выпадающих» затрат, возникающих в ходе обмена опытом и знаниями между сотрудниками внутри коллектива, например, при переходе специалиста на другую должность, при выходе на пенсию или уходе в отпуск, при поступлении на работу, в ходе текущей работы и т.п.

Применяемая методология в учетных практиках исследуемых предприятий предусматривает распределение затрат на обновление компетенций на себестоимость продукции (работ, услуг) в составе косвенных издержек, поскольку прочие затраты являются их калькуляционной статьей. Распределение производится пропорционально фактическому значению показателя основной заработной платы основных производственных рабочих в том календарном периоде, в котором они произведены. Необходимо отметить, что выполнение данного процесса осуществляется согласно стандартам [10, 11], при этом выбор показателя в качестве базы распределения остается за предприятием. Пробле-

ма состоит в том, что в условиях принятого ведения учетных регистров косвенных расходов, имеющих разнородную структуру, отнесение на себестоимость продукции (работ, услуг) пропорционально общей базе по определению не может обеспечить формализацию связи исследуемых затрат и экономических выгод, что, безусловно, снижает качество информационного пространства корпоративного управления.

Объективная необходимость формализации и измерения соответствия затрат, производимых для повышения компетенций персонала промышленного предприятия в сфере управления обычными видами деятельности, и получаемых в результате них экономических выгод определила цель исследования. В задачи исследования вошли выбор модели учета рассматриваемых затрат и методика их распределения, позиционируемые в данном контексте в качестве интегрированного инструмента формализации их связи с получаемыми результатами.

Теоретико-методологические подходы

Информационную базу методологии исследования, представленного в статье, составляют концепции, представленные в монографиях, научных статьях, нормативно-правовых актах различных уровней по экономике и управленческому учету. В ходе исследования применялись логико-философский, структурно-функциональный и системный подходы; методы формализации систем с иерархической структурой, абстрагирования, декомпозиции, синтеза, графоаналитической интерпретации и комплексного экономического анализа.

По мнению автора, в основе теоретико-методологической базы решения поставленной задачи должен лежать метод распределения затрат по видам деятельности [12–19] в сочетании с линейным способом погашения их стоимости. Эффективные практики и научные исследования позволяют прийти к выводу, что данный инструментарий обеспечивает для определенного пула затрат использование максимально релевантного показателя в качестве базы распределения, что позволяет в том числе адекватно формализовать связь распределяемых затрат и их результатов. По мнению автора, затраты, рассматриваемые в контексте исследования, должны быть дифференцированы по критерию существенности, поскольку «точечному» распределению должны подлежать только те расходы, которые оказались значимыми для бюджета организации. Необходимо отметить, что в случае, когда последние не имплицировали поступление выгод, должно осуществиться списание их стоимости на убытки, о чем следует оперативно информировать руководство предприятия. Затраты, уровень которых ниже порога существенности, целесообразно распределять в составе совокупных косвенных издержек пропорционально общей для них базе.

Результаты

Предлагаемая автором модель учета затрат на обновление освоенных компетенций, как уже отмечалось, структурно интегрирующих релевантные сегменты консультационных и информационных расходов, предполагает создание и ведение обособленного аналитического регистра, где рассматриваемые издержки систематизируются в разрезах оказанных сторонними организациями информационных и консультационных услуг. Необходимо отметить, что отражение затрат в указанном выше регистре осуществляется только на основании результатов комплексной верификации, в том числе с помощью визуальной логической проверки исходных данных. Экстрагирование затрат из рассматриваемого массива в целях их распределения ведется на основании соответствия утвержденному уровню существенности и в разрезе конкретного процесса (услуги) повышения компетентности персонала. Как подчеркивалось выше, получение информационно-консультационных услуг нацелено на повышение рентабельности производственно-хозяйственной деятельности, что делает вполне обоснованным выбор в качестве базы распределения показателя, характеризующего интервальное приращение прибыли.

Так, для предприятия ООО «XXXX» в качестве значения уровня существенности установлен порог в 10000 руб. Формализация связи затрат на обновление компетенций С, произведенных на оплату услуги *i*, и получаемых выгод в виде прибыли от продаж Р продукта *j* осуществляется в процессе погашения (распределения) первых в заданные интервалы *t* в течение установленного срока *T*. Коэффициент погашения К рассматриваемых затрат в интервале *t* рассчитывается следующим образом:

$$К = Ci : Pj_T. \quad (1)$$

Сумма поинтервального погашения С*it* рассчитывается по формуле:

$$Cit = К \times Pjt \quad (2),$$

где Р*jt* – сумма поступления экономических выгод от продажи продукта *j* в интервал *t*.

Необходимо отметить, что распределение может производиться пропорционально показателю, характеризующему поступление выгод, безотносительно конкретного наименования

Таблица

№ п/п	Месяц	Увеличение прибыли от продаж, руб.	Сумма погашения, руб.
1	2	3	4
1	март	10000	2500
2	апрель	30000	7500
3	май	30000	7500
4	июнь	40000	10000
5	июль	90000	22500
Итого		200000	50000

Главный бухгалтер Т.Л. Ананикян

(разработка автора)

продукции, например, приросту прибыли от продаж продукции предприятия в установленный период.

В качестве документа – носителя расчетов, характеризующих рассматриваемый процесс, целесообразно использовать бухгалтерскую справку (табл. 1).

Предприятие: ООО «XXXX»
Период: март – июль 2022 г.
Дата: 25.02.2022
Единица измерения: руб.

Бухгалтерская справка № 16

Затраты на проведение фирмой «КФ Интеллект» бизнес-тренинга (договор № 11 от 12.12.2021) персонала отдела продаж в феврале 2022 года составили 50000 руб.; предполагаемый экономический эффект в виде роста прибыли от продаж продукции предприятия на 200000 руб. в течение пяти месяцев с марта по июль включительно. В соответствии с учетной политикой, Положением об учете затрат, калькулировании и бюджетировании себестоимости продукции (работ, услуг), принятым приказом по предприятию №16 от 11.06.2020, погашение затрат на обновление компетенций персонала производится помесячно пропорционально приросту прибыли от продаж продукции предприятия в установленный период, имеющему место в результате получения услуги по договору № 11 от 12.12.2021 г. Коэффициент погашения равен 0.25 (50000.00 руб.: 200000.00 руб.). Расчет представлен в таблице.

Следует подчеркнуть обязательность институционализации предложенной автором методики в пространство нормативно-правового обеспечения хозяйственной деятельности организации, в том числе «закрепления» в учетной политике, в положениях об учете затрат и калькулировании себестоимости, инструкциях и других разъясняющих методических документах.

Заключение

Изменения макроэкономической среды обусловили необходимость существенного повышения эффективности корпоративного управления промышленными предприятиями в целях адаптации к условиям новой реальности. Перманентное и качественное повышение компетентности персонала хозяйствующих субъектов является одним из ключевых инструментов решения данной задачи. Вполне очевидно, что систематическое проведение консультаций, обмена опытом, бизнес-тренингов и других мероприятий, направленных на обновление компетенций, нередко предполагает «чувствительную» нагрузку на бюджет организации. Этим обоснован запрос менеджмента на формализацию связи производимых затрат и получаемых в результате них экономических выгод.

Структурирование транспарентного информационного пространства на основе ведения аналитических регистров учета, обеспечивающих возможность интегрированного применения метода распределения затрат по видам деятельности и линейного способа погашения расходов, позволяет формализовать связь исследуемых затрат и получаемых экономических выгод, тем самым существенно повысить уровень осведомленности лиц, принимающих управленческие решения. Важным направлением дальнейшего исследования является разработка информационно-инструментального пространства затрат, связанных с процессами обмена знаниями и навыками между работниками организации.

Список литературы

1. Руус Й., Пайк С., Фернстрем Л. Интеллектуальный капитал. Практика управления. СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. 436 с.

2. Касьянова Г.Ю. Себестоимость продукции, работ, услуг: бухгалтерская и налоговая. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АБАК, 2017. 424 с.

3. НК РФ. П. 1 ст. 252. URL: http://www.consultant.ru/document/consdocLAW28165/ef9b3e2f8e3046127b2ef57fccf5141b694e2138/ (дата обращения: 26.11.2022).

4. НК РФ. П. 16 ст. 264. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/3fdee9a04c76f1af1e084502759523cd77da7d16/ (дата обращения: 20.11.2022).

5. Исправников С.А. НИОКР: правовое регулирование, бухгалтерский и налоговый учет: требования законодательства, формирование себестоимости, налоговые льготы: арбитражная практика, оформление документов / Под общ. ред. Г.Ю. Касьяновой. М.: Аргумент, 2008. 195 с.

6. Юридические, информационные, консультационные и другие услуги. URL: https://www.delta-i.ru/print/articles/rukovoditelyu/yuridicheskie-informatsionnye-konsultatsionnye-i-drugie-uslugi/ (дата обращения: 27.11.2022).

7. Расходы на информационно-консультационные услуги. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/rashody_na_informacionno-nsultacionnye_uslugi (дата обращения: 26.11.2022).

8. Расходы на консультации, услуги юристов и проведение маркетинговых исследований. URL: https://www.glavbukh.ru/art/49198-rashody-na-konsultatsii-uslugi-yuristov-i-provedenie-marketingovyh-issledovaniy-priznayut-ili-isklyu (дата обращения: 26.11.2022).

9. Королев Ю.Ю., Мышковец Ю.А Особенности и преимущества использования метода Activity based costing (ABC) // Вестник ВГАВТ. 2018. Вып. 55. С. 93–99.

10. Положение по бухгалтерскому учету «Расходы организации» (ПБУ 10/99). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12508/0463b359311dddb34a4b799a3a5c57ed0e8098ec/ (дата обращения: 30.11.2022).

11. Федеральный стандарт бухгалтерского учета ФСБУ 5/2019 «Запасы». URL: https://docs.cntd.ru/document/563895831 (дата обращения: 30.11.2022).

12. Юрова Д.А. Activity Based Costing (ABC) как инструмент учета затрат в финансовом контроллинге // Интеграция наук. 2016. № 4 (4). С. 75–76.

13. Маслова И.А., Прозорова С.С. Управленческий учет накладных расходов: возможности применения метода JIT (Just In Time) и метода ABC // Управленческий учет. 2006. № 4. С. 15–26.

14. Кротова А.Б. Этапы построения ABC-системы управленческого учета затрат в строительной организации // Экономические и гуманитарные науки. 2012. № 8 (247). С. 17–26.

15. Anderson S.W., Young S.M. The Impact of Contextual and Process Factors on the Evaluation of Activity-Based Costing Systems // Accounting, Organizations and Society. 1999. Vol. 24. Iss. 7. P. 525–559. URL: https://doi.org/10.1016/S0361-3682(99)00018-5

16. Езерская Т.А., Матвейчик С.Н. Учет затрат в организациях производственной сферы: современное состояние, пути совершенствования // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология, экономические науки, юридические науки. 2015. № 3. С. 54–62.

17. Мизиковский И.Е. Инновационная модель распределения косвенных затрат промышленного предприятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 2. Часть 1. С. 39–45.

18. Ахметзянов А.А., Соколов А.Ю. Развитие адаптивного процессно-ориентированного бюджетирования на основе принципов TD-ABC и TD-ABB в системе стратегического управленческого учета // Международный бухгалтерский учет. 2020. № 10. С. 1182–1194.

19. Лаврентьев Р.В. Применение методики Activity based costing для определения себестоимости продукции на предприятиях с высоким уровнем косвенных затрат // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2008. № 12. С. 128–135.

FORMALIZATION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE COSTS OF UPDATING THE COMPETENCIES OF THE MANAGEMENT PERSONNEL OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE AND THE ECONOMIC BENEFITS RECEIVED

I. E. Mizikovsky

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The sustainable development of an economic entity requires a permanent increase in the competencies of its employees. Permanent implementation of various activities that contribute to the implementation of this strategy often becomes a serious burden on the budget of the organization. This fact motivates the need to strengthen control over the expenditure of appropriate resources to those making managerial decisions. The tool for solving this problem is to build quantifiable, economic links between the expenses incurred and the results obtained in the form of planned economic benefits. The purpose of the research presented by the author is motivated by the request of corporate management for information reflecting the formalization of the compliance of the costs of improving the competencies of the personnel of an industrial enterprise in the field of management of ordinary activities and the resulting economic benefits. It is proved that the realization of this goal is associated with the improvement of the information and instrumental space for cost accounting and calculating the cost of products (works, services; improving the quality of awareness of persons making financial and economic decisions. In the course of the research, logical-philosophical, structural-functional and system approaches, methods of decomposition, synthesis, graphoanalytic interpretation and complex economic analysis were used. The methodology proposed by the author, which involves structuring a transparent information and instrumental space of costs for improving competence by creating and maintaining subject-adapted analytical accounting registers, allows for effective use of the method of cost allocation by type of activity and a linear method of repayment of expenses. The result of the application of this methodology, in turn, assumes the formalization of the relationship between the studied costs and the economic benefits received, and in the absence of the latter, timely inform the relevant management decision makers about the current situation.

Keywords: costs, economic benefits, accounting, calculation, information and tool space, corporate governance, industrial enterprise.

УДК 332
DOI 10.52452/18115942_2023_1_33

ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

© 2023 г.

М.С. Оборин

Оборин Матвей Сергеевич, д.э.н.; профессор кафедры экономического анализа и статистики Пермского института (филиала) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории Пермского государственного национального исследовательского университета; профессор кафедры менеджмента Пермского государственного аграрно-технологического университета им. ак. Д.Н. Прянишникова
recreachin@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 05.12.2022
Статья принята к публикации 20.01.2023

Актуальность темы обусловлена тем, что цифровая среда и применяемые инструменты актуализируют положительный опыт применения ресурсного подхода к управлению кадровым потенциалом субъектов бизнеса. В статье исследуется проблема управления человеческими ресурсами в условиях адаптации цифровых решений к функциональным обязанностям и повышению производительности сотрудников. Современные ситуационные условия оказывают значительное влияние на кадровую политику и стратегию субъектов экономической деятельности. Положительным результатом является оптимизация бизнес-процессов и производственного цикла, однако возникают и значительные риски, обусловленные необходимостью организационно-административных и технологических изменений. В связи с этим существенно возрастает значение научных подходов и методов развития трудовых ресурсов, которые соответствуют потребностям бизнеса и рынка труда. *Цель статьи*: анализ проблемы управления человеческими ресурсами в условиях использования цифровых технологий, раскрытие сущности, роли и ограничений, возникающих в процессе цифровой трансформации. *Методы*: системно-структурный подход, комплексный подход; моделирование социально-экономических процессов. *Задачи исследования*: 1) представить направления влияния процесса внедрения цифровых технологий на систему управления кадровым потенциалом; 2) обозначить проблему эффективности кадрового развития в условиях цифровой среды; 3) рассмотреть основные цифровые инструменты, используемые для реализации кадровых стратегий; 4) разработать классификации функциональных областей стратегического управления кадрами и ключевых навыков специалистов, востребованных в цифровой экономике. *Результаты*: приведен литературный обзор отечественных и зарубежных авторов относительно концепции управления кадровым потенциалом; исследованы особенности и направления развития кадрового потенциала с учетом требований цифровой среды и необходимости адаптации цифровых решений к различным областям профессиональной практики.

Ключевые слова: человеческий капитал, кадровый потенциал, управление человеческими ресурсами, цифровизация, цифровые технологии в управлении персоналом, электронные системы в управлении.

Введение

На сегодняшний день процесс цифровизации развивается активными темпами через внедрение цифровых технологий в разные сферы жизнедеятельности, повышение их качественных характеристик. В современных экономических реалиях процесс цифровизации стремительно проникает как в жизнедеятельность отдельной личности, так и в бизнес-среду, ее отдельные функциональные направления. К таким сферам деятельности также относится система управления человеческими процессами и ее отдельные элементы:

– система планирования ресурсов предприятия – программное обеспечение, через которое протекает процесс управления финансами и другими элементами компании;

– система управления отношениями с клиентами – цифровой ресурс, предназначенный для выстраивания связей с потенциальными потребителями;

– система управления бизнес-процессами, класс IT-систем – автоматизированное управление бизнес-процессами;

– кадровая система – прикладное программное обеспечение для автоматизации управления персоналом.

В научной литературе существует несколько точек зрения на проблему оптимизации и трансформации кадрового потенциала бизнеса в условиях цифровизации:

– оценка изменений и тенденций, связанных с трансформацией организационных подходов и концепций к управлению человеческими ресурсами [1];

– исследование требований к цифровым навыкам и компетенциям сотрудников компаний, обусловленных применением цифровых решений и подходов в различных функциональных областях деятельности [2];

– построение цифровой организационной среды взаимодействия персонала компаний и выполнения сотрудниками своих обязанностей [3];

– проблемы и риски, связанные с занятостью и изменениями на рынках труда [4].

Цифровые трансформации, по мнению Ю.М. Акаткина, связаны с процессом внедрения цифровых технологий в сферу управления кадровым потенциалом, как комплекс методов и инструментов, ориентированных на его сопровождение на основе определенных цифровых решений [5].

По мнению В.М. Голянич и Е.И. Кудрявцевой, процесс внедрения цифровых технологий в сферу управлении человеческими ресурсами направлен на создание благоприятных цифровых условий для персонала с целью сокращения временных ресурсов и увеличения стимула для получения максимального эффекта [6].

Реализация цифровых решений в системе управления кадровым потенциалом открывает для сотрудников компании возможности сохранности временных ресурсов, а также оптимальные условия для достижения эффективных результатов деятельности при наименьших затратах трудового потенциала. К примеру, сотрудник компании при создании личного кабинета в электронном формате может оформить служебную поездку для выполнения деловых задач или спланировать отпускные дни через готовый шаблон, где он может получить всю необходимую информацию [7].

Также благодаря прогрессивным цифровым технологиям каждый сотрудник может получить дополнительное профессиональное образование, повысить уровень своей квалификации или приобрести новые навыки через удаленный формат обучения, находясь при этом в любой удобной ему локации. Документ, подтверждающий завершение образовательного процесса, будет представлять действующий электронный сертификат [8].

При процессе поиска необходимых трудовых человеческих ресурсов, обладающих необходимыми компетенциями, через использование цифровых решений сохраняются финансовые и материальные ресурсы компании.

Е.А. Лясковская и В.В. Козлов в своем исследовании рассматривают проблему соответствия человеческих ресурсов цифровым компетенциям и подбора необходимого количества кадрового потенциала [9]. Ученые для решения этой проблемы предлагают внедрить в систему управления конкурентоспособностью персонала методы искусственного интеллекта, реализацию цифровых технологий в функции системы управления человеческими ресурсами по выполнению основных этапов развития кадрового потенциала в компании.

Л.Л. Надреева полагает, что цифровизация сферы управления кадровым потенциалом значительно трансформирует практическую деятельность отечественных менеджеров по подбору и обучению персонала, что доказывает значимость конкретизации направлений, связанных с внедрением цифровых технологий, как для управляющего звена, так и для сотрудников компании [10].

По мнению Е.Г. Грудистовой, помимо знаний, умений и навыков, полученных в учебных заведениях, индивидуальных психологических характеристик, коммуникативных навыков, требуется обладать и цифровыми компетенциями, способностью взаимодействовать с другими рыночными субъектами в цифровой среде, что подчеркивает необходимость определения навыков, необходимых управленцам [11].

Н.В. Молоткова и Д.Л. Хазанова в своем исследовании акцентируют внимание на трансформации структуры цифрового управления человеческим капиталом, подчеркивая необходимость поиска специалистов в данной области, обладающих инновационным видением процесса цифровизации системы управления, формирования новых качественных требований к персоналу, конкретизации требований к навыкам сотрудников компании [12]. Я.В. Красникова в своем труде рассматривает сферы управления кадровым потенциалом, в которых есть потенциал развития цифрового управления кадрами, которые включают основные функции системы управления человеческими ресурсами [13].

По мнению С.А. Кузнецова и С.М. Сапрыкиной, процесс внедрения цифровых технологий в сферу управления кадровым потенциалом способствует оптимальной и наиболее эффективной коммуникации компании с потенциальными потребителями, что, в свою очередь, ускорит процесс повышения квалификации сотрудников в рамках получения цифровых компетенций [14].

Е.В. Ширинкина считает, что количество характеристик, необходимых для повышения уровня конкурентоспособности компании, неисчислимое множество [15]. Для обеспечения работы в компании специалиста наивысшего профессионального уровня руководство компании должно создать оптимальные условия для постоянного профессионального роста сотрудника,

возможности повышения уровня его квалификации на постоянной основе. В долгосрочной перспективе повысится спрос на такие навыки, как аналитическое мышление и инновации, стратегии активного образования, умение отступать от стандартных идей, правил, самобытность, предприимчивость и так далее.

А.Л. Лазутина, Т.Е. Лебедева в своем исследовании классифицировали комплекс условий к управленцам и кадровому составу в условиях цифровизации общества, экономики и бизнес-процессов [16]. J.W. Boudreau, P.M. Ramstad подчеркивали необходимость расширения компетенций управляющих, функциональной обязанностью которых является разработка и реализация мер по управлению квалифицированными работниками компании [17]. Л. Эдвинссон и Й. Руус выделяют значимость интеллектуального капитала, представленного как знание, которое можно преобразовать в стоимость в контексте цифровой системы управления человеческим капиталом. С. Альберт и К. Брэдли под интеллектуальным капиталом понимают процесс превращения знаний и нематериальных активов в полезные ресурсы [18].

В. Иноземцев рассматривает интеллектуальный капитал в формате коллективного интеллекта, накапливающего научные и текущие знания сотрудников, результаты творения человеческого разума и приобретенные знания, взаимосвязи и информационный поток.

По мнению Д. Норта, интеллектуальный капитал наиболее эффективно развивается при условии, когда в обществе функционируют институты формального и неформального типа, определяющие эффективное развитие бизнес-процессов.

П. Лукша, анализируя навыки, которые можно универсально применять на протяжении всей жизни и в различных жизненных контекстах личности, выделяет следующие типы грамотности и базовые навыки:

– управление концентрацией и вниманием;

– взаимодействие в форме критического навыка, интегрированное в различные направления деятельности и образовательного процесса;

– гибкость и способность к адаптации;

– способность получать новые знания на протяжении всей жизни;

– способность и готовность, приняв решение, взять вину на себя и исправить допущенные ошибки, решить проблему;

– коммуникационные навыки.

Н.В. Суровикин под системой управления персоналом понимает взаимодействие подсистем комплекса факторов рабочей среды, рабочих отношений, комплекс процессов и мер, связанных с регламентированием статуса участников, развитием стимулирования и социальных подходов к профессиональному взаимодействию [19]. S. Ghita, L. Chivu, A. Cojuhari и L. Dorofeev применяют процессный подход к управлению трудовыми ресурсами как комплекс системных взаимосвязей – социальных, экономических, образовательных [20]. А.П. Егоршин рассматривает систему управления человеческими ресурсами как множество положений структуры, определяющей уровень соотнесения к экономической или социальной системе, тогда как непосредственно человек в данном контексте представляет некий независимый ресурс в реализации производственного производства [21]. По мнению И.А. Эсаулова, система управления кадровым потенциалом – это комплексная модель развития персонала организации, включающая комплекс инструментов по развитию потенциала персонала и его мотивации.

Методы

Использованы системно-структурный подход, комплексный подход; моделирование социально-экономических процессов.

Результаты и их обсуждение

Ограничивающим фактором при реализации цифровых решений в компании являются сложности с принятием трансформационных процессов, меняющих условия и характер выполнения трудовых функций, самими сотрудниками. Для решения данной проблемы менеджменту компании необходимо повышать информированность сотрудников и развивать их цифровые компетенции, делиться положительным опытом развития цифровизации в других сферах и так далее. Иными словами, для того чтобы сотрудники компании легко приняли факт цифровой трансформации их деятельности, необходимо сформировать оптимальные условия для привлечения персонала в данный процесс, применяя лояльность и формы поощрения, полноценного информирования, проведения обучающих курсов и другие меры. При этом процесс цифровой трансформации деятельности и внедрения современных инновационных решений должен протекать поэтапно для того, чтобы сотрудники компании могли постепенно адаптироваться к новым условиям.

Также следует отметить, что период кризиса в 2020 году, вызванный пандемией коронавируса, способствовал упрочению и активизации цифровых решений разного формата, что связано с переводом большинства сотрудников на дистанционный формат деятельности.

Необходимо подчеркнуть основные элементы в управлении кадровым потенциалом в рамках внедрения цифровых технологий:

– каждая компания должна разработать собственную стратегию управления человеческими ресурсами;

– развитие цифровых технологий способствует стремительному развитию благодаря системной интеграции различных функций и информационных областей субъекта бизнеса;

– формирование внутренней цифровой среды бизнеса есть первоочередная задача в развитии управления человеческими ресурсами;

– необходимость навыков формулирования и описания задач, которые целесообразно решать с помощью современных технологий;

– формирование следующих преимуществ за счет реализации цифровых решений: снижение расходов, повышение безопасности, маневренность, гибкость, доступность и прочие.

Сегодня прогрессивные цифровые программы, созданные для облегчения процесса управления кадровым потенциалом, способны помочь менеджменту компании прогнозировать возможное увольнение сотрудника и рассчитать вероятность прохождения испытательного срока. Современные цифровые программы также способны интегрировать информацию о каждом сотруднике компании в общую базу данных, где управляющий может получить необходимые сведения о сотруднике, связанные с интересами, навыками, образованием, компетенциями и опытом [22]. Такие цифровые приложения представляют в некотором роде контент, в котором содержится полная информация о специалистах компании.

В настоящее время цифровая трансформация позволяет сотрудникам организации быть более независимыми. В компаниях начинают работать виртуальные цифровые помощники, задача которых заключается в содействии новым сотрудникам адаптироваться к новым условиям, а также работают персональные помощники, предоставляющие разные данные по процессу текущей деятельности организации [17].

Стоит обратить внимание на наиболее распространенные цифровые системы в управлении кадровым потенциалом компании:

1) электронные системы стратегического управления кадровыми ресурсами. Система управления персоналом – это объект конфигурации управления человеческим капиталом, в которую входит электронная база данных для хранения и поиска следующей информации: перечень выполненных работ, данные по окладам и компетенциям, данные о мерах дисциплинарного взыскания и медицинском обслуживании сотрудников. Через такую систему повышается уровень результативности процесса и снижаются расходы в результате его автоматизации, совершенствуется скорость бизнес-процессов, результаты деятельности каждого отдела компании интегрируются в общую базу, что способствует повышению эффектов использования трудовых ресурсов, которые гармонично сочетаются с потребностями в индивидуальных условиях работы и оценке перспектив продвижения [23];

2) электронный рекрутинг, соответствующий традиционной функции, адаптированной к цифровой среде. В качестве примере можно привести LinkedIn – эта социальная сеть для делового общения, поиска сотрудников и открытых вакансий в настоящее время является самой востребованной во всем мире. Сеть LinkedIn дает возможность сотрудникам компании получать в удаленном формате все необходимые данные от профессиональных и успешных соискателей со всех уголков страны. В настоящее время область поиска наемных рабочих занимает лидирующие позиции по инвестициям в развитие цифровых технологий [24]. Для поиска наиболее подходящей кандидатуры и анализа предыдущей деятельности компании, как правило, используют следующие методы: процесс в поисковой системе, популярные соцсети, разные объединения, автоматизированная система оценки документа, содержащего информацию о навыках, опыте работы, образовании потенциального кандидата, использование программ, имитирующих реальный разговор с пользователем в форме собеседования;

3) электронное обучение – система обучения при помощи информационных и электронных технологий, к примеру, такие программы, как Edx.org – проект, ориентированный на бесплатное обучение слушателей во всем мире, Udacity.com – проект для специалистов в сфере информационных технологий. Дополнительное образование и новые навыки можно получить, используя виртуальную обучающую среду, находясь в любой удобной локации. Данная система относительно недорогая, удобная, легко усвояемая и к тому же постоянно обновляется;

4) цифровые платежные ведомости – система данных о трудовом стаже, налогах, зарплатах и пособиях сотрудников, которые можно получить по необходимости в открытом доступе.

Развитие электронной системы платежных ведомостей способствует росту ключевых показателей эффективности, сохранению конкурентоспособности компании в развитии цифровых технологических решений.

Сегодня процесс внедрения цифровых технологий во все сферы деятельности компании

протекает довольно активными темпами, однако проблемой, ограничивающей данный процесс, является нехватка квалифицированных специалистов, обладающих соответствующими компетенциями [25]. Решение данной проблемы лежит в двух вариантах: либо самостоятельное обучение персонала управляющими компании специальным цифровым навыкам, либо использование специальных приложений и организаций по кадровому потенциалу (топ-менеджмент «Консалт», Chief Information Officer, цифровой маркетинг и другие). Это в целом гарантирует передачу квалифицированных кадров из одной сферы деятельности в другую с целью повышения ее результативности в цифровой среде. Любая компания заинтересована в инвестициях для приобретения цифрового опыта.

Примечательно, что ключевой специалист, который отвечает за внедрение новых цифровых технологий в деятельность компании, должен обладать необходимыми компетенциями, внедряя свой профессиональный опыт не только в сферу управления, но и в производственную среду. Такому специалисту не обязательно обладать цифровыми навыками, однако необходимо уметь рационально использовать цифровые программные продукты для стратегического развития компании [26].

В настоящее время каждая компания должна поддерживать высокий уровень конкурентоспособности, что возможно только при цифровизации системы управления кадровым потенциалом. Эффективность процесса внедрения цифровых технологий в деятельность компании в первую очередь зависит от организованности и единодушия коллектива компании, при этом непосредственно система управления человеческими ресурсами становится ключевым драйвером трансформационных процессов, поскольку при реализации цифровых решений бизнес ориентирован на кадровый потенциал [27].

Современные методы управления персоналом классифицированы следующим образом: административные, экономические и социально-психологические методы, на развитие которых влияет ряд факторов.

К примеру, фактор цифровизации экономики – достижение нового качественного уровня применения методов управления персоналом организации:

– при применении административных методов необходимая глубокая проверка управленческих решений, сверка их с документом, содержащим нормы трудового права, на основе соответствующего программного обеспечения регулирования деятельности. Примером может служить удаленный формат работы, при котором управляющий компанией должен принимать стратегические решения по управлению коллективом дистанционно, в рамках адаптации и обучения;

– при применении экономических методов работа персонала оценивается через систему моделирования, что снижает вероятность допущения ошибок в управленческом решении, способствует быстрой адаптации сотрудников к цифровым преобразованиям, стимулируя работника в экономическом отношении;

– при использовании социально-психологических методов процесс контроля корпоративного взаимодействия и процесс психологической включённости сотрудников к новым цифровым условиям протекает наиболее плавно; сотрудники компании должны быть готовы к получению новых знаний и процессу деятельности в новых цифровых условиях.

Стратегия управления человеческими ресурсами направлена на применение технологий выбора кандидата, соответствующего требованиям к должности, процедуру подтверждения соответствия квалификации соискателя положениям профессионального стандарта, обучение персонала соответствующим компетенциям.

Реализация различных подходов, методов и технологий управления человеческими ресурсами в условиях цифровой экономики требует от менеджмента компании рациональной и целесообразной организации данных направлений на новом уровне: с точки зрения управления необходимо по-новому взглянуть на процессы развития персонала в условиях цифровой среды.

На рисунке 1 представлена модель, где классифицированы основные процессы и характеристики, свойственные трудовым ресурсам.

При использовании традиционного подхода к управлению персоналом акцент действий руководителей компании направлен на совершенствование системы управления кадровым потенциалом в их функциональном назначении: маркетинга, планирования, набора, процесса интеграции сотрудника в новую трудовую среду, процесса подготовки и переподготовки специалистов [28].

При этом современный подход к управлению персоналом направлен на активное внедрение цифровых технологий в процессы развития человеческих ресурсов: происходит активная цифровизация системных управленческих решений, связанных с базовыми организационными изменениями в рамках разработки инструментов, используемых при реализации цифровых решений в системе управления кадровым потенциалом (таблица 1).

Рис. 1. Процессы внедрения цифровых технологий в систему управления кадровым потенциалом (составлено автором)

Таблица 1

Основные инструменты развития кадрового потенциала, используемые в цифровой среде

Функция	Инструменты	Примеры внедрения цифровых технологий в систему управления кадровым потенциалом в отечественных компаниях
HR-маркетинг	Поисковые системы. Социальные сети. Таргетинг, позволяющий определить точную локацию пользователя. Реклама в формате текстовых объявлений и баннеров. Реклама, размещаемая в сети Интернет	Новости управляющих по HR-трафику: функционал различных digital-каналов, эксперименты с рекламными кампаниями и методы компьютеризации маркетинговых задач
Подбор персонала	Социальные сети. Модель обеспечения удобного сетевого доступа к компьютерному оборудованию, аппаратным ресурсам в удаленном формате. Бесплатные сайты для прямых работодателей	Облачная CRM Talantix первой в России внедрила технологии искусственного интеллекта для рекрутинга. Технологии масс-найма ВТБ и Skillaz: цифровое профилирование, роботизация
Процесс ознакомления, приспособления работников к содержанию и условиям трудовой деятельности	Создание программного обеспечения, которое будет работать на мобильном устройстве	Адаптация к цифровым сервисам: лучшая практика Сбербанка России. Постоянное преобразование финансовых услуг в рамках автоматизированного знакомства пользователя с продуктом
Обучение персонала	Разработка мобильных приложений	Новый способ обучения через приложение mindSpark

Составлено автором на основе [9, 11, 28].

В настоящее время ограничением внедрения цифровых решений в область управления и развития кадрами является недостаток профессиональных сотрудников в данной области [29]. Для решения этой проблемы в регионах и организациях страны реализуются программы подготовки кадров, включающие программы обучения и повышения квалификации, направленные на повышение уровня цифровых знаний и получение соответствующих компетенций будущего. С этой целью используются разные способы и инструменты для развития и формирования необходимых специалистов сферы информационных технологий:

– расширение образовательной программы среднего уровня по дисциплине, связанной с вопросами, методами и принципами обработки, накопления и передачи информации на основе информационно-коммуникативных технологий;

– увеличение показателей приема в вузы по подготовке в области информационных технологий и их синхронизация с потребностями отрасли;

– переподготовка педагогических кадров в образовательных учреждениях и так далее.

Представим классификацию функциональных областей стратегического управления кадрами (рисунок 2).

Необходимо обратить внимание на негативные эффекты цифровизации для сотрудников:

– повышенный уровень контроля за выполнением трудовых обязанностей. Электронная система пропусков в здание, фиксация времени нахождения в программе и на рабочем месте, видеонаблюдение для многих категорий служащих, работающих в сервисной сфере (финансы, страхование, пенсионное и социальное об-

Рис. 2. Классификация функциональных областей стратегического управления кадрами (составлено автором)

Таблица 2

Классификация ключевых навыков специалистов, востребованных в цифровой экономике

Наименование	Характеристика
Профессиональные навыки	Технические способности и навыки, которые можно измерить и которым можно научиться, – компетенции в зависимости от вида экономической деятельности, уровня должности и специфики решаемых задач
Надпрофессиональные навыки	Личные качества: проектная ответственность и контроль делегирования, адаптация к цифровой среде, интеллектуальное и коммуникационное сотрудничество, интеграция различных информационных данных для выполнения функций, сочетание цифрового мышления и эмоционального интеллекта
Цифровые навыки	Адаптация цифровых решений к своей области профессиональных задач, цифровизация процессов реализации элементов трудового статуса, применение цифровых решений при защите бизнес-информации
Навыки власти	Навыки для успешной жизни и карьеры: оптимизм, заинтересованность, выдержка, честность, взаимодействие в группе, чуткость, умение управлять временным ресурсом

Составлено на основе [5, 30].

служивание и т.д.), создает существенное давление на сотрудников, которое подходит не каждому специалисту;

– сокращение численности сотрудников вследствие автоматизации трудовых функций и снижение числа операций. Цифровизация оказывает влияние на рост безработицы, поскольку нескольких человек может заменить автоматизированное «умное» устройство, особенно это касается сферы контроля производственных процессов, когда тепловые и сенсорные датчики являются более эффективными, не допускают ошибок, связанных с человеческим фактором;

– изменение квалификационных требований к навыкам и компетенциям вследствие цифровой трансформации условий и процессов труда. Изменились требования, например, в сельском хозяйстве, когда оператор уборочной техники является не только водителем, но также должен владеть навыками управления через дисплей и внешние датчики и т.д.

В таблице 2 представлена классификация ключевых навыков специалистов, востребованных в цифровой экономике.

Гибкость системы управления кадровым потенциалом может быть выражена в следующих направлениях [31]:

– способность персонала к изменению своего положения в системе занятости внутри организации;

– гибкость управления комплексом возможностей сотрудника, коллектива или всей организации в целом;

– гибкость затрат на кадровые ресурсы;

– гибкий тайм-менеджмент.

Заключение

Развитие цифровой профессиональной среды способствует динамичному изменению требований к персоналу в различных видах бизнеса и технологиям его управления и развития. Актуальными становятся универсальность цифровых компетенций, умение быстро и рационально внедрять цифровые решения непосредственно для улучшения индивидуальных результатов, трансформировать оптимальные методы и процессы в свою профессиональную область.

На сегодняшний день систему управления человеческими ресурсами можно представить как целостный механизм, требующий постоянного наблюдения, контроля и развития, поэтому ее функционирование должно быть гибким и адаптивным к постоянно меняющимся условиям производственной деятельности. Особую значимость приобретает синтез цифровых навыков, креативного и критического мышления со способностями управлять кадрами компании, развивать аналогичные компетенции у перспективных сотрудников.

Список литературы

1. Ahammad T. Personnel Management to Human Resource Management (HRM): How HRM Functions? // Journal of Modern Accounting and Auditing. 2017. **13 (9)**. P. 412–420.

2. Haider J., Sundin O. The fragmentation of facts and infrastructural meaning-making: new demands on information literacy // Information Research. 2020. 24 (4). P. 1–13.

3. Merkevičius J., Davidavičienė V., Raudeliuniene J., Buleca J. Virtual organization: Specifics of creation of personnel management system // Ekonomie a Management. 2015. **18 (4).** P. 200–211.

4. Chesley N. Technology Use and Employee Assessments of Work Effectiveness, Workload, and Pace of Life // Information Communication and Society Communication & Society. 2010. **4**. P. 485–514.

5. Акаткин Ю.М., Ясиновская Е.Д. Цифровая трансформация государственного управления. Датацентричность и семантическая интероперабельность. USSR, 2019. 724 с.

6. Голянич В.М., Кудрявцева Е.И. Инновационные технологии в кадровом менеджменте // Управленческое консультирование. 2013. № 2 (50). С. 5–16.

7. Бурова О.А. Цифровая экономика России как ключевой фактор качественного роста технологий в бизнесе и образовании // Технологии текстильной промышленности. 2018. № 4 (376). С. 25–30.

8. Цой Д.В. Трансформация системы управления персоналом в условиях цифровизации экономики // Инновационная наука. 2020. №1. С. 62–65.

9. Лясковская Е.А., Козлов В.В. Управление персоналом в цифровой экономике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2018. № 12 (3). С. 108–116.

10. Надреева Л.Л. Трансформация модели управления человеческими ресурсами в учебной дисциплине «Управление персоналом» в условиях перехода к цифровой экономике // Вестник НЦБЖД. 2018. № 4 (38). С. 20–26.

11. Грудистова Е.Г. Занятость в условиях цифровизации общества: региональный аспект // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 3 (41). С. 15–22.

12. Молоткова Н.В., Хазанова Д.Л. Диджитализированное управление персоналом: понятие, перспективы развития // Креативная экономика. 2018. № 12 (11). С. 1865–1876.

13. Красникова Я.В. Цифровые технологии в управлении персоналом // Гуманитарный научный журнал. 2020. № 1. С. 77–83.

14. Кузнецов С.А., Сапрыкина С.М. Особенности и перспективы развития диджитализированного управления человеческими ресурсами // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2020. № 8 (2). С. 95–99.

15. Ширинкина Е.В. Управление изменениями в цифровой экономике // Инновации в менеджменте. 2020. № 2 (24). С. 74–79.

16. Лазутина А.Л., Лебедева Т.Е. Новые требования к качеству управления персоналом в условиях цифровой экономики и управления // Актуальные вопросы современной экономики. 2019. № 5. С. 177–180.

17. Boudreau J.W., Ramstad P.M. Talentship and the New Paradigm for Human Resource Management: From Professional Practices to Strategic Talent Decision Science // Human Resource Planning. 2005. Vol. 28. № 2. P. 17–26.

18. Albert S., Bradley K. The Impact of Intellectual Capital // Open University Business School Working Paper. 1996. № 15. P. 54.

19. Суровикин Н.В. Система управления персоналом как инновация // Управление персоналом. 2005. № 3. С. 22–27.

20. Chivu L. The labour market – statistics study // Ed. Independent Economic. 2017.

21. Одегов Ю.Г., Павлова В.В. Новые технологии и их влияние на рынок труда // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2 (208). С. 66.

22. Касьянов В.В., Беликова Н.Ю., Гафиатулина Н.Х. Язык катастрофы: влияние пандемии COVID-19 на социально-культурную коммуникацию // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 2. С. 38–42.

23. Логунова И.В. Формирование инновационных подходов к управлению человеческими ресурсами организации // Экономинфо. 2018. Т. 15. № 1. С. 32–36.

24. Кознов А.Б. Влияние цифровизации на рынок труда // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-2. С. 177–179.

25. Мусина Д.Р., Янгиров А.В., Насырова С.И. Цифровизация регионов: методы оценки // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2020. № 1 (31). С. 32–38.

26. Гришин К.Е., Казакова О.Б., Кузьминых Н.А., Тимирьянова В.М. Экономическое пространство: подходы к исследованию и форма представления // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. № 3 (153). С. 4–10.

27. Моисеева А.А. Условия и последствия диджитализации современного общества: социально-экономический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. №39. С. 216–236.

28. Акьюлов Р.И., Сковпень А.А. Роль искусственного интеллекта в трансформации современного рынка труда // Дискуссия. 2019. № 3 (94). С. 30–40.

29. Ишназарова З.М., Ишназаров Д.У., Суюндуков Я.Т. Факторы, определяющие качество жизни человеческого капитала региона // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 4. С. 200–207.

30. Бурмистров С.В., Волочай А.В., Самыгин С.И. Мотивы трудовой деятельности в системе управления персоналом организации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 9. С. 26–29.

31. Федорова Н.В., Минченкова О.Ю. Управление персоналом: Учебник. М.: КНОРУС, 2016. 224 с.

32. Нагибина Н.А., Щукина А.А. HR-Digital: цифровые технологии в управлении человеческими ресурсами // Вестник евразийской науки. 2017. № 1 (38). С. 24.

33. Miśkiewicz R. The Importance of Knowledge Transfer on the Energy Market // Polityka Energetyczna. 2018. **21 (2).** P. 49–62.

HUMAN RESOURCE MANAGEMENT TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

M.S. Oborin

Perm Institute (Branch) of the Plekhanov Russian University of Economics;
Perm State National Research University;
Perm State Agrarian and Technological University named after ak. D.N. Pryanishnikov

The relevance of this topic is due to the fact that the digital environment and the tools used actualize the positive experience of using a resource approach to managing the human potential of business entities. The article examines the problem of human resource management in terms of adapting digital solutions to functional responsibilities and improving employee productivity. Modern situational conditions have a significant impact on the personnel policy and strategy of economic entities. This process contributes not only to the optimization of business processes and the production cycle, but also contains significant risks due to the need for organizational, administrative and technological changes. In this regard, the importance of scientific approaches and methods of workforce development that meet the needs of business and the labor market is significantly increasing. The purpose of the article is to analyze the problem of human resource management in the context of the use of digital technologies, to reveal the essence, role and problems arising in the process of digital transformation. Methods: system-structural approach, integrated approach; modeling of socio-economic processes. Research objectives: 1) to present a scheme of processes and parameters of the impact of the process of introducing digital technologies on the human resources management system; 2) to identify the problem of the effectiveness of personnel development in a digital environment; 3) to consider the main digital tools used to implement personnel strategies; 4) to develop classifications of functional areas of strategic personnel management and key skills of specialists in demand in digital economy. Results. A literary review of domestic and foreign authors on the concept of human resource management is given. The features and directions of human resources development are investigated, taking into account the requirements of the digital environment and the need to adapt digital solutions to various areas of professional practice.

Keywords: human capital, human resource potential, human resource management, digitalization, digital technologies in personnel management, electronic systems in management.

УДК 338.24
DOI 10.52452/18115942_2023_1_42

КРЕАТИВНОЕ ЛИДЕРСТВО И УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИЕЙ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

© 2023 г.

Т.Н. Овчарова

Овчарова Татьяна Николаевна, к.филос.н.; доц.; доцент кафедры культуры и психологии предпринимательства
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ovcharovat@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 04.12.2022
Статья принята к публикации 24.01.2023

Обоснована необходимость в условиях VUCA-мира новых подходов к управлению инновационным развитием организации, которая выступает органичной составной частью инновационной экономики. Целью статьи является анализ креативного лидерства как эффективного инструмента неформального управления, рассмотрение его места в структуре управления организацией и значения для инновационной экономики. Методология исследования опирается на системный и деятельностный подходы, включает понятийно-терминологический анализ, методы сравнения и обобщения. Креативно-лидерское управление рассматривается как инструмент неформального управления, повышающий интенсивность инновационной деятельности организации, способствующий гуманизации методов управления организацией при активном внедрении в управленческую практику цифровых технологий. Анализируются в качестве ключевых характеристик креативного лидера ряд soft skills, определяющих характер его управленческого влияния на сотрудников организации. Исследуется нешаблонное мышление лидера, имеющее своим существенным признаком выдвижение новых, нестандартных идей и способное стать катализатором коллективной выработки новых знаний, необходимых для принятия в организации нужных инновационных решений. Спецификация креативности как атрибутивного качества лидера раскрывается через особенности его креативного мышления, результаты которого обладают признаком «вторичной» новизны, имеющей отношение не к производству знаний, а к их практической реализации, преобразованию новшеств в инновации. Креативно новое характеризует оригинальные, нестандартные способы внешнего оформления ранее созданных новых продуктов для успешного продвижения их на рынок. На основе полученных результатов делается вывод о креативно-лидерском управлении как инструменте, способствующем инновационной деятельности, повышению конкурентоспособности и эффективности функционирования организации.

Ключевые слова: креативное лидерство, VUCA-мир, неформальное управление организацией, soft skills, социально ориентированное управленческое мышление, эмоциональный интеллект, ненасильственное общение, нешаблонное мышление, инновационная экономика.

Введение

Инновационная экономика, являющаяся основной мировой тенденцией развития постиндустриальных обществ, базируется на интеллектуальных ресурсах, наукоемких и информационных технологиях, внедрении результатов новационной творческой деятельности в практику. Это интеллектуальная экономика, опорой которой выступает наука и знание, пригодное к использованию.

Успешное развитие инновационной экономики зависит от ряда факторов фундаментального характера, среди которых первостепенную роль играет управленческий фактор. Выдвижение на первый план фактора управления обусловлено нарастающей нестабильностью как в мире в целом, так и в деятельности отдельных организаций. Ни одна из проблем инновационной экономики сегодня не может быть решена без продуманной системы управления в организациях. В условиях нестабильности, стремительных изменений внешней среды для организации, ориентированной на инновации, стандартные методы управления могут оказаться недостаточно эффективными, и требуется разработка новых подходов, способных решать вопросы управления инновационным развитием. Та организация, которая предложит новые управленческие подходы, получит конкурентные преимущества.

В современных условиях успешное развитие конкурентоспособной экономики невозможно без опоры на информационно-компьютерные, цифровые технологии. Вместе с тем активное внедрение информационных технологий в управленческую практику организаций несет с собой некоторую неопределенность. Помимо позитивных изменений, цифровые технологии демонстрируют и негативные, связанные с

нарастанием бюрократизации, формализма в управлении и во взаимодействиях между людьми, что отрицательно сказывается на эффективной работе организации, ее конкурентоспособности. О неоднозначных последствиях для управления такого нового явления, как электронная (цифровая) бюрократия, говорится в [1]. С появлением цифрового менеджмента, когда IT-система берет на себя основные функции менеджера, возникает ситуация исчезновения «менеджеров в традиционном понимании, но с сохранением функции управления», которая переходит к «облачному менеджменту» [2, с. 112]. Примеры «облачного управления» авторы видят в онлайн-обучении и вполне резонно задаются вопросами: сохранится ли за человеком интеллектуальное лидерство, что будет с эмпатией и духовным интеллектом в изменившемся под влиянием цифровых технологий управлении?

Цифровые технологии, несомненно, меняют качество управления, и креативно-лидерское управление в данном контексте представляется одним из направлений, позволяющим при реализации возможностей цифровых технологий сохранить человеческое начало управления. Креативно-лидерское управление способствует решению задачи дебюрократизации процессов принятия управленческих решений, демократизации способов регламентации деятельности сотрудников, гуманизации методов управления в организации. Как особый инструмент управления, повышающий конкурентоспособность и эффективность функционирования организации в условиях инновационности, креативно-лидерское управление является предметом исследования в данной статье.

Проблеме лидерства в организациях посвящено достаточно большое количество разноплановых исследований. Рассматривается эволюция теорий лидерства [3; 4], уделяется внимание изучению личностных качеств, навыков и умений, необходимых лидеру для достижения успеха организации [5; 6]. Анализируются такие разновидности лидерства, как цифровое лидерство [7], интеллектуальное лидерство [8], предпринимательское лидерство [9]. Г.Б. Клейнер, опираясь на системную структуру организации, подробно рассматривает социальное лидерство, которое в сочетании с иерархически-административным управлением способствует целостности организации и сохранению устойчивости ее функционирования [10].

Несмотря на значительное количество работ по проблеме лидерства, есть в ней темы, требующие дальнейших исследований. Введение в научный дискурс понятия «креативно-лидерское управление» открывает возможность подойти к анализу управления и лидерства не в их обособленности, а через взаимосвязь, что достигается посредством такой объединяющей их характеристики, как креативность. Креативность выступает предпосылкой создания инноваций в современной экономике, и рассмотрение двух важнейших для инновационного развития факторов – управления и лидерства с точки зрения их креативной составляющей определяет актуальность заявленной темы исследования.

Теоретико-методологические подходы

В настоящее время в литературе для описания современного мира широко используется аббревиатура VUCA, которая означает, что миру свойственна нестабильность (volatility), неопределенность (uncertainty), сложность (complexity) и неоднозначность (ambiguity). Характеристики современного мироустройства и новые условия среды, в которой работает организация и которая также несет в себе эти характеристики, раскрыты в [11–13]. В управлении организацией возникают задачи, аналога которым в быстро меняющемся мире нет, а значит, и не существует готового алгоритма их решения. Отсутствие исчерпывающих данных для принятия управленческого решения обусловливает управленческие риски, предугадать последствия которых в ситуации неопределенности помогает не столько строгая логика управленца, сколько его интуиция. Сложность и неоднозначность связей в ситуациях, когда надо принимать управленческое решение, ориентирует на поиск вариативных подходов, включая альтернативные, нестандартные. Все отмеченные обстоятельства объективно обусловливают креативность как доминирующую характеристику управления организацией в условиях VUCA-мира. Умение быстро реагировать на меняющиеся обстоятельства, адаптироваться к изменениям, проявлять гибкость в принятии управленческих решений дополняет характеристику креативного управления.

Креативное управление требует навыков не профессионального менеджера, который в своей деятельности занят, как правило, поиском решения повседневных, текущих проблем функционирования организации, обеспечением ее бесперебойной работы, а креативного лидера, владеющего новыми управленческими практиками, направленными на активизацию способностей и талантов членов организации, максимальное использование эвристического потенциала каждого сотрудника. Как справедливо отметил В.А. Спивак [14], менеджмент и лидерство – это две стороны управления. Каждая

имеет свою специфику, и не следует на фоне современной теории управления, которой свойственно признание решающей роли человеческих ресурсов в достижении целей организации, идеализировать модель менеджера, сближать его навыки, задачи, принципы управления с лидерским подходом к управлению, лидерскими характеристиками. Менеджер обеспечивает совместную и эффективную работу людей в организации, владеет навыками работы с персоналом, но его деятельность связана также с организацией производственного процесса, с управлением материальными, финансовыми факторами производства. А креативное лидерство проявляет себя исключительно в области управления поведением людей в организации, и его доминантной чертой выступает характер влияния лидера на членов организации. Именно способы влияния лидера на членов организации, приемы побуждения их к определенным действиям, по нашему мнению, раскрывают специфическое содержание креативно-лидерского управления.

Креативно-лидерское управление представляет собой разновидность неформального управления, которое дополняет формальную структуру управления в организации, и вместе они обеспечивают развитие организации. Формальное управление, иерархически выстроенное, опирающееся на административный ресурс, директивные меры воздействия, с жестким распределением ролей, прав и обязанностей членов организации, с опорой на заранее установленные связи между сотрудниками, наиболее эффективно в стабильных ситуациях. Для работы организации в условиях VUCA-мира следование принципам, на которых строится формальное управление, может негативно сказываться на оперативности принятия решений, необходимости быстро реагировать на изменения, ограничивает проявление инициативы, новаторства и коллективного творчества сотрудников. Поэтому неформальное управление, в котором на первый план выходят не вертикальные, а горизонтальные связи сотрудничества в решении общеорганизационных задач, требующих консолидированных усилий, подразумевает неформального креативного лидера, который реализует свое влияние на членов организации, опираясь на soft skills («гибкие», «мягкие» навыки).

На сегодняшний день в литературе нет общепринятой трактовки термина soft skills, большинство авторов рассматривает «мягкие» навыки как личные качества человека, не связанные с определенной профессией, которые делают его взаимодействие с другими людьми более эффективным и гармоничным. При этом во многих статьях проблема soft skills рассматривается преимущественно в контексте задачи формирования «гибких» навыков у студентов [15; 16]. У разных авторов перечень soft skills, виды и направления их развития отличаются. Это можно объяснить тем, что в выборе «гибких» навыков авторы отталкиваются от будущей профессиональной деятельности студентов, а также от собственных научных предпочтений.

Наиболее часто к «мягким» навыкам относят коммуникативность, стрессоустойчивость, критическое мышление, креативность, лидерство, эмоциональный интеллект, управление временем и др. Не будет преувеличением сказать, что soft skills необходимы каждому сотруднику организации, чтобы добиваться успеха на работе, строить карьеру. Навыки владения современными цифровыми технологиями, без которых невозможно в XXI веке стать высококлассным работником, не компенсируют отсутствие «мягких» навыков, востребованность которых на рынке труда подчеркивается многими исследователями. Для креативного лидера в его управленческой практике важность «мягких» навыков возрастает многократно, поскольку ему приходится в меняющихся обстоятельствах проявлять гибкость, чтобы убедить сотрудников в необходимости преобразований, увлечь их видением перспектив, вовлечь в активную и эффективную работу, воодушевить на решение новых задач, инициативу и творчество.

Под креативно-лидерским управлением будем понимать особый набор «мягких» навыков лидера, значимых для реализации управленческих задач, которые отражают его личные качества в работе с людьми, умения устанавливать открытые и позитивные отношения с коллегами. Первостепенную роль в перечне «мягких» навыков креативного лидера играют, с нашей точки зрения, такие, как социально ориентированное управленческое мышление, эмоциональный интеллект, ненасильственное общение. Конечно, этими навыками не ограничиваются личные качества креативного лидера, но поскольку именно они характеризуют, по нашему мнению, специфику его влияния на людей в организации, остановимся на них. Креативность, признаваемую практически всеми исследователями в качестве важнейшего «мягкого» навыка, а в нашем случае еще и выступающую атрибутивным личным качеством лидера, определяющим природу лидерства именно как креативного, рассмотрим особо.

Результаты исследования

Понятие «управленческое мышление» (management thinking) в научный обиход вошло

в 90-х гг. прошлого века и сегодня широко используется наряду с такими видами мышления, как системное, инновационное, стратегическое, критическое и т.д. Управленческое мышление – это специфический вид мышления, направленный на осмысление процесса управления, его закономерностей и аспектов (целей, принципов, методов и других проявлений), включая и понимание способов влияния того, кто управляет, на объект управления. По мнению авторов статьи [17], современный мир требует выработки нового качества управленческого мышления, преодолевающего, в числе других недостатков традиционного менеджмента, узко рационалистический взгляд на человека. Эффективное лидерство в связи с этим раскрывается во взгляде на человека «не только как на главный капитал и ресурс компании, но и как на эмоциональное и духовное существо, которое ищет смысл во всем, что делает, и стремится делать то, что важно и нужно» [17, с. 50].

Для управления человеком, в котором духовность, по мнению многих мыслителей, является наиболее точным определением специфики человека, его подлинной сущностью, требуется социально ориентированное управленческое мышление, носителем которого выступает креативный лидер организации. Он видит человека не просто в качестве приоритетного «фактора» в управлении организацией, а как личность, способную к осмысленной деятельности, духовный мир которой включает цели, комплекс ценностей, эмоции, переживания, веру, значимые личностные смыслы в их совокупности. Значимые личностные смыслы конструируют направление и содержание профессиональной работы сотрудников, ее ценностное наполнение, поэтому установку на управление смыслами можно считать доминантой социально ориентированного управленческого мышления креативного лидера. Понимая важность духовного мира человека, креативный лидер для его развития выстраивает гуманные, доверительные отношения в организации, используя при этом свой авторитет, опыт, кругозор, интуицию. Он создает вокруг себя особую атмосферу, способствующую развитию духовности, осмысленной деятельности, побуждает сотрудников к самосовершенствованию, самореализации, творчеству и помогает им, выступая мудрым наставником.

Управленческое мышление, социально ориентированное на человека, на ценностно-смысловое ядро его духовного мира, – это тот «мягкий» навык, владение которым позволяет креативному лидеру пробуждать в сотрудниках лучшие личностно-деловые качества.

Эмоциональный интеллект выступает еще одним из soft skills, который необходим креативному лидеру для эффективного влияния на сотрудников организации, чтобы достичь поставленных целей. Значение эмоционального интеллекта креативного лидера возрастает при установке организации на инновационную деятельность, которая связана с готовностью к переменам, с преобразованиями, заменой старых устоявшихся порядков новыми.

Понятие эмоционального интеллекта появилось в результате развития концепта «социальный интеллект», а популярным оно стало после публикации в 1955 г. одноименной книги научного журналиста Д. Гоулмана [18]. Эволюция представлений об эмоциональном интеллекте подробно рассмотрена в монографии И.Н. Андреевой [19], в ней также приведено большое количество определений эмоционального интеллекта, отражающих различные точки зрения на его природу. В большинстве трактовок содержится указание на то, что эмоциональный интеллект – это сумма навыков и способностей человека наблюдать собственные эмоции и эмоции других людей, понимать их, а также управлять ими в целях решения тех или иных задач.

Эмоциональный интеллект креативных лидеров имеет свою специфику. Результаты проведенных исследований [20; 21] дают основание предположить у креативных лидеров высокий, дающий управленческие преимущества, уровень эмоционального интеллекта. Креативный лидер с высоким уровнем эмоционального интеллекта обладает не только выраженными способностями к распознаванию, пониманию эмоций (собственных и других людей), управлению ими, но и способен к творческой деятельности в эмоциональной области, т.е. к проявлению эмоциональной креативности. Эмоциональная креативность, наряду с эмоциональным интеллектом, выступает тем ресурсом креативного лидера, который позволяет эффективно решать задачи инновационного развития организации.

Понятие эмоциональной креативности находится в одном концептуальном поле с понятием эмоционального интеллекта, они взаимосвязаны, но не тождественны. Эмоциональная креативность может быть определена как способность «генерировать новые эмоции, а также преобразовывать стереотипные, неконструктивные эмоциональные состояния в эмоции конструктивные, эффективные для конкретной ситуации» [19, с. 91]. Конкретной ситуацией, в которой востребована эмоциональная креативность, является ситуация инновационных изменений в организации, которая требует усиления когнитивного воздействия на сотрудников для

позитивного отношения к переменам. И это достигается посредством генерирования креативным лидером новых, нестандартных эмоций, уместных и полезных в данной ситуации. Усилия креативного лидера направлены на устранение у сотрудников страхов перед неопределенностью, на сдерживание негативных эмоций, связанных с боязнью перемен и опасениями перед новым, неизвестным. Лидер с высоким уровнем эмоционального интеллекта, эмоциональной креативности способен убедить сотрудников организации в необходимости перемен, воодушевить их на активную деятельность, дать надежду и заразить оптимизмом в отношении будущего.

Таким образом, эмоциональный интеллект и эмоциональная креативность в качестве «мягких» навыков в арсенале креативного лидера помогают ему достичь успеха в решении стоящих перед организацией инновационных задач, требующих позитивного эмоционального отношения сотрудников к изменениям.

Перемены в организации могут сопровождаться конфликтом интересов, и креативные лидеры, используя свои способности распознавать и понимать эмоции членов трудового коллектива, адекватно трактовать переживания людей, тактично разрешают конфликты, добиваются консенсуса интересов, выстраивают позитивный эмоциональный фон для конструктивного общения. Эффективное, конструктивное общение сотрудников и лидера обеспечивается наличием у лидера навыков ненасильственного общения.

Термин «ненасильственное общение» связан с творчеством американского психолога, педагога, медиатора М. Розенберга, изложившего метод коммуникации между людьми, который исключает всякое насилие. Ненасильственное общение, по мнению М. Розенберга, составляют четыре основных компонента: наблюдения, чувства, потребности, просьбы [22, с. 28]. Реализация на практике всех четырех компонентов ненасильственного общения невозможна без эмпатического понимания креативным лидером партнеров по общению, но особенно необходима эмпатия в отношении потребностей участников общения. Потребность может существовать как желание преодолеть рутину, устоявшиеся порядки, как стремление к новому. Но потребность может быть и причиной социальных действий, за которыми стоит намерение сохранить сложившиеся отношения, способы деятельности, формы организации труда, привычную обстановку. Эмпатия (сопереживание), как правило, не вызывает сопротивления, и ее проявление креативным лидером в отношении потребностей коллег может склонить их к сотрудничеству в деле преобразований, сформировать у них потребность в инновационных изменениях, необходимых для повышения конкурентоспособности организации. Процесс общения в ходе совместной деятельности благодаря этому становится осмысленным и целенаправленным. На основе распознанных и понятых потребностей креативный лидер может обратиться к сотрудникам с просьбами (с большой вероятностью того, что они будут услышаны и исполнены) о конкретных действиях, направленных на улучшение работы организации.

Таким образом, эмпатическое понимание креативным лидером потребностей сотрудников организации, скрываемых за чувствами и побуждающих к действиям, существенно облегчает лидеру построение целенаправленного и эффективного ненасильственного общения. Ненасильственное общение как «мягкий» навык креативного лидера позволяет избегать авторитарного стиля управления и осуществлять плодотворное сотрудничество, способное привести деятельность организации к намеченным целям. Сотрудничество как условие успеха является закономерным следствием для организации, применяющей ненасильственное общение в условиях креативно-лидерского управления.

Организации создаются с разными целями, представляют различные отрасли и сферы деятельности и могут быть коммерческими, ведущими предпринимательскую деятельность и преследующими в качестве основной цели своей деятельности получение прибыли, и некоммерческими. Одним из видов организаций, ведущих коммерческую деятельность, выступают предприятия, создаваемые для производства продукции, выполнения работ и оказания услуг. В широком смысле понятие организации может представлять совокупность хозяйствующих субъектов – предприятий, компаний, фирм, которые будучи отличными по тем или иным признакам, могут использоваться как синонимы. Все они выступают активными субъектами рыночной инновационной экономики, ресурс конкурентоспособности которых в определенной степени зависит от креативных способностей лидера адаптировать работу организации к требованиям рынка.

В условиях инновационной экономики, которая позиционируется как экономика знаний, определяющим звеном инновационного процесса является производство в организации новых знаний, воплощаемых в инновациях. Любое предприятие как экономическая система в своей структуре имеет когнитивную подсистему [23, с. 87–88], которая обеспечивает создание и использование знаний на предприятии, обеспечивающих ее конкурентоспособность.

Производство новых знаний в организации – результат творческих усилий ее членов и креативного лидера, обладающего способностью не только генерировать новые идеи в ответ на возникающие потребности организации, но и побуждать ее работников к коллективному творчеству. Нередки случаи, когда привлеченные на работу талантливые сотрудники не могут в полной мере раскрыть свой творческий потенциал. Организации необходим лидер, который умело сочетает возможности собственного интеллекта с интеллектуальным потенциалом каждого работника, создает условия для синергии – коллективной выработки новых знаний в ходе сотрудничества. Креативный лидер раскрепощает творческое мышление сотрудников, внимательно относясь к любым, даже самым диковинным, новым идеям, поощряет «инакомыслие», разные точки зрения, мотивирует их на повышение образовательного уровня, развитие навыков творческого, нешаблонного мышления.

Нешаблонное мышление, как и творческое, нацелено на новые идеи, но его результатом может быть не только принципиально новая научная идея, но и просто новый взгляд на привычные вещи, открывающий возможности для практического решения возникающих в организации проблем. Не всякий человек обладает естественной склонностью к нешаблонному мышлению, отмечал Э. де Боно, который и ввел в научный оборот термин «латеральное», получивший в переводе наименование «нешаблонное», мышление [24]. Но с помощью определенных технических приемов, специальных тренировок, такой склад ума можно развить каждому, самостоятельно или с помощью лидера, обладающего креативными способностями, в том числе и выраженной склонностью к нешаблонному мышлению. Нешаблонное мышление лидера может стать катализатором возникновения новых идей, знаний, необходимых для принятия в организации нужных инновационных решений. Нешаблонное мышление – одно из проявлений креативности лидера, но не единственная характеристика его мышления.

Современные представления о креативности многоплановы, однако наиболее распространенным выступает подход к креативности сквозь призму мышления. Известный и часто цитируемый американский ученый Дж. П. Гилфорд основой креативности считал дивергентное («расходящееся») мышление, ориентированное на поиск новых идей в различных направлениях. Он выделил шесть параметров креативности, среди которых отмечены беглость, гибкость мышления, способность к выдвижению оригинальных и нестандартных идей, и др. [25]. Креативное (дивергентное) мышление считается одним из ключевых навыков XXI века, и лидер организации, обладающий этим «мягким» навыком, способен усилить интенсивность инновационной деятельности организации.

Понятия креативного (дивергентного), нешаблонного и творческого мышления могут использоваться как синонимы в анализе креативного потенциала лидера, их объединяет установка на выработку нового знания, они в равной мере порождают интеллектуальную новизну. Однако обратившись к инновационному процессу, элементом которого является мыслительная деятельность по производству новых знаний, можно видеть и различие в содержании того нового, которое характеризует каждую разновидность мышления. Творческое мышление своим результатом имеет качественно новое знание, обладающее социальной значимостью, и в этом смысле его можно рассматривать как частный и наиболее выразительный случай нешаблонного мышления, производящего широкий класс идей, представлений, знаний с разной степенью новизны. Креативное мышление, так же как и нешаблонное (творческое), имеет своим существенным признаком выдвижение новых, нестандартных идей. Однако своеобразие креативного мышления и его спецификация в условиях инновационной экономики, с нашей точки зрения, раскрываются в сфере практической реализации знаний, преобразования новшеств в инновации.

Необходимо различать мыслительный процесс создания нового знания, его воплощение в инновационном продукте и выведение этого продукта на рынок, его коммерциализацию. Новизна знаний, выработанных творческим мышлением, первична, поскольку характеризует ключевой фактор инновационного процесса – знание, необходимое обществу для исторического развития. Но современное общество, ориентированное на инновации, нуждается в том, чтобы его творческие достижения, имеющие признак новизны, реализовывались на практике, находили своего потребителя, были востребованы на рынке. Это требует креативных усилий лидера по созданию «вторичной» новизны – новаций в оформлении, «упаковке», презентации, рекламе уже произведенных продуктов для их продвижения на рынок. Интерес потребителя может привлечь оригинальный дизайн, необычная этикетка, фирменная марка и другие внешние признаки инновационного продукта, подчеркивающие не только его практическую полезность и социальную значимость, но и соответствие модным трендам и потребностям рын-

ка. Креативность лидера – это отклик на потребности людей, которые имеют тенденцию меняться, и креативный лидер не только находит креативные решения в ответ на запросы потребителя, но и способен предугадывать новые потребности людей, которые в дальнейшем могут стать причиной зарождения инноваций.

Креативность лидера на современном этапе превращается в относительно самостоятельный вид деятельности, создающей инновации, предлагающей варианты управленческих решений, работающих на достижение рыночного успеха предприятием. Выбирая способ внедрения и коммерциализации интеллектуального инновационного продукта, лидер осуществляет необходимые коммуникации внутри организации и во внешней среде, взаимодействуя с возможными потребителями продукта. Можно сказать, что его креативность проявляется в ходе командной работы, которой он управляет и результаты которой он продвигает в социальной среде.

Таким образом, для современной экономики креативная деятельность лидеров организации становится не просто важным, а знаковым показателем возможностей ее инновационного развития. Общество заинтересовано в креативных лидерах, умеющих принимать нестандартные решения и гибко реагировать на быстро меняющиеся условия рынка, создавать инновации.

Заключение

В сложных условиях современного VUCA-мира со всей остротой встает проблема растущей потребности в креативных лидерах, которые способны преодолевать инерционность, устоявшиеся стереотипы в деятельности организации, содействовать ее инновационному развитию. В предложенной концепции креативно-лидерского управления креативный лидер, благодаря наличию у него таких «мягких» навыков, как социально ориентированное управленческое мышление, эмоциональный интеллект, дополненный эмоциональной креативностью, и ненасильственное общение, реализует задачи по неформальному управлению организацией. В качестве атрибутивного качества лидера креативность проявляется через его нешаблонное мышление, связанное с появлением новых идей, необходимых организации для инновационного развития, а также через креативное мышление, направленное на создание «вторичной» новизны для успешного продвижения на рынок уже произведенных новых продуктов. Управленческая практика креативного лидера по завершению инновационной деятельности практическим результатом, имеющим признак «вторичной» новизны, выступает важнейшей компетенцией лидера организации. Из чего следует заключить, что креативно-лидерский стиль управления организацией увеличивает интенсивность инновационной деятельности, способствует осуществлению организацией инновационных прорывов, повышая тем самым ее эффективность и конкурентоспособность. Более детальный анализ возможностей и имеющихся ограничений креативно-лидерского управления требует дальнейших исследований.

Список литературы

1. Бахтаирова Е.А. Цифровая трансформация государственного управления и новая электронная бюрократия // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 6. С. 2673–2692.

2. Кузин Д.В., Пономарёв И.П. Управленческое мышление в новой реальности // Мир новой экономики. 2021. № 15 (2). С. 107–117.

3. Слинкова О.К. Эволюция взглядов на природу лидерства // Современное общество и власть. 2018. № 3 (17). С. 196–201.

4. Губанова А.В. Анализ предпосылок и направлений развития учений о лидерстве в менеджменте // Экономические системы. 2020. № 4 (51). С. 91–101.

5. Губанова А.В., Минева О.К. Интерпретация результатов исследования характеристик эффективного лидерства в современных российских организациях // Лидерство и менеджмент. 2022. Т. 9. № 2. С. 421–438.

6. Ригин А.А., Елин А.М. Понимание аспектов лидерства в структуре управления организацией // Экономика, предпринимательство и право. 2021. № 11. С. 2623–2636.

7. Чумаков В. Стратегии цифрового лидерства // В мире науки. 2019. № 10. С. 70–77.

8. Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш. Интеллектуальное лидерство в цифровой экономике (на основе концепции лидерства в экономике знаний) // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. № 13-1. С. 486–490.

9. Карпинская Э.О., Широкова Г.В. Предпринимательское лидерство: подходы к определению и основные направления исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2019. Т. 18. № 2. С. 235–260.

10. Клейнер Г.Б. Социальное лидерство, расщепление власти и инклюзивное управление организацией // Вопросы экономики. 2022. № 4. С. 26–44.

11. Корчажкина О.М. VUCA-мир – новая постнеклассическая рациональность: анализ результатов современных исследований // Информация – Коммуникация – Общество. 2022. Т. 1. С. 158–166.

12. Володина А.Е., Крюкова А.А. Понятие VUCA-мира и его особенности // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 5. С. 734–739.

13. Щепеткина И.В., Помыткина Л.Ю. Адаптация стратегического менеджмента к реалиям мира VUCA // Лидерство и менеджмент. 2022. Т. 9. № 2. С. 481–492.

14. Спивак В.А. Лидерство в креативной экономике как научная специальность // Лидерство и менеджмент. 2015. Т. 2. № 4. С. 223–250.

15. Тимошкина М.В., Айварова Н.Г. Индивидуальный образовательный маршрут по формированию гибких навыков в условиях высшего образования // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 467–471.

16. Богачева О.А. Формирование системы гибких навыков (soft skills) у студентов в условиях современного рынка труда // International Journal of Professional Science. 2021. № 2. С. 5–9.

17. Вербицкий В.К., Кузин Д.В. Современное управленческое мышление и российская практика корпоративного управления // Управленческие науки. 2018. Т. 8. № 1. С. 42–51.

18. Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта: Пер. с англ. 3-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. 301 с.

19. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект и эмоциональная креативность: специфика и взаимодействие. Новополоцк: Полоцк. гос. ун-т, 2020. 356 с.

20. Дятлов Д.А., Дмитриева Ю.А. Эмоциональный интеллект как ресурс творческого лидерства // Психология. Психофизиология. 2021. Т. 14. № 3. С. 19–28.

21. Богатырева И.В. Эмоциональный интеллект как ведущий «гибкий навык» и феномен личностной креативности в психологии, их взаимосвязь // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2021. № 2 (25). С. 36–39.

22. Розенберг М. Язык жизни: Ненасильственное общение: Пер. с англ. М.: ООО «Книжное издательство «София», 2018. 288 с.

23. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Под ред. Б.З. Мильнера. М.: ИНФРА-М, 2010. 624 с.

24. Боно Э. де. Искусство думать: Латеральное мышление как способ решения сложных задач. М.: Альпина Паблишер, 2015. 171 с.

25. Дивергентное мышление как креативная способность [Электронный ресурс]. URL: https://psyera.ru/divergentnoe-myshlenie-kak-kreativnayasposobnost14338.htm (дата обращения: 02.09.2022).

CREATIVE LEADERSHIP AND ORGANIZATION MANAGEMENT IN AN INNOVATIVE ECONOMY

T.N. Ovcharova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The necessity in the conditions of the VUCA-world of new approaches to the management of innovative development of the organization, which acts as an organic component of the innovation economy, has been substantiated. Creative and leadership management is considered as a tool for informal management, which increases the intensity of innovative activities of the organization, contributes to the humanization of the organization's management methods with the active introduction of digital technologies into management practice. A number of soft skills that determine the nature of his managerial influence on the employees of the organization are analyzed as the key characteristics of a creative leader. The study examines the unconventional thinking of the leader, which has as its essential feature the nomination of new, non-standard ideas and can become a catalyst for the collective development of new knowledge necessary for making the necessary innovative decisions in the organization. The specification of creativity as an attributive quality of the leader is revealed through the features of his creative thinking, the results of which have the sign of "secondary" novelty, which is related not to the production of knowledge, but to their practical implementation, the transformation of innovations into innovations. Creatively, the new characterizes the original, non-standard ways of external design of previously created new products for their successful promotion to the market. The conclusion is made about creative and leadership management as a tool that contributes to increasing the competitiveness and efficiency of the organization.

Keywords: creative leadership, VUCA-world, informal organization management, soft skills, socially-oriented managerial thinking, emotional intelligence, non-violent communication, unconventional thinking, innovative economy.

УДК 332
DOI 10.52452/18115942_2023_1_50

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

© 2023 г.

М.Н. Павленков, К.С. Сухарева

Павленков Михаил Николаевич, д.э.н.; проф.;
заведующий кафедрой социально-экономических дисциплин Дзержинского филиала
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
pavlenkov@dzr.unn.ru
Сухарева Ксения Сергеевна, старший преподаватель кафедры социально-экономических дисциплин
Дзержинского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Su6e4ka@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.01.2023
Статья принята к публикации 31.01.2023

Рассмотрены вопросы оценки эффективности управления муниципальных образований, которая основывается на категории эффективности и положена в основу официальных методик оценки результатов деятельности органов местного самоуправления. Проведен анализ результатов деятельности ряда городов и показано, что в существующих методиках требуется использовать такие показатели, от достижения которых непосредственно зависит деятельность муниципального самоуправления. Разработаны предложения по совершенствованию существующей методики оценивания деятельности ОМСУ.

Ключевые слова: местное самоуправление, эффективность, показатели эффективности, методика оценки, мониторинг, бюджет.

Введение

Эффективность функционирования муниципальных образований является важнейшей характеристикой деятельности органов управления. Оценка их эффективности позволяет проводить сравнительный анализ деятельности различных муниципальных образований и разрабатывать мероприятия по ускорению социально-экономического развития [1].

Оценки эффективности местных органов власти проводятся во многих развитых странах [2]. Как показывает существующий мировой опыт оценки эффективности, на современном этапе развития такая оценка связана с двумя его важнейшими сферами: стратегическим планированием и финансами [3]. Во многом это объясняется тем, что в современном мире оценка в большинстве случаев остается экономоцентричной, несмотря на попытки отхода от этой практики в сторону оценки социальной эффективности работы органов власти [4].

В России оценка результатов работы органов муниципального управления основана на экономической категории эффективности, она положена в основу официальных методик оценки работы местного самоуправления (ОМСУ) [5]. Необходимость оценки регламентирована статьей 18.1 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ [6].

Указом Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 года № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов» для оценки работы ОМСУ утверждены 13 показателей [7]. Правительством РФ разработаны и введены 28 дополнительных показателей, а также методика мониторинга эффективности работы ОМСУ [8].

Теоретико-методологические подходы

Значения показателей деятельности анализируются за отчетный год и на 3-летний период их плановые значения.

Комплексная оценка работы ОМСУ рассчитывается следующим образом [8]:

$$Kj = 0.8\times(ИП1 + ИП2 + \ldots + ИПj + \ldots + ИПn)/n + 0.2\times ИПСj,$$

где j – индекс коэффициент показателя результативности работы ОМСУ (j = 1,2,…n); n – количество показателей результативности работы ОМСУ; ИПСj – суммарный коэффициент, отражающий оценку населением действий ОМСУ. ИПj – итоговый коэффициент показателя результативности работы ОМСУ, расчет осуществляется по формуле:

$$ИПj = 0.6\times ИСТj + 0.4\times ИСОj,$$

где ИСТj – индекс среднего темпа роста показателя результативности работы ОМСУ – определяется следующим образом:

а) для коэффициента показателя, высокое значение которого характеризует высокую эффективность:

ИСТj = (Тj – Тминj)/(Тмакj – Тминj),

где Тj – значение среднего темпа роста показателя результативности работы ОМСУ за 3 предыдущих года; Тминj – наименьший средний темп роста показателя результативности работы ОМСУ за 3 предыдущих года; Тмакj – наибольший средний темп роста показателя результативности работы ОМСУ за 3 предыдущих года;

б) для коэффициента показателя, высокое значение которого характеризует низкую эффективность:

ИСТj = (Тмакj – Тj) / (Тмакj – Тминj).

Средний темп роста показателя результативности работы ОМСУ за 3 предыдущих года рассчитывается как

$$Т_j = \sqrt[3]{\frac{П_j}{П_{j-1}}\frac{П_{j-1}}{П_{j-2}}\frac{П_{j-2}}{П_{j-3}}},$$

где $П_j$ – величина показателя результативности работы ОМСУ за отчетный период; $П_{j-1}$ – величина показателя результативности работы ОМСУ за предшествующий год; $П_{j-2}$ – величина показателя результативности работы ОМСУ за год, на 2 года предшествующий отчетному; $П_{j-3}$ – величина показателя результативности работы ОМСУ за год, на 3 года предшествующий отчетному.

ИСОj – коэффициент среднего значения показателя результативности работы ОМСУ рассчитывается:

а) для коэффициента показателя: чем выше значение коэффициента, тем выше эффективность:

ИСОj = (Оj – Омин) /(Омак – Омин),

где О – значение средней величины показателя результативности работы ОМСУ за 3 предыдущих года; Омин – наименьшее значение средней величины показателя результативности работы ОМСУ за 3 предыдущих года; Омак – наибольшее значение средней величины показателя результативности работы ОМСУ за 3 предыдущих года.

Значение средней величины показателя результативности работы ОМСУ за 3 предыдущих года рассчитывается по формуле:

$$О_j = \frac{П_j + П_{j-1} + П_{j-2}}{3};$$

б) для коэффициента показателя, высокое значение которого характеризует низкую эффективность:

ИСОj = (Омак – Оj) /(Омак – Омин).

Комплексная оценка работы ОМСУ рассчитывается только на уровне региона для определения размера гранта, предоставляемого муниципалитетам для поощрения их деятельности. Результаты расчета комплексной оценки не публикуются в сети Интернет и не позволяют сравнить результаты разных муниципальных образований.

Для проведения сравнительного анализа рассмотрим достигнутые за 2021 год значения ряда показателей на примере городов различных регионов Российской Федерации с сопоставимой численностью населения и налоговым потенциалом [9]:

– город Дзержинск Нижегородской области;
– город Орск Оренбургской области;
– город Шахты Ростовской области;
– город Рыбинск Ярославской области.

Показатель, характеризующий количество субъектов малого и среднего предпринимательства из расчета на 10 тыс. жителей согласно методике мониторинга оценивает уровень предпринимательства и оценивает эффективность стимулирования активности населения [8].

Рассмотрим за 2021 год значения показателя по стимулированию активности населения в сфере предпринимательства и бюджетного эффекта, выражающегося, по мнению авторов статьи, в планируемом объеме поступлений налогов на совокупный доход в городские бюджеты (единый налог сельскохозяйственный, система упрощенного налогообложения, система патентного налогообложения). В качестве мер по стимулированию рассмотрим финансирование муниципальных программ (подпрограмм) по поддержке развития предпринимательства.

Наибольшее значение показателя за 2021 год отмечается у города Дзержинска Нижегородской области, также в бюджете города Дзержинска заложен наибольший объем расходов на финансирование программ поддержки развития предпринимательства (табл. 1, рис. 1). Однако по объему запланированных на 2022 год поступлений налогов на совокупный доход в бюджет лидирует город Орск, значения показателя у которого наименьшее из участвующих в сравнении городов.

Можно сделать вывод, что само по себе значение показателя не отражает уровень предпринимательства, поэтому сложно оценить принимаемые ОМСУ меры по стимулированию их активности. Не показан способ соотнесения показателя с затратами на его достижение, а также с достигаемым бюджетным эффектом.

Показатель, характеризующий процентное соотношение площади налогооблагаемых земельных участков в общей площади территории городского округа (муниципального района) по методике оценивает доходную базу местного самоуправления [8].

Таблица 1

Бюджетный эффект от стимулирования активности населения в сфере предпринимательства

Наименование показателя эффективности деятельности ОМСУ	г. Орск	г. Дзержинск	г. Рыбинск	г. Шахты
Показатель по стимулированию активности населения в сфере предпринимательства, единиц на 10 тыс. населения	287.7	384.64	357.11	317.32
Меры, принимаемые ОМСУ, по стимулированию предпринимательской активности населения: расходы на программы/ подпрограммы поддержки развития предпринимательства в бюджете 2021 года, тыс. руб.	5 683.2	102 506.2	3.3	250.0
Достигнутый эффект: налоги на совокупный доход, план на 2022 год	620 303.00	359 858.90	43 489.10	132 556.60
	32%	13%	2%	8%

Источник: составлена авторами по информации за 2021 и 2022 годы [11].

Рис. 1. Бюджетный эффект от стимулированию активности населения в сфере предпринимательства
Источник: составлен авторами по информации за 2021 и 2022 годы [11]

Проанализируем значение показателя по городам в сравнении с бюджетным эффектом – запланированным на 2022 год объемом поступлений по земельному налогу в городские бюджеты (табл. 2, рис. 2).

Наибольшее значение показателя по итогам 2021 года сложилось в городе Шахты (99.9%), также в этом городе запланирован наибольший объем поступлений от земельного налога (348 682.7 тыс. рублей), наименьший показатель – в городе Рыбинске (30.84%), при этом наименьший среди сравниваемых городов объем поступлений от земельного налога – в городе Орске Оренбургской области. Использование данного показателя при оценке эффективности деятельности ОМСУ представляется достаточно объективным, поскольку прослеживается прямая взаимосвязь показателя с обусловленным им бюджетным эффектом – поступлениями от земельного налога, а также отражает усилия ОМСУ по постановке земельных участков на кадастровый учет.

Показатель, характеризующий объем расходов местного бюджета на образование общее из расчета на 1 учащегося в образовательных муниципальных учреждениях.

Согласно инструкции [10], показатель рассчитывается как отношение всего объема расходов бюджета муниципального образования на общее образование к среднегодовой численности лиц, обучающихся в муниципальных образовательных организациях. При этом в состав расходов по подразделу 0702 «Общее образование» включаются также расходы за счет субвенции бюджетам на исполнение полномочий в общеобразовательных организациях. Причем доля таких расходов в общем объеме расходов на общее образование на примере города Дзержинска составляет более 50% (табл. 3, рис. 3).

Таким образом, значение данного показателя достигается в результате совокупной деятельности органов власти регионального уровня и ОМСУ, а также финансирования из различных уровней бюджетов (регионального и местного). Это означает, что положительная динамика пока-

Таблица 2

Анализ доли площади налогооблагаемых земельных участков

Наименование показателя эффективности деятельности ОМСУ	г. Орск	г. Дзержинск	г. Рыбинск	г. Шахты
Процентное соотношение площади налогооблагаемых земельных участков в общей площади территории города, %	34.06	95.40	30.84	99.90
Поступления от земельного налога, план на 2022 г., тыс. руб.	112 091.60	227 281.20	164 332.49	348 682.70

Источник: составлена авторами по информации за 2022 год [11].

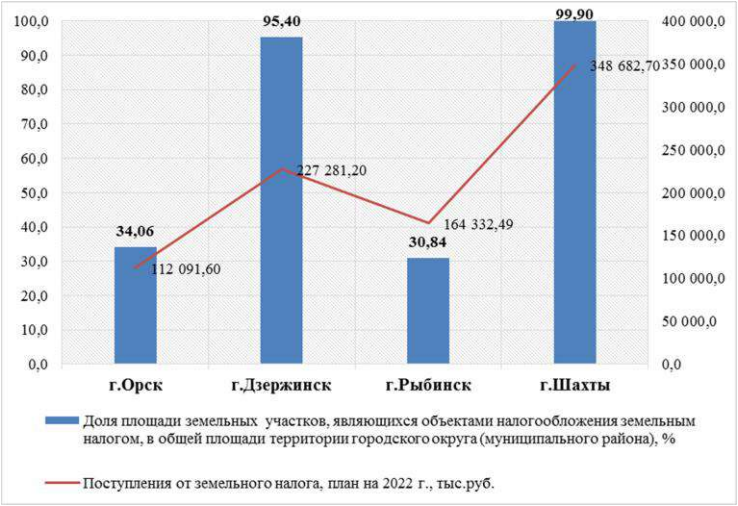


Рис. 2. Анализ доли площади налогооблагаемых земельных участков
Источник: составлен авторами по информации за 2022 год [11]

зателей не является характеристикой результативности именно муниципального управления.

Показатель по доле налоговых и неналоговых доходов местного бюджета (за исключением налоговых доходов по допнормативам отчислений) в общем объеме собственных доходов бюджета (без учета субвенций), по методике мониторинга [8], характеризует доходную базу местных бюджетов (табл. 4, рис. 4).

Наибольшее значение показателя среди анализируемых городов – у города Рыбинска Ярославской области (58.34%), наименьшее – у города Дзержинска Нижегородской области (39.88%), при этом у города Дзержинска отмечается наибольший процент собственных доходов в общем объеме доходов (70%), а также наибольшее значение налоговых и неналоговых доходов местного бюджета (за вычетом налоговых доходов по допнормативам отчислений). Негативное влияние на значение данного показателя оказывает увеличение объема субсидий в объеме собственных доходов, при этом привлечение субсидий из вышестоящих бюджетов, в том числе в рамках участия в реализации национальных проектов, государственных программ, отражает усилия ОМСУ по привлечению дополнительных доходов в бюджет.

Использование данного индикатора в качестве показателя, характеризующего доходную базу местных бюджетов, представляется необъективным, поскольку увеличение размера дополнительного норматива отчислений по НДФЛ, устанавливаемого на региональном уровне, и размера привлекаемых субсидий из вышестоящих бюджетов снижает значение показателя, но не отражает усилия по привлечению дополнительных доходов в местный бюджет ОМСУ.

Показатель, характеризующий расходы местного бюджета на содержание ОМСУ из расчета на одного жителя (табл. 5, рис. 5).

Как видно из представленной диаграммы, наибольшее значение показателя из рассматриваемых городов за 2020 и 2021 годы – у г. Дзержинска (1 352.35 руб. и 1 465.34 руб. соответственно). Однако если рассматривать результаты мониторинга муниципальных образований Нижегородской области за 2021 год, то результат города Дзержинска значительно меньше среднего значения показателя по муниципалитетам Нижегородской области (1 708.93 руб.) и один из наименьших в категории городских округов с численностью населения до 80 тыс. человек (рис. 6).

Таблица 3

Муниципальные расходы бюджетов на общее образование

Наименование показателя эффективности деятельности ОМСУ	г. Орск	г. Дзержинск	г. Рыбинск	г. Шахты
Показатель, характеризующий объем расходов на общее образование местного бюджета из расчета на 1 учащегося в муниципальных учреждениях, тыс. руб.	58.35	80.16	9.97	51.97
Расходы бюджета муниципального образования на общее образование, тыс. руб., в том числе:	1 537 476.00	1 814 866.88	203 631.60	2 533 360.67
Расходы за счет средств субвенции бюджетам городских округов на выполнение передаваемых полномочий субъектов РФ на исполнение полномочий в сфере общего образования в муниципальных общеобразовательных организациях за 2021 год (факт)	-*	1 034 182.50 [12]	-*	-*

* Необходимые расшифровки о бюджетном исполнении не содержатся в отчете за 2021 год.
Источник: составлена на основе информации из форм бюджетной отчетности на 01.01.2022 [12].

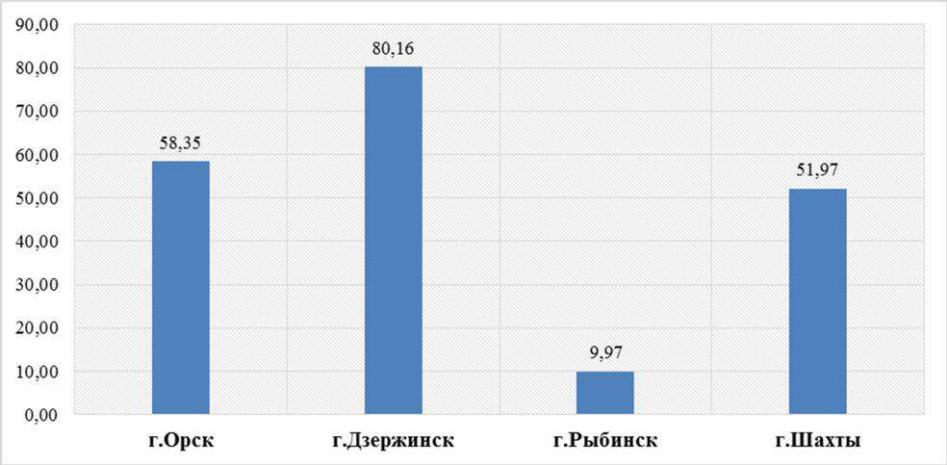


Рис. 3. Расходы на общее образование бюджетов
Источник: составлен на основе форм бюджетной отчетности на 01.01.2022 [12]

Таблица 4

Доходы бюджетов налоговые и неналоговые

Наименование показателя эффективности деятельности ОМСУ	г. Орск	г. Дзержинск	г. Рыбинск	г. Шахты
Показатель, характеризующий доходную базу местных бюджетов, %	49.00	39.88	58.34	40.59
Доходы всего, тыс. руб. (исполнение за 2021 год, на 01.01.2022) [12]	5 203 584.92	7 036 810.57	6 825 263.03	7 825 258.46
Собственные доходы бюджета муниципального образования (без учета субвенций), тыс. руб. (исполнение за 2021 год, на 01.01.2022) [12]	3 426 422.55	4 896 468.84	3 130 023.57	4 143 412.04
Налоговые и неналоговые доходы местного бюджета (за вычетом налоговых доходов по допнормативам отчислений), тыс. руб. (исполнение за 2021 год, на 01.01.2022) [12]	1 678 947.05	1 952 992.34	1 826 132.41	1 681 810.95
Доля собственных доходов в доходах бюджета, тыс. руб.	66%	70%	46%	53%

Источник: составлена на основе форм бюджетной отчетности на 01.01.2022 [12].

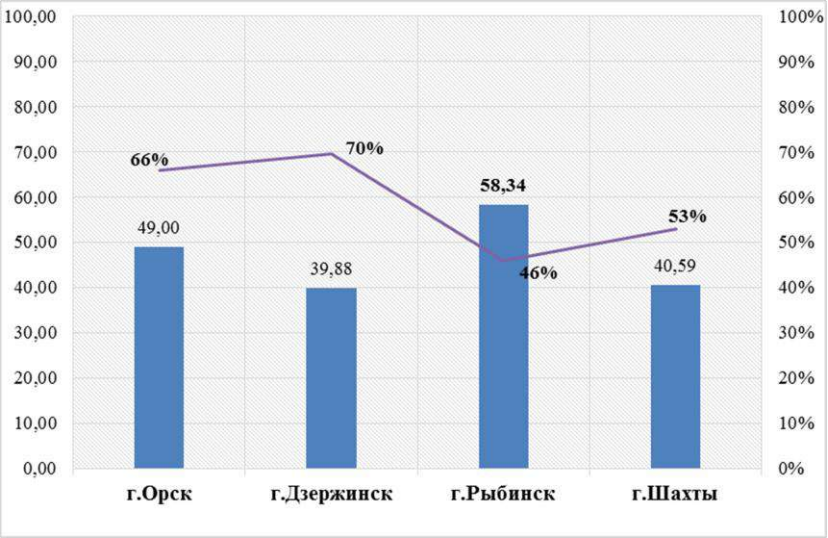


Рис. 4. Соотношение доли налоговых и неналоговых доходов и доли собственных доходов бюджетов
Источник: составлен на основе форм бюджетной отчетности на 01.01.2022 [12]

Таблица 5

Бюджетные расходы на содержание работников ОМСУ

Наименование показателя эффективности деятельности ОМСУ	г. Орск	г. Дзержинск	г. Рыбинск	г. Шахты
Показатель, характеризующий расходы на содержание работников ОМСУ из расчета на 1 жителя, руб. за 2021 год	1 240.90	1 465.34	1 365.72	1 036.00
Показатель, характеризующий расходы на содержание работников ОМСУ из расчета на 1 жителя, руб. за 2020 год	825.20	1 352.35	1 293.32	978.00

Источник: составлена авторами на основе данных форм бюджетной отчетности на 01.01.2022 [12].

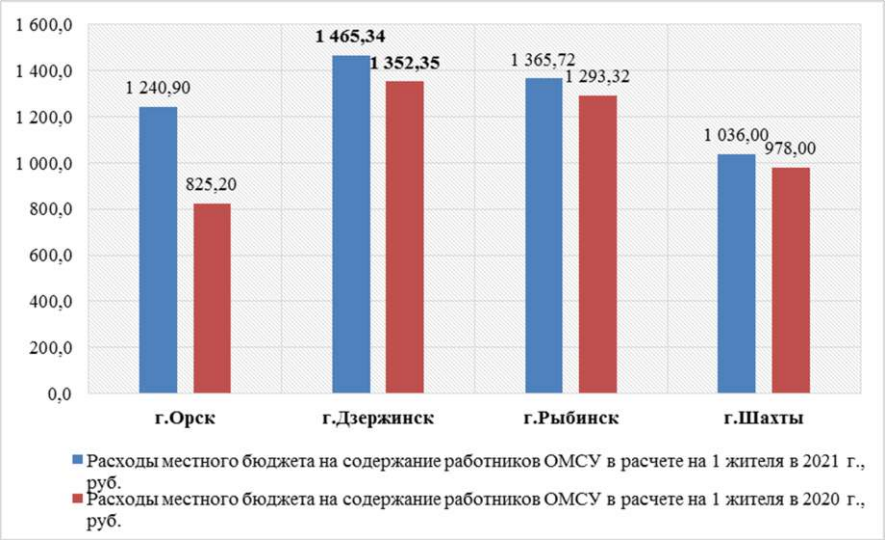


Рис. 5. Расходы бюджетов на содержание ОМСУ в 2020–2021 гг.,
в расчете на одного жителя
Источник: составлен на основе форм бюджетной отчетности на 01.01.2022 [12]

Из этого следует, что значение данного показателя зависит от установленного государственным исполнительным органом норматива на оплату выборных лиц, депутатов, служащих муниципалитета и (или) содержание местных органов власти.

Заключение

Таким образом, по результатам анализа существующей системы оценки эффективности деятельности ОМСУ на примере выбранных городов можно сделать следующие выводы.

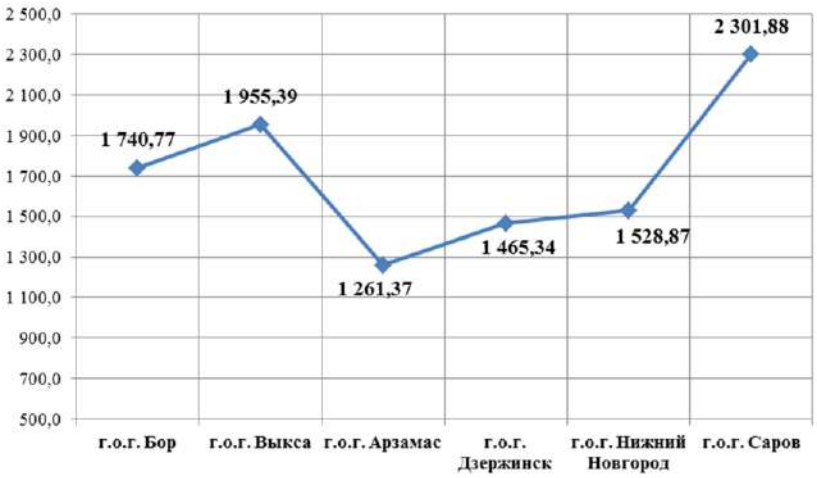


Рис. 6. Расходы городов Нижегородской области с численностью населения свыше 80 тыс. человек на содержание ОМСУ за 2021 год
Источник: составлен на основе сводного доклада Нижегородской области о результатах мониторинга эффективности деятельности ОМСУ за 2021 год [13]

1) Действующая методика расчета не отражает усилия ОМСУ по увеличению поступления дополнительных доходов в городской бюджет.

2) При проведении оценки учитывается в первую очередь не абсолютная величина показателя эффективности ОМСУ в конкретном муниципальном образовании, а его отношение к аналогичным показателям других муниципальных образований данного региона. Учитывая сравнительный характер методики, ОМСУ сложно сделать вывод о том, эффективно или нет достигнутое значение либо в какой степени оно влияет на эффективность, и, как следствие, использовать показатели эффективности ОМСУ как действенный инструмент управления. Также отсутствует механизм использования результатов данного мониторинга при принятии управленческих решений.

3) Перечень показателей эффективности ОМСУ по экономической и финансовой сфере ограничен и не позволяет системно оценить деятельность ОМСУ в сфере управления финансами и экономикой.

4) Система показателей не ориентирована на долгосрочные интересы муниципального образования, не полностью отражает стратегию развития муниципального образования.

В настоящее время практика применения оценки эффективности деятельности ОМСУ показала необходимость корректировки существующей методики оценивания, изменения подходов к оценке эффективности работы ОМСУ. Необходимо установить показатели, обеспечивающие достижение стратегических целей развития и непосредственно зависящие от работы ОМСУ.

Список литературы

1. Ефремова О.В. Факторы эффективности государственного и муниципального управления в условиях политических кризисов // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. Т. 6. № 1.

2. Преснякова Т.С. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления: российский и зарубежный опыт // Регионология. 2014. № 4. С. 14–21.

3. Дзюба И.В. Зарубежный опыт формирования системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления // Право, общество, государство: проблемы теории и истории. 2017. № 3. С. 302–304.

4. Хахунова А. Развитие практик оценки эффективности управления: мировые тренды и опыт США // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 2. С. 47–57. URL: https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2015/2/usa-politics-and-society/the-development-of-government-effectiveness-evaluation-practices-global-trends-and-the-experience-of-the-usa.

5. Еремина О.Ю. О правовых проблемах оценивания органов государственной власти // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 86–94.

6. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ (в редакции от 30 декабря 2021 года) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/.

7. Указ Президента Российской Федерации «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов» от 28 апреля 2008 года № 607 (в редакции от 11 июня 2021 года) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76576/.

8. Постановление Правительства Российской Федерации «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 года № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов» и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» от 17 декабря 2012 года № 1317 (в редакции от 30 июня 2021 года) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139508/.

9. Информация о достигнутых значениях показателей оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов // Официальные сайты администраций муниципальных образований в сети Интернет [Электронный ресурс].

10. Инструкция по расчету показателей для оценки эффективности деятельности ОМСУ // Официальный сайт министерства экономического развития и инвестиций Нижегородской области в сети Интернет [Электронный ресурс]. URL: https://minec.government-nnov.ru/?id=1084.

11. Нормативно-правовые акты о бюджетах муниципальных образований на 2021 и 2022 годы // Официальные сайты муниципальных образований в сети Интернет [Электронный ресурс].

12. Данные форм бюджетной отчетности 0503317 «Отчет об исполнении консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда» на 01.01.2022 // Официальные сайты муниципальных образований в сети Интернет [Электронный ресурс].

13. Сводный доклад Нижегородской области о результатах мониторинга эффективности деятельности ОМСУ за 2021 год // Официальный сайт министерства экономического развития и инвестиций Нижегородской области в сети Интернет [Электронный ресурс]. URL: https://minec.government-nnov.ru/?id=1084.

EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES

M.N. Pavlenkov, K.S. Sukhareva

Dzerzhinsk Branch of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article deals with the issues of assessing the effectiveness of the management of municipalities, which is based on the category of efficiency and is the basis of official methods for evaluating the results of the activities of local governments. The analysis of the results of the activities of a number of cities is carried out and it is shown that in existing methods it is required to use such indicators, on the achievement of which the activity of municipal self-government directly depends. The paper has developed proposals to improve the existing methodology for assessing the activities of the OMSU.

Keywords: local government, efficiency, performance indicators, assessment methodology, monitoring, budget.

УДК 334.025
DOI 10.52452/18115942_2023_1_58

РЕЗУЛЬТАТЫ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА В ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

© 2023 г.

Х.С. Пак, В.В. Кулибанова

Пак Хе Сун, д.э.н.; проф.; профессор кафедры менеджмента
и государственного и муниципального управления
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
профессор кафедры международного бизнеса
Санкт-Петербургского государственного экономического университета
natali-pak@yandex.ru
Кулибанова Валерия Вадимовна, д.э.н.; доц.; главный научный сотрудник
Института проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург
valerykul@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.11.2022
Статья принята к публикации 27.01.2023

Несмотря на изменившуюся экономическую ситуацию и внешние вызовы, необходимость продолжать реформирование системы управления в государственной сфере осталась. В научном дискурсе все активнее звучат предложения о более настойчивом внедрении концептуальных основ системы менеджмента качества (СМК) в государственное и муниципальное управление. Первые результаты такого внедрения позволяют говорить о росте эффективности управления. Целью данной работы является оценка результатов внедрения системы менеджмента качества в государственное управление в РФ**.** Авторы провели анализ и выполнили оценку результатов административной реформы и внедрения СМК в государственное управление. Проведенное исследование результатов реализации административной реформы показало, что государство пыталось внедрить СМК в масштабах всей страны. Отмечая ряд положительных моментов реформирования государственного управления в аспекте внедрения системы СМК, авторы выявили, что ряд методов СМК, проникших в сферу государственного управления из частного сектора, не были реализованы должным образом. Например, большинство функций и услуг реализуется не в процессном формате. Процессная логика в сфере государственного управления ориентирована на выполнение функций, а не на достижение результатов. Однако несмотря на все сложности, на наш взгляд, созданы все предпосылки для внедрения СМК в государственное управление. В настоящее время в России можно отметить рост числа примеров внедрения СМК в органах власти. На основе выполненных исследований предложены новые ориентиры административной реформы**.**

Ключевые слова: система менеджмента качества, государственное управление, муниципальное управление, административная реформа, качество оказания услуг.

Введение

Реформирование государственного управления, наряду с положительными моментами, принесло ряд отрицательных моментов, которые явились препятствием для продолжения реформ. В этих условиях применение концептуальных основ менеджмента качества в государственном и муниципальном управлении во многих странах, в том числе и в России, явилось признанием бесперспективности действующей парадигмы управления в государственной сфере, сущность которой выражается в реализации своих функций с помощью постоянного роста налогов и социальных расходов.

Опыт зарубежных стран и России показал, что внедрение системы менеджмента качества (СМК) в практику государственного и муниципального управления привело к росту его эффективности [1, 2].

Основным краеугольным камнем концептуальных основ СМК является положение о том, что качество произведенной продукции или предоставляемой услуги необходимо рассматривать не только на конечном этапе производственной деятельности, а на всех этапах этой деятельности. В международном стандарте ISO 9001:2015 [3] отражено, что управление взаимосвязанными процессами как системой приводит к повышению эффективности (результативности) организации в достижении цели и запланированных результатов. Переход к данному подходу управления (процессному подходу) означает, что главное не выявление брака в производстве продукции или в предоставлении услуги, а предупреждение (профилактика) брака на всех этапах производственной деятельности, что подтверждается основными положениями концепции управления каче-

ством, изложенными в трудах зарубежных и отечественных ученых, таких как Ф. Тейлор – основоположник научного управления, А. Файоль – основатель научного менеджмента, базиса системы управления качеством, который использовал научные методы в управлении для повышения качества работы. Его принципы, хотя они появились более века назад, до сих пор актуальны. Они были использованы в Европе, США в государственных учреждениях и дополнены многими учеными (Л. Урвик, М. Вебер, М. Фоллет, Ч. Барнард, Э. Деминг, У. Шухарт, К. Исикава, Д. Нортон, Р. Каплан и др.).

М. Вебер в книге «Хозяйство и общество» и Ч. Барнард в своем главном труде «Функции руководителя» выделили множество типов государственного управления [4], заложили ключевой смысл, который заключается в том, что основной целью для любой организации, в том числе и государственной, является удовлетворение потребностей и интересов всех стейкхолдеров [5], также заложили основы государственного управления с принципами корпоративного управления, при котором все управляемое признается эффективным.

К. Исикава – ученый из Японии, сыгравший значительную роль в создании концепции управления качеством. Его знаменитый инструмент качества – диаграмма в виде рыбьего скелета, в голове которой размещается проблема, на костях – причины, влияющие на процесс, очень популярен в бизнес-менеджменте [6].

Цикл Деминга (PDCA) и его принципы [7, 8] являются моделью управления качеством, которое включает следующие этапы: планирование, внедрение, проверка, действие.

Ученые – исследователи в данной области пришли к выводу, что для достижения повышения качества производимой продукции или предоставляемой услуги необходимо систематическое повторение всех этапов действий приведенного цикла в процессе.

Н.В. Михайлова и Л.А. Фёдорова считают, что «цепная реакция Деминга иллюстрирует идею о том, что требование улучшения качества – не прихоть потребителя. В результате усилий по повышению качества продукции и стабильности технологических процессов выгоду получают все: и потребитель, удовлетворяющий свои потребности, и фирма-производитель, увеличивающая прибыль, которую можно направить на развитие, и государство, собирающее больше налогов» [9].

Например, цикл Деминга и система сбалансированных показателей (ССП) Роберта Каплана и Дэвида Нортона [10] созданы для успешного бизнеса. Но несмотря на это, применение их в сфере государственного и муниципального управления принесло положительные плоды, например были разработаны карты состояния отрасли (образования, культуры, транспортной сферы и др.), которые дали положительный эффект в свое время в деятельности муниципальных образований Ленинградской области и Республики Коми, в настоящее время в администрации г. Хабаровска качество оказываемых муниципальных услуг оценивается с помощью ССП [11, 12]. Д.В. Маслов, М.Э. Дмитриев, З.С. Айвазян [13] предлагают внедрить концепцию «государства-платформы», которая представляет единый центр со сквозной межведомственной цифровизацией процессов для предоставления качественных госуслуг.

Цель исследования – оценка результатов внедрения СМК в государственное управление в РФ.

Объектом исследования является система государственного управления РФ.

Предметом исследования является процесс внедрения СМК в практику государственного управления.

В рамках поставленной цели решаются следующие задачи: анализ и оценка результатов административной реформы и внедрения СМК в государственное управление; определение новых ориентиров административной реформы.

Методы и материалы

Основу базы исследования составили труды Института проблем государственного и муниципального управления по оценке качества (эффективности) данного управления НИУ ВШЭ (ИГМУ), МЦСЭИ «Леонтьевский центр», указы Президента РФ об эффективности, документы правительств Ленинградской области, Республики Татарстан и Хакасии, Хабаровского края и др. Основные методы исследования: сравнительный анализ, рейтинговые методы, интегральные подходы к оценке качества (эффективности) управления.

Результаты и обсуждение

Внедрение концепции СМК в управлении публично-правовыми образованиями (ППО) требует кардинальных изменений всей системы государственного управления, в частности: реформирования структуры ППО, разработки административных регламентов, формирования системы оценки деятельности органов власти и управления, реформирования бюджетного процесса и местного самоуправления.

В соответствии с основными принципами СМК целями административной реформы РФ

стали реформирование оргструктуры федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ), повышение качества и оценка эффективности деятельности ОИВ.

Реформирование оргструктуры ФОИВ связано с разграничением полномочий и установлением соподчинения между министерствами, службами и агентствами.

Система структуры ФОИВ стала представлять следующее:

– министерства, основная задача которых – формирование государственной политики в различных областях;

– службы, основная задача которых – контрольно-надзорные функции;

– агентства, основная задача которых – управление госсобственностью, внедрение программ и оказание государственных услуг.

В соответствии с Указом Президента РФ № 314 от 09.03.2004 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» ликвидированы дублирующие и избыточные функции, созданы механизмы упразднения функций и защиты от появления новых избыточных функций. Количество министерств сократилось: было 23, стало 14; образовалось 29 новых служб и 29 федеральных агентств.

Новая функциональная специализация государственных организаций должна была исключать конфликт интересов между функциями выработки политики, исполнения и контроля ее. Но в реальности ФОИВ были наделены правами не только выработки политики, но и исполнения ее, то есть вновь созданный функционал, исключающий конфликт интересов, разрушили еще в самом начале его реализации.

Всего за период с начала реформы до настоящего момента изменения в структуре Правительства РФ происходили множество раз в соответствии с новыми указами Президента РФ № 649, № 1274, № 724, № 1445, № 21, которые посвящены вопросам структуры ФОИВ.

Проведена регламентация действий с помощью формирования административных регламентов по реализации функций, системы оценки качества в сфере государственного управления, стандартов публичных услуг и результативности этих услуг, созданы электронное правительство и межфункциональные центры (МФЦ), также осуществлялись меры по повышению уровня информационной открытости органов власти.

Изданы указы Президента РФ об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных образований [14, 15]. Для их выполнения сформирована система показателей оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти региона и муниципальных образований.

В этих условиях особое значение придается разработкам в области качества государственного управления.

В трудах МЦСЭИ «Леонтьевский центр» [16, 17] представлен подход к реализации региональной политики через региональные целевые программы (РЦП), соответствующий основным положениям доклада о результатах и основных направлениях деятельности (ДРОНД), в которых установлены показатели эффективности деятельности органов власти субъектов РФ.

Методика Института проблем государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ (ИГМУ) [18] по оценке качества (эффективности) данного управления состоит из следующих основных положений:

1) оценка качества определяется только по деятельности органов исполнительной власти;

2) оценка качества основывается на данных официальных документов;

3) оценка качества должна отражать основные цели и направления социально-экономического развития территории.

Качество (эффективность) государственного управления – это организованное и последовательное выполнение процессов управления по реализации всех обязательств, взятых ОИВ перед обществом, по утверждениям исследователей данного института, а также оценка качества этих процессов, которая состоит из двух этапов:

1) оценка эффективности (результативности) деятельности ОИВ;

2) оценка создания условий для расчета эффективности.

Достоинство подхода – объективность и прозрачность показателей, применяющихся для оценки.

Недостатки подхода:

1) отсутствие ряда показателей в официальной базе данных;

2) сложность формализации целевой функции государственного и муниципального управления;

3) целевая функция государственного управления может не иметь признания общества.

Итак, данный институт предлагает измерение качества процессного подхода к государственному управлению (применяется основной постулат СМК) и утверждает, что качество данного вида управления состоит из трех базовых характеристик:

– обоснование достижения намеченных результатов;

– организация внутренней деятельности;

– обратная связь с населением как потребителем услуг.

При оценке качества бюджетных услуг разработка системы показателей и методика их расчета, стандартов качества реализации вызывают основные сложности.

Стандарты качества бюджетных услуг обычно содержат стоимость оказания, требования к качеству услуги, описание порядка обжалования нарушений и другие нормы.

Стандарты бюджетных услуг в основном содержат показатели эффективности (результативности), требования к ним и процессу деятельности, квалификации исполнителей и качеству помещений, в которых оказываются бюджетные услуги.

Примером практического внедрения подобных стандартов являются стандарты результативности оказания государственных услуг в сфере образования в Ленинградской области. Данный стандарт определяет уровень достижения намеченного результата оказания государственной услуги, например:

1. Для услуги «Деятельность, направленная на обеспечение государственных гарантий качества образования»:

1.1. Уменьшение доли учащихся общеобразовательных учреждений, занимающихся во вторую смену, на 0.5%;

1.2. Уменьшение доли детей, не обучающихся в системе общего образования, на 0.001%;

1.3. Увеличение доли учащихся старшей ступени, обучающихся по программам предпрофильной подготовки, индивидуальным учебным планам и программам профильного обучения, на 6.0%;

2. Для услуги «Деятельность, направленная на создание условий для сохранения здоровья обучаемых»:

2.1. Уменьшение доли детей и подростков с низким уровнем физического развития на 0.5%;

2.2. Увеличение доли обучающихся, получающих горячее питание, на 0.5%;

2.3. Увеличение доли детей и подростков, получивших психолого-педагогическую поддержку в областной и муниципальных психологических службах, на 0.7% [19].

Реформирование коснулось не только государственных и муниципальных органов власти, но и организаций, подведомственных им.

Показатели качества государственных услуг, которые оказываются бюджетными учреждениями, рассмотрим на примере организаций МЧС РФ. Эти показатели устанавливают основные требования к объему и качеству этих услуг, предоставляемых за счет средств бюджета, в целях повышения эффективности деятельности этих учреждений. Они разбиты по группам:

I. Деятельность Государственной противопожарной службы, связанная с тушением и предупреждением пожаров ФГКУ СУ ФПС МЧС России. К этой группе относятся показатели: сокращение времени прибытия пожарных подразделений на объекты, количество пожаров, объем экономического ущерба и др.;

II. Реализация дополнительных профессиональных образовательных программ. Государственные учреждения высшего профессионального и дополнительного профессионального образования, находящиеся в ведении МЧС России. К этой группе относятся показатели: своевременность обновления содержания учебной документации в соответствии с ФГОС, рост количества изданных монографий, учебно-методических пособий в соответствии с ФГОС и др.;

III. Оказание специализированной амбулаторно-поликлинической и стационарно-замещающей медицинской помощи. Федеральное государственное учреждение здравоохранения Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. К этой группе относятся показатели: смертность населения в трудоспособном возраст, степень удовлетворенности населения медицинской помощью и др. [20].

Все показатели соответствуют показателям, установленным в стандарте услуг. Предлагаемая система показателей и методика их определения должна способствовать повышению качества оказываемых услуг.

Также на практике реализуется система показателей оценки качества образовательной бюджетной услуги детских дошкольных учреждений и (или) общеобразовательных школ, которые разбиты по 3 группам: к индикаторам уровня достижений учащихся относятся показатели – процент классов, отмеченных дипломами, грантами олимпиад, получивших высокую аттестационную оценку, процент учащихся, успешно усвоивших программные задачи; к индикаторам уровня образовательного процесса относятся – уровень квалификации и нагрузка педагогического персонала, обеспеченность компьютерами, учебной площадью и др.; к индикатору удовлетворенности образовательной услугой относятся показатели – процент выбывших учеников, родителей, удовлетворенных услугой [21].

Рассмотрим реализацию методологических подходов к оцениванию качества бюджетных услуг субъектов РФ на примере следующих регионов страны в соответствии с Федеральным законом от 5 декабря 2017 г. № 392-ФЗ [22].

Существуют различные подходы в регионах к решению данной проблемы.

Хабаровский край. Для оценки качества предоставления услуг населению по информационной открытости деятельности органов исполнительной власти и местного самоуправления применяются такие показатели, как «доля территории края, покрытой актуальными космическими снимками; доля населения края, имеющего возможность получения государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна», место края в рейтинге готовности регионов России к информационному обществу и др.», которые представлены в программе по развитию информационного общества края [23].

Республика Хакасия. Показатели, характеризующие качество государственной услуги в сфере здравоохранения:

– выполнение государственного задания (%);

– стоимость единицы услуги (рублей за койко-день);

– средняя длительность лечения в круглосуточном стационаре (дни);

– занятость круглосуточной койки (дней в год) [24].

Республика Татарстан. Оценка качества фактически оказанной услуги соответствует установленному стандарту данной услуги и осуществляется с помощью использования агрегированного индикатора, который отражает число взвешенных нормированных критериев качества, представленных в соответствующем постановлении кабмина республики [25].

Мурманская область. Показатели оценки качества оказания государственной услуги «Библиотечное, библиографическое и информационное обслуживание пользователей библиотеки в стационарных условиях» представлены в стандартах качества области [26]: «динамика посещений к предыдущему периоду, %; соответствие помещений требованиям; наличие актуальной информации на сайте библиотеки в сети Интернет; отсутствие обоснованных жалоб потребителей; соответствие санитарного состояния требованиям и др.».

Положительные результаты от внедрения СМК в органах исполнительной власти (ОИВ):

– за годы реформирования государственного управления понятие «качество» стало привычным атрибутом и более расширенным, объединив такие понятия, как «эффективность» и «результативность», т.е. совмещает и качество производителя, и качество для потребителя данных услуг. Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 601 [27] определено, что к 2018 году уровень удовлетворенности граждан качеством оказания бюджетных услуг должен быть не менее 90%; удельный вес граждан, получающих услуги в электронном формате, – не менее 70%; удельный вес граждан, получающих услуги по принципу «единого окна», – не менее 90%.

Минэкономразвития РФ формирует ежегодный рейтинг по качеству оказания услуг в электронном формате. По данным рейтинга за 2020 год лидерами являлись Москва, Московская и Тульская области, аутсайдерами – Республика Крым, Чеченская Республика и Ингушетия. В сравнении: Москва – 98.36 балла, Ингушетия – 7.71 балла. В данном рейтинге оцениваются: полнота информации об услуге, информация о статусе поданного заявления, доля онлайн-посещений соответствующих учреждений;

– оптимизация организационной структуры, улучшение взаимодействия между структурными подразделениями администраций. Применение бережливых технологий управления в государственном секторе приводит к перестройке структуры управления: от линейно-функциональной к процессной и проектной. При управлении в процессном формате решаются более 50% целей и задач, при проектном – 20–30%, а деятельность органов власти должна быть ориентирована на достижение запланированных результатов, а не на выполнение функций [28]. Примером служат лучшие практики в сфере бережливого управления, которые успешно действуют в Белгородской области. В 2020 году проект по культуре бережливого государственного управления данного региона стал победителем конкурса «Проектный Олимп». Также законодательно регламентированы в регионе положения по бережливому управлению. В Якутии утверждена стратегия цифровой трансформации отраслей экономики и социальной сферы. Одной из главных составляющих данной стратегии являются основные направления преобразования существующей системы государственного управления на основе бережливых технологий. В Нижегородской области функционируют фабрики процессов, сформирован «Паспорт эффективного госслужащего» и много др. примеров;

– внедрение и сертификация СМК администрации путем создания единого центра по оказанию государственных и муниципальных услуг, что привело к оптимизации процессов, сокращению бюджетных средств, времени на предоставление услуг, повышению доступности и качеству бюджетных услуг (на примере г. Шахты Ростовской области);

– применение бережливых Lean-подходов в государственном управлении (бережливое государство, бережливое управление, бережливый город) в таких регионах, как Республика Татарстан, Якутия, Удмуртия, в Воронежской, Ярославской, Новгородской областях и др. В настоящее время основной причиной масштабного

внедрения Lean-подхода в сфере государственного управления является то, что он успешно реализуется при ограниченных финансовых, материальных, кадровых ресурсах и дает прекрасные результаты;

– внедрение цифровых технологий в органы власти во всех субъектах РФ, которое помогает достичь повышения качества оказываемых бюджетных услуг с учетом задействования потенциальных возможностей удаленных территорий страны. Объем расходов на ИКТ-бюджеты в 2021 году в топ-10 регионов, в который входят Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Пермский и Краснодарский края, ЯНАО, Самарская, Нижегородская и Саратовская области, составляет около 70% общих расходов 85 субъектов РФ. Самый низкий ИКТ-бюджет – в Костромской и Псковской областях, а также в Еврейской автономной области [29].

В настоящее время принципы Э. Деминга по-прежнему актуальны и могут помочь определить ценностные ориентиры дальнейших реформ государственного управления. Приведем несколько его актуализированных принципов:

– первый принцип – *постоянство цели*. Целью государственного управления должно быть постоянное совершенствование всех сфер деятельности с целью повышения качества оказываемых государственных услуг населению с учетом рационального распределения ресурсного потенциала;

– второй принцип – *новая философия управления*. Необходимо принять новые методы и технологии управления. Административно-командные методы управления не ориентированы на удовлетворение требований потребителей (населения);

– третий принцип – *ликвидировать зависимость от массового контроля*. Качество должно быть основным элементом процессного формата. Массовый контроль требует временных и материальных затрат. При этом он не дает должного эффекта;

– четвертый принцип – *отказ от практики закупок по самой низкой цене*. Предложение по наименьшей цене поставляемой продукции заведомо означает ее низкое качество;

– пятый принцип – *улучшайте каждый процесс.* Этот принцип должен быть главным в сфере государственного управления. Органам исполнительной власти необходимо перейти на процессный формат деятельности, иначе не будет определен конкретный объект улучшения;

– девятый принцип – *разрушить любые барьеры между подразделениями, службами, отделами.* Необходимо тесное межведомственное взаимодействие в процессном формате для удовлетворения потребностей каждого потребителя государственных услуг, что требует ликвидации функциональных барьеров;

– двенадцатый принцип – *дайте сотрудникам возможность гордиться своей работой*. Необходимо дать возможность чиновникам раскрыть свои творческие способности и заставить их отказаться от принципа наказуемости инициативы [12].

Заключение

Несмотря на ряд положительных моментов реформирования государственного управления в аспекте внедрения системы СМК, необходимо отметить, что ряд методов СМК, проникшие в сферу государственного управления из частного сектора, не реализованы должным образом.

1. Большинство функций и услуг реализуется не в процессном формате. Процессная логика в сфере государственного управления ориентирована на выполнение функций, а не на достижение результатов [12].

2. Инертность в принятии решений из-за длительного согласования с вышестоящими руководителями, а самое главное – отсутствия мотивации сотрудников.

3. Внедрение бюджетирования, ориентированного на результат (БОР), определило стоимостную оценку функций органов исполнительной власти (ОИВ), но бюджет по данной методологии превысил объем средств на содержание ОИВ по старой методологии. Для успешного внедрения БОР необходимо текущую деятельность ОИВ перевести в процессный формат.

4. Существует ошибочное мнение, что деятельность ОИВ уже является процессом в соответствии с административным регламентом, который не является по содержанию процессным. Внедрение его усилило уровень бюрократизации [12].

5. Недостаточно четко поставлены цели и задачи внедрения СМК, поэтому реализация данного процесса на всех уровнях власти становится формальностью.

6. Внедрение системы ключевых показателей эффективности (KPI) в государственное управление отражает формальное достижение показателей.

Исследование результатов реализации административной реформы показывает, что государство пыталось внедрить СМК в масштабах всей страны. Несмотря на перечисленные выше недостатки, на наш взгляд, созданы все предпосылки для внедрения СМК в государственное управление. В настоящее время в России растет

число примеров внедрения СМК в органах власти.

Учитывая вышесказанное, перспективным направлением дальнейших исследований являются новые ориентиры административной реформы:

– внедрение принципов проектного управления;

– внедрение принципов процессного управления;

– электронно-правовое обеспечение, т.е. придание юридической силы электронным источникам и электронной цифровой подписи;

– формирование новой модели управления в результате трансфера управленческих технологий из бизнеса в деятельность органов исполнительной власти.

Список литературы

1. Окрепилов В.В. Обеспечение высокого качества жизни на основе повышения качества государственного управления // Управленческое консультирование. 2016. № 12. С. 26–36.

2. Маслов Д.В., Стаес П., Тийес Н. Модель CAF в государственном управлении: практика улучшений по результатам самооценки // Менеджмент качества. 2017. № 2. С. 212–221.

3. Стандарт ИСО 9001:2015* «Системы менеджмента качества. Требования» (ISO 9001:2015 «Quality management systems – Requirements», IDT). URL: https://docs.cntd.ru/document/1200124394 (дата обращения: 23.10.2022).

4. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Господство / Пер. с нем. под ред. Л.Г. Ионина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 544 с.

5. Барнард Ч. Функции руководителя. Власть, стимулы и ценности в организации. М.: ИРИСЭН, 2012. 336 с.

6. Исикава К. Японские методы управления качеством / Сокр. пер. с англ. под ред. А.В. Гличева. М.: Экономика, 1988. 214 с.

7. Деминг Э. Выход из кризиса. Новая парадигма управления людьми, системами и процессами. М.: Альпина Паблишер, 2011.113 с.

8. Деминг Э. Менеджмент нового времени: Простые механизмы, ведущие к росту, инновациям и доминированию на рынке. М.: Альпина Паблишер, 2019. 187 с.

9. Михайлова Н.В., Фёдорова Л.А. Концепции У.Э. Деминга – «Опорные точки» современной системы всеобщего управления на основе качества // Век качества. 2017. № 5-6. С. 33–37.

10. Каплан Р., Нортон Д. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2003. 210 с.

11. Мирзалиев М., Юрков А., Юркова С. Оценка результативности деятельности органов местного самоуправления в социальной сфере: на примере исследовательских работ в Ленинградской области и Республике Коми // Муниципальная власть. 2008. № 1. С. 36–49.

12. Пустынникова О.А. Оценка качества предоставления муниципальных услуг с использованием системы сбалансированных показателей (опыт администрации города Хабаровска). URL: https://www.asdg.ru/sections/info2/dvadtsatiletie/stati/st2POA.pdf (дата обращения:15.10.2022).

13. Отдельные аспекты трансформации государственного управления: процессы и качество. Аналитический обзор. Центр стратегических разработок / Текст: Д.В. Маслов, М.Э. Дмитриев, З.С. Айвазян; Редакция: М.О. Комин. URL: https://www.csr.ru/uploads/2018/02/GosupravlnieWeb.pdf (дата обращения: 25.10.2022).

14. Указ Президента РФ 14 ноября 2017 г. № 548 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // Система «Гарант». URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71709662/#ixzz5XfUhHKR9 (дата обращения: 20.10.2022).

15. Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» // Система «Гарант». URL: http://base.garant.ru/193208/#ixzz5XfVdyX4Y (дата обращения: 20.10.2022).

16. Берлин Ю., Жихаревич Б., Лимонов Л. Опыт разработки системы индикаторов эффективности реализации государственных функций на уровне субъекта РФ (Архангельская область) // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2006. № 2 (28). С. 87–93.

17. Лимонов Л. Взаимосвязь стратегического планирования, административной и бюджетной реформы, реализуемых на субнациональных уровнях. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXlUFoewruLfLleVuuV57Hufbx_t_QEGGPKsWMerktxfnIMRTBpAXWC_IdsFpLnvQBOESJ08feFtPeg80dvQcZsO0VIJBoz4kShdbD1a4qprasEYEiTlVnB2kNMfjRDQR1AD9683Wg%3D%3D%3Fsign%3Dv4XAoa4E3kvpHeAluA4NHc3--9mXE90Pag5EsyxORLw%3D&name=20060405_limonov.doc&nosw=1 (дата обращения: 15.10.2022).

18. Алескеров Ф.Т., Головщинский К.И., Клименко А.В. Оценки качества государственного управления. Препринт WP8/2006/02. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 36 с.

19. Постановление Правительства Ленинградской области от 29.06.2006 № 205 «О бюджетных услугах, Стандартах результативности предоставления бюджетных услуг, методах их использования для планирования, исполнения и оценки эффективности деятельности субъектов бюджетного планирования» // Система «Гарант». URL: http://base.garant.ru/ (дата обращения: 15.10.2022).

20. Пак Х.С., Давыдова А.А., Таранчук Е.А. Оценка качества предоставления услуг в бюджетных учреждениях МЧС России // Проблемы управления рисками в техносфере. 2016. № 3. С. 119–124.

21. Аналитический отчет о проведении регионального мониторинга качества дошкольного образования в Ленинградской области в 2020 году. URL: https://edu.lenobl.ru/media/uploads/userfiles/2020/07/20/

ДО_Аналитический_отчет-2020.pdf (дата обращения: 15.10.2022).

22. Федеральный закон от 5 декабря 2017 г. № 392-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования проведения независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы».

23. Постановление Правительства Хабаровского края от 02.05.2012 № 139-пр «Государственная целевая программа Хабаровского края «Развитие информационного общества в Хабаровском крае на 2012 – 2020 годы». URL: http://www.regionz.ru// (дата обращения: 26.10.2022).

24. Приказ от 29 декабря 2012 года № 1056 «Об утверждении стандартов качества государственных услуг, оказываемых государственными учреждениями здравоохранения Республики Хакасия». URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1666807679&tld=ru&lang=ru&name=prikaz-mz-rkh-ot-29.12.2012-goda-n-1056 (дата обращения: 26.10.2022).

25. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 30 июня 2009 года № 446 (с изменениями на 13 декабря 2018 года) «О порядке проведения оценки соответствия качества фактически предоставляемых государственных услуг установленным стандартам качества государственных услуг, оказываемых государственными учреждениями Республики Татарстан» // Система «Гарант». URL: http://base.garant.ru/ (дата обращения: 26.10.2022).

26. Приказ Комитета по культуре и искусству Мурманской области от 27.09.2016 № 194 «Областной стандарт качества оказания государственной услуги «Библиотечное, библиографическое и информационное обслуживание пользователей библиотеки в стационарных условиях» // Система «Гарант». URL: http://base.garant.ru/ (дата обращения: 26.10.2022).

27. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201205070016 (дата обращения: 10.10.2022).

28. Бережливое управление в госсекторе. Как наладить процессы / Под ред. А.В. Ожаровского, К.А. Ткачевой. М.: РАНХиГС, 2021. 184 с. URL: https://lean.cdto.ranepa.ru/Lean_CDTO_RANEPA.pdf (дата обращения: 10.10.2022).

29. Рейтинг ИКТ-бюджетов регионов агентства Cnews [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/articles/2021-04-21_rossijskie_regiony_rezko_sokrashchayut (дата обращения: 10.10.2022).

RESULTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE QUALITY MANAGEMENT SYSTEM IN PUBLIC ADMINISTRATION

***K.S. Pak*[1], *V.V. Kulibanova*[2]**

[1]St. Petersburg State University of Management Technologies and Economics; St. Petersburg State University of Economics
[2]Institute for Regional Economic Studies RAS

Despite the changed economic situation and external challenges, the need to continue reforming the management system in the public sphere remains. In the scientific discourse there are more and more active proposals for the increasingly active implementation of the conceptual foundations of quality management (QMS) in public and municipal management. The first results of such implementation allow us to speak about the growth of management efficiency. The purpose of this paper is to assess the results of the implementation of quality management system in public administration in the Russian Federation. The authors have analyzed and evaluated the results of administrative reform and implementation of QMS in public administration. The study of the results of the implementation of the administrative reform showed that the state was trying to implement QMS throughout the country. Noting a number of positive aspects of the public administration reform in the aspect of implementation of QMS, the authors revealed that a number of QMS methods, which penetrated into the sphere of public administration from the private sector, had not been properly implemented. For example, most of the functions and services are not implemented in a process format. The process logic in public administration is focused on the performance of functions, not on the achievement of results. However, despite all the difficulties, in our opinion, all the prerequisites for the implementation of the QMS in public administration have been created. At the present time in Russia, we can note an increase in the number of examples of QMS implementation in public authorities. On the basis of the performed research new benchmarks of administrative reform are proposed.

Keywords: quality management system, public administration, municipal management, administrative reform, quality of services.

УДК 332.1
DOI 10.52452/18115942_2023_1_66

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОГРАММ РЕНОВАЦИИ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ

© 2023 г.

Е.В. Руденок, И.И. Юрасова, Л.В. Дайнеко

Руденок Екатерина Владиславовна, студент кафедры экономики и управления строительством и рынком недвижимости Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
erudenok2002@gmail.com
Юрасова Инна Игоревна, старший преподаватель кафедры экономики и управления строительством и рынком недвижимости Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
i.i.iurasova@urfu.ru
Дайнеко Людмила Владимировна, старший преподаватель кафедры экономики и управления строительством и рынком недвижимости Уральского федерального университета им. первого

переселено около 48 тысяч человек, под фактическое заселение было передано 158 домов [3]. Расширение программы реновации устаревшего жилья и распространения московского опыта на регионы послужили причиной поиска зарубежных практик реновации и обусловили актуальность текущего исследования. Предметом исследования является процесс реновации и воспроизводства жилого фонда. В качестве объекта выступили зарубежные и российские практики реализации этого процесса.

Литературный обзор

В России понятие «реновация» появилось в 1990-е годы, но до сих пор так и не было определено на законодательном уровне [4]. Реновация, по мнению С.И. Белякова и К.В. Ефимова, представляет собой процесс улучшения или модернизации отдельных элементов без разрушения целостности структуры системы [5]. М. Барейчева и др. считают, что адаптацию жилых объектов для повторного использования можно считать более экологичной, чем строительство нового здания (меньше необходимых материалов, меньше отходов строительства и сноса, выбросов парниковых газов и т.д.) [6]. Однако анализ содержательной части московской программы показывает, что если речь идет о реновации жилья, то в первую очередь подразумевается его снос. Поэтому, по мнению авторов, определение понятия «реновация» М.Е. Скачковой и Н.И. Шелеговой – принудительное освобождение территории (снос зданий и сооружений, извлечение из подземного пространства инженерных коммуникаций, сетей и др.) для обеспечения нового строительства, вне зависимости от степени сохранности расположенных на ней строений [7], – является наиболее верным. По такому сценарию, например, была освобождена территория на границе условного центра города Екатеринбург, на правом берегу реки Исеть. Этот участок был застроен жилыми и административными зданиями 2–4 этажей. Сейчас же на этом месте планируется провести комплексную застройку территории зданиями высотой до 44 этажей [8].

Несколько иное представление о данном процессе складывается у зарубежных авторов. Syafiqah Suhainudin указывает на необходимость ясного разграничения понятий реновации и реконструкции. Так, реновация представляет собой возвращение чего-либо в исходное состояние, оживление и обновление [9]. Linn Lui, в свою очередь, определяет реновацию как средство улучшения и развития зданий для удовлетворения потребностей и снижения уязвимости домовладельцев и арендаторов к росту цен на энергию в будущем [10]. Экологичность реновации раскрывает проект «Садовая комната Эллебо», реализованный в датском городе Баллеруп, где реконструкция фасада включила не только усовершенствование архитектурной выразительности, но и улучшение теплоизоляции, а окна были заменены на более звукоизолирующие и с большим коэффициентом пропускания солнечной энергии, проемы стали шире и выше существующих, обеспечивая больше света во внутренних помещениях [11]. Paula Femenías отмечает не только энергоэффективность реновации, но и увеличение внутреннего комфорта и эстетической составляющей объектов [12]. Н.Р. Степанова и Д.С. Шалина, сравнивая понятия реновации, редевелопмента, ревитализации и джентрификации, указывают на то, что реновация чаще всего применяется в отношении промышленных объектов, поэтому под реновацией понимают восстановление важных промышленных объектов для общественных нужд [13].

Цель исследования

Спустя пять лет с момента начала реализации программы реновации в России возникает необходимость оценки ее эффективности, выявления положительных и негативных аспектов, поиска путей дальнейшего совершенствования. Для решения последней задачи необходимо понять, какие способы реновации жилого фонда применяются за рубежом, после чего выявить те, что могут быть применены в условиях российской экономики. На достижение этих целей и направлено текущее исследование.

Методы исследования

В качестве основного метода выступил сравнительный анализ программ реновации, действующих в России и за рубежом. Для полноты картины был проанализирован опыт стран различных континентов. Выбор стран основывался на индексе человеческого развития (далее – ИЧР), присвоенного им Программой развития ООН. Индекс измеряет достижения страны с точки зрения состояния здоровья, получения образования и фактического дохода её граждан. Показатель основывается не только на экспертных оценках, но и на статистических данных, поэтому его принято считать относительно объективным. Авторами были отобраны для исследования Ирландия, Китай и Австралия, занимающие 2-е, 4-е и 8-е место соответственно. Россия, в свою очередь, занимает лишь 52-ю позицию в

Таблица

Программы реновации жилого фонда, действующие в Ирландии

№ группы	Пример программы	Схема проведения реновации
1	Mobility Aids Grant Scheme («Программа грантов на средства мобильности»)	Предоставляет гранты на такие работы, как покупка и установка поручней, безбарьерных душевых кабин, пандусов или лестничного подъемника. Предназначена для пожилых людей и людей с ограниченными возможностями [17]
2	Grants for a home energy upgrade («Гранты на возобновляемые источники энергии»)	Для доступа к этому гранту жильцам необходимо воспользоваться услугами частной компании, зарегистрированной в Управлении по устойчивой энергетике (SEAI). Эти компании осуществляют технический контроль, назначают подрядчиков, подбирают варианты по модернизации и т.д. Они заранее вычитают гранты из стоимости работ, оставшаяся часть оплачивается заказчиком [18]
3	Repair and Leasing Scheme («Схема ремонта и лизинга»)	Стоимость ремонта оплачивается авансом местными властями. Затем недвижимость сдается в аренду или переходит в распоряжение местных властей, которые будут использовать ее в качестве социального жилья. Собственник же получит согласованную арендную плату, таким образом стоимость ремонта будет постепенно компенсироваться [19]
4	Living City Initiative (Инициатива «Живой город»)	Собственникам предоставляются налоговые льготы на ремонт жилья, расположенного в Специальных зонах регенерации, разработанных Департаментом финансов в некоторых городах. Владелец может требовать возмещения только прямых затрат на ремонт и переоборудование. Эти расходы включают: строительные материалы, аренду оборудования, затраты на оплату труда, административные расходы, покраску, декорирование и т.д. [20]

рейтинге стран по ИЧР [14]. Определенную ценность для исследования представляет жилой фонд Бразилии, известный своими фавелами (трущобными поселками), в которых проживает 22% населения Рио-де-Жанейро [15].

Необходимая для анализа информация была получена на официальных сайтах правительств, местных властей, банков, общественных объединений и других государственных и частных структур соответствующих стран.

Ирландия

Национальная жилищная политика Ирландии была изложена в заявлении жилищной политики (Housing Policy Statement), которое было опубликовано в июне 2011 года [16]. Принцип равенства между владельцами жилья нашел свое отражение в мерах, принимаемых по модернизации жилья. Так, информационное бюро Ирландии, уполномоченное на оказание консультационных услуг населению, предлагает на своем сайте 14 национальных программ по улучшению жилищных условий [17]. Для оценки жилищной политики Ирландии все программы были разделены на четыре группы в зависимости от преследуемых целей:

– решение проблем маломобильных граждан с передвижением в собственном доме;

– повышение энергоэффективности жилого фонда;

– восстановление заброшенных домов;

– проведение текущего ремонта для предотвращения аварий.

Примеры программ реновации из каждой группы приведены в таблице.

Программа «Живой город» является наиболее сходной с московской схемой реновации. Следует отметить, что программы по реновации в Ирландии отличаются разнообразием способов финансирования (гранты, налоговые льготы, уменьшенные кредитные ставки, арендная плата, безвозмездные ремонтные услуги) [21].

Австралия

Уникальной с точки зрения способа финансирования является Retailer Energy Productivity Scheme («Схема повышения энергоэффективности ретейлеров»), согласно которой помощь предоставляется не напрямую, а косвенно. Данная схема требует от розничных продавцов, занятых в сфере энергетики, помогать домохозяйствам и предприятиям экономить на потреблении энергии и затратах, а также снижать выбросы парниковых газов. Помощь может выражаться в скидках на услуги, бесплатных продуктах, ваучерах и т. д. [22]. Иной метод стимулирования к модернизации собственного жилья предлагает Финансовая корпорация чистой энергии. Австралийский банк, финансируемый этой корпорацией, предоставляет своим клиентам

ипотечный кредит по сниженной процентной ставке [23]. По данным на конец марта 2022 года, льготная ставка составляет 2% при стандартной в ставке в 2.5%. Однако собственник может воспользоваться этой ставкой в течение лишь первых 60 месяцев (пяти лет). Для получения помощи необходимо провести как минимум три обновления из предлагаемого перечня, направленного на повышение энергоэффективности. Например, установка «умных» счетчиков на электроэнергию и воду, потолочных вентиляторов для уменьшения потребности в воздухе, солнечных фотоэлектрических панелей на крыше и т.д. [24].

Анализ показывает, что большинство предлагаемых программ направлено на снижение энергозатрат. Стоит также отметить программу, направленную на поддержку населения в условиях ограничений, введенных из-за пандемии COVID-19. Так, до марта прошлого года действовала программа HomeBuilder («Домостроитель»). Чтобы иметь право на участие, контракт на реконструкцию должен составлять от 150 000 до 750 000 долларов, а стоимость собственности до ремонта не должна превышать 1.5 миллиона долларов. При этом ремонт не должен включать в себя демонтаж или замену фундаментов, наружных, внутренних несущих стен, полов, крыши или лестниц. Грант мог составить от 15 000 до 25 000 долларов в зависимости от даты подачи заявки, стоимости жилья, места нахождения [25].

Китай

Согласно общенациональному исследованию жилищных условий 1985 года в Пекине более половины жителей (52.7%) не имели собственной кухни, две трети населения (62.7%) не имели собственного санузла и только половина жителей имела доступ к внутреннему водопроводу (в то время как остальная половина жителей довольствовалась водоразборными колонками за пределами дома). Доля жилой площади для половины жителей города составляла 8.77 квадратного метра на одного члена семьи [26, с. 24]. Результаты исследования доказали необходимость принятия соответствующих мер. Так, в 1991 году муниципалитет Пекина издал приказ о начале программы реновации (реконструкции) старого и ветхого жилья (Old and Dilapidated Housing Redevelopment Program), в рамках которой было принято решение о полном сносе и перестройке устаревшего жилищного фонда. С учетом некоторых изменений данная программа действует до сих пор. Например, основным решением для улучшения условий жизни, ликвидации трущоб и реконструкции региона в Шанхае стала городская кампания Jiugai, или реконструкция старых жилых кварталов. У жителей есть выбор: переехать в специально отведенное жилье на окраинах города, например, в районах Сунцзян и Цинпу или городах в Новом районе Пудун, или приобрести собственную недвижимость за счет государственных субсидий. К концу 2023 года правительство Хуанпу планирует завершить ремонт всех домов, находящихся в наихудшем состоянии, без отдельных туалетов и кухонь к северу от города [27].

Кроме того, стоит отдельно рассмотреть процесс восстановления сельского жилья, который имеет свои особенности. Речь пойдет о программе, принятой в провинции Шаньдун на востоке Китая. В соответствии с ней фермеры должны добровольно подать письменное заявление в сельский комитет по месту своего проживания. После получения заявления сельский комитет проводит собрание жителей и согласовывает объекты, отвечающие условиям реновации. Районная (городская) управа должна провести поквартирную проверку и подтвердить перечень домов, подлежащих модернизации. Далее в установленные сроки необходимо заказать услуги по ремонту, и только после того, как ремонт будет выполнен, выплачивается субсидия [28].

В отличие от России, с 2017 года Шанхай в значительной степени скорректировал свою стратегию реконструкции, в основном перейдя от сноса к консервации и реконструкции. Основная цель всех мероприятий – защита исторических зданий при одновременном улучшении условий жизни жителей.

Бразилия

Отличительной особенностью страны является большой вклад общественных благотворительных организаций в улучшение жилищных условий всего населения. В качестве одной из таких организаций выступает социальный стартап Vivenda, возникший в 2014 году как компания по ремонту домов на окраинах в Сан-Паулу. Модель стартапа ориентирована на людей, чей заработок варьируется от нуля до трехкратного размера минимальной заработной платы. Помощь в поиске семей, наиболее нуждающихся в улучшении жилищных условий, оказывают работники основных медицинских пунктов и общественные работники. Стоимость строительства может быть разделена на 12 платежей, максимальный размер которых составляет 100 долларов США. Для людей, зарабатывающих менее

1.5 размера минимальной заработной платы, предлагается субсидируемая модель, где владелец дома платит 30% от общей суммы в 10 взносов, а остальную часть стоимости берет на себя спонсор [29]. Низкая стоимость мероприятий компенсируется широким масштабом реализуемой программы, основным инструментом которой является реклама [30]. Кроме того, большую популярность получили волонтерские программы. Так, проект Love Volunteers позволяет жителям отремонтировать свое жилье совершенно бесплатно. Финансирование осуществляется за счет волонтеров [31].

Россия

Российская практика не отличается столь широким перечнем программ, направленных на обновление жилищного фонда. Программа реновации началась в 2017 г. в Москве и предусматривала расселение более 350 тыс. квартир или 5 173 домов. Порядок реализации строится следующим образом: утверждается перечень многоквартирных домов, построенных в 1950–1960 гг., чьи жители поддержали идею о реновации, далее с учетом технического состояния построек определяется очередность их сноса [32, с. 64–65]. Основной проблемой при реализации положений закона по включению многоквартирных домов в программу реновации является необходимость получения согласия собственников всех квартир путем общего голосования. Однако на деле добиться единогласного мнения оказалось практически невозможно и мнение несогласного меньшинства игнорируется [33]. Еще одно важное требование программы реновации – это предоставление переселяемым жильцам равнозначного жилья. Переселение жильцов осуществляется исключительно добровольно, что в некоторых случаях приводит к сложнорешаемым задачам: жильцов не устраивает район, дом, этаж, планировка квартиры, наличие парковочных мест или паркинга [34]. Эти моменты необходимо учитывать при обновлении жилого фонда в крупных городах России.

В декабре 2020 года опыт столицы начал распространяться на другие регионы России, так как был принят закон о реновации [35]. В законе появилось новое понятие – комплексное развитие территорий, представляющее собой совокупность мероприятий, направленных на обновление среды жизнедеятельности и создание благоприятных условий проживания граждан, общественного пространства. Следует отметить, что в законе под реновацией понимается не только снос жилья, но и его реконструкция, модернизация с применением энергоэффективных технологий. Законом установлена возможность включения в программу комплексного освоения территорий не только ветхого и аварийного жилья, но и неаварийных площадей. Большинство вопросов реализации закона отдано для регулирования регионам, что позволит учесть их особенности [36].

Результаты

Сравнивая практики реновации, авторы пришли к выводу, что проекты Ирландии и Австралии имеют более социальный характер, поскольку направлены прежде всего на устойчивое развитие и энергосбережение выступает как приоритет и фактор экономического роста. Российская, китайская и бразильская программы направлены в большей степени на решение региональных, нежели глобальных, проблем [37]. Однако несмотря на то, что программа реновации жилищного фонда Москвы не ставит в качестве задачи снижение энергозатрат, при подведении итогов реализации проектов динамика данного показателя анализируется [38]. Таким образом, различие кроется не столько в целях или содержательной части, сколько в позиционировании зарубежных и российской программ.

Интересным является также то, какими нормативными документами представлены концепции реновации. Так, в Москве программа реновации утверждена постановлением правительства города [39], то есть императивным нормативным актом, что автоматически ассоциируется с обязанностями. В то же время ирландская программа представляет собой некий отчет о рисках, выгодах, барьерах улучшения своего жилья [40].

Еще одной особенностью программ реновации Ирландии и Австралии является активное стимулирование граждан к участию в программе самим текстом программ. Так, программа Better Energy Homes («Энергоэффективные дома») утверждает, что энергоэффективный ремонт улучшает качество воздуха и температурного режима, что повышает производительность труда и приводит к сокращению количества пропущенных рабочих дней. В тексте программы даже приводится расчет выгоды (каждый €1, вложенный в теплоизоляцию, дает €0,78 выгоды за счет сокращения количества пропущенных рабочих дней) [40].

В России, в отличие от зарубежной практики, где жители самостоятельно оценивают состояние своего жилья, правительство разрабатывает перечень домов, подлежащих реновации. Однако следует отметить, что конечная

судьба жилых площадей определяется собственниками, так, согласно Постановлению Правительства Москвы № 497-ПП от 1 августа 2017 г. [39] жители имеют право включить дом в программу реновации или отказаться от нее по решению общего собрания.

Основным отличием зарубежной практики реновации от российской является то, что модернизация жилья осуществляется в большей степени на средства собственников и лишь часть затрат покрывается за счет грантов, субсидий, экономии от более низкой процентной ставки по кредиту. Согласно российским законам жителям предоставляются равнозначные жилые помещения или равноценное возмещение в денежной форме. Однако на практике предоставляемое жилье не всегда соответствует требованиям; так, аналитический центр НАФИ опубликовал исследование, согласно которому каждый четвертый москвич, получающий «реновационную» квартиру, намерен ее продать. Еще 6% участников программы собираются оформить денежную компенсацию взамен нового жилья, предоставляемого программой. Среди тех, кто намерен получить денежную компенсацию, 83% собираются направить ее на покупку другого жилья [41].

Выводы

Согласно результатам проведенного исследования, при разработке программ реновации жилой недвижимости необходимо следовать следующим направлениям.

– Привлечение третьих организаций к реализации проектов реновации. Так, например, в Австралии в модернизации жилого фонда принимает участие Финансовая корпорация чистой энергии, а в Бразилии – общественная организация Vivenda.

– Повышение социальной ответственности и экологичности инвестиционных проектов. Компании, реализующие проекты реновации, претендующие на высокую оценку в ESG-рейтинге, должны придерживаться принципов устойчивого развития, сокращать ущерб, наносимый окружающей среде, осуществлять деятельность, направленную на ее восстановление, инвестировать в социальные проекты [42].

– Изменение схемы финансирования и предоставления нового жилья. Собственникам, помимо денежной компенсации и равнозначного жилья, необходимо предоставить возможность получения ипотечного кредита по льготной процентной ставке.

Предлагаемые направления совершенствования существующих правил реновации жилых площадей позволят ускорить процесс восстановления жилого фонда в России, а также повысить социальную ответственность бизнеса и улучшить состояние окружающей среды.

Направления дальнейших исследований

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в оценке экономического и социального эффекта программ, действующих за рубежом, степени влияния проводимых мероприятий в разных странах на рынок жилья, выявлении факторов, стимулирующих и тормозящих достижение результата.

Список литературы

1. Люблинский В.А., Голубева Е.А., Гончарова Э.А. Массовая застройка 50–80-х годов как одна из социально-экономических проблем // Труды Братского государственного университета. Серия: Естественные и инженерные науки. 2017. Т. 2. С. 105–111. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=34957507

2. Ташевская Н. В Правительстве рассказали о десятках миллионов «квадратов» проблемного жилья // Новостное интернет-издание «Лента.ру». URL: https://lenta.ru/news/2021/06/03/kvadraty/

3. Бушухин И. Руководитель Депстроя Москвы – о программе реновации в текущих условиях // РБК.Недвижимость. URL: https://realty.rbc.ru/news/62336be69a79477d9f61fd2d

4. Daineko L., Karavaeva N., Yurasova I. Redevelopment of ex-industrial areas in Yekaterinburg // In: IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2021, March. URL: https://www.researchgate.net/publication/350296903_Redevelopment_of_Ex-industrial_Areas_in_Yekaterinburg

5. Беляков С.И., Ефимов К.В. Реновация устаревшей жилой застройки: зарубежный опыт и современные московские реалии // Недвижимость: экономика, управление. 2018. № 1. С. 82–86. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=34993188

6. Bareicheva M., Kubina E., Daineko L. Redevelopment of the cultural heritage object (the case of the «Nurov's Estate») // In: SHS Web of Conferences. 2021. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/39/shsconf_ifsdr2021_01014/shsconf_ifsdr2021_01014.html

7. Скачкова М.Е., Шелегова Н.И. Реновация городских территорий в целях их градостроительного развития на примере Санкт-Петербурга // Приложение к журналу «Известия вузов. Геодезия и аэрофотосъемка». Сборник статей по итогам научно-технической конференции. 2014. № 7-2. С. 36–38. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=27488395

8. Рыжова О.О., Пунполева Е.Г. Реновация сложившейся застройки с минимизацией сноса зданий // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2020. № 3 (46). С. 28–32. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44042844

9. Nur Syafiqah Suhainudin. Classification of House Renovation Cost Using Naïve Bayes // ResearchGate. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/357175149_Classification_of_House_Renovation_Cost_Using_Naive_Bayes

10. Liu J., Bengtsson B., Bohman H., Staffansson Pauli K. A System model and an innovation approach

toward Sustainable Housing Renovation // Sustainability. 2020. № 12. (3):1130. URL: https://www.researchgate.net/publication/339073427_A_System_Model_and_An_Innovati on_Approach_toward_Sustainable_Housing_Renovation

11. Птичникова Г.А. Успешные стратегии реновации жилой среды в городах Северной Европы // Современная архитектура мира. 2020. № 2 (15). С. 203–219. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46489946

12. Mjörnell K., Femenías P., Annadotter K. Renovation strategies for multi-residential buildingsfrom the record years in Sweden – Profit-driven or socioeconomically responsible? // Sustainability. 2019. № 11 (24). URL: https://www.researchgate.net/publication/337832155_Renovation_Strategies_for_Multi-Residential_Buildings_from_the_Record_Years_in_Sweden-Profit-Driven_or_Socioeconomically_Responsible.

13. Шалина Д.С., Степанова Н.Р. Реновация, редевелопмент, ревитализация и джентрификация городского пространства // Фундаментальные исследования. 2019. № 12 (2). С. 285–289. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42355667

14. Доклад о человеческом развитии 2020: Следующий рубеж – Человеческое развитие и антропоцен // Программа развития Организации Объединенных Наций. URL: https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf

15. Осипова М.С. Фанк кариока как инструмент сопротивления и конструирования идентичности молодежи бразильских фавел // Гуманитарный акцент. 2019. № 1. С. 32–37. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=39561429

16. National Housing Policy // National University of Ireland Galway. URL: https://www.nuigalway.ie/chlrp/housingpolicy/nationalpolicy/nationalhousingpolicy/

17. Housing grants and schemes // Citizens Information Centre. URL: https://www.citizensinformation.ie/en/housing/housing_grants_and_schemes/

18. Home Energy Upgrades and Grants // Sustainable Energy Authority of Ireland. URL: https://www.seai.ie/grants/home-energy-grants/

19. Repair and Leasing Scheme (RLS) // eGovernment of Ireland. URL: https://www.gov.ie/en/publication/d32c4-repair-and-leasing-scheme-rls-further-information/

20. Living City Initiative // The Revenue Commissioners. URL: https://www.revenue.ie/en/property/living-city-initiative/lci-definitions.aspx

21. Housing grants and schemes // Citizens Information Centre. URL: https://www.citizensinformation.ie/en/housing/housing_grants_and_schemes/

22. Retailer Energy Productivity Scheme (REPS) // Essential Services Commission of South Australia. URL: https://www.escosa.sa.gov.au/industry/reps/overview/reps

23. CEFC invests in first green home loan // Australian Government. URL: https://www.cefc.com.au/media/jebp535p/cefc_investmentinsights_greenhomeloan.pdf

24. Clean Energy Home Loan for property upgrades // Bank Australia. URL: https://www.bankaust.com.au/home-loans/clean-energy-home-loan/eco-upgrade

25. HomeBuilder: Economic response to the coronavirus // Australian Government. URL: https://treasury.gov.au/sites/default/files/2021-04/homebulderfactsheet2704.pdf

26. Хейфец Е.Е. Жилищные реформы и реновация жилого фонда в Китае. Опыт для России // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 2 (209). С. 18–28. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36964143

27. Jian Y. Renovation of city's old houses in full swing // The Shine Journal. URL: https://www.shine.cn/news/metro/2105269620/

28. Процесс восстановления сельского аварийного жилья // Электронное Правительство Китая. URL: http://www.gsgz.gov.cn/gzzfxxgk/xzjdxxgk/xdz/ncwfgz_7093/202203/t20220315_808467.html

29. Fernando Assad // Ashoka Indonesia social entrepreneurs. URL: https://www.ashoka.org/en-id/fellow/fernando-assad

30. Ligia Lupo. Como aprendi que números e metas são aliados do propósito // Vivenda. URL: https://www.vivenda.io/post/como-aprendi-que-n%C3%BAmeros-e-metas-s%C3%A3o-aliados-do-prop%C3%B3sito

31. Volunteer in Brazil with Construction & Renovation // One World 365. URL: http://www.oneworld365.org/company/love-volunteers/volunteer-in-brazil-with-construction-renovation-from-just-42-per-day

32. Быкова Ю.О., Кузьменкова В.Д. Эффективность реновации в строительной отрасли Российской Федерации // Вестник ГГУ. 2021. № 3. С. 61–78. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46486213

33. Байнова М.С. Социальные проблемы реновации жилья в Москве // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 137–143. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46569295

34. Рязанова Г.Н. Оценка проблем развития процесса реновации жилья в крупных городах России // Градостроительство и архитектура. 2020. Т. 10. № 2 (39). С. 131–138. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43855446

35. Федеральный закон от 30.12.2020 № 494-ФЗ (ред. от 04.06.2018) «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372677/

36. Коренькова Г.В., Митякина Н.А., Белых Т.В., Дорохова Е.И. Зарождение реновационных процессов в жилищной сфере крупных городов России (на примере города Белгорода) // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2022. № 1. С. 60–69. URL: http://dspace.bstu.ru/handle/123456789/4278

37. Самойлов Е.К., Румянцева А.В. Европейский и российский подходы к реновации жилых территорий // Система управления экологической безопасностью: Сборник трудов XV Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: УрФУ, 2021. С. 249–254. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/97901/1/sueb_2021_044.pdf

38. Дудина А.Г. Энергоэффективные аспекты реновации жилищного фонда города Москвы // Строительство – формирование среды жизнедеятельности: XXI Международная научная конференция: Сборник материалов семинара «Молодежные инновации», Москва, 25–27 апреля 2018 года. М.: Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, 2018. С. 324–326. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35151520

39. Постановление Правительства Москвы от 1 августа 2017 года № 497-ПП «О Программе реновации жилищного фонда в городе Москве» (с изме-

нениями на 15 апреля 2022 года) // Консорциум «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/456082244

40. Ireland's Long-Term Renovation Strategy 2020 // Egovernment of Ireland. URL: https://assets.gov.ie/90215/288fca06-a376-4110-87e5-5cfa45917f03.pdf

41. Судакова Ю. Как получить лучшее жилье // ЦИАН.Журнал. URL: https://www.cian.ru/stati-renovatsija-kak-poluchit-ot-vlastej-luchshee-zhile-298458/

42. Козырев Н.А., Маркина А.М. Перспективы развития принципов управления ESG в России // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14. № 1. URL: https://esj.today/PDF/40ECVN122.pdf

DIRECTIONS FOR IMPROVING RESIDENTIAL REAL ESTATE RENOVATION PROGRAMS

Ye.V. Rudenok, I.I. Yurasova, L.V. Daineko

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The need to improve the housing conditions of the population and to replace the obsolete and often emergency housing stock justifies the relevance of developing renovation programs. Many Russian cities still have a large number of obsolete residential properties, such as the so-called "Khrushchev" - mass housing built in the 1950s-60s with small-size apartments. In order to replace outdated mass housing in Russia, a renovation program was launched in Moscow in 2017, which caused much controversy and revealed a number of difficulties in its implementation. In December 2020, Federal Law No. 494 was adopted, which launched a large-scale residential real estate renovation project in Russia, aimed at improving the quality of life, improving the territory, and providing the population with decent conditions for comfortable living. However, it should be noted that there is still no normatively approved concept of renovation. The authors have considered various approaches to its definition. The need to identify the world's best practices of renovation made this study relevant. The goal of the research is to find ways to improve the Russian program of comprehensive development of territories, giving the regions the opportunity to independently regulate the features of renovation. A comparative analysis of residential renovation programs in countries with a high level of the Human Development Index from different continents has been used to identify the most effective practices. The information for the analysis was obtained from official sources on the Internet. The main differences in renovation programs in different countries are the ways of financing them, the procedure of renovation, the participants in the renovation process. As a result of the study, directions for improving Russia's comprehensive territorial development program, based on the principles of environmental and social character, which will accelerate the process of housing renovation in Russia from the perspective of sustainable development, were proposed. Further research will focus on assessing the economic and social effect of renovation programs, the degree of impact of the measures on the housing market, identifying the factors that stimulate and inhibit the achievement of the result.

Keywords: renovation, integrated development of the territory, housing stock, energy efficiency, sustainable development, renovation financing.

УДК 331
DOI 10.52452/18115942_2023_1_74

ОСОБЕННОСТИ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДПРИЯТИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ

© 2023 г.

Е Чжаосэнь, О.Ф. Удалов

Е Чжаосэнь, аспирант Института экономики и предпринимательства
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
321218668@qq.com
Удалов Олег Федорович, д.э.н.; проф.; профессор кафедры мировой экономики и таможенного дела
Института экономики и предпринимательства
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
oudalov@list.ru

Статья поступила в редакцию 15.12.2022
Статья принята к публикации 27.01.2023

Исследуются вопросы влияния корпоративной культуры – совокупности материального и духовного богатства, создаваемого в ходе социальной и практической деятельности сотрудников предприятия и стейкхолдеров, в контексте динамики эволюции идеологии общества и сопутствующих ей организационных структур и институтов. Корпоративная культура формирует духовные и ценностные основы функционирования бизнеса и способствует его развитию. Ценности задают не только культурные аспекты управления национальным бизнесом в целом – их придерживаются и отдельные компании, которые занимаются производством и обращением товаров и услуг. Целью данной статьи является изучение организационных и содержательных особенностей корпоративной культуры компаний, ведущих бизнес в сфере международной электронной коммерции, на примере «AliExpress Россия» – дочернего подразделения Alibaba Group. Основными инструментами исследования послужили анализ открытых данных об объеме, обороте и транзакциях компаний международной электронной торговли, размещенных в сети Интернет, и анкетного опроса пользователей, продавцов электронной торговой площадки «AliExpress Россия» и сотрудников компаний. Благодаря анализу указанных первичных и вторичных данных выявлены особенности корпоративной культуры компаний, ведущих бизнес в сфере электронной коммерции, и возможные направления оценки ее влияния на развитие компаний отрасли.

Ключевые слова: корпоративная культура, электронная коммерция, «AliExpress Россия», Alibaba Group.

Введение

Исследованиям корпоративной культуры посвящены труды многих ученых. В монографии В.А. Макеева [1] корпоративная культура рассматривается как система материальных и духовных ценностей. Ценности, признанные сотрудниками компании, становятся своего рода связующим звеном, которое объединяет его членов воедино, создавая тем самым огромное чувство сплоченности и представляя собой сплоченную силу, воплощенную в корпоративной культуре.

В статье [2] авторы – С. Лоринкова, А. Миклосик и М. Хитка – рассматривают корпоративную культуру как важную часть стратегии корпоративного развития. Под влиянием динамично меняющейся бизнес-среды важность корпоративной культуры становится все выше. Авторы отмечают, что именно сотрудники создают и формируют ценности, привносят новые и инновационные идеи и что корпоративная культура способна повлиять на конкурентное преимущество и экономическое развитие всего предприятия.

В работах Чжу Шэнгуо [3] и Донг Хуа [4] уделяется особое внимание тому, как мотивировать сотрудников и способствовать развитию бизнеса с помощью корпоративной культуры.

Сюэ Тицзюнь в своем исследовании [5] анализирует общие проблемы построения корпоративной культуры и неблагоприятные последствия, которые она несет для предприятия. В ходе проведенного анализа автор делает вывод о том, что многие компании усердно работают над созданием сильной корпоративной культуры. Однако на практике разработать и внедрить эффективную корпоративную культуру непросто.

Корпоративная культура оказывает большое влияние на предприятие, поскольку ценности формируются и принимаются членами организации. Условно ее можно разделить на следующие составляющие: корпоративная культура играет направляющую роль в ценностях и поведении основного состава персонала предприятия и каждого сотрудника на предприятии; кор-

поративная культура имеет обязательную и нормативную роль в представлениях и поведении сотрудников предприятия [6].

В последние годы такие технологии, как Интернет, большие данные, облачные вычисления, искусственный интеллект, блокчейн и другие, ускорили развитие инноваций и постепенно интегрируются в процесс экономического и социального развития во всех областях [7]. Цифровая экономика развивается с беспрецедентной скоростью, имеет широкий диапазон действия и более глубокое влияние на все сферы жизни людей, чем когда-либо прежде, и становится ключевой силой в реструктуризации глобальных факторных ресурсов, перестройке структуры мировой экономики и изменении глобальной конкурентной среды [8].

Взаимосвязь цифровой трансформации и корпоративной культуры рассматривается в статье [9]. Авторы выявили, что цифровая трансформация требует развития новой цифровой корпоративной культуры, которая существенно отличается от содержания традиционной корпоративной культуры, в том числе и формированием ценностей.

С развитием цифровой экономики наступила эра электронной коммерции. Возникновение электронной коммерции – это изменение бизнес-моделей, вызванное стремительным развитием информационных технологий, что привело к новой интеграции ресурсов внутри предприятий и радикальному изменению основ выживания, функционирования и механизмов управления традиционных предприятий, непосредственно позволяя предприятиям снизить затраты на производство продукции и транзакционные издержки и повысить их эффективность [10]. Возникновение культуры электронного бизнеса в этих условиях представляет собой новую корпоративную ценность после того, как традиционная корпоративная культура подверглась значительному изменению.

Корпоративная культура и экономическая мощь компании – это два основных элемента, составляющих имидж бренда компании, и они дополняют друг друга. Корпоративный бренд отражает имидж компании, а корпоративный имидж – это комплексное воплощение экономической мощи предприятия и его культурного содержания [11]. Экономическая сила предприятия оценивается его масштабом, эффективностью, накоплением капитала, конкурентоспособностью и долей рынка. Корпоративная культура – это дух предприятия, стратегия развития, бизнес-идеи и философия управления, которые постепенно формируются и развиваются в процессе развития предприятия, а также это ценности, корпоративная этика и кодекс поведения, в целом разделяемые сотрудниками предприятия. Если предприятие способно сформировать корпоративный бренд, соответствующий рыночной среде, то оно сможет создать и сильную групповую сплоченность. С помощью корпоративного бренда можно стимулировать мотивацию и творческий дух персонала, способствуя тем самым устойчивому развитию экономической мощи компании [12]. Корпоративный бренд включает в себя корпоративный дух, стратегию развития, бизнес-идеи и философию управления.

Наступление эпохи Интернета и электронной коммерции, несомненно, привело к множеству изменений, главным образом в следующих аспектах [13]. Во-первых, электронная коммерция привела к фундаментальным изменениям в бизнес-среде. Электронная коммерция сократила расстояние между предприятиями и потребителями, а благодаря интерактивному общению в режиме реального времени в Интернете и отсутствию вмешательства внешних факторов потребителям стало проще выражать свою оценку продукции или услуг, что требует от предприятий постоянного улучшения качества своей продукции и услуг. Во-вторых, электронная коммерция предоставляет предприятиям возможности для равной конкуренции. Торговля в Интернете не ограничена временем и пространством, и торговое пространство предприятий расширяется с помощью сетевой системы без каких-либо географических барьеров, что, несомненно, дает прекрасную возможность большему числу предприятий участвовать в глобальной конкуренции. В то же время это также является проблемой для всех компаний. В связи с расширением масштабов конкуренции от предприятий требуется, чтобы они обладали высокой конкурентоспособностью. Основой конкурентоспособности предприятия является корпоративная культура, поэтому совершенствование корпоративной культуры – это долгосрочная задача развития компании. Электронная коммерция сокращает разрыв между конкурентами, что делает высшей степенью конкуренции философию бизнеса, концепции управления и ценности. Электронная коммерция появилась вместе с Интернетом, как результат научного прогресса, и она будет продолжать совершенствоваться и эволюционировать по мере того, как информационные технологии будут развиваться быстрыми темпами. Это требует, чтобы компании превратились в «обучающуюся организацию», чтобы они могли идти в ногу с технологическим прогрессом, добиваться

больших успехов в области электронной коммерции и получать конкурентные преимущества в глобальной конкуренции XXI века [14].

Данные и методология исследования

В рамках данной статьи были использованы такие общенаучные методы, как анализ и синтез, изучение литературы по теме исследования, сбор, изучение и обобщение информации, анкетный опрос, статистическое исследование первичных и вторичных данных.

Согласно статистике, опубликованной 14 января 2022 года Главным таможенным управлением Китая [15], объем двусторонней торговли между Китаем и Россией в 2021 году составил 146.887 млрд долларов, увеличившись на 35.8% по сравнению с прошлым годом: экспорт Китая в Россию составил 67.565 млрд долларов, увеличившись на 33.8% по сравнению с прошлым годом, а импорт Китая из России составил 79.322 млрд долларов, увеличившись на 37.5% по сравнению с прошлым годом. За январь–февраль 2022 года китайско-российский товарооборот вырос на 38.5% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составил 26.431 млрд долларов США. Из них экспорт Китая в Россию составил 12.6 млрд долларов, увеличившись на 41.5%; импорт Китая из России составил 13.813 млрд долларов, увеличившись на 35.8% [16].

В новых условиях корпоративные предприятия могут расти и развиваться лучше только в том случае, если они интегрируются в цифровые отношения. У них должна быть своя цифровая корпоративная культура. По мнению большинства исследователей, основной причиной роста и развития компаний является корпоративная культура. Корпоративная культура является главной движущей силой, обеспечивающей мотивацию сотрудников и развитие компании. В качестве объекта исследования выступает российское подразделение компании Alibaba Group – «AliExpress Россия».

Корпоративная миссия Alibaba Group (материнской компании):

– способствовать развитию глобализации;

– обслуживать 2 миллиарда потребителей по всему миру;

– помочь 10 миллионам малых и средних предприятий стать прибыльными;

– создать 100 миллионов рабочих мест.

Корпоративная культура Alibaba Group: «упростить ведение бизнеса в любом месте» и «создать более удобную жизнь». В русле миссии и культуры компании Alibaba Group стало возможным появление и развитие предприятия «AliExpress Россия».

Российский потребительский онлайн-рынок растет, а международные онлайн-покупки пользуются популярностью. Это связано с тем, что легкая промышленность в России недостаточно интенсивно развита и существенная часть жителей страны в значительной степени зависят от импорта товаров повседневного спроса. Китайские товары привлекают российских онлайн-покупателей своими эксклюзивными характеристиками – конкурентной ценой и большим разнообразием. Среди основных стран – источников трансграничных онлайн-покупок в России доля Китая занимает значительную часть. В настоящее время наиболее популярные платформы для трансграничной онлайн-торговли в России: Ozon, «AliExpress Россия».

«AliExpress Россия» – это совместное предприятие Alibaba Group и ее российских партнеров. С 2021 года проект активно способствовал развитию цифровой экономики России и дальнейшему продвижению электронной коммерции, которая стала новой точкой роста для российско-китайского экономического и торгового сотрудничества.

В 2020 году во время ежегодной распродажи «11.11» «AliExpress Россия» совместно с Cainiao («Цайняо»), китайской логистической компанией, отправили более 130 чартерных рейсов для доставки более 16 миллионов посылок из Китая в Россию [17]. В настоящее время на «AliExpress Россия» ежедневно формируется в среднем более 700 000 посылок в Россию.

Являясь крупнейшей местной компанией электронной коммерции, «AliExpress Россия» не только пользуется популярностью у населения, но и использует технологии, данные и возможности облачных сервисов Alibaba Group, чтобы помочь России создать инфраструктуру электронной коммерции, такую как логистика и платежи.

Благодаря созданной инфраструктуре электронной коммерции «AliExpress Россия» еще больше способствовала развитию местной электронной коммерции в России. В марте 2021 года, когда эпидемиологическая ситуация была напряжённой, «AliExpress Россия» запустила ряд инициатив по поддержке малого и среднего бизнеса, чтобы пережить эпидемию, включая прекращение взимания сборов с местных продавцов, открытие зарубежных складов AliExpress в России и предоставление продавцам возможности бесплатно хранить товары в течение 60 дней [18].

Электронная коммерция в России началась сравнительно поздно, но развивается быстрыми темпами. Особенно в 2021 году, пострадавшем

Таблица

Аудитория «AliExpress Россия»

	2020 г.	2021 г.
Общее количество уникальных пользователей, млн человек	26.2	28.7
Ежемесячная аудитория, млн человек	29.1	35
Ежедневная аудитория, млн человек	8.8	12.5
Количество уникальных посещений, млн человек	72.5	80.2

Источник: составлено авторами на основе данных [20].

от эпидемии, российский рынок электронной коммерции показал «взрывной рост», а трансграничная электронная коммерция между Россией и Китаем сохранила высокие темпы развития. По данным Министерства коммерции КНР, объем трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией за первые 11 месяцев 2021 года вырос на 187% [19].

Результаты и обсуждение

По данным финансовых результатов «AliExpress Россия» [20], общий оборот от продажи товаров без учета услуг за 2020 год составил 229.3 млрд рублей, а в 2021 году общий оборот составил 306 млрд рублей. При этом оборот локального бизнеса (продажи товаров из России) в 2020 году составил 55 млрд рублей, а в 2021 году – 110 млрд рублей, что говорит о росте оборота, как локального, так и общего, по сравнению с прошлым годом.

В таблице представлены количественные показатели аудитории «AliExpress Россия» за 2020–2021 годы. Общее количество зарегистрированных пользователей на «AliExpress Россия» на 2021 год превысило 200 млн человек, и согласно [20] маркетплейс является одним из наиболее часто посещаемых в России.

Для того чтобы выяснить, почему «AliExpress Россия» добилась таких результатов, авторы провели опрос 100 случайных прохожих, 100 продавцов и 50 сотрудников компании. Опрошенным было предложено заполнить анкету, составленную авторами, для оценки корпоративной культуры компании, а также для того, чтобы выяснить, оказывает ли влияние корпоративная культура на развитие компании. Результаты опроса представлены на рисунках 1–3.

Проведя анализ ответов респондентов, получили следующие результаты:

– опрос помог выяснить, что большинство опрошенных знают о платформе AliExpress, к тому же 75% из них уже покупали товары на платформе или готовы сделать покупку в будущем, 72% опрошенных готовы рекомендовать её другим людям. Основными причинами выбора платформы AliExpress, по мнению опрошенных, являются: во-первых, ценовое преимущество, цена товаров ниже, чем на других платформах, во-вторых, более широкий выбор товаров и магазинов;

– результаты опроса продавцов позволяют сделать вывод, что опрошенные продавцы в целом признают платформу и считают, что она предоставляет хорошие услуги. Преимуществом платформы AliExpress по сравнению с офлайн-торговлей опрошенные продавцы считают: сокращение расходов на аренду помещения и персонал, а также более высокий поток покупателей;

– опрос сотрудников компании показал, что компания имеет корпоративную культуру и признана своими сотрудниками. 96% опрошенных считают, что корпоративная культура внесла свой вклад в успех компании. Опрошенные сотрудники считают, что корпоративная культура и культурная система Alibaba Group заставляет их работать более усердно и постоянно бросать вызов самим себе. Кроме того, именно благодаря корпоративной культуре сотрудники более сплочены.

Подводя итог, можно сделать вывод, что корпоративная культура не только влияет на развитие компании и ее сотрудников, но и реализует корпоративное видение компании в ее внешней среде – у партнеров и целевой аудитории.

На основе приведенных выше данных можно сделать вывод, что «AliExpress Россия» успешно ведет свой бизнес под влиянием корпоративной культуры Alibaba Group «упростить ведение бизнеса в любом месте» и «создать более удобную жизнь», пользуясь в России большим успехом. Это не только помогло обычным покупателям более экономно, быстро и легко приобрести необходимые им товары, но и в то же время дало возможность десяткам тысяч предпринимателей заработать больше денег.

Таким образом, наступление эпохи Интернета привело к появлению новых теорий и методов управления, таких как «виртуальное управление цепочками создания стоимости» и «управление ресурсами предприятия», которые обеспечивают теоретическую поддержку перехода традиционных компаний от старой модели управления к новой модели. Корпоративное управление само по себе является составной частью корпоративной культуры, поэтому построение корпоративной культуры проходит

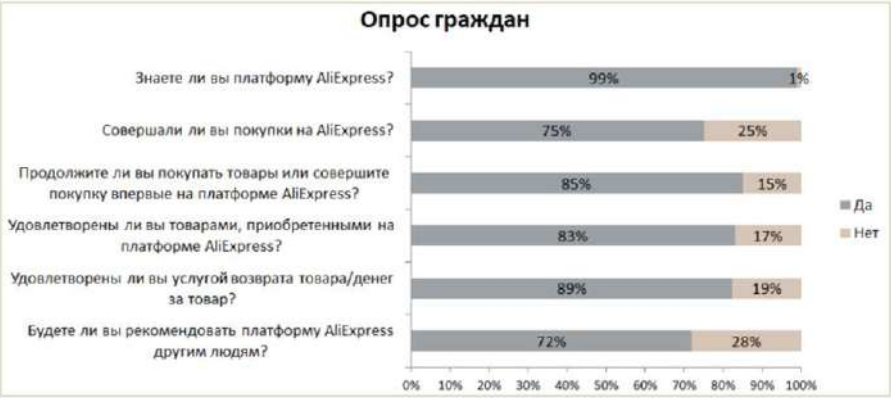


Рис. 1. Результат опроса граждан

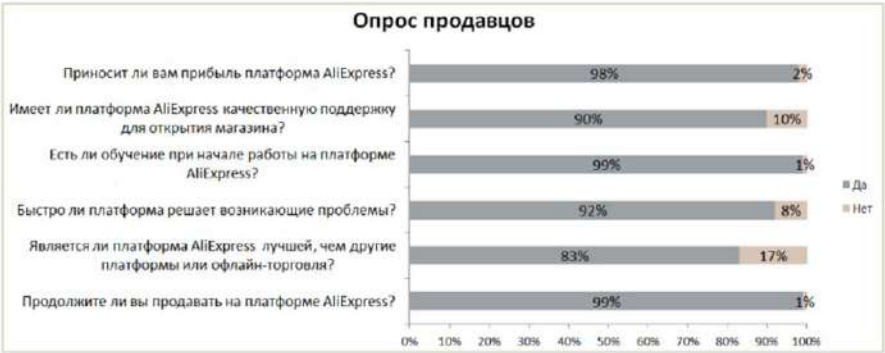


Рис. 2. Результат опроса продавцов платформы «AliExpress Россия»

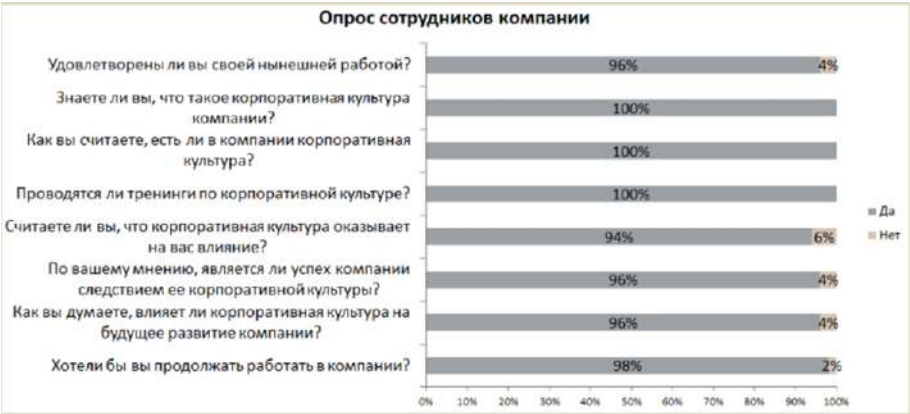


Рис. 3. Результат опроса сотрудников компании «AliExpress Россия»

через весь процесс корпоративного управления, и в то же время совершенствование управления стало важным элементом совершенствования корпоративной культуры. В эпоху электронной коммерции предприятиям необходимо прежде всего создать хороший корпоративный имидж в Интернете, чтобы они могли развиваться в направлении открытого типа, найти партнеров и развивать конкурентные преимущества в условиях жесткой рыночной конкуренции в будущем, адаптироваться к требованиям глобальной экономической интеграции и иметь возможность двигаться вперед к корпоративным целям.

Заключение

Корпоративная культура может объединить сотрудников вместе и сформировать сильное чувство сплоченности, чтобы они могли работать едино и в тесном сотрудничестве для достижения своих целей. Корпоративная культура обладает сильной привлекательностью не только для сотрудников, но и для партнеров, таких как клиенты, поставщики, потребители и общество в целом. Она играет большую роль в сохранении и привлечении высококвалифицированных кадров. AliExpress Russia добилась высоких результатов вследствие своей развитой

корпоративной культуры и благодаря ей, она развивает и корректирует свои методы ведения бизнеса. В модели электронной коммерции информационные технологии являются средством достижения цели, а центром является сервис. Тем самым, электронная коммерция – это электронная услуга, основой которой является не технология, а культура компании.

Список литературы

1. Макеев В.А. Корпоративная культура как фактор эффективной деятельности организации. М.: Изд-во «Ленанд». 2017. 248 с.

2. Lorincova S., Miklosik A., Hitka M. The role of corporate culture in economic development of small and medium-sized enterprises // Technological and Economic Development of Economy. 2022. Vol. 28. Is. 1. P. 220–238.

3. Shengguo Z. Analysis of the role of corporate culture in corporate management // China Business Theory. 2019. № 20. P. 111–112.

4. Hua D. A few thoughts on the construction of corporate culture // Entrepreneur Information. 2019. № 3. P. 89–90.

5. Tijun X. Common problems and optimization strategies in the construction of corporate culture // Enterprise Reform and Management. 2021. Vol. 21. P. 203–204.

6. Chen Ch. A review of research related to corporate culture in enterprise management // China Business. 2019. № 7. P. 161–162.

7. Баранов Д.Н. Ключевые технологии в области цифровизации социально-трудовых отношений // Московский экономический журнал. 2021. № 12. С. 367–383. URL: https://qje.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-12-2021-3/

8. Вишневский К.О., Гохберг Л.М., Дементьев В.В. и др. Цифровые технологии в российской экономике / Под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. 116 с.

9. Korshunova E.D., Astafeva A.A., Okorakova A.A., Guseva A.V. Digital transformation of the enterprise: business model, knowledge management system, corporate culture // Economic and Social Trends for Sustainability of Modern Society. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (ICEST-II 2021). Vol. 116. P. 1959–1969.

10. Gazieva L.R., Magomaev T.R., Magomaeva L.R. The impact of e-commerce on the digital economy // Finance, Entrepreneurship and Technologies in Digital Economy. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2021. Vol. 103. P. 121–126.

11. Shan J., Bofan R., Xi Ch., Yangyang W. Discussing the relationship between corporate culture and corporate branding // China Science and Technology Journal Database. Science and Research. 2019. Vol. 06. P. 6–7.

12. Семенова С.В., Иващенко Н.С. Современные проблемы корпоративного брендинга // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер – 2016): Сборник материалов Всероссийского научного форума молодых исследователей. 2016. С. 149–153.

13. Костин К.Б., Субоч А.Н. Современные бизнес-модели электронной коммерции // Вопросы инновационной экономики. 2020. Том 10. № 3. С. 1623–1642.

14. Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / Под ред. Е.Г. Потаповой, П.М. Потеева, М.С. Шклярук. М.: РАНХиГС, 2021. 184 с.

15. СИНЬХУА Новости. URL: http://russian.news.cn/2022-01/14/c_1310423935.htm

16. Информация по таможенному сотрудничеству между КНР и странами-участниками ЕАЭС. URL: http://www.customs.gov.cn/harbin_customs/zw18/xwdt87/zoyhgdt/4225230/index.html

17. «China initiative» empowers the development of Russian e-commerce // Xinhua Silk Road Information Service. URL: https://www.imsilkroad.com/news/p/435750.html

18. AliExpress Бизнес [Электронный ресурс]. URL: https://business.aliexpress.ru/blog/60_days_storage_warehouse

19. Торгово-экономическое сотрудничество Китая и России // Газета «Жэньминь Жибао» [Электронный ресурс]. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2022/0210/c31518-9956045.html

20. TAdviser [Электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F:AliExpress_Russia

CORPORATE CULTURE IN INTERNATIONAL E-COMMERCE ENTERPRISES

Ye Zhaosen, O.F. Udalov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article examines the issues of the influence of corporate culture – the totality of material and spiritual wealth created in the course of social and practical activities of employees of the enterprise and stakeholders in the context of the dynamics of the evolution of the ideology of society and its accompanying organizational structures and institutions. The corporate culture forms the spiritual and value bases for the functioning of the business and contributes to its development. Values are set not only by the cultural aspects of managing a national business as a whole - they are also adhered to by individual companies that are engaged in the production and circulation of goods and services. The purpose of this article is to study the organizational and content features of the corporate culture of companies doing business in the field of international e-commerce, using the example of AliExpress Russia, a subsidiary of Alibaba Group. The main research tools were the analysis of open data on the volume, turnover and transactions of international e-commerce companies posted on the Internet, and a questionnaire survey of users, sellers of the AliExpress Russia electronic trading platform and employees of

companies and employees. Thanks to the analysis of these primary and secondary data, the features of the corporate culture of companies doing business in the field of e-commerce, and possible directions for assessing its impact on the development of companies in the industry, have been identified.

Keywords: corporate culture, digital economy, AliExpress Russia, Alibaba Group.

УДК 336.14
DOI 10.52452/18115942_2023_1_81

РАЗВИТИЕ МЕТОДИК ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ НА ПРИМЕРЕ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

© 2023 г.

Н.И. Яшина, С.Н. Яшин, А.А. Вилейшикова

Яшина Надежда Игоревна, д.э.н.; проф.; заведующая кафедрой финансов и кредита
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
sitnicof@mail.ru
Яшин Сергей Николаевич, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой менеджмента
и государственного управления
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
jashin@iee.unn.ru
Вилейшикова Александра Андреевна, аспирант кафедры финансов и кредита
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
a.vileishikova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.11.2022
Статья принята к публикации 24.01.2023

Целью работы является развитие методик реализации оценки эффективности финансирования государственных программ для повышения результативности и целевого управления государственными средствами; предметом исследования – теоретические и методологические основы оценки результативности финансирования государственных программ и совокупность мер по их улучшению. В качестве объекта исследования выступают государственные программы Российской Федерации. Научной и методической базой работы являются: отечественная и зарубежная литература, статистическая информация, которая описывает состояние и тенденции социально-экономического развития Российской Федерации с 2018 по 2020 год, справочная и инструктивная информация, законодательные акты, а также социально-экономические показатели Приволжского федерального округа. В работе применяются методы экономического анализа, математической статистики. Предложенная методика позволит оптимизировать и повысить эффективность государственных расходов, направленных на улучшение уровня жизни населения страны. С помощью представленного методического инструментария органы государственной власти субъектов Российской Федерации могут анализировать результативность целевого бюджетирования.

Ключевые слова: государственные программы, финансовый мониторинг, региональное развитие, стандартизация, программно-целевое финансирование, эффективность финансирования.

Введение

С помощью методов экономического анализа и математической статистики необходимо провести исследование состояния таких государственных программ Российской Федерации, как «Развитие здравоохранения», «Развитие культуры и туризма», «Развитие транспортной системы», на примере субъектов Приволжского федерального округа.

В работе предлагается методика оценки результативности программно-целевого финансирования на примере Приволжского федерального округа с применением итогового стандартизированного показателя (ИСП). Данный инструмент представляет собой совокупность стандартизированных удельных значений показателей эффективности финансирования государственных программ.

При проведении оценки эффективности финансирования государственных программ регионов Российской Федерации имеют место следующие обстоятельства: присутствие различной величины показателей и различной их весомости. Таким образом, появляется необходимость комплексной оценки результативности финансирования государственных программ в субъекте по совокупности показателей.

Методология

Необходимо привести показатели исследуемых субъектов к безразмерному виду, к общему началу отсчета, к идентичному интервалу измерения. Для осуществления этого предложено применение специальной методики, которая включает в себя использование следующих инструментов: линейное преобразование и стандартизация данных.

Алгоритм вычислений, описанных ниже, который представляет собой стандартизацию удельных значений показателей, выполняется разным способом с учетом того, необходим их рост или снижение. Таким образом, необходимо распределить исследуемые показатели на две группы.

Показатели первой группы должны быть стандартизированы по формуле:

$$C_i^* = \frac{C_{i\,max} - C_{ij}}{C_{i\,max} - C_{i\,min}}, \quad (1)$$

где C_i^* – стандартизированный показатель субъекта; $C_{i\,max}$ – наибольший показатель *i*-го региона среди всех исследуемых субъектов; C_{ij} – показатель j i-го субъекта; $C_{i\,min}$ – наименьший показатель i-го региона среди всех исследуемых регионов.

Показатели второй группы относятся к минимизации показателей, соответственно, должны быть стандартизированы по формуле:

$$C_i^* = \frac{C_{ij} - C_{i\,min}}{C_{i\,max} - C_{i\,min}}. \quad (2)$$

С помощью подобного метода калибрования происходит изменение значений, их диапазон становится в пределах от 0 до 1.

Наиболее низкое значение итогового показателя указывает на наиболее высокий уровень эффективности программно-целевого бюджетирования среди исследуемых регионов.

Итоговый стандартизированный показатель по опреденному региону и временному периоду показывает уровень результативности финансирования государственных программ. Следовательно, используя метод суммирования стандартизированных показателей за анализируемый период можно произвести оценку исследуемого региона (ИСП$_i$).

Для проведения полноценной оценки эффективности программно-целевого финансирования регионов имеет смысл провести ранжирование по уровню итогового стандартизированного показателя субъектов Приволжского федерального округа. Регионам присваивается ранг по возрастанию ИСП (субъекты с наименьшим значением имеют более эффективный уровень финансирования государственных программ, субъекты с наибольшим значением – худший уровень эффективности программно-целевого бюджетирования). На этом основании номер в рейтинге и значение итогового стандартизированного показателя присваивается каждому исследуемому региону.

В процессе распределения субъектов Приволжского федерального округа по эффективности финансирования государственных программ были собраны соответствующие исходные статистические данные за 2018–2020 годы.

Ниже представлена таблица (табл. 1), которая отражает классификацию выбранных показателей оценки эффективности финансирования государственных программ на «восходящие индикаторы» и «нисходящие индикаторы».

Воспользовавшись формулами, рассчитаем стандартизированные показатели. Данные для расчета коэффициентов и показателей, описанных выше, были взяты из статистического сборника о социально-экономическом положении субъектов Российской Федерации.

По результатам расчетов был составлен рейтинг субъектов Приволжского федерального округа по уровню эффективности финансирования государственных программ «Развитие здравоохранения», «Развитие транспортной системы» и «Развитие культуры и туризма» за 2018, 2019 и 2020 г. (табл. 2–4).

Наиболее эффективное программно-целевое финансирование в сфере здравоохранения среди субъектов Приволжского федерального округа наблюдается у Республики Татарстан. Данные результаты были достигнуты благодаря усилиям[1] Министерства здравоохранения и демографической политики на основе межведомственного взаимодействия:

– за период пандемии число государственных организаций, участвующих в оказании стационарной помощи больным COVID-19, и число стационарных коек было увеличено практически в два раза;

– из государственного бюджета выделено 2.7 млрд рублей на дооборудование медицинских учреждений – компьютерные томографы, аппараты ИВЛ, автомобили скорой медицинской помощи, а также средства индивидуальной защиты;

– стимулирующие выплаты медицинскому персоналу, водителям скорой помощи за отчетный период осуществлены на общую сумму 4 млрд рублей;

– проект по совершенствованию системы оказания первичной медико-санитарной помощи в Республике Татарстан продолжает быть приоритетным: на конец 2020 года в 99 населенных пунктах региона врачами проведено обследование (УЗИ, лаборатория, ЭКГ) 26 865 жителей периферийных территорий региона, 1 324 человека госпитализированы после выезда специалистов, 57 были осуществлены хирургические вмешательства;

– на конец 2020 года 89% пациентов, находящихся на диспансерном учете с болезнями системы кровообращения, обеспечены лекарствами на льготных условиях;

– запущена современная больница с радиологическим корпусом для онкобольных в Набереж-

Таблица 1

Группировка показателей системы оценки эффективности финансирования государственных программ в зависимости от их экономического смысла

Наименование показателя	Условные обозначения	Желателен рост (+) или снижение (–) значения показателя	Интерпретация показателя
1	2	3	4
Государственная программа «Развитие здравоохранения»			
Ожидаемая продолжительность жизни (лет)	З1	+	Чем выше значение данного показателя, тем лучше состояние здоровья и качество жизни населения в регионе
Число больничных коек	З2	+	Чем выше значение данного показателя, тем выше уровень медицинского оснащения в больницах региона
Численность врачей всех специальностей (тыс. чел.)	З3	+	Показатель отражает региональную обеспеченность системы здравоохранения медицинскими кадрами
Заболеваемость (на тыс. чел. населения)	З4	–	Чем меньше значение данного показателя, тем лучше состояние здоровья населения в регионе, а также уровень региональной системы здравоохранения
Мощность амбулаторно-поликлинических организаций (всего тыс. посещений в смену)	З5	–	Чем меньше значение данного показателя, тем ниже посещаемость больниц в регионах, соответственно, лучше уровень здоровья населения
Средняя заработная плата врачей и работников медицинских организаций (руб.)	З6	+	Показатель отражает уровень оплаты труда медицинских работников региона и обеспеченность системы здравоохранения в субъекте
Нагрузка на работников сферы здравоохранения (численность населения на одного врача)	З7	–	Чем меньше значение данного показателя, тем ниже посещаемость больниц в регионах, соответственно, лучше уровень здоровья населения
Смертность населения (число умерших на 100 тыс. чел. населения)	З8	–	Низкое значение данного показателя характеризует высокий уровень здоровья и качества жизни в регионе
Численность среднего медицинского персонала (тыс. чел.)	З9	+	Показатель отражает региональную обеспеченность системы здравоохранения медицинскими кадрами
Заболеваемость инфекционными болезнями (на 1000 чел. населения)	З10	–	Низкое значение данного показателя характеризует высокий уровень здоровья и низкий уровень заболеваемости инфекционными болезнями в регионе
Государственная программа «Развитие транспортной системы»			
Удельный вес автомобильных дорог общего пользования, %	Т1	+	Показатель отражает региональную обеспеченность автомобильными дорогами
Плотность автомобильных дорог общего пользования (км путей на 1000 км территории)	Т2	+	Показатель отражает региональную обеспеченность автомобильными дорогами
Число автобусов общего пользования (штук на 100 тыс. чел. населения)	Т3	+	Чем выше значение данного показателя, тем выше уровень региональной обеспеченности автобусами общего пользования
Плотность ж/д путей общего пользования (км путей на 10 тыс. км^2 территории)	Т4	+	Показатель отражает региональную обеспеченность ж/д путями
Число дорожно-транспортных происшествий (на 100 тыс. чел. населения)	Т5	–	Чем меньше значение данного показателя, тем меньше дорожно-транспортных происшествий, соответственно выше качество дорог в регионе
Перевозки пассажиров (млн чел.)	Т6	+	Показатель отражает количество перевозок пассажиров в регионе, соответственно показывает уровень развития региональной транспортной системы

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
Пассажирооборот автобусов общего пользования (млн пасс. км)	Т7	+	Показатель отражает пассажирооборот автобусов общего пользования в регионе, соответственно показывает уровень развития региональной транспортной системы
Отправление пассажиров ж/д транспортом общего пользования (тыс. чел.)	Т8	+	Чем больше значение показателя, тем больше количество отправлений пассажиров ж/д транспортом общего пользования
Перевозки грузов автомобильным транспортом (млн т)	Т9	+	Чем больше значение показателя, тем выше уровень развития транспортной системы в регионе
Грузооборот автомобильного транспорта (млн т-км)	Т10	+	Чем больше значение показателя, тем выше уровень развития транспортной системы в регионе
Государственная программа «Развитие культуры и туризма»			
Численность зрителей театров (чел.)	КТ1	+	Чем больше значение данного показателя, тем выше вовлеченность населения к посещению театров, что может отражать высокий уровень жизни граждан в регионе
Число посещений музеев (чел.)	КТ2	+	Чем больше значение данного показателя, тем выше вовлеченность населения к посещению музеев, что может отражать высокий уровень жизни граждан в регионе
Библиотечный фонд на 1000 человек населения (экземпляров)	КТ3	+	Показатель отражает уровень оснащенности библиотек
Численность пользователей библиотек (тыс. чел.)	КТ4	+	Чем больше значение данного показателя, тем выше уровень активности посещения библиотек в регионе
Средняя заработная плата работников учреждений культуры (руб.)	КТ5	+	Показатель отражает уровень оплаты труда работников учреждений культуры региона и обеспеченности в субъекте
Выпуск газет на 1000 человек населения (экземпляров)	КТ6	+	Чем больше значение данного показателя, тем выше уровень вовлеченности населения в чтение газет
Число коллективных средств размещения	КТ7	+	Чем выше значение показателя, тем больше региональная обеспеченность гостиницами, мотелями и хостелами гостиничного типа
Численность размещенных лиц (тыс. чел.)	КТ8	+	Чем выше значение показателя, тем больше коллективных средств размещения в регионе, соответственно выше уровень туризма
Число туристических фирм	КТ9	+	Высокое значение данного показателя характеризует высокий уровень туризма в регионе, а также отражает качество жизни его населения
Численность российских туристов, отправленных туристическими фирмами в тур по России (тыс. чел.)	КТ10	+	Высокое значение данного показателя характеризует высокий уровень туризма в регионе, а также отражает качество жизни его населения

Таблица 2

Рейтинг субъектов Приволжского федерального округа по уровню эффективности финансирования госпрограммы «Развитие здравоохранения»

Регионы ПФО	ИСП 2018 год	Место в рейтинге за 2018 год	ИСП 2019 год	Место в рейтинге за 2019 год	ИСП 2020 год	Место в рейтинге за 2020 год
Республика Татарстан	2.4072	1	2.4138	1	2.5844	1
Республика Башкортостан	3.2750	2	3.2679	2	4.1803	3
Саратовская область	3.8769	3	4.1597	3	4.1111	2
Нижегородская область	4.5442	4	4.5650	6	5.0550	8
Республика Мордовия	4.6196	5	4.7362	7	4.7017	4
Самарская область	4.6673	6	4.4756	5	4.9971	7
Пермский край	4.9178	7	4.8766	8	4.7610	6
Оренбургская область	5.2657	8	4.3963	4	4.7430	5
Пензенская область	5.3328	9	5.0576	9	5.3627	11
Кировская область	5.5288	10	5.6075	12	5.4179	12
Чувашская Республика	5.6253	11	5.2668	10	5.2572	9
Удмуртская Республика	5.7159	12	5.5098	11	5.2952	10
Ульяновская область	6.8079	13	6.1660	13	6.1193	13
Республика Марий Эл	7.0335	14	6.9532	14	7.0127	14

Источник: расчеты авторов.

Таблица 3

Рейтинг субъектов Приволжского федерального округа по уровню эффективности финансирования госпрограммы «Развитие транспортной системы»

Регионы ПФО	ИСП 2018 год	Место в рейтинге за 2018 год	ИСП 2019 год	Место в рейтинге за 2019 год	ИСП 2020 год	Место в рейтинге за 2020 год
Республика Башкортостан	3.2491	1	3.1070	1	3.1480	1
Республика Татарстан	3.5030	2	3.4207	2	3.5242	2
Нижегородская область	4.2263	3	4.2301	4	4.8642	5
Пермский край	4.4480	4	4.1862	3	4.2820	3
Самарская область	4.9745	5	4.6878	5	4.7153	4
Оренбургская область	5.1530	6	5.0565	6	5.4093	6
Саратовская область	6.1161	7	6.3637	8	6.5018	9
Ульяновская область	6.3591	8	6.2913	7	6.3465	8
Пензенская область	6.5779	9	6.6215	10	6.7824	10
Чувашская Республика	6.5829	10	6.4918	9	6.3456	7
Республика Мордовия	6.7759	11	7.2779	11	7.5781	12
Удмуртская Республика	7.3564	12	7.4389	12	7.4556	11
Кировская область	8.0104	13	8.0099	13	8.1846	14
Республика Марий Эл	8.3062	14	8.3986	14	7.9419	13

Источник: расчеты авторов.

ных Челнах, сфера онкологии становится все более доступной для жителей субъекта;

– численность специалистов в сфере медицины повысилась на 324 человека.

Приведенные факты о ситуации системы здравоохранения Республики Татарстан косвенно подтверждают справедливость лидерства этого региона в полученном рейтинге.

Далее проведем оценку эффективности финансирования субъектов Приволжского федерального округа в сфере «Развитие транспортной системы» за 2018, 2019 и 2020 г. (табл. 3).

Первое место в рейтинге эффективности финансирования госпрограммы «Развитие транспортной системы» внутри Приволжского федерального округа в 2018, 2019 и 2020 годах занимает Республика Башкортостан. Субъект расположен на пересечении основных водных, железнодорожных, трубопроводных и автомобильных магистралей. Дороги субъекта отличаются наибольшей протяженностью по ПФО и занимают второе место в России. По результатам выполнения приоритетного проекта «Безопасные и качественные дороги» Республика Башкортостан была включена в десять лучших регионов страны.

По данным[2] Министерства транспорта и дорожного хозяйства Республики Башкортостан, в 2020 году осуществлены работы на 181 объекте в Уфимской и Стерлитамакской агломерациях: произведен ремонт 343.81 км автомобильных дорог, осуществлено строительство и ре-

Таблица 4

Рейтинг субъектов Приволжского федерального округа по уровню эффективности финансирования госпрограммы «Развитие культуры и туризма»

Регионы ПФО	ИСП 2018 год	Место в рейтинге за 2018 год	ИСП 2019 год	Место в рейтинге за 2019 год	ИСП 2020 год	Место в рейтинге за 2020 год
Республика Татарстан	1.8323	1	1.9849	1	2.3052	1
Нижегородская область	3.4245	2	3.6463	2	4.3459	2
Республика Башкортостан	4.8041	3	4.8379	3	4.7932	4
Пермский край	4.9263	4	5.3471	4	5.1107	5
Самарская область	5.3272	5	5.6548	5	4.6641	3
Республика Марий Эл	6.9000	6	6.5816	6	6.7811	6
Кировская область	7.1333	7	7.0951	7	7.2966	7
Саратовская область	7.1368	8	7.3488	8	7.3326	8
Удмуртская Республика	7.2789	9	7.5333	9	7.4741	9
Чувашская Республика	7.4831	10	7.6275	11	7.7416	10
Ульяновская область	7.7929	11	8.1087	12	7.7428	11
Оренбургская область	7.9117	12	7.6271	10	7.8582	12
Пензенская область	8.2514	13	8.2431	13	7.9330	12
Республика Мордовия	8.4764	14	8.6782	14	8.9923	14

Источник: расчеты авторов.

конструкция более 15 км автомобильных дорог. Произведены мероприятия по устройству 21 единицы светофорных объектов; осуществлена установка 9 объектов дополнительного освещения пешеходных переходов; выполнена установка 336 единиц дорожных знаков; осуществлена установка 1102 погонных метров пешеходных ограждений. По итогам выполненной работы автомобильные дороги, имеющие высокую важность для региона, соответствующие нормативным требованиям, занимают около 55.7%, а дорожная сеть городских районов, находящаяся в нормативном состоянии, – 71.0%.

Стоит отметить и то, что для осуществления безопасности дорожного движения дорожными организациями выполнены комплексные мероприятия. Были проведены работы по установке 20 тысяч дорожных знаков, установлено 264 светофорных объекта, установлены барьерные ограждения, в том числе для пешеходов, протяженностью более 50 км, выполнено устройство 78 км искусственного освещения и другие мероприятия.

Приведенные факты о ситуации в сфере транспорта Республики Башкортостан косвенно подтверждают справедливость лидерства этого региона в полученном рейтинге.

По данной методике необходимо провести оценку эффективности финансирования субъектов Приволжского федерального округа в рамках госпрограммы «Развитие культуры и туризма» за 2018, 2019 и 2020 годы (табл. 4).

Наиболее эффективное программно-целевое финансирование в сфере развития культуры и туризма внутри Приволжского федерального округа можно отметить у Республики Татарстан. По данным отчета «О реализации Плана мероприятий Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан за 2020 год», выполнен ряд следующих мероприятий, направленных на повышение уровня развития культуры и туризма в регионе:

– в 2019 году в Республике Татарстан количество модернизированных муниципальных кинозалов по федеральной программе увеличилось с 23 до 25. В декабре 2019 года открылись цифровые кинозалы в кинотеатре «Иллюзион» города Елабуги и в Новошешминском районном доме культуры;

– в 2019 году в рамках реализации регионального проекта «Культурная среда» построены сельские дома культуры на 200 мест в с. Миннибаево Альметьевского муниципального района и Верхний Такермен Мензелинского муниципального района, на 300 мест в с. Билярск Алексеевского муниципального района;

– в соответствии с Распоряжением Кабинета министров Республики Татарстан от 29.12.2018 № 3708-р построено 21 учреждение культурно-досугового типа, Распоряжением Кабинета министров Республики Татарстан от 29.12.2018 № 3709-р – капитально отремонтировано 40 учреждений культурно-досугового типа;

– на 2019 год доля учреждений культурно-досугового типа, находящихся в удовлетворительном состоянии, составляет 71.4%;

– в основных туристских центрах субъекта в январе–сентябре 2019 года побывало 4.12 млн человек, а это превышает численность населения региона;

– за восемь месяцев 2020 года количество услуг, которые были оказаны в сфере туризма, составило 8.97 млрд руб. в отличие от 9.1 млрд руб. 2019 и 6.1 млрд руб. 2018 года.

Приведенные факты о ситуации в сфере культуры и туризма Республики Татарстан косвенно подтверждают справедливость лидерства этого региона в полученном рейтинге.

Заключение

Таким образом, представленный методический инструментарий оценки эффективности программно-целевого бюджетирования, который включает в себя применение итогового стандартизированного показателя, способствует принятию обоснованных управленческих решений на всех уровнях государственного контроля. Подобная оценка дает возможность определять факторы, оказывающие влияние на эффективность и результативность программно-целевого бюджетирования.

Исследование выполнено в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030», проект Н-426-99_2022-2023 «Социально-экономические модели и технологии развития креативного человеческого капитала в инновационном обществе».

Примечания

1. Публичный отчет Министерства здравоохранения и демографической политики Республики Татарстан об итогах работы в 2019 году и задачах на 2020 год.
2. Публичный отчет Министерства транспорта и дорожного хозяйства Республики Башкортостан об итогах работы в 2020 году.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»: Законодательство: Версия Проф. Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 27.03.2022).
3. Федеральный закон от 01.12.2017 № 384-ФЗ «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов».
4. Государственная программа «Развитие здравоохранения»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № 2511-р.
5. Государственная программа «Развитие транспортной системы»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2017 г. № 1596.
6. Государственная программа «Развитие культуры и туризма»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 317.
7. Евдокимова Н.А., Мелкобродова Н.А. Существующие проблемы внедрения и использования программно-целевого бюджетирования в Российской Федерации // Вестник Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Серия: Экономические науки. 2017. № 4 (14). С. 63–68.
8. Мастеров А.И. Программно-целевое бюджетирование как инструмент стратегического планирования // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/programmno-tselevoe-byudzhetirovanie-kak-instrument-strategicheskogo-planirovaniya (дата обращения: 09.01.2022).
9. Мастеров А.И. Проблемы и пути совершенствования программно-целевого бюджетирования в России // Финансы: теория и практика. 2019. Т. 23. № 2. С. 44–57.
10. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gks.ru/. (дата обращения: 27.01.2022).
11. Яшина Н.И., Гришунина И.А. Совершенствование управления региональными финансами с учетом оценки риска функциональных расходов бюджетов территорий // Региональная экономика: теория и практика. 2005. № 11.
12. Яшина Н.И., Гришунина И.А., Яшин К.С. Методика оценки эффективности управления бюджетными ресурсами в сфере здравоохранения // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 21 (420). С. 15–22.

DEVELOPMENT OF METHODS FOR ASSESSING THE EFFICIENCY OF FINANCING OF STATE PROGRAMS ON THE EXAMPLE OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT

N.I. Yashina, S.N. Yashin, A.A. Vileishikova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The aim of the work is to develop methods for evaluating the effectiveness of financing state programs to improve the effectiveness and targeted management of public funds. The subject of the study is a set of theoretical and methodological issues of assessing the effectiveness of financing state programs and justification of measures to improve them. The object of the study of this work is the state programs. The work uses domestic and foreign sources, statistical information reflecting the state and trends of socio-economic development of the Russian Federation from 2018 to 2021, methodological, reference, instructional materials, legislative acts of the socio-economic indicators of the Volga Federal District. The research uses methods of economic, system analysis, mathematical statistics. The proposed methodology will optimize and improve the efficiency of public spending aimed at improving the quality of life of the country's population. With the help of the presented methodological tools, the state authorities of the subjects of the Russian Federation can analyze the effectiveness of the use of public funds.

Keywords: state programs, financial monitoring, regional development, standardization, program-targeted financing, financing efficiency.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2023_1_88

ПРОФИЛАКТИКА СКУЛШУТИНГА КАК УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ЗАДАЧА: КЕЙС НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2023 г.

П.К. Карасев, С.А. Судьин

Карасев Павел Константинович, министр внутренней региональной и муниципальной политики Нижегородской области
sudjin@mail.ru
Судьин Сергей Александрович, д.соц.н.; проф.; заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
sudjin@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.12.2022
Статья принята к публикации 31.01.2023

Представлен региональный опыт создания системы профилактики скулшутинга, выстроенной на основании данных отечественных и зарубежных научных исследований, а также анализе конкретных случаев. Проводится социологическое различие между феноменами «скулшутинг» и «Колумбайн», обосновывается роль школьного насилия в формировании деструктивных поведенческих паттернов. Региональная система профилактики скулшутинга интегрирует ресурсы научно-исследовательских организаций, правоохранительных органов и медицинских учреждений. В 2021 г. создана межведомственная рабочая группа, в состав которой входят руководители и представители областных министерств образования, науки и молодежной политики, внутренней региональной и муниципальной политики, департамента региональной безопасности, Центра противодействия экстремизму ГУ МВД, УФСБ, а также высших учебных заведений – Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, Приволжского исследовательского медуниверситета, Нижегородского государственного педуниверситета им. К. Минина.

Разработана и согласована «дорожная карта» реализации мероприятий, направленных на профилактику и выявление деструктивного поведения молодежи. Основные направления деятельности – организация просветительских мероприятий для педагогов, формирование методических пособий для учителей и преподавателей, организация мониторинга и тестирования, создание алгоритмов действий для образовательных учреждений, а также аккумулирование информации и налаживание межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: скулшутинг, «Колумбайн», школьное насилие, психическое здоровье, межведомственное взаимодействие, региональный контекст.

Введение

Случаи скулшутинга, то есть «*планирования, организации, совершения вооруженного нападения в/на территории образовательного учреждения (любого уровня) одним или несколькими учащимися с целью массового убийства*» [1, с. 93], ставшие невероятно популярной темой в мировой социальной повестке в последние два десятилетия, актуализировали не только интерес к личности стрелков, их мотивам и социально-психологическим факторам формирования соответствующих паттернов, но и вопросы о возможностях и роли властных институтов в процессе их профилактики. Многоликость и многоаспектность скулшутинга, вобравшего в себя биологические, психологические, социальные и культурные аспекты, обусловливают потребность в организации сложного процесса межведомственного взаимодействия с привлечением специалистов из разных сфер науки и практики. Организация и координация такой деятельности требуют соответствующих административных ресурсов и знаний о сути явления, его характеристиках и динамике с учетом специфики конкретного региона. Целью данной статьи является описание региональной системы мер по профилактике скулшутинга на примере Нижегородской области, выстроенной на основании результатов научных исследований и анализе конкретных случаев.

Последние годы охарактеризовались целой чередой инцидентов скулшутинга и сообщений о предотвращении очередной кровавой драмы. Кратко охарактеризуем наиболее яркие случаи.

17 октября 2018 г. 18-летний студент Керченского политехнического колледжа Владислав Росляков устроил атаку на свое собственное учебное заведение, вооружившись помповым ружьем и несколькими самодельными взрывными устройствами. В результате нападения погиб 21 человек, включая самого Рослякова, 67 получили ранения [2].

11 мая 2021 г. 19-летний Ильназ Галявиев, вооружившись охотничьим ружьем, направился в гимназию №175, которую он окончил несколько лет назад. На улице его видели несколько человек, однако не обратили внимания на странного юношу с оружием и не вызвали полицию. Впоследствии молодой человек расскажет, что уже продолжительное время ненавидит весь мир. В результате нападения погибли девять человек (семь учеников и два педагога), еще 23 человека пострадали [3].

20 сентября 2021 г. студент первого курса юридического факультета Пермского государственного университета Тимур Бекмансуров вошел в здание образовательного учреждения и открыл огонь по охраннику и людям. Студенты забаррикадировались в учебных залах, однако чуть менее часа юноша ходил по корпусам и стрелял по попадавшимся ему ученикам и педагогам. Было убито шесть человек [4].

Еще одним трагическим случаем стало массовое убийство в школе № 88 г. Ижевска, произошедшее 26 сентября 2022 г. В результате атаки погибли 17 человек, в числе которых были 11 учащихся в возрасте от 7 до 15 лет. Еще 39 человек получили ранения различной степени тяжести [5]. Нападавший – 34-летний Артем Казанцев, с 2011 г. состоявший на учете у психиатра. Это стало весьма значимой деталью, поскольку роль «психиатрических» факторов, первоначально превалировавших в объяснениях мотивов подобных акций, была признана несостоятельной. В связи с этим можно ожидать повторной медикализации дискурса школьного насилия.

Степень разработанности проблемы

Полиформизм и многоаспектность скулшутинга обеспечили ему достаточно широкую представленность в социологических исследованиях. С самых первых случаев массовых расстрелов основной фокус внимания был сосредоточен на личности стрелков, социально-психологических и социально-демографических характеристиках, которые могли оказать влияние на формирование подобного поведенческого паттерна. Это логично увязывалось с гипотетической возможностью формирования некоего «профиля» школьного стрелка или превентивной диагностики риска нападения по совокупности определенных личностных особенностей. Так, П. Лангман в своей статье [6] проанализировал 64 случая нападений с человеческими жертвами в американских школах в период 1966 – 2015 гг. В качестве независимых переменных выступали возраст, место нападения, расовая или этническая принадлежность, масштаб нападений и частоты самоубийств преступников. В результате было выявлено, что нападения совершаются лицами разных возрастных групп, представителями разных рас и этносов, что позволило сделать вывод о значительной динамике портрета школьного стрелка и фактической невозможности составления его профиля. Позднее это было подтверждено и отечественными исследователями [1].

Новым направлением разработки профилактики скулшутинга стал поиск всевозможных маркеров, т.е. наблюдаемых признаков, свидетельствующих о нарастающей угрозе, – от предпочтений в одежде, надписей или картинок до сложных визуальных образов и музыкальных композиций, как-то символизирующих или само преступление, или подготовку к нему, или отражающих ценности деструктивных субкультур, подталкивающих к массовым расстрелам. Базы подобных символов формировались в результате анализа вещей, принадлежащих преступникам, прослушивания их видео- и аудиоконтента и т.д. В настоящее время можно говорить о сборе достаточно широкого и постоянно пополняемого набора признаков принадлежности к деструктивным субкультурам [7].

Управленческий аспект профилактики скулшутинга – новое направление разработки проблемы; в данной статье предпринимается попытка заполнения данной лакуны.

Теоретические подходы и эмпирический материал

Какими бы ни были мотивы школьных стрелков, все эти случаи получили самое широкое освещение в прессе и имели широкий общественный резонанс. Все эти трагедии (на что в первую очередь обращают внимание и ученые, и журналисты) сходны с приемами международного деструктивного течения «Колумбайн», названного в честь американской средней школы в штате Колорадо, где в 1999 г. впервые произошло массовое убийство учащихся и педагогов.

Характерными чертами идеологии «Колумбайн» являются ненависть к человечеству, отношение к людям как к биомусору, крайний солипсизм, то есть признание своего субъ-

Рис.

ективного взгляда на мир единственно правильным; героизация (вплоть до обожествления) наиболее одиозных исторических персонажей, канонизация связанных с ними дат и событий. Подобные проявления молодежной протестной активности привлекательны для других деструктивных культов, готовых использовать его в своих интересах. Необходимо отметить, что 2 февраля 2022 г. решением Верховного суда РФ движение «Колумбайн» было признано террористическим со всеми вытекающими правовыми последствиями.

При их внешней схожести (интенциональный характер действия, выраженная деструктивность, одинаковость поведенческого паттерна), в научной литературе существует достаточно четкое разделение понятий «Колумбайн» и «скулшутинг», в основу которого положены *ведущие мотивы* расстрела. «Колумбайн» – действие *оперантное*, основанное на субъективных представлениях о никчемности человечества, бессмысленности существования. «Скулшутинг» – это форма *респондентного* поведения, то есть проявляющегося в ответ на определенные, порой долговременные воздействия – травлю, харассмент, иные формы унижения, предшествующие стрельбе [8]. Следовательно, с социологической точки зрения, скулшутинг представляет больший интерес, поскольку в его генерацию вовлечено большее количество структур и институтов во всем многообразии их взаимосвязей. Среди таковых: семья, школа, законодательство, регулирующее оборот оружия, социально-культурные детерминанты восприятия и приемлемости насилия.

Каковы же социальные факторы скулшутинга? В чем его месседж и кому в конечном итоге он адресован?

Ключевым социальным пространством его генерации и одновременно его основной целью является школа. Скулшутер, как правило, совершает свои действия на ее территории, в учебное время и на глазах у школьного сообщества. Потребность стрелка в аудитории можно подтвердить с помощью анализа распределения случаев стрельбы в школах по месяцам [9] (рис.).

Обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, сравнительно низкое число нападений в июне и июле: в это время школы, как правило, закрыты и массового убийства с широким освещением в прессе организовать не получится. Во-вторых, жертвы школьной стрельбы обычно случайны, что свидетельствует о том, что действия школьного стрелка не направлены на конкретных членов школьного сообщества; они адресованы школе как социальному институту.

Какими бы ни были объяснительные стратегии, очевидной причиной подобного поведения является ощущение неудовлетворенной потребности в социальной интеграции. Это является следствием открытого физического насилия, коммуникативных девиаций, травли, систематических унижений, игнорирования, а также порчи личных вещей, кибербуллинга и угроз.

Данные исследования, проведенного в США, вошедшие в специальные памятки по распознаванию ранних признаков грядущего скулшутинга, свидетельствуют, что лишь 24% стрелков были мотивированы желанием получить внимание или признание; 27% – суицидальными мыслями или отчаянием; 61% мотивированы желанием отомстить. Чувствовали издевательства/преследования/угрозу со стороны других 75%. Это свидетельствует не только о респондентном характере скулшутинга, но и о низкой способности школ обеспечить необходимый уровень интеграции классного коллектива и снизить риски социальной сегрегации и социальной эксклюзии.

Сошлемся на результаты конкретных исследований, позволяющих оценить данную ситуацию в динамике.

В период с октября 2012 по март 2013 г. коллективом кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского под руководством профессора З.Х. Саралиевой был реализован масштабный исследовательский проект «Школа: обыденность насилия. Анализ социокультурных корней в современной российской школе», в рамках которого были опрошены

почти 1500 учащихся различных типов учреждений среднего образования, 40 директоров и социальных педагогов, почти 500 родителей и два уполномоченных по правам ребенка в двух регионах Приволжского федерального округа.

Исследование было посвящено широкому кругу вопросов, так или иначе связанных с насильственными проявлениями в учреждениях среднего образования как одном из фундаментальных институтов социализации, закладывающим базовые модели разрешения конфликтных ситуаций и взаимодействия в целом. Среди них: специфика восприятия насилия различными группами (учениками, учителями, родителями, руководством школ); основные тенденции и особенности проявления насилия в школе; уровень развитости компетенций, необходимых для купирования насильственных действий на максимально ранних стадиях и их профилактики; уровень осведомленности родителей о признаках виктимизации ребенка.

Каковы же основные тенденции, характеризующие школьное насилие и обусловливающие трудности его выявления на ранних стадиях?

Среди основных тенденций было отмечено *омоложение* школьного насилия. Если за 10–15 лет до момента проведения исследования основными субъектами насилия были подростки и юноши, то есть ученики 7–11 классов, то в наше время эта проблема становится актуальной и для начальной школы. Очевидная опасность подобной динамики состоит, прежде всего, в неспособности субъекта насилия адекватно оценить свои действия и их последствия для жертвы, а также в субъективной приемлемости этого поведения на самых ранних этапах социализации.

Другая черта – *ожесточение и ужесточение* его проявлений, дезактуализация прежних правил, например драка «до первой крови», использование запрещенных, откровенно подлых приемов, характерных для уличных драк и чреватых серьезными последствиями для участников. Сюда же можно отнести и использование для достижения целей насильственного поведения различных видов оружия, чаще всего холодного.

Не менее тревожным обстоятельством является *стирание гендерных различий*. Представление о драках и иных насильственных проявлениях как о типично мальчишеских поведенческих паттернах больше не соответствует действительности. Как показали результаты исследования, девочки подчас демонстрируют не только более жестокие поведенческие модели: акты насилия в их исполнении могут быть даже более изощренными и жестокими, поскольку они всегда включают и психологический компонент, умело играют на привязанностях, слабостях и страхах.

Развитие информационных технологий, расширение возможностей для приема и передачи текстовой, звуковой и визуальной информации не могли не сказаться и на разнообразии самого набора насильственных действий. В этом контексте необходимо упомянуть о распространении кибербуллинга, от которого невозможно избавиться даже дома после уроков. Доступ к компрометирующей или нежелательной информации открывает возможности для манипулирования и шантажа, создает серьезные угрозы физическому и психическому благополучию жертвы вплоть до суицидальных попыток или, напротив, желания жестоко отомстить обидчикам или невольным соучастникам.

Динамика социальной структуры привела к изменению этнического состава российского общества, что породило новые социальные группы, склонные к насильственному или к виктимному поведению. Опрошенные отмечали, что жертвами насильственных проявлений в школах чаще всего становятся дети выходцев из Средней Азии, в большинстве занятых неквалифицированным трудом. Крайняя нестабильность их социально-экономического положения воспроизводится и в поколении их детей, имеющих трудности в обучении, не владеющих в достаточной степени русским языком и неспособных полноценно интегрироваться в школьный коллектив, особенно в случае его сопротивления этим попыткам.

Все это – благодатная почва для формирования ответной реакции, крайней формой которой может оказаться стрельба. Для профилактики подобных явлений необходимо помнить: одностороннего конфликта не бывает, и субъектами подобной коммуникации являются и стрелки, и их жертвы, в течение долгого времени посылавшие скулшутеру и свои месседжи.

В качестве примера приведем конкретные случаи скулшутинга, имеющие доказанную связь с предшествующим буллингом:

– массовое убийство в Мюнхене 23.07.2016. Количество жертв: 9 человек убиты, 32 ранены;

– массовое убийство в начальной школе «Сэнди-Хук» 14.12.2012, штат Коннектикут, США. Количество жертв: 27 человек убиты, 2 ранены;

– массовое убийство в Вирджинском политехническом институте 16.04.2007, штат Вирджиния, США. Количество жертв: 33 убитых, 25 раненых;

– бойня в школе Бата 18.05.1927, штат Мичиган, США. Количество жертв: 44 убитых, 58 раненых.

Сложность предотвращения подобных случаев складывается из целого ряда обстоятельств.

Прежде всего, не существует единого профиля школьного стрелка. Напротив, ученики, совершившие нападения, отличались друг от друга по многим параметрам; другими словами, различий в нападениях больше, чем сходства, что затрудняет построение каких-либо типологий и выработку защитных поведенческих паттернов. Важно знать, однако, что наиболее распространенной целью большинства школьных расстрелов было возмездие. Многие скулшутеры в течение нескольких месяцев, предшествовавших нападению, пережили серьезную личную потерю, например смерть близкого родственника или развод родителей. Все эти сигналы могут стать важной информацией для предотвращения трагедий. Известно, что школьные перестрелки редко бывают импульсивными действиями, как правило, они продумываются и планируются заранее. Во многих случаях к нападению в том или ином качестве были причастны другие учащиеся, не сообщившие об этом взрослым. Также очевидна связь скулшутинга с регулярным потреблением агрессивного контента.

Результаты

В настоящее время при организационной поддержке министерства внутренней региональной и муниципальной политики Нижегородской области коллективом факультета социальных наук реализуется вторая волна исследования, посвященная проблематике школьного насилия и скулшутинга с использованием инструментария, позволяющего провести сравнение динамики основных параметров за десять лет с последующей оценкой факторов, оказывающих наибольшее влияние на фиксируемые изменения.

Среди них – нарастающая гаджетизация и цифровизация всех сфер социального функционирования, усиление роли поколения Z в системе социальных отношений, появление новых рисков и угроз.

Понимание биопсихосоциальной природы человека заставляет обратить внимание на более глубокие факторы, обусловливающие склонность к подобным формам донесения скулшутерами своего месседжа до социального окружения. Несмотря на то, что психиатрические факторы скулшутинга в настоящее время практически не рассматриваются в качестве объяснительной стратегии, социальная перцепция данной проблемы тесно связывает школьное насилие с уровнем психического здоровья насильников и жертв. Согласно статистическим данным, от различных психических нарушений страдают 18% детей, 5% из них больны весьма серьезно. Это означает высокую вероятность того, что в каждом классе каждой школы будет обучаться как минимум один ребенок или подросток с особенностями психического развития. Это предъявляет принципиально новые требования к системе образования в целом и контролю над ситуацией внутри школы. В настоящее время признается, что именно школе принадлежит ведущая роль в распознавании и лечении психических расстройств у детей, также подчеркивается роль школы как ведущего института охраны психического здоровья детей [10, с. 102–103].

Приволжским исследовательским медицинским университетом совместно с кафедрой социологии НИЦ РАНХиГС разработана собственная методика комплексного этнокультурального, социодемографического и клинико-психопатологического обследования. Разработана анкета для выявления аутоагрессии и гетероагрессии у лиц подросткового возраста. Проведено пилотное обследование учеников средней школы и средних специальных учебных заведений.

В рамках данного проекта обследовано 1346 учащихся Нижнего Новгорода и Нижегородской области в возрасте 10–18 лет, которые не обращались за психиатрической и/или наркологической помощью ранее. В результате психические расстройства выявлены у 30.8% обследованных подростков. Определено, что до 20% обследованных подростков подвергались физическому насилию во время обучения в школе, до 35% – буллингу и/или кибербуллингу. Напомню, что именно среди жертв физического насилия и буллинга значительно выше уровень депрессивных и тревожных расстройств, что может сказаться на их социализации, а точнее, вызвать проявление асоциальных деструктивных действий с их стороны, оказав свое влияние на формирование поведенческого паттерна скулшутинга как особой формы коммуникации.

Комплексный характер проблемы скулшутинга требует комплексных мер для ее решения. В 2021 г. создана межведомственная рабочая группа, в состав которой входят руководители и представители областных министерств образования, науки и молодежной политики, внутренней региональной и муниципальной политики, департамента региональной безопасности, Центра противодействия экстремизму ГУ МВД, УФСБ, а также высших учебных заведений – Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, Приволжского исследовательского медуниверситета, Нижегородского государственного педуниверситета им. К. Минина.

Разработана и согласована «дорожная карта» реализации мероприятий, направленных на

профилактику и выявление деструктивного поведения молодежи. Основные направления деятельности – организация просветительских мероприятий для педагогов, формирование методических пособий для учителей и преподавателей, организация мониторинга и тестирования, создание алгоритмов действий для образовательных учреждений, а также аккумулирование информации и налаживание межведомственного взаимодействия.

Мы отдаем себе отчет, что попытки разнообразного влияния на общество извне будут только нарастать. Системная работа по профилактике деструктивных воздействий на население страны как можно скорее должна получить соответствующую научную и практическую платформу, которая, в том числе, сможет обеспечить своевременное эффективное реагирование на возникающие изменения и возможные новые вызовы. Крайне важно, чтобы эта платформа имела распространение по всей стране, чтобы не было «белых пятен» или слабых мест. Мы готовы делиться со всеми своими разработками и призываем всех к совместной научно-практической деятельности в этой сложнейшей сфере.

Список литературы

1. Карпова А.Ю., Максимова Н.Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Т. 29. № 1. С. 93–108. DOI: 10.31171/vlast.v29i1.7920.

2. Массовое убийство в керченском колледже: хронология трагедии. URL: https://crimea.ria.ru/20181017/1115403557.html (дата обращения: 15.12.2022).

3. Число погибших в результате стрельбы в школе в Казани возросло до девяти. URL: https://tass.ru/proisshestviya/11343113 (дата обращения: 15.12.2022).

4. Число пострадавших в результате стрельбы в пермском вузе увеличилось до 47. URL: https://tass.ru/proisshestviya/12496419 (дата обращения: 15.12.2022).

5. Что известно о стрельбе в школе в Ижевске. URL: https://tass.ru/proisshestviya/15867201/amp (дата обращения: 10.12.2022).

6. Langman P. Multi-Victim School Shootings in the United States: A Fifty-Year Review // Journal of Campus Behavioral Intervention (J-BIT). 2016. **4.** P. 5–17.

7. Силантьев Р.А., Голубин Р.В., Дунаева Н.И. и др. Кто такие колумбайнеры и как их распознать: Методическое пособие. Н. Новгород: Правительство Нижегородской области, 2022. 70 с. (ДСП)

8. Карасев П.К. Скулшутинг как коммуникативная практика // Материалы Международной научно-практической конференции «Коммуникативные практики современной молодежи: перспективы и вызовы» / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 46–48.

9. Böckler N., Seeger T., Sitzer P., Heitmeyer W. (Eds.) School Shootings: International Research, Case Studies, and Concepts for Prevention (1st ed.) Springer Science+Business Media, 2013.

10. Судьин С.А. Психическое здоровье как фактор школьного насилия в России и США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 4 (32). С. 100–104.

PREVENTING SCHOOL SHOOTING AS A GOVERNANCE CHALLENGE: THE CASE OF NIZHNY NOVGOROD REGION

***P.K. Karasev*[1], *S.A. Sudin*[2]**

[1]Minister of Internal Regional and Municipal Policy of Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod
[2]Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The paper presents the regional experience of creating a system for prevention of school shooting based on the data of domestic and foreign scientific research as well as the analysis of specific cases. A sociological distinction is made between the phenomena of «school shooting» and «Columbine», the role of school violence in the formation of destructive behavioral patterns is substantiated. A regional system for the prevention of school shooting integrates the resources of research organizations, law enforcement agencies and medical institutions. In 2021, an interdepartmental working group was established that includes heads and representatives of regional ministries of education, science and youth policy, internal regional and municipal policy, regional security department, Centre for counteraction to extremism of the Main Department of Internal Affairs, Federal Security Service, as well as higher educational institutions: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Privolzhsky Research Medical University, K. Minin State Pedagogical University of Nizhny Novgorod.

A roadmap of activities aimed at prevention and detection of destructive behaviour among young people was developed and agreed upon. The basic directions of activity – organization of educational events for teachers, formation of manuals for teachers and trainers, organization of monitoring and testing, creation of algorithms of actions for educational institutions, and also accumulation of information and adjustment of interdepartmental interaction.

Keywords: school shooting, Columbine, school violence, mental health, inter-agency cooperation, regional context.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2023_1_94

УРОКИ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ: НА ПУТИ К СОУЧАСТВУЮЩЕМУ ПРОЕКТИРОВАНИЮ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ С ПОДРОСТКАМИ

© 2023 г.

А.Г. Филипова, В.С. Асафова, И.И. Баранова

Филипова Александра Геннадьевна, д.соц.н.; заведующая лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета
alexgen77@list.ru
Асафова Валерия Сергеевна, архитектор, руководитель НКО «Улица детства», Пермь
ulicadetstva@mail.ru
Баранова Ирина Игоревна, студентка магистратуры по направлению «Современный социологический анализ» Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики
baranovairinaa99@gmail.com

Статья поступила в редакцию 11.10.2022
Статья принята к публикации 30.01.2023

Урбанизация запустила процессы повышения качества жизни в городах, в том числе через обращение к мнению самих горожан, их вовлечение в городские процессы. Практики соучаствующего проектирования получили развитие в нашей стране с запуском в 2018 г. национального проекта «Жилье и городская среда» и пока носят точечный характер. Предметом настоящего исследования выступают уроки городского развития, проводимые общественной организацией «Улица детства» в школах города Перми. Уроки анализируются с точки зрения возможностей включения подростков в жизнь города. Материалами для анализа стали экспертные интервью с кураторами уроков, информация, размещенная на сайте НКО «Улица детства». Описаны особенности уроков городского развития, форматы взаимодействия подростков и взрослых в ходе уроков, а также продукты деятельности школьников на уроках городского развития – рисунки городских объектов. Делается вывод о важности уроков городского развития как начального этапа в партисипативной работе с подростками, организационных и методических сложностях этой работы и ее значении для формирования чувства сопричастности городу.

Ключевые слова: городская среда, подростки, соучаствующее проектирование, социология города, практики соучастия, городское развитие.

Введение

В XX веке происходит постепенное включение горожан в проблематику городских исследований. Город рассматривается как удобное и комфортное пространство для жизни. О. Ньюман предлагает рассматривать город как «защищенное» пространство, ключевыми агентами поддержания безопасности которого являются горожане – чем благоустроеннее территория, тем преступник, намеренный совершить злодеяние, чувствует себя более уязвимым, так как ощущает проявление бдительности сообщества [1]. В рамках проблемы защищённости городского пространства Джейн Джекобс выдвинула теорию о том, что общественные пространства (парки, скверы, детские площадки и т. д.) являются самыми уязвимыми для совершения преступлений, поскольку в таких местах отсутствует постоянное внимание со стороны прохожих [2]. Ян Гейл выделил «мягкие» (например, центральные улицы) и «жесткие» (например, промышленные зоны) границы, сигнализирующие о степени безопасности пространства города. Он отмечал, что «характер активности в среде сильно зависит от архитектурно-пространственной структуры и планировочных особенностей, напрямую связанных с зонированием» [3, с. 29].

Помимо комфортности и безопасности важным критерием оценки городских пространств становится вовлеченность горожан в их оформление и благоустройство. Индивид обретает право на город, становясь причастным к определённым наборам физических объектов окружающей среды [4]. Д. Харви уточняет, что такое право нужно завоевывать, используя общественные пространства для выражения своих позиций [5], а Мишель Де Серто уточняет, что горожане должны бороться с захватом пространства властью, как бы «помечая» его – рисуя на асфальте, протаптывая новые дорожки, украшая свои дворы и т. д. [6].

Новый подход к восприятию города предполагает партисипаторность и учет интересов всех категорий горожан, в том числе детей и подростков. Это отмечает и Г. Санофф, выделяя категорию «соучаствующего проектирования» как процесс проектирования с вовлечением жи-

телей, местных сообществ, активистов, представителей административных структур, локального бизнеса, инвесторов, представителей экспертного сообщества и других заинтересованных в проекте сторон для совместного определения целей и задач развития территории, выявления истинных проблем и потребностей людей, совместного принятия решений, разрешения конфликтов и повышения эффективности проекта [7, с. 5].

Практики соучаствующего проектирования в нашей стране только начинают развиваться. Они локализованы в наиболее активных городских сообществах (см., например, архитектурное бюро «Проектная группа 8», лаборатория «Гражданская инженерия», инициативная группа «Друзья Карповки») [8–10]. Отдельно можно выделить сайт «Кто твой город», который содержит большое количество статей, посвященных истории, благоустройству и развитию г. Троицка, в том числе практикам соучаствующего проектирования и развития городского сообщества [11]. Следует отметить постепенное формирование нормативно-правовой базы по вовлечению горожан в решение вопросов развития городской среды. В 2018 г. был запущен национальный проект «Жилье и городская среда» (с 1 октября 2018 г. по 31 декабря 2024 г.). Одна из его задач – «повышение качества городской среды» [12]. В 2020 г. разработан Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды, принципами которого являются соучастие — совместная с гражданами работа над разработкой и реализацией инициативы/проекта, успешным результатом которой является согласованный и устраивающий все стороны проект/концепция; и сотрудничество – когда гражданам передается часть функций или полномочий разработчика или инициатора проекта [13, с. 10]. Получается, что сегодня у горожан появляется возможность участвовать в развитии своего города различными способами и, как отмечает Т.М. Дридзе, рядовой гражданин «занимает место субъекта, представляющего часто неосознанные, однако, как правило, обоснованные требования к характеру и направленности планируемых перемен, добивающегося права и возможности активно участвовать в выработке таких решений» [14, с. 138].

Соучастие с горожанами реализуется через проведение голосований, опросов общественного мнения, проектных семинаров и общественных обсуждений, дизайн-сессий и др., например, в г. Тольятти жители микрорайона Шлюзовой по собственной инициативе реализовали проект по благоустройству лесопарка в своем микрорайоне при поддержке квалифицированных экспертов и волонтеров. Совместными усилиями были проведены социологические исследования и встречи с жителями, по итогам которых была сформирована концепция развития территории в целях сохранения природного ландшафта и видового состава древесных насаждений [15, с. 3].

Несмотря на стремительное развитие соучаствующего проектирования городских территорий в России, вовлечение подростков не является повсеместно развитой практикой, не имеет единых методических указаний, которые необходимы в работе с данной группой горожан в силу особенностей их психофизического развития. Подростки находятся на этапе формирования и развития различных компетенций (организационных, творческих, исследовательских, коммуникативных и др.), необходимых для принятия решений развития города. Работа с подростками требует от взрослых совершенствования этих компетенций и создания условий партнерства. Для этого необходимо обеспечить доверительные отношения и постоянный диалог подростков со взрослыми-специалистами, чтобы поддерживать их интерес к совместной работе – проведение активного информирования о проектной и исследовательской деятельности, обеспечение обратной связи от подростков [16].

Тем не менее, как показывают результаты исследования «Лестница детского участия: право детей на город, в котором они живут», подростки имеют очень мало возможностей для участия в жизни города: “чуть более 40% опрошенных определяют себя как «маленького горожанина, незаметного для большинства». В два раза реже (в 18.77% случаев) дети выбирают ответ «горожанин, который ощущает себя небольшой, но важной частью», и только 15.16% отвечают, что они «горожане, активно участвующие в жизни города»” [17, с. 186].

Важно заметить, что мнение, опыт, знания детей и подростков могут служить ресурсом развития городов и создания «своих» мест для подростков, а формирование чувства сопричастности городу – помочь в закреплении молодого населения в городе, профилактике вандализма.

Методология и методы исследования

Теоретической основой исследования стала «новая» социология детства, переоткрывающая детей как акторов, соконструкторов социальной реальности, действующих наравне со взрослыми «здесь и сейчас» [18–20]. Используемое У. Корсаро понятие «интерпретирующее воспроизводство» (вместо традиционного понятия

социализации) подчеркивает «инновационные и творческие аспекты детского участия в обществе» [21, p. 18]. Как отмечает исследователь, «дети не просто интернализируют общество и культуру, а активно участвуют в культурном производстве и изменениях» [21, p. 19]. Участие не всегда является прямым, а чаще опосредованным, когда «дети творчески усваивают информацию взрослого мира, чтобы произвести собственные, уникальные детские культуры» [21, p. 40].

Социология детства рассматривает детей на макросоциальном уровне как структурную форму, упорядоченную существующими нормами и институтами, а «микроориентированная социология детей фокусируется на локальном уровне действительно существующих и действующих детей и их детства» [22, p. 288].

В своем исследовании мы обращаемся к детям на микросоциальном уровне города, городских сообществ, микрорайонов. Эмпирической основой исследования стал кейс проведения уроков городского развития в школах Перми общественной организацией «Улица детства». Материалы были собраны в декабре 2021 г. и дополнены в ходе студенческой экспедиции в сентябре–октябре 2022 г.[1]. Гайд экспертного интервью включал вопросы о содержании уроков городского развития, коммуникациях с учителями и подростками в процессе их проведения, влиянии уроков на восприятие города подростками. Экспертами выступили кураторы уроков городского развития (*N*=4).

Был проведен анализ детских рисунков, выполненных участниками уроков городского развития, с использованием компьютерной программы для статистической обработки данных SPSS. Всего было проанализировано 160 рисунков учащихся 7 и 8 классов. Ребятам было дано задание придумать, какие городские объекты они хотели бы увидеть у себя в городе, и изобразить их. При анализе данных использовались инструменты описательной статистики и корреляционный анализ.

Был изучен сайт НКО «Улица детства», содержащий информацию об организации (достижения, реализованные проекты и команда) [23], и сообщество организации в социальной сети «ВКонтакте», где постоянно публикуется информации о деятельности «Улицы детства» (фотоотчеты, информирование о текущих проектах, упоминания о публикациях), проводятся голосования за лучшие проекты, разработанные подростками [24].

Целью исследования является рассмотрение уроков городского развития как технологии городской партисипации подростков: их особенности, форматы взаимодействия подростков и взрослых в ходе уроков, продукты деятельности школьников – рисунки городских объектов с выделением их видов и функций.

Результаты исследования и их обсуждение

Организация уроков городского развития

Уроки городского развития стала проводить НКО «Улица детства» в г. Перми с 2018 г. на базе общеобразовательных школ как профориентационные занятия. Проводят уроки практикующие архитекторы из г. Перми и студенты старших курсов Уральского филиала Академии ваяния, живописи и зодчества им. Глазунова. Уроки ориентированы (в отличие от архитектурных воркшопов) на более широкую аудиторию. Их задача – привлечь внимание юных горожан к устройству, особенностям функционирования родного города, к его проблемам. В 2021 г. «Улицей детства» были проведены 30 уроков в 10 школах Перми. В них приняли участие 930 подростков – учащиеся 7–10 классов. В 2022 г. уроки городского развития, помимо Перми, были проведены еще в четырех городах Пермского края – Добрянке, Горнозаводске, Чусовом и Губахе с охватом более 1000 подростков.

Вот что рассказали кураторы о смысле уроков городского развития:

Поскольку мы проводили уроки городского развития в рамках проекта «Улица детства», соответственно, у нас все вопросы, которые мы ставили перед ребятами, так или иначе пересекаются с тем, «что бы вы хотели видеть в своей окружающей среде?» (Екатерина, куратор);

... у нас все – и дети, и взрослые живут в городах, но не имеют представления о городе, это ведет к тому, что горожанин не понимает, где он живет. Потому что города становятся все крупнее, и нет каких-то механизмов и даже появляются «вредные» идеи про город. Например, про благо тотальной автомобилизации (Валерия, куратор).

Высказывания экспертов касаются, с одной стороны, всеобщей городской неинформированности, невовлеченности в городские процессы, пассивности, а с другой – подчеркивают субъектность ребенка, важность его точки зрения, его взгляда на город.

Взаимодействия детей и взрослых

Развивая субъектную позицию ребенка в городе, кураторы уроков стараются «*вовлечь ребят в формирование городской среды, показать им, что они сами могут влиять на развитие своего города и участвовать в его жизни, чтобы ребята чувствовали свою сопричастность,*

понимали, что они городу нужны и что их действия могут привести к каким-то положительным изменениям в городе» (Екатерина).

После проведения уроков городского развития общение кураторов с заинтересовавшимися ребятами продолжается, например, через группу в социальной сети «ВКонтакте».

Уроки городского развития важны как для подростков, интересующихся архитектурой, городским дизайном, так и для всех остальных, поскольку они тоже являются жителями города, имеющими определенные потребности. Кураторы не считают, что подобные уроки должны стать обязательными школьными предметами, скорее они являются форматом «доступной опции» для всех желающих и интересующихся.

Формат обычной лекции не подходит для уроков городского развития:

Дети любят практику, руками что-то делать, а не постоянно слушать лекции (Елизавета, куратор);

Мы вообще ничего не рассказываем, а стараемся, чтобы дети сами все друг другу рассказали. Мы как бы по крупицам их подводим к тем выводам…. И нам важнее не дать ответы, а задать вопросы. Почему города такие? Какими они могут быть? Могут ли они быть другими? А действительно ли это хорошо, а это плохо? (Валерия, куратор).

Очень важен диалог в процессе общения с подростками:

У нас уроки строятся на диалоге, т. е. у нас нет такого, что я – учитель, ты – ученик, поднимай руку, отвечай. Все в рамках диалога, и когда ты с ними начинаешь обсуждать и затрагивать темы их личного пространства, дворового, общения со сверстниками, они очень быстро раскрываются (Екатерина, куратор).

Шаги к соучаствующему проектированию

Помимо выяснения особенностей устройства города, понимания своего города, уроки городского развития заставляют задуматься о своем месте в городе, своем участии в городе:

Когда рассказываешь подросткам о нашем городе, что у нас есть ценного, они удивляются тому, что есть. А когда спрашиваешь: чего не хватает в городе или даже в своем районе, они сразу же говорят, что ***мест для подростков не хватает,*** *все об этом говорят. И тогда ты начинаешь говорить, что вы же можете это сделать сами, создать свое пространство* (Елизавета, куратор).

После вводной теоретической части, которая является интерактивной, ребятам предлагается нарисовать свои идеи городских пространств. Авторов лучших работ приглашают на проектный семинар.

Участники уроков получают возможность примерить на себя роль архитектора/дизайнера городской среды, выполняющего проект на заказ:

Ребята, бывает, начинают рисовать обычные лавочки, которые есть в любом парке, я просто сразу же подхожу к ним помогаю, говорю: «нет, ребята, заказчика это не заинтересует, т.к. обычные лавочки можно и так заказать на любом предприятии, а мы хотим уникальную, вашу авторскую работу». После этого они, конечно, начинают как-то шевелиться, фантазировать (Елизавета, куратор).

Кураторы говорили о влиянии уроков городского развития на изменение отношения к городу, на замещение позиции пассивного горожанина позицией горожанина, вовлеченного в городские процессы:

На уроках зачастую мы показываем уже реализованные проекты ребят, чтобы их стимулировать. Просто говорить – это ни о чем, а когда ты показываешь уже готовые примеры – вот он нарисовал, потом склеил, запроектировал, поучаствовал в реализации вместе с архитекторами и, прямо, колотил, пилил и строил, и вот его арт-объект стоит на набережной и пользуется большим спросом. Соответственно, у них загорается моторчик, что «я тоже могу, у меня тоже есть хорошая идея» (Екатерина, куратор).

Все кураторы говорили о заинтересованности пермских школ в проведении уроков городского развития и значимой роли школьного учителя в формировании у подростков позиции активного горожанина.

Подросткам очень важно, чтобы их идеи не остались лишь очередными детскими рисунками, очень важно, чтобы они имели продолжение:

Когда они смотрят, что это был всего лишь рисуночек, всего лишь задумка, а сейчас здесь стоит большой металлокаркас, какой-то арт-объект с лавочками внутри, с подсветкой и т.д. И они этим же своих сверстников сподвигают на дальнейшие действия (Екатерина, куратор).

Анализ рисунков

Рисунки подростков, собранные в ходе проведения уроков городского развития в 2021 году в г. Перми, были проанализированы по следующим критериям: изображенные объекты, вид отдыха, интерактивность объектов, вписанность городских объектов в природу, наличие животных, вид работы (творческая или репродуктивная), наличие элементов массовой культуры, а также наличие технического, экологического, культурно-образовательного или климатического факторов. Для анализа был осуществлена кодировка изображений в SPSS. Всего были

Таблица 1

Классификация рисунков по виду изображения

Что изображено	Частота	Процент
Беседка, лавочка	40	25
Детская площадка	24	15
Остановка	6	3.75
Школа	2	1.25
Общественное пространство	33	20.63
Кафе	5	3.13
Арт-объект	28	17.5
Другое	22	13.75
Итого	160	100.00

Таблица 2

Интерактивность различных объектов

Что изображено	Интерактивность		
	Да	Нет	Не ясно
Беседка, лавочка	33	0	7
Детская площадка	24	0	0
Остановка	4	0	2
Школа	2	0	0
Общественное пространство	22	2	9
Кафе	4	1	0
Арт-объект	11	12	5
Другое	15	4	3
Итого	115	19	26

изучены 160 рисунков, в том числе 37 работ-победителей, также изучались комментарии, которые к рисункам давали некоторые авторы. Но комментарии в нашем исследовании скорее выполняли функцию пояснения к изображенным объектам (иногда было сложно идентифицировать объекты) и раскрытия реализуемых ими функций.

В таблице 1 приведена классификация рисунков по виду изображения. Как можно заметить, подавляющее большинство изображений – это скамейки и беседки (25%). Один из кураторов объяснил это тем, что подростки не осмеливаются замахнуться на что-то большее:

Дети смотрят на город, на окружение и думают: а что мы можем создать, кроме лавочек? … они загоняют себя на стадии эскиза … вот лавочка, ну можно добавить что-то маленькое и интересное (Виктория, куратор).

Значимыми городскими местами для подростков являются общественные пространства (20.63%) и различные арт-объекты (17.5%).

В категорию «другое» были определены места, которые нельзя отнести в другие группы, – место для пережидания дождя, для обмена ненужными вещами, посадки цветов, ветряные мельницы и другие пространства с экологической направленностью, общественный туалет, пространство «Большой скворечник» и автоматы с бесплатной выдачей еды.

115 объектов (72%), предложенных подростками, являются интерактивными, то есть они предоставляют горожанам возможность для взаимодействий. Интерактивными оказались 33 лавки/беседки, все изображенные детские площадки (24) и 22 общественных пространства (табл. 2). Взаимодействие с объектами, например, дает горожанам возможность посадить свой цветок в общественном пространстве, самостоятельно собрать/пересобрать арт-объект, нарисовать граффити, поиграть в большие крестики-нолики, сфотографироваться в фотозоне, ознакомиться с историей объекта на интерактивных досках.

Интерактивными оказались и малые архитектурные формы, не вошедшие в основную классификацию объектов, среди них можно выделить аквапарк, интерактивный стенд «100 причин, чтобы жить», интерактивное пространство «Переулок времени», где посетитель, двигаясь вглубь, уходит все дальше во времени и может окунуться, потрогать и ощутить себя в другом историческом периоде.

Интерактивность может предполагать не только взаимодействие с самими объектами, но и возможность общения со сверстниками. Один из учащихся изобразил беседку для общения детей разных возрастов и отметил:

Это игровая беседка для игры детей друг с другом. Лестница ведет наверх, там играют дети постарше. На первом этаже можно порисовать или просто посидеть и отдохнуть (Михаил, 14 лет).

Городские объекты мы разделили по виду отдыха на четыре группы: активный, пассивный, смешанный и неясный. В ходе анализа

Таблица 3

Классификация объектов по виду отдыха

Что изображено	Вид отдыха			
	Активный	Пассивный	Смешанный	Не ясно
Беседка, лавочка	1	18	10	11
Детская площадка	21	1	2	0
Остановка	1	0	0	5
Школа	1	0	0	1
Общественное пространство	6	11	13	3
Кафе	0	2	1	2
Арт-объект	3	1	2	22
Другое	1	2	4	15

полученных данных было выяснено, что для активного отдыха предназначены детские площадки (21 из 24 имеющихся), для пассивного – в большей степени лавки и беседки. Различные общественные пространства (скверы, парки, коворкинги и т.д.) в основном предполагают смешанный тип отдыха (табл. 3).

В ходе изучения рисунков была выделена категория «характер работы» с подвидами – творческий и репродуктивный. 84 работы носили репродуктивный характер. В основном такие изображения включали в себя элементы массовой культуры (отсылки к видеоиграм, мультфильмам и т. д.) или паттерны советского и постсоветского пространства (памятники КПСС, типовые лавочки и т.д.). Но при этом на 61 рисунке присутствовали оригинальные интерпретации лавочек и беседок, арт-объектов и детских площадок.

В процессе кодировки изображений выделены 4 вида факторов: технический (зарядные устройства для гаджетов, звуковое и световое сопровождение объектов, наличие отопления и т.п.), культурно-образовательный (элементы, носящие просветительский характер, – историческая или информационная справка, арт-пространства, буккроссинги, коворкинги и т.д.), климатический (учет особенностей климатических условий и сменяемости сезонов определенной местности при проектировании объектов) и экологический (упор на экологическую проблематику – наличие баков для раздельного сбора отходов, станции альтернативной выработки электричества, пунктов приема ненужных вещей, обильного озеленения и т.д.) фактор.

При проведении анализа выяснили, что на 48% рисунков имеется хотя бы один из выделенных факторов. Более популярным оказался технический фактор (37 рисунков). Подростки стремились наполнить свои объекты достижениями технического прогресса, большая часть таких рисунков содержит зарядные устройства и световые табло. Автор рисунка «Общественные компьютеры» дал следующий комментарий к работе:

Крыша состоит из панелей, которые вырабатывают электричество из солнечного света. Общественные игровые компьютеры, общественная зарядка и Интернет (Александр, 14 лет).

Культурно-образовательный фактор выделен в 11.25% работ. Его изображают в качестве вспомогательного, например, когда буккроссинг становится частью общественного пространства наряду с лавочками, фуд-кортами, урнами.

Всего 8% рисунков учитывают климатические условия, в основном это проявляется в наличии отопления в общественных пространствах (теплые беседки, остановки). Возможность обогрева актуализируется в условиях холодного времени года, тогда подросткам приходится искать для себя места коммуникации, и часто ими становятся подъезды и торговые центры.

5.6% работ содержат экологический фактор, хотя экологическая повестка является безусловным глобальным трендом последних лет, но из-за отсутствия более глубокой и доступной информации, а также возможности участия подростков в решении экологических проблем города они не имеют ясного представления, как такие проблемы можно решать на локальном уровне, это замечают и кураторы:

Они все очень озабочены экологией. Когда спрашиваем про тенденции, первое, что говорят, – это экологические проблемы, что есть тенденция на чистый город (Валерия, куратор).

В рисунках экологический фактор представляется, например, в изображении баков для раздельного сбора отходов, так как данная практика постепенно внедряется в городах России.

Один из учащихся предложил создать пространство «Сохраняй природу», где можно обменяться ненужными вещами, посадить свой цветок и посмотреть на изменения почвы. Он объединил идею стационарного свопа и сохранения природы через конструкт, который может помочь в формировании у жителей города осознанного отношения к вещам и природе.

В программе SPSS был проведен корреляционный анализ с целью обнаружения связей

между переменными «количество факторов», «вид отдыха» и «вид работы». Обнаружена слабая отрицательная связь между переменными «вид работы» и «количество факторов» (уровень значимости $p = 0.004$; коэффициент корреляции $r = –0.238$), вероятно, повышение степени творческого характера работы сопряжено с количеством выделенных в рисунках факторов.

Изображение животных встречается лишь в 5.6% работ, подростки рисуют водоемы с рыбами, птиц в скворечниках и кафе с котами. Ребята учитывают природное окружение только на 24.4% рисунков, в основном это парки и скверы, которые традиционно предполагают наличие лесов и водоемов.

Массовая культура, являясь одним из важнейших социальных феноменов, оказывает воздействие на людей разного возраста, поэтому мы можем наблюдать элементы массовой культуры и на рисунках подростков. Элементы массовой культуры встречаются в 8.8% рисунках: создают фотозоны, арт-объекты и игровые дома, посвящённые любимой игре Minecraft.

Обнаружена слабая связь между повышением степени активности отдыха и использованием в работах элементов массовой культуры (уровень значимости $p = 0.040$; коэффициент корреляции $r = –0.205$), с одной стороны, а с другой – между изображением героев мультфильмов/фильмов и наличием животных (уровень значимости $p = 0.034$; коэффициент корреляции $r = 0.168$). Обнаруженные связи нуждаются в дальнейшем изучении и последующей интерпретации.

Заключение

Уроки городского развития представляют собой профориентационные занятия, на которых школьники узнают о современных трендах в развитии городов, имеют возможность в рамках диалога с кураторами и одноклассниками поразмышлять над собственным вкладом в городское развитие, предложить свои идеи организации городского пространства, воплощенные в малых архитектурных формах.

Данные уроки оказывают положительное влияние на восприятие подростками города, поскольку ребята имеют возможность более подробно узнать о том, что такое город, примерить на себя роль городских архитекторов и проектировщиков. Через массовые уроки городского развития наиболее творческие и заинтересованные подростки проходят «воронку» участников архитектурных воркшопов и получают возможность реализовать на практике придуманные идеи. Так, проект «100 причин, чтобы жить» был реализован НКО «Улица детства» вместе с подростками в 2021 г. Объект установлен на городской набережной Перми.

Таким образом у подростков развиваются компетенции практической работы с городской средой, вырабатывается свой взгляд на город и появляется чувство сопричастности к нему, соответственно, закладываются основы активной гражданской позиции, чувство того, что они имеют право на свой город.

В качестве рекомендаций по дальнейшему продвижению уроков городского развития можно отметить их систематичность и доступность для любой школы, например, в рамках профориентации. Пока же организаторам каждый раз приходится в индивидуальном порядке договариваться со школьным руководством о проведении уроков. Важно привлекать к проведению уроков профессиональных архитекторов и/или студентов профильных вузов. Что же касается отдаленных районов, где таких специалистов найти сложно, необходимы соответствующие методические разработки для школьных учителей.

Примечание

1. Студенческая экспедиция в Пермский край была организована в рамках программы «Открываем Россию заново», организованной Высшей школой экономики и АНО «Россия – страна возможностей» 25 сентября – 4 октября 2022 г.

Список литературы

1. Newman O. Defensible space: crime prevention through urban design. New-York: MacMillan, 1972. 264 p.
2. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов: Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.
3. Гейл Я. Жизнь среди зданий: использование общественных пространств: Пер. с англ. М.: Концерн «Крост», 2012. 200 с.
4. Лефевр А. Идеи для концепции нового урбанизма // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 19–26.
5. Харви Д. Право на город / Пер. с англ. и коммент. М.А. Котлярова. Екатеринбург, 2019. 36 с.
6. Серто Де М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
7. Санофф Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов / Пер. с англ. [ред.: Н. Снигирёва, Д. Смирнов]. Вологда: Проектная группа 8, 2015. 170 с.
8. Архитектурное бюро «Проектная группа 8». URL: https://8architects.com/ (дата обращения: 11.07.2022).

9. Сообщество лаборатории «Гражданская инженерия» // «ВКонтакте». URL: https://vk.com/laboratorygi (дата обращения: 11.07.2022).

10. Сообщество «Друзья Карповки» // «ВКонтакте». URL: https://vk.com/karpovkafriends (дата обращения: 11.07.2022).

11. Кто твой город. URL: https://ktogorod.ru/ (дата обращения: 11.07.2022).

12. Национальный проект «Жилье и городская среда»: // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ: официальный сайт. URL: https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/ (дата обращения: 27.04.2022).

13. Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды [текст]. Подготовлено: Центр городских компетенций Агентства стратегических инициатив совместно с Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ. 2020. 76 с. URL: https://100gorodov.ru/attachments/1/34/32ed4e-eeed-4aec-aa35-dc90f830eae3/C%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%82_%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%8F.pdf (дата обращения: 27.04.2022).

14. Дридзе Т.М. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 131–138.

15. Лучшие практики деятельности добровольческих молодежных объединений в сфере развития территорий за 2021 год. Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ [официальный сайт], 2022. 61 с. URL: https://minstroyrf.gov.ru/docs/223105/ (дата обращения: 15.07.2022).

16. Скрыпникова Е.М. Дети и город: сложности взаимодействия и практики участия // Комплексные исследования детства. 2020. № 3. С. 162–169.

17. Высоцкая А.В. Вовлеченность детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы: итоги анкетного опроса // Комплексные исследования детства. 2020. № 3. С. 184–194.

18. Qvortrup J. Nine theses about «Childhood as a social phenomenon» // Euro-social Report. 1993. № 47. P. 11–18.

19. Jenks C. Constituting childhood // Childhood. Critical concepts in sociology / Ed. by Ch. Jenks. Vol. 1. N.Y., 2005. P. 30–55.

20. Prout A., James A. A new paradigm for the sociology of childhood? Provenance, promise and problems // Childhood. Critical concepts in sociology / Ed. by Ch. Jenks. Vol. 1. N.Y., 2005. P. 56.

21. Corsaro W. Sociology of childhood. Pine Forge Press, 2005. 359 p.

22. Alanen L. Childhood as generational condition. Towards a relational theory of childhood // Childhood. Critical concepts in sociology / Ed. by Ch. Jenks. Vol. 1. N.Y., 2005. 2006.

23. НКО «Улица детства». URL: http://kidstreet.tilda.ws/ (дата обращения: 04.01.2022).

24. Сообщество НКО «Улица детства» // «ВКонтакте». URL: https://vk.com/ulicadetstva (дата обращения: 04.01.2022).

LESSONS OF URBAN DEVELOPMENT: TOWARDS PARTICIPATIVE URBAN DESIGN WITH ADOLESCENTS

A.G. Filipova[1], V.S. Asafova[2], I.I. Baranova[3]

[1]Vladivostok State University
[2]Higher School of Economics
[3]NGO "Street of Childhood"

Urbanization has launched processes to improve the quality of life in cities, including through appealing to the opinion of the townspeople themselves, their involvement in urban processes. The practices of participating design have been developed in our country with the launch of the national project "Housing and Urban Environment" in 2018 and are still of a point nature. The subject of this study is the lessons of urban development conducted by the public organization "Street of Childhood" in schools in the city of Perm. Lessons are analyzed in terms of opportunities to include teenagers in the life of the city. The materials for the analysis were expert interviews with lesson curators, information posted on the website of the NGO "Street of Childhood," as well as drawings with images offered by teenagers for the implementation of urban objects. The article describes the features of urban development lessons, formats of interaction between adolescents and adults during lessons, as well as products of schoolchildren's activities in urban development lessons – drawings of urban objects. It is concluded about the importance of urban development lessons as an initial stage in participatory work with adolescents, the organizational and methodological difficulties of this work and its significance for the formation of a sense of involvement in the city.

Keywords: urban environment, adolescents, participating design, sociology of the city, practices of complicity, urban development.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2023_1_102

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДОЙ ДЕТНОЙ СЕМЬИ В СТРАНАХ ЕАЭС

© 2023 г.

Т.К. Ростовская, Е.А. Князькова

Ростовская Тамара Керимовна, д.соц.н.; проф.; заместитель директора по научной работе Института демографических исследований РАН, Москва
rostovskaya.tamara@mail.ru
Князькова Екатерина Александровна, к.полит.н.; ведущий научный сотрудник отдела семьи и семейно-демографической политики Института демографических исследований РАН; доцент социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Москва
eapavlova@bk.ru

Статья поступила в редакцию 27.12.2022
Статья принята к публикации 27.01.2023

На основе компаративного странового анализа приведены результаты исследования особенностей государственного регулирования поддержки молодой детной семьи в странах ЕАЭС: определена категория «молодая семья» в законодательстве государств; обозначены тенденции демографического развития государств-членов ЕАЭС; выявлена недостаточность межгосударственных программ государств-членов ЕАЭС, обусловливающих возможности сотрудничества по вопросам семейно-демографической политики в рамках данного интеграционного формирования; конкретизированы особенности системы национального законодательства стран-участниц ЕАЭС по вопросам поддержки молодой детной семьи; оценена роль структур органов государственной власти, реализующих политику государственной поддержки молодой детной семьи.

Ключевые слова: семейная политика; демографическая политика; семейно-демографическая политика стран ЕАЭС; государственная поддержка молодой семьи; государственная поддержка семей с детьми.

Введение

На современном этапе особую государственную значимость приобретает развитие семейной и демографической политики, поиск детерминант их эффективности. Актуализируются исследования, связанные с оценками демографического вклада молодежи и возможностями его повышения. Постсоветское пространство традиционно остается для России сферой стратегических интересов, связанных прежде всего с поисками совместных ресурсов для повышения качества человеческого потенциала, обеспечением технологического лидерства, расширения равноправного сотрудничества с целью снижения глобальной напряженности, выравнивания социально-экономического положения стран и народосбережения. Данные «точки роста» позволят укрепить международную безопасность, повысить доверие и сблизить позиции в принятии решений за общее будущее, усилить интеграционные процессы с дружественными странами, развить транспарентность политических решений, а также предотвратить инспирирование в Содружестве Независимых Государств (СНГ) антироссийских настроений.

Появление в 2014 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как межстрановой организации региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью, позволило усилить кооперацию, конкурентоспособность национальных экономик, что безусловно повлияло на качество жизни населения (по состоянию на 2020 г. – 186 млн человек[1]) государств-участников – России, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана.

Одной из ключевых задач стран СНГ – участников ЕАЭС – является государственная поддержка семей и рождаемости, обусловленная общим для этой группы стран «историческим трендом снижения рождаемости, перехода от многодетности к среднедетности и малодетности» [1].

На современном этапе представляет научный интерес компаративный страновый социологический анализ государственного регулирования поддержки молодой детной семьи стран ЕАЭС как инструмент поиска эффективных моделей социальной поддержки данной категории населения как с точки зрения национальной государственной семейно-демографической политики, так и с позиции оценки возможностей для развития межстрановых программ и проектов.

Методология исследования

Теоретико-методологический базис исследования составляют теории, концепции, парадиг-

мы российской научной школы фамилистической социологии и гендерных исследований (А.И. Антонов, Г.И. Климантова, О.В. Кучмаева, Т.К. Ростовская, З.Х. Саралиева, Г.Г. Силласте, О.А. Хасбулатова и др.). В качестве основных методов применяется один из методов сравнительных исследований – компаративный анализ, применяемый в рамках гуманитарных наук, в том числе набирающий популярность в сфере межпредметных исследований [2, с. 21]. В качестве объектов компаративного анализа нами выделены, во-первых, тенденции демографического развития государств-членов ЕАЭС, во-вторых, межгосударственные программы государств-членов ЕАЭС, обусловливающие возможности сотрудничества по вопросам семейно-демографической политики в рамках данного интеграционного формирования, в-третьих, системы национального законодательства стран-участниц ЕАЭС по вопросам поддержки молодой детной семьи, в-четвертых, структуры органов государственной власти, реализующие политику государственной поддержки молодой детной семьи.

Следует отметить подходы стран-участниц ЕАЭС к определению категории **молодая семья**:

– в Армении – семья, в которой один из супругов в возрасте 16–30 лет (включительно), а возраст другого не превышает 35 лет, суммарный возраст супругов не превышает 65 лет, или молодой родитель с ребенком[2];

– в Беларуси – семья, в которой хотя бы один из супругов (родитель в неполной семье) находился в возрасте до 31 года[3];

– в Казахстане – семья, в которой оба супруга не достигли возраста 29 лет, либо неполная семья, в которой ребенка (детей) воспитывает один из родителей, не достигший возраста 29 лет[4];

– в Кыргызстане – лица, состоящие в браке и не достигшие 28-летнего возраста[5];

– в России – лица, состоящие в заключенном в установленном законодательством Российской Федерации порядке браке, в возрасте до 35 лет включительно[6].

Результаты исследования

Тенденции демографического развития государств-членов ЕАЭС, выделенные в результате анализа первичной статистической информации государств-членов ЕАЭС, обнаруживают страновые сходства. Так, процессы депопуляции и старения населения особенно характерны для Российской Федерации и Республики Беларусь. Будущее этих стран зависит от того, насколько результативными станут активно принимаемые в последнее десятилетие меры демографической политики и насколько будет значимым вклад миграции в изменение численности населения этих двух стран. Численность населения Республики Казахстан, Кыргызской Республики продолжит расти с замедляющейся скоростью, несмотря на относительно высокие значения суммарного коэффициента рождаемости.

Для Армении характерно влияние на возможности демографического роста миграционного оттока и снижающегося уровня рождаемости.

Межгосударственные программы государств-членов ЕАЭС, обусловливающие возможности сотрудничества по вопросам семейно-демографической политики в рамках данного интеграционного формирования. Сотрудничество государств-членов ЕАЭС в сфере семейно-демографической политики прямо не поименовано в официальных документах, однако статьи 96, 98 Договора о Евразийском экономическом союзе определяют сотрудничество государств-членов в сфере трудовой миграции, признают «права на социальное обеспечение (социальное страхование, кроме пенсионного) как трудящихся государств-членов, так и членов их семей, на тех же условиях и в том же порядке, что и граждан государства трудоустройства», а «дети трудящегося государства-члена, совместно проживающие с ним на территории государства трудоустройства, имеют право на посещение дошкольных учреждений, получение образования в соответствии с законодательством государства трудоустройства», при этом «трудящиеся государства-члена и члены их семей обязаны соблюдать законодательство государства трудоустройства, уважать культуру и традиции народов государства трудоустройства…»[7].

Системы национального законодательства стран-участниц ЕАЭС по вопросам поддержки молодой детной семьи. Семейное законодательство стран ЕАЭС в большинстве своем схоже, а в отношении многих институтов – тождественно.

В России, согласно статьям 38 и 72 Конституции РФ, *«материнство и детство, семья находятся под защитой государства»* и защищается институт брака как *«союз мужчины и женщины»*[8]. В Армении статья 35 Конституции Республики Армения[9] устанавливает, что *«семья является естественной и основной ячейкой общества»*. В Беларуси статья 32 Конституции Республики Беларусь регламентирует: *«Брак как союз женщины и мужчины, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства»*[10]. Статья 27 Конституции Республики Казахстан также устанавливает, что *«брак и семья, материнство, отцовство*

и детство находятся под защитой государства»[11]. Статья 20 Конституции Республики Кыргызстан определяет весомое место семье: *«Семья – основа общества. Семья, отцовство, материнство и детство находятся под охраной общества и государства»*[12].

На национальных уровнях в государствах-членах ЕАЭС социальная поддержка семей с детьми устанавливается в правительственных программах и проектах.

В Республике Армения реализуется Программа мероприятий деятельности Правительства Республики Армения на 2021–2026 гг.[13], включающая в себя:

– *создание более широких возможностей для совмещения родителями с детьми работы и ухода за ребенком* посредством реализации программы «Предоставление содействия ищущим работу лицам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до трех лет, для организации ухода за ребенком параллельно с работой в случае возвращения на работу до достижения двухлетнего возраста»;

– «механизмы обеспечения постоянным или временным жильем имеющих низкие доходы, а также необеспеченных семей» посредством утверждения единой социальной стратегии и пятилетней программы действий по обеспечению жильем;

– назначение пособия по уходу за ребенком в возрасте до двух лет всем матерям, независимо от места их регистрации (проживания) – с 1 января 2023 года;

– предоставление финансовой помощи в размере 50000 драмов[14] за третьего и каждого последующего ребенка в возрасте до 6 лет;

– установление программ государственного содействия на 2023–2026 годы, направленных на предоставление социально-экономического содействия проживающим в селе молодым семьям с детьми;

– назначение и выплата пособий по материнству;

– осуществление государственной целевой программы «Доступное жилье молодой семье» (по оценкам аналитиков информационной компании «АрмИнфо», растет как финансирование данной программы, так и число ее бенефициаров[15]).

Таким образом, ориентированными конкретно на молодую семью (в том числе с детьми) в Армении являются государственные программы: 1) направленные на предоставление социально-экономического содействия проживающим в селе молодым семьям с детьми, 2) «Доступное жилье молодой семье», что, однако, не умаляет значения других программ, прямо не акцентирующих внимание на отнесение благополучателей к категории «молодая семья», но косвенно это подразумевающих.

Реализованная в 2016–2020 гг. в Республике Беларусь госпрограмма «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» была признана высокоэффективной. В рамках данной программы:

– разработана «Национальная модель репродуктивного здоровья и планирования семьи на 2021–2025 годы», в которую включен раздел по профилактике и лечению нарушений репродуктивного здоровья у мужчин;

– обеспечена государственная поддержка семей по основным направлениям: выплата государственных пособий в связи с рождением и воспитанием детей, предоставление семейного капитала многодетным семьям (продлено до 2024 года), оказание многодетным семьям материальной помощи к учебному году, денежные выплаты к Ордену Матери, единовременные выплаты при рождении двоен, троен; оказание социальных услуг семьям с детьми; предоставление государственной поддержки многодетным семьям при строительстве (реконструкции) жилья.

В рамках современной государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 гг.[16] реализуется подпрограмма «Семья и детство», задачами которой являются совершенствование службы планирования семьи, улучшение качества и доступности медицинской помощи женщинам и детям, развитие системы поддержки семей с детьми и улучшение условий их жизнедеятельности; популяризация в обществе духовно-нравственных ценностей института семьи, совершенствование системы подготовки молодежи к семейной жизни. В Республике Беларусь приоритетом в сфере стимулирования рождаемости является развитие системы поддержки семей с акцентом на рождение вторых и последующих детей [3].

В Республике Казахстан, в соответствии с долгосрочными приоритетами Стратегии «Казахстан-2050», реализуется Концепция семейной и гендерной политики Республики Казахстан до 2030 года[17], направленная на поддержку, укрепление и защиту семей. В Республике Казахстан в рамках утвержденной в 2018 году программы ипотечного жилищного кредитования «7-2–25. Новые возможности приобретения жилья для каждой семьи» для семей с детьми оказывается поддержка государства в виде льготных кредитов[18].

В Кыргызской Республике с 2017 г. действуют ряд важнейших законодательных актов, направленных на укрепление и развитие инсти-

тута благополучной семьи, а также государственной поддержки семей с детьми: Программа Правительства Кыргызской Республики по поддержке семьи и защите детей на 2018–2028 годы[19]; Закон Кыргызской Республики от 28 июля 2017 года №163 «О государственных пособиях в Кыргызской Республике»[20].

В России в настоящее время реализуется второй этап государственной программы (комплексной программы) Российской Федерации «Социальная поддержка граждан»[21], в качестве одной из целей которой определена «социальная поддержка семей при рождении детей». Национальный проект «Демография»[22] включает в том числе федеральный проект «Финансовая поддержка семей при рождении детей».

Меры социальной поддержки российских семей с детьми в 2022 году подразделяются, во-первых, на те, которые были определены законодателями по состоянию на 1 января 2022 г. и включены в План реализации в 2021–2025 гг. Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утвержден Распоряжением Правительства РФ от 16.09.2021 № 2580-р), а также в Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 г. и на плановый период 2022 и 2023 гг. (утв. Минфином России), и, во-вторых, на меры, обусловленные унификацией денежных выплат на основе критерия нуждаемости. В связи с новыми социально-экономическими рисками российские власти усиливают работу над совершенствованием имеющихся и выработкой новых льгот и пособий для семей с детьми. Так, с 1 января 2023 г. введена универсальная выплата[23] для нуждающихся семей с детьми. Она объединила несколько действующих сейчас мер социальной защиты: пособие нуждающимся женщинам, вставшим на учет по беременности на ранних сроках, пособие по уходу за ребенком до полутора лет для неработающих родителей, выплату на первого ребенка до трех лет, выплату на третьего ребенка до трех лет, а также пособия на детей от трех до восьми лет и на детей от восьми до 17 лет. Выплаты коснутся семей, в которых воспитывается порядка 10 миллионов детей, и будут производиться в целях уравнивания их материальных возможностей[24]. Молодые семьи определены и в качестве участников государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»[25]. В России действует сразу несколько программ государственной поддержки, которыми можно воспользоваться молодым детным семьям при покупке жилья: использование материнского капитала для улучшения жилищных условий[26]; семейная ипотека для семей с детьми[27]; дальневосточная ипотека под 2%[28].

В качестве целевых аудиторий получателей денежных выплат в России преимущественно определены семьи с новорожденными детьми (вне зависимости от уровня достатка), семьи с низким уровнем достатка с детьми от 3 до 7 и от 8 до 17 лет, беременные малообеспеченные женщины.

Анализ структуры органов государственной власти, реализующих политику государственной поддержки молодой детной семьи в ЕАЭС, продемонстрировал, что данное направление внутренней политики реализуют: в Армении – Министерство образования, науки, культуры и спорта Республики Армения; в Беларуси – Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь, а также Министерство образования Республики Беларусь; в Казахстане – Министерство информации и общественного развития Республики Казахстан; в Кыргызстане – Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики; в России – Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации.

В целом результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что семейно-демографическая политика стран ЕАЭС характеризуется усилением социального статуса и общественной роли молодой детной семьи, что связано в первую очередь с ее высоким репродуктивным потенциалом и необходимостью его развития с целью воспроизводства населения. Молодая семья с детьми как особая категория семей закрепляется в государственных программах и национальных проектах государств-членов ЕАЭС. Существуют страновые различия, позволяющие уточнить категории молодых семей, приоритетных для государств: в Армении – сельские молодые семьи, а также молодые семьи, нуждающиеся в улучшении жилищных условий; в Беларуси – двухдетные и многодетные молодые семьи; в Казахстане – молодые матери и молодые отцы, семьи с детьми; в Кыргызстане и России – нуждающиеся семьи с детьми.

Таким образом, на современном этапе государственного регулирования поддержки молодой детной семьи в ЕАЭС уточняются ее категории, поддерживаются в межстрановых соглашениях семьи молодых мигрантов с детьми, актуализируются роли и права молодых отца, матери. Большое внимание уделяется вопросам жилищного обеспечения молодой семьи. Развиваются меры государственной поддержки молодой детной семьи на основе принципов пре-

емственности государственных решений, комплексности и адресности предпринимаемых действий.

Примечания

1. Для сравнения: численность населения стран СНГ по состоянию на 2020 г. составляет 280 млн человек (прим. авторов).

2. ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԵՐԻՏԱՍԱՐԴԱԿԱՆ ՊԵՏԱԿԱՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՅԵՑԱԿԱՐԳ. Հավելված ՀՀ կառավարության 2014թ. դեկտեմբերի 25-ի նիստի № 54 արձանագրային որոշման. URL: escs.am (дата обращения: 20.12.2022).

3. Указ Президента Республики Беларусь от 6 января 2013 г. № 13 «О некоторых вопросах предоставления гражданам государственной поддержки при строительстве (реконструкции) или приобретении жилых помещений».

4. Закон Республики Казахстан от 9 февраля 2015 года № 285-V «О государственной молодежной политике» (с изменениями по состоянию на 04.09.2022).

5. Закон КР от 31 июля 2009 года № 256 «Об основах государственной молодежной политики», Постановление Правительства Кыргызской Республики от 16.10.2014 № 601 «О проекте Закона Кыргызской Республики "Об основах государственной молодежной политики"».

6. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».

7. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014), ред. от 05.08.2021.

8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

9. Конституция Республики Армения. URL: gov.am (дата обращения: 20.12.2022).

10. Канстытуцыя 1994 года (са змяненнямі і дапаўненнямі, прынятымі на рэспубліканскіх рэферэндумах 24 лістапада 1996 г., 17 кастрычніка 2004 г. і 27 лютага 2022 г.). URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/kanstytutsyya-1994-goda-sa-zmyanennyami-i-dapa-nennyami2022/ – Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения: 20.12.2022).

11. Конституция Республики Казахстан. URL: akorda.kz (дата обращения: 20.12.2022).

12. Конституция Республики Кыргызстан. URL: minjust.gov.kg (дата обращения: 20.12.2022).

13. Постановление Правительства Республики Армения № 90-l от 18 ноября 2021 года «Об утверждении Программы деятельности Правительства Республики Армения на 2021–2026 годы».

14. Примерно 7700 руб. – прим. авторов.

15. Պետությունը կավելացնի «Երիտասարդ ընտանիքին մատչելի բնակարան» ծրագրով հիփոթեքային վարկերի սուբսիդավորման գումարը. Ալինա Հովհաննիսյան // Արմինֆո. 26.07.2021. URL: Finport.am (дата обращения: 20.12.2022).

16. Постановление Совета министров Республики Беларусь от 19 января 2021 г. № 28 «О государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы.

17. Указ Президента Республики Казахстан от 6 декабря 2016 года № 384 «Об утверждении Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года». URL: zan.kz (дата обращения: 20.12.2022).

18. Постановление Правления Национального Банка Республики Казахстан от 31 мая 2018 года № 107 Об утверждении Программы ипотечного жилищного кредитования «7-20-25. Новые возможности приобретения жилья для каждой семьи». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33830419&pos=4;-90#pos=4;-90 (дата обращения: 20.12.2022).

19. Постановление Правительства Кыргызской Республики от 14 августа 2017 года № 479 «Об утверждении Программы Правительства Кыргызской Республики по поддержке семьи и защите детей на 2018–2028 годы».

20. Закон Кыргызской Республики от 28 июля 2017 года № 163 «О государственных пособиях в Кыргызской Республике». URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111670 (дата обращения: 20.12.2022).

21. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 296 (ред. от 18.08.2022) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан».

22. Паспорт национального проекта «Демография» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16).

23. Федеральный закон от 21.11.2022 № 455-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей».

24. Антон Котяков: на универсальное пособие для семей с детьми будет направлено 1.7 трлн рублей / Минтруд России. 22.09.2022. URL: https://mintrud.gov.ru/social/422 (дата обращения: 20.12.2022).

25. Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 № 1710 (ред. от 02.12.2022) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации».

26. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 05.12.2022, с изм. от 21.12.2022) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

27. Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 № 1711 (ред. от 08.10.2022) «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета акционерному обществу "ДОМ.РФ" в виде вкладов в имущество акционерного общества "ДОМ.РФ", не увеличивающих его уставный капитал, для возмещения российским кредитным организациям и акционерному обществу "ДОМ.РФ" недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам), предоставленным гражданам Российской Федерации, имеющим детей, и Правил возмещения российским кредитным организациям и акционерному обществу "ДОМ.РФ" недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам), предоставленным гражданам Российской Федерации, имеющим детей».

28. Постановление Правительства РФ от 07.12.2019 № 1609 (ред. от 30.11.2022) Об утверждении условий программы "Дальневосточная ипотека", Правил предоставления субсидий из федерального бюджета акционерному обществу "ДОМ.РФ" в виде вкладов в имущество акционерного общества "ДОМ.РФ", не увеличивающих его уставный капитал, для возмещения российским кредитным организациям и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам, предоставленным гражданам Российской Федерации на приобретение или строительство жилых помещений на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2015 г. № 1713-р».

Список литературы

1. Демографическое развитие постсоветских стран (1991–2021): тренды, демографическая политика, перспективы. Аналитический доклад / В.Н. Архангельский, Л.И. Бардакова, В.А. Безвербный [и др.]; Под ред. С.В. Рязанцева; ФНИСЦ РАН. М.: ИТД «Перспектива», 2021. 200 с.

2. Зиновьева Л.Е. Компаративистский подход: некоторые методологические особенности, аналитические практики и их образовательный потенциал // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. Вып. 2. 2014: электр. научный журнал [Электронный ресурс] / Ред. кол.: Е.М. Калашникова (отв. ред.), В.Н. Кукьян, А.А. Краузе. Пермь, 2014. 103 с.

3. Положение молодежи в Республике Беларусь в 2021 году. Доклад Министерства образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Минск, 2021. 132 с. URL: Доклад%20молодежи%20-%20 2021.pdf (дата обращения: 20.12.2022).

4. Ростовская Т.К. Семейно-демографическая политика в страновом разрезе // III Всероссийский демографический форум с международным участием: Материалы форума (Москва, 3–4 декабря 2021 г.) / Отв. ред. Т.К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 77–80.

STATE REGULATION OF SUPPORT FOR YOUNG FOSTER FAMILIES IN THE EAEU COUNTRIES

***T.K. Rostovskaya*[1], *E.A. Knyazkova*[1,2]**

[1] The Institute for Demographic Research of the Federal State Budget Institution of Science «The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of The Russian Academy of Sciences»
[2] Russian State University for the Humanities

Based on a comparative country analysis, the article presents the results of a study of the features of state regulation of support for a young children's family in the EAEU countries: the category "young family" is defined in the legislation of states; trends in the demographic development of the EAEU member states are indicated; the insufficiency of interstate programs of the EAEU member states, which determine the possibility of cooperation on family and demographic policy within the framework of this integration formation, was revealed; specific features of the system of national legislation of the EAEU member countries on issues of support for a young children's family; the role of the structures of state authorities that implement the policy of state support for a young children's family is assessed.

Keywords: family policy; demographic policy; family and demographic policy of the EAEU countries; state support for young families; state support for families with children.

УДК 316.7
DOI 10.52452/18115942_2023_1_108

ОПЫТ СОЗДАНИЯ А. ЗИНОВЬЕВЫМ НОВОЙ СОЦИОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ

© 2023 г.

В.П. Козырьков

Козырьков Владимир Павлович, д.соц.н.; проф.; профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kozir3@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 29.06.2022
Статья принята к публикации 16.01.2023

Наследие Зиновьева многообразно и противоречиво. Оно изменялось по своему характеру, испытывая влияние различных исторических и социокультурных условий. Его многообразное творчество охватывает всю вторую половину XX и начало XXI века. В статье раскрываются общие и специфические для Зиновьева факторы генезиса социологии. Показывается взаимосвязь позитивизма с обыденным сознанием на различных исторических этапах. Ставится проблема связи «логической социологии» Зиновьева с позитивизмом и феноменологией. Анализ взаимосвязи обыденных и научных элементов позволяет раскрыть особенности «логической социологии», которую он разрабатывал в критике западной и отечественной науки. Доказывается, что «логическая социология» не стала влиятельной в развитии отечественной социальной мысли. Главная причина – отказ Зиновьева от материалистической диалектики, отсутствие адекватной социокультурной среды и профессиональной поддержки. Показывается эволюция диалога Зиновьева с диалектикой Маркса и марксизмом. Зиновьев пришел к выводу, что диалектика поглощается его комплексной логикой и потому не нужна в разработке новой социологи. Анализ наследия Зиновьева позволяет сделать вывод, что отечественная социология так и не стала диалектичной, а без диалектического мышления не смогла развиваться теоретически, подчинившись ее западным вариантам, по существу позитивизму в его разных формах, и установке на мультипарадигмальность. Зиновьев так и не преодолел логику обыденного сознания. Анализ творческого пути Зиновьева в социологии показывает одну из фундаментальных причин провала советского проекта пути к социализму в конце XX века: общество так и не стало развиваться на научных основах, что противоречит природе этого общества. Трагедия становления отечественной социологии была одной из фундаментальных причин «русской трагедии».

Ключевые слова: социология, диалектика, Зиновьев, Россия, метод, абстрактное, конкретное, эмпирия, теория, трагедия.

Введение

Становление социологии продолжается уже третий век. Продолжается с перерывами и зигзагами, успехами и поражениями. Каждая новая эпоха претендует на новую, «настоящую» социологию, которая, однако, в итоге становится лишь еще одним направлением ее становления. Так случилось с позитивизмом, социальной феноменологией, структурно-функциональным анализом и др., хотя О. Конт, А. Шюц, Т. Парсонс и др. претендовали на единственно правильную социологию. Сейчас они все сосуществуют на равных, так как социологи отказались от создания единственно верной науки и успокоились на всех устраивающей мультипарадигмальности.

Но состояние мультипарадигмальности социологии не всегда устраивает социальную практику. Для нее нужны не только определенные социологические знания, но и понимание общей картины существования и развития общества, без которой практика постоянно будет натыкаться на противоречия, нежданные проблемы и системные кризисы. И нужен не пестрый калейдоскоп различных картин, а вполне определенная и достоверная картина, ответственность за которую несут социологи, так как она является необходимой научной основой принимаемых стратегических решений, разрабатываемых социальных программ и проектов.

Не прекращаются попытки преодолеть эклектизм (то есть мультипарадигмальность) в социологии. В отечественной науке одной из таких попыток стала «логическая социология» А.А. Зиновьева (1922–2006), которая разрабатывалась им во второй половине XX века. Он практически в одиночку принял на себя ответственность за решение фундаментальной задачи – разработать новую общую социологию, чем вызвал неприятие официальной науки и власти, которая считала, что такой проблемы в советском обществе нет. И, как потом выяснилось, отторжение со стороны представителей западной социологии, так как их мало интересовали проблемы развития советского и постсоветского общества. Само название науки – «логиче-

ская социология» – казалось претензионным и никак не связанным с существующими парадигмами и традициями. Тем более что Зиновьев утверждал, что его логика вышла из диалектики и «поглотила» ее в себе, а для западных социологов диалектика – неприемлемый ингредиент науки.

Сам по себе этот факт уникален в развитии социологии, поэтому требует осмысления. Поэтому выходят статьи, посвященные различным аспектам творчества Зиновьева: в области логики, философии, литературы, социологии. Есть опыт анализа творчества Зиновьева в целом [1, 2]. Но есть один аспект творчества Зиновьева, который остается в тени, – связь методологии Зиновьева с диалектикой и обыденным сознанием. Связь, которая имеет социокультурный характер, став истоком возникновения социологии и повлияв на процесс возникновения социологии в новом типе общества. Это показал опыт Зиновьева.

Цель статьи – раскрыть в общей форме один из аспектов становления и развития логической социологии Зиновьева: ее взаимосвязь с современным обыденным сознанием как социокультурным фактором этого процесса. Именно обыденное сознание стало одним из непреодолимых препятствий в его теоретических построениях принципиально новой социологии, поэтому его проект создания принципиально новой социологии остался незавершенным.

Метод – социокультурный теоретический анализ. Творчество Зиновьева включало не только социологические, но и многие другие духовные формы культуры, вне взаимосвязи с которыми невозможен анализ истоков его социологии.

Опыт генезиса социологии Зиновьева в общем социокультурном контексте

Зиновьев прошел свой путь выработки модели социологии, который она когда-то изначально прошла во времена О. Конта и К. Маркса, но в более сокращенном варианте и в другой конфигурации. Но между ними есть нечто общее. Есть нечто общее и с генезисом социологии в России, когда она официально не признавалась вплоть до 1917 года, а потом, после краткого периода становления, снова была запрещена.

Особенность генезиса логической социологии в том, что Зиновьев начал разрабатывать свою социологию в 70-е годы, когда социология западного типа в стране была реабилитирована и существовала институционально, хотя и в ограниченном виде и с прилагательным «марксистская». Одновременно существовали исторический материализм и научный коммунизм, дисциплины, каждая из которых претендовала на статус марксистской социологии, но с различными функциями.

Но, несмотря на исторические и идеологические различия условий, общее было то, что становление социологии исторически происходило через социокультурный диалог между различными формами и уровнями общественного самосознания: профессиональным и дилетантским, теоретическим и эмпирическим, художественным и понятийным, диалектическим и позитивистским. И каждая сторона этого разностороннего диалога стихийно и в различной степени апеллировала к *здравому смыслу*, то есть к основе обыденного сознания и к существующей духовной структуре, принимая ее определенные формы и отторгая другие.

И в этом диалоге тон задавал *позитивизм*. Как это ни странно прозвучит, но он проявил себя и в историческом генезисе социологии, и в советских условиях, но только в марксистской терминологии. Продолжает доминировать и сейчас в разных формах.

Важно еще раз подчеркнуть, что О. Конт, действительно, основатель социологии. Не потому, что он придумал термин «социология». И не потому, что оказался самым оригинальным в своих идеях. Более глубокими и оригинальными в то время были идеи А. Сен-Симона и Ш. Фурье. Заслуга Конта в том, что он создал *позитивистскую* социальную науку, которая базируется на здравом смысле индустриального, капиталистического общества и на структуре обыденного сознания, отвергая диалектику. По мнению О. Конта, «собственно здравый смысл преимущественно заботится о реальности и полезности» [3, p. 71] и со временем все «ложные научные воззрения» исчезнут «перед судом всеобщего здравого смысла» [3, ibid]. Именно позитивизм стал социальной наукой, адекватной новому типу общества, которое складывалось после Великой французской революции.

В последующем любое новое направление в социологии, которое возникало за два века, было непосредственно или завуалированно формой позитивизма, даже критикуя его. Например, Т. Парсонс – создатель общей теоретической системы социологии, почти что повторил Конта: «Хороший здравый смысл часто приносит лучшие результаты, чем плохой теоретический анализ» [4, с. 324]. Представители социальной феноменологии отвергали позитивизм, но только внешне, так как внутренне, отвергая идею диалектического развития, были выразителями структур повседневности и обыденного сознания с помощью специальных процедур. То есть это тоже позитивизм, но только в особой форме, близкой к художественной.

Поэтому идея позитивности поддерживалась не только «контистами», – она поддерживалась и поддерживается всеми консерваторами в политике. Поэтому ее поддерживал даже Гегель, – не позитивист, а создатель теории диалектики. Достаточно привести его знаменитую мысль, что «все действительное – разумно» [5, с. 14–17], которая сыграла свою важную роль в развитии социальной мысли. Так что Маркс преодолевал не контовский, а гегелевский позитивизм, когда писал свою работу «К критике гегелевской философии права», от которой ведет свое происхождение марксистская социальная наука.

Идея позитивизма вообще носилась в воздухе, так как, во-первых, являлась доминирующей чертой духовной культуры и ее обыденного сознания. Во-вторых, позиция позитивизма во многом вызвана отрицанием популярных утопических, революционных и романтических настроений в обществе. На основе двух этих моментов и выстраивались различные социальные теории.

Зиновьев отвергал позитивизм двояко: путем создания новой логики (комплексной), которая вобрала в себя диалектику, и сатирических романов, которые он назвал социологическими. Второй путь оказался более успешным, но теоретически не выигрышным. Зиновьев лишь осмеивал существующее обыденное сознание советского общества, которое было пронизано догмами, мифами и утопиями, но не объяснял его теоретически.

Зиновьев теоретически отвергал позитивизм за то, что он отрицал в социальной науке возможность создания крупных теорий развития. Позитивизм не нуждается в большой теории, довольствуясь «ползучим эмпиризмом», который, опять-таки, порождается рассудком, не способным на теоретические обобщения и воспроизведение социальных явлений в целостности. Поэтому Зиновьев начинал свой путь в социологию с изучения метода Маркса «восхождение от абстрактного к конкретному», с помощью которого строилась его социальная теория.

Опыт Зиновьева еще раз показал, что позитивизм есть «родимое пятно» западной социологии и поэтому на всех стадиях эволюции капиталистического общества он лишь менял свою форму. Подтвердилось это и становлением социологии в постсоветском обществе.

Новый этап развития обыденного сознания и новая необычная форма позитивизма

Замысел новой социологии появился и в современных социокультурных условиях. Формирование социологии Зиновьева происходило, когда в духовной культуре начался новый этап диалога научного и обыденного сознания. Сциентизм, с его культом математики, потерял свое влияние. На авансцену стал выдвигаться постмодернизм с его отрицанием больших теорий и социологии вообще. На первый план выдвинулись метафоры и воображение. И все же через ряд метаморфоз позитивизм получил новое дыхание в особой форме – мультипарадигмальности. Внешне он не узнаваем. Но это позитивизм по сути, лишь только прикрытый фрагментами разных концепций. Все же он обнаруживается, когда предлагается выбор «подхода» (то есть субъективного решения в выборе метода) для проведения исследования. Но если бы не было *скрываемой общей основы для сравнения концепций и теорий*, то были бы невозможны их сравнение и выбор. И таким общим основанием является позитивизм.

Наследие Зиновьева важно использовать для анализа характера нового этапа эволюции социологии, так как оно вобрало в себя многообразные сюжеты внутреннего диалога в социологии, диалога между ее различными направлениями и другими дисциплинами. Но когда началось активное изучение его наследия, то выяснилось, что на первое место Зиновьев ставил все же социологию [6–8]. Впрочем, это и был выбор Конта. Далеко не случайно, что в это время появились монографии, сборники и статьи по проблемам роли обыденного сознания в связи возникающей социологии с развитием духовной культуры [9–11]. Значит, появилась потребность в анализе этой взаимосвязи, которая всегда волновала позитивистскую социологию и вдруг стала менять свой характер.

Объективной причиной такой потребности стал нарастающий внутренний диалог в самой социологии между ее элементами и уровнями. Он усилился под воздействием объективных революционных изменений в технике, технологиях и системе коммуникации. Они вызвали революцию в развитии обыденного сознания, которое приобрело свою *технологическую основу* в виде СМИ, массовой культуры и Интернета – этой «информационной свалки». Такого еще не было в истории. Веками основой обыденного сознания были мифы, стереотипы, обычаи, сплетни, слухи и др. феномены повседневной духовной жизни. Никакой технологии не было.

Но с возникновением технологий возникла принципиально новая ситуация: обыденное сознание стало доминировать над *теоретическим знанием*, которое к тому же обвинили в тоталитарной власти над сознанием человека. Обвинение в тоталитарности – самое страшное обвинение для либерала, который, правда, все же при-

знает тоталитаризм рыночных и денежных отношений, в том числе и в духовной сфере, включая науку.

В новом духовном пространстве социология тоже трансформировалась, приобретая новые очертания и формы. В методологии стала доминировать мультипарадигмальность (эклектизм), демонстрируя новый уровень господства обыденного сознания над научным. В качестве аргумента правомерности такого положения утверждается, что мультипарадигмальность ведет к умножению *многообразия* научных знаний, давая человеку *право выбора* среди методологических подходов и научных теорий. Но ситуация выбора есть результат переноса рыночных отношений в социальную науку, отношений, которые сейчас доминируют в повседневной жизни и в обыденном сознании.

И все же мультипарадигмальность есть форма позитивизма, поскольку отношение к направлениям в ней некритичное: все существующие направления признаются равными и оправданными в силу того, что они появились и пробрели своих многообразных сторонников не только в среде профессиональных социологов, но и в массовом сознании, в сетевых сообществах. Эти сообщества и живут за счет непрерывного диалога, который невозможен без различных представлений о статусе социологии и ее возможностей. А если нет критики, то нет и науки. Мультипарадигмальность есть завуалированная форма позитивизма точно так же, как такой завуалированной формой позитивизма стала советская социология, подаваемая в оболочке марксистской терминологии. Ничего удивительного, что в 90-е годы именно позитивизм стал приобретать доминирующий характер.

Одна из причин появления «Зияющих высот» Зиновьева – реакция на набиравшую в стране силу позитивистскую ориентацию в развитии социологии в оболочке марксистской терминологии. Эта ориентация одобрялась партийной и государственной бюрократией, так как снабжала власть социальной информацией.

Получалось, что марксистская социальная наука остановилась в развитии, а за ее развитие выдавались комментарии уже высказанных суждений Маркса, Энгельс и Ленина вопреки всем требованиям материалистической диалектики, что истина всегда конкретна и в каждую новую эпоху надо начинать исследование общества заново. Но это и есть позитивизм, когда отрицается принцип историзма и развития в самой социологии. Внешне представляется парадоксом: советский научный коммунизм как теория построения социализма и коммунизма превратился в новую форму позитивизма. Хотя парадоксального тут ничего нет: формировались идейные предпосылки для перехода к капитализму.

Можно ли разрушить обыденное сознание с помощью патриотизма и логики?

В этом месте анализа правомерны такие вопросы: разработал Зиновьев в новых условиях принципиально новую социологию или предложил очередную «парадигму»? Если нет, то какие проблемы возникли на этом пути и не позволили ему это сделать? Или все же правы сторонники мультипарадигмальности и единая социология невозможна?

Анализ наследия Зиновьева показывает, что одной из тормозящих творчество Зиновьева проблем стал его непрерывный диалог с обыденным сознанием, которое он оценивал критично, но *не диалектично*, сам подчинившись его влиянию. Разумеется, существовали и другие внутренние причины, но мы о них скажем только вскользь. И все же больше всего сил Зиновьев отдал написанию социологических романов, в которых «сражался» с проявлениями обыденного сознания.

Социологические идеи Зиновьева возникли не на пустом месте и не только на основе разработанной им комплексной логики [12]. Они порождались духовной атмосферой второй половины XX века, когда закончилась Великая Отечественная война и в обществе был высокий победный патриотический дух.

Тогда казалось, что все научные задачи решаемы и по плечу людям, победившим фашизм и поверившим в могущество науки. Но на пути этой уверенности встали представления обыденного характера, выраженные в социальных догмах, новых мифах, стереотипах, которые поддерживались авторитарно и догматически мыслящими учеными, использующими марксистскую терминологию.

Главная проблема, которую нужно было решить Зиновьеву для разработки новой социологии, – разрушить существующее обыденное сознание. Но Зиновьеву досталась судьба Дон-Кихота, борющегося с ветряной мельницей. Его социологические романы не оказали серьезного влияния на советское обыденное сознание и не разрушили его [13]. Они вызвали только раздражение власти, поскольку управление массовым обыденным сознанием она считала собственной привилегией. Но Зиновьев своими романами вошел в эту сферу и поставил перед собой такую задачу, которая не может быть решена одним человеком. Понятно, что решить ее ему не удалось: его просто выслали из страны в Германию.

Но через некоторое время это было сделано самим государством и всей его мощной идеоло-

гической машиной, когда был взят курс на перестройку, а затем и на реставрацию капитализма, для которого требовалось новое обыденное сознание. На общество обрушилась волны критической отечественной и западной литературы, подорвавшей основы обыденного сознания – здравый смысл. Поэтому когда Зиновьев возвратился в новую Россию, он уже столкнулся с новым обыденным сознанием, анализируя его в книге «Русская трагедия» на основе покаянных признаний в своих ошибках.

Как Зиновьев оказался в русле социальной феноменологии

Казалось бы, Зиновьев был далек от социальной феноменологии, но его социологические романы есть лишь ее форма, которая приправлена социологической терминологией и сарказмом. И логическая социология в целом, несмотря на ее декларируемую абсолютную научность, есть лишь *описание* социальной реальности в логической оболочке.

Логические схемы наполняются тем знанием, которое существует уже на обыденном уровне, но только в другой терминологии. То есть он практически делал то же самое, что и представители феноменологии, но только с помощью своей комплексной логики и сарказма.

Зиновьев стремился уйти от пустых абстрактных конструкций, как это делается и в феноменологии, приходя к выводу, что «социальным атомом» [14, с. 182–184] является каждый человек, а объектом социологии являются «комбинации социальных атомов» [14, с. 190]. Поэтому Зиновьев не признает каких-то объектов социологии вне человека, которые не имеют реального, конкретно чувственного существования. Возникает вопрос: а как же метод К. Маркса восхождения от абстрактного к конкретному, который стал истоком его комплексной логики?

Зиновьев считал, что диалектика Гегеля и Маркса не оправдала себя в анализе процессов новейшей истории, поэтому стала архаичной, вызывая лишь ироническую улыбку. Зиновьев одним из первых заявил о диалектической слабости советской марксистской теории, ее склонности к позитивизму, хотя в советское время постоянно декларировалась необходимость использования диалектики и выходила масса литературы по диалектике современной эпохи, диалектике социализма и его структуры [15–17]. И все же Зиновьев обнаружил в советском варианте марксизма склонность к позитивизму. Примерно так же, как мальчик из сказки Андерсена прокричал на всю площадь: «А король-то голый!».

Но представители феноменологии поступают как портные из сказки Андерсена, лишь создавая различные «платья» для прикрытия социальной реальности, используя потенциал обыденного сознания.

Впрочем, через ряд метаморфоз [18] развитие феноменологического направления социальной науки подвело его сторонников к выводу, что социальная феноменология более адекватна не противоречивой социальной реальности, а ее художественному воспроизведению [19, 20]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Зиновьева постоянно тянуло к написанию художественных произведений, что подтверждает нашу мысль о внутренней связи логической социологии с социальной феноменологией.

Конкретное начало социологии Зиновьева – диалог с диалектикой Маркса

Зиновьев вошел в науку с идеей необходимости освоения диалектики К. Маркса, которая реализована в «Капитале». Рассмотрим этот вопрос отдельно.

Для диссертационного исследования среди всех методов диалектики Зиновьев выбрал метод восхождения от абстрактного к конкретному, принципиально важного в разработке новой теории. В его оценке данного метода, «степени зрелости сознательного и развитого способа мышления он достиг лишь при определенных социальных условиях и на определенной ступени развития наук» [21, с. 12]. Речь идет об экономических науках прежде всего, но Зиновьеву было важно понять, как эту методологию Маркса можно применить к выработке новой социологии.

Однако потом отношение к диалектике Маркса стало меняться. В итоге он отказался от материалистической диалектики, считая, что его комплексная логика вобрала в себя диалектику. Он был уверен, что «диалектика как учение есть языковая конструкция, и как таковая она должна строиться в соответствии с правилами логики. И, прежде всего, она должна быть логически непротиворечивой. Пренебрежение к логическому аспекту было и остается характерным для всех сочинений на тему о диалектике» [22, с. 32].

Но еще более радикально его заявление, что учение Маркса не является научным, так как стало идеологией. Зиновьев писал: «Один из самых выдающихся умов в истории человечества – Маркс – создал в общем и целом величайшую в истории нерелигиозную идеологию, а не науку, хотя стремился к научному пониманию общества и был убежден в том, что создал именно таковое» [14, с. 171]. Впрочем, в научности Зиновьев отказывает и западной социальной мысли, в «которой на самом деле доля научного подхода не превышает таковую в марксизме» [14, с. 172]. Понятно, что един-

ственная научность присуща только социологии Зиновьева, с позиции которой он и дает такие оценки.

Но если с этим согласиться, то, следовательно, мы должны знать, что же действительно великого открыл Зиновьев, отрицая материализм диалектики Маркса и считая, что его комплексная логика уже вобрала в себя диалектику.

«Взорвал» ли Зиновьев обыденное сознание?

Еще раз отметим, что силу обыденного сознания Зиновьев оценивал очень высоко и по своему опыту, и через чтение русской классики. Он писал: «Я считаю, что с социологической точки зрения самым значительным в творчестве Чехова является обнаружение власти ничтожеств и ничтожности («обыденщины») как основы основ жизни государственно организованного общества» [23].

Сразу ответим на вопрос: Зиновьев не преодолел обыденного сознания, а обогатил его новыми, логическими элементами. По своему содержанию произведения А. Зиновьева были безопасными для власти, так как все, что в них было изложено, читатели знали и находили массу подтверждений в их повседневной жизни. Ведь своими социологическими романами Зиновьев погрузился в пространство обыденного сознания. Но в том-то и опасность книги «Зияющие высоты», что на обыденном сознании держится идеология, есть одна из его форм, хотя советская идеология публично позиционировалась как научная. И поскольку Зиновьев самовольно «влез» в пространство обыденного сознания, раскрыл его детали и подверг осмеянию, возникла опасность, что он взорвет его изнутри. Все, что было достойно осмеяния, в романе было собрано в кучу и осмеяно с позиции якобы социологии, так как романы назывались социологическими.

Но социологии в них было так же мало, как в советском научном коммунизме – научности. Но люди приучены доверять ученым мужам. Зиновьев был уже известным в стране и в мире логиком, у него были свои ученики и последователи. Вот тут-то власть испугалась того, что люди начнут *думать реалистично, освобождаясь от догм*.

Но если будут думать в том же обыденном духе, то есть только посмеявшись над собой, как и сейчас распространено, то это не опасно, так как Зиновьев в своей книге «Зияющие высоты» рассуждал так же, как советские теоретики, но в вывернутой наизнанку манере. Ведь даже сам Зиновьев в книге заявлял, что он предложил «сочинение квазинаучного социологического трактата» [24, с. 10], сочинение по «социомеханике» [24, с. 12], хотя Зиновьев много рассуждает о социальных законах, которые якобы проявляются в общении и взаимодействиях людей и должны изучаться социологией. Но ведь это и есть позитивистский подход к социальной реальности, поскольку общество не рассматривается как развивающаяся материальная система.

Для прояснения ситуации важно еще раз назвать одного из основателей социальной науки, Ж. Прудона. Он стал использовать диалектику Гегеля формально, то есть наполнять логические схемы Гегеля содержанием из произведений известных тогда экономистов, находя в них противоречия и выдавая такой труд за новое слово науки, в частности, в произведении «Система противоречий». Оно имело большую популярность, высоко оценивалось А. Герценом, который находил их гениальными. Герцен ставил его на один уровень с Гегелем, утверждая: «Человек, не переживший «Феноменологии» Гегеля и «Противуречий общественной экономии» Прудона, не перешедший через этот горн и этот закал, не полон, не современен» [25, с. 23]. На первых порах работу Прудона «Что такое собственность?» считал гениальной и Маркс. Они много спорили дуг с другом, выясняя и уточняя свои позиции. Но потом Маркс к нему охладел, находя, что Прудон в действительности не понял диалектики, не догадываясь о существовании ее материалистической формы, что подробно написано в произведении «Нищета философии».

А. Зиновьев тоже стал писать работы на манер Ж. Прудона, наполняя уже не гегелевские формулы и не марксистские формулировки, что делали советские философы, а сатирически препарируя известные всем социальные взаимосвязи на основе своей логики. Но сатира, будь она в логической или какой другой форме, которые существовали в истории социальной мысли еще в эпоху Просвещения и Романтизма (Б. Мандевиль, Д. Свифт, Д. Дидро, А. Гофман, Г. Андерсен и др.), не дает прироста социологического знания. Она «работает» в пространстве обыденного сознания, не выходя за его пределы. Она только расчищает почву на поле обыденного сознания для выращивания нового социологического знания, имеющего *диалектико-реалистичный* характер.

Скорее всего, такое знание можно получить в действительно художественных произведениях. Например, во время становления русской социологии – Г.И. Успенский, Н.Г. Гарин-Михайловский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов и др., а не в социальной науке, которая уходит от материалистической диалектики. Поэтому функцию социологии по формированию обществен-

ного самосознания в России долгое время выполняла художественная литература. Так что советское обыденное сознание не изменилось под воздействием социологических романов Зиновьева. Оно стало меняться только в 80-е гг., когда в роли субъекта его изменения выступило само государство и вся огромная пропагандистская машина. Но решающие удары ему нанесли начавшиеся радикальные реформы, изменившие повседневную жизнь людей, а вместе с ней и обыденное сознание.

Еще раз о позитивизме Зиновьева

А раз социология не приобретает диалектико-реалистического характера, она может быть только новой формой позитивизма в оболочке логической терминологии. То есть это уже *логический позитивизм* в социальной науке, позитивизм, который не может быть критичным по существу: он только находит предмет для иронии, для смеха, то есть для эстетической реакции.

Зиновьев прослеживал, как логические законы постоянно нарушаются в советском обществе, обнаруживая сплошную алогичность, чем вызывал раздражение у властных идеологических структур. Этим самым реакция на социологические романы Зиновьева отличалась от реакции на произведение «Мы» Е. Замятина, произведение «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова. Его язвительное и прямолинейное толкование общественных отношений в советском обществе, представленное как некое зазеркалье, противоречило текстам официальных теоретиков с апологией существующих общественных отношений советского общества.

Действительно, такое ощущение на первый, обывательский взгляд может сложиться. Только в отличие от анекдотов, часто добродушных и критичных, произведения Зиновьева не просто насмешливые, а издевательские на уровне смешков подростков, выраженных в словах «социзм», «ибанск», «партоград» и т.п.

Эта насмешливая струя его романов продолжалась до последнего дня, когда, например, в книге «Фактор понимания» он утверждает, что «преодолев гегелевскую идеалистическую мистификацию законов диалектики, марксизм принес с собой материалистическую вульгаризацию их» [14, с. 166].

Как это ни странно прозвучит, но Зиновьев не находил в диалектике Маркса *материалистичности,* раскрывая только логическую сторону. Зиновьев считал, что его комплексная логика поглощает диалектику, а если социология становится логической, то, значит, и диалектической. Он не называл свою социологию диалектической или марксистской. Однако он был согласен с Марксом в том, что фундаментальные связи и объекты в обществе обнаруживаются только «силой абстракции», следуя в этом методу Маркса, но отказывая ему в материалистичности. В этом состояла противоречивость его логики.

Если следовать методу Маркса, надо бы исследовать абстрактные общественные отношения советского общества, их элементарные формы, как это делал Маркс в «Капитале». Только в результате движения от абстрактного к конкретному обретается в социологии конкретный объект исследования в его целом. Например, общество, социальная структура и т.д. На обыденном уровне познания эти объекты не обнаруживаются, как, скажем, не обнаруживаются элементарные частицы в физике или клетки в биологии. Но если в естественных науках они обнаруживаются визуально с помощью мощных приборов, то в социальных науках таких приборов нет. Есть лишь сила абстракции, которая фиксирует общественные отношения в виде интересов людей или продуктов отношений, которые визуально фиксируются в символах или вещах. Например, стоимость и деньги.

И здесь Зиновьев тоже непоследователен, так как в другом месте он утверждает, что «социальные объекты (явления, предметы, феномены) суть объединения людей и люди как члены этих объединений» [14, с. 162], а не общественные отношения и взаимосвязи. При этом социальными исследованиями занимаются не только профессионалы, а всякий человек. Но существуют обывательские и научные социальные исследования. Причем «обывательские представления о социальных объектах имеют ничтожно мало общего с их научным пониманием» [14, с. 163].

Судьбу страны Зиновьев считал трагической, нарисовав очень мрачную картину ее будущего. Его общий вывод таков: «мы как единый, целостный народ совершили историческое самоубийство» [26, с. 30], а «в отличие от отдельного человека, умирание народа может растянуться на много лет, десятилетий и порою столетий» [26, с. 30], и сейчас «народ доживает свой век в состоянии глубочайшей и неизлечимой депрессии» [26, с. 30]. Вывод беспощадный, но лучше все же отнести ее не к народу, а к социальной мысли, которая чуждается диалектики, поэтому не видит переходов в противоположность лишь потому, что привыкла доверять только свершившемуся факту, а вместо новой теоретической идеи порождает лишь эмоцию отчаяния.

Но это все же обыденная позиция в оценке перспектив развития России, которая тожде-

ственна позитивистской и не является диалектико-социологической. История всегда делает зигзаги, и мы начинаем чувствовать ее различные повороты и развороты, которые раскрывают противоречия развития «человейника», по терминологии Зиновьева.

Заключение

Анализ опыта разработки новой социологии А. Зиновьевым, его «логической социологии», показал, что до сих пор развитие социологии происходило на основе позитивизма в его различных формах, явных и завуалированных, включая догматическую социальную науку советского периода. Зиновьев сделал попытку диалектизировать социологию, используя диалектику К. Маркса, но его опыт в этом направлении остался незавершенным. Да и диалектику Зиновьев считал «включенной» в его «комплексную логику», которую он разработал. Начав свою новую социологию с диалога с массовым сознанием советского общества, он сам оказался в его власти, во власти структур здравого смысла, сражаясь с ним лишь с помощью своих сатирических социологических романов и комплексной логики. Между тем здравый смысл можно преодолеть только с помощью диалектической социологии, которым овладевает общество, а не «логической социологии», которую Зиновьев разработал в противовес диалектической. Не овладев диалектическим социальным мышлением, массовое сознание останется в рамках здравого смысла, фиксирующего лишь парадоксы, и, как следствие, порождая общественную потребность в позитивистской социологии, в том числе в советском обществе. В этом можно убедиться и раскрытием процесса развития социологии на протяжении двух столетий. Анализ опыта создания новой социологии Зиновьевым еще раз демонстрирует эту закономерность. Зиновьев в своих личных научных установках отвергает позитивизм в социологии, но теоретически не преодолевает его. Показывает это и процесс становления социологии в постсоветском обществе, несмотря на всю ее мультипарадигмальность.

Логическая социология Зиновьева не стала новой общей социологией, оказавшись очередным описанием социальной реальности, но лишь в логической терминологии. Опыт включения Зиновьевым фактов, возникших с созданием электронных моделей отдельных функций сознания и поведения человека, качественно не изменил характер общественных отношений, хотя и усилил сложность и противоречивость социальных процессов, но, одновременно, ослабил теоретическую составляющую социологии, ослабив и позитивистский подход. Ему на смену приходит социальная феноменология. Происходит это в социологии Зиновьева, когда он дает яркое описание происходящих событий, но обходит антагонистические противоречия общества, оставаясь в рамках здравого смысла, подкрепленного его комплексной логикой.

В статье показано, что доминирующим мотивом его многообразной духовной деятельности стал патриотизм, а не только атмосфера «оттепели», как это обычно подчеркивается в литературе. Этот мотив вызвал у Зиновьева потребность решить поставленную перед собой высокую задачу – создание новой социологии. Но при этом он не признал научности марксистской социальной науки и диалектики Маркса. Поэтому Зиновьев постоянно сходит на позитивистскую позицию и эстетическую в ее феноменологической или сатирической форме. В этом проявилась противоречивость методологии Зиновьева и главная причина несостоявшегося формирования социологии нового типа.

Тем не менее опыт ее разработки, встречающиеся на этом пути препятствия и противоречия являются ценным, незаменимым опытом в этом направлении, который нуждается во всестороннем исследовании. Частью русской трагедии и даже ее истоком является *трагедия становления социологии в стране*. Опыт создания адекватной для советского общества социологии оказался трагичным. Логический подход, будь он многозначным или комплексным, не дает возможности социологии взойти на теоретический уровень и полностью оставить уровень обыденный. Отсюда апокалипсический вывод Зиновьева о смерти России.

Список литературы

1. Феномен Зиновьева / Сост. А.А. Гусейнов, О.М. Зиновьева, К.М. Кантор. М.: Изд-во «Современные тетради», 2002. 400 с.

2. Катышевцева Е.В. «Формула жизни»: очерки социальной философии А.А. Зиновьева. Ижевск: УдГУ, 2006. 164 с.

3. Komte A. Discours sur L'Esprit positive. Paris, 1908. 172 p.

4. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.

5. Гегель Г.В.Ф. Философия права // Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 7. М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. 380 с.

6. Социологическое наследие А.А. Зиновьева // Сборник научных статей / Отв. ред. Н.И. Гаврилов. Донецк: ДонГУУ, 2015. 287 с.

7. Гусейнов А.А. Социологическая трилогия Александра Зиновьева // Ведомости прикладной этики. 2022. № 59. С. 103–114.

8. Карл Кантор: Логическая социология Александра Зиновьева как социальная философия. URL:

http://zinoviev.info/wps/archives/47 (дата обращения: 30.06.2022).

9. Челышев П.В. Исторические парадигмы обыденного сознания. М.: МГУ, 2003. 231 с.

10. Дьяков Л.Л. Социальное познание и обыденное сознание // Вестник Воронежского института МВД РФ. 2007. № 4. С. 55–61.

11. Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации: Монография / Под ред. И.Ф. Девятко, Р.Н. Абрамова, И.В. Катерного. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 328 с.

12. Зиновьев А.А. Очерки комплексной логики / Под ред. Е.А. Сидоренко. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 560 с.

13. Козлова Н.Н. Социализм и сознание масс: (социально-философские проблемы). М.: Наука, 1989. 158 с.

14. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 528 с.

15. Семенов В.С. Диалектика развития социальной структуры советского общества. М.: Мысль, 1977. 215 с.

16. Руткевич М.Н. Диалектика и социология. М.: Мысль, 1980. 356 с.

17. Философские вопросы теоретической социологии: Учебное пособие / Под ред. проф. В.Я. Ельмеева, проф. Ю.И. Ефимова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 743 с.

18. Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М.: Изд-во «Канон», РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.

19. Natanson M. The Erotic Bird: Phenomenology in Literature. URL: https://www.goodreads.com/book/show/1448790.The_Erotic_Bird.

20. Natanson M. Phenomenology and the Social Sciences. URL: https://philpapers.org/rec/NATPAT (дата обращения: 30.06.2022).

21. Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М.: ИФ РАН, 2002. 321 с.

22. Зиновьев А.А. Логическая социология. М.: Социум, 2002. 260 с.

23. Зиновьев А.А. Мой Чехов. URL: http://zinoviev.info/wps/archives/161 (дата обращения: 30.06.2022).

24. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. М.: ПИК, «Независимое издательство», 1990. 318 с.

25. Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собр. соч. в 30 тт. Т. 9. М.: АН СССР, 1956. 354 с.

26. Зиновьев А.А. Русская трагедия. М.: Изд-во «Эксмо», 2005. 512 с.

A ZINOVIEV'S EXPERIENCE OF CREATING A NEW SOCIOLOGY IN THE CONTEXT OF ORDINARY CONSCIOUSNESS

V.P. Kozyr'kov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Zinoviev's legacy is diverse and contradictory. It has changed in character, being influenced by various historical and socio-cultural conditions. His diverse oeuvre spans the entire second half of the twentieth and early twenty-first century. The article reveals general and specific to Zinoviev factors in the genesis of sociology. The relationship between positivism and ordinary consciousness at different historical stages is shown. The problem of the connection of Zinoviev's "logical sociology" with positivism and phenomenology is posed. An analysis of the relationship between ordinary and scientific elements reveals the peculiarities of "logical sociology", which he developed in his critique of Western and domestic science. It is proved that "logical sociology" did not become influential in the development of domestic social thought. The main reason is Zinoviev's rejection of materialist dialectics, lack of adequate sociocultural environment and professional support. The evolution of Zinoviev's dialogue with Marx's dialectics and Marxism is shown. Zinoviev concludes that dialectics is absorbed by his complex logic and therefore unnecessary in the development of a new sociology. An analysis of Zinoviev's legacy allows us to conclude that domestic sociology never became dialectical, and without dialectical thinking it could not develop theoretically, submitting to its Western variants, essentially positivism in its various variants, and a multi-paradigmatic attitude. Zinoviev never overcame the logic of ordinary consciousness. An analysis of Zinoviev's creative path in sociology reveals one of the fundamental reasons for the failure of the Soviet project of the road to socialism at the end of the twentieth century: society never began to develop on a scientific basis, which contradicts the nature of that society. The tragedy of the formation of domestic sociology was one of the fundamental causes of the "Russian tragedy".

Keywords: sociology, dialectics, Zinoviev, Russia, method, abstract, concrete, empiricism, theory, tragedy.

УДК 316.74
DOI 10.52452/18115942_2023_1_117

ВЛИЯНИЕ ЛЮБИТЕЛЬСКОГО ТВОРЧЕСТВА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА С РАЗНЫМ ТИПОМ УЧАСТИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2023 г.

Н.Б. Костина, Т.В. Дуран, И.С. Гарбузов

Костина Наталия Борисовна, д.соц.н.; профессор кафедры социологии
и технологий государственного и муниципального управления
Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
kostinanb30@gmail.com
Дуран Татьяна Валентиновна, к.соц.н.; доцент кафедры управления персоналом и социологии
Уральского государственного университета путей сообщения, Екатеринбург
tatyanaduran1978@gmail.com
Гарбузов Игорь Сергеевич, аспирант направления «Социологические науки»
Гуманитарного университета, Екатеринбург
igorgar@e1.ru

Статья поступила в редакцию 19.09.2022
Статья принята к публикации 23.01.2023

Дана характеристика понятия «профессиональная идентичность» с позиции социологии. Рассмотрена текущая ситуация на рынке труда и выявлены тенденции в сфере профессионального образования на основе анализа официальных статистических данных Минпросвещения и Минобрнауки России. Выделены особенности СПО по сравнению с вузами и обоснован выбор контингента обучающихся колледжа в качестве объекта исследования. По итогам воспитательной деятельности педагога-организатора в колледже технического профиля с учетом данных гайд-интервью и мониторинга аккаунтов в социальных сетях анализируется отношение студентов – участников самодеятельного творческого музыкального коллектива к своей будущей профессии, влияние занятий в кружках и секциях на профессиональную социализацию, расстановку жизненных приоритетов, развитие гибких навыков. Творческий коллектив рассматривается как реальная малая социальная группа с присущими ей свойствами, включая непосредственное взаимодействие участников, распределением ролей и статусов. Авторами выделяются типологические черты воспитанников студенческого самодеятельного ВИА в зависимости от мотивации, отношения к занятиям, регулярности, результативности посещения и других параметров. Приведены конкретные примеры из практики, показывающие, какую роль играет музыкальное творчество в жизни выпускников колледжа во время учебы и после окончания учебного заведения.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, профессиональная ориентация, студенчество, самодеятельное художественное творчество, профессиональная мотивация, самоопределение, воспитание, среднее профессиональное образование, soft skills.

Введение

Среди социокультурных процессов важное место занимает самоопределение индивида, понимаемое в социологии как практика взаимодействия личности и общества с учетом ценностно-смысловых аспектов деятельности, в которой личность воплощает свою индивидуальность и самоутверждается, являясь представителем определенной социальной общности [1]. Мы выделяем профессиональное самоопределение, представляющее собой «совокупность практик субъекта по конструированию профессиональной идентичности» [2], которая, в свою очередь, выражает осознание человеком своего места «в профессиональной группе, а также видение места своей профессиональной группы в системе общественных отношений» [3]. Профессиональную идентичность возможно рассматривать с трех точек зрения: профессиональные ценности, которые исповедует индивид; профессиональное местоположение как видение профессии, к которой он принадлежит; профессиональная роль в организации [4]. В современных подвижных условиях рынка труда, когда ряд профессий исчезает (телефонный консультант, регистратор) и появляются новые (тревел-блогер), размываются границы работы и досуга в бюджетах времени, важна динамическая составляющая профессиональной деятельности – способность индивида перестраиваться на другой вид деятельности, корректировать ценностное отношение к профессии. Новые реалии в условиях пандемии COVID-19 и санкционного давления Запада требуют реорганизации работы целых отраслей и подтверждают важность навыка перехода из одной трудовой сферы в другую, в том числе и за счет потенциала гибких навыков (soft skills). Таким образом, профессиональная идентичность может претерпе-

вать изменения на протяжении всей жизни. Однако именно период получения профессионального образования (среднего, высшего) наиболее значим в этом процессе [5], как и в формировании soft skills, которое осуществляется, помимо прочего, посредством включения индивида в досуговые практики.

Мы обращаемся к контингенту обучающихся профессиональных образовательных организаций. Популярность колледжей и техникумов среди абитуриентов растет в последнее время. По данным статистического сборника, подготовленного в рамках программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (2021), прием студентов на специальности СПО в России в 2018 г. составлял 783 тыс. человек, в 2019 г. – 832.4 тыс., а в 2020 г. увеличился до 900.2 тыс. [6]. В 2021 г., по заявлению директора Департамента государственной политики в сфере среднего профессионального образования и профессионального обучения В.С. Неумывакина, количество поступивших в учреждения СПО – почти 1 млн 200 тыс. человек. Более 60% окончивших 9 класс выбрали колледжи и техникумы [7]. Прирост студентов в колледжи связан с проводимыми реформами системы СПО, уже позволившими обновить материально-техническую базу и педагогический состав профессиональных образовательных организаций, с ростом популярности рабочих профессий, особенно в сфере IT [8]. Именно СПО сегодня отводится ключевая роль в сближении профессионального образования с запросами работодателей за счет усиления практической подготовки, государственного финансирования создания учебных мастерских [9]. Выпускников колледжей отличает высокий уровень трудоустройства по специальности, полученной всего за 2–4 года. Для поступления на базе 11 классов не требуются результаты ЕГЭ. Многие вузы имеют колледжи в своей структуре как первую ступень профессионального образования, дающую гарантированную возможность после окончания перейти на обучение в университет [7].

При этом, согласно отчетам Министерства науки и высшего образования РФ, прием в вузы снижается. В 2018 г. он был на уровне 1 млн 148 тыс., в 2019 г. – 1 млн 129 тыс., а в 2020 г. – всего 1 млн 93 тыс. человек [10]. В вузах наблюдается тенденция получения образования без учета студентами своих профессиональных склонностей. Важен сам факт наличия диплома, дающий возможность строить карьеру без привязки к конкретной специальности. Особенно это проявляется при обучении в гуманитарных областях [5]. По мнению доктора социологических наук В.В. Щербины, сотрудника Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, современные отечественные вузы не производят в достаточной мере высококвалифицированные кадры для экономики, имеют низкий уровень практической подготовки, по оценкам работодателей, ориентированы в первую очередь на оказание образовательных услуг студентам [11]. То есть на данном этапе более высокий потенциал в формировании профессиональной идентичности имеют колледжи и техникумы. Однако традиционно большинство социологических исследований, посвященных проблемам студенчества, обращается исключительно к контингенту обучающихся вузов.

Специфика учреждений СПО такова, что основная часть поступающих имеют неполное среднее образование (9 классов). К этому возрасту профессиональная идентичность у большинства обучающихся находится на начальном этапе развития, когда происходит движение личности к будущей профессии, формирование «Я-образа» – рефлексивной системы видения себя [12]. Опрос, проведенный в 2021 г. в одном из московских колледжей технического профиля, показал, что только 30% обучающихся осознанно подходили к выбору будущей специальности. Позитивное понимание себя как будущего профессионала у студентов еще не сформировано [13]. Среди мотивов поступления в конкретный колледж выделяются: возможность получить бесплатное образование, ограничения, связанные с предыдущими успехами в учебе (средний балл аттестата), рекомендации родителей и друзей («пошел учиться за компанию», «здесь учились родители»), наличие дополнительного образования и организованных форм проведения досуга (кружки, секции), территориальная доступность и др. Значительная часть одиннадцатиклассников рассматривает колледж как запасной вариант, если не удалось поступить в вуз, например, при низких баллах ЕГЭ. По мотиву «осознанное желание получения данной профессии» мы увидели большой разброс в результатах исследований (анкетных опросов) за последние годы: от 2% до 71% студентов отмечают его в качестве ведущего в зависимости от колледжа и специальности [14–16].

Методология

Образование включает в себя не только обучение, но и воспитание [17]. Одной из форм реализации последнего является система творческих объединений, кружков и секций в кол-

ледже. В качестве примера рассмотрим занятия в самодеятельном вокально-инструментальном ансамбле, который является реальной малой социальной группой со всеми присущими ей параметрами: личное взаимодействие участников, наличие общих ценностей, интересов (любовь к музыке, проведение досуга, общение) и целей (для воспитанников – исполнение музыкального произведения). В коллективе распределяются социальные роли и функции по различным признакам: игра на том или ином инструменте, формальное/неформальное лидерство, степень участия в разработке концепции и аранжировки номера.

Роль творческого объединения в профессиональной образовательной организации, с позиции государственного заказа, – это реализация дополнительного образования детей и взрослых – «развитие творческих способностей, удовлетворение потребностей в интеллектуальном, нравственном и физическом совершенствовании, формирование культуры здорового образа жизни, организация их свободного времени». Через творческие кружки и секции решаются задачи социальной адаптации, профессиональной ориентации и выявления одаренности [18], а также профилактики девиантного поведения. Занятия в самодеятельном творческом ансамбле позволяют отрабатывать навыки, относящиеся к soft skills: взаимодействие в команде, тайм-менеджмент, волевые качества личности, публичные выступления, креативность. Многие люди осознают важность участия во внеклассных мероприятиях как средства развития социальных и личностных навыков, повышения самооценки лишь когда вступают в профессиональную жизнь [19]. Способствуя включению студентов в продуктивную внеучебную деятельность, необходимо помнить про сохранение баланса с академической успеваемостью. Однако в ситуации недостаточной профессиональной ориентированности или ее отсутствия у индивида внеклассные практики могут отодвинуть учебную деятельность на второй план, в связи с этим актуальным вопросом является изучение мотивации творческой коллективной деятельности студентов.

Классификация мотивов занятия молодежи музыкальным творчеством предложена В.Ю. Колчинской на основе проведенного социологического опроса. Исследователь выделяет три типа участников. Для первого типа, который преобладает, музыка является терминальной ценностью (самоцелью), для вторых имеет инструментальное значение (коммуникация, средство самоутверждения, выступления), а у третьих смешаны мотивы предыдущих типов. В.Ю. Колчинская выделяет и трех степени мотивированности занятий музыкальным творчеством. При высоком уровне акторы проявляют инициативу, нежелание бросить занятия, интерес к решению сложных задач. При среднем уровне в основе лежит скорее не желание индивида, а мнение родителей, друзей, то есть сама деятельность не носит ценностно-образующего характера. У участников с низким уровнем отсутствует интерес к исполнению сложных произведений, преобладает желание бросить занятия [20].

По нашему мнению, участие в студенческом ВИА способно внести корректировки в профессиональное самоопределение студентов. На основе наблюдений и самоанализа деятельности руководителя самодеятельного музыкального коллектива Екатеринбургского монтажного колледжа в 2016–2022 гг., результатов гайд-интервью воспитанников и мониторинга их аккаунтов в социальной сети «ВКонтакте» предложена типология участников, в основе которой лежат следующие признаки:

– отношение к занятиям;
– мотивы участия;
– значимость по сравнению с основной учебной деятельностью;
– регулярность посещения занятий;
– результативность;
– групповые статусы и роли;
– перспективы участия.

Как правило, постоянный состав держится около двух лет (студенты 1–2 курсов). К 3–4 году обучения большинство студентов снижают творческую активность в связи с прохождением производственной практики и подготовкой к итоговой аттестации. Первые два типа участников составляют костяк самодеятельного музыкального ансамбля, поэтому будут приведены реальные примеры обучающихся.

Результаты и обсуждение

1. «Гармоничный» участник. Для него занятия в творческом коллективе – дополнение к основной учебной деятельности. Это студент, который успешно осваивает образовательную программу по специальности и проявляет активность во внеклассных делах. Он серьезно подходит к отработке музыкальных партий, старается не пропускать репетиций. Для него занятия в ВИА – это часть полноценной студенческой жизни, хобби. В данной категории чаще бывают студенты, уже имеющие навыки музицирования («самоучки», обучались в музыкальной школе, брали частные уроки), но встречаются и те, кто приходят в группу «с нуля». По-

следние демонстрируют высокую приверженность и стремятся к освоению инструмента, в том числе и путем самообразования (просмотр мастер-классов, видеоуроков). «Гармоничный» участник в ВИА занимает позицию активного исполнителя. Он с готовностью разбирает и играет партии композиций, предложенных руководителем или другими членами коллектива, даже если они не совпадают с личными музыкальными предпочтениями. У обучающегося в значительной мере сформирован не только образ будущей профессии, но и образ студенчества как профессионально-демографической группы. После окончания учебы «гармоничные участники» чаще всего идут работать по специальности, но могут продолжать заниматься творчеством в свободное время.

Александр Е., специальность «Автоматизация технологических процессов и производств». До поступления в колледж учился в музыкальной школе и имел опыт игры в рок-ансамбле. Активно включился в работу ВИА в качестве бас-гитариста, пробовал сочинять песни. На первых курсах участвовал в большинстве мероприятий. На старших курсах несколько снизил творческую активность. После окончания колледжа работает по специальности. Продолжает играть в рок-группе, с которой записал альбом. Выступает на рок-фестивалях.

Алевтина М., специальность «Земельно-имущественные отношения». Имеет диплом с отличием. До колледжа занималась вокалом. Охотно присоединилась к рок-ансамблю и не снижала творческой активности до конца обучения. Кроме вокала, пробовала играть на клавишных и на бас-гитаре. После окончания учебы работает по профессии и принимает участие в съемках юмористического web-сериала.

Игорь К., специальность «Электрика». Начал осваивать гитару, обучаясь в колледже, потом перешел на барабаны. Большое внимание уделял самостоятельному обучению, поэтому демонстрировал значительный прогресс. Вскоре стал основным барабанщиком рок-группы колледжа. После окончания учебы работает по специальности, иногда играет на гитаре «для себя».

Андрей М., специальность «Автоматизация технологических процессов и производств». До поступления владел гитарой. В колледже стал осваивать вокал и активно участвовать в культурно-массовых мероприятиях. Работает по специальности, пишет песни, записывает их в студии и выкладывает на музыкальных сервисах в сети Интернет. На одну из песен снял видеоклип.

Александр Г., специальность «Газификация», был гитаристом/басистом/барабанщиком в группе, после окончания колледжа, не имея музыкального образования, устроился в частную музыкальную школу, дает индивидуальные уроки гитары, сочиняет рэп. Несмотря на то, что учился в колледже без задолженностей, по специальности не работает и этим близок к следующему типу.

2. «Творцы». Для них занятие в коллективе самодеятельности – это альтернатива основной учебной деятельности. Данный тип студентов отличается низкой мотивацией в освоении программы специальности и может вообще не посещать академические занятия. Единственное, что держит в колледже или стало поводом для поступления в данное заведение, – возможность заниматься любимым делом – музыкой, которое они ставят значительно выше, чем получение специальности. Причем осознание важной роли увлечения творчеством может прийти в колледже, если студент, не имея подготовки, стал заниматься в ансамбле. Незначительная часть таких обучающихся в процессе формирования образа профессии принимают решение перейти в другое учебное заведение творческого профиля. Большинству мешает это сделать отсутствие необходимой базовой подготовки (законченного дополнительного образования в музыкальной школе) и другие факторы: мнение родителей, нет профильного образовательного учреждения в регионе. В дальнейшем такие студенты нередко бросают учебу в колледже, а если и заканчивают, то не работают по профессии. Хотя встречаются и случаи трудоустройства по специальности, но работа воспринимается лишь как источник необходимых доходов без стремления сделать карьеру.

Максим Б., специальность «Строительство». Пел и играл на гитаре в ансамбле в колледже, сочинял песни, был лауреатом творческих конкурсов, после окончания учебы проходил службу в ВС РФ в военном хоре, сейчас работает кофеваром (бариста), на досуге продолжает музицировать.

Даниил П., специальность «Информационные системы». В колледже играл на гитаре и сочинял электронную музыку. Интереса к учебе не проявлял. Работает курьером, свободное время посвящает написанию музыки и размещает в сети Интернет.

Алексей С., специальность «Монтаж промышленного оборудования». Был вокалистом ВИА, перевелся на другую специальность в этом же колледже, но учебу так и не окончил, профессионального образования не получил, неоднократно менял место работы – от курьера до ведущего шоу-программ.

Александр М., специальность «Сантехника и вентиляция». Пел в группе и занимался звуко-

режиссурой. Его родители организуют концерты и имеют связи в творческой среде. После окончания колледжа работал мастером по свету в крупном театральном зале Екатеринбурга. Продолжает делать карьеру в данной сфере.

Александр С., специальность «Строительство», потом «Сантехника и вентиляция». Пришел в колледж с низким уровнем школьных знаний и с опытом вокала, игры на гитаре в ансамбле. Один из самых активных участников ВИА. Был оставлен на второй год и переведен на другую специальность. С трудом окончил колледж. По профессии не работает, продолжает музицировать в группе.

Представленные далее типы студентов относятся скорее к «спутникам» музыкального творческого объединения, которые периодически примыкают к его деятельности.

3. «Субкультурщики». Отношение к учебе у данного типа может разниться – от добросовестного до игнорирования. На первое место ими ставятся личные музыкальные предпочтения (панк-рок, русский рок, хеви-метал и др.) До колледжа обычно уже имели опыт музицирования. Приходят на первые занятия, но охладевают, если надо исполнять композиции не их стиля для тематических мероприятий колледжа. В дальнейшем эпизодически присоединяются к ВИА. Могут репетировать и играть в группе, близкой по духу, вне колледжа. Не демонстрируют прогресса и не стремятся овладеть новыми приемами игры вне их стиля.

4. «Принципиальные». Близки к предыдущему типу. Иногда стремятся отнести себя к определенному стилю/жанру музыки, обладают музыкальным опытом. Имеют высокое мнение о своих исполнительских навыках, часто не соответствующее действительности. Если и участвуют в номерах, то плохо проучивают партии, считая, что смогут сыграть без подготовки. Обычно прекращают участие в ансамбле через некоторое время либо разово участвуют в номерах.

У третьего и четвертого типа участников чаще наблюдается отход от творческой деятельности на старших курсах. Занятия музыкой остаются на уровне хобби или постепенно сходят на нет.

5. Участники с приоритетом учебной деятельности. Студенты нерегулярно посещают репетиции, мотивируя это занятостью в учебе. Эпизодически подключаются к подготовке творческих номеров, например к новогоднему концерту. Не уделяют внимания творческому росту. Нередко это старшекурсники, которые в процессе прохождения практик сформировали позитивное ценностное отношение к профессии, но не разрывают связь с творческим коллективом как формой проведения досуга, общения с друзьями. После окончания колледжа чаще всего не возвращаются к музицированию, но с теплотой вспоминают студенческие увлечения; могут играть/петь «в компании».

6. «Туристы». Данное определение взято у канадского социолога Р. Стеббинса и обозначает кратковременных участников социального мира серьезной досуговой деятельности, которые присоединяются к творческому коллективу «лишь на мгновение для получения выгоды, преимуществ или развлечения» [21]. Это самая разнородная группа, включающая студентов как с навыками музицирования, так и без них. К «туристам» относятся участники с опосредованной мотивацией, пришедшие в творческий коллектив за компанию, в поисках общения, с целью закрытия академической задолженности альтернативным путем или просто из любопытства. К данному типу примыкают обучающиеся с неопределенным отношением к основной учебной деятельности и к занятиям ВИА. Они нерегулярно посещают как академические занятия, так и репетиции. Демонстрируют стагнацию в творчестве. В конце концов теряют интерес к ВИА и к данному колледжу, могут перевестись в другое учебное заведение. В этой ситуации обнаруживается позитивная роль занятий в творческом коллективе: своеобразная профессиональная проба как один из этапов в поиске идентичности, выборе будущей профессии.

Заключение

На основании предложенной типологии видно, что занятия в самодеятельном творческом коллективе как часть образовательного процесса, помимо решения задач самореализации, личностного роста, продуктивного проведения досуга и профилактики девиантного поведения, способны влиять на осознание ценностей профессии, ее локализации и соответствующей ролевой модели. Занятость в клубе, секции может дополнять в сознании участников понимание студенчества как профессиональной группы, для которой характерно погружение не только в учебу, но и в досуговые внеклассные практики; способствовать формированию и развитию гибких навыков (soft skills), облегчающих профессиональную социализацию; компенсировать недостаточную мотивацию получения основной специальности, являясь формой дополнительного образования и самоактуализации; корректировать выбор профессионального пути, стимулируя принятие решения о возможной смене факультета/образовательной организации либо о перспективах получения второго образования. В данном случае важна роль педагога (настав-

ника, руководителя секции), который, становясь референтной личностью для воспитанников, имеет возможность воздействовать на их поведение, отношение к будущей профессии.

Список литературы

1. Онипко А.А. Самоопределение старшеклассников при выборе профессии: социологический анализ: Автореф. дис. … канд. соц. наук. Екатеринбург, 2011. 18 с.

2. Волегов В.С. Профессиональное самоопределение студентов в социокультурном пространстве большого города: Дис. … канд. соц. наук. Тихоокеанский государственный университет, 2016. 175 с. www.pnu.edu.ru

3. Теняева О.В. Профессиональная идентичность молодежи в контексте профессионального самоопределения личности // XIX Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования»: Сборник материалов конференции. Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 1231–1239.

4. Briggs A.R.J. Exploring professional identities: middle leadership in further education colleges // School Leadership & Management: Formerly School Organization. 2007. **27:5**. P. 471–485.

5. Теняева О.В., Тоболевич О.А. Особенности профессиональной идентичности студентов разных уровней образования // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70). № 4. С. 107–115.

6. Гохберг Л.М., Озерова О.К., Саутина Е.В. и др. Образование в цифрах: 2021: краткий статистический сборник / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. 132 с.

7. Агранович М. В России за 5 лет прием в колледжи вырос на 160 тысяч человек // Российская газета. URL: https://rg.ru/2021/09/29/reg-ufo/v-rossii-za-5-let-priem-v-kolledzhi-vyros-bolee-chem-na-160-tysiach-chelovek.html?ysclid=l7qze1kfbv721462303 (дата обращения: 10.09.2022).

8. Подведены итоги первого этапа приёмной кампании в учреждения СПО в 2021 году // Официальный сайт Минпросвещения России. URL: https://edu.gov.ru/press/4116/podvedeny-itogi-pervogo-etapa-priemnoy-kampanii-v-uchrezhdeniya-spo-v-2021-godu/?ysclid=l7serh80bk485222634 (дата обращения: 10.09.2022).

9. 2021 год в цифрах: что произошло в сфере образования и что нового мы узнали // Образовательная платформа «Skillbox». URL: https://skillbox.ru/media/education/2021-god-v-tsifrakh-chto-proizoshlo-v-sfere-obrazovaniya-i-chto-novogo-my-uznali/?ysclid=l7qzf05bk7126017413 (дата обращения: 10.09.2022).

10. Сведения о приеме, численности студентов и выпуске специалистов в образовательных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования / Министерство науки и высшего образования РФ. URL: https://minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-o-prieme-chislennosti-studentov-i-vypuske-spetsialistov-obrazovatelnykh-organizatsiyakh-os?sphrase_id=4219722 (дата обращения: 10.09.2022).

11. Щербина В.В., Попова Е.П. Вуз вне системы профессиональной подготовки специалистов как итог многолетних реформ российского высшего образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 622–635.

12. Гарбузова Г.В., Куцебо Г.И. Профессиональная идентичность студентов как объект психолого-педагогического анализа // Личность в профессионально-образовательном пространстве: Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: РГППУ, 2015. С. 15–21.

13. Рыбина Я.Е. Проблема социального и профессионального самоопределения студентов колледжа (по результатам диагностики) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2021. Т. 1. № 1 (74). С. 91–99.

14. Исследование мнения студентов-первокурсников о качестве оказания образовательных услуг в ГОУ СПО ТО «ТПК» №1 в 2014 г. / ГПОУ ТО «Тульский педагогический колледж». URL: http://www.tpk1.ru/text/pervokkahestvo.pdf (дата обращения: 03.12.2021).

15. Сравнительный анализ результатов исследования мотивации поступления абитуриентов в СРМК 2016–2018 гг. / ГБПОУ «Ставропольский региональный многопрофильный колледж». URL: https://rmk.stavedu.ru/index.php?r=management/article/view&id=315 (дата обращения: 03.12.2021).

16. Сушкова О.В. Адаптация студентов к профессиональному образованию на примере ГОБПОУ «Грязинский технический колледж» // Информио. 18 с. URL: https://www.informio.ru/publications/id2810/Adaptacija-studentov-k-professionalnomu-obrazovaniyu-na-primere-GOBPOU-Grjazinskii-tehnicheskii-kolledzh (дата обращения: 03.12.2021).

17. Ст. 2. Основные понятия // Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (дата обращения: 03.12.2021).

18. Ст. 75. Дополнительное образование детей и взрослых // Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (дата обращения: 03.12.2021).

19. Tariq N. Effects of extracurricular activities on students. Islamabad: National University of Sciences and Technology, 2018. 18 p. URL: https://www.academia.edu/37018130/Effects_of_Extracurricular_Activities_on_Students (дата обращения: 03.12.2021).

20. Колчинская В.Ю. Самодеятельное музыкальное творчество как фактор социализации молодежи: Автореф. дис. … канд. соц. наук. Екатеринбург: УрГППУ, 2001. 23 с.

21. Стеббинс Р.А. Свободное время: к оптимальному стилю досуга (взгляд из Канады) // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 64–72.

THE INFLUENCE OF AMATEUR CREATIVITY ON THE PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF COLLEGE STUDENTS WITH DIFFERENT TYPES OF PARTICIPATION IN AMATEUR ART

***N.B. Kostina*[1], *T.V. Duran*[2], *I.S. Garbuzov*[3]**

[1]Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg
[2]Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg
[3]Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg

The article examines the concept of "professional identity" from the point of view of sociology. The current situation on the labor market is considered and trends in the field of vocational education are identified based on the analysis of official statistical data of the Ministry of Education and Science and the Ministry of Education and Science of Russia. The features of secondary vocational education in comparison with higher education are highlighted and the choice of a contingent of college students as an object of research is justified. Based on the results of the educational activities of the teacher-organizer at the assembly college, taking into account the data of the guide interviews and monitoring of accounts in social networks, the attitude of students participating in an amateur creative musical group to their future profession was analyzed. The influence of classes in clubs on professional socialization, the setting of life priorities, the development of soft skills has been clarified. The creative team is considered as a real small social group with its inherent properties, including direct interaction of participants, distribution of roles and statuses. The authors identify typological features of student amateur activity depending on motivation, attitude to classes, regularity, effectiveness of attendance and other parameters. Concrete examples from practice are given, showing what role musical creativity plays in the life of college graduates during their studies and after graduation.

Keywords: professional identity, professional orientation, students, amateur artistic creativity, professional motivation, self-determination, upbringing, secondary vocational education, soft skills.

УДК 316.7; 364.016
DOI 10.52452/18115942_2023_1_124

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВОГО АНАЛИЗА В ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ФЕНОМЕНА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ)

© 2023 г.

А.А. Быков, А.А. Барышев, В.В. Кашпур, Р.А. Быков

Быков Александр Александрович, к.и.н.; доцент кафедры социальной работы
Томского государственного университета
aab56@sibmail.com
Барышев Алексей Андреевич, к.э.н.; старший преподаватель кафедры социологии
Томского государственного университета
barishevnp@mail.ru
Кашпур Виталий Викторович, к.соц.н.; доц.; заведующий кафедрой социологии
Томского государственного университета
vitkashpur@mail.ru
Быков Роман Александрович, к.филос.н.; доцент кафедры социологии
Томского государственного университета
nimai.bykov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.04.2022
Статья принята к публикации 16.01.2023

Демонстрируются возможности социально-сетевого анализа в историко-социологическом исследовании на примере феномена благотворительности в России в период ее максимального развития в конце XIX века и в наше время. Актуальность данной проблемы обусловлена трендом цифровизации социальной жизни, который привел к появлению массовых практик сетевой благотворительности в Интернете. Возникновение внешне похожих на дореволюционные коммунитарные практики сетевых форм благотворительности актуализирует вопрос об их исторической укорененности. Понимание того, какие субъекты занимались благотворительной деятельностью в дореволюционный период и в наше время, является важным вкладом в изучение данного вопроса. В качестве источника выступают как научная литература, периодика и статистические данные о субъектах благотворительности, так и контент социальной сети «ВКонтакте». Методология исследования сочетает традиционные методы сравнительного исторического и документального анализа с современными методами анализа социальных сетей – анализом естественного языка с помощью алгоритмов автоматического анализа текстов и социально-сетевым анализом. В качестве основных результатов представлено описание типичных субъектов благотворительной деятельности в Российской империи XIX века на примере Томской губернии, описана специфика современной благотворительности, впервые проанализирован масштаб сетевой благотворительной деятельности в России. В заключении подведены основные итоги исследования, а также поставлен вопрос, определяющий дальнейшую перспективу исследований: насколько современные сетевые практики благотворительности похожи на традиционные коммунитарные практики, существовавшие в дореволюционной России, по своему смыслу и содержанию?

Ключевые слова: социально-сетевой анализ, историко-социологическое исследование, благотворительность, субъекты благотворительности, формы и характеристики благотворительности.

Введение

Благотворительность как социокультурный феномен существует со времен первых цивилизаций, в связи с этим всегда актуально дальнейшее продвижение в исследовании благотворительной деятельности. Во все времена эта тема была интересна для представителей преднауки и более поздних форм ее развития. Иногда она уходила в «непроявленное», например, в СССР по политическим соображениям. Много работ по теме благотворительной деятельности было написано в нашей стране во второй половине XIX века и в начале XX века. Тема была забыта до конца 1980-х гг. Феномен благотворительности в западных странах изучался непланомерно. Это вызвано постоянными трансформациями в экономических, социальных и политических процессах, например, последствиями развития технологий, ростом индивидуализации, секуляризации и позднее десекуляризации, трансформации традиционных систем в целом. Как феномен благотворительность связана с проявлением реальной заботы о людях, которые не способны по разным причинам позаботиться о себе.

Исследуемое явление в нашей стране претерпело много изменений, эволюционировало, проходило разные этапы. Возникшие еще во времена средневековой Руси коммунитарные

практики благотворительности к XIX веку дополнились институционально развитой системой благотворительных учреждений. Российская традиция благотворительности в советский период была прервана в результате монополизации государством функции социальной защиты и призрения. Практики непосредственной человеческой заботы о нуждающихся и «терпящих страдания» выпали из общественно-политического дискурса. Такие институты благотворительности, как донорское движение, Фонд Мира, Красный Крест, переводили проявления такой заботы в принудительно-обязательный порядок. В современной России благотворительность тоже во многом стала сателлитом государственной социально-экономической политики. Корпоративные формы профессиональной благотворительности, их успехи и перспективы формируют основное содержание дискурса благотворительности. В то же время низовые формы инициативной благотворительности граждан по большей части замалчиваются в официальном информационном пространстве. Однако по мере развития цифровых технологий они быстро трансформируются из локально ограниченных форм проявления милосердия и коммунитарной взаимовыручки в масштабные, но институционально не отслеживаемые формы благотворительности на основе социальных сетей в Интернете. Возникновение внешне похожих на традиционные коммунитарные практики сетевых форм благотворительности актуализирует вопрос об их исторической обусловленности и возможностях их изучения с использованием цифровых методов исследования социальных феноменов.

Таким образом, цель представленной статьи – сравнительный анализ характеристик благотворительной деятельности и ее субъектов с использованием возможностей социально-сетевого анализа.

Российская благотворительность в XIX веке

Благотворительность (ее социально-инновационная роль) возникла в тот самый момент, когда появились цивилизации, где уже труд был разделен между разными членами общества и формировались более сложные формы социального развития общества. Беднота привлекала к себе огромное внимание власти, и оно по мере «взросления» цивилизации усиливалось. Уже в античные времена формируется понимание, ориентированное на поддержку бедных слоев общества, пожилых, инвалидов, сирот. Уже тогда происходило конституирование разных форм благотворительности, ставших позднее христианскими.

В России по-другому развивалась поддержка незащищенных слоев населения, несмотря на наличие такого же христианского контекста. Наиболее серьезные трансформации все-таки были во второй половине XIX в. благодаря прошедшим реформам общества. Реальные изменения социальной структуры привели к росту «потерянных» людей, современным языком – с размытой идентичностью, бедноты, нуждающихся в поддержке. Появляются активные субъекты, готовые проявлять заботу.

Анализом благотворительности в XIX в. занимались серьезно В. Максимов, А. Левенстим, А. Раевский [1–3]. Становится очевидным, что в конце XIX в. понимание «благой» деятельности в научных работах и в сознании самих субъектов благотворительности, как западных, так и российских, очень похоже по своим принципам, подходам, понятиям. Впоследствии благотворительная деятельность, а также первый опыт ее осмысления фундировали разные социальные науки и в первую очередь практики социальной работы.

Авторы начала XX века выделяют следующие виды оказания помощи нуждающимся категориям населения: призрение слепых, глухонемых, помощь лицам, нуждающимся в нравственной поддержке, надзор над преступниками, беспризорными детьми и подростками, общества помощи и защиты женщин, богадельни и дома призрения, помощь иностранцам, трудовая поддержка, финансовая помощь, удовлетворение жилищной нужды, раздача пищи.

Следует особо выделить виды помощи, касающиеся детей: воспитательные и сиротские дома, приюты для малолетних, ясли, детские лечебные и дачные колонии. Для борьбы с детской смертностью проводились акции «капля молока». Как и сейчас, пытались организовать заботу о детях, подвергшихся жестокому обращению [4].

На начало 1899 г. частных благотворительных обществ и организаций было 14854 [5]. В Сибирском регионе как части Российской империи тоже развивалась благотворительность, но в иных условиях. Сибирь как зона фронтира обладала богатейшими природными ресурсами, в том числе земельными, и в отличие от Европейской России практически не знала крепостного права, и поэтому отсутствовали земства.

В отсутствие землевладельческой аристократии основными субъектами благих дел были купцы и золотопромышленники, все те, кто владел крупными предприятиями. Это были личности, которые «создали себя», несмотря на

существующую в то время неграмотность (особенно «первая волна купцов»). Конечно же закономерен их интерес к повышению грамотности населения, развитию разного уровня курсов, гимназий и высшего образования.

Сибирских купцов XIX в. действительно можно назвать креативным классом того времени, которые изменили культуру многих городов Сибири. Согласно статистическим данным, лидером среди сибирских губерний в области благотворительности было Томская губерния [5].

В Томской губернии действовало наибольшее количество благотворительных объединений в Сибири (около 106). В дореволюционном Омске действовало более 59, а в Тобольске — не менее 55 организаций, которые декларировали своей наиболее важной целью благотворительность [6].

В Томской губернии при активном участии купечества происходит усиление благотворительности в сфере образования. Была создана сложная дифференцированная система поддержки практически всех возрастных групп учащихся. Рост количества образованных людей, конечно, оказал положительное влияние на развитие региональной социально-экономической системы.

Инновации в любой сфере жизни всегда были признаком развития социальной системы. В Российской империи, в частности в Сибири, в социальной сфере во второй половине XIX в. генерировался интересный социальный опыт, в наше время практически утерянный. Досадно, что «забытое старое» возвращается в Россию в наше время в виде заимствованных западных инноваций.

В зоне фронтира Российской империи на рубеже XIX — начала XX в. происходили креативные процессы в социальной сфере. Благотворители, которые несли основной груз финансирования социальной поддержки незащищенных слоев населения, использовали инновационные формы работы с этим контингентом. В ту эпоху в России впервые были использованы дифференцированный подход к различным слоям населения, принцип адресности и индивидуального консультирования.

Специфика современной благотворительности в России

Тысячелетняя традиция благотворения и религиозность населения, покровительство церкви и государства сформировали фундамент благотворительности дореволюционной России, разрушенный в советское время. Советская власть уничтожила царскую систему благотворительности уже в 1918 г. Вместо нее создана этатистская система социального обеспечения. Само понятие «благотворительность» было репрессировано как классово чуждое и опасное для советского общества. Бывшие благотворители – купцы, предприниматели, дворяне и их семьи – оказались «врагами народа» и «лишенцами», то есть без гражданских прав и социальной поддержки. В этот период произошло тотальное огосударствление институциональных форм социальной заботы и призрения. В результате процессов коллективизации и урбанизации советского общества разрушались традиционные коммунитарные практики взаимопомощи и призрения.

Ситуация с благотворительностью начала меняться в перестроечное время. Заявляется формирование нескольких фондов, например Фонд милосердия и здоровья, Фонд культуры.

Формы организованной благотворительности, в том числе частной, начали возрождаться после распада СССР. Наиболее активными меценатами в постсоветское время стали зарубежные фонды и грантодатели. Сюда следует отнести WWF, Фонд Форда, Фонд Макартуров, британский благотворительный фонд Charities Aid Foundation.

В начале 90-х параллельно стали создаваться российские благотворительные фонды, в том числе «Виктория», Фонд культурных инициатив, Дмитрия Зимина «Династия». Спектр направлений был достаточно широк и касался помощи детским домам, больницам, ученым, семьям погибших в военных действиях.

Последние десятилетия происходило формирование различных формальных и неформальных объединений, фондов, организаций. Сегодня наиболее известно в России партнерство грантодающих организаций «Форум доноров».

В современной России происходит постоянный рост благотворительной деятельности. Согласно исследованию индивидуальных пожертвований в России фонда «КАФ», в 2017 г. 53% россиян совершали пожертвования в течение года [7].

Ярким примером популяризации благотворительности служит акция «Щедрый Вторник», впервые проведенная в России в 2016 г. Цель мероприятия – показать, как каждый относится и действует в сфере благотворительности. В 2017 г. был проведен второй «Щедрый Вторник». В нем приняли участие 1800 партнеров, проведено 2000 мероприятий в 200 городах России. Это мероприятие увеличило интерес СМИ к теме благотворительности. Частные сборы небольших объединений учитывать крайне сложно, но институционально оформленных объединений, занимающихся благотворительностью, в России более тысячи. Число

фондов местных сообществ также постоянно растет [7].

Происходит формирование новой формы благотворительности, возникающей на стыке с социальным предпринимательством, когда нацеленность на решение долгосрочных задач осуществляется в тех направлениях, где интересы общества и бизнеса совпадают. Венчурная филантропия, или филантрокапитализм, – явление весьма новое как в мировой, так и в российской практике. Данный подход к благотворительности исходит из того, что даже в специфичной социальной сфере можно применять экономические методы. Наиболее важными принципами соответственно являются: ориентация на продолжительный срок поддержки, вовлеченность благотворителя, нацеленность на результат, партнерство. В результате в России стали действовать благотворительные фонды, занимающиеся импакт-инвестированием с привлечением крупного капитала: Phoenix Advisors, «Рыбаков Фонд».

Современная ситуация в сфере благотворительной деятельности связана с развитием сетевых сообществ [8]. Формируются электронные благотворительные боксы, и любой человек может поместить его в сети, блогах, корпоративном или частном сайте. Это помогает отслеживать сбор средств. Приложения для онлайн-переводов средств, электронные кошельки – благодаря всему этому возможно оказание реальной помощи. Есть краудфандинговые платформы (например, Planeta.ru), где осуществляется коллективный сбор ресурсов для какой-то специфичной сложной ситуации. Такие платформы создаются для тех, кто не имеет подобного ресурса, а создание своей невозможно, так как время на сборы может быть объективно ограниченно. Компания «Яндекс» создала программы для социальных сетей Facebook и «ВКонтакте».

В настоящее время существует огромный пласт благотворительной активности, подобно традиционным коммунитарным практикам в дореволюционной России в ситуации «beyond the institution», при которой она не видна и не описана в государственной бюрократической реальности.

Авторами была предпринята попытка анализа интенсивности сетевой благотворительной активности. Релевантной методологией для анализа феномена благотворительности в социальных сетях («ВКонтакте») является Social network analysis (SNA). Это инструмент, благодаря которому возможно изучение взаимодействия между акторами, исследование распространения потоков информации. Что касается данной темы – это изучение структуры взаимодействия субъектов благотворительности.

Изначально в целях исследования нам необходимо было идентифицировать и описать субъектов благотворительности. Особенность феномена состоит в том, что в сети проявляются не только различные организации, но индивидуальные субъекты тоже проявляют инициативу. В связи с этим необходимо было найти не просто фонды, а отдельных лиц, следовательно, воспользоваться стандартным поиском сообществ методом снежного кома недостаточно. Для решения задачи самоопределения субъектов благотворительности был создан набор лингвистических маркеров. В основу языкового набора положены различные проявления благотворительного акта (как призывы о помощи, так и намерения), а также наименования специфических видов помощи (например, паллиативная помощь, кризисное помещение).

Затем маркеры использовались для автоматического поиска сообщений субъектов благотворительности в сети «ВКонтакте». Тестирование словаря проводилось в период с 2 по 9 мая 2020 года, в результате пилотажа было найдено 75 437 пользовательских сообщений, в структуре которых 43% носили оригинальный характер, ещё 57% – дубли (репосты, копии сообщений). Стоит отметить значительное содержание так называемого информационного «мусора».

Для очистки данных была применена лингвистическая обработка и классификация сообщений в несколько этапов.

1. Предобработка текста. Целью является приведение его в общий вид, убрав лишние номера, адреса и тем самым сократив его объем. Для этого был применен синтаксический анализ текста регулярными выражениями: убраны теги <>, </>, заменены ссылки на профили и клубы на названия людей и этих клубов, затем заменены номера кредиток, телефонов, электронных адресов и сайты на плейсхолдеры (типа %card%, %phone%), затем были убраны знаки препинания и непечатные символы. С целью приведения текстов в общий вид все словоформы в сообщениях были преобразованы в леммы (словарные формы слов).

2. Полученные леммы были преобразованы в векторы с использованием техники TF-IDF (TF – term frequency, IDF – inverse document frequency), на тестовых данных натренирована модель – лучше всего себя показала логистическая регрессия с параметрами для мультиклассовой классификации.

Данные были разделены на три подгруппы: «мусор», акт благотворительности, призыв к распространению сообщения и информацион-

ное освещение акта. Итоговый датасет был представлен базой авторов. Было идентифицировано 13797 пользователей и 6678 сообществ, которые, так или иначе, совершали акт онлайн-благотворительности.

В качестве данных использовались дружественные контакты в «ВКонтакте» ('friendly' links) их участников, а также сведения о месте проживания, поле и возрасте из личных профилей участников групп, полученные при помощи API «ВКонтакте».

Изучение меж- и внутригрупповых связей проводилось по следующим метрикам социально-сетевого анализа (SNA): размер, плотность сети, средняя длина пути, средняя степень, средний коэффициент кластеризации. Визуализация и расчет метрик полученных результатов SNA проводились при помощи свободного программного обеспечения Gephi.

В результате анализа тестовых данных нами была построена сеть из 13 805 индивидуальных субъектов благотворительности, которые связаны между собой посредством 11 263 связей. Напомним, что в качестве показателя взаимодействия использовались дружественные связи в «ВКонтакте» (friendly links) субъектов.

Плотность получившегося графа составляет около 0.00018, то есть меньше 1%. Это позволяет говорить о высокой разреженности сети, иными словами, участники практически не взаимодействуют друг с другом (об этом говорит и средняя степень в сети – 1.6 – на каждого субъекта приходится от 1 до 2 друзей), и при распространении информации об акте благотворительности она не будет распространена по всей сети. В целом структуру сети взаимодействия субъектов благотворительности можно охарактеризовать как «ядро – периферия», при этом мы можем наблюдать три уровня связи: 1 – ядро – плотно взаимодействующие субъекты; 2 – периферия – субъекты взаимосвязаны между собой, но не с ядром, 3 – изолянты – «нерегулярные» участники, которые могли просто случайно быть вовлечены в акт распространения информации.

В региональном разрезе значительная доля субъектов благотворительности приходится на Санкт-Петербург и Москву. При этом стоит отметить отсутствие четко выраженного регионального ядра в сети, но есть высокий уровень взаимодействия между регионами. Центральные регионы характеризуются «распыленностью» участников по разным кластерам и низким взаимодействием внутри географического пространства, а относительно плотные кластеры можно отметить в Башкортостане, Свердловской, Ярославской и Ульяновской областях. Таким образом, благотворительная деятельность не всегда сосредоточивается внутри одного региона, а зачастую сетевым образом распределена по разным субъектам Российской Федерации.

По результатам предварительного анализа сети субъектов благотворительности можно сделать следующие выводы. Во-первых, для сферы благотворительности характерна низкая плотность взаимодействия между участниками: сеть разрежена, информация не распространяется полностью по сети. Несмотря на частое взаимодействие между участниками, для них характерна склонность к разделению. Во-вторых, в сети субъектов благотворительности выражено отсутствие региональной «закрытости» кластеров – нет ярко выраженного ядра, имеет место сетевая «распыленность» участников из разных регионов.

Заключение

Целью данной статьи был сравнительный анализ характеристик благотворительной деятельности и ее субъектов с использованием возможностей социально-сетевого анализа.

В нашем случае субъектов и характеристики благотворительности в XIX веке можно изучать путем анализа статистических данных, законодательных актов, публикаций в прессе и архивов соответствующего периода. Эти источники дают информацию о сформировавшихся к концу XIX века институциональных формах благотворительности, существовавшей в виде как государственных, так и частных благотворительных организаций. На наш взгляд, дореволюционная система благотворительности характеризовалась следующими сильными параметрами: широта распространения благотворительных учреждений, они создавались даже в уездных городах и селах, наличие объемной, досконально проработанной статистики отражало реальное состояние дел в империи [4]. Сегодня в России таких аналогов статистической информации нет. Отсутствуют и периодические издания по данной проблематике, подобные «Вестнику благотворительности», «Трудовой помощи» (они издавались во второй половине XIX в. – нач. XX в. при Ведомстве учреждений императрицы Марии), в которых было много статей по тематике благотворительности, статистики, описывался передовой западный опыт, присутствовала серьезная аналитика, а также использовался глобальный подход к изучению вопроса, что отражалось в отчетах данных изданий [9]. Анализ публичной информации демонстрирует, что интенсивность благотвори-

тельной активности была значительно выше в сегменте частных благотворительных организаций, основателями которых были землевладельческая аристократия, купцы, золотопромышленники, собственники крупных предприятий. В то же время крайне сложно оценить масштабы коммунитарного милосердия и взаимопомощи в тот исторический период, поскольку такой тип благотворительности был основан исключительно на неформальных традиционных практиках, фиксация которых не происходила документально.

В современной России благотворительность возрождается в качестве инструмента социально-экономической политики. Корпоративные формы профессиональной благотворительности, их успехи и перспективы формируют основное содержание дискурса благотворительности. В то же время низовые формы инициативной благотворительности граждан по большей части замалчиваются в официальном информационном пространстве. Однако по мере развития цифровых технологий они быстро трансформируются из локально ограниченных в проявления милосердия и коммунитарной взаимовыручки в масштабные формы благотворительности на основе социальных сетей в Интернете. Оба процесса – создание и распространение форм институциональной благотворительности и развитие сетевых практик благотворительности – характеризуются быстрыми темпами роста. Причем если во втором случае эти темпы соответствуют естественным темпам формирования новой реальности, порождаемой информационно-компьютерными технологиями, то в первом – происходит ускоренное заимствование наиболее развитых форм (филантрокапитализм, импакт-инвестирование), которые мировая практика нарабатывала долгое время.

Как и в дореволюционную эпоху, изучение институциональных форм благотворительности возможно путем анализа таких документальных источников, как статистические данные, публикации в СМИ, законодательные акты, публичные отчеты о деятельности благотворительных организаций. Однако принципиально иные возможности для анализа дает новая сетевая форма существования благотворительных практик. Оставляя свой «цифровой след», они становятся видимыми для стороннего наблюдателя. Появляется возможность анализа интенсивности не только институциональных, но и коммунитарных практик благотворительности, реализуемых в социальных сетях. Данная фиксация порождает перспективу дальнейших исследований сетевых форм благотворительности и формулирует новый исследовательский вопрос: насколько современные сетевые практики благотворительности похожи на традиционные коммунитарные практики, существовавшие в дореволюционной России, по своему смыслу и содержанию?

Исследование выполнено при поддержке Программы развития ТГУ «Приоритет-2030».

Список литературы

1. Максимов В.Е. Очерки по истории общественных работ в России. СПб: Типо-литогр. Р.С. Вольпина. 1905. III, 259 с.

2. Левенстим А. Жгучие вопросы из практики защиты детей // Вестник Права. СПб., 1901. № 8. С. 77–96.

3. Раевский А.А. Трудовая помощь как задача государственного управления. Харьков: Печатник, 1910. 54 с.

4. Общественное и частное призрение в России: Сб. ст. СПб.: Тип. Императорской Акад. наук, 1907. 296 с.

5. Благотворительные учреждения Российской империи / Сост. по Высочайшему повелению Собственною Его Императорского Величества Канцелярией по учреждениям императрицы Марии [чинами канцелярии Постниковым Н.С. и др.; под ред. тайного советника А.А. Толубьева]. СПб.: Тип. Спб. акц. о-ва печ. дела в России Е. Евдокимов, 1900. Разд. паг. [8] л.

6. Дегальцева Е.А. Общественная благотворительность Западной Сибири в XIX – начале XX века [Электронный ресурс]. URL: http://zaimka.ru/degaltsevacharity (дата обращения: 25.06.2018).

7. Хартнелл К. Благотворительность в России [Электронный ресурс] / Фонд поддержки и развития филантропии «КАФ». 2018. URL: https://docplayer.com/73375294-Blagotvoritelnost-v-rossii.html (дата обращения: 05.06.2018).

8. Белянцев А.Е., Лымар А.В. Интернет-пространство как фактор модернизации институтов гражданского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6-1. С. 284–288.

9. Вестник благотворительности: журнал, посвященный всем вопросам, относящимся до благотворительности и общественного призрения: орган Ведомства детских приютов / Ведомство учреждений императрицы Марии; под редакцией Е.С. Шумигорского. СПб.: Центральное управление детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии, 1900. № 1. 114 с.

POSSIBILITIES OF SOCIO-NETWORK ANALYSIS IN HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL RESEARCH (ON THE EXAMPLE OF THE PHENOMENON OF CHARITY)

A.A. Bykov, A.A. Baryshev, V.V. Kashpur, R.A. Bykov

National Research Tomsk State University

The possibilities of socio-network analysis in historical and sociological research on the example of the phenomenon of charity in Russia in the period of its maximum development at the end of the 19th century and nowadays are demonstrated. The relevance of this problem is due to the trend of digitalization of social life, which has led to the emergence of mass practices of online charity on the Internet. Appearance of the network forms of charity similar to the pre-revolutionary communitarian practices actualizes the question of their historical roots. Understanding which actors were engaged in charitable activities in the pre-revolutionary period and in our time is an important contribution to the study of this issue. The sources are both scientific literature, periodicals and statistical data on the subjects of charity, and the content of the social network "VKontakte". The research methodology combines traditional methods of comparative historical and documentary analysis with modern methods of social network analysis - analysis of natural language with the help of algorithms of automatic text analysis and social network analysis. The main results include the description of typical subjects of charitable activities in the Russian Empire in the 19th century by the example of Tomsk Province, the description of the specifics of modern charity, and the analysis of the scale of network charitable activities in Russia for the first time. The conclusion summarizes the main results of the research and poses the question that determines the further research perspective - how much the modern network practices of charity are similar to the traditional communitarian practices that existed in pre-revolutionary Russia in their meaning and content?

Keywords: social network analysis, historical and sociological research, charity, subjects of charity, forms and characteristics of charity.

УДК 316.444.2
DOI 10.52452/18115942_2023_1_131

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ СЕМЕЙ: ПОЧЕМУ РОДИТЕЛИ ВКЛАДЫВАЮТ ДЕНЬГИ В ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ?

© 2023 г.

А.А. Варызгина, А.В. Куликова, В.В. Михайлова

Варызгина Алла Александровна, к.соц.н.; доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
varyzgina@mail.ru
Куликова Александра Владимировна, к.соц.н.; доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kulikova-alex@yandex.ru
Михайлова Вероника Валерьевна, к.соц.н.; доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
mihaylovav.v@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 14.04.2022
Статья принята к публикации 19.01.2023

Уровень образования как часть социального капитала человека является значимым ресурсом в контексте социальной восходящей мобильности в условиях социального неравенства. Планирование индивидуальных образовательных траекторий закладывается в семье родителями. Родители, принимая решение о степени образовательной активности детей, не только повышают их стартовые возможности в будущем на рынке труда, но и закладывают мировоззренческие основы отношения к образованию как life-long process.

В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного осенью 2021 г. в малом городе России. В проекте принимали участие Центр исследования социальных систем, кафедра социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования ННГУ им. Н.И. Лобачевского, университеты городов Глазго (Шотландия), Упсала (Швеция) и Хельсинки (Финляндия) при поддержке Нижегородского научно-образовательного центра (АНО «Нижегородский НОЦ»). Были изучены следующие вопросы: в какой степени родители готовы инвестировать в дополнительное образование детей, какое дополнительное образование для своих детей они предпочитают, а также мотивация этого выбора. В соответствии с ними было выделено 4 основных типа образовательный стратегий: ориентация на развитие ребенка, укрепление здоровья; ориентация на повышение успеваемости, подготовка к поступлению в вуз/техникум; дополнительное образование как способ организации досуга ребенка; ориентация на приращение знаний как способ повышения социального капитала.

Ключевые слова: семьи с детьми, дополнительное образование, образование, образовательные стратегии, социальный капитал, социальное неравенство.

Введение

В образовательных стратегиях родителей выбор дополнительного образования детей имеет большое значение. Стратегии выбора дополнительного образования являются не только формой структурированного досуга [1], но и составной частью образовательной стратегии родителей по отношению к детям, обусловленной восприятием образования, получаемого детьми, как фактора приращения человеческого капитала [1–3]. Образование является частью процесса воспитания, в котором воспроизводится комплекс ценностей, социального статуса и социальных контактов, характерных для взрослых членов семьи. Исследователи отмечают, что образование, в том числе дополнительное, является эффективным социальным лифтом [4], ресурсом, расширяющим возможности человека [5].

Выбор семьями услуг дополнительного образования изучается не только с точки зрения формы проведения досуга детьми, но и как способ привлечь будущих абитуриентов, как повышение шансов попасть в престижный вуз [6; 7], как вклад в развитие детей [8], как неформальный критерий будущей принадлежности к элите (при приеме на работу) [9], как способ повысить навыки коммуникации (в разном социальном контексте, на публике, перед взрослыми), как своего рода подготовка к будущей трудовой деятельности [10], как источник культурного капитала [11].

Интерес к дополнительному образованию в России как со стороны ученых, так и со стороны государства растет с 2010-х гг. Согласно

концепции дополнительного образования РФ, оно «является важным фактором повышения социальной стабильности и справедливости в обществе посредством создания условий для успешности каждого ребенка независимо от места жительства и социально-экономического статуса семей. Оно выполняет функции «социального лифта» для значительной части детей, которая не получает необходимого объема или качества образовательных ресурсов в семье и общеобразовательных организациях, компенсируя таким образом их недостатки, или предоставляет альтернативные возможности для образовательных и социальных достижений детей, в том числе таких категорий, как дети с ограниченными возможностями здоровья, дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации» [13]. Новая, принятая в апреле 2022 г. Концепция развития дополнительного образования детей до 2030 года [14] ставит задачи преодоления социального неравенства в доступе к качественным образовательным программам и предоставления возможностей для формирования «персонального образовательного пространства». Дополнительное образование рассматривается как «составляющая часть непрерывного процесса саморазвития человека».

Методология

Настоящее исследование ставит перед собой задачу изучения основных факторов, определяющих выбор родителями направления дополнительного образования для своих детей, и на основе этого выявления образовательных стратегий родителей. Статья написана по результатам двухэтапного исследования, целью которого была оценка уровня и условий жизни семей в малых городах Нижегородской области. Этапы исследования были проведены в 2011 и 2021 г. в Павлово, который был выбран как наиболее типичный образ малого города европейской части России (подробнее о Павлово как об объекте исследования – в коллективной монографии, написанной по итогам первого этапа исследования [15]). В каждом опросе приняло участие по 500 домохозяйств. Выборка случайная, маршрутная, репрезентативная по полу, возрасту и составу домохозяйств. Инструментарий исследования позволял сопоставить результаты данной серии опросов (подробнее об инструментарии см. [16]). В проекте 2011 г. принимали участие сотрудники кафедры экономической социологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород), ИСЭПН РАН (Москва), университеты Глазго (Шотландия) и Упсала (Швеция). Результаты данного исследования были опубликованы в коллективных монографиях [15; 17]. В проекте 2021 г. принимали участие Центр исследования социальных систем и кафедра социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования ННГУ им. Н.И. Лобачевского, университеты городов Глазго (Шотландия), Упсала (Швеция) и Хельсинки (Финляндия) при поддержке Нижегородского НОЦ.

Результаты исследования

По мнению многих исследователей, дополнительное образование стало неотъемлемой частью образовательной среды для большинства семей, особенно для представителей среднего класса [10; 18]. Согласно данным всероссийских опросов, больше половины детей вовлечены в систему дополнительного образования, в крупных городах уровень вовлеченности еще выше [19]. В соответствии с вновь принятой концепцией развития дополнительного образования Российской Федерации, дополнительным образованием планируется охватить до 82% детей в возрасте от 5 до 18 лет. При этом дети до 5 лет остаются за рамками внимания государственной стратегии развития дополнительного образования.

В Нижегородской области, которая стала площадкой для нашего исследования, по данным на 2020 г. было 1154 детских сада, 889 школ, 328 организаций дополнительного образования [20]. В рамках федерального проекта «Успех каждого ребенка» национального проекта «Образование» в Нижегородской области с 2019 г. начался процесс внедрения Целевой модели развития региональной системы дополнительного образования детей, в рамках которой созданы региональный модельный центр дополнительного образования детей, 52 муниципальных центра дополнительного образования детей, действует информационная платформа «Навигатор дополнительного образования детей Нижегородской области», а также внедряется система персонифицированного финансирования дополнительного образования. Более подробные официальные данные о развитии дополнительного образования в области, в том числе о доле детей, охваченных дополнительными общеобразовательными программами, а также о структуре численности детей, обучающихся по дополнительным общеобразовательным программам по направлениям, – в последнем доступном отчете Министерства образования, науки и молодежной политики Нижегородской области за 2020 год [20] отсутствуют как в целом по области, так и в разрезе населенных

Таблица

Доля детей, пользующихся услугами дополнительного образования в г. Павлово, %

Варианты ответа	Всего	До 3 лет	От 3 до 5 лет	От 5 до 7 лет	От 7 до 10 лет	От 10 до 14 лет	От 14 до 18 лет
Да, бесплатный	22	0	4	24	33	33	26
Да, платный	17	3	11	29	10	13	39
Нет	61	97	85	47	57	54	35
Итого	100	100	100	100	100	100	100

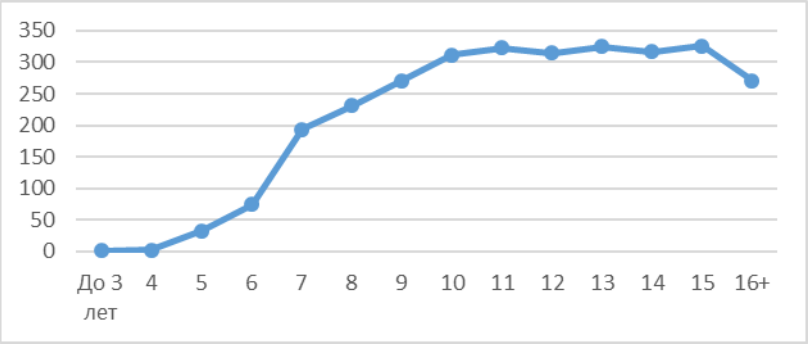


Рис. 1. Количество программ дополнительного образования в г. Павлово для детей разного возраста

пунктов. В открытом доступе нет сводной информации о том, сколько учреждений дополнительного образования и сколько программ дополнительного образования, платных и бесплатных, доступно детям в различных населенных пунктах области, что затрудняет анализ контекста, в котором родителям в малых городах приходится осуществлять выбор образовательных стратегий для своих детей.

Вовлеченность детей в программы дополнительного образования закономерно выше в крупных городах. В сельской местности доля таких детей существенно ниже. По данным аналитического доклада, подготовленного в рамках проекта Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 гг. «Организационно-аналитическое, экспертное, информационное сопровождение и мониторинг реализации мероприятий по модернизации организационно-управленческих и финансово-экономических механизмов в системе дополнительного образования детей» [21], более половины детей в сельской местности не посещают дополнительных занятий. Причины этого – «отсутствие доступных жителям сел альтернатив для развития своих детей и наличие барьера транспортной доступности, так и недостаточное понимание родителями важности включения ребенка в различные виды образовательной активности до школы» [21].

Малые города также редко становятся объектами исследования, в том числе по части степени развитости в них системы дополнительного образования. Согласно данным нашего исследования, в Павлово посещают дополнительные кружки и секции менее половины детей (см. табл. 1). Дети в возрасте до 5 лет оказываются в подавляющем большинстве не вовлечёнными в систему дополнительного образования (97%).

Причиной довольно низкой вовлеченности детей в систему дополнительного образования может служить недостаточная доступность образовательных программ. Для проверки этой гипотезы было использованы данные Навигатора дополнительного образования Нижегородской области р52.навигатор.дети. Согласно этим данным, в г. Павлово на момент проведения исследования находилось 25 учреждений, имеющих программы дополнительного образования. За исключением детсадов, школ, техникумов, в Павлово было 8 учреждений, имеющих официальный статус учреждений дополнительного образования, 6 из них спортивной направленности. Доступны были также кружки и секции на базе детских садов и школ. Наиболее разнообразные варианты дополнительного образования предоставлялись детям в возрасте от 10 до 18 лет. Для детей младше 10 лет и особенно дошкольников возможностей дополнительного образования в рамках государственных программ было гораздо меньше (см. рис. 1).

Согласно результатам опроса, дети, пользующиеся услугами дополнительного образования, чаще посещают бесплатные кружки и секции (55%[1]), хотя доля тех, кто оплачивает занятия, несколько ниже (45%[2]). В среднем оплата кружков составляет 1532 р. в месяц, при этом стоимость дополнительных занятий для детей дошкольного возраста значительно выше средней (см. рис. 2).

Наиболее популярным выбором услуг дополнительного образования являются бесплат-

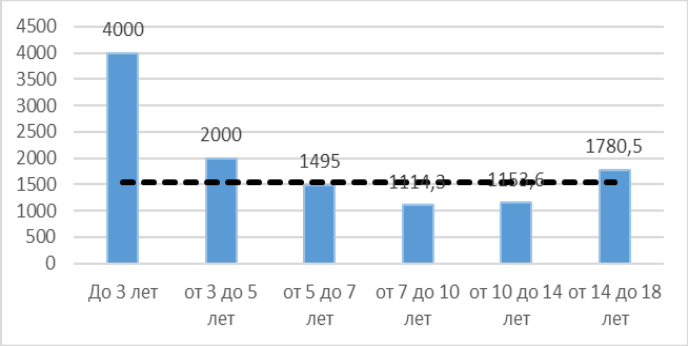


Рис. 2. Средняя сумма расходов в г. Павлово на оплату кружков/секций/занятий в месяц на одного ребенка, руб.

ные спортивные кружки и секции (61%). Музыкальные и творческие занятия (в том числе театральные, художественные секции) популярны, но в меньшей степени (20 и 14% соответственно), это в основном платные занятия. Десятая часть детей посещают платные и бесплатные кружки, направленные на общее развитие (11%).

Дети до 3 лет реже пользуются услугами дополнительного образования (посещают кружки и секции 3%). Те из них, кто посещает занятия, в основном посещают платные спортивные секции. Дети в возрасте от 3 до 7 лет гораздо чаще пользуются услугами дополнительного образования, при этом больше платными. При этом значительная часть детей посещает несколько кружков. Спектр посещаемых занятий более разнообразен; «развивашки» пользуются бо̀льшей популярностью, чем специализированные занятия по подготовке к школе (27% по сравнению с 13%). Занятия, посвященные изучению иностранного языка, выбирают для детей 13% родителей дошкольников. Стоит при этом отметить, что интерес к языковым занятиям в этой группе дошкольников максимальный.

Образовательное пространство детей младшего школьного возраста наиболее разнообразно. Младшие школьники (от 7 до 10 лет) в большей степени охвачены услугами дополнительного образования (43%), чаще бесплатными; младшие школьники также часто посещают по несколько кружков, секций. Больше половины младших школьников посещают спортивные занятия (52%), чаще, чем другие дети, эта группа школьников выбирает творческие кружки (26%).

Почти половина школьников в возрасте от 10 до 14 лет посещает дополнительные занятия (46%), преимущественно бесплатные. Интерес к спортивным занятиям преобладает на фоне сужения спектра выбираемых кружков. В группе старших школьников повышен интерес к спортивным занятиям (70%), выше интерес к изучению иностранных языков и подготовке к ОГЭ, ЕГЭ. Подготовку к выпускным экзаменам отметили лишь 8% родителей. Это в том числе и частное дополнительное обучение или «теневое образование» (термин, введенный М. Брей и Ч. Ликинз, [22]). Исследователи выделяют основные факторы, определяющие образовательные стратегии семьи в отношении дополнительного образования детей:

– социально-экономическое положение семьи, включая уровень материального благосостояния;

– образование родителей, их культурный и социальный капитал;

– социальный контекст жизни семьи, степень благополучия места жительства, характеристики местного сообщества;

– образовательные возможности по месту проживания, в том числе наличие возможностей получения дополнительного образования;

– информационная структура в месте проживания, в контексте которой родители осуществляют выбор программы дополнительного образования;

– характер взаимоотношений родителей и детей;

– транспортные барьеры;

– желание и способности ребенка [23–25].

Использование факторного анализа позволило выделить 4 взаимопересекающихся типа образовательных стратегий, основанных на мотивации выбора родителями видов дополнительного образования для своих детей:

– ориентация на развитие ребенка, укрепление здоровья;

– ориентация на повышение успеваемости, подготовка к поступлению в вуз/техникум;

– дополнительное образование как способ организации досуга ребенка;

– ориентация на приращение знаний как способ повышения социального капитала.

Развитие ребенка, укрепление здоровья

В группе семей, для которой главным мотивом при выборе дополнительного образования является развитие ребенка, можно выделить 2 типа родителей. Первый тип характеризуется

Рис. 3. Типология образовательных стратегий, основанных на мотивации выбора родителями видов дополнительного образования для своих детей

ориентацией на всестороннее развитие, на развитие самостоятельности ребенка. Семьи, придерживающиеся такой стратегии, в основном полные; уровень достатка средний по городу. Родители в таких семьях руководствуются собственными представлениями о том, какое дополнительное образование нужно их детям (мнение детей учитывается, но вторично). В таких семьях дети посещают музыкальные, творческие, театральные, художественные кружки; часто дети посещают сразу несколько кружков. Чаще это платные занятия.

Второй подтип семей связан с ориентацией прежде всего на физическое развитие ребенка. В эту группу в основном входят полные семьи, не имеющие совместно проживающих с ними бабушек и дедушек. Дети в таких семьях посещают преимущественно спортивные секции, чаще посещают только один вид занятий. Занятия преимущественно бесплатные. Уровень благосостояния семей этого типа ниже, чем в первом случае.

Повышение успеваемости, подготовка к поступлению в вуз/техникум

В семьях, в которых основная мотивация родителей при планировании стратегии дополнительного образования детей связана с задачей «подтягивания» успеваемости детей в школе, а также с подготовкой к поступлению в вуз/техникум, гораздо чаще учитывается желание самого ребенка. Дети из таких семей посещают самые разные кружки, в большинстве своем платные. Семьи, придерживающиеся такой стратегии выбора дополнительного образования, больше чем в половине случаев неполные, уровень материального благосостояния – на уровне среднего по городу.

Приращение знаний как способ повышения социального капитала

Мотивация этой группы семей в наибольшей степени ориентирована на использование важной функции дополнительного образования – расширения будущих возможностей ребенка для повышения социального статуса. Это полные, наиболее обеспеченные семьи, часто проживающие совместно с бабушками и дедушками, которые помогают родителям в реализации дополнительного образования детей. В подавляющем большинстве дополнительное образование детей здесь требует финансовых затрат. Выбор дополнительного образования в этой группе семей наиболее широк, дети совмещают несколько видов занятий: спортивные, художественные, подготовка к ОГЭ и ЕГЭ и т.д. Гораздо выше доля детей, дополнительно изучающих иностранный язык (как групповые занятия, так и индивидуальные).

Дополнительное образование как способ организации досуга ребенка

Семьи, в которых основой образовательной стратегии по отношению к детям служит желание организовать досуг детей, можно разделить на 3 подвида. В первом случае инициаторами выбора кружков являются сами дети. Они чаще предпочитают спортивные секции, на втором месте музыкальные занятия. Спектр вариантов дополнительного образования в этой группе гораздо уже. Выбор детей падает и на платные, и на бесплатные занятия. Имущественное положение семей этой группы ниже среднего; преимущественно это полные нуклеарные семьи.

Вторую группу составляют семьи, в которых процесс выбора дополнительного образования не определяется в семье, но зависит от позиции друзей ребенка. В основном дети в таком случае посещают спортивные секции, развивающие, музыкальные занятия. В большинстве случаев это бесплатное дополнительное образование. Как правило, это нерасширенные семьи, повышена доля неполных семей.

Третий тип семей этой группы при выборе стратегии дополнительного образования руководствуется прежде всего стремлением организовать досуг детей, чтобы дети «не болтались на улице». При этом выбирают чаще бесплатные занятия. Спектр выбираемых занятий довольно разнообразен и является неким средним вариантом из всех рассматриваемых типов семей. В данной группе повышена доля расширенных семей, что позволяет «запихать» детей в несколько кружков одновременно. По сути своей, последний вариант мотивации родителей в контексте выбора образовательной стратегии для своих детей скорее характеризует отсутствие стратегии.

Задачей последующего исследования может стать выявление взаимосвязи пола и возраста ребенка и выбираемых родителями образовательных стратегий.

Заключение

Из всех перечисленных мотиваций только мотивация второго и третьего типа ориентирована на долговременное планирование, использование дополнительного образования для приращения социального капитала ребенка, расширения его ресурсности и, следовательно, возможностей для повышения социального статуса в будущем. Родители, принимая решение о степени образовательной активности детей, не только повышают их стартовые возможности в будущем на рынке труда, но и закладывают мировоззренческие основы отношения к образованию как life-long process.

Образование продолжает оставаться механизмом воспроизводства социального неравенства. Дополнительное образование детей в целом вписывается в этот тренд, несмотря на то, что концепция развития дополнительного образования РФ стремится к преодолению социального неравенства. Более благополучные в материальном плане семьи мотивированы на использование возможностей дополнительного образования, чтобы прирастить социальный капитал своих детей. Большинство семей с более низким материальным положением не готовы инвестировать в дополнительное образование своих детей, хотя все же существует группа семей, пытающаяся преодолеть сложившуюся тенденцию, – ориентированных на то, чтобы с помощью дополнительного образования дать шанс своим детям повысить свой социальный статус по сравнению с родительским.

Примечания

1. 22% от всего числа детей или 55% от числа детей, пользующихся услугами дополнительного образования.

2. 17% от всего числа детей или 45% от числа детей, пользующихся услугами дополнительного образования.

Список литературы

1. Lareau A. Unequal childhoods: Class, race, and family life. Berkeley: University of California Press, 2003. 480 p. URL: https://www.jstor.org/stable/10.1525/j.ctt1ppgj4 (дата обращения: 01.04.2021).

2. Бурдье П., Пассрон Ж. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение, 2007. 272 с.

3. Павленко К.В., Поливанова К.Н., Бочавер А.А., Сивак Е.В. Дополнительное образование школьников: функции, родительские стратегии, ожидаемые результаты // Вопросы образования. 2019. № 2. С. 241–261. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dopolnitelnoe-obrazovanie-shkolnikov-funktsii-roditelskie-strategii-ozhidaemye-rezultaty (дата обращения: 29.03.2022).

4. Сорокин П.А. Социальная мобильность / Пер. с англ. М.В. Соколовой. Под общей ред. В.В. Сапова. М.: Academia, 2005. 588 с.

5. Сен А. Развитие как свобода / Пер с англ. под ред. и с послеслов. Р.М. Нуреева. М.: Новое издательство, 2004. 432 с.

6. Linver M.R., Roth J.L., and Brooks-Gunn J. Patterns of Adolescents' Participation in Organized Activities: Are Sports Best When Combined with Other Activities? // Developmental Psychology. 2009. № 45 (2). P. 354–367. URL: https://www.jstor.org/stable/26582378 (дата обращения: 20.02.2022).

7. Dumais S.A. Elementary School Students' Extracurricular Activities: The Effects of Participation on Achievement and Teacher's Evaluations // Sociological Spectrum. 2006. № 26 (2). P. 117–147. URL: https://www.researchgate.net/publication/238399701_Elementary_school_students'_extracurricular_activities_The_effects_of_participation_on_achievement_and_teachers'_evaluations (дата обращения: 20.02.2022).

8. Kaufman J., and Gabler J. Cultural Capital and the Extracurricular Activities of Girls and Boys in the College Attainment Process // Poetics. 2004. № 32 (2). P. 145–168. URL: https://www.researchgate.net/publication/222564007_Cultural_Capital_and_Extracurricular_Activities_of_Girls_and_Boys_in_the_College_Attainment_Process (дата обращения: 20.02.2022).

9. Rivera L. Ivies, Extracurriculars, and Exclusion: Elite Employers' Use of Educational Credentials // Research in Social Stratification and Mobility. 2011. № 29. P. 71–90. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S027656241000065X (дата обращения: 24.02.2022).

10. Lareau A. Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life. Second Edition with an Update a Decade Later. 2nd ed. Oakland: University of California Press, 2011. 480 p.

11. Lareau A., Weininger E.B., Conley D. What Money Doesn't Buy: Class Resources and Children's Participation in Organized Extracurricular Activities // Social Forces. 2005. Vol. 9. № 2. P. 479–503. URL: https://scholar.princeton.edu/sites/default/files/dconley/files/money_doesnt_buy_class_organized_activities.pdf (дата обращения: 25.02.2022).

12. Adler P.A., Adler P. Social Reproduction and the Corporate Other: The Institutionalization of Afterschool Activities // Sociological Quarterly. 1994 № 35 (2). P. 309–28. URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1111/j.1533-8525.1994.tb00412.x (дата обращения: 25.02.2022).

13. Концепция развития дополнительного образования детей, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 4 сентября 2014 г. № 1726-р. URL: http://government.ru›docs (дата обращения: 10.04.2022).

14. Концепция развития дополнительного образования до 2030 года. URL: http://dop.edu.ru/article/27148/proekt-kontseptsii-razvitiya-dopolnitelnogo-obrazovaniya-detei-do-2030-goda (дата обращения: 13.04.2022).

15. Партисипаторный подход в повышении качества жизни населения / Под ред. Н.М. Римашевской, Н.Н. Ивашиненко. Нижний Новгород–М., 2013. 268 с.

16. Таганрогские исследования: полвека спустя / Под научн. ред. чл.-корр. РАН проф. Н.М. Римашевской и проф. В.В. Локосова. М.: Экономическое образование, 2017. 288 с.

17. Agency in Russia and Ukraine / Sätre A-M., Morell I.A. (eds). Routledge, 2016. 160 p. [Электронный ресурс]. URL: http://www.taylorandfrancis.com/books/details/9781138957640/ (дата обращения: 25.02.2022).

18. Vincent C., Ball S. J. Making Up the Middle-Class Child: Families, Activities and Class Dispositions // Sociology. 2007 Vol. 41. № 6. P. 1061–1077.

19. Косарецкий С.Г., Куприянов Б.В., Филиппова Д.С. Особенности участия детей в дополнительном образовании, обусловленные различиями в культурно-образовательном и имущественном статусе семей и месте проживания // Вопросы образования. 2016. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-uchastiya-detey-v-dopolnitelnom-obrazovanii-obuslovlennye-razlichiyami-v-kulturno-obrazovatelnom-i-imuschestvennom (дата обращения: 04.04.2022).

20. Итоговый отчет Министерства образования, науки и молодежной политики Нижегородской области о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования за 2020 год. URL: https://minobr.government-nnov.ru/?id=288467 (дата обращения: 04.04.2022).

21. Косарецкий С.Г., Абанкина И.В., Мерцалова Т.А. и др. Аналитический доклад о состоянии системы дополнительного образования детей в Российской Федерации в условиях реализации Концепции развития дополнительного образования детей – 2017. URL: http://www.eseur.ru/Files/file6096.pdf (дата обращения: 04.04.2022).

22. Брей М., Ликинз Ч. Теневое образование: частное дополнительное обучение и его вызовы органам государственного управления в сфере образования стран Азиатского региона: Монография / Пер. с англ. В.Н. Демченко, Э.И. Печерица; Под общ. ред. Е.Л. Рудневой, М.П. Пальянова, А.Б. Ефременкова, О.Т. Лойко; Юргинский технологический институт. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2016. 119 с. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/327841/shadow-education-ru.pdf (дата обращения: 10.04.2022).

23. Поплавская А.А., Груздев И.А., Петлин А.В. Выбор организаций дополнительного образования детей в России: к постановке проблемы // Вопросы образования. 2018. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-organizatsiy-dopolnitelnogo-obrazovaniya-detey-v-rossii-k-postanovke-problemy (дата обращения: 24.02.2022).

24. Furstenberg F.F. Managing to Make It: Urban Families and Adolescent Success. Chicago, IL: University of Chicago, 1999. 305 p. URL: https://eric.ed.gov/?id=ED431866 (дата обращения: 10.04.2022).

25. Lareau A., Weininger E.B. Cultural Capital in Educational Research: A Critical Assessment // Theory and Society. 2003. Vol. 32. № 5–6. P. 567–606. URL: https://sociology.sas.upenn.edu/sites/default/files/Lareau2003_Cultural_Capital_in_Educational_Research.pdf (дата обращения: 10.04.2022).

EXTRACURRICULAR EDUCATIONAL STRATEGIES OF FAMILIES: WHY PARENTS INVEST IN THEIR CHILDREN?

A.A. Varyzgina, A.V. Kulikova, V.V. Mikhailova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The level of education as element of a person's social capital is a significant resource in the context of social upward mobility in overcoming social inequality. Parents set their children's individual educational trajectories in the family during the childhood. Parents, when deciding on the level of educational activity of their children, would increase not only their starting resources and opportunities in the future in the labor market, but also lay the ideological foundations of their attitude to education as a life-long process. The paper shows, to what extent parents are ready to invest in their children's education, which kinds of education, additional education they prefer for their children. The paper analyses parents' motivation in their choice of educational strategies in different types of families with different social and economic status (income, level of parents' education etc.) in a small Russian town. The article presents the results of sociological research conducted in small Russian town in 2021. The research project was made by the Research Center for the Study of Social Systems, the Department of Sociology of Project Activity and Pro-Competitive Regulation of Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod, the University of Glasgow (Scotland), University of Uppsala (Sweden) and Helsinki University under the support of the Scientific Information Center, Nizhny Novgorod.

Keywords: families with children, education, educational strategies, social inequality, social capital.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2023_1_138

РИСКИ В СПОРТЕ ВЫСШИХ ДОСТИЖЕНИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2023 г.

А.В. Ермилова

Ермилова Анна Вячеславовна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ermilova.75@bk.ru

Статья поступила в редакцию 20.09.2022
Статья принята к публикации 16.01.2023

Актуализируется проблема рисков в сфере спорта высших достижений, которая связана с особенностями тренировочно-соревновательной деятельности, а именно с установкой на достижение наивысшего спортивного результата, с максимальным уровнем физического и психического напряжения. Авторский выбор, позволивший осуществить анализ рисков в спорте высших достижений, сосредоточен, во-первых, на системной теории рисков («теории решений») Н. Лумана в связи с тем, что представители спорта высших достижений принимают осознанное решение интеграции в рискованную для них сферу; во-вторых, на рациональной концепции риска О. Ренна, который выявил зависимость рисков от специфики человеческой деятельности. Для анализа рискогенности сферы спорта высших достижений применялся факторный анализ (контент-анализ публикаций), в ходе которого проанализировано 36 научно-исследовательских работ за последние 25 лет по данной тематике. Для анализа риска финансовой дискриминации было проведено социологическое исследование методом интервьюирования родителей детей, обучающихся в МАУ СШОР № 4 по волейболу Н. Новгорода (*n*=167 чел.). В результате были выявлены наиболее распространенные виды рисков, характерных в целом для спорта, в том числе и для спорта высших достижений. На основе частоты упоминаний проблем, рисков в спортивной сфере в научных публикациях была составлена иерархическая система трех доминирующих рисков в сфере спорта высших достижений: риск потери здоровья, риск криминализации спортсменов и риск финансовой дискриминации, а также раскрыты причины нарастания значимости данных видов рисков.

Ключевые слова: спорт, спорт высших достижений, риски.

Введение

Трактовка понятия «риск» интересует умы большого количества ученых, исследователей, представляющих различные области научного познания, которые, определяя данный термин, используют различные научно описанные понятия: «вред», «неопределенность», «опасность», «вероятность», «случайность», «кризис», «страх». Появление большого массива исследований, направленных на выявление различных аспектов риска, «связано с возрастанием интереса общества к факторам и причинам, обусловливающим природные и техногенные катаклизмы, потребностью помочь обществу управлять, прогнозировать и совладать с опасностями риска, который сопровождает каждого человека в течение жизни» [1, с. 13]. Сегодня модернизационные процессы различных сфер жизнедеятельности социума не всегда ведут к снятию проблемы возникновения новых опасностей и утраты актуальности старых проблем. «Как показывает многолетняя практика, сколько бы мы ни модернизировали, например, систему здравоохранения, сколько бы мы ни разрабатывали инновационные технологии в сфере медицинских услуг, способных помочь человечеству выжить (вакцинация лекарствами нового поколения, таргетная терапия рака груди, централизованный мониторинг состояния пациентов, экспресс-восстановление после операции, генная терапия против наследственных заболеваний сетчатки), каждый год уровень смертности не только не снижается, а увеличивается, в том числе от новых заболеваний, с которыми пока еще человечество не научилось бороться. Такая ситуация говорит о том, что с каждым днем уровень угрозы от рисков только возрастает, а их структура усложняется» [2, с. 118] во всем мире. В свое время, разделяя точку зрения У. Бека [3, с. 384], российский социолог О.Н. Яницкий утверждал, что современная РФ представляет собой «общество риска» в связи, например, с тем, что в массовом сознании россиян произошло нивелирование грани между социальной нормой и патологией [4, с. 375], в том числе из-за негативного влияния Запада, о чем свидетельствуют результаты опроса ВЦИОМ [5].

Риск может быть характерен для любой области общественных отношений. Соответственно, проявления рисков могут различаться, иметь специфические черты в зависимости от сферы человеческой деятельности, одной из которых является сфера спорта. Лица, интегрированные

в данную сферу человеческой деятельности, осознанно осуществляющие рискованные действия для достижения наивысшего результата, в большей степени могут быть подвержены рискам потери здоровья, в том числе и трудоспособности, по причине высокого уровня травматизма, результатом чего может стать инвалидизация и, как следствие, утрата профессионального возраста спортсменами [6]. Следует заметить, что профессиональный возраст спортсменов мы интерпретируем как «возраст (количество лет), детерминированный особенностями профессиональной деятельности» [7, с. 175] в поле спорта.

Степень научной разработанности проблемы. Основные направления изучения и анализа риска в социуме в границах социологической традиции связаны с работами следующих исследователей:

– Э. Гидденса, сосредоточившего свое внимание на процессах модернизации и глобализации в мировом масштабе, которые, в свою очередь, стали причинами возникновения новых рисков в обществе [8];

– Ф. Найта, сумевшего выявить принципиальную измеримость риска [9];

– У. Бека, одним из первых давшего характеристику современного социума как «общества риска» [3];

– Н. Лумана, не согласившегося с тем, что риски являются результатом опасных процессов модернизации и технологического развития. В результате им была разработана системная теория риска [10];

– О. Ренна, утверждавшего, что все концепции риска имеют общий компонет – разделение реальной действительности и возможности [11].

Прежде чем анализировать риски в сфере спортивной деятельности, необходимо остановиться на раскрытии содержания понятия «риск». Следует отметить, что мы не ставим перед собой цель произвести теоретико-методологический анализ интерпретации понятия «риск». Тем не менее мы признаем важность общетеоретических подходов У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана при исследовании риска. Особую важность для изучения специфики рисков в сфере спорта имеет для нас идея Н. Лумана, так как особую роль в изучении риска он отводит именно социальным наукам в связи с тем, что они на более глубинном уровне определяют масштабы проблемы риска. К тому же Н. Луман связывает риск именно с решением: «… возможный ущерб рассматривается как следствие решения, т.е. вменяется решению. Тогда мы говорим о риске, именно о риске решения» [10, с. 31]. Это важно учитывать для изучения заявленной проблемы, так как представители спорта осознанно принимают решение интегрироваться в рискованную среду, порой не воспринимая ее как таковую в погоне за достижениями, результатом.

С точки зрения известного специалиста в области рискологии О. Ренна, проанализировавшего тридцатилетний опыт систематических исследований риска, риск напрямую связан с человеческими действиями или результатами деятельности социума, которые оказывают воздействие на ценностные стереотипы социума. По его мнению, «определение риска содержит три элемента: последствия, которые воздействуют на человеческие ценности, возможность возникновения (неопределенность) и формулу, объединяющую оба этих элемента» [11, с. 83]. Соответственно, понятие «риск» актуализируется только тогда, когда признается различие между действительностью и возможностью того, что в результате природных событий или человеческих действий может возникнуть нежелательное состояние действительности [11, с. 83]. В нашем случае, рассматривая социальное поле спорта, мы акцентируем внимание именно на социальных действиях, рациональное осуществление которых может способствовать формированию иммунитета против неудач, поражений, провалов. При этом О. Ренн подчеркивает зависимость риска от сферы деятельности, которая многообразна, а соответственно и риски специфичны, что актуализирует исследование риска в поле спорта в границах социологической интерпретации.

В трактовках риска вышеупомянутых ученых явно прослеживается рациональность рассуждений, которая позволяет минимизировать ущерб, избежать ошибок, неудач. Рациональный подход толкования риска является доминирующим в науке, которого придерживаются значительная часть специалистов в области рискологии, в том числе и большинство отечественных исследователей риска, связывающих его с вероятностью (неопределенностью) наступления негативных событий и количественной мерой такого события, как ущерб [12; 13].

Современные исследователи рисковой проблематики рассматривают неопределенность как важную, существенную черту риска [14–16]. «В то же время не следует отождествлять риск с неопределенностью. Неопределенность как фактор риска есть состояние среды, внешней по отношению к субъекту, в то время как риск есть состояние субъекта, пребывающего в условиях неопределенности, причем – в состоянии перехода от неопределенности к определенности» [17, с. 9]. Так или иначе, для представителей

спортивной сферы не исключается вероятность наступления ситуаций неопределенности в связи, например, с выбором команды/переходом в другую команду или к другому тренеру, с полученной травмой, с дефицитом реабилитационных услуг, с отсутствием возможности профессионального роста и результатов, потенциально ведущих к неблагоприятным событиям в ходе построения спортивной карьеры, что в итоге может привести к утрате профессионального возраста спортсменами. Однако этого может и не произойти, могут наступить такие события, которые позволят бывшему спортсмену занять новое, не менее престижное место в социуме (карьеры И. Родниной, М. Пакьяо, Ромарио, Дж. Веа, К. Каладзе, П. Шмитта, И. Кхана, С. Журовой, А. Кабаевой, Л. Лазутиной, Н. Валуева, Е. Вяльбе, В. Фетисова) [18, 19].

К тому же нельзя однозначно утверждать, что риск всегда связан с причинением вреда, так как это исключает возможность достижения результата в рисковых ситуациях, например предпринимательская деятельность. В сфере спорта мы можем к данному виду труда причислить профессиональный спорт, который включает не только убытки, но и прибыль, которую нельзя получить не рискуя. В целом же деятельность в сфере спорта может быть связана не только с финансовой выгодой, но и с признанием в обществе, с возможностью завести полезные связи и посмотреть мир, тем самым стать более ресурсной личностью. Следует подчеркнуть, что у агентов спортивного поля есть возможность выбора, которая предполагает осознание своих рискованных действий, их последствий, что подчеркивает их активную позицию. В данном случае представители спорта идут на добровольный, социально оправданный риск. Тем не менее важно осознавать, насколько спорт сам по себе, а точнее конкретный его вид, несет опасность для человека. Актуализируется вопрос оценки вероятности возникновения неблагоприятных последствий в сфере спорта, которые порой сопряжены с летальными исходами [6]. Тем не менее нужно понимать, что риск, в том числе и в сфере спорта, всегда связан с вероятностью возникновения негативных результатов, иными неблагоприятными исходами, что подчеркивает значимость такого понятия, как «уязвимость», а значит, и важность социальной защищенности субъекта в случае трудной жизненной ситуации. Соответственно, опасность и уязвимость являются условием возникновения риска, который специфичен в зависимости от сферы трудовой деятельности.

В качестве основного определения понятия «риск» мы возьмем трактовку д.соц.н. А.В. Мозговой: «Риск мы определяем как потенциальную возможность угрозы будущих материальных, физических, психологических, социальных, духовных потерь (ущерб здоровью, жизни, имуществу), обусловленных субъективным решением» [20, с. 25]. Основными элементами возникновения риска выступают опасность, неопределенность, дефицит информации, а необходимым условием реализации рискованного решения является человеческий фактор [21], что подчеркивает значимость социальных действий в спортивном поле деятельности.

Риск в сфере спорта потенциально может быть связан с возможностью угрозы различных видов потерь: физических (ущерб здоровью), психологических (потеря контроля над эмоциональным состоянием, стрессы), социальных (изменение социального положения в социуме, уход из спортивной среды, потеря работы), материально-финансовых (потеря имущества, дохода), духовных (потеря веры в себя, в людей, в Бога), моральных (аномическое состояние личности, разрушение жизненных планов), предопределённых субъективным решением личности, которые мы можем считать эмпирическими индикаторами риска. Представители спорта должны осознавать все возможные риски, характерные для спортивной сферы деятельности, тем самым взяв на себя ответственность за принятие рискованных решений индивидуального или коллективного характера. Актуальность рассмотрения ответственности в границах концепции риска очень высока, так как спортсмены, участвуя в соревнованиях разного ранга, несут ответственность за результат не только перед собой, тренером, клубом, регионом, но и перед страной, что является важной составляющей политического имиджа государства. Как отмечает д.и.н. В.И. Филонов, «национальные спортивные успехи повышают убежденность граждан в том, что ценности их общества являются истинными, консолидирующими и имиджеформирующими, поэтому спортивная сфера является неотъемлемым элементом системы обеспечения национального престижа Российской Федерации, что в современных условиях представляет особую значимость» [22, с. 110].

Эмпирическая база. То, что спортивное поле человеческой деятельности представляет собой опасную сферу, не вызывает сомнения, так как уровень инвалидизации спортсменов, летальных исходов достаточно высок [6], что выявляет необходимость определения допустимого уровня нагрузок и своевременного ухода из спортивного поля деятельности. Тем не менее риски в спорте высших достижений могут быть

связаны не только с утратой здоровья спортсменами, что вызывает исследовательский интерес к заявленной проблеме. В результате было проведено социологическое исследование, *цель* которого была направлена на выявление наиболее распространенных рисков в сфере спорта высших достижений. *Объект исследования* – спортивная деятельность представителей спорта высших достижений. *Предмет исследования* – риски, характерные для деятельности спортсменов высших достижений. Факторный анализ научных публикаций (36 научно-исследовательских работ) позволил выявить наиболее распространенные виды рисков, характерных для современного спорта. Дополнительно для анализа риска финансовой дискриминации было проведено социологическое исследование методом интервьюирования родителей детей, обучающихся в МАУ СШОР № 4 по волейболу г. Н. Новгорода (n=167 чел.). Результатом научно-исследовательской работы стала иерархическая система рисков на основе частоты упоминаний проблем в спортивной сфере в научных публикациях.

Результаты исследования

Анализ научно-исследовательской литературы позволил выявить три доминирующих риска в сфере спорта высших достижений.

Риск потери здоровья. Утрата спортсменами здоровья сопряжена со следующими причинами.

1. Омоложение современного спорта, что связано с ранней интеграцией детей в спорт, в результате чего страдает их здоровье:

– из-за форсированной подготовки юного спортсмена без учета возрастных показателей его развития;

– из-за селекционного отбора, что является серьезным психологическим стрессом для многих детей;

– из-за использования специальных технологий, «отработанных» на взрослом контингенте, без адаптации их к методике детско-юношеского спорта, что приводит к преждевременной «накачке» юного спортсмена [23, с. 13] и снижению его потенциальных возможностей, способствуя сокращению профессионального возраста.

2. Употребление допинга. Использование допинга спортсменами – это уже не частная практика спортивных врачей, а хорошо продуманная система, позволяющая, с одной стороны, спортсменам достичь высоких результатов. Однако употребление допинга наносит серьезный ущерб здоровью спортсменов, подрывает их статус в спортивном сообществе. Так, например, последствиями от употребления анаболических стероидов, бета-2 агонистов могут быть рак печени, артериальная гипертензия, повышение уровня холестерина в крови, что существенно повышает риск сердечно-сосудистых заболеваний [24].

3. Дефицит медицинского контроля. Существующий алгоритм медицинского контроля не позволяет своевременно обнаруживать у спортсменов проблемы со здоровьем, в частности сердечные патологии, как наиболее распространенные. Озабоченность медиков, спортсменов именно проблемой внезапной сердечной смерти (ВСС) продиктована целым рядом трагических случаев в отечественном и мировом спорте [25]. «Большинство спортсменов, умерших на спортивной площадке, как правило, имели органические заболевания сердца, которые формируют субстрат для развития фибрилляции желудочков, ведущей к остановке сердца. У большинства взрослых спортсменов (старше 35 лет) причиной летальных исходов является атеросклеротическое поражение артерий, тогда как у молодых спортсменов спектр сердечно-сосудистых заболеваний, включая врожденные и наследственные заболевания сердца, гораздо шире» [26; с. 38]. Только в 2021 г. из-за проблем с сердцем умерло более 250 спортсменов во всем мире [27]. Увы, но в России не создано ни единой системы регистрации внезапной смерти в спорте, ни алгоритмов скрининга спортсменов, позволяющих выявить патологические состояния. В настоящее время спортсмены высших достижений, как правило, проходят углубленное медицинское обследование 2–4 раза в год [28], что является недостаточным. В связи с высоким уровнем нагрузок сегодня необходим постоянный медицинский мониторинг за состоянием сердечно-сосудистой системы спортсменов и другими спортивными агентами (например, тренерским составом), то есть социально-медицинское сопровождение спортсменов на всех этапах их функционирования в спортивном поле деятельности. Наличие центра социально-медицинского сопровождения спортсменов поможет им своевременно уйти из спорта и не подвергать себя опасности инвалидизации, летального исхода.

4. Непосильный режим тренировочных и соревновательных нагрузок вывел из спортивно-тренировочной деятельности многих лучших спортсменов на разных этапах существования нашей страны: бегуна В. Куца, прыгуна В. Ященко, пловчиху М. Кошевую, штангиста Ю. Власова, гимнасток А. Мустафину и М. Мамун, фигуриста Е. Плющенко и многих других. Несмотря на преобладание в спортивной деятельности

именно физического перенапряжения, особое внимание хотелось бы привлечь к проблеме психологических особенностей рисков в спорте, а именно к проблеме эмоционального состояния спортсменов. Психическое перенапряжение спортсменов, по мнению эксперта в области психологии риска в спорте О.А. Черниковой, в большей степени вызвано спортивным возбуждением, боевым воодушевлением, спортивным соперничеством, спортивной злостью [29, с. 55], то есть всем тем, что позволяет достигнуть наивысшего результата. Однако спортсмен, как правило, забывая о границах эмоциональной интенсивности, напряженности, может потерять самообладание, умение регулировать свое поведение, тем самым подвергая себя опасности, которая может быть неоправданно высокой. К тому же порой непосильный режим тренировочно-соревновательной деятельности ведет к возникновению «синдрома хронической усталости», что, свою очередь, способствует формированию иных патологических состояний. Отрицательно сказывается на здоровье спортсменов настроенность на победу любой ценой, что ведет к неразрешенности данной проблемы по сей день.

5. Асоциальное поведение болельщиков, из-за чего могут пострадать непосредственно сами спортсмены (пример, футбольный вратарь А.В. Шунин получил ожог роговицы в результате неправомерного поведения болельщиков, использовавших файеры). Спортсмены получают угрозы, порой подвергаясь преследованиям. Так, одной из жертв стала известная биатлонистка, двукратная олимпийская чемпионка М. Нойнер, которая во время чемпионата мира в г. Рупольдинге получала угрозы убийства. «В подобные моменты задумываешься: а стоит ли оно того? Наверное, это обратная сторона популярности. Я была шокирована. Перед гонками старалась думать только о самом важном. Хорошо, что меня постоянно охраняли люди в штатском. Ощущала себя в безопасности» [30].

6. Жесткая конкуренция. Взаимодействие, основанное на благородных целях спорта и олимпийском девизе «Быстрее, выше, сильнее – вместе!», все чаще замещается безжалостной конкуренцией, нанося ущерб здоровью соперников. Спортивное мастерство в некоторых видах спорта становится опасным для жизни атлета, на спортивном поле все чаще можно встретить «костоломов» даже в таких видах спорта, которые не имеют отношения к единоборствам. Директор Центра правовых исследований, проф. Х.Д. Аликперов указывает, что гуманистическое целеполагание в некоторых видах спорта утратило свое значение, способствуя возрастанию жестокости, причинению тяжких увечий, инвалидизации, лишению жизни, о чем свидетельствуют смерти на рингах: 1994 г. – Р. Вангила, 2005 г. – М. Санчес, 2011 г. – Р. Симаков, 2019 г. – М. Дадашев. Следовательно, современный спорт все чаще трансформируется в средство физического и морального ущерба личности, результатом чего становятся участившиеся случаи смерти в спортивном пространстве.

Риск криминализации спортсменов. Проблема криминализации спорта как вида трудовой деятельности в большей степени касается профессионального спорта, представители которого могут являться одновременно и спортсменами высших достижений. О возрастании актуальности данной проблемы говорит уже то, что в 2021 г. на базе Санкт-Петербургского международного криминологического клуба состоялась встреча специалистов, занимающихся спортивной криминологией. В ходе обсуждения докладов были выявлены следующие аспекты преступности в спорте:

– коррупционность международной, российской спортивных сфер: коммерческий подкуп, получение и дача взятки (посредничество), оказание противоправного давления на результат спортивных соревнований. В российском законодательстве ответственность за подкуп участников спортивных соревнований предусмотрена Уголовным кодексом (ст. 184) и спортивными дисциплинарными регламентами [31]. Договорные состязания являются дисциплинарно наказуемым деянием, обусловленным финансовой выгодой для обоих соперников. Доказательств, указывающих на существование данной проблемы, достаточно много, одним из которых является, например, отказ бельгийца Ж. Эльзенера от предложения сдать матч первого круга против итальянца П. Стараче в обмен на 100 тысяч долларов с лишним [32]. «Один из самых громких коррупционных скандалов разгорелся в 2006 г., когда итальянские следователи выявили ряд нарушений в деятельности руководства футбольных клубов «Ювентус», «Фиорентина», «Лацио» и «Милан». Преступления касались буквально всех областей футбольного мира, начиная от подкупа судей, применения допинга, заключения незаконных пари на игры и заканчивая финансовыми махинациями на рынке игроков» [33].

После внесения изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предотвращения противоправного влияния на

результаты официальных спортивных соревнований [34], все виды «договорных» состязаний стали уголовно наказуемыми по части 3 статьи 184 УК РФ. Санкция за их совершение теперь предусматривает «лишение свободы на срок до пяти лет». «Опрос 153 осужденных за коррупционные преступления в сфере профессионального спорта показал, что 76% из них были осведомлены об уголовной противоправности своего деяния; 95% рассчитывали избежать наказания; 81% считали назначенное им наказание незаслуженно суровым, и лишь 3% полагали, что понесли справедливое наказание» [33];

– уход клубов от уплаты налогов с помощью регистрации в офшорных зонах;

– непрозрачность агентского бизнеса;

– интеграция спортсменов, особенно представляющих боевые искусства, в преступную среду, что в целом способствует снижению репутации спорта и росту преступности в стране. Одним из самых известных случаев включенности спортсменов в криминал был зафиксирован в г. Санкт-Петербурге в 2007 г., когда по подозрению в серии разбойных нападений на салоны сотовой связи была арестована преступная группа, в которую входил чемпион мира в супертяжелом весе по боям без правил В. Дацик [35]. Интеграция спортсменов в преступную среду сейчас пошла на спад в связи с более высоким уровнем возможностей рекрутироваться в иные профессии в отличие от 80–90-х гг., когда спортсменам было трудно найти правомерное применение своих профессиональных навыков. Тем не менее криминальное поведение современных спортсменов, например представляющих футбольные клубы петербургский «Зенит» и «Краснодар», способствовало преждевременному завершению их спортивной карьеры. По нашему мнению, необходимо усилить ответственность лиц, обладающих умениями в области силовых единоборств, на законодательном уровне, так как применение спортсменами отработанных приемов повышает степень общественной опасности этих деяний и в целом социальную напряжённость в обществе, что способствует стигматизации спортсменов;

– внедрение криминала в строительство спортивных сооружений [36];

– использование допинга. По мнению специалистов в области допинга, уровень его распространенности в спортивной среде дает возможность говорить о существовании в мире транснациональной полулегальной или полностью преступной организации, производящей и реализующей опасные препараты [37];

– использование спортсменами во время соревнований запрещенных приемов, что можно рассматривать как умышленное причинение вреда сопернику. Такая практика ведет к исключению травмированного соперника из борьбы за титул, что снижает интерес болельщиков к данному виду спорта и способствует деградации непосредственно самих спортсменов;

– страхование спортивных травм, результатов матчей. «По данным NBC New York, были арестованы 16 из 18 бывших игроков НБА, которым предъявлено федеральное обвинение в мошенничестве на 4 миллиона долларов. Баскетболисты обвиняются в сговоре с целью мошенничества с медицинскими страховыми услугами, а также в краже личных данных при отягчающих обстоятельствах. В обвинительном акте указано, что игроки в период с 2017 по 2020 год были вовлечены в мошенническую схему, целью которой было получить компенсацию из страхового фонда НБА по поддельным медицинским документам» [38]. Следует отметить, что в РФ отсутствует единая система страхования российских спортсменов, что влияет на реализацию их социальных гарантий и способствует росту совершения неправомерных деяний в этой сфере;

– реклама букмекерских контор в спортивных трансляциях, манипуляция (махинации) ставками и неправомерное использование игровых денег;

– дискриминация российских спортсменов на международной арене по политическим мотивам;

– разрастание околоспортивной преступной среды фанатов [39];

– физическое и психическое насилие над спортсменами. Примером является покушение на здоровье фигуристки Н. Кэрриган, которая перед финальной частью соревнований получила удар железным прутом. Организатором преступного деяния оказалась ее соперница Т. Хардинг, пожизненно дисквалифицированная Федерацией фигурного катания США.

Следовательно, внедрение рыночных отношений в спортивную сферу явно способствует криминализации спорта в связи с погоней за коммерческой выгодой, основными средствами чего выступают сговор и насилие, что может вести к снижению продуктивности российской сборной на международной арене, доказательством чего является динамика результативности нашей команды на зимних Олимпиадах за последние 60 лет [40].

Риск финансовой дискриминации. Проблема неравномерного финансового распределения в спорте, которая характеризуется следующими аспектами:

– в настоящее время среди видов спорта выделяются так называемые «финансовые гиганты», фавориты с точки зрения финансового воз-

награждения (футбол, хоккей, большой теннис). Теннисисты Р. Федерер, Н. Джокович, Р. Надаль за 2004–2019 гг. заработали 373 млн долларов, а за пределами спортивных соревнований они получили, в частности, от рекламных агентств еще больше – 1.2 млрд долларов [41]. Огромные зарплаты российских футболистов вызывают негодование обычных граждан. Доходы нападающего «Локомотива» составляют 2.9 млн евро в год [42]. По нашему мнению, необходимо ввести «сетку» заработных плат для всех спортсменов, и особенно тех, которые выступают за профессиональные спортивные команды, финансируемые государством. По мнению зам. президента Санкт-Петербургского международного криминологического клуба А.П. Данилова, «несоразмерность зарплат спортсменов и лиц, имеющих общественные профессии (учитель, врач и др.), является криминогенным фактором» [39], что также способствует росту социальной напряженности в обществе. В результате неравномерного распределения финансовых средств некоторые виды спорта получают недофинансирование, что ведет к их упадку как в отдельных регионах, так и в целом в стране;

– проблема финансирования детских спортивных организаций (спортивных школ, школ олимпийского резерва, секций). Еще несколько десятилетий назад, в эпоху патернализма в нашей стране, финансирование любых спортивных организаций, соревнований, в том числе и покупка экипировки спортсменов, осуществлялись за счет государственного бюджета. В настоящее время ситуация изменилась, в частности, финансирование соревнований, снабжение юных спортсменов в большей степени происходит за счет материальных вложений родителей [43]. По мнению родителей детей, обучающихся в МАУ СШОР № 4 по волейболу г. Н. Новгорода, финансирование поездок на соревнования, как и снаряжение детей, лежит на их плечах (n=167 чел.). Данная проблема требует более рационального финансирования спортивных организаций, которое позитивно отразится на процессе интеграции детей в спортивную сферу, что, в свою очередь, будет способствовать повышению уровня результативности в спорте высших достижений;

– неравномерное финансирование спортивной сферы, например спортивных команд, различными субъектами экономической деятельности, которое осуществляется преимущественно из региональных бюджетов. Как указывают эксперты, «система финансирования спортивных команд практически исчерпала свои возможности и является одной из главных причин плачевного финансового положения большей части российских клубов» [44]. По мнению первого заместителя председателя Комитета Совета Федерации по социальной политике В. Фетисова, необходимо «на повестку дня поставить вопрос о финансировании крупными компаниями, в том числе и государственными монополиями, именно спортивных лиг, а не отдельных профессиональных команд» [45].

Кроме перечисленных рисков в данной сфере человеческой деятельности выделаются и иные риски, которые имеют меньшую значимость:

– кратковременный стаж деятельности в спортивном поле;

– забвение после завершения спортивной карьеры;

– стигматизация спортсменов;

– отсутствие социальных связей вне спорта;

– затруднительная адаптация спортсменов после ухода из спорта.

Выводы

Риски в спорте определяются специфичностью самой деятельности, основанной на установке достижения наивысших спортивных результатов, максимальных физических усилиях, регулярном психическом перенапряжении спортсменов в ходе осуществления тренировочно-спортивной деятельности. Следовательно, в целом спортивная сфера, тем более спорт высших достижений, отличаются повышенным уровнем рискогенности. Среди различных рисков в спорте высших достижений сегодня особую значимость приобретают: риск потери здоровья, риск криминализации спортсменов и риск финансовой дискриминации. Следует учитывать, что выявленная иерархическая система рисков в спорте высших достижений может негативно отражаться на долголетии спортсменов, способствуя сокращению их профессионального возраста. Особое внимание следует обратить именно на риск утраты здоровья и инвалидизации спортсменов, который сегодня приобрел наибольшую распространенность, что актуализирует проблему повышения уровня медицинского контроля за спортсменами.

Список литературы

1. Исмаилов А.И. Теоретико-методологические аспекты анализа риска в спортивной деятельности (1-я часть) // Спортивный психолог. 2016. № 1 (40). С. 12–16.

2. Ермилова А.В. О специфике распределения рисков в современном обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 2. С. 117–129.

3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельникова и Н. Федоровой;

Послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

4. Яницкий О.Н. Модернизация в России в свете концепции «общества риска» // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии / Ред. Т. Заславская. М., 1997.

5. Влияние Запада и российская культура. Аналитический обзор [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vlijanie-zapada-i-rossiiskaja-kultura (дата обращения: 25.08.2022).

6. Ermilova A.V., Abelkalns I. The Impact of Traumatism on the Professional Aging: The Case of Elite Sports // Human, Technologies and Quality of Education. 2021. № 1. P. 1112–1122.

7. Ермилова А.В. Профессиональный возраст: к вопросу о социологической концептуализации (на примере профессиональных спортсменов) // Logos et Praxis. 2021. Т. 20. № 2. С. 172–181.

8. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.

9. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль: Пер. с англ. М.: Дело, 2003. 360 с.

10. Luhmann N. Soziologie des Risikos. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1991. S. 9–40.

11. Ренн О. Три десятилетия исследования риска: достижения и новые горизонты // Вопросы анализа риска. 1999. Т. 1. № 1. С. 80–99.

12. Быков А.А., Мурзин Н.В. Проблемы анализа безопасности человека, общества и природы / Ин-т человека, о-ва и природы. СПб.: Наука: С.-Петерб. изд. фирма, 1997. 243 с.

13. Кузьмин И.И., Махутов Н.А., Хетагуров С.В. Безопасность и риск: эколого-экономические аспекты / С.-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 1997.

14. Абчук В.А. Теория риска в морской практике. Л.: Судостроение, 1983.

15. Бабурин В.В. Риск как основание дифференциации уголовной ответственности: Автореф. дис. … док-ра юр. наук / Уральская государственная юридическая академия. Екатеринбург, 2009.

16. Дятлов Ю.А. Правореализующий риск (проблемы теории и практики): Автореф. дис. … канд. юр. наук / Владимирский юридический институт ФСИН России. Владимир, 2006. С. 36.

17. Мамчун В.В. О содержании понятия риска в праве // Труды Академии МВД России. 2011. № 1 (17). С. 7–12.

18. 12 известных спортсменов, ставших успешными политиками [Электронный ресурс]. URL: https://bigpicture.ru/12-izvestnyx-sportsmenov-stavshix-uspeshnymi-politikami/ (дата обращения: 20.07.2022).

19. Самые известные спортсмены-политики России [Электронный ресурс]. URL: https://fishki.net/1327280-samye-izvestnye-sportsmeny-politiki-rossii.html?utm_source=aab&sign=664738908893206%2C493823885698315 (дата обращения: 22.07.2022).

20. Риск в социальном пространстве / Под ред. А.В. Мозговой. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2001. 347 с.

21. Вдовиченко О.В. Элементы возникновения рискованного действия [Электронный ресурс]. URL: https://oaji.net/articles/2014/983-1415274517.pdf (дата обращения: 28.08.2022).

22. Филонов В.И., Юдина А.В. Спорт как важная составляющая политического имиджа государства // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. № 4. С. 103–111.

23. Лубышева Л.И. Современный спорт: проблемы и решения // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование, здравоохранение, физическая культура. 2014. Т. 14. № 1. С. 12–14.

24. Последствия допинга для здоровья и спортивной карьеры / Под ред. Е.В. Иконниковой, П.И. Хорькина [Электронный ресурс]. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1664369478&tld=ru&lang (дата обращения: 09.09.2022).

25. Спортсмены, внезапно умершие из-за проблем с сердцем [Электронный ресурс]. URL: https://ucrazy.ru/celebrities/1481948984-sportsmeny-vnezapno-umershie-iz-za-problem-s-serdcem.html (дата обращения: 09.09.2022).

26. Бокерия Л.А., Бокерия О.Л., Ле Т.Г. Внезапная сердечная смерть у спортсменов // Анналы аритмологии. 2009. № 2. С. 24–39.

27. У 311 спортсменов остановилось сердце, 177 погибли после укола [Электронный ресурс]. URL: http://www.evasiljeva.ru/2021/12/311-177.html (дата обращения: 07.09.2022).

28. Спортивная медицина [Электронный ресурс]. URL: https://sovfd.zdrav.admin-smolensk.ru/napravleniya/sportivnaya_medicina (дата обращения: 09.09.2022).

29. Ткачева М.С. Психологические особенности рисков в спортивной деятельности // Ученые записки. 2011. Т. 4. Серия: Психология. Педагогика. № 2 (14). С. 55–60.

30. Нойнер угрожали убить во время чемпионата мира [Электронный ресурс]. URL: https://www.sports.ru/biathlon/139989803.html (дата обращения: 14.09.2022).

31. Ст. 43 Дисциплинарного регламента Российского футбольного союза от 5 апреля 2006 г. (в ред. от 24 апреля 2009 г.) [Электронный ресурс] / Российский футбольный союз. URL: http://www.rfs.ru/?node=doc-regulation-discipline (дата обращения: 13.09.2022).

32. Теннисные ассоциации объединились для борьбы с договорными матчами [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20071009/83201229.html (дата обращения: 18.08.2022).

33. Алексеева А.П. Коррупционная преступность в сфере профессионального спорта // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 8. [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/korruptsionnaya-prestupnost-v-sfere-professionalnogo-sporta.pdf (дата обращения: 13.09.2022).

34. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предотвращения противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований» от 23.07.2013 № 198-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149645/ (дата обращения: 10.09.2022).

35. Чемпион мира по боям без правил грабил салоны сотовой связи Петербурга [Электронный ресурс]. URL: https://www.sovsport.ru/mma/news/2:890930 (дата обращения: 26.08.2022).

36. Что не так в планировании и строительстве спортивных объектов в Якутии [Электронный ресурс]. URL: https://1sn.ru/cto-ne-tak-v-planirovanii-i-stroitelstve-sportivnyx-obektov-v-yakutii (дата обращения: 26.09.2022).

37. Умербаев М.Г., Чесноков А.А. К проблеме коррупции в сфере спорта // Современные проблемы юридической науки: Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. молодых исследователей (Юридический факультет Южно-Уральского государственного университета, 5–6 мая 2010 г.). Челябинск: Полиграф-Мастер, 2010. С. 273–275.

38. В мошенничестве с медстраховками на $4 млн обвиняются 18 экс-игроков НБА [Электронный ресурс]. URL: https://www.sports.ru/tribuna/blogs/basketblogg/2972878.html (дата обращения: 14.09.2022).

39. Спортивная криминология [Электронный ресурс]. URL: https://www.criminologyclub.ru/home/the-last-sessions/431-2021-09-08-10-34-38 (дата обращения: 10.09.2022).

40. Как Россия выступает на зимних Олимпиадах? Вспомнили все турниры. От Лиллехаммера до Пхенчхана [Электронный ресурс]. URL: https://postnews-ru.turbopages.org/postnews.ru/s/a/17121 (дата обращения: 20.09.2022).

41. Баденхаузен К. Самые высокооплачиваемые теннисисты мира – 2019. Рейтинг Forbes [Электронный ресурс]. URL: https://www.forbes.ru/biznes-photogallery/382437-samye-vysokooplachivaemye-tennisisty-mira-2019-reyting-forbes (дата обращения: 11.09.2022).

42. Зарплаты футболистов в России [Электронный ресурс]. URL: https://visasam.ru/russia/rabotavrf/zarplata-futbolistov-v-rossii.html (дата обращения: 14.09.2022).

43. Борисова Н.Ю. Проблемы финансирования спортивных организаций [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/problemy-finansirovaniya-sportivnyh-organizatsiy.pdf (дата обращения: 13.09.2022).

44. Сайбель Я.В., Климин С.А. Проблемы и перспективы финансирования спортивных клубов в России // Молодой ученый. 2016. № 1 (105). С. 478–480 [Электронный ресурс]. URL: https://moluch.ru/archive/105/24983/ (дата обращения: 13.09.2022).

45. Совет Федерации. Порядок финансирования спортивных команд естественными монополиями должен быть определен законом – участники «круглого стола» в СФ [Электронный ресурс]. URL: http://council.gov.ru/press-center/news/39817 (дата обращения: 13.09.2022).

RISKS IN HIGH PERFORMANCE SPORT: SOCIOLOGICAL ASPECT

A.V. Ermilova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The problem of risks in the sphere of sports of the highest achievements is actualized, which is connected with the peculiarities of training and competitive activity, namely with the setting to achieve the highest sports results, with the maximum level of physical and mental tension. The author's choice, which allowed to carry out the analysis of risks in sports of the highest achievements, is focused, firstly, on the system theory of risks ("decision theory") of N. Luman, due to the fact that the representatives of sports of the highest achievements make a conscious decision of integration in the risky sphere for them. Secondly, on the rational concept of risk by O. Renn, who identified the dependence of risks on the specifics of human activity. Factor analysis (content analysis of publications) was used to analyze the riskiness of the sphere of high performance sports, which analyzed 36 research papers over the past 25 years on this topic. To analyze the risk of financial discrimination, we conducted a sociological study by interviewing parents of children attending the SIU SSHOR No. 4 (n=167 people). As a result, the most common types of risks characteristic of sport in general, including high performance sport, were identified. Based on the frequency of mentioning problems and risks in sports in scientific publications a hierarchical system of three dominant risks in the sphere of high performance sports was compiled: risk of loss of health, risk of criminalization of athletes and risk of financial discrimination, as well as the reasons for the increasing importance of these types of risks were disclosed.

Keywords: sport, high-performance sport, risks.

УДК 316.4
DOI 10.52452/18115942_2023_1_147

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ)

© 2023 г.

И.Н. Иваненко

Иваненко Игорь Николаевич, к.ю.н.; доц.; доцент кафедры гражданского процесса и международного права Кубанского государственного университета, Краснодар
ivanenko.igor@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.08.2022
Статья принята к публикации 23.01.2023

Цель – уточнение социокультурной роли бюрократии для российского общества с использованием эмпирических данных по исследованию структур местного самоуправления. Акцент делается на анализе последствий разрастания бюрократического феномена, оборотной стороной которого является бюрократизм. Автор приходит к выводам, что функциональность российской бюрократии никак не следует подвергать сомнению даже сейчас, на современном этапе, когда бюрократические структуры при всех своих недостатках все же выполняют роль скреп, обеспечивающих общественное единство. Административный аппарат, выступая органическим элементом и даже основой зрелого государства, никак не может быть ликвидирован без краха для самого общества. Другое дело, что в ходе политогенеза все явственнее проявляются дисфункциональные черты бюрократического феномена. С течением времени российская бюрократия, расширившись и укрепив собственную политическую субъектность, превратилась в своего рода гегелевский антитезис, фактически отрицая на современном этапе собственную функциональную состоятельность, поскольку, склонная к консерватизму, не способна к быстрым и гибким реакциям на стремительно меняющуюся ситуацию. В результате бюрократизма усиливаются тенденции отчуждения рядовых граждан от местных властей – с одной стороны, вал бумажной работы объективно сокращает время административных служащих для реальной работы с людьми; с другой стороны, бюрократическая культура сама по себе способствует увеличению социально-психологической дистанции между чиновниками и людьми. Выдвигается гипотетическое предположение, что, привыкая к подобной модели отношений власти и населения, по сути, не ведая о других вариантах, люди интериоризируют данную модель в собственные мировоззренческие структуры и в дальнейшем сами же воспроизводят ее в собственных поступках.

Ключевые слова: бюрократия, бюрократизм, стейтогенез, теория структурации, местное самоуправление, идеология бюрократического консерватизма, социокультурная среда бюрократии, отчуждение.

Постановка научной проблемы

Современный российский политико-аналитический дискурс неоднократно затрагивает проблему бюрократизации сферы управления, видя в ней один из наиболее значимых внутренних вызовов. При определенной справедливости подобных утверждений с позиции научного анализа все же возникает ряд вопросов. Оправдан ли доходящий порой до демонизации негативизм в отношении расширяющихся бюрократических структур, если исходить из функциональности последних, установленных в работах М. Вебера? Классик немецкой социологии рассматривал бюрократию как высокопрофессиональных, дисциплинированных, в ходе работы неукоснительно соблюдающих четкие единообразные правила представителей госаппарата [1, с. 17–20]. Несомненно, что бюрократический феномен неотъемлемо связан с государственным, выступая средством рационализации и упорядочивания общественных отношений, что является одной из первоочередных функций государственной системы. При всех несомненных перекосах чиновничий аппарат все же является жизненно необходимым, и в истории имеются случаи, когда кризис общественных систем происходил именно в силу неразвитости административных структур, как например, древнегреческий полис [2, с. 107].

Между тем даже в отношении всячески порицаемой отечественной бюрократии встречаются некоторые положительные отклики. Например, правовед В. Киреев считает, что на определенном постсоветском этапе именно бюрократический фактор сыграл позитивную роль, содействовав победе над олигархическим капитализмом, хотя позже сформировался уже бюрократический капитализм со всеми своими неприглядными характеристиками [3, с. 11]. Достаточно амбивалентно относится к бюрократическим проявлениям Н. Джагарян, в том числе рассматривая такой потенциально народовластный феномен, как местное самоуправление. Здесь она ссылается на известного дореволюционного правоведа Б. Чичерина, который

отмечал опасность как чрезмерных бюрократических злоупотреблений, так и местных идущих «снизу» инициатив, способных, будучи несдерживаемыми, вполне привести к образованию оппозиционных центров, действующих наперекор общему духу законодательства и управления [4, с. 67–68]. Справедливость подобных рассуждений подтверждается той же отечественной практикой. Так, в 90-е годы демократизация государственной власти привела к образованию этих самых оппозиционных центров, а проще говоря, нового властного субъекта в виде криминальных групп.

В настоящей статье мы намереваемся уточнить функциональный и дисфункциональный смысл бюрократии для российского общества. Весьма ограниченные рамки статьи заставляют значительно сузить предмет исследования. Собственно, явление бюрократизации основательно исследовано в работах, приходящихся на стык политологии и правоведения. Мы в ходе анализа бюрократии собираемся сконцентрировать внимание на социокультурной составляющей данного феномена и последствий его влияния на структуры местного самоуправления. *Задачи* статьи сводятся к тому, чтобы, во-первых, определиться с истоками российской бюрократии, так как универсализация последней отнюдь не снизила интереса именно к национальным формам ее проявления [5–7]; во-вторых, определить социокультурную сущность бюрократического феномена; в-третьих, выявить тенденции социокультурного влияния бюрократических структур на местные институты, для чего будут привлечены данные социологических исследований.

Методология

Общей социально-философской основой настоящей работы послужил диалектический подход, согласно которому определенное явление в ходе собственной эволюции приобретает новое качество во многом в силу накапливаемых внутренних противоречий. Это прослеживается на протяжении многовековых процессов отечественного политогенеза и непосредственно вписываемого в него бюрократического феномена. Собственно, российский политогенез и его главная составляющая – стейтогенез рассматривается с позиции методологии Л. Гринина, которым предложена эволюционная типология развития государства, исходящая из расширяющейся динамики его институтов, нацеленных на более глубокое и всестороннее их участие в общественных процессах. Многосложный феномен бюрократии требует различных подходов к пониманию его функциональной сущности. Это прежде всего концепция М. Вебера, видящая в бюрократии своего рода идеальный тип в сочетании со структурно-функциональным подходом, основы которого были заложены Э. Дюркгеймом и развиты в трудах Т. Парсонса и Р. Мертона. Трактовка отечественного варианта бюрократии производилась с предпочтением концепции В. Шевченко и В. Спиридоновой, Н. Джагарян, которые в отличие от либеральных подходов (Э. Мижеской, Е. Гайдара и др.) не считали российскую бюрократию неким результатом отклонения от цивилизованного пути, но видели ней естественный продукт определенных географических и исторических обстоятельств. Социокультурная сущность бюрократического феномена анализировалась с опорой на труды К. Касториадиса [8], М. Ориу, И. Исаева [9] и в некоторой степени К. Маннгейма [10], который счел возможным придавать профессиональному бюрократическому мышлению статус идеологии. Динамика бюрократических структур, получившая толчок и ускорение с появлением приказной системы, рассматривалась с опорой на факты, предоставленные историками Н. Демидовой [11], Л. Миловым [12].

Наконец, механизм постепенного выхолащивания бюрократического феномена и превращения его в своего рода антитезис помогает понять теория структурации Э. Гидденса, предполагающая «двойную включенность» социальных структур и действующих индивидов. Так, с одной стороны, общественные институты созданы в результате индивидуальных действий, но, с другого ракурса, данные институты воздействуют обратным образом на людей, их создавших. Словом, «структуральные свойства социальной системы выступают и как средства производства социальной жизни в качестве продолжающейся деятельности и одновременно как результаты, производимые этой деятельностью» [13, с. 70].

Результаты и их обсуждение

Что касается истоков и исторических предпосылок российской бюрократии, следует отметить весьма распространенный в научной литературе несколько идеологизированный взгляд на отечественную бюрократию. К сожалению, этого не лишены даже весьма толковые и много проясняющие исследования. Например, Н. Джагарян полагает, что специфика отечественного бюрократического кризиса, в частности, определена: а) социокультурной традицией, в рамках которой рассматриваются архетипы отечественной

бюрократии, изначально формирующейся из дворянства, а не так как в Западной Европе – из среднего класса, который противостоял феодалам; б) сущностью постсоциалистической бюрократии, выросшей из советской номенклатурной бюрократии; в) транзитивной сутью современного отечественного социума [4, с. 65]. В подобном подходе очевидно просматривается «камень в огород» не только советской системе, но и сущности российской власти в целом.

Э. Миженская, явно руководствуясь либеральными постулатами, пытается вывести характер бюрократизации из типа политического режима. Согласно ее подходу, специфика бюрократии определяется способом правления. Если при деспотизме произвол государственно-административного аппарата фактически неограничен, то при демократии формирование бюрократизма как стабильного социального слоя затруднительно [6, с. 27]. На основании этого упомянутый автор приходит к выводу, что в СССР продолжилась именно деспотическая традиция русской исторической власти, где сформировалось «военно-полицейское бюрократическое государство», которое мало чего добилось в плане достижения народного благосостояния, несмотря на все заявления и декларации.

Против данной точки зрения можно привести ряд фактов. Оставляя за скобками тезис о народном благосостоянии в СССР, обсуждение которого не вписывается в проблематику настоящего исследования, укажем, что как раз современные западные демократии отнюдь не лишены тенденций бюрократизации, в которой исследователи (зарубежные и отечественные) видят один из основных источников проблем западного социума. Причем фактор забюрократизованности существует там уже продолжительное время. Именно под лозунгом борьбы с государственной бюрократией осуществлялся неолиберальный поворот 1970–80-х гг. Тем не менее указанная проблема так и не исчезла. О ней пишет К. Крауч, видя здесь одну из составляющих модели постдемократии, посредством которой он предпочитает описывать внутриполитическую ситуацию современного западного общества [14]. Бюрократизация присуща даже наиболее демократичной и «повернутой к человеку» скандинавской модели, где усиливающиеся тенденции административного регулирования местной власти явно способствуют отчуждению обычных людей от самоуправления [15, с. 67].

Мы полагаем, что для объяснения истоков бюрократизации следует привлечь более широкое социально-философское и даже историософское основание. Весьма плодотворна в этом плане концепция волгоградского обществоведа Л. Гринина об исторических процессах политогенеза, которые после продолжительной конкуренции различных моделей организации власти стали со временем повсеместно приобретать характер движения именно к государственным формам (стейтогенез). По мысли указанного ученого, следует различать три стадии стейтогенеза, которые определяются в первую очередь признаками соответствия государственных структур и остального общества. Тип *раннего государства* отличает довольно слабая взаимная подгонка институтов государства и общества, что предопределяет их самостоятельное развитие, зачастую фактически независимое друг от друга. Л. Гринин раннее государство наделяет такими характеристиками, как «неполное», «недостроенное» [16, с. 11], видя здесь обусловленность в факте слабого развития аппарата государственного управления, то есть бюрократии. На следующей стадии *развитого государства* предполагается уже куда бо́льшая взаимная «притирка» государства и общества, здесь имеет место более естественная форма макросоциальной организации. В развитом государстве уже обязательным является сложный бюрократический аппарат, обладающий централизацией и располагающий широкими возможностями контроля общественных процессов повсюду и на местах. В то же время в рамках развитого государственного типа бюрократия более явственно демонстрирует расширительные тенденции, независимо от их функциональности. Это вызывало опасение в том числе и у сильных политиков-управленцев (А.-Ж. Ришелье и Ж. Кольбер), которые стремились воспрепятствовать им, идя на административные сокращения. Однако подобные попытки целей не достигали, так как упраздненные должности неизменно вновь возрождались, хотя нередко под другими названиями [17]. Интересно, что подобный тренд, известный как «закон Паркинсона», неоднократно проявлял себя и позже, в том числе и в современных европейских демократических странах, например в Италии [18]. Стадии развитого и зрелого государства наступали в разное время для тех или иных политических систем. Именно российское государство, как полагает Л. Гринин, может считаться развитым после реформ Ивана Грозного середины XVI в., ну а в зрелую стадию вступило в ходе преобразований Александра I [2, с. 194, 260].

С разрастанием функций государства наступает стадия *зрелого государства*, к которой причисляются и современные государственные системы. Зрелое государство является уже органической политической формой, «вне которой общество (и население) не может существовать

в принципе» [16, с. 26]. Речь здесь о том, что общество и государство представляют собой единое целое. При таких условиях радикальные попытки изменения устоявшихся системных принципов политики, пренебрегающие учетом «онтологических основ государственности и верховной власти» [17, с. 124], неизбежно приведут к негативным результатам, как это произошло в России 90-х гг. XX в.

В одной из своих предыдущих работ мы заостряли внимание на объективных причинах, побудивших отечественную политическую систему эволюционировать в сторону жесткой централизации – выбор моноцентричной, а не полицентричной модели [19]. Не вдаваясь в анализ упомянутых причин, здесь только подчеркнем, что считаем этот выбор единственно верным в сложившихся географических, исторических и геополитических условиях. Фактически первым институтом, отражающим централизованные претензии российского государства, стали приказы. В отечественных условиях бюрократизация приказной системы была неизбежной, и данные, приводимые учеными-историками, это подтверждают: в 1626 г. приказные штаты составляли 623 человека, но через пятьдесят лет выросли более чем вдвое – 1558 человек, тогда как в 1698 г. их количество равнялось уже 2739 человек [11, с. 23]. Одновременно росло значение канцелярской работы, отражением чего стал расширяющийся штат так называемых подьячих, младших приказных чинов. Если в 1620-х гг. штат приказного учреждения включал от 5 до 10 подьячих, то в конце XVII в. это количество выросло до 30 – 100 человек, причем из общего объема приказных людей собственно подьячие составляли 97% [12, с. 587]. Именно эта группа послужила фундаментом формирования чиновничьего аппарата отечественного государственного абсолютизма.

Приказная система заявила о своем усилении на местах распространением института воевод, которые в качестве назначенных центром местных правителей распространились на большую часть Московского царства уже к середине 1620-х гг. При этом воеводская служба предполагала солидную бюрократическую базу, центральным институтом которой являлась «съезжая изба» (известная позже как «приказная изба») – местное учреждение центрального приказа, структура и делопроизводство которого копировали московские приказные учреждения. К концу XVII в. в приказных избах заметно выросло количество подьячих. Так, в 1640-е гг. преобладали «приказные избы» со штатами 2–5 человек, а через полвека – уже 6–20 человек [12, с. 596]. И данная тенденция в свете обозначенной нами логики моноцентричной модели видится вполне закономерной.

Таким образом, государственная централизация и, как следствие, ее бюрократизация выступают, по выражению В. Шевченко, «онтологическими основами российской власти» [17]. То есть отечественная бюрократическая система представляет собой становой хребет отечественной государственности, или, по выражению В. Спиридоновой, «специфическая матрица российской власти» выражается именно российской бюрократией [17, с. 39]. Следует предположить, что последняя, при всех своих недостатках, все же берет на себя роль административных скреп, обеспечивающих общественное единство. Особенно это проявляется на стадиях развитого и зрелого государства, когда последнее обеспечивает адекватный контекст для формирования гражданской нации. Тем самым функциональность бюрократии никак не следует подвергать сомнению. Другое дело, что в ходе политогенеза все явственнее проявляются дисфункциональные черты бюрократического феномена, причем данная тенденция, похоже, носит универсальный смысл.

Неоднозначность бюрократического феномена особенно сильно ощущается в современности, когда в политико-идеологических дискурсах бюрократия оценивается чаще негативно. Уже в теории М. Вебера, которому бюрократия представлялась во многом в идеальном свете, и наверняка под влиянием впечатлений от эффективной работы немецкой административной машины, не отрицался дегуманизирующий смысл бюрократической деятельности. Формируя рациональные институты, бюрократия, при всей своей рациональности и нацеленности на запланированный результат, не способна принять во внимание возможные деструктивные последствия своих же действий. Диалектический подход к бюрократии содержится в следующем тезисе российского государственника-правоведа И. Исаева: «для бюрократии характерным является не только ее численное и количественное разрастание как спонтанный и непрогнозируемый процесс, но также и потеря на определенном этапе ее развития способности к эффективному самоконтролю и рациональному планированию» [9, с. 81]. Сюда вписываются упомянутые выше факты последовательного количественного роста чиновников, не всегда пропорционального управленческим потребностям.

Российская исследовательница Н. Джагарян настаивает на различении понятий бюрократии и бюрократизма. Причем если первое наполнено социально-политическим, то второе – социо-

культурным смыслом. Бюрократизм трактуется как патологическое отклонение от конституционных принципов организации и функционирования публично-властного аппарата, проявлениями которого служат «искаженно-деформированное (внеконституционное, нигилистическое) профессиональное сознание публичных служащих; практическое вытеснение корпоративно-служебными правилами, обыкновениями, ориентациями конституционно-нормативных принципов деятельности соответствующих органов; экспансия и утверждение бюрократического порядка и стиля отношений в сферах, для этого непригодных, включая функционирование депутатского, судейского корпуса». Бюрократизму жестко противопоставляется гражданское самосознание, степень развития которого, соответственно, обратно пропорциональна масштабам бюрократического властвования [4, с. 66–67]. Причем тренд бюрократизма в нынешней действительности далеко выходит за рамки сферы административных отношений, что подтверждается рядом других авторов.

Если попытаться вскрыть внутренние механизмы бюрократизма, следует исходить из того, что априори бюрократические институты ориентированы на четкое определение рамок конкретных функций для эффективной их реализации. Бюрократизация, по своей сути, предполагает по возможности максимальную рационализацию иррационального, и в контексте подобной логики подчинение как жестко структурированное взаимодействие, подкрепленное правовой легитимацией, выступает одним из ключевых моментов бюрократической системы. Здесь принимается в расчет «не только более высокая компетенция и, следовательно, авторитет вышестоящего чиновника, но прежде всего его формальный статус» [17, с. 76].

Содействует более глубокому погружению в административную сферу деятельности определенная групповая идеология. К. Маннгейм около ста лет назад, описывая пять наиболее влиятельных идеологических систем, выделял среди них «бюрократический консерватизм», мышлению которого присуща мировоззренческая зашоренность. Носитель такой идеологии не отождествляет тот или иной законодательно регламентированный позитивный порядок с порядком как таковым, не беря в расчет, «что любой рационализированный порядок есть не что иное, как особый вид порядка, компромисс между метарациональными борющимися в данном социальном пространстве силами» [10, с. 102–103].

Но, как показывает историческая практика, безостановочное стремление к тотальной рационализации со временем неизбежно преобразует бюрократические институты прежде всего в дисфункциональную сторону, так как они в ходе подобных стремлений все более не способны к рефлексии насущной действительности. Этот тезис – фактически центральный в работах известных ученых, исследующих феномен бюрократии: М. Крозье, М. Ориу, К. Касториадиса.

Как полагает греко-французский философ К. Касториадис, бюрократический континуум целиком пропитан воображаемым. В нем вырабатываются многочисленные символы, которые интерпретируют имеющиеся факты только с позиции рациональной регламентации, следовательно, такие символы мало адекватны куда более сложной окружающей действительности. Тем самым многообразие социального мира бюрократическое мировоззрение сводит к формализированной системе правил, при этом «фантазм организации как хорошо смазанной машины» вытесняется фантазмом самоорганизующейся и саморасширяющейся машины» [8, с. 178].

Вполне закономерно, что природа бюрократической логики неизбежно жестко консервативна, в связи с чем большая роль отводится процедурам и ритуальным действиям. Все многообразие действий бюрократического аппарата приводит к структурной кристаллизации и утверждению функциональной рутины, заключающейся в монотонном выполнении по сути схожих задач. Отсюда происходит формирование некоей бюрократической традиции, но которая приобретает устойчивость как раз в силу утраты рациональности. Согласно тезису И. Исаева, тенденция к структурному нарастанию, которая внутренне присуща бюрократии, предполагает последовательное увеличение количества функций без какого-либо учета их реальной целесообразности. Все это противоречит стремлению любой, в том числе и социальной, системы к экономии энергии, что заставляет говорить о снижении эффективности бюрократии [9].

При этом речь следует вести не только о выхолащивании бюрократических функций, но и деградации кадрового состава административных структур. Глубокий консервативный мыслитель Л. Тихомиров отмечал, что факт всевластия бюрократии работает против ее качественных характеристик, поскольку «главное требование от чиновника состоит в дисциплине, исполнении приказаний и знании формы. Все это совместимо с очень ограниченными умственными способностями и даже лучше достигается у человека малоэнергичного и не самостоятельного по природе». Одновременно образующаяся монополия власти предполагает «недопущения до власти людей способных, которые могли бы низвергнуть монополиста, уже захватившего ме-

сто. Еще более эти монополисты опасаются допустить людей честных, которые не пойдут на компромиссы, на продажу себя...» [20, с. 566–569].

Имеющий опыт работы в городских муниципальных администрациях правовед О. Ванеев пишет о персонификации и фетишизации власти как следствии мало чем ограниченного административного всевластия. Здесь речь идет о наделении конкретного органа власти или управления качествами некоего «абсолютного суверена», властные институты и должностные лица местного самоуправления воспринимаются людьми не в качестве носителей и исполнителей власти, но как сама власть: городская администрация – власть, муниципальный служащий – власть [21, с. 61]. Тем самым в сознании людей властный субъект подменяется ее носителем, хотя, согласно Конституции и демократическим принципам, субъектом власти выступают сами люди, тогда как властные органы – только исполнители.

Отсюда можно предположить, что объективный процесс количественного разрастания бюрократических групп приводит к формированию их некоей культурной обособленности. Административные структуры вырабатывают собственную идеологию, некие культурно-символические комплексы. Эти социокультурные феномены нацелены на поддержание определенных мировоззренческих форм, затрагивающих область как профессиональной деятельности, так и отношений с окружающим миром. В рамках подобного мировоззрения происходит самовозвеличивание социальной значимости представителей бюрократии, детерминированное искаженным пониманием собственной деятельности и характера выполняемых функций.

Но каковы же последствия социокультурного влияния бюрократии на институты местного самоуправления, в которых вполне резонно видеть значительный народовластный потенциал? Специфика служебно-бюрократических отношений, присущих именно местному самоуправлению, по мысли Н. Джагарян, заключается в наличии «широкой социально-правовой основы для активного проникновения в природу муниципальных бюрократических институтов представительно-правовых начал, так что сами эти институты имеют потенциал сближения с демократическими институтами гражданского общества» [4, с. 70].

Опираясь на данные, представленные лабораторией проблем сельских территорий КубГАУ, отметим следующие интересные тенденции, касающиеся социальной среды местного самоуправления. Начать следует с констатации собственно высокого уровня бюрократизации тех местных администраций, жители которых были опрошены. Охваченные анкетированием респонденты – работники местных администраций испытывают сильнейший бумажный пресс, спускаемый «сверху», и все они оценивают его как явно чрезмерный. Меньше трети опрошенных местных чиновников оценивают «терпимым» тот объем времени, который отводится на разного рода совещания, не имеющие существенной пользы, в то время как чуть более двух третей (около 70%) уверены, что подобных мероприятий проводится намного больше, чем следовало бы.

Что касается отношения собственно жителей к местной власти, то оно отличается более лоялистским характером в сравнении с вышестоящей властью. Большая часть (две трети) опрошенных местных жителей удовлетворительно оценивают работу местной власти, неудовлетворенных – почти четверть (24%), тогда как 9% и вовсе считают, что местные власти работают хорошо. В то же время подобные данные расходятся с оценочным восприятием главы исполнительной власти. Самая большая группа респондентов (43%) видит в нем фигуру, назначенную вышестоящими властями, почти треть (31%) определяют его как руководителя, ориентированного в собственной профессиональной деятельности на свои личные интересы. И лишь 21% считает, что глава сельского поселения – это «свой» человек, заботящийся именно о всех вверенных ему жителях поселения. Таким образом, несмотря на в целом удовлетворительную оценку работы местных структур управления, подавляющее большинство жителей не видят в его главах подлинно народных лидеров.

На очень низком уровне информированность жителей о работе структур местного самоуправления. Лишь 30% заявили, что «достаточно» или «более чем» информированы, в то время как 48%, то есть почти половина, «недостаточно» информированы, а более пятой части (22%) утверждают, что вообще не располагают информацией. Совершенно удручающие результаты были получены об информированности жителей об их местной политической субъектности. Был задан вопрос: известно ли Вам, что жители населённых пунктов имеют право принимать участие в решении местных вопросов? Более трети (39%) заявили, что вообще впервые об этом слышат; 42% отметили – «слышал, но думал это где-то на Западе возможно», только 11% ответили, что знают об этом и активно с местными властями взаимодействуют.

Что касается наиболее распространенных практик взаимодействия жителей с местной властью, наибольшей популярностью пользуются посещения главы поселения в выделенные

специальные часы для «личного приема» (53%), а также взаимодействие в ходе обращений за справками (41%) А вот такие мероприятия, где предполагается реальный диалог власти и простых людей, пользуются куда меньшей распространенностью – о сходах граждан упомянули чуть менее трети (31%), чуть более трети (35%) отмечают выездные встречи с населением представителей районных властей.

В связи с подобными данными не вызывает удивления только 5% поставивших на первое место «благополучие сельского поселения, где я проживаю» при ответе на вопрос «Что важнее для Вас лично?». Более чем в 10 раз чаще (54%) упоминалось «благополучие моей семьи, близких». Тем самым можно констатировать ослабленную территориальную местную идентичность, что происходит не в последнюю очередь в силу значительной степени отчуждения большинства людей от местных властей.

Заключение

На основании проделанной работы следует констатировать противоречивость отечественной бюрократии, особенно явственно проявляющуюся на современном постсоветском этапе. С одной стороны, бюрократический аппарат, выступая органическим элементом и даже основой зрелого государства, никак не может быть ликвидирован без краха для самого общества. Но, с другой стороны, со временем отечественная бюрократия, расширившись и укрепив собственную политическую субъектность, превратилась в своего рода гегелевский антитезис, поскольку на современном этапе отрицает собственную функциональную состоятельность. Речь идет о том, что склонная к консерватизму бюрократия не способна к быстрым и гибким реакциям на стремительно меняющуюся ситуацию. Кроме того, социокультурное влияние бюрократии инициирует феномен бюрократизма, которому придается сугубо негативный смысл. Его результатом становятся усиливающиеся тенденции отчуждения рядовых граждан от местных властей. С одной стороны, вал бумажной работы объективно сокращает время административных служащих для реальной работы с людьми. С другой стороны, бюрократическая культурная среда сама по себе способствует увеличению социально-психологической дистанции между чиновниками и людьми. Наконец, имеется еще одно обстоятельство, которое во многом имеет субъективный смысл и на которое мы намерены указать только в плане гипотезы, задающей дальнейший исследовательский ориентир. Привыкая к подобной модели отношений власти и людей, фактически не зная о других вариантах, люди интериоризируют данную модель в собственные мировоззренческие структуры и в дальнейшем сами же воспроизводят ее в собственных поступках, тем самым обеспечивая ее временное пролонгирование.

Список литературы

1. Спиридонова В.И. Западные теории бюрократии и российская действительность // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни / Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФРАН, 2008. С. 7–62.

2. Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому. М.: КомКнига, 2007. 368 с.

3. Киреев В.В. Правотворческие ситуации конституционного риска в современной России // Проблемы права. 2013. №3. С. 9–15.

4. Джагарян Н.В. Местное самоуправление и бюрократия: конституционные аспекты отношения взаимовлияния // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. №6 (103). С. 64–81.

5. Оболонский А.В. Бюрократия и государство. Очерки. М.: Институт государства и права РАН, 1996. 67 с.

6. Миженская Э. Истоки бюрократизации современной России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2007. Вып. 1. С. 24–33.

7. Шевченко В.Н. Российское государство и российская бюрократия: ретроспектива и перспектива // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни. М.: ИФ РАН, 2008. С. 101–150.

8. Касториадис К. Воображаемое установление общества. М.: Гнозис, Логос, 2003. 480 с.

9. Исаев И.А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние. М.: Проспект, 2009. 176 с.

10. Маннгейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 7–276.

11. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 225 с.

12. История России с древнейших времен до конца XVII века / Под ред. Л.В. Милова. М.: Эксмо, 2006. 768 с.

13. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.

14. Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 192 с.

15. Могунова М.А. Самоуправление в Швеции как способ обеспечения общегосударственных и местных интересов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 4. С. 48–71.

16. Гринин Л.Е. О стадиях эволюции государства. Проблемы теории // История и современность. 2006. Март. № 1. С. 3–45.

17. Тамбиянц Ю.Г. «Открытое общество»: идеология и реальность. Краснодар: Изд-во КубГАУ, 2014. 600 с.

18. Королёва М.В., Безгласная Е.А. Бюрократизация как сдерживающий фактор модернизации экономики. URL: https://www.econf.rae.ru/article/6435 (дата обращения: 11.08.2022).

19. Тамбиянц Ю.Г., Гринь М.В., Иваненко И.Н. Модель отечественного политического процесса: фак-

тор внутриэлитных противоречий (статья 2) // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 11. С. 2372–2378.

20. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб.: Комплект, 1992. 680 с.

21. Ванеев О.Н. Проблема бюрократизации местного самоуправления // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2010. № 1. С. 59–64.

BUREAUCRACY IN THE DYNAMICS OF RUSSIAN LOCAL GOVERNMENT INSTITUTIONS: SOCIO-CULTURAL ASPECTS

I.N. Ivanenko

Kuban state university

The article aims to clarify the role of bureaucracy for Russian society in terms of functionality/dysfunctionality. Moreover, the emphasis is on the socio-cultural component of the bureaucratic phenomenon, the flip side of which is bureaucracy. The author comes to the conclusion that the functionality of the Russian bureaucracy should not be questioned in any way even now, at the present stage, when bureaucratic structures, with all their shortcomings, still act as staples that ensure social unity. The administrative apparatus, acting as an organic element and even the basis of a mature state, cannot be eliminated in any way without the collapse of society itself. Another thing is that in the course of politogenesis, the difunctional features of the bureaucratic phenomenon are becoming more and more apparent. Over time, the Russian bureaucracy, having expanded and strengthened its own political subjectivity, has turned into a kind of Hegelian antithesis, actually denying its own functional viability at the present stage, since, prone to conservatism, it is not capable of quick and flexible reactions to a rapidly changing situation. As a result of bureaucracy, the tendencies of alienation of ordinary citizens from local authorities are increasing – on the one hand, the volume of paperwork objectively reduces the time of administrative employees for real work with people; on the other hand, the bureaucratic culture itself contributes to an increase in the socio-psychological distance between officials and people. Finally, getting used to such a model of relations between the government and the population, essentially unaware of other options, people internalize this model into their own ideological structures and later reproduce it themselves in their own actions.

Keywords: bureaucracy; statogenesis; structuration theory; local self-government; ideology of bureaucratic conservatism; socio-cultural environment of bureaucracy.

УДК 316.64
DOI 10.52452/18115942_2023_1_155

ОЦЕНКА УРОВНЯ ПРАГМАТИЧНОГО ПАТРИОТИЗМА МОЛОДЕЖИ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2023 г. ***В.А. Комлев, Ю.А. Балыбердин, М.А. Смирнов, А.П. Морзунов***

Комлев Виталий Александрович, к.психол.н.; доцент кафедры уголовного процесса
Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина
radon744@gmail.com
Балыбердин Юрий Александрович, д.и.н.; проф.; директор Кировского областного краеведческого музея
u.a.balyberdin@mail.ru
Смирнов Михаил Александрович, к.и.н.; доцент кафедры теории и истории государства и права
Вятского государственного университета;
доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Волго-Вятского института (филиала)
Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина
vkkop@yandex.ru
Морзунов Александр Петрович, председатель НООО «Поисковый отряд «Находка»,
п. Демянск, Новгородская область
janus13@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.06.2022
Статья принята к публикации 20.01.2023

Рассматривается проблема оценки уровня патриотизма молодёжи Кировской области. Временными рамками исследования, включающими период проведения практического эксперимента в виде опроса обучающихся образовательных учреждений Кировской области, является 2021 год. Даётся детальный анализ существующих методов оценки уровня патриотизма молодёжи. На основе анализа научной литературы по избранной теме, а также собственного опыта авторы констатируют наличие в молодежной среде так называемого прагматичного (декларируемого) патриотизма и реальной патриотической активности и существенное расхождение между ними. Предлагается подход, позволяющий разграничить прагматичный патриотизм от реального патриотизма для более достоверной оценки данного показателя. На основании этого подхода была проведена оценка уровня прагматичного и реального патриотизма молодёжи Кировской области в рассматриваемый период. Выявлены взаимосвязи между различными компонентами патриотизма: отношение к Великой Отечественной войне, отношение к службе в армии, отношение к миграции с малой родины. Проведена косвенная оценка эффективности мероприятий, направленных на патриотическое воспитание молодёжи. Предложены пути повышения уровня реального патриотизма.

Ключевые слова: прагматичный патриотизм, миграция, социальная установка, отношение к службе в армии, патриотическое воспитание, патриотическая активность, патриотическое отношение, патриотическое сознание.

Введение

В условиях достаточно непростого экономического и политического состояния страны, в целях сохранения государственной стабильности и дальнейшего развития гражданского общества всё большее значение приобретает вопрос патриотического воспитания молодежи.

Российская молодежь рассматриваемого периода – это поколение, мировоззрение которого сформировано в цифровую эпоху с открытым интернет-пространством. Помимо связанных с этим положительных моментов приходится констатировать и негативные: молодые люди нередко испытывают влияние различного деструктивного контента, получают информацию на основе искаженных исторических примеров, неточностей, а зачастую неверифицированных фактов и даже откровенной лжи. Опыт так называемых цветных революций на постсоветском пространстве показывает, что степень деструктивности государственных катаклизмов напрямую зависит от позиции молодежи по отношению к этим процессам, ее оценки прошлого, существующего экономического и политического положения и, как следствие, готовности уехать из своей страны, отказаться от исторических «корней».

Не удивительно, что проблема патриотизма всё чаще поднимается в средствах массовой информации, становится темой различных исследований. Прослеживается причинно-следственная связь невысокого уровня патриотизма с такими негативными явлениями, как рост националистических настроений, формирование индифферентного отношения к истории и дальнейшей судьбе своей страны.

Ряд исследователей делают попытку оценки уровня патриотизма молодёжи, используя прямые вопросы по декларируемым показателям (считает ли человек себя патриотом, любовь к Родине, уважение традиций, отношение к Родине и т.д.) [1–3], которые могут быть не связаны с реальным поведением респондентов (готовность служить в армии и защищать свою Родину, миграция из своего региона в более благополучные и т.д.). Это с одной стороны, приводит к значительному расхождению декларированного отношения к патриотизму и реального поведения, с другой – может приводить к ошибочным выводам о достаточно высоком уровне патриотизма молодёжи и, как результат, снижению числа мер по его формированию. В связи с этим ряд авторов [4–8] выделяют патриотическую активность, то есть реальные действия, в которых выражается патриотизм, и прагматический (или декларируемый) патриотизм, не подтверждаемый реальными действиями. В.В. Пионтковский отмечает, что противоречие между желаемым результатом достижения эффективности патриотического воспитания и реальными неудовлетворительными итогами является острой проблемой рассматриваемого периода. Возникающая проблема объясняется отсутствием системной работы, эпизодической организацией патриотического воспитания, проведением мероприятий накануне государственных праздников, проверок вышестоящих инстанций, а государство и общество часто проявляют равнодушие к таким явлениям [9].

Патриотизм выполняет ряд важнейших для общества функций:

1) информативно-ориентировочная функция, которая состоит в том, что патриотизм несет в себе определенную совокупность знаний о своем Отечестве и обязанностях, которые, будучи усвоенными личностью, преобразуются в ее поступки и действия;

2) мобилизационно-побудительная функция. Она реализуется в готовности к воинской службе, героическим поступкам, самопожертвованию, в стремлении к самовоспитанию;

3) регулятивно-оценочная функция, которая выражает способность личности определять соответствие своих действий интересам Отечества;

4) интеграционная функция, проявляющаяся в единении соотечественников, независимо от их возраста, социальной и национальной принадлежности [2].

Важное значение приобретает вопрос оценки патриотических настроений молодежи для прогнозирования негативных социальных событий, оценки того, насколько эффективными являются различного рода мероприятия, направленные на повышение уровня патриотизма.

Проблема патриотического воспитания является предметом значительного числа исследований зарубежных и отечественных учёных. Социально-экономические преобразования, происходившие в России в последний период, изменили отношение общества и государства к понятию «патриотизм», об этом пишут А.А. Крупник [10], А.А. Калекин [11], М.А. Пронина [12], М.Р. Резаков [13].

Исследователи А.В. Кузьмин и Ю.Н. Трифонов выделяют четыре элемента патриотизма: патриотическое сознание, патриотическое отношение, патриотическую деятельность и патриотические организации. Исходя из этого можно констатировать, что в «фундаменте» патриотизма заложено комплексное духовно-практическое образование, основа которого – патриотическое сознание, выражающееся в патриотическом отношении к своей стране, проявляющееся в патриотической деятельности [14].

В то же время большое количество исследователей в основном касаются только таких компонентов, как «патриотическое отношение», не касаясь «патриотической деятельности».

Так, Ю.В. Дорохова отмечает: «Если говорить о патриотизме, то нужно прежде всего изучить чувства, которые испытывает современная молодежь к России. Опрос ВЦИОМ от 11.06.2014 года показывает, что среди молодых людей возрастом от 18 до 24 лет доминируют три основных чувства к Родине: 31% молодых людей испытывают уважение; 24% – надежду, веру в свою Родину, что бы ни случилось; а 17% испытывают любовь. Нужно отметить, что все три лидирующих чувства оказались положительными, что дает надежду на дальнейшее развитие России в более ускоренном темпе и на повышение ее статуса на международной арене благодаря тем великим умам, которые растут именно на ее территории» [2].

Ж.В. Пузанова отмечает, что исследование ВЦИОМ «Сколько в России патриотов?», проведенное в 2011 г., показало высокий уровень патриотической самоидентификации россиян, однако доля таких людей в обществе с годами сокращается (88% – 2008 г., 80% – 2010 г.) [3].

На основании приведенных данных можно сделать вывод: большинство исследователей отмечают, что уровень патриотизма молодежи является достаточно высоким.

Не отрицая значимости проводимых исследований, необходимо отметить методологическую проблему оценки таких компонентов, как любовь к Родине, уважение традиций своей страны, гордость за историю своей страны. Бу-

дет ли считаться патриотом человек, который в рамках исследования декларирует, например, только любовь к Отечеству, но у нас нет уверенности, что он подкрепляет это соответствующими действиями? Как оценить связь декларируемости с реальным поведением, то есть с патриотической деятельностью?

То же самое можно сказать и о таких отмечаемых Ю.В. Дороховой компонентах патриотизма, как знание истории государства, его атрибутики (флаг, гимн, герб) [2]. Будет ли считаться патриотом человек, если он не знает, например, текста гимна своей страны? И только ли знание атрибутики определяет патриотизм молодых людей?

Не является ли декларация любви к Родине, знание государственной атрибутики неким социально одобряемым поведением, поскольку в социуме «так принято»? Свидетельствует ли это о том, что молодежь всего лишь принимает «правила игры» и дает соответствующие ответы, которые в идеале от них хотят услышать исследователи или педагоги? Но, когда речь заходит о реальном патриотизме, то есть о необходимости совершать определенные действия на пользу государства, в ущерб своим личным интересам, поступает совсем по-другому?

А.А. Шаронов вводит такое понятие, как «патриотическая активность», которая включает в себя деятельностные компоненты: осуществление субъектом деятельности разнообразных ее видов и готовность на высоком уровне к достижению определенной цели, достойное выполнение общественного, государственного и воинского долга различными группами и категориями граждан с учетом их интересов, потребностей в основных сферах человеческой деятельности и общении [15].

Ряд исследователей [16, 17], анализируя взаимосвязь патриотизма и молодежной миграции, которая тоже рассматривается как патриотическая активность, отмечают: каждый пятый хотел бы уехать за границу по окончании обучения. Из них более 70% в качестве причины указали наличие больших возможностей для реализации своего потенциала в другой стране. 30% чувствуют себя ненужными в Российской Федерации. В случае непредвиденных неблагоприятных общественных потрясений 21.5% примут решение о выезде из России в другую страну. Таким образом, приходится констатировать, что в молодежной среде достаточно заметно проявляются миграционные установки.

Получается, что, несмотря на позиционирование себя как патриота, значительный процент молодежи хотели бы уехать не просто в другой город с более комфортными условиями жизни, но вообще за границу на постоянное место жительства.

Не лучше обстоит дело и в отношении службы в Российской армии. По мнению ряда исследователей [18–20], отношение молодежи к службе в армии в основном негативное. А.С. Бельгушева отмечает в своем исследовании, что больше половины опрошенных молодых людей негативно относятся к службе, объясняя это разными причинами – от нежелания терять целый год своей жизни до опасения дедовщины, тяжелых условий быта, физических нагрузок.

В отношении представителей молодежи, декларирующих патриотические чувства, но на деле избегающих патриотической деятельности, существует термин «прагматический патриотизм». Он означает определённый способ присоединения к большинству, который может быть выгодным по коммерческим или статусным причинам. Как правило, этот вариант патриотизма не имеет в своей основе чувства любви к Родине, установки на ее защиту [21]. Именно прагматический патриотизм и вызывает сегодня наибольшее опасение. Опыт показывает: ряд проектов по созданию патриотических организаций приводили зачастую к противоположным результатам (проект «Наши», «Молодая Гвардия»).

Среди основных компонентов патриотизма можно выделить эмоциональные компоненты и компоненты, которые касаются исключительно знаний в какой-либо области (истории государства, атрибутики), при этом они могут не согласовываться с реальным патриотическим поведением и носят сугубо декларативный характер.

Если человек высказывает свое положительное отношение, например, к государственным символам, Родине, ее истории, национальным традициям, но это не выражается в том или ином виде патриотической деятельности (служба в армии, отношение к миграции), значит, это проявление прагматичного патриотизма.

Материалы и методы

В рамках реализации Межрегионального проекта по патриотическому воспитанию детей и молодежи «Поисковики – школам» в 2021 г. было проведено исследование с целью оценки основных компонентов патриотизма молодежи Кировской области и выявления наличия или отсутствия взаимосвязи между компонентами, отражающими патриотическое отношение, и патриотической деятельностью. В качестве исследуемых компонентов были выбраны: знание истории своей страны, отношение к истории

Таблица

Распределение респондентов по возрасту

Возраст	Кол-во человек	% от общего числа
12	4	0.90
13	14	3.14
14	18	4.04
15	58	13.00
16	122	27.35
17	172	38.57
18	36	8.07
19	22	4.93

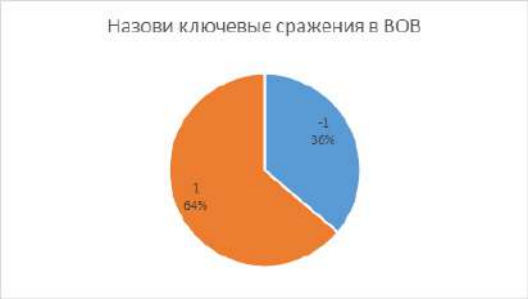


Рис. 1. Знание ключевых сражений в Великой Отечественной войне

своей страны, отношение к текущей политической ситуации, отношение к службе в армии и отношение к региональной миграции молодежи.

Учитывая опыт предыдущих исследователей [2; 16], необходимо отметить, что использование закрытых прямых вопросов по таким компонентам, как отношение респондентов к политической ситуации, к службе в армии, дает высокую вероятность получения социально одобряемых ответов, что указывает на наличие прагматического патриотизма, а не реального. В нашей анкете использовались открытые проективные вопросы [17].

Обсуждение результатов

В анкетировании молодежи приняли участие 446 учащихся образовательных учреждений Кировской области; возрастная категория молодежи – от 12 до 19 лет. По охвату в практическом исследовании приняли участие школьники различных образовательных учреждений Кировской области, включая учреждения областного центра и муниципальных образований, а именно: Вятский многопрофильный лицей г. Вятские Поляны Кировской области, Кировское областное государственное общеобразовательное бюджетное учреждение «Средняя школа пгт. Оричи» Оричевского района Кировской области, муниципальное общеобразовательное автономное учреждение «Лицей информационных технологий № 28» города Кирова, Кировское областное государственное профессиональное образовательное бюджетное учреждение «Кировский авиационный техникум» (табл.).

Первый вопрос, оцениваемый в ходе данного исследования: *знание истории своей страны,* которое чаще всего передается на уроках в школах, на различных патриотических мероприятиях.

Одним из ключевых этапов в истории нашей страны, продолжающих влиять на патриотические настроения молодежи, является Великая Отечественная война (далее – ВОВ). К сожалению, всё меньше остается очевидцев, которые могут честно рассказать молодежи о том времени, поэтому восприятие военного времени у молодежи формируется за счет фильмов, различного рода акций патриотической направленности, рассказов в семьях о родственниках, непосредственно участвовавших в ВОВ.

В ходе исследования знания оценивались по ответам на вопрос: «Назови 3 ключевых сражения Великой Отечественной войны».

По результатам анкетирования все ответы объединены в две группы: 1 – те, кто смог назвать правильно; –1 – те, кто не смог назвать или назвал неправильно (например, встречались ответы – Куликовская битва, Невская битва и т.д.). Здесь и далее оценка «–1» рассматривается как негативный показатель патриотизма. Распределение групп ответов представлено на рис. 1.

Отношение к истории и к текущему состоянию страны. В большинстве случаев у молодежи выражена социальная установка, сформированная социальным окружением, СМИ, Интернетом. Данное отношение разбивалось на две составляющие: отношение к истории своей страны и отношение к текущему положению своей страны.

Рис. 2. Распределение ответов по ассоциации с термином «Великая Отечественная война»

Рис. 3. Распределение групп ответов на вопрос «Чтобы ты хотел исправить в жизни нашей страны, если бы у тебя появилась такая возможность?»

Отношение к истории своей страны. Эмоциональное отношение оценивалось вопросом: «С чем у тебя ассоциируется термин Великая Отечественная война?»

Полученные ответы объединены в 3 группы:

• –1 – у респондентов доминируют негативные ассоциации: боль, много смертей, трагедия, потеря близких и т.д.;

• 1 – у респондентов доминируют положительные ассоциации: победа, гордость за страну, гордость за наших дедов, «праздник со слезами на глазах»;

• 0 – те, кто не смог ответить на данный вопрос, или названные ассоциации являются смешанными.

Распределение групп ответов представлено на рисунке 2.

Отношение к текущему положению своей страны. Оценивалось следующим вопросом: «Что бы ты хотел исправить в жизни нашей страны, если бы у тебя появилась такая возможность?»

Полученные ответы объединены в 3 группы:

• 1 – экономические (повысить зарплаты, пенсии, больше рабочих мест и т.д);

• 0 – нейтральные, (отменить прививки, QR-коды и т.д.);

• –1 – политические (поменять руководство и т.д.).

Распределение групп ответов представлено на рисунке 3.

Отношение к службе в армии и миграции, которые в большей степени могут быть связаны с объективными причинами, например, состояние рынка труда в регионе проживания (в плане миграции) или потребность в обучении и развитии без потери года на службу в армии, состояние здоровья.

Отношение к службе в армии. Оценивалось следующим вопросом: «Согласен ли ты, что те, кто пытаются «откосить от армии», могут иметь для этого веские основания? Если да, то, например, какие?».

Полученные ответы объединены в 3 группы:

• 1 – безусловно несогласные с данным утверждением;

• 0 – согласные, но называющие веские причины (проблемы со здоровьем, рождение ребенка, необходимость ухаживать за больным родственником);

–1 – согласные, но называющие такие причины, как бессмысленная потеря года жизни, когда хочется не служить, а учиться; некоторые респонденты считают, что должна быть возможность идти в армию только по желанию, и др.

Распределение групп ответов представлено на рисунке 4.

Отношение к миграции с малой родины. Оценивалось следующим вопросом: «В настоящее

Рис. 4. Распределение групп ответов отношения к желающим уклониться от службы в армии

Рис. 5. Распределение групп ответов отношения к миграции из Кировской области

время в СМИ много информации о том, что, по мнению многих молодых людей, в Кировской области мало перспектив для обучения, профессионального развития, карьеры и т.д. Ты согласен с ними? Почему?».

Полученные ответы объединены в 3 группы:

• 1 – безусловно несогласные с данным вопросом, поясняющие, что при желании и в Кировской области можно добиться много, что в Кировской области достаточно серьезных учебных заведений, предприятий, где можно сделать карьеру;

• 0 – затрудняющиеся с ответом;

• –1 – согласные, объясняющие свою позицию рядом объективных причин (мало бюджетных мест в вузах, ограничен выбор вариантов обучения в вузах по сравнению с другими городами, в Кировской области мало серьезных предприятий, поэтому нет перспектив для карьеры).

Распределение групп ответов представлено на рисунке 5.

В опросе еще оценивался охват мероприятий, влияющий на восприятие ВОВ: «Опиши кратко мероприятия, связанные с ВОВ, в которых ты участвовал (оценивается, какой процент молодежи охвачен данными мероприятиями). Какие мероприятия являются наиболее значимыми в плане формирования патриотизма?»

Полученные ответы объединены в 3 группы:

• –1 – не смог назвать подобные мероприятия, то есть либо не участвовал, либо не считает их значимыми;

• 0 – называет мероприятия, где, как правило, принимал пассивное участие («Свеча Памяти», концерты, посвященные 9 Мая, встреча с ветеранами, посещение выставок);

• 1 – называет мероприятия, где принимал активное участие («Вахта Памяти», «Уроки мужества», различные тематические мероприятия).

Распределение групп ответов представлено на рисунке 6.

Этот показатель отличается от результатов исследования Б.А. Дейча, который отмечает, что по результатам опроса только каждый пятый принимал участие в патриотических мероприятиях. 35.4% на соответствующий вопрос ответили – «ничего не знаю о таких мероприятиях», «слышал, но не участвовал» – 43.6 [23]. Отчасти это связано с формулировкой вопроса о непосредственном участии в мероприятиях патриотической направленности. В то же время не все посчитали нужным отнести к их числу такие мероприятия, как «Свеча Памяти», «Бессмертный полк», встречи с ветеранами, которые, по сути, тоже играют огромную роль в патриотическом воспитании молодежи.

Респондентам предложили также ответить на вопрос: «Участвовали ли твои родственники в Великой Отечественной войне, в каком подразделении, на каком фронте, в каких родах войск?»

Ответ на данный вопрос косвенно указывает, в какой степени в семье респондента обсуждают тему ВОВ, участие в ней членов семьи. Степень

Рис. 6. Распределение групп ответов по участию в мероприятиях, связанных с Великой Отечественной войной

Рис. 7. Распределение групп ответов на вопрос «Участвовали ли твои родственники в Великой Отечественной войне, в каком подразделении, фронте, родах войск?»

детализации – показатель того, что в данной семье гордятся участием члена семьи в ВОВ, чтут о нем память и стараются передать ее следующему поколению.

Полученные ответы объединены в 3 группы:

• –1 – респондент не смог ответить на вопрос либо не знает, участвовал ли кто-то из родственников в ВОВ;

• 0 – смогли сказать, что «да, участвовали», но больше никакой информации сообщить не смогли;

• 1 – знают не только о том, что их родственник участвовал, но смогли дать еще дополнительную информацию: род войск, участок фронта, звание и др. подробности.

Распределение групп ответов представлено на рисунке 7.

Опросы показали, что наиболее проблемным компонентом патриотизма является компонент, связанный с миграционными настроениями среди молодежи, что согласуется с результатами других исследователей [16; 17]. С обоснованностью миграции согласны 53% респондентов. В большинстве своем, по мнению Л.В. Рожковой, это представители прагматичного патриотизма, которые если и предпочитают любить свою Родину, то «в более комфортных условиях».

При сопоставлении ответов респондентов об участии в мероприятиях, связанных с Великой Отечественной войной, и ответов, связанных с отношением к миграции, выяснилось: чем активнее респондент участвует в данных мероприятиях, тем меньше у него причин для миграции из своего региона. Это подтверждается критерием хи-квадрат Пирсона 12.33 при хи-квадрат критическом 9.48.

По мнению ряда исследователей [24, 25, 18], причины миграции в первую очередь кроются в ряде социально-экономических факторов, когда молодой человек стремится самореализоваться в более комфортных для него социально-экономических условиях: поступить в более престижное учебное заведение, в более крупном городе, получать достойную заработную плату и сделать карьеру (это тоже легче осуществить в крупном городе). На основании такого отношения у него формируется миграционная установка [24], поэтому другие варианты самореализации не рассматриваются. Молодой человек, не имеющий такой установки, использует для самореализации в том числе мероприятия патриотической направленности, стремление к миграции у него если и есть, то менее актуальное.

Определенную связь можно проследить и в ответах на вопросы об отношении к текущему

положению дел в стране и об отношении к службе в армии. Если респондент в первую очередь хочет изменить экономическую составляющую страны, то у него больше причин, чтобы не идти в армию. Это подтверждается критерием хи-квадрат Пирсона 9.90 при хи-квадрат критическом 9.48. Армия, по их мнению, не способствует достижению своих личных целей.

Уже много лет ведется работа по развитию предпринимательской среды для молодежи. С одной стороны, это неплохо: повышается активность, самозанятость, молодые люди начинают более уверенно смотреть в будущее, но когда человека учат, что прибыль и собственное благосостояние – превыше всего и это признак успешного человека, естественной становится мысль, что служба в армии и защита Родины – это те аспекты, которых желательно избегать. Выстраивается такая логическая цепочка: отправляясь в армию, не только теряешь целый год и не получаешь особой личной выгоды, но там еще могут и убить или покалечить. Доводы о том, что ты являешься частью большой страны, условия жизни в которой дают возможность развиваться, в том числе и экономически, молодым человеком не рассматриваются.

Интересно отметить, что респонденты, недовольные политической ситуацией в стране, менее склонны к уклонению от армейской службы и осознают ее значимость. Данная группа молодежи явно противопоставляет себя «народу», который живет в бедности и разрухе, в то время как «власть» становится обладателем предметов роскоши, элитного жилья, дорогих машин и др. Прямыми отрицательными эмоциями, выражающими негатив, является детализированный образ власти («чиновники», «богатые») и лозунги: «нет свободы», «поменять правительство» и др.

Отмечается прямая корреляция между ассоциацией ВОВ и отношением к желающим уклониться от службы в армии: чем больше гордость за победу в ВОВ, тем менее согласен респондент с позицией желающих уклониться от службы в армии, и наоборот, чем больше негативных ассоциаций, связанных с ВОВ, тем больше согласен респондент с желающими уклониться от армии. Коэффициент корреляции Пирсона 0.29, t-критерий Стьюдента 2.32 при t критическом 1.97.

Такая ассоциация формируется с помощью СМИ, фильмов о войне, на уроках истории, при общении со значимыми людьми (родственниками, друзьями, знакомыми). В первую очередь можно вспомнить такие фильмы, как «Штрафбат», «Цитадель», «Сталинград» (2013), «Ржев» (2016).

В качестве отрицательного момента можно отметить влияние различных «историков», типа В.Б. Резуна, М.С. Солонина, которые на первый план выдвигают негативные факты о ВОВ, зачастую их преувеличивая.

С одной стороны, нельзя отрицать, что победа в ВОВ нашей стране далась очень дорогой ценой, но, с другой стороны, когда в СМИ доминируют именно негативные факты, молодым людям, не обладающим достаточным жизненным опытом, сложно провести комплексный и системный анализ, оценить причины и последствия тех или иных негативных моментов, осознать, что одни только поражения и «заваливание трупами» не могли бы привести к окончательной победе. Всю негативную информацию молодой человек экстраполирует на современность, ожидает от своей потенциальной службы в армии такой же сложной ситуации и в итоге старается избегать такой перспективы для себя.

Именно в связи с этим становится важным, чтобы в восприятии молодежью ВОВ доминировали в первую очередь положительные моменты: гордость за свою страну, своих дедов и прадедов. И такого результата можно достичь не только путем создания новых фильмов, но и с помощью различных мероприятий патриотической направленности.

Коэффициент корреляции между участием в мероприятиях, посвященных ВОВ, и отношением к желающим уклониться от службы в армии тоже является значимым. Чем более активно респондент участвует в мероприятиях, связанных с ВОВ, тем меньше он согласен с желающими уклониться от армии, и наоборот. Коэффициент корреляции Пирсона 0.15, t-критерий Стьюдента 2.26 при t критическом 1.97.

В настоящее время многие мероприятия патриотической направленности – «Свеча Памяти», «Бессмертный полк», посещение выставок, митингов в честь 9 Мая – носят пассивный характер: кто-то организовал, а молодому человеку объяснили, что он должен делать, поэтому он участвует в акции в силу некоей традиции. При этом подобные мероприятия приносят определенную пользу, формируя патриотическое отношение к истории своей страны и, как результат, к самой стране.

Но еще больший эффект дают мероприятия, где молодежь участвует активно – «Вахты Памяти», различные исторические исследования на тему ВОВ. Здесь для достижения определенной цели, например занимаясь поиском останков погибших бойцов, подготовкой логически связанного выступления, участник должен осознать, осмыслить то, что происходило или происходит, необходимо поставить себя на место

участников тех событий. И только в этом случае у него сформируется устойчивость к различным манипулятивным воздействиям, цель которых – принизить подвиг наших предков. Молодой человек, напротив, воспримет необходимый для государства «шаблон поведения», согласно которому защита Родины является жизненной необходимостью.

Формирование гражданина – патриота своей Родины становится эффективнее, если оно ведется не только органами государственной власти и/или местного самоуправления и не только напрямую учителями или педагогическими работниками, а различными профильными общественными организациями, профессионалами, с привлечением представителей более старшей, обученной и заинтересованной молодежи (молодежь – члены/участники патриотических общественных организаций). Особо ценным является углубленное осмысление молодежью того, что происходит или происходило в стране, обществе. Наиболее важным и обязательным субъектом данного процесса является опытный наставник, обладающий знаниями, умениями и навыками. На мероприятиях у молодого поколения происходит осознание своей ценности для Родины, обучающийся делает соответствующие выводы и готовится к служению своему Отечеству.

Важным является активное вовлечение в данный процесс институтов гражданского общества и поддержка со стороны государства и различных внебюджетных фондов. Очень важна своевременная и систематическая поддержка различных инициатив, направленных на патриотическое воспитание, которые осуществляются, например, в рамках федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», всероссийских конкурсов молодежных проектов ФАДМ «Росмолодежь», конкурса Фонда президентских грантов.

Только в том случае, когда наряду с формированием патриотического отношения появляются возможность и стимулы для патриотической деятельности, молодой человек становится реальным, а не прагматичным патриотом.

Заключение

Разработана и предложена система оценки уровня патриотизма на основе проективных вопросов, позволяющая разграничивать респондентов с прагматичным и реальным патриотизмом. Уровень прагматичного патриотизма в рассматриваемый период на примере молодёжи Кировской области оценивается как высокий. Показательным является отношение респондентов к вопросу миграции, где уровень прагматичного патриотизма равен 53%, а по отношению к вопросу о службе в Вооружённых силах Российской Федерации равен 38%. Результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти для планирования социально-экономической стратегии развития региона.

Список литературы

1. Гуляева Л.В., Ефимова Г.З. Сравнительное исследование патриотических ориентаций молодежи: региональная специфика // Siberian Socium. 2018. № 1. С. 53–57.

2. Дорохова Ю.В., Ермолаева О.А., Филатова Е.К. Формирование патриотизма в молодежной среде (на материалах социологических исследований в г. Орле) // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 4 (34). С. 7–17.

3. Пузанова Ж.В., Ларина Т.И. Патриотическое воспитание молодежи в России: проблемы, мнения, экспертные оценки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2017. № 1. С. 25–37.

4. Егоров И.В., Наумова Д.В. Индивидуально-психологические характеристики студенческой молодежи со схожими аттитюдами патриотизма: кросскультурный аспект // Актуальные проблемы психологического знания. 2020. № 1-2 (53). С. 13–33.

5. Габдрахманов Н.К. Молодежная миграция как индикатор региональной аттрактивности // Географический вестник. 2020. № 1 (52). С. 96–107.

6. Козлов А.А. Страсти по патриотизму // Челябинский гуманитарий. 2016. № 2 (35). С. 138–141.

7. Паначев В.Д., Морозов Д.П., Скаковец И.С. Отношение студентов и курсантов к военно-патриотическому воспитанию на примерах героев Великой Отечественной войны // Наука. 2020. № 9 (45). С. 94–104.

8. Савкин Н.С. Философия патриотизма: патриотизм мнимый, показной и подлинный // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2018. № 2 (42). С. 1978–204.

9. Пионтковский В.В. Патриотическое воспитание учащейся молодежи в условиях регионального образования: Дис. … д-ра пед. наук. Якутск, 2006. 226 с.

10. Крупник А.А. Патриотизм в системе гражданских ценностей общества и его формирование в воинской среде: Дис. … канд. философ. наук. М., 1995. 196 с.

11. Калекин А.А. Патриотическое воспитание курсантов военного вуза на основе культурологического подхода: Дис. … канд. пед. наук. Майкоп, 2020. 292 с.

12. Пронина М.А. Правовая культура и идеи патриотизма в современной России: теоретико-правовое исследование: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. 199 с.

13. Резаков М.Р. Патриотизм как фактор политической жизни современной России: Дис. … канд. полит. наук. Пятигорск, 2018. 215 с.

14. Кузьмин А.В., Трифонов Ю.Н. О структуре патриотизма // Ученые записки Тамбовского отделения РОСМУ. 2016. № 6. С. 52–71.

15. Шаронов А.А. Анализ взглядов на понятия «патриотизм» и «активность» // Мир науки. 2016. № 4. С. 33.

16. Рожкова Л.В., Дубинина А.Ш., Влазнева С.А., Сальникова О.В. Патриотизм и эмиграционные установки молодежи в современных условиях // Человек, общество, инклюзия. 2020. № 2 (42). С. 17–27.

17. Титов В.В., Самохвалов Н.А. Анализ социально-политических ценностей молодежи на современном этапе развития российского общества // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. № 1 (26). С. 51–54.

18. Баранов А.А. Отношение молодежи к службе в армии как показатель устойчивости государства // Теория и практика современной науки: Сборник статей V Международной научно-практической конференции. Пенза, 2021. С. 228–231.

19. Бельгушева А.С. Отношение молодежи к службе в армии // Проблемы современной науки и инновации. 2017. № 5. С. 36–40.

20. Золотарев П.В. Отношение молодежи к воинской обязанности // Эволюция российского права: Материалы XVII Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Уральский государственный юридический университет, 2019. С. 53–56.

21. Селиверстова Н.А., Курганская М.Я. Патриотизм // Социология молодежи. Электронная энциклопедия / Под ред. В.А. Лукова: [сайт]. URL: http://soc-mol.ru/encyclopaedia/youth/374-patriotizm.html (дата обращения: 02.01.2022).

22. Иванова С. Искусство подбора персонала. Как оценить человека за час. М.: Альпина Паблишер, 2016. 272 с.

23. Дейч Б.А., Чельцов М.В. Мероприятия гражданско-патриотической направленности как форма патриотического воспитания: оценка результативности // Сибирский педагогический журнал. 2019. № 6. С. 22–23.

24. Арбуз А.В., Широколобова О.С. Молодежная миграция в условиях регионального рынка труда (на материалах Омской области) // Siberian Socium. 2017. № 2. С. 61–71.

25. Ананичева С.Р. Миграционные процессы в молодежной среде // Ученые заметки ТОГУ. 2018. № 3. С. 1421–1425.

ASSESSMENT OF THE LEVEL OF PRAGMATIC PATRIOTISM AMONG THE YOUTH OF THE KIROV REGION

V.F. Komlev[1], Y.A. Balyberdin[2], M.A. Smirnov[3], A.P. Morzunov[4]

[1]The Volga-Vyatka Institute (branch) Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law Academy)
2. Kirov Regional Museum of Local Lore
[3]Vyatka State University; Volga-Vyatka Institute (branch) of the University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law Academy)
[4]Novgorod region. Demyansk village Chairman of the NOO "Search team "Nakhodka"

The problem of assessing the level of patriotism of the youth of the Kirov region is considered. The time frame of the study, including the period of a practical experiment in the form of a survey of students of educational institutions of the Kirov region, is 2021. A detailed analysis of existing methods for assessing the level of youth patriotism is given. A number of researchers make an attempt to assess the level of youth patriotism using direct questions on declared indicators (does a person consider himself a patriot, love for the Motherland, respect for traditions, attitude towards the Motherland, etc.), which may not be related to the actual behavior of the respondents (willingness to serve in the army and defend their homeland, migration from their region to more prosperous ones, etc.). On the one hand, this leads to a significant discrepancy between the declared attitude to patriotism and real behavior, on the other hand, it can lead to erroneous conclusions about a fairly high level of youth patriotism and, as a result, a decrease in the number of measures to form it. In this regard, a number of authors, distinguish patriotic activity, that is, real actions in which patriotism is expressed, and pragmatic (or declared patriotism), not confirmed by real actions. V.V. Piontkovsky notes that the contradiction between the desired result of achieving the effectiveness of patriotic education and the real unsatisfactory results is an acute problem of the period under review. It is explained by the lack of a system of work, the episodic organization of patriotic education: holding events on the eve of public holidays, inspections of higher authorities, and the state and society often show indifference to such phenomena. Based on this approach, an assessment was made of the level of pragmatic and real patriotism of the youth of the Kirov region in the period under review. Interrelations between various components of patriotism are revealed: attitude to the Great Patriotic War, attitude to military service, attitude to migration from a small homeland. An indirect assessment of the effectiveness of measures aimed at the patriotic education of youth was carried out. The ways of increasing the level of real patriotism are proposed.

Keywords: pragmatic patriotism, migration, social attitude, attitude towards military service, patriotic education, patriotic activity, patriotic attitude, patriotic consciousness.

УДК 316.34/.422/.44:316.346.36
DOI 10.52452/18115942_2023_1_165

К ПРОБЛЕМЕ РИСКОВ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА В ПОКОЛЕНЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

© 2023 г.

Л.Г. Лебедева

Лебедева Людмила Геннадьевна, старший преподаватель кафедры социологии и психологии Самарского государственного экономического университета
ludleb@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.10.2022
Статья принята к публикации 20.01.2023

Те или иные риски цифрового неравенства разных слоёв и групп населения, в частности риски цифрового неравенства между возрастно-поколенческими группами, становятся всё более актуальными. В современных российских условиях указанная проблема способствует усилению травмированного состояния общества в связи с неадаптированностью больших масс людей к дигитализации общественной жизни. Люди старших и младших поколений проявляют заметно различающиеся уровни адаптивности и активности в приобщении к интернет-технологиям, в использовании этих технологий в профессиональной и повседневно-бытовой сферах. Своеобразный возрастной рубеж, когда резко уменьшается доля респондентов, которые владеют компьютером, хорошо и часто пользуются им, – возраст 35 лет и старше. Особенно заметно возрастает доля тех, кто практически не владеет компьютером, в возрасте от 45 лет, а в возрасте от 55 лет таковых более половины. Однако потребности людей и общества в отношении компьютерной грамотности и включения людей в цифровую жизнь всё более возрастают. Это касается повышения и использования ресурсности людей любого возраста. Важно осуществлять адресные меры и программы, способствующие уменьшению (преодолению) излишней стратификации между людьми, в том числе и разрыва поколений в области владения цифровыми технологиями.

Ключевые слова: поколения, цифровое неравенство, виртуальные риски, компьютерная грамотность, интернет-технологии, социализация, молодёжь, цифровые компетенции, виртуальное пространство, Интернет.

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий дает основание прогнозировать, что в недалеком будущем эти технологии станут инструментом получения знания практически в любой сфере и что цифровые компетенции станут универсальной частью профессиональной компетентности [1, с. 166]. Но в одинаковой ли мере способны и мотивированы люди старших и младших поколений (речь о массах, а не отдельных индивидах) осваивать и применять всё новые и новые цифровые технологии (средства и программы) в профессиональной и в повседневно-бытовой сферах? И не становится ли процесс дигитализации (цифровизации) общества основой для масштабных рисков цифрового неравенства в поколенческом аспекте и даже для конфликта поколений?!

Исследования показывают, что существуют разные типы и уровни адаптивности и активности поведения населения в использовании интернет-технологий, соответственно, разные «страты цифрового неравенства» [2, с. 75]. Актуальными становятся те или иные риски цифрового неравенства разных слоёв и групп населения, в частности риски цифрового неравенства между возрастно-поколенческими группами. В современных российских условиях указанная проблема становится одной из составных частей, граней травмированного состояния общества (и способствует усилению этого состояния) в связи с неадаптированностью больших масс людей к дигитализации общественной жизни.

Теоретические предпосылки исследования рисков цифрового неравенства в поколенческом аспекте

О непростых проблемах и последствиях информационной эпохи говорилось многими исследователями ещё во второй половине XX в., в частности в фундаментальных работах Э. Тоффлера «Шок будущего» («Future Shock») [3] и М. Кастельса «Информационная эпоха» («The Information Age») [4]. По оценке Э. Тоффлера, темп изменений настолько ошеломляющ, что даже несколько лет разницы в возрасте дают большие различия в жизненном опыте человека [3, с. 319]. Увеличивающийся информационный поток особенно трудно осваивать старшему поколению.

Обобщая выводы из анализа проблем информационной эпохи («осмысливая наш мир»), М. Кастельс в том числе подчеркнул, что существует экстраординарный разрыв между нашей

технологической переразвитостью и нашей социальной недоразвитостью [4, с. 513]. Этот разрыв имеет много аспектов, один из которых связан с неодинаковым опытом развития и различными возможностями поколений.

Обычно проблема активного использования компьютерных технологий и интернет-сетей рассматривается применительно к молодёжи с подчёркиванием отставания в этом отношении представителей старших поколений – в духе разрыва поколений в IT-сфере (сфере информационных технологий). В частности, говорится о «цифровом» поколении [5], поколении Z [6], даже об особом «поколении онлайн» [7]. Используется и название «цифровые аборигены» информационных социальных сетей [8; 9].

Вовсе не случайно обсуждаются риски осложнения взаимоотношений между поколениями, связанные с их цифровым неравенством, с разной степенью их участия в виртуальном пространстве (киберпространстве) [10; 11]. В том числе обсуждаются особенные проблемы и потребности людей «третьего» (пенсионного) возраста во взаимоотношениях с компьютерными технологиями и виртуальным пространством [12].

Можно отметить, что некоторые вопросы, связанные с использованием компьютерных технологий и интернет-сетей (в поколенческом аспекте), лежат на «поверхности», более или менее очевидны. Однако остаются актуальными вопросы, насколько велик отмечаемый разрыв поколений в использовании компьютерных технологий и интернет-сетей. Соответственно, насколько велики риски цифрового неравенства в поколенческом аспекте? А вместе с этим, каковы конкретные проблемы и «что делать» с учётом указанных проблем?

Есть и более фундаментальные вопросы методологического характера. В частности, речь об институциональной роли виртуального пространства, особенно по отношению к новым поколениям, к подросткам и молодёжи. Исследователями сделаны выводы об институциональности виртуального пространства и о высокой степени отклонения культурных моделей и поведенческих практик от исходных моделей индивидов в результате их взаимодействия в сети Интернет [13, с. 84, 85]. По сути, виртуальная среда стала своеобразным конкурентом (и отчасти «заменителем») реальной социальной среды [9]. И в этой новой (виртуальной) социальной среде проявляют себя законы социальной стратификации, аналогичные реальной социальной среде, но с особой ролью образования, информации и знания [9, с. 83]. Виртуальная среда по-своему влияет и на социальную идентификацию вовлечённых в неё индивидов и групп, особенно молодёжи.

Меняется и сама социальная реальность (происходят её метаморфозы) под влиянием цифровизации социума, и в этой («первой») социальной среде проявляют себя определённые риски, в частности для молодёжи [14]. Виртуальная среда (в качестве социального института) может навязывать свои определённые порядки и образ мышления и поведения.

Происходят не просто изменения в мире (и изменение мира). Происходит «метаморфоза мира», как это подчеркнул Ульрих Бек, – так называется и его книга (The Metamorphosis of the World) [15]. При этом подразумевается, что «при изменении» что-то меняется, но что-то остаётся неизменным. А «при метаморфозе» старые определённости, свойства общества отпадают и возникает нечто совершенно новое [15, с. 2–3]. В этом отношении справедливо говорится не просто о цифровизации общества, а о «цифровом существовании» человека, человеческого общества [16].

В результате изменений – метаморфоз мира (социума) возникают противоречия (разнообразные и трудноразрешимые) между виртуальной средой (со своим новым «информационно-сетевым» порядком) и реальной общественной средой в целом (со своими традиционными порядками) [11, с. 149].

Происходящие изменения – метаморфозы социума касаются и такого аспекта, находящегося в центре проблемы преемственности поколений, как социализация личности. По оценке У. Бека, молодые поколения уже рождаются как «цифровые сущности», то есть для молодых поколений цифровизация жизни происходит в самом начале социализации, в отличие от старших поколений; а это обстоятельство влияет и на взаимоотношения поколений (в том числе в центробежном духе) [15, с. 188, 189, 191].

Но если цифровизация действительно так глубоко влияет на социум (а приходится согласиться, что это, в принципе, именно так), необходимы и новые подходы к сути происходящих метаморфоз социума (включающих интенсивную цифровизацию общественной жизни) и новые представления об их последствиях, в частности, для взаимоотношений и преемственности поколений.

Эмпирическая основа и методы исследования

При рассмотрении поставленной в статье проблемы и конкретных вопросов используются общенаучные методы, прежде всего класси-

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы владеете работой на компьютере?» (можно дать несколько ответов), % ответов от числа респондентов

№ п/п	Варианты ответов	Всего	Группы по возрасту (полных лет)					
		16–69, *N*=620	16–19, *n*=100	20–24, *n*=102	25–34, *n*=100	35–44, *n*=105	45–54, *n*=106	55–69, *n*=107
1	Владею компьютером хорошо и часто пользуюсь им	38.7	**44.0**	**52.0**	**58.0**	37.1	31.1	12.1
2	Все учебные/рабочие задания для компьютера выполняю успешно	21.8	**27.0**	**36.3**	**26.0**	13.3	**24.5**	4.7
3	Владею компьютером хорошо, часто «сижу» в Интернете	22.3	**37.0**	**26.5**	21.0	**22.9**	17.0	10.3
4	Владею компьютером хорошо, но редко пользуюсь им	11.8	7.0	7.8	7.0	**22.9**	15.1	10.3
5	Владею компьютером хорошо, использую в предпринимательстве	6.1	5.0	2.9	2.0	**11.4**	8.5	6.5
6	Практически не владею компьютером	17.6	7.0	2.9	2.0	7.6	**30.2**	**53.3**
7	Другое	3.1	1.0	1.0	4.0	1.9	2.8	7.5
Итого*		121.4	128.0	129.4	120.0	117.1	129.2	104.7

* Примечание: сумма ответов (итого) составляет больше 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

фикации и анализа применительно к социологическим материалам. Основное внимание уделено анализу данных анкетного опроса под руководством автора статьи[1]. Материалы опроса проанализированы в русле темы статьи применительно к шести возрастно-поколенческим группам, представляющим младшие, средние и старшие поколения. Что показывают социологические материалы, какова конкретика в отношении неравенства или «разрыва» поколений в использовании компьютерных технологий и интернет-сетей?

Материалы и результаты

Прежде всего, в какой мере пользуются компьютерными технологиями представители тех или иных возрастно-поколенческих групп (табл. 1)?

Выше среднего показателя (по всей выборке) доля ответов «Владею компьютером хорошо и часто пользуюсь им» в возрастных группах 16–19 лет (44.0%), 20–24 (52.0%) и 25–34 лет (58.0%).

По доле ответов «Практически не владею компьютером» явно выделяются возрастные группы 45–54 лет (30.2%) и 55–69 лет (53.3%).

Социологическими данными подтверждается, что, с одной стороны, у старшей возрастной группы процессы освоения цифровых технологий протекают труднее и медленнее, чем у более молодых, с другой стороны, «третий возраст» (старшее поколение) «вовлекается во все коллизии цифрового мира» [17, с. 46].

Наименьшие доли ответов «Практически не владею компьютером» явно у возрастных групп 20–24 лет (2.9%) и 25–34 лет (2.0%). Видимо, в этих возрастных группах сказывается большое внимание компьютерной подготовке в учебных заведениях, особенно в высших учебных заведениях.

По пункту «Владею компьютером хорошо, но редко пользуюсь им» респонденты от 35 до 69 лет показывают результаты опроса либо практически на уровне средних, либо существенно выше средних данных. Соответственно, имеется большой потенциал для перехода большой части людей возрастных групп старше 35 лет из категории «пассивных коммуникаторов» в категорию «активных коммуникаторов» – пользователей компьютерными технологиями.

Важное значение приобретает проблема приспособленности представителей разных групп к современным условиям жизни благодаря цифровым технологиям. Сопряжение ответов на вопросы о степени владения компьютером и об оценках приспособленности (достаточной или недостаточной) к современным условиям жизни показывает следующую картину (табл. 2).

Среди владеющих компьютером хорошо доли тех, кто оценил уровень своей приспособленности к современным условиям жизни как более или менее достаточный, по возрастным группам весьма различаются – наибольшие доли (подавляющее большинство ответов) у младших возрастных групп (16–34 лет), средние

Таблица 2

Сопряжение ответов о владении компьютером и ответов о приспособленности к современным условиям жизни, % ответов от числа респондентов

Степень владения компьютером	Вы считаете себя достаточно или недостаточно приспособленным(ой) к современным условиям жизни в нашей стране?	Всего	Группы по возрасту					
		16–69, *N*=620	16–19, *n*=100	20–24, *n*=102	25–34, *n*=100	35–44, *n*=105	45–54, *n*=106	55–69, *n*=107
Владею компьютером хорошо	1. Да, вполне достаточно	**29.0**	**31.0**	**36.3**	**48.0**	**34.3**	19.8	6.5
	2. В основном, да, достаточно	**42.7**	**53.0**	**65.7**	**39.0**	**39.0**	**38.7**	22.4
	3. Пожалуй, нет, недостаточно	16.5	13.0	14.7	17.0	14.3	**25.5**	14.0
	4. Нет, совершенно недостаточно	3.4	4.0	1.0	4.0	7.6	3.8	0.0
	5. Затрудняюсь ответить	9.4	21.0	7.8	6.0	12.4	8.5	0.9
Практически не владею компьютером	1. Да, вполне достаточно	3.2	1.0	0.0	2.0	1.9	9.4	4.7
	2. В основном, да, достаточно	9.4	4.0	2.0	3.0	4.8	**13.2**	**28.0**
	3. Пожалуй, нет, недостаточно	4.0	0.0	2.0	0.0	1.0	4.7	**15.9**
	4. Нет, совершенно недостаточно	1.8	2.0	0.0	0.0	0.0	0.9	**7.5**
	5. Затрудняюсь ответить	2.3	1.0	0.0	1.0	1.9	4.7	4.7
Итого*		121.7	130.0	129.5	120.0	117.2	129.2	104.6

* Примечание: сумма ответов (итого) составляет больше 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов

Таблица 3

Ответы на вопрос: «Какими мессенджерами из перечисленных Вы пользовались за последнюю неделю?» (можно дать несколько ответов), % ответов от числа респондентов

№ п/п	Варианты ответов	Всего	Группы по возрасту (полных лет)					
		16–69, *N*=620	16–19, *n*=100	20–24, *n*=102	25–34, *n*=100	35–44, *n*=105	45–54, *n*=106	55–69, *n*=107
1	Viber	**58.1**	**48.0**	**67.6**	**73.0**	**66.7**	**60.4**	33.6
2	WhatsApp	**52.7**	**59.0**	**68.6**	**70.0**	**44.8**	**50.9**	25.2
3	Telegram	**26.5**	**37.0**	**51.0**	**31.0**	12.4	18.9	10.3
4	Facebook Messenger	7.3	4.0	5.9	5.0	12.4	12.3	3.7
5	ICQ	1.8	1.0	2.0	1.0	1.0	1.9	3.7
6	Другими (OpenValueTxt, DisableReordering, AlwaysVisible ...)	4.5	6.0	6.9	4.0	2.9	2.8	4.7
7	Никакими из перечисленных	19.8	9.0	8.8	5.0	16.2	**27.4**	**50.5**
Итого*		170.7	164.0	210.8	189.0	156.4	174.6	131.7

* Примечание: сумма ответов (итого) составляет больше 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

доли (но большинство ответов) у средних возрастных групп (35–54 лет) и наименьшие доли (меньше половины ответов) у старшей возрастной группы (55–69 лет). Из этого можно сделать вывод, что уровень приспособленности к современным условиям жизни можно связывать, если не исключительно, то в существенно значительной мере, именно с хорошим владением компьютером.

Можно обратить внимание и на то, что среди практически не владеющих компьютером в старшей возрастной группе заметно высока доля тех, кто оценил уровень своей приспособленности к современным условиям жизни как в основном достаточный (28% ответов от числа респондентов). Это естественно, так как значительная часть этих людей находится на пенсии и не связана трудовыми отношениями (и, соответственно, не связана с потребностью использовать компьютерные технологии в работе). К тому же среди этой части людей работающие заняты в таких трудовых процессах, которые не требуют использования компьютерных технологий.

Одним из показателей грамотности в вопросах информационно-коммуникативных технологий и активности в пользовании интернет-сетями является обращение к тем или иным конкретным мессенджерам (табл. 3).

Не пользовались никакими мессенджерами более половины респондентов (50.5%) старшей группы (55–69 лет), более четверти респондентов (27.4%) в возрастной группе 45–54 лет и лишь менее десятой части респондентов из младших групп (16–34 лет).

Таблица 4

Ответы на вопрос: «В каких социальных сетях Вы в настоящий период зарегистрированы, имеете свою страницу?» (можно дать несколько ответов), % ответов от числа респондентов и ранги

№ п/п	Варианты ответов	Всего	Группы по возрасту (полных лет)					
		16–69, *N*=620	16–19, *n*=100	20–24, *n*=102	25–34, *n*=100	35–44, *n*=105	45–54, *n*=106	55–69, *n*=107
1	«ВКонтакте»	**66.0**	**72.0**	**93.1**	**92.0**	**67.6**	**52.8**	**21.5**
2	Instagram	**48.7**	**62.0**	**84.3**	**70.0**	**40.0**	**29.2**	10.3
3	«Одноклассники.ru»	**39.8**	**30.0**	**25.5**	**33.0**	**58.1**	**57.5**	**33.6**
4	«Мой мир@Mail.ru»	21.9	**32.0**	**30.4**	17.0	17.1	21.7	14.0
5	Facebook	19.7	22.0	**40.2**	**25.0**	12.4	17.0	2.8
6	Google+	19.5	**35.0**	**37.3**	11.0	11.4	15.1	8.4
7	Twitter	16.1	19.0	**36.3**	21.0	7.6	12.3	1.9
8	Другие	1.0	4.0	1.0	0	0	0.0	0.9
9	Нигде не зарегистрирован	**14.0**	2.0	2.0	0	11.4	**19.8**	**46.7**
Итого		246.7	278.0	350.1	269.0	225.6	225.4	140.1
Коэффициенты пользования социальными сетями*		2.47	2.78	3.50	2.69	2.26	2.25	1.40

* Примечание: коэффициенты пользования социальными сетями определяются путём деления процентов от числа респондентов в строке «Итого» на 100 (%).

Наиболее популярны у респондентов всех групп Viber и WhatsApp. У младших групп к этим двум мессенджерам добавляется Telegram.

Если использовать классификацию массовых навыков населения и форм применения цифровых технологий на три уровня – базовый, средний и продвинутый [2, с. 76], то увидим, что более сложные мессенджеры, используемые преимущественно для профессиональных дел (продвинутый уровень), получили весьма немного голосов респондентов, особенно в старшей возрастной группе.

О разной степени активности возрастных групп в пользовании компьютерными технологиями говорит и факт регистрации (или отсутствия регистрации) в социальных сетях (табл. 4).

Коэффициенты пользования социальными сетями означают, к какому количеству социальных сетей в среднем имеет отношение каждый респондент. По всей выборочной совокупности респондентов такой коэффициент равен 2.47 (то есть в среднем каждый имеет отношение более чем к двум социальным сетям). Больше этой величины коэффициенты у групп респондентов 16–34 лет, а меньше – у групп 35–69 лет. Наибольший коэффициент у группы 20–24 лет, а наименьший – у группы 55–69 лет.

Наиболее активно пользуются социальными сетями младшие группы (16–34 лет), у которых и наиболее разнообразен «ассортимент» используемых социальных сетей, но особенно популярны «ВКонтакте» и Instagram. А ответ «Нигде не зарегистрирован» дали лишь 2.0% из младших групп респондентов. У средних групп (35–54 лет) наиболее популярной является сеть «ВКонтакте», но весьма популярны и сети «Одноклассники.ru» и Instagram, а ответ «Нигде не зарегистрирован» дали менее одной пятой части респондентов.

Наименее активно пользуются социальными сетями в старшей группе (55–69 лет), в которой почти половина (46.7%) выбрали ответ «Нигде не зарегистрирован». Однако и в старшей группе достаточно популярны сети «Одноклассники.ru» и «ВКонтакте».

Обсуждение

Приходится признать, что молодёжь и старшие поколения по-разному включены в виртуально-коммуникационную среду, по-разному владеют цифровыми технологиями.

Одним из последствий «метаморфоз социума» стало разделение между реальными и виртуальными взаимодействиями, отсюда проблема сосуществования реальных и виртуальных взаимодействий [18, с. 96–98]. Молодёжь в значительной мере уходит в сферу виртуальных взаимодействий, отдаляясь от старших поколений. Однако есть и другие аспекты цифровизации общества. Так, по оценке А.М. Дружинина, «интернет-коммуникации становятся условием укрепления социального взаимодействия граждан с организациями и гражданским обществом в целом» [19, с. 24].

Самые разные исследования показывают, что молодёжь можно образно назвать «аборигенами» информационно-социальных сетей [8]. А это означает, что информационно-социальные сети являются важным фактором процессов социализации молодёжи. При этом многие последствия (особенно – отдалённые) этих процессов до конца не осмыслены [20]. Среди возможных проблем (последствий) – чрезмерно высокая интенсивность использования Интернета и явная установка на гедонистические практики [20]. Например, можно опасаться, что слишком интенсивное, постоянное пребывание

молодых людей в информационных и компьютерных социальных сетях («аборигенство» в них) может уводить от учебной, трудовой вовлечённости и социальной ответственности (как вариант отчуждения от старших поколений) и направлять по пути инфантилизма, гедонистических практик и потребительского поведения (как вариант отчуждения от реальных потребностей социальной жизни).

Правда, есть основания считать, что в большей мере указанные опасения применимы лишь к периоду взросления молодёжи. А по мере социального взросления, как правило, молодые люди начинают адекватно оценивать свою социальную ответственность [21]. Молодые люди в период где-то после 25 лет отходят от состояния инфантильности и переходят в состояние взрослости.

По оценкам как российских, так и зарубежных исследователей, проблема цифрового неравенства и цифрового разрыва имеет самые разные последствия.

По мнению Яна ван Дейка (J. van Dijk), цифровой разрыв тесно связан с социальным неравенством; а одна из глав в его книге «Цифровое неравенство» даже получила название «Социальное и цифровое неравенство» [22]. По оценкам и Розалинды Рейнолдс (R. Reynolds), цифровое неравенство способствует социальному и экономическому неравенству [23, с. 137].

Вслед за некоторыми западными исследователями российские тоже признают, что «ликвидация цифрового разрыва без снижения уровня существующего социального неравенства не представляется возможной» [24, с. 163]. Иначе говоря, необходимо в комплексе решать проблемы цифрового разрыва и социального неравенства – как общесоциальные, в том числе и межпоколенческие, проблемы. То есть цифровой разрыв всё больше сводится к неравенству не в физическом доступе, а в материальном доступе – как это показали исследователи на примере такой богатой страны, как Голландия [25]. Эта проблема заслуживает внимания исследователей и политиков и в России. Речь идёт и об элементарных материальных возможностях приобретения компьютерной техники, о реальном доступе к тем или иным информационно-компьютерным сетям и о необходимых затратах времени и материально-финансовых средств на обучение компьютерным технологиям.

Заслуживает внимания предположение, что «в процессе дальнейшей цифровизации цифровой разрыв между поколениями неуклонно сокращается» [26, с. 80]. Думается, что такая возможность существует, более того, над реализацией этой возможности как раз следует потрудиться. Но учитывать надо и препятствия на данном пути.

Глубокое социальное неравенство, сопровождающееся и цифровым неравенством, способствует дезинтеграции межпоколенных связей. Вынужденные локдауны в связи с COVID-19 и перевод образования «на удалёнку» (в цифру) создали дополнительные линии социальных разделений. Происходит депривация и без того депривированных групп, прежде всего жителей малых и удалённых населённых пунктов, учащихся тех школ и вузов, где даже преподаватели недостаточно овладели компетенциями в области сетевого образования.

Обществу и государству важно поддержать стремления граждан, с учётом их потребностей и возрастных особенностей, повышать свою компьютерную компетентность. Эта задача приобретает всё большую важность, например, для реализации таких программ, как «электронное правительство» (e-government), «умный город» (smart city) [27]. Важно учитывать, что «умение подстраиваться под быстро меняющиеся квалификационные требования, в том числе в области цифровых технологий, ...становятся важными качествами, гарантирующими успех в цифровом обществе» [28, с. 138].

Государственным структурам и компаниям, общественным организациям важно более конкретно изучать как состояние компьютерной грамотности населения, так и особенные потребности разных возрастных и социальных групп населения в сфере компьютерных технологий, чтобы осуществлять адресные меры и программы, способствующие уменьшению (преодолению) излишней стратификации и разрыва в области владения цифровыми технологиями. Справедливо вести речь и о том, чтобы предупреждать, не допускать или сводить к минимуму явление вынужденного эскапизма – «выброшенности из среды коммуникации в качестве равного участника» [29, с. 11], чему могут подвергаться в первую очередь представители более старших возрастов. Более того, компьютерная грамотность и владение актуальными информационными технологиями объективно становятся необходимой составной частью сохранения и развития того, что называется «ресурсность пожилых людей» («ресурсность представителей пожилого возраста») [30]. Но это же, несомненно, касается и общей проблемы повышения и использования ресурсности людей любого возраста как важной социально-экономической проблемы.

Динамика социального развития «не носит запрограммированного характера» [31, с. 17]. Но вполне возможно объективно оценивать

проявляющиеся тенденции социального развития в разных сферах жизни общества и вырабатывать достаточно адекватные реакции на эти тенденции со стороны общественных и государственных структур. В частности, необходимо учитывать, что «цифровизация способна как углублять существующие формы неравенства, так и производить новые» [32, с. 161].

Объективно возникают некоторые новые модальности и ориентиры человеческого существования в цифровой среде, прежде всего для молодёжи [14; 16]. И может возникнуть такая новая социальная идентификация у молодёжи, которая будет существенно отличаться от идентификации старших поколений как одно из последствий цифрового неравенства поколений, их различной включённости в виртуально-коммуникационную среду. А это обстоятельство может стать источником глубоких межпоколенческих противоречий и «разрыва» поколений. Более того, указанное обстоятельство может быть, в свою очередь, одной из граней, составной частью «травматического состояния общества» – неадаптированности сознания и поведения масс людей к существенно изменившимся условиям жизни [31, с. 23]. В данном случае речь идёт о неадаптированности людей к процессам «дигитализации» общественной жизни.

Разрыв между поколениями в связи с процессом «дигитализации» («цифровизации») и утверждения «цифровой жизни» общества, в общем, является фактором возникновения некоторых элементов «конфликта поколений» (хотя и не означает какого-то масштабного именно «конфликта поколений»). Требует внимательного отношения к себе с целью минимизации как самого разрыва между поколениями в сфере «цифровой жизни», так и связанных с этим разрывом отрицательных последствий, в том числе и предотвращая масштабный «конфликт поколений».

Заключение

Социологические данные свидетельствуют, что на данном этапе люди старших и младших поколений проявляют заметно различающиеся уровни адаптивности и активности в приобщении к интернет-технологиям, в использовании этих технологий в профессиональной и повседневно-бытовой сферах. С хорошим владением компьютером, если не исключительно, то в существенной мере, можно связывать уровень приспособленности к современным условиям жизни.

Своеобразный возрастной рубеж, когда резко уменьшается доля респондентов, владеющих компьютером хорошо и часто пользующихся им, – возраст 35 лет и старше. Особенно заметно возрастает доля тех, кто практически не владеет компьютером, в возрасте от 45 лет, а в возрасте от 55 лет таковых более половины. В то же время наибольший уровень компьютерной грамотности, владения компьютерными технологиями отмечается в возрастных группах 20–34 лет, что можно связывать как с уровнем компьютерной подготовки в образовательных организациях высшего и среднего профессионального образования, так и с закреплением полученных навыков в трудовой деятельности. Имеется большой потенциал для перехода большой части людей возрастных групп старше 35 лет из категории «пассивных коммуникаторов» в категорию «активных коммуникаторов» – пользователей компьютерными технологиями.

Одним из показателей грамотности в вопросах информационно-коммуникативных технологий и активности в пользовании интернет-сетями является обращение к тем или иным конкретным мессенджерам. Не пользовались никакими мессенджерами более половины респондентов старшей группы и лишь менее десятой части – из младших групп. И более сложные мессенджеры, преимущественно для профессиональных дел (продвинутый уровень), используются весьма немногими респондентами, особенно в старшей группе.

Социальными сетями наиболее активно пользуются представители младших и средних возрастных групп, у них и наиболее разнообразен «ассортимент» используемых социальных сетей. У молодёжи особенно популярны «ВКонтакте» и Instagram, широко используются «Одноклассники.ru», Twitter, Facebook, Google+. У средних возрастных групп наиболее популярной является сеть «ВКонтакте», но весьма популярны «Одноклассники.ru» и Instagram. Наименее активно пользуются социальными сетями в старшей группе, однако и в этой группе достаточно популярны сети «Одноклассники.ru» и «ВКонтакте».

В целом, действительно, молодёжь, средние и старшие поколения по-разному включены в виртуально-коммуникационную среду, в разной мере владеют цифровыми технологиями. Однако потребности людей и общества в отношении компьютерной грамотности и включения людей в цифровую жизнь всё более возрастают. Государственным структурам и общественным организациям в сотрудничестве с бизнес-компаниями важно осуществлять адресные меры и программы, способствующие уменьшению/преодолению излишней стратификации между людьми, в том числе и разрыва поколений в области владения цифровыми технологиями.

Примечание

1. Анкетный опрос в Самарской области в начале 2020 г. по теме «"Отцы и дети": конфликт и сотрудни-

чество, преемственность поколений» проведён под руководством автора статьи. Опрошено 620 респондентов по выборке, репрезентирующей население 16–69 лет по возрасту, полу и территориально-поселенческой структуре. Максимальный размер ошибки выборки с вероятностью 95% не превышает 5%.

Список литературы

1. Горбунова Н.В., Шеляхина Н.В. Цифровая экономика – императив инновационного образовательного развития культурного капитала в современном обществе // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 2 (76). С. 164–168.

2. Шиняева О.В., Полетаева О.В., Слепова О.М. Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 68–85.

3. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. М.: Издательство «АСТ», 2002. 557 с.

4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

5. Максимова О.А. «Цифровое» поколение: стиль жизни и конструирование идентичности в виртуальном пространстве // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. № 22 (313). Вып. 81. С. 6–10.

6. Кулакова А.Б. Поколение z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). С. 1–10.

7. Смирнов Р.Г. Операционализация феномена «поколение онлайн» // Цифровая социология. 2019. Т. 2. № 4. С. 31–38.

8. Руденкин Д.В. Эвристический потенциал теории «цифровых аборигенов» М. Пренски при исследовании современной российской молодежи // Социодинамика. 2019. № 9. С. 9–19.

9. Черемисин А.Г. Интернет как новая социальная среда: феноменологический подход // Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 80–85.

10. Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182.

11. Лебедева Л.Г. Межпоколенческие разрывы и риски в виртуальном пространстве // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 1 (70). С. 147–151.

12. Максимова О.А. Цифровая грамотность поколения «третьего возраста» как адаптационный ресурс в условиях информационного общества // Logos et Praxis. 2018. Т. 17. № 2. С. 103–110.

13. Попов М.В., Коблова Ю.А., Мурыгина Н.В. Институты виртуального пространства: механизм, закономерности формирования и новые угрозы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 3 (67). С. 82–86.

14. Кравченко С.А. Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 48–57.

15. Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge; Malden: Polity Press, 2016. 223 p.

16. Керимов Т.Х. Цифровизация общества: модуляция, время, субъективация // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2019. Т. 14. № 3 (191). С. 5–17.

17. Сергеева О.В. Пожилые люди за компьютером // Человек. 2014. № 3. С. 42–46.

18. Дулина Н.В., Ануфриева Е.В. Киберсоциализация молодежи: настоящее и будущее // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия. 2016. № 1. С. 96–98.

19. Дружинин А.М. Интернет-коммуникации в гражданском обществе: методологический анализ // Информационное общество. 2017. № 3. С. 24–29.

20. Вершинская О.Н. Европейский подход к анализу социальных последствий информатизации // Информационное общество. 2016. Вып. 2. С. 52–59.

21. Черных С.С., Воденко К.В., Коваленко А.М., Чернов И.В. Демонстративное потребление молодежи в условиях экспансии информационного общества и глобальной цифровизации // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8 (39). № 5. С. 179–189.

22. Van Dijk J. The Digital Divide. Cambridge, UK: Polity, 2020. 208 p.

23. Reynolds R. Jan van Dijk, The digital divide (Book Review) // Journal of the Association for Information Science and Technology. 2021. Vol. 72 (1). P. 136–138.

24. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Возможно ли цифровое равенство? (О книге Я. ван Дейка «Цифровой разрыв») // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 158–164.

25. Van Deursen A.J.A.M., van Dijk J.A.G.M. The first-level digital divide shifts from inequalities in physical access to inequalities in material access // New Media & Society. 2019. № 21(2). P. 354–375.

26. Бекарев А.М., Пак Г.С. Цифровая компетентность и возраст преподавателя в условиях префигуративной культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 1 (65). С. 74–81.

27. Lebedeva L.G. Areas of Interests of Age-Generational Groups as a Factor of Social Management of Settlement Structures // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. Vol. 960. Prague. IOP Publishing Ltd. 2020. P. 032085.

28. Воскресенская Н.Г., Рыхтик М.И., Баранова Т.В. Цифровизация в восприятии студентов поколений Y и Z // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 4 (60). С. 137–148.

29. Баева Л.В. Социальные аспекты цифровизации образования в условиях пандемии: философский анализ // Logos et Praxis. 2021. Vol. 20. № 1. P. 5–15.

30. Ермилова А.В., Захаров Д.В. Ресурсность представителей пожилого возраста: теоретический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 1 (65). С. 83–88.

31. Эфендиев А.Г. Социальное развитие в современную эпоху. Теоретическое исследование новой реальности // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 16–27.

32. Григорьева Е.А. Цифровые неравенства: причины, формы, последствия // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 161–163.

TO THE PROBLEM OF RISKS OF DIGITAL INEQUALITY IN THE GENERATIONAL ASPECT

L.G. Lebedeva

Samara State University of Economics, Samara

Certain risks of digital inequality of different strata and groups of the population, in particular, the risks of digital inequality between age and generational groups are becoming more and more relevant. In modern Russian conditions, this problem contributes to the strengthening of the traumatized state of society due to the lack of adaptation of large masses of people to the digitalization of public life. People of older and younger generations show markedly different levels of adaptability and activity in introducing Internet technologies, in using these technologies in practice in the professional and everyday household sphere. A kind of age limit, when the proportion of respondents who own a computer well and often use it sharply decreases, is the age of 35 years and older. The share of those who practically do not own a computer at the age of 45 is especially noticeably increasing, and more than half of those aged 55 and over. However, the needs of people and society in relation to computer literacy and the inclusion of people in digital life are increasingly increasing. This also applies to increasing and using the resource capacity of people of any age as an important socio-economic problem. It is important to implement targeted measures and programs that contribute to reducing (overcoming) excessive stratification between people, including the generation gap in the field of digital technology ownership.

Keywords: generations, digital inequality, virtual risks, computer literacy, Internet technologies, socialization, youth, digital competencies, virtual space, the Internet.

УДК 316.1
DOI 10.52452/18115942_2023_1_174

РАЗЛИЧИЯ В МЕТОДОЛОГИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЕДУЩИХ РЕЙТИНГОВ ВУЗОВ

© 2023 г.

Ю.Н. Эбзеева

Эбзеева Юлия Николаевна, к.психол.н.; доц.; заведующая кафедрой иностранных языков,
первый проректор – проректор по образовательной деятельности
Российского университета дружбы народов, Москва
ebzeeva-yun@rudn.ru

Статья поступила в редакцию 11.10.2022
Статья принята к публикации 17.01.2023

Исследование посвящено рассмотрению складывающейся теории ранжирования высших учебных заведений в российском высшем образовании, вводятся основные термины данной теории (глобальный, ведущий, институциональный, предметный, специальный, многомерный, многофакторный рейтинги). Масштабная деятельность по ранжированию университетов мира мотивирована ростом конкуренции между университетами; наличием конкуренции среди образовательных систем различных государств мира; необходимостью для ряда целевых групп (абитуриенты, научные работники и преподаватели, работодатели, государство) в получении объективной информации из независимых источников о рынке услуг высшего образования. Мировое образовательное пространство использует рейтинги более 50 лет, для российских университетов задача продвижения в них является актуальной около 10 лет, что вызывает необходимость ознакомления с принципами и механизмами их формирования, выбором ориентиров и формирования политики развития в соответствии с целью продвижения в рейтингах. В исследовании проводится анализ трех глобальных рейтингов-лидеров: Quacquarelli Symonds (QS), Academic Ranking of World Universities (ARWU) и Times Higher Education (THE) – с позиций их истории, критериев оценки, особенностей методологии. Материалом исследования являются данные QS, ARWU и THE, полученные с сайтов рейтингов. Описаны пути получения информации и ее верификации указанными рейтингами. К наиболее значимым критериям в системе рейтингов относятся категории: качество преподавания, качество исследований, интернационализация, цитирование, востребованность выпускников работодателями. В заключении сделаны выводы о том, что для российского рынка образовательных услуг глобальный рейтинг стал маркером эффективности и успешности, присутствие университета в трех глобальных рейтингах может быть представлено с большими различиями, что связано как с процедурами внутри критериев оценки рейтинга, так и с самим списком критериев. Тем не менее совокупная информация, полученная из данных трех рейтингов, убедительно отражает тенденцию движения конкретного университета к их топовым позициям, что является шагом к признанию рейтинга значимым инструментом построения политики развития университета.

Ключевые слова: мировой рейтинг, ранжирование, качество преподавания, научные исследования, имидж университета.

Introduction

For more than 10 years, *world ranking* has been used as a term in the scientific and legal literature devoted to the problems of higher education. So, in the Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2012, № 599: we meet this term in the following context «…entering the first hundred (universities) of the world's leading universities according to the *world university rankings*»[1]. This term has synonymous terminological combinations *global ranking* and *international ranking*, and, as a rule, operates with the results issued by three largest ranking companies: Quacquarelli Symonds (QS), Academic Ranking of World Universities (ARWU) and Times Higher Education (THE). Rankings are the result of the activities of non-governmental agencies funded by publishing companies or universities, for example, ARWU is a product of Jiao Tong Institute of Shanghai University (first ranking publication dated 2003), THE comes from the British publishing house Times Higher Education (since 2004), QS belongs to the British company Quacquarelli Symonds (since 2010).

Research results and discussion

Currently, Russian universities are included in all known world rankings. If we evaluate their achievements by three rankings at once, then we get a rather scattered impression, however, studies on the correlation of evaluation criteria and the results of well-known international rankings have shown that, in general, the trends can be comparable. Thus, Lomonosov Moscow State University in 2018 gets the 86th place at ARWU, in 2020 it is the 93rd. According to QS ranking Lomonosov Moscow State University is on the 90th place in 2018,

and on the 74th in 2020. This reflects the presence of Moscow State University within the first 100 universities in the world. Moscow Institute of Physics and Technology is in the range of 401–500 according to ARWU in 2018, in QS it is ranked 312th; in 2020 it remains at the same level in ARWU, but in QS it is ranked 290th, i.e. the deviation increases.

Nevertheless, it is worth mentioning that the ranking as a tool for building a university development policy has not found its full recognition in Russian higher education. Currently, research on rankings has been developed, the basic principles of their classification have been formulated. Scientific works [Antonova, Sushchenko 2019; Bolotov et al. 2021; Galynsky, Zhuk 2021; Karpenko et al. 2007; Polozov 2011; Ebzeeva 2022; Yagudina, Yagudin 2016; Ebzeeva et al. 2019] include the following factors as the reasons for the growth of their influence:

1) growth of competition among the educational systems of various countries of the world, which is due to economic and political factors and image aspects (primarily, the leadership of the intellectual component). It is known that countries such as Germany, China, France and Japan were the first to embark on the path of promoting the implementation of national projects with the aim of placing national universities into the top lists of international universities;

2) growing competition among universities and the need for a number of target groups to obtain objective information from independent sources about the market of higher education services. These target groups include, first of all, enrollees and their parents, who faced the choice of a place to receive basic higher education; students who choose a university for master's and postgraduate studies, as well as the possibility of internships and exchanges; studies and internships at top universities contribute to networking. The 2017 QS Enrollment Solutions International Student Survey found that nearly two in ten respondents (19.6%) said rankings played a major role in their decision of which country they would like to study in. In addition, just under a quarter (23.5%) said that university rankings, in turn, are the most important factor in choosing a university and subject. QS examines articles and studies that highlight the importance of subject rankings.

3) researchers and teachers assess universities in terms of getting more profitable and prestigious jobs. Employers (industrial enterprises, private structures and state institutions) consider universities as a source of replenishment of their staff with the most qualified graduates. Target group should also include state institutions that consider achievements of universities as a way to select those universities that are funded under national projects. Focusing on rankings allows universities and government bodies to set strategic goals and evaluate the success of their implementation. A survey by the European University Association[2] showed that 47% of universities in their development strategy formulated the goal of achieving inclusion in international rankings, 14% – only in national rankings, 86% of universities constantly monitor their positions in the rankings.

Currently, according to the **coverage** of universities, it is customary to classify rankings into *world*, *regional* and *national*. *World rankings* include lists that consider universities of all countries as part of their analysis: Academic Ranking of World Universities (ARWU), QS World University Rankings, The Times Higher Education World University Rankings, Webometrics, U.S. News Best Global Universities Ranking, etc. *Regional rankings* analyze universities in a particular region, several regions or countries with a similar level of economy: THE Asia University Rankings, TNE BRICS & Emerging Economies, QS Latin America, QS Emerging Europe & Central Asia, etc. *National rankings* look at universities in a particular country and are created by agencies in that country. In Russia, such agencies include Interfax[3] and Expert-RA[4]. Researchers note the recent trend of ranking universities in one country by the world's leading agencies (THE Japan Universities Ranking).

Based on the **purpose** of the analysis, rankings are divided into *institutional*, *sectoral*, which can also be called *subject*, and *special*. *Institutional rankings* combine lists of universities from different countries, collected and evaluated regardless of a narrow set of characteristics, but included in this list based on a quantitative assessment according to the methodology of this ranking, for example, thresholds can be based on the number of publications of lecturers or points according to the criterion of reputation with employers. *Institutional rankings* also include the leaders of the world rankings – Academic Ranking of World Universities (ARWU), QS World University Rankings. *Subject rankings* evaluate universities in certain areas, which there may be several. University ranking specialists advise to carefully study how the university is ranked in the overall ranking, but most of all – in subjects, because often the university assessed by the enrollee will not have the highest overall ranking. Evaluation of the subject ranking is especially important if the enrollee is interested in a technical specialty or if s/he plans a career in a specific narrow field of knowledge. The UK is very popular with ranking tables Times and Sunday Times Good University Guide, Guardian University Guide and Complete University Guide. The en-

rollee can filter the tables by the subject areas of interest and see which universities have high marks in these areas.

Special rankings are created in response to the request of the target group or as a refinement of existing institutional rankings, for example, QS Graduates Employability Rankings, QS ranking of universities Top 50 under 50, THE Young Universities Rankings and a number of others.

Classification of rankings by **methodology** includes rankings based on an *integration approach*, *multidimensional* and *multi-factor* rankings. Rankings based on the *integration approach* are a list of universities where the ranking is related to the highest cumulative index – i.e. assessment takes place according to a single set of indicators marked with a weighting factor: ARWU, THE, QS, US News, Webometrics, etc. *Multidimensional* and *multi-factor* rankings include lists of universities compiled according to specialized indicators selected by users, for example, the Leiden Ranking (CWTS Leiden Ranking) is an annual global ranking of universities, which is based on bibliometric indicators, and the source of bibliographic data is Web of Science (Clarivate Analytics), ranking takes place in accordance with the number of academic publications, their volume and citation. Another example is U-Multranik – a multidimensional ranking – a ranked list of universities with similar institutional profiles with the ability to create your own query. The ranking was created in 2013 at the initiative of the EU Commission.

The terminological combination *leading international rankings* usually refers to three rankings: QS World University Rankings (QS), Times Higher Education World University Rankings (THE) and Academic Ranking of World Universities (ARWU).

QS World University Rankings (QS) Methodology

QS Quacqarelli Symonds is the world's leading provider of analytics services for the global higher education sector, whose mission is to enable education needs, international scientific mobility and career development. QS World University Rankings – an annually published university ranking, a product of the QS Quacquarelli Symonds system – includes overall and subject rankings, the tools of which are 51 subjects and 5 subject areas (data for 2022). QS World University Rankings is considered the world's most popular source of comparative data on universities success. It also publishes independent regional tables (Asia, Latin America, Europe, the Middle East, etc.). QS presents alumni employability rankings, top campus listings, higher education system performance rankings, rankings by location, and business school rankings, including global MBA, EMBA, distance online MBA, and more.

The website www.TopUniversities.com, which hosts QS rankings, was viewed 149 million times in 2019, with more than 94 000 stories related to or mentioning QS rankings published by the media around the world. In addition to publishing rankings of the world's leading universities, QS also compiles QS International Student Survey, the world's largest study of the moods, motivations and preferences of prospective students. A series of student events – QS World Grad School Tour, QS World MBA Tour and QS World University Tour – provided 225 000 enrollees with the opportunity to meet admissions leaders from some of the world's leading universities through 365 events around the world. During the COVID-19 pandemic, QS has been holding its events online so that organizations around the world can still communicate with international enrollees. QS's response to the pandemic also included the development of a series of digital marketing resources for educational institutions designed to provide continuous, high-quality interactions with potential students, and the launch of a series of webinars to allow faculty and university administrators to share best practices and continue to collaborate as educational products migrate to the virtual classroom. The QS Intelligence Unit is the research and professional services division of QS, which provides universities around the world with individual performance benchmarking according to each institution's key metrics: teaching excellence, research impact, reputation, student employability and internationalization. QS hosts international conferences for higher education leaders: these include Reimagine Education – the world's leading conference for teaching and learning innovation; EduData Summit – a space that brings together the world's leading practitioners at the intersection of the world of databases and education; QS APPLE is Asia's premier association for leaders in higher education and a number of thematic summits held with QS partner universities.

QS develops and successfully applies comparative data collection and analysis methods that are used to identify the strengths of educational organizations. QS carried out its first study in 1990, when it conducted a global survey of MBA employers. QS World University Rankings was launched in 2004 and is currently the company's most respected research project. It measures 4 types of indicators: quality of research, demand for graduates by employers, quality of teaching, internationalization. To measure universities reputation, QS uses polling and voting of representatives of the academic community and employers; it also implies quantitative indicators, namely the number of teachers and stu-

dents' citations, the number of international students and teachers. Reputation and quantitative indicators each account for 50% of the final index. The reputation of universities is determined by evaluating the results of voting by experts in five areas: life sciences and biomedicine, social sciences, natural sciences, technology, arts and humanities.

Citations per employee are measured based on WoS, Scopus, and Google Scholar databases. The number obtained from the bases is divided by the number of full-time professors, associate professors and researchers.

To determine the ratio of the number of teachers and students, data are taken from the websites of state education management organizations, statistical bureaus, etc. If it is not possible to calculate the number of full-time students, the total number of students is taken. If employees meet two indicators – the number of teachers and the number of researchers, it is the number of researchers that is considered. Indicators for international teachers are calculated as shares of international employees and students.

Times Higher Education World University Rankings (THE) Methodology

Times Higher Education World University Rankings is a global university ranking published annually by Times Higher Education magazine. From 2004 to 2009, Times Higher Education collaborated with QS Quacquarelli Symonds and together published THE – QS World University Rankings. Between 2010 and 2013, there was a collaboration agreement between THE and Thomson Reuters, and in 2014 the magazine signed a new agreement with Elsevier, which provides THE with the data used to compile rankings.

THE publishes an overall world ranking, subject rankings, reputation rankings and 3 regional ranking tables: Asia, Latin America and the BRICS countries. THE ranking is highly appreciated by experts due to the introduction of a new improved ranking methodology since 2010. However, manifestations of subjectivism in the methodology of researching reputation cause criticism and concern of the academic community outside the English-speaking world.

The creation of the original Times Higher Education ranking – QS World University Rankings – is presented in the work by Ben Wildavsky *The Great Brain Race: How Global Universities are Reshaping the World*.

The methodology originally used in 2010–2011 included 13 isolated indicators grouped into 5 categories: teaching (30% of final grade), research (30%), research citations / impact (32.5%), international cooperation (5%), income (2.5%). The number of indicators has grown since THE – QS World University Rankings, which used only 6 indicators.

This methodology has been used since 2010. The original plan was to use 13 indicators, and it was expected that in the future their number could increase to 16. The project outlined categories of indicators such as research indicators (55%), institutional indicators (25%), economic activity / innovation (10%) and international cooperation (10%). The category names and weights for each were changed in the final methodology released on September 16, 2010.

The ranking methodology was changed in 2011–2012. Phil Baty, editor of the project, said that THE is the only world university ranking that focuses on research into the learning environment of universities, while competing rankings focus more on describing research. The advantage of this ranking was also the attention to research in the field of arts, humanities and social sciences, without a predominant emphasis on technical and natural sciences. According to the world academic community, this statement has not been true since 2015, when QS introduced the coefficients of different areas of scientific knowledge into the overall assessment, explaining that citations will be evaluated in such a way that universities specializing in the field of natural and technical sciences do not receive unjustified benefits.

In 2014, Times Higher Education magazine announced the next step in reforming the methodology: the innovation was that the collection of institutional data would now be carried out at its own expense, thus the ranking breaks its connection with Thomson Reuter and focuses on data on publications based on international Elsevier Scopus citations.

Times Higher Education attaches great importance to citation as an indicator of the effectiveness of education. Rankings researchers believe that this criterion is not objective in many respects, because it puts universities where English is not the primary language at a distinct disadvantage, as it is English that is accepted as the international language for most academic communities and journals. Another disadvantage of the methodology is the fact that the results of research in the social sciences and humanities are often published in print publications that are rarely cited or in publications that do not have digital versions.

In Times Higher Education listings, each university has a detailed profile with a breakdown of its overall ranking scores and additional data designed to help students. For example, they provide information on the ratio of staff to students at each university, total income per student, share of international students, etc. Some universities have expanded profiles to showcase their offerings to stu-

dents, as well as their individual strengths and qualities beyond the generally accepted ranking data.

To help students make the most of the rankings' data, THE has created a dedicated section that provides student news and tips, as well as a wide range of student tips blogs.

THE rankings are widely used by educators to inform career decisions, university leaders to set strategic priorities, and governments to monitor education policy as THE ranking is based on one of the richest databases of university success in the world.

All ranking tables can be filtered by country and personalized to create a new ranking for any of the five key performance areas according to the user's preferences. To create the 2021 THE World University Rankings, THE team used an extensive database of hundreds of thousands of data points from over 1 900 global research universities and conducted a global survey of over 22 000 top academics who provided their expert opinions on top world universities in order to form a criterion of academic reputation. In addition, 86 million citations from 13.6 million academic publications (from the Elsevier Scopus database) published over a five-year period from 2016 to 2021 were analyzed.

THE ranking is represented by the following:

1) ***Asian University Rankings***, whose methodology emphasizes the assessment of knowledge transfer, income and research productivity, while the reputation of teachers and researchers plays a lesser role. This reflects the close ties of Asian universities to industry, as well as the fact that they tend to be younger than their Western counterparts and therefore usually not as well known to the global academic community.

2) ***World Reputation Rankings***, which examine the reputation of the world's top universities based on the largest invitation-only academic survey.

3) ***Young Universities Rankings***, which include the best universities in the world that are 50 years old or less. Their methodology reflects the characteristics of young universities, paying less attention to subjective indicators of academic reputation.

4) ***Emerging Economies University Rankings*** include only institutions in territories classified by the London Stock Exchange's FTSE group as developing countries with advanced economies, aftermarkets or frontier markets. This methodology places less weight on research excellence, reflecting the less mature research systems in many developing countries, and more weight on industry links and international collaboration.

5) ***Latin America University Rankings*** place less weight on citation impact and more on learning and research environment metrics.

6) ***Impact Rankings***. In 2019, the first Impact Ranking was launched, the only global ranking table that ranks universities against the United Nations Sustainable Development Goals (SDGs). Along with the overall impact rankings, there are 17 tables showing the progress of universities towards each of the SDGs. THE uses carefully calibrated indicators to provide comprehensive and balanced comparisons across four broad areas: research, advocacy, leadership and training.

7) ***Europe Teacher Rankings***. These rankings are geographically focused because learning-related data and issues tend to be local rather than global. These rankings give students and families the information they need to choose where to study and are based on a student survey. The overall methodology explores four key areas called pillars: resources, engagement, results and environment.

8) ***US College Rankings*** are based on a poll of more than 170 000 American college students collected as part of the annual US Student Survey. The methodology consists of 15 performance indicators.

9) ***Japan university Rankings*** are based on 16 performance indicators, three of which are taken from a poll of Japanese students.

Academic Ranking of World Universities (ARWU) Methodology

Academic Ranking of World Universities (ARWU), also known as the Shanghai Ranking, is compiled at the Institute of Higher Education of Shanghai Jiao Tong University and includes the main institutions of higher education, ranked according to a formula that takes into account: the number of Nobel or Fields Prize graduates (10%), Nobel or Fields Prize-winning staff (20%), Highly Cited Researchers list (20%), articles published in Nature or Science (20%), Institute for Scientific Information (ISI) citation – indices for the sciences and humanities, Science Citation Index and Social Sciences Citation Index, as well as indices of the leading journals – in Arts and Humanities Citation Index (20%), the cumulative result of previous indicators in relation to the number of university staff (10 %).

The ranking methodology was compiled by Liu Niancai and Chen Ying, who explained that the original purpose of this ranking was to describe the causes and extent of the gap between Chinese universities and world universities, primarily in terms of academic and research activities.

Academic Ranking of World Universities (ARWU) was first published in 2003 by the Center for World-Class Universities (CWCU) and the Shanghai Jiao Tong University Graduate School of Education. Since 2009, Academic Ranking of World Universities (ARWU) has been published and copyrighted by Shanghai Ranking Consultancy, an independent higher education research or-

ganization that is not subordinated to universities or government agencies at the legislative level.

ARWU currently uses six objective metrics to rank world's universities: the number of alumni and staff who have received Nobel Prizes and other high honors; the number of highly cited researchers selected by Clarivate Analytics; the number of articles published in Nature and Science journals; the number of articles indexed by the Science Citation Index Expanded (SCIE) and the Social Science Citation Index (SSCI); academic activity of the university in terms of one person. The annual ranking is based on information about more than 1 800 universities and publishes a list of top 1 000 of them.

Candidate Universities. ARWU considers all universities that have Nobel Laureates, Fields Medalists, highly cited researchers, or articles published in Nature and Science. It also includes universities that have a significant number of articles indexed by the Science Citation Index Expanded (SCIE) and the Social Science Citation Index (SSCI). In total, more than 2 000 universities have been included in the ranking and information about the top 1 000 has been published.

Criteria and proportionality of ranking. Universities are ranked by several indicators of academic or research activity, including Nobel and Fields Prize winning alumni and staff, highly cited researchers, articles published in Nature and Science journals, articles indexed by major citation indexes, and university academic performance per person. For each indicator, the institution with the highest score is assigned 100 points, and the other institutions are calculated as a percentage of the highest score. The distribution of data for each indicator is examined for significant confounding effects; if necessary, standard statistical methods are used to adjust the indicator. The ranking of a university reflects the number of institutions above it.

Conclusion

Thus, we can see that the differences between the rankings are due to the fact that each of them evaluates universities according to their own criteria. For example, the Shanghai Ranking does not take into account a university's reputation among academics or employers, preferring instead to rank universities based on the level of academic research they provide and the number of awards their employees receive. While THE and QS strive to take research quality into account, neither does so at the expense of the university's reputation in one form or another.

In the case when rankings evaluate the same parameters, their methods, as a rule, differ. 40% of a university's total score in the QS World University Rankings is determined by academic reputation. To evaluate this parameter, scientists from all over the world are interviewed, and they are also asked to evaluate research conducted by other universities. A similar indicator in THE – the reputation of the university teacher – is assessed, on the contrary, by polling scientists with a request to evaluate the quality of teaching at universities, and is only 15% of the total score of the university. This difference is likely to cause both rankings to provide mismatched results.

As our study showed, most ranking companies focus on evaluating the scientific activities of the university; they pay much more modest attention to the mission of universities in society (and, mainly, through the impact of scientific research on regional labor markets and university-related sectors of the economy), the assessment of the quality of education becomes insignificant (due to the lack of data on this sector of the university's activities in the world level). The agency that compiles international university rankings does not disclose information about itself: about its financial and organizational activities, about lists of experts, about calculation methods, this is precisely the reason for the discrepancies in the positions of a particular university according to different ranking agencies. It is important to note that the high positions of universities in global rankings and the number of top universities in the world rankings form a certain contribution to the image of the state, and the attractiveness of the university for foreign applicants increases the share of the educational sector in the country's export structure.

Примечания

1. Federal Law № 125-FL, August 22, 1996 «On Higher and Postgraduate Vocational Education». Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11446/ (date of access: 25.07.2021).
2. European Association of Universities. Access mode: EUA: https://eua.eu (date of access: 27.09.2022).
3. Interfax university ranking. Access mode: https://academia.interfax.ru/ru/ratings/?rating=1&year=2022&page=1 (date of access: 27.09.2022).
4. University Ranking Expert-RA. Access mode: https://raex-rr.com/education/universities/rating_of_universities_of_russia (date of access: 27.09.2022).

Список литературы

1. Антонова Н.Л., Сущенко А.Д. Академическая репутация университета как фактор лидерства на глобальном образовательном рынке // Высшее образование в России. 2019. № 29 (6). С. 144–152. URL: https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-6-144-152 (дата обращения: 21.09.2022).

2. Болотов В.А., Мотова Г.Н., Наводнов В.Г. Глобальный агрегированный рейтинг вузов: российский след // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 3. С. 9–25. URL: https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-3-9-25 (дата обращения: 15.09.2022).

3. Галынский В.М., Жук А.В. Рейтинг учреждений Scimago для оценки национальной системы образования и отдельного университета // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 6. С. 35–46. URL: https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-6-35-46 (дата обращения: 1.10.2022).

4. Карпенко О.М., Бершадская М.Д., Вознесенская Ю.А. Международные рейтинги университетов как показатель качества высшего образования // Инновации в образовании. 2007. № 6. С. 437–443.

5. Полозов А.А. Рейтинг вуза: эволюция проблемы // Университетское управление: практика и анализ. 2011. № 2 (72). С. 85–89.

6. Эбзеева Ю.Н. Рейтинг как инструмент формирования программы стратегического развития вуза // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2022. № 1. С. 74–82.

7. Ягудина Л.Р., Ягудин И.И. Эффективность рейтингов университетов: реализация информационной и мотивационной функций // Высшее образование в России. 2016. № 11. С. 66–70.

8. Ebzeeva Y., Dugalich N., Nakisbaev D., Levshits A. Breaking through in Subject Rankings: IMLICaM Experience // Proceedings of ICERI2019 Conference. Seville, 2019. P. 4239–4243. URL: https://doi.org/10.21125/iceri.2019.1057 (дата обращения: 20.09.2022).

DIFFERENCES IN THE METHODOLOGY TO DETERMINE LEADING UNIVERSITY RANKINGS

Y.N. Ebzeeva

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

The paper is devoted to the emerging theory of ranking higher educational institutions in Russian higher education and introduces the main terms of this theory (global, leading, institutional, subject, special, multidimensional, multifactor rankings). The massive activity of world's universities ranking is motivated by increased competition between them; competition among the educational systems of various countries and the need for a number of target groups (enrollees, researchers and teachers, employers, state) to obtain objective information from independent sources about the higher education market. World educational space has been using rankings for more than 50 years, for Russian universities promotion in them has been relevant for about 10 years. This fact makes it necessary to get acquainted with the principles and mechanisms of their formation, the choice of guidelines and the formation of development policy in accordance with the goal of promotion in the rankings. The study analyzes three global leader rankings: Quacquarelli Symonds (QS), Academic Ranking of World Universities (ARWU) and Times Higher Education (THE) in terms of their history, evaluation criteria, and methodology features. The research material is QS, ARWU and THE data obtained from ranking websites. The paper also describes the ways of obtaining information and its verification by the indicated rankings. The most significant criteria in the ranking system include the categories of teaching quality, research quality, internationalization, citation, demand for graduates by employers. The conclusion states that for the Russian market of educational services a global ranking has become a marker of efficiency and success, the presence of a university in the three global rankings can be associated with large differences connected with the procedures within the ranking evaluation criteria and with the list of criteria itself. Nevertheless, the aggregate information obtained from these three rankings convincingly reflects the tendency of a particular university to move to the top positions in the rankings, which is a step towards recognizing a ranking as a significant tool for building university development policy.

Keywords: world ranking, ranking, teaching quality, scientific research, university image.

УДК 316.7; 364.016
DOI 10.52452/18115942_2023_1_181

ВЕКТОРЫ ВОЗМОЖНОГО ТРУДОУСТРОЙСТВА НАРКОЗАВИСИМЫХ ЛИЦ

© 2023 г.

С.М. Тихомиров

Тихомиров Сергей Михайлович, эксперт Экспертно-правового центра «Куаттро», Санкт-Петербург
tikhomirovspb@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.07.2022
Статья принята к публикации 26.01.2023

Рост потребления наркотиков в зарубежных странах и России одним из своих негативных последствий являет рост рецидивной преступности. Наркозависимость, особенно в сочетании с судимостью за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, становится барьером для возвращения к жизни в обществе, способствует возвращению к преступному образу жизни. Необходимо прохождение наркозависимыми лицами достаточно длительного курса реабилитационных мероприятий для успешной инклюзии в социальную жизнь. Процесс ресоциализации наркозависимых лиц включает в число базовых компонентов социального сопровождения и содействие в трудоустройстве. Затруднения в устройстве на работу лиц с наркозависимостью обусловлены в первую очередь законодательными запретами и ограничениями на допуск их к труду в отдельных видах профессиональной деятельности, стигматизацией. Опыт многих зарубежных стран показывает, что законодательно устанавливаемое квотирование рабочих мест на предприятиях для трудоустройства лиц с наркологической патологией (зависимостью от алкоголя и/или наркотиков) помогает решить эту задачу. Предлагается активизировать привлечение наркозависимых в такую интенсивно развивающуюся, инновационную в России область трудовой деятельности, как самозанятость, используя актуальные потребности региона проживания в специалистах по конкретным профессиям, в частности строительство и ремонт помещений, перевозку грузов, индивидуальную трудовую деятельность, а также обучение и трудоустройство в сфере информационных технологий.

Ключевые слова: наркозависимые лица, трудоустройство, реабилитация, инновации, социальное сопровождение, квотирование рабочих мест.

Введение

Задача сокращения потребления наркотических средств и психотропных веществ в мире и России остаётся нерешённой. Наркотизм сохраняет тяжесть своих последствий в социальной, медицинской и культурной сферах, обусловливая государства принимать меры стратегического сдерживания и противодействия потреблению наркотиков [1–4]. Пандемия коронавирусной инфекции ковид-19 резко увеличила активность и организованность совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, в том числе в сети Интернет с применением информационно-телекоммуникационных технологий [5].

Детерминированность социальных факторов для инклюзии наркозависимых лиц в общество, после прохождения ими реабилитации и ресоциализации, в обязательном порядке включает получение профессионального образования и трудовую деятельность как источник законного получения финансовых средств к существованию. Практическое решение этой задачи в РФ сопряжено с серьёзными трудностями.

1. Законодательные ограничения

Профессиональная пригодность наркозависимых лиц законодательно ограничивается во многих направлениях трудовой деятельности. Принцип наложения этих ограничений и запретов – защита, прежде всего безопасность государства и проживающих в нём людей [6].

2. Ведомственные нормативно-правовые ограничения

Нормативно-правовые акты ведомств и министерств предусматривают ограничения трудовой деятельности лиц с химическими зависимостями (алкоголь, наркотики). Состояние здоровья зависимых от наркотиков лиц во многих случаях становится причиной ограничения в допуске к труду. Потребители наркотиков в России наиболее часто являются ВИЧ-инфицированными лицами, пациентами с гепатитами В, С, другими хроническими заболеваниями, возникшими у них вследствие потребления наркотических средств, которые в России признаны социально опасными для окружающих.

При этом в правовых актах по противодействию наркотизму в РФ отсутствуют адекватные разграничения и трактования, юридические определения мер реабилитации лиц, допускающих немедицинское потребление наркотиков [7]. В настоящее время ограничения при трудоустройстве наркозависимых в нашем государстве существуют для 28 видов трудовой деятельности [8–10]. После того как лица с зависи-

мостями от алкоголя и наркотиков подтвердят на протяжении срока диспансерного учёта и наблюдения свою трезвость, они снимаются с учёта в наркологических учреждениях и, соответственно, их ограничения в трудоустройстве ликвидируются.

Наркозависимые лица подвергаются административному наказанию и уголовному преследованию за деяния в сфере незаконного потребления и оборота наркотических средств и психотропных веществ. Наличие судимости за совершенные наркопреступления приводит их к двойному стигматизированию: как потребителей наркотиков и как преступников. Сопутствующее ВИЧ-инфицирование приводит к ещё одной стигматизации. Постепенно у них развивается и самостигматизация, что в совокупности заметно снижает их приверженность к лечению и реабилитации.

3. Индивидуальные ограничения

Наркозависимые лица не имеют устойчивой установки на участие в регулярной трудовой деятельности, предпочитая временную подработку, чаще в области творческих профессий, не требующих регулярной занятости. Они далеко не всегда имеют профессиональное образование, трудовые навыки, что также препятствует их трудоустройству на хорошо оплачиваемые должности, требующие высокой квалификации в профессии.

Наркозависимые лица, оставшись без легитимного источника средств к существованию, испытывают сильный стресс, с которым не способны справиться. Они, пытаясь самостоятельно нормализовать своё психическое состояние, возобновляют приём наркотиков. На приобретение наркотиков требуются денежные средства, отсутствие которых возвращает их к совершению преступлений.

Исследование опыта практической деятельности по трудоустройству лиц с наркотической зависимостью в регионах позволяет выявить недостатки среднего специального трудового обучения в исправительных учреждениях (ИУ), которые при выборе профессий для проведения трудового обучения осуждённых ориентируются прежде всего на нужды самого учреждения, а не на потребности региона будущего проживания освобождающихся. Информация о ссудах, предоставляемых в регионах для начала занятия индивидуальной трудовой деятельностью, не всегда доводится в полном объёме до осужденных, готовящихся к освобождению.

Целью проведения этого научного исследования являлось выделение из общего числа положительных социальных воздействий ключевых факторов, оказывающих влияние на результаты проведения ресоциализации наркозависимых девиантов, для формулирования предложений по их практическому применению.

Методология и методы исследования

Социология сразу обратила внимание на эти явления и стала изучать поведение людей, не соблюдающих нормы общественной жизни, что первоначально нашло своё отражение в работах Э. Дюркгейма, П.А. Сорокина. Собиравший сведения об истоках стигматизации Ф. Танненбаум отмечал негативное реагирование общества на поведение отдельных лиц, не соответствующее общепринятому, называя его «драматизацией зла» и считая, что оно побуждает стигматизированных вести себя девиантно [12]. Изучение процесса стигматизации позволило Э. Лемерту выявить, что осуждение обществом неугодного лица после первого отклоняющегося поступка может, уже вторично, в качестве реагирования на стигматизацию, побуждать его систематически совершать девиантные поступки, чем способствовать формированию девиантного статуса [13].

Термин «стигматизация» ввёл в современную социологию И. Гоффман [14]. Г. Беккер, исследовавший жизнь девиантов, подчеркивал, что оценку поведению как девиантному даёт общество, навязывая людям правила поведения и их оценки [15]. В России роль стигматизации девиаций и социального контроля рассмотрена в работах Я.И. Гилинского, Т.В. Шипуновой, где выявлена роль социального контроля как катализатора девиантности [16, 17].

Участие автора в экспертной оценке проекта по оказанию амбулаторных постпенитенциарных реабилитационных мероприятий наркозависимым лицам и их родственникам, проведённых НКО «Имена» в Санкт-Петербурге, позволило выявить успешность данного рода работы и препятствия для целостного решения задач, требующихся для успешной инклюзии реабилитантов в общество.

Реабилитационная помощь обратившимся за ней оказывалась полипрофессиональной бригадой специалистов, в состав которой входили психиатры-наркологи, медицинские психологи и социальные работники. За год осуществления проектных мероприятий были зафиксированы обращения 104 совершеннолетних наркозависимых лиц, освободившихся после отбывания наказания в ИУ.

Помощь обратившимся оказывалась методами консультирования, проведения социальных тренингов, занятий в группах психологической поддержки, индивидуального консультирования

родственников, консультаций по юридическим вопросам, содействия в восстановлении документов.

Целями реализованного проекта были:

– снижение поведенческих рисков и рисков распространения ВИЧ-инфекции среди лиц, освобождающихся из мест лишения свободы;

– мотивационное консультирование по вопросам наркопотребления и ВИЧ-инфекции;

– профилактика рецидивов наркологических заболеваний, ВИЧ-инфекции в переходной период освобождения из мест лишения свободы (МЛС);

– вовлечение в группы поддерживающей терапии лиц, освободившихся из мест лишения свободы, отягощенных ВИЧ-инфекцией и наркопотреблением;

– содействие включению освобождающихся осужденных в программы наркологической, медицинской и социальной помощи, соблюдение приверженности к антиретровирусной терапии (АРВТ);

– консультации для родственников осужденных по вопросам возможностей программ реабилитации и ресоциализации;

– содействие в защите прав на медицинское, социальное, юридическое сопровождение, получение бесплатной помощи, лекарств, лечения, содействие в трудоустройстве, восстановлении документов и т.д.

В процессе реализации проекта по социальному сопровождению решались следующие задачи:

1) предоставление информации о возможностях НКО в оказании помощи;

2) выявление круга проблем, связанных с зависимостью от наркотиков;

3) выявление наличия и характера проблем, связанных с ВИЧ-инфицированием;

4) установление контакта с родственниками;

5) отбор и включение реабилитантов в еженедельные занятия;

5) индивидуальное социальное и психологическое сопровождение;

6) межведомственное взаимодействие с государственными учреждениями, оказывающими помощь наркозависимым и ВИЧ-инфицированным лицам.

При консультативном обследовании обратившихся были выявлены следующие ситуации в различных сферах предстоящего проживания в обществе.

1. Учреждения Федеральной службы исполнения наказаний являются режимными, допуск вневедомственного контроля в них затруднён. Судебный, прокурорский надзор, контроль их деятельности общественными наблюдательными комиссиями осуществляется недостаточно. Это негативно сказывается на реализации программ профилактики, лечения и медико-социальной реабилитации потребителей наркотиков.

2. Свыше 2/3 осужденных наркопотребителей из числа обратившихся в НКО не обследовались врачебными комиссиями ИУ на предмет необходимости проведения им лечения и медико-социальной реабилитации в связи с наркозависимостью. Они не участвовали в определенных УК, УИК, приказами МЗ РФ реабилитационных программах, предусмотренных при обязательном и принудительном лечении лиц с наркотической зависимостью. Им не проводилось мотивирование, ориентирующее на прохождение реабилитации и ведение в дальнейшем здорового образа жизни, не предоставлялась информация о наркозависимости на доступном уровне.

3. ВИЧ-инфицированные осужденные были недостаточно информированы о современных схемах лечения ВИЧ-инфекции, лечебном действии медикаментов на организм, часто негативно настроены на необходимость приема лекарств, имели низкую приверженность к лечению.

Основные темы консультаций, семинаров и групп психологической поддержки и социально-психологического тренинга:

1) контроль и ограничения, связанные с судимостью, наркозависимостью, ВИЧ-инфицированием. Возможности социального сопровождения;

2) социальный статус, регистрация, проблемы с жильём при его отсутствии, восстановление необходимых документов;

3) стигматизация и самостигматизация по наркозависимости, судимости, ВИЧ-инфицированию;

4) трудоустройство, возможности трудового обучения;

5) возможные конфликтные ситуации в семье, на работе, в обществе, способы разрешения конфликтов;

6) психическое и соматическое здоровье, приверженность к лечению, факторы, провоцирующие срыв и рецидив болезни, приверженность к лечению и реабилитации.

Качество и эффективность реализованных мероприятий были оценены квалиметрическим методом по выраженности протективных (сдерживающих) факторов с применением балльной шкалы [11]. Индивидуально у каждого реабилитанта выраженность факторов оценивалась совместно специалистами бригады, участвовавшей в реабилитации и ресоциализации, по трехбалльной шкале, основанной на степени выраженности, протективного фактора: 0 – сдерживающего фактора нет, 1 – фактор может присутствовать, но нет убедительных

доказательств или фактор присутствует только в некоторой степени, 2 – сдерживающий фактор безусловно или явно присутствует. Пункт с баллом 1 помечался как цель, потому что улучшение по этому пункту было способно дать протективный эффект. После этого проводилась экспертная оценка выполненности и успешности проекта психиатром-наркологом, юристом и медицинским психологом.

Результаты и обсуждение

Консультативная и просветительская работа с реабилитантами и их родственниками по вопросам наркозависимости, ВИЧ-инфицирования позволила формировать мотивацию к отказу от дальнейшего потребления наркотических средств и психотропных веществ, снизить уровень стигматизации и самостигматизации, увеличить приверженность к участию в процессах по лечению, реабилитации и ресоциализации, способствовала началу восстановления и нормализации отношений с родственниками и другими значимыми людьми.

Трудоустройство ранее судимых наркозависимых лиц осталось нерешенной задачей, поэтому было оценено в 0 баллов. Были трудоустроены 3 человека с использованием личных контактов сотрудников НКО. Работодатели отказывают ранее судимым наркозависимым в трудоустройстве практически под любым предлогом, так как испытывают недоверие к их обещаниям законопослушного поведения, даже при желании трудоустроиться на малоквалифицированную, низкооплачиваемую работу.

Социальное сопровождение имело оценку 1 – 2 балла, что расценивалось как успешное начало процесса ресоциализации. Отсутствие постоянного места работы вынуждало реабилитантов перебиваться случайными заработками, просить деньги на существование у социально значимых людей, повышало риск рецидива совершения преступлений и возобновления потребления наркотиков.

Такая ситуация с трудоустройством реабилитантов вполне закономерна, так как общество подвергает их исключению. Исключение (эксклюзия) из общества неугодных лиц была законодательно введена ещё в Древней Греции и предварялась стигматизацией (клеймением), в те времена клеймо отступника, отщепенца, недостойного быть членом общества, наносилось на его тело.

Целостное решение задачи по улучшению трудоустройства наркозависимых лиц требует значительных усилий от государства и общества. На государственном уровне следует считать остро необходимым принятие закона о квотировании рабочих мест для трудоустройства лиц, имеющих наркотическую зависимость, в том числе судимых, проходивших принудительное лечение и реабилитацию. Активизацию обращений предприятий и организаций в выполнении этой задачи возможно простимулировать предоставлением им налоговых льгот или других финансовых преференций.

Подобная законодательная инициатива в виде законопроектов неоднократно представлялась депутатами различных регионов в Государственную Думу РФ. Рассмотрения и обсуждения проектов заканчивались отказами по причинам отсутствия финансовых возможностей для их реализации и наличествующей излишней зарегулированности трудовой деятельности.

Успешные решения вопроса трудоустройства наркозависимых путём принятия региональных законов о квотировании оказывались временными из-за нехватки денежных средств. Требуется федеральный закон, что поддерживает Уполномоченный по правам человека в РФ [18].

Медико-социальная реабилитация лиц с химическими зависимостями не оплачивается Фондом обязательного медицинского страхования. Освободившиеся из мест лишения свободы, будучи нетрудоустроенными, не имеют легального источника средств к существованию. Оплата листков нетрудоспособности на период реабилитации предоставила бы им время и возможность восстановить свой социальный статус.

Деятельность НКО в области социального сопровождения нуждается в лицензировании. Эта сфера до настоящего времени законодательно не регулируется. Существующее положение дел привело к массовому созданию организаций, называющих себя «социальный центр», «центр социальной реабилитации», а фактически занимающихся не реабилитацией нарко- и алкозависимых лиц, а вовлечением их в недобровольную трудовую деятельность. Мотивирование реабилитантов на отказ от приёма наркотиков и алкоголя должно стать обязательным компонентом помощи ресоциализируемым лицам с химической зависимостью. Возможности НКО в области оказания социальной помощи ограничены финансово грантами и благотворительными пожертвованиями. Не все НКО занимаются помощью наркозависимым лицам. Государственных реабилитационных центров недостаточно.

Межведомственное взаимодействие по оказанию социальной помощи наркозависимым отстает от актуальных требований реальности, нуждается в государственном регулировании.

Среднее специальное образование преподаётся в ИУ по учебным пособиям, рассчитанным на восприятие несовершеннолетних. Такое обучение не позволяет достичь профессионализма, необходимого в настоящее время на рынке труда. Образовательный процесс для лиц с наркотической зависимостью должен быть ориентирован на подготовку профессионалов по специальностям, востребованным на региональном рынке труда в местах их проживания. Существующие программы трудового обучения в ИУ должны быть переработаны на основе принципов и методов андрагогики – отрасли педагогической науки, включающей теоретические и практические проблемы обучения, образования и воспитания взрослых, среды социального знания и гуманитарную среду знания. В процессе специального профессионального обучения должны быть учтены особенности взрослых людей, в частности:

– стремление к самостоятельности;

– осознанное отношение к учебному процессу;

– стремление к осмысленности обучения: понимание необходимости знаний для решения конкретных задач и достижения конкретных целей;

– практическая направленность: стремление к применению полученных знаний, умений и навыков;

– наличие жизненного опыта;

– влияние на обучение социальных, трудовых и временных факторов.

Все специалисты, принимающие участие в реализации реабилитационного процесса как в ИУ (врачи, психологи, сотрудники групп социальной помощи), так и в НКО, государственных и негосударственных наркологических реабилитационных центрах, должны пройти в обязательном порядке тематическое усовершенствование по медико-социальной реабилитации при наркологических расстройствах.

Информационная сеть Интернет предоставляет в настоящее время большие возможности дистанционного обучения различным специальностям, включая сферу информационных технологий, в том числе и на бесплатной основе. Технически осуществимо предоставить возможности трудового обучения онлайн лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы. Этот подход поможет сократить расходы ИУ на трудовое обучение осужденных.

Государство, расширяя рынок труда, приняло закон о налоговых льготах для «самозанятых» [19]. Он облегчает реализацию индивидуальной трудовой деятельности. Возможность трудиться самостоятельно в 2022 г. имеется уже по 109 профессиям в 21 сфере трудовой деятельности. Бизнес получил в последние годы государственную поддержку в виде ссуд на начальную организацию и запуск трудовой деятельности, что также может быть применено наркозависимыми реабилитантами в качестве законного источника получения средств для существования. Увеличился масштаб проведения общественных работ, прежде всего в сфере садово-паркового хозяйства, к которым могут привлекаться лица, не имеющие определенных профессий.

Исследование, анализ и оценка материалов проекта по полипрофессиональной реабилитации наркозависимых лиц показывает необходимость системного подхода для повышения эффективности и качества процесса реабилитации лиц с наркотической зависимостью при инклюзии их в общество.

Следует считать, с учётом неэффективности медицинской, репрессивной моделей противодействия наркотизму, актуальной и необходимой реализацию следующих мероприятий.

Макроуровень

1. Принятие федерального закона о квотировании рабочих мест на предприятиях, в учреждениях, организациях всех форм собственности, обязывающего принимать на работу наркозависимых лиц, прошедших (и проходящих) принудительное (и не только) лечение и медико-социальную реабилитацию, в том числе ранее судимых. Работодателям нужно предоставить налоговые льготы, по аналогии льгот, предоставляемых при трудоустройстве инвалидов.

Возможно, в этот же или другой закон следует включить и квотирование бюджетных мест в учебно-производственных организациях, которые предоставляют возможность в сравнительно короткие сроки обучиться профессиям, востребованным в конкретных регионах.

2. Создать в РФ службу пробации, включив в её функции содействие трудоустройству ранее судимых наркозависимых лиц.

3. Ввести обязательное лицензирование организаций всех форм собственности, оказывающих социальные услуги алко- и наркозависимым и их семьям, в безусловном порядке включив трудовое обучение и трудовую занятость в виды оказываемой социальной помощи.

4. Ввести оплату из средств Социального фонда России на период прохождения реабилитации лицам с наркотической и алкогольной зависимостью сроком 6 месяцев, вследствие того, что алкогольная и наркотическая зависимость признаны в РФ социально опасными заболеваниями, по аналогии предусмотренной таковой при туберкулёзе.

Мезоуровень

1. Министерствам, ведомствам, службам, ответственным за противодействие наркотизму в

стране, указать на издание совместного приказа с солидарной ответственностью по трудоустройству алко- и наркозависимых лиц, после прохождения ими лечения и социальной реабилитации по организации и реализации, включая контроль за этим процессом, который может быть возложен на уголовно-исполнительную инспекцию (УИИ).

2. Обязать регистрационные органы требовать включения в уставы НКО, оказывающих помощь алко- и наркозависимым лицам, организацию трудового обучения и трудовой деятельности реабилитантов.

Микроуровень

НКО, осуществляющим деятельность по ресоциализации и инклюзии наркозависимых в общество, необходимо включить в программы реабилитационных мероприятий блок по социальной адаптации, в котором предусмотреть следующие разделы:

– трудовое обучение и трудовая деятельность;

– финансовая грамотность и планирование расходов;

– решение бытовых проблем и самообслуживание;

– общение и отношения в семье и на работе;

– планирование настоящей и будущей жизни в обществе.

Этот список предложений не является исчерпывающим и предполагает дополнения по мере реализации предложенного.

Список литературы

1. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками, 2021. Вена: ООН, 2022. 192 с.

2. Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: base/garant.ru/74938781/ (дата обращения: 25.06.2022).

3. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2020 г. М.: Государственный антинаркотический комитет, 2021. 62 с.

4. Доклад «Crime and Contagion: The impact of a pandemic on organized crime» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https//globalinitiative.net/wpcontent /uploads/2020/03/CovidPB1rev.04.04.v1.pdf (дата обращения: 07.07.2022).

5. Каснова М.С. Наркоситуация в условиях пандемии коронавируса: тенденция развития и правоохранительный контроль // Вестник экономической безопасности. 2020. **6**. С. 136–140.

6. Конституция Российской Федерации. М., 2022. 76 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: zakonrf.info/konstitucia/ (дата обращения: 20.06.2022).

7. Клевакин А.Н., Григорьева С.В. О толковании ключевых понятий видов реабилитации потребителей психоактивных веществ в законодательных и иных нормативных документах // Наркоконтроль. 2015. № 4 (41). С. 23–36.

8. Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 №3-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Режим доступа: base.garant.ru/2107402/ (дата обращения: 22.06.2022).

9. Постановление Правительства РФ № 9 от 01 декабря 2004 г. №715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Режим доступа: government.ru/docs/all/50614 (дата обращения: 27.06.2022).

10. Постановление Правительства РФ от 18 мая 2011 №394 «Об утверждении перечня отдельных видов трудовой деятельности и деятельности, связанной с источником повышенной опасности, на занятия которыми установлены ограничения для больных наркоманиями (с изменениями и дополнениями)» [Электронный ресурс]. Режим доступа: base/garant.ru/12185978/ (дата обращения: 28.06.2022).

11. Казаковцев Б.А., Булыгина В.Г., Макурина А.П. и др. Методика оценки протективных факторов при лечении и реабилитации психически больных: Методические рекомендации. М.: ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2013. 27 с.

12. Tannenbaum F. Crime and community. N.Y.: Ginn, 1938. 487 p.

13. Lemert E. Social Patology. Chapter 1and 2 (3 – 6). McGraw-Hill, 1951. 454 p.

14. Hoffman E. Stigma. London: Penguin, 1963. 123 p.

15. Becker H. Outsiders: studies in sociology of deviance. N.Y.: The Free Press, 1963. 179 p.

16. Гилинский Я.И. Девиантность в обществе постмодерна. СПб.: Алетейя, 2017. 222 с.

17. Шипунова Т.В. Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2012. 245 с.

18. Москалькова Т.Н. Проблемы ресоциализации осужденных лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Бюллетень Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. 2020. № 8. С. 4–13.

19. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018 №422-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Режим доступа: consultant.ru/document/cons_dor_LAW_311977/ (дата обращения: 05.07.2022).

VECTORS OF POSSIBLE EMPLOYMENT OF DRUG ADDICTS

S.M. Tikhomirov

The Expert Legal Center "Quattro", St. Petersburg

The growth of drug use in foreign countries and Russia is one of its negative consequences is the growth of recidivism. Drug addiction, especially in combination with a criminal record for crimes in the field of illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances, becomes a barrier to returning to life in society, contributes to the return to a criminal lifestyle. It is necessary for drug addicts to undergo a sufficiently long course of rehabilitation measures for successful inclusion in social life. The process of resocialization of drug addicts includes among the basic components of social support and assistance in employment. Difficulties in finding a job for people with drug addiction are primarily due to legislative prohibitions and restrictions on their admission to work in certain types of professional activities, stigmatization. The experience of many foreign countries shows that the legally established quotas of jobs at enterprises for the employment of persons with narcological pathology (dependence on alcohol and/or drugs) helps to solve this problem. It is proposed to intensify the involvement of drug addicts in such an intensively developing, innovative field of labor activity in Russia as self-employment, using the actual needs of the region of residence in specialists in specific professions, in particular, construction and repair of premises, cargo transportation, individual labor activity, as well as training and employment in the field of information technology

Keywords: drug addicts, employment, rehabilitation, innovation, social support, job quotas.

УДК 316.346.32-053.6
DOI 10.52452/18115942_2023_1_188

ПО СЛЕДАМ СЕКЦИИ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ»

© 2023 г.

Г.С. Широкалова, Е.И. Пронина

Широкалова Галина Сергеевна, д.соц.н.; проф.; старший научный сотрудник Приволжского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; ведущий научный сотрудник
Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова
shirokalova@list.ru
Пронина Елена Ивановна, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва
eipronina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 2.11.2022
Статья принята к публикации 20.01.2023

Представлен обзор докладов секции «Культурное наследие и связь поколений», проведенной в рамках Всероссийской научно-практической конференции Российского общества социологов «Социальная коммуникация в современном российском обществе» 20 октября 2022 г. Секция была организована с целью подведения первых итогов Международного исследования РОС-2022[1]. Анализ полученных данных стал основой докладов на секции, с содержанием которых познакомятся читатели данной статьи.

Ключевые слова: студенты, культурное наследие, связь поколений, традиции, коммуникации.

Открывая заседание, президент РОС В.А. Мансуров (Москва) отметил, что идея проведения ежегодной конференции РОС по актуальным проблемам современной России в таких значимых сферах, как образование, детство, экология, здравоохранение, социальное управление, зародилась более десяти лет назад. Очередная конференция посвящена изучению коммуникационных процессов в современной России. Данная секция задумывалась как возможность познакомить коллег с первичным анализом данных исследования РОС-2022, посвященного объявленному в России Году народного искусства и нематериального культурного наследия народов России. Преподавателями 77 образовательных организаций всех федеральных округов России методом онлайн было опрошено 12679 человек, из которых студентов российских вузов – 9751, иностранных студентов в российских вузах – 327 человек, студентов средних специальных образовательных учреждений (СПО) – 1773 человека. Представительная выборка позволила провести многомерный анализ данных, прежде всего по отдельным регионам страны, выявив ряд общих закономерностей, фиксирующих общие тренды развития межпоколенных отношений.

Полученные результаты инициативного исследования РОС дают ответы на вопросы, связанные с глубинными смыслами и особенностями коммуникации поколений. Исследование настолько многогранно, что в рамках одной секции можно только обозначить основные направления анализа. Несомненным достоинством полученных данных является то, что картины мира поколений, их морально-нравственные ценности дают материал для прогнозирования сценариев будущего.

Соорганизатор секции Г.С. Широкалова (Н. Новгород) отметила, что исследования молодежи, а тем более студенчества, в нашей стране можно назвать мониторинговыми: проводятся они разными учеными, на разных территориях, но по содержательно близким инструментариям. Это позволило социологам сделать выводы о качественном отличии поколений, разница в возрасте которых составляла ранее двадцать пять лет, а сейчас стремится к пятнадцати под влиянием технологического прогресса, обусловленного глобализацией всех сфер жизни. Мировоззренческие отличия даже в рамках одной страны становятся настолько стремительны вне зависимости от социального статуса семьи, места жительства, образования, что отражаются в длительности периода формирования поколения и их характеристиках. Специфика исследования РОС 2022 года в том, что инструментарий включал принципиально новые вопросы/варианты ответов, которые позволили выявить соотношение систем ценностей предыдущих поколений в сравнении с поколением респондентов, содержательные характеристики молодежи по отношению к культуре своих народов, их представление об идеальном обществе и оценки общества, в котором они живут.

Методологическую основу секции задал доклад И.Л. Грошева и И.А. Грошевой (Тюмень) «Молодёжь в коммуникативном пространстве: в

поисках себя». По их мнению, «общественную память целесообразно определять как фундамент, основу для формирования соответствующей надстройки – системы коллективного мировоззрения, комплекса оценочных показателей и критериев, морально-нравственных ориентиров на групповом и индивидуальном уровнях. При этом сам фундамент является непрерывно совершенствующимся элементом в структуре социального бытия, эта трансформация происходит как в объемном информационном наполнении, так и в направлении изменения качества и свойства всей конструкции.

Проблематика коммуникативного пространства, соответственно возникающие затруднения у молодежи в «поиске себя, своего места и статуса» обусловлены: феноменом общественного сознания; спецификой субъектов-носителей памяти, опыта, системы мировоззрения; технологией коммуникации, направленностью и скоростью её развития, объемом и релевантностью используемого информационного массива. Однако в современных условиях беспрецедентного внешнего информационного давления создаются все условия для решения вышеуказанных проблем, что характеризует ситуацию с крайне позитивными перспективами.

Анализируя результаты исследования, полученные в Волгоградском государственном техническом университете (*N*=248), Е.В. Ануфриева (г. Волгоград) в докладе «Отцы» и «деды» глазами современных студентов (по материалам прикладного исследования)» обращает внимание на тот факт, что, по мнению студентов-политехников, поколение «отцов» уступает поколению «дедов» в уважении и соблюдении народных обычаев (59.6% против 85.1% соответственно), в знании и исполнении народных песен (36.5% против 68.8%), в том, что слушают национальную музыку (40.4% против 54.8%) и собирают библиотеку на родном языке (38.7% против 62%). Не менее интересны характеристики положительных качеств различных поколений, данные студентами. Говоря о поколении «отцов», студенты отмечают – трудолюбие в 87.7% случаев, ответственность – 83.9%, самодисциплину – 80.3%, отзывчивость – 79.2% и добросовестность – 79.1%. В характеристиках поколения «дедов» лидирует патриотизм – 95%, ответственность – 93%, трудолюбие – 91.6%, добросовестность – 90.9%, верность – 90.4% и доброта – 90.2%. Нельзя не заметить, что патриотизм поколения «отцов» (76.3%) заметно уступает патриотизму «дедов», как и коллективизм – 71.3% против 85.6%. В целом автор доклада приходит к заключению, что, по мнению волгоградских студентов, поколение дедушек/бабушек выглядит более положительным в таких важных для каждого человека качествах, как взаимопомощь, сопереживание, щедрость, отзывчивость и самодисциплина.

В докладе «Общее и особенное в отношении российских студентов различных федеральных округов к сохранению народной культуры (по итогам социологического исследования)» Н.В. Дулина (г. Волгоград) напомнила, что Россия – очень большая и очень разная страна, а потому общие средние цифры «в целом по стране», как правило, не отражают ситуацию на местах – в конкретных регионах, городах и т. д. Данное утверждение в очередной раз нашло свое подтверждение в результатах исследования, проведенного РОС среди студентов страны. В данном исследовании представлены все федеральные округа, что обеспечивает возможность проведения сравнительного анализа данных, полученных на разных территориях, вошедших в границы исследования. Количество студентов, опрошенных в разных федеральных округах, порой заметно различается, однако объемы выборок с достаточно высокой степенью вероятности позволяют сделать вполне содержательные выводы. Важный аспект сохранения и развития народной культуры – это проблема ее преемственности между поколениями. Отрадно отметить, что только 8.4% от общего числа опрошенных студентов полагают, что народная культура – пережиток прошлого, в мире есть куда более интересные и важные культурные явления. Но в Центральном федеральном округе (ЦФО) мнение о том, что народная культура – пережиток прошлого, разделили 10.5% респондентов, в Уральском (УФО) – 10.0%. Более всего затруднившихся ответить на вопрос о необходимости сохранения народной культуры в следующих округах: Сибирском (СФО) – 15.7%, в Северо-Западном (СЗФО) – 14.8%, УФО – 12.3%, ЦФО – 11.3%. На вопрос «Должен ли современный человек хорошо знать культуру своего народа?» студенты в подавляющем большинстве дали утвердительный ответ. Однако расхождение проявляется в акцентах: для одной части опрошенных основной аргумент – это ощущение человеком своей принадлежности к определенному этносу, своей идентификации с ним, стремление сохранить его традиции (в целом по массиву данную альтернативу указали 46.7%), для других – не менее значимо и не замкнуться на культурном наследии своего этноса, ориентироваться и в культурном наследии других народов (47.6%). И опять-таки, ориентация на других в большей степени проявилась в ответах студентов из СФО (56.3%), СЗФО (55.1%), ЦФО (52.3%).

Данные исследования убедительно свидетельствуют, что есть достаточно большое количество «мелочей» и разногласий в оценках и мнениях студентов, которые требуют самого пристального внимания со стороны исследователей, чтобы лучше понимать современное студенчество.

Ю.Р. Вишневский (г. Екатеринбург) в докладе «Актуальна ли народная культура для молодежи?» дает положительный ответ на этот вопрос. Докладчик обратил внимание на важнейшую методологическую и методическую особенность исследования – организаторы рассматривали студентов не только как респондентов, но и как активных участников-исследователей. Студентам предлагалось оценить роль народной культуры в своей личной жизни и ее важность для своих родителей (отец, мать) и прародителей (дедушка, бабушка). Данный подход себя оправдал, предоставив исследователям богатейший эмпирический материал для анализа.

В силу многонациональности и поликонфессиональности Российской Федерации важно было охарактеризовать молодежь отдельных этнических сообществ. В докладе «Социокультурные основания преемственности поколений» Р.М. Валиахметов (г. Уфа) подчеркнул, что «социокультурные основания преемственности поколений являются более фундаментальными/стабильными и прочными, нежели экономические и материальные. Поэтому в основе патриотизма нужно закладывать воспитание и привитие чувств любви и преданности малой родине, языку, культуре, истории и традициям своего народа. Особая роль в трансляции социокультурных ценностей принадлежит семье. Важно, что у студентов есть понимание того, что, сохраняя и развивая культуру своего народа, необходимо знать/ориентироваться в культуре и традициях других народов».

Особое внимание вызвал доклад М.М. Юсупова (г. Грозный) «Социокультурная коммуникация поколений». По данным ученого, свыше трех четвертей студентов Чеченской Республики заинтересованы в сохранении своей этнической культуры, более 20% считают важным ориентироваться и в культурном наследии других народов. Космополитизм проявили 4% опрошенных студентов, на их взгляд, культуры отдельных народов давно потеряли актуальность. Значимость опыта родных особенно велика в вопросах организации быта, выборе профессии, приобретении личных вещей, реже при оценке внешних событий, выборе друзей, использовании свободного времени. Здесь молодежь чаще ориентируется на свое мнение: 72.5 – 84.4%, например, выбирая друзей, профессию, выстраивая отношения с людьми. Малозначимо мнение блогеров, рекламодателей. Анализ данных позволил сделать вывод, что в региональной общности сильно выражена традиционная культура и национально-этническая идентичность, предрасположенность к сохранению народной культуры и трансляции ее следующим поколениям. В то же время молодые включены в виртуальный мир, социальные сети, общаются со сверстниками, используя различные приложения в телефоне. Информационные технологии все чаще образуют линии коммуникационного разрыва между старшим и младшим поколениями.

Особое внимание в национальной политике России уделялось и многоэтничным регионам. Среди них Астраханская область, данные по вузам и СПО (N=253) которой представлены в докладе «Феномен народной культуры в представлениях студентов российской провинции» В.В. Дьяковой (Астрахань): «Народная культура играет ключевую роль как в процессе идентификации личности, так и консолидации современного общества. Поэтому вопрос о сохранении и преемственности народных культурных ценностей, норм и ориентаций является актуальным и для общественных дискуссий, и для научного анализа. Подавляющее большинство респондентов (92.5%) считают, что современный человек должен хорошо знать культуру своего народа, из них 55.3% в силу принадлежности к конкретной этнической группе и желания сохранить ее культурное наследие, 37.2% – для умения ориентироваться в культурном наследии других народов. 7.5% студентов отмечают, что культуры отдельных народов потеряли свою актуальность в современном мире».

На вопрос «Считаете ли Вы важным сохранение народной культуры?» 79.1% ответили утвердительно – необходимо прилагать все усилия, чтобы сохранить и передать народную культуру потомкам. 8.3% студентов считают, что в мире есть более важные и интересные культурные явления, а народная культура – это пережиток прошлого. 12.3% затруднились ответить на этот вопрос. Стоит отметить, что при анализе двумерных распределений была выявлена сильная взаимосвязь между ответами на этот вопрос и специализацией обучающихся – коэффициент Крамера равен 0.610.

Еще одним многонациональным регионом России является Ставропольский край, где заполнило анкету 911 студентов СГПИ и СКФУ. В докладе «Показатели проектного мышления студентов в исследовании межпоколенных связей» Т.Ф. Масловой (Ставрополь) дан комментарий данных о межпоколенных связях, указы-

вающих на выраженность проектного мышления жизнедеятельности студенческой молодежи региона. На основании данных исследования РОС 2022 г. был сделан вывод о проектном мышлении студентов в наиболее важных аспектах жизни и социальных отношений: идеальные и реальные качества личности, общества, выраженность связи с родиной в жизненных стратегиях; диспозиции в отношении семьи и государства, другим людям. В частности, 62.6% опрошенных не собираются покидать родину после получения профессионального образования; 87.9% считают, что «необходимо прилагать все усилия, чтобы сохранить народную культуру и передать ее нашим потомкам». В то же время, отвечая на вопрос о предпочтительном для жизни времени, 39.7% указали «сейчас и только сейчас»; 17.1% – в дореволюционной Российской империи; 16.5% пожелали оказаться в будущем, «когда вырастет новое поколение».

В докладе «Отношение учащихся СПО к народной культуре и советам родных» Л.И. Пронина (Москва) проанализировала ответы учащихся СПО, возраст которых от 15 до 18 лет. В разных регионах иерархия выстраивается поразному, но в основном первые позиции одинаковы. Будучи в силу возраста в тесной связи с родительской семьей, они считают важным сохранение (по степени убывания) семейных традиций, национальной кухни, равенства мужчины и женщины, народного искусства, традиционной религии, обрядов, встречающих и провожающих человека в жизни, народного костюма, главенства старшего в роду, и на последнем месте – главенство мужчины в семье. Стремление построить семью, в которой муж и жена обладают равными правами, – общемировой тренд, который имеет под собой объективные основания – новые технологии требуют интеллекта, а не физической силы. Доля женщин среди студентов высших учебных заведений в Советском Союзе была значительно выше, чем мужчин. И хотя рыночные отношения в девяностых резко снизили статус женщин в обществе, в последние годы женщины берут реванш во всех сферах.

В силу возраста учащиеся СПО в большей степени, чем студенты вузов, зависят от всех форм поддержки со стороны семей, поэтому чаще прибегают к советам и помощи родных при покупках, выборе мест работы, подработки и профессии, оценке событий в стране и мире. Но выбирая друзей, круг чтения, аудио- и видеопродукции они больше опираются на собственные предпочтения, что свидетельствует о большем влиянии иных акторов, формирующих смысловое пространство молодежи.

Среди таких акторов особое место принадлежит виртуальному пространству, особенности которого стали предметом изучения Л.И. Грошевой. «С одной стороны, молодые люди вынуждены ограничиваться виртуальной средой, так как объём усвоения необходимой информации, количество поставленных задач при общей утомляемости организма депривируют установки на реализацию социально активной позиции в иных форматах взаимодействия». В докладе «Методы и механизмы формирования информационного пространства в виртуальной среде» было выделено семь наиболее значимых субъектов интернет-пространства, среди которых «Интернет-сферы, ориентированные на поверхностное ознакомление с информацией для реализации досуговой составляющей бытовой рутины, не нацеленные на проверку и анализ информации и активное участие в жизни виртуальных сообществ»; «Интернет-агрессоры, ориентированные на реализацию различных форм подавления участников виртуальной коммуникации (буллинг, шейминг и пр.), которые могут проявлять активность как ввиду монетизации усилий, так и по причине личных установок, девиантного поведения»; «Провокаторы и субъекты социально-политической ориентации, целью которых выступает активизация и побуждение людей к определённым действиям, столкновению интересов и разжиганию ненависти по различным принципиальным аспектам (национальная принадлежность, гендерная идентификация, поколенческие различия и пр.)»; «Просветители, позиционирующие себя в качестве экспертов в определённых областях либо в широком диапазоне знаний. В данной группе участников следует разделить на две подкатегории: действительных аккредитованных специалистов (имеющих опыт работы в выбранной тематике и/или учёную степень) и академических «симулянтов» (создающих видимость широких знаний благодаря применению манипулятивных приёмов воздействия)».

А.В. Кульминская (Екатеринбург) в докладе «Противоречивая роль СМИ в формировании культуры молодежи» на основе данных исследования 2022 г. показала, что значительная часть молодежи с недоверием относится к средствам массовой информации. Полностью согласны с тем, что «журналисты показывают то, за что им хорошо платят», 47%, с тем, что «у СМИ и блогеров нет позиции, им нужны лайки» – 31%, «СМИ дают объективную информацию» – 20%. Многими не одобряется роль, которую играют СМИ в обществе: согласны с тем, что СМИ культивируют насилие, преступность – 24%, не согласны – 28%. Вместе с тем далеко не

все могут проследить причинно-следственные связи: 17% считают, что СМИ разрушают семью, а 42% придерживаются противоположного мнения. Но в целом мнение «СМИ формируют образ жизни» поддерживают 46%. Автор предполагает, что ряд вариантов ответа, скорее всего, не был отрефлексирован респондентами в должной степени.

В докладе «Латиница вместо кириллицы: риски смены регионального вектора на глобальный» Г.С. Широкалова (Н.Новгород) подняла дискуссионную проблему о будущем региональных языков. В условиях глобализации неизбежно создание языка международного общения, которым становится язык наиболее развитых технологически и экономически стран, к тому же имеющих большой демографический ресурс. Сегодня этим признакам в наибольшей степени отвечает английский язык в его американском варианте, имеющий латинскую графику. В связи с этим у малых народов, приобретающих/желающих приобрести более высокий статус в международном сообществе, возникает желание выбора графического оформления национальных языков с целью ускорения процесса суверенизации. Сторонники перехода на латиницу в самой России достаточно активны, поэтому вопрос на эту тему был актуален. Степень осознания студентами Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии (*N*=383 чел.) замены кириллицы на латиницу на российском пространстве отражена в их ответах на вопрос «Какие последствия, на ваш взгляд, следует ожидать в случае перехода в странах СНГ на латиницу?». Возьмем доли «согласных» с перечисленными ниже вариантами: «Перевод на латиницу всех книг, изданных с XVI века, невозможен. Следовательно, будет утрачен огромный пласт культуры» – 53.5%; «Это изменит звучание языка, а русский язык один из самых красивых в мире» – 48.8%; «Это удобно для межгосударственных связей» – 47.8%; «Это приведет к утрате национального характера» – 46.5%; «Это возможно для народов, когда-то имевших письменность на латинице» – 41.3%; «Это приведет к разрыву межпоколенных связей» – 41.8%; «Это обеднит мировую культуру» – 33.4%; «Процессы глобализации сделают это и без нашего участия» – 30.5%; «Это очередной шаг уничтожения единства народов СНГ» – 29.5%; «Это удобно для будущих поколений» – 27.7%; «Реформа закономерна и отвечает запросам времени» – 24.5%. Вопрос предполагал многовариантность ответов, что позволило выявить степень согласия/сомнений/возражений. И хотя обеспокоенность последствиями доминирует у студентов, но есть и понимание объективности этого процесса, который идет в той или иной форме.

Органично дополнили результаты исследования РОС инициативные работы социологов. Так, Г.В. Градосельская (Москва) в докладе «Социологическая теория в изменении социальных институтов: по результатам сетевого картирования российских ученых-гуманитариев», проанализировав сетевое картирование российских ученых-гуманитариев в социальной сети «ВКонтакте», доказала, что молодые ученые-гуманитарии являются основными посредниками, распространяющими свои идеалы, ценности на другие молодежные, социально и политически активные группы, формирующие их практики. Изменяя ценностные установки и практики групп ученых-гуманитариев можно изменять практики широкого спектра групп-реципиентов, связанных с ними. Изменение социальных групп становится механизмом изменения социальных институтов. Наиболее уязвимыми объектами изменения социальной реальности являются ключевые социальные институты: государство, социальные группы и страты, семья, образование и т.п.

Е.С. Шпаковская (Москва) выступила с докладом «Духовный идеал в представлении студенчества вузов Москвы». Показательны ответы молодежи на вопрос «Кто является для вас духовным идеалом?». Были получены следующие ответы: «Идеала нет» (23.4%), «Я для себя идеал» (12.1%), «Духовный наставник, Бог» (14.3%), «Медийная личность (певец, актер, спортсмен)» (4.5%), «Член семьи/близкий человек» (28.8%), «Авторитетные личности (ученые, писатели, философы, политические деятели)» (6.9%), «Блогер, видеоблогер» (2.1%), «Герои книг, вымышленные персонажи» (1.4%), «Набор определенных качеств» (6.3%). Их распределение позволило автору сделать вывод, что происходит деморализация понятия «духовный идеал», которая формирует ориентации на индивидуальные ценности и личный рост вне общества, отсутствует желание духовного развития, которое заменяется клиповым мышлением.

С докладом «Коммуникативная компетентность социального работника» выступила З.Х. Саралиева (Н. Новгород). Компетентность – это не только способность, но ещё и соответствие, пригодность к исполнению профессиональных функций. Относясь к помогающим профессиям, социальная работа имеет опосредованное отношение к социальному управлению в его широком толковании, содействуя сохранению и развитию в том числе и социокультурных связей поколений.

Личностный коммуникационный потенциал опирается на мышление (главное: оператив-

ность, ассоциативность, критичность, саморефлексия), эмпатичность (в нашем случае – готовность и умение коммуницировать, вчувствование в состояние другого человека), эмоционально-психологическую устойчивость. Складывается из составляющих: личностных качеств; профессиональной подготовки.

В профессиональной подготовке социальный работник должен:

– ориентироваться на постоянное самообразование, самосовершенствование;

– быть ответственным за выбор стиля и средств коммуникации;

– владеть всем арсеналом делового общения: беседы, консультации, совещания, заседания, переговоры, телефонные переговоры, презентации, доклады, привлекая при необходимости современные технические средства коммуникации;

– приобрести качества социологичности мышления (социальность познания как путь к пониманию социальных процессов, их развитию, тенденциям, что важно для взаимодействия человека и социума, удовлетворения потребностей личности в осознанном соотношении их с возможностями малой группы/семьи, общности, общества);

– быть способным к субъект-субъектному диалогу (коммуникативное партнерство, противодействие навязыванию чужого мнения).

С.А. Судьин (Н. Новгород) в докладе «Практики здоровьесбережения как элемент семейной культуры и межпоколенного взаимодействия» отметил, что практики здоровьесбережния – введенное нами понятие, обозначающее культурно и семейно обусловленные поведенческие паттерны, направленные на сохранение здоровья. Принципиальное отличие от такой категории, как здоровый образ жизни, заключается в том, что практики здоровьесбережения не основаны на доказанных медицинских практиках. В них можно выделить объективные и субъективные характеристики, часто противоречащие друг другу. Например, здоровое с медицинской точки зрения питание может быть элементом этнической культуры и сохраняться без осознания его протективной функции. Напротив, употребление, например, алкоголя, явно противоречащее здоровьесбережению, может восприниматься как защитная мера при простудных и даже сердечно-сосудистых заболеваниях.

Распространение ковид-19 и противоэпидемических мер несколько изменило паттерны здоровьесбережения. Если в 2018–2019 гг. основной интерес концентрировался на существующих практиках здоровьесбережения в традиционных условиях функционирования, то начало пандемии придало этим вопросам иной характер. Так, некоторые из этих вопросов обрели особую остроту: наличие сахарного диабета, ожирения, сердечно-сосудистых патологий стало ассоциироваться с тяжелым течением ковида и подтолкнуло определенную часть нижегородцев к коррекции здоровьесберегающего поведения. К сожалению, не всегда в разумном направлении: бесконтрольный прием витаминов и БАДов, профилактический прием антибиотиков и противовирусных препаратов, а также рост алкоголизации, которой приписываются протективные функции. Это соответствует нашей трактовке здоровьесбережения как совокупности культурно и семейно обусловленных практик, нередко идущих вразрез с медицинскими выводами.

Другая часть нижегородцев встала в пассивную оборону против принципов доказательной медицины. Движение антипрививочников в сочетании с активностью противников карантинных мер сформировало противоположный лагерь, занимающийся дискредитацией существующих терапевтических протоколов, что может привести к появлению новых форм квазиздоровьесбережения.

Подводя итог работы секции, участники отметили, что, сравнивая свое поколение с поколением «отцов» и «дедов», молодежь приходит к выводу об утрате многих традиций и нравственных ориентиров, но вынуждена отказываться от них как не соответствующих современным условиям.

Существующий среди молодежи повышенный спрос на сетевую информацию при отсутствии социального опыта и развитого критического мышления превращает ее в объект управления через наиболее эффективные социальные группы воздействия. Усвоение материала в рамках каналов массового информирования происходит по принципу оценки визуального контента, а также его популярности у анонимной аудитории, но не качества с позиций научности и объективности. Таким образом, манипуляции в сетевой коммуникации превращают молодежь из субъекта в объект.

В связи с этим необходимо:

– принятие законодательства о государственном контроле за виртуальным пространством для реализации поправок в Конституцию РФ, принятых в 2020 г.;

– увеличение гуманитарной составляющей в образовательных программах средней и высшей школы;

– восстановить институт бесплатного дошкольного и школьного дополнительного образования с ориентацией на спектр профессий, необходимых в народном хозяйстве в будущем;

– создать национальные программы распространения традиционной культуры через разработку туристических сайтов по РФ по природным заповедникам, историческим памятным местам, сайтов виртуальных экскурсий в музеи, художественные галереи.

Примечание

1. Более полная его характеристика представлена в обобщающих публикациях организаторов исследования: Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи; Дулина Н.В., Засыпкин В.П., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте).

Список литературы

1. Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И. и др. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 61–78.

2. Дулина Н.В., Засыпкин В.П., Мансуров В.А. и др. Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5 (80). С. 151–154.

FOLLOWING IN THE FOOTSTEPS OF THE SECTION «CULTURAL HERITAGE AND COMMUNICATION OF GENERATIONS»

***G.S. Shirokalova*[1,2], *E.I. Pronina*[2]**

[1] Linguistics University of Nizhny Novgorod
[2] Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow

An overview of the reports of the section «Cultural Heritage and the connection of generations», held within the framework of the All-Russian Scientific and Practical Conference of the Russian Society of Sociologists (RSS) «Social Communication in modern Russian Society» on October 20, 2022, is presented. The section was organized to summarize the first results of the International Study of RSS-2022. The analysis of the data obtained became the basis of the reports on the section, the content of which will be introduced to the readers of this article.

Keywords: students, cultural heritage, communication of generations, traditions, communications.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 37.08
DOI 10.52452/18115942_2023_1_195

АНАЛИЗ ЗАТРУДНЕНИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЫХ ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2023 г.
К.Е. Бережнова, Г.Е. Муравьёва, М.В. Шептуховский

Бережнова Кристина Евгеньевна, магистрант образовательной программы «Педагогическая инноватика» Шуйского филиала Ивановского государственного университета
kristushka01051991@mail.ru
Муравьёва Галина Евгеньевна, д.пед.н.; проф.; профессор кафедры педагогики и специального образования Шуйского филиала Ивановского государственного университета
gemur@mail.ru
Шептуховский Михаил Васильевич, д.пед.н.; проф.; профессор кафедры истории, географии и экологии Шуйского филиала Ивановского государственного университета
iogs4p17@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.12.2022
Статья принята к публикации 12.01.2023

Начало профессиональной педагогической деятельности всегда сопряжено с большим количеством проблем и трудностей. Современная ситуация системы дошкольного образования добавляет объективные факторы, вызывающие эти затруднения: это и реализация федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования, и специфика деятельности конкретного дошкольного образовательного учреждения. Кроме того, общая ситуация социальной и, как следствие, педагогической неопределенности не позволяет молодому педагогу чувствовать себя уверенно при выполнении своей профессиональной деятельности. В статье представлены результаты исследования затруднений в профессиональной деятельности молодых (начинающих) педагогов дошкольного образования г. Шуи Ивановской области. В исследовании приняли участие 12 молодых педагогов и 12 экспертов – заведующих дошкольными образовательными учреждениями и старших воспитателей. Выявлены виды педагогической деятельности и конкретные трудовые действия, в которых воспитатели испытывают наибольшие затруднения: гностический, проектировочный и рефлексивный. Сделан вывод о необходимости развития института наставничества в образовании и организации специальной работы по преодолению и предупреждению затруднений начинающих педагогов.

Ключевые слова: педагогическая деятельность, затруднение в профессиональной деятельности, молодой педагог, начинающий педагог, дошкольное образование.

Введение

Профессиональное становление будущего педагога начинается с подготовки в вузе и предполагает как теоретическое, так и практическое обучение, результатом при этом обычно является достаточный уровень профессиональной компетентности. В процессе становления, а также и собственно профессиональной деятельности нередко возникают проблемы и трудности, связанные с ее качественным выполнением, особенно это характерно для молодых, начинающих свою профессиональную карьеру педагогов.

Проблема исследования затруднений молодого педагога является комплексной, внутри которой выделяются профессиональные, социальные, психолого-педагогические, медицинские и др. аспекты.

В научных работах ряда ученых (А.Ф. Балакирев [1], М.В. Варгамян [2], Е.В. Куренная, Г.Е. Муравьёва [3], И.А. Маланов [4], Т.С. Полякова [5], И.Ю. Шитова [6] и др.) как предмет исследования рассмотрены трудности в период профессионального становления молодого педагога. В частности, в наших исследованиях [3] были изучены и классифицированы затруднения педагогов в проектировочной деятельности. В настоящем исследовании представлена характеристика затруднений молодого педагога, работающего в системе дошкольного образования.

Деятельность современного воспитателя детского сада сопряжена с большим количеством проблем и трудностей [7]. Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту дошкольного образования (ФГОС ДО), педагоги должны направить свою деятельность:

– на сохранение и поддержание здоровья воспитанников детского сада;

– на проведение развивающих и обучающих занятий, направленных на развитие личности ребенка в различных видах общения и деятельности;

– на подготовку воспитанников к успешному поступлению в школу;

– на осуществление взаимодействия между родителями и дошкольной организацией;

– на создание условий преемственности между дошкольной и начальной ступенями образования [8].

Решение этих задач напрямую зависит от готовности педагогического коллектива детского сада осуществлять образовательную деятельность в современных условиях гибкости и изменчивости образовательного и социального пространства.

Наиболее сложно приходится молодым педагогам, имеющим небольшой педагогический опыт и проходящим период адаптации к новым профессиональным условиям [9; 10]. Сложность еще и в том, что деятельность каждого дошкольного образовательного учреждения в настоящее время отличается своей спецификой и направленностью. Перечисленные факторы способствуют появлению множества затруднений в профессиональной деятельности молодых педагогов дошкольного образования.

Таким образом, можно выделить следующие противоречия:

– между имеющимся уровнем современной профессиональной подготовки молодых педагогов дошкольного образования и постоянным повышением требований к педагогической деятельности в дошкольном образовательном учреждении в соответствии с его спецификой и направленностью;

– между многоаспектностью необходимых трудовых функций профессионального стандарта педагога (воспитателя) [11] и обобщенностью содержания универсальных (общекультурных), общепрофессиональных и профессиональных компетенций Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (ФГОС ВО) по направлению подготовки «Педагогическое образование» [12].

Затруднения в профессиональной деятельности молодых педагогов дошкольного образования мы рассматриваем, опираясь на трактовки Н.В. Кузьминой [13], А.К. Марковой [14] и др., как субъективные состояния остановки в деятельности, характеризующиеся напряженностью и неудовлетворенностью профессиональной деятельностью, которые возникают вследствие внешних причин (проблемы вхождения в профессию, недостаточность методического обеспечения труда и т.п.), а также внутренних причин, носящих субъективный характер.

Цель нашего исследования – выявление и описание затруднений в профессиональной деятельности молодых педагогов дошкольного образования г. Шуи Ивановской области.

Методы исследования

Опытно-экспериментальная база исследования: дошкольные образовательные учреждения № 14, 23, 28, 36, 40 г. Шуи Ивановской области. В качестве основного способа исследования затруднений нами использовался метод самооценки, который является, с нашей точки зрения, наиболее адекватным, так как субъективное состояние человека не всегда поддается стороннему наблюдению. В дополнение к самооценке затруднений в профессиональной деятельности использовался метод экспертной оценки сформированности трудовых действий и умений молодых воспитателей. В качестве экспертов выступали заведующие дошкольными образовательными учреждениями и старшие воспитатели.

Результаты и их обсуждение

В качестве диагностического инструментария использована анкета, составленная нами на основе двух (анкета «Диагностика затруднений и потребностей педагогов» (автор Т.С. Соловьева) и «Анкета для учителей по самооценке своей деятельности» (автор О.Н. Иванова)), которая была предложена молодым педагогам дошкольного образования.

Анкетирование предполагало выяснение у педагогов дошкольных образовательных учреждений, в каком из компонентов профессиональной деятельности (гностический, проектировочный, конструктивный, организаторский, коммуникативный, рефлексивный) они испытывают наибольшее количество затруднений.

В анкетировании, проводившемся с использованием Google-форм, приняли участие воспитатели, имеющие педагогический стаж от одного года до трех лет, – всего 12 человек. Все испытуемые имеют высшее педагогическое образование. Возрастной состав испытуемых: 21–25 лет – 25% (3 чел.), 26–30 лет – 50% (6 чел.), 31–35 лет – 8.3% (1 чел.), 36–40 лет – 8.3% (1 чел.), 41–45 лет – 8.3% (1 чел.)

Результаты исследования представлены в таблицах и на диаграммах.

В табл. 1 представлены результаты самооценки затруднений в профессиональной дея-

Таблица 1

Затруднения молодых педагогов в профессиональной деятельности на основе самооценки

Молодые педагоги	Компоненты профессиональной педагогической деятельности					
	Гностический	Проектировочный	Конструктивный	Организаторский	Коммуникативный	Рефлексивный
1	1.67	1.75	1.25	1.14	1.57	1.20
2	1.67	1.00	1.00	1.14	1.00	1.60
3	1.83	1.00	1.25	1.28	1.28	1.20
4	**2.00**	1.25	1.75	1.57	1.28	1.60
5	1.83	1.25	1.75	**2.00**	1.28	1.80
6	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00
7	1.67	**2.25**	1.50	1.85	1.43	1.60
8	1.00	1.25	1.50	1.00	1.43	1.40
9	1.50	1.75	1.00	1.14	1.00	1.40
10	**2.16**	1.25	1.25	1.57	1.28	1.00
11	1.33	1.75	**2.50**	1.43	1.57	1.60
12	1.16	1.50	1.00	1.14	1.00	1.60
Средний балл	**1.56**	**1.43**	**1.40**	**1.36**	**1.26**	**1.42**

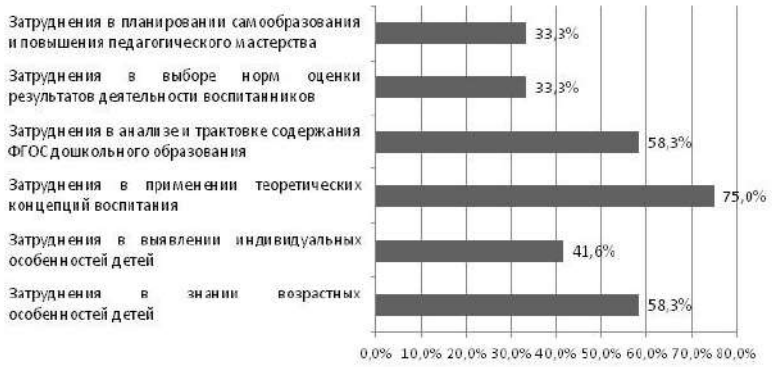


Рис. 1. Затруднения молодых педагогов в профессиональной деятельности (гностический компонент)

тельности молодых педагогов. Самооценка затруднений производилась по шкале от 1 до 3: ответ «да, испытываю затруднения» оценивался в 3 балла, ответ «отчасти, испытываю затруднения в отдельных случаях» – в 2 балла и ответ «нет, не испытываю» – в 1 балл, далее подсчитывался средний балл по каждому компоненту.

В представленной табл. 1 видно, что почти все молодые педагоги (кроме одного, № 6) по всем или по отдельным компонентам профессиональной деятельности демонстрируют затруднения. На первом месте, то есть вызывает наибольшие затруднения, гностический компонент профессиональной деятельности (1.56), на втором месте – проектировочный (1.43) и рефлексивный (1.42) компоненты деятельности, на третьем месте – конструктивный (1.40), на четвертом месте – организаторский (1.36), на пятом месте – коммуникативный компонент (1.26), вызывающий наименьшие затруднения у молодых педагогов. В табл. 1 выделены также отдельные «болевые точки», компоненты профессиональной педагогической деятельности, требующие персонализированной помощи некоторым молодым воспитателям.

Далее на диаграммах представлены результаты самооценки затруднений молодых педагогов дошкольного образования по показателям компонентов профессиональной деятельности, учитывались ответы «да» и «отчасти», количество респондентов представлено в процентах.

Как видно на рис. 1, больше половины респондентов испытывают в той или иной степени следующие затруднения в гностической (познавательной) деятельности: в знании возрастных особенностей детей (58.3%); в применении теоретических концепций воспитания (75%); в анализе и трактовке содержания ФГОС дошкольного образования (58.3%). Эти результаты свидетельствуют о слабости профессиональной подготовки воспитателей.

В проектировочной деятельности наибольшие трудности возникают у воспитателей в выборе соответствующего метода или методического приема для реализации целей занятий (рис. 2), их отметили 58.3% опрошенных. Почти отсут-

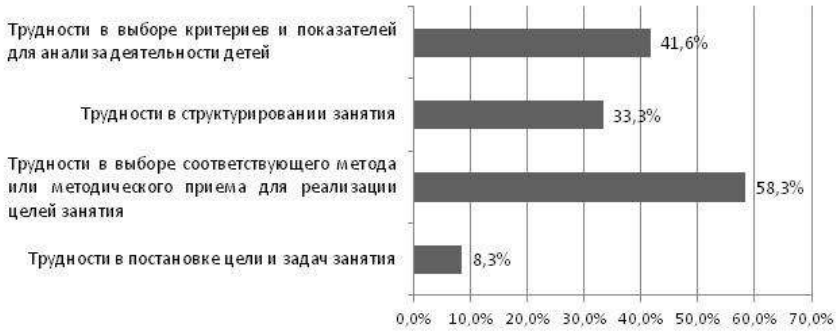


Рис. 2. Затруднения молодых педагогов в профессиональной деятельности (проектировочный компонент)

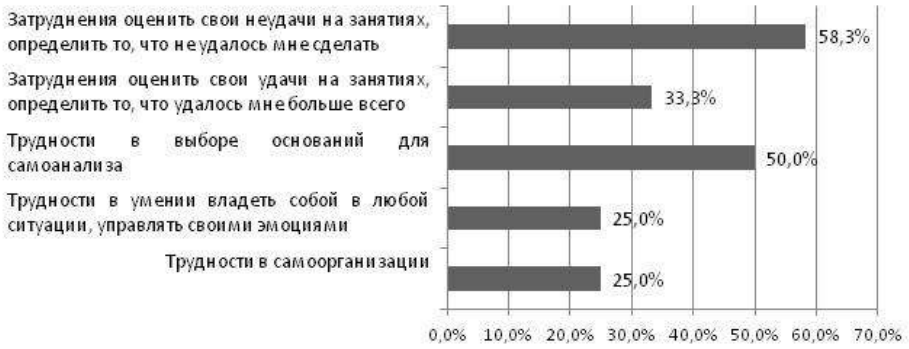


Рис. 3. Затруднения молодых педагогов в профессиональной деятельности (рефлексивный компонент)

ствуют трудности в постановке цели и задач занятия, их выделил только один воспитатель.

В рефлексивной деятельности выделяются трудности в выборе оснований для самоанализа (50% опрошенных) и в оценке своих неудач на занятиях, определении того, что не удалось сделать (58.3% опрошенных) (рис. 3). Интересно, что оценить свои удачи может большее число респондентов. Вероятно, в данной группе начинающих воспитателей преобладает позитивное отношение к себе и своей профессиональной деятельности.

Конструктивная деятельность вызывает трудности в использовании технологий и методов на занятии, это отметили 58.3% опрошенных. Очевидно, что эти затруднения связаны с недостатками прикладной направленности профессионального образования, с ограниченностью производственной практики, малым количеством практических занятий и слабой реализацией принципа практикоориентированности профессиональной подготовки. Тот же единственный воспитатель, который затрудняется в постановке цели и задач занятий, отметил и затруднение в определении места их предъявления в процессе занятия (начало – конец). В определении способа предъявления целей и задач (педагог – воспитанник) мероприятия затрудняются 33.3% воспитателей. Трудности в изготовлении и применении наглядных средств испытывают 25% молодых педагогов.

В организаторском компоненте педагогической деятельности 66.7% начинающих воспитателей испытывают затруднения в подготовке обучающихся к переходу на следующий образовательный уровень, то есть в процессе подготовки к школьному обучению. Возможно, сама формулировка затруднения оказалась довольно широкой, включающей множество элементов образовательной деятельности, что повлекло за собой сомнение и неуверенность респондентов. Полностью отсутствуют трудности в проведении итоговой части занятия, трудности в проведении вводной части занятия испытывает один человек. Также почти не вызывает затруднений использование различных технических средств в процессе организации образовательной деятельности воспитанников (8.3% опрошенных). Организация работы воспитанников на занятии вызывает затруднения у 41.6% молодых воспитателей. У 33.3% респондентов трудности в большей или меньшей степени возникают в формировании умений и навыков детей, а также в процессе подготовки детей к разного рода соревнованиям и конкурсам.

В коммуникативной деятельности наибольшие затруднения (их отметили 58.3% опрошенных) связаны с выбором и применением эффективных методик и технологий взаимодействия с детьми. При этом никто из опрошенных воспитателей не испытывает трудностей в создании позитивной коммуникации с детьми и не со-

мневается в своём умении слушать ребёнка и вызывать доверие у детей. Кроме того, коммуникация с каждым отдельным ребенком и установление делового контакта с коллегами являются затруднительными только для одного молодого воспитателя. Организация коммуникации с группой детей вызывает трудности уже у 33.3% воспитателей. Налаживание позитивного контакта с родителями воспитанников является непростым делом для каждого четвертого молодого педагога.

На вопрос «Какие Вы еще испытываете трудности в своей профессиональной деятельности, кроме перечисленных выше?» респонденты ответили следующее: трудности взаимодействия с родителями, отношения в коллективе с коллегами (отсутствие поддержки со стороны коллег и разногласия в применении единых требований к ребенку) и нехватка методического обеспечения профессиональной деятельности. Первые две группы трудностей были упомянуты в перечне, но, возможно, респонденты обратили внимание на какие-то другие нюансы коммуникации.

Самооценка затруднений молодых педагогов была дополнена экспертной оценкой, которая проводилась заведующими, старшими воспитателями, специалистами дошкольных образовательных учреждений. Всего приняли участие 12 экспертов, стаж работы которых составляет от 15 до 21 года.

Эксперты оценивали каждое утверждение (насколько трудовое действие или умение сформировано у молодого педагога), предложенное в опроснике, по пятибалльной шкале, где 5 баллов – действие или умение сформировано на очень высоком уровне, молодой педагог не испытывает затруднения и не нуждается в помощи; 1 балл – действие или умение не сформировано.

Для анализа полученных результатов мы выделили уровни сформированности трудовых действий и умений молодых педагогов:

– высокий уровень – молодой педагог не испытывает затруднений или испытывает, но способен преодолевать их самостоятельно и не нуждается в помощи (4.1 – 5.0 балла);

– средний уровень – молодой педагог испытывает затруднения в отдельных трудовых действиях и преодолевает их самостоятельно или с помощью других педагогов (3.1 – 4.0 балла);

– низкий уровень – молодой педагог постоянно испытывает затруднения и нуждается в специально организованной помощи и поддержке со стороны более опытных педагогов/наставников (2.1 – 3.0 балла);

– недостаточный уровень – молодой педагог не справляется с выполнением трудовых функций (1.0 – 2.0 балла).

По мнению экспертов, низкий уровень демонстрируют молодые педагоги по трудовому умению «выстраивать партнерское взаимодействие с родителями (законными представителями) детей раннего и дошкольного возраста для решения образовательных задач, использовать методы и средства для их психолого-педагогического просвещения». Умения молодых педагогов «владеть всеми видами развивающей деятельности дошкольника (игровой, продуктивной, познавательно-исследовательской)»; «применять методы физического, познавательного и личностного развития детей раннего и дошкольного возраста в соответствии с образовательной программой организации»; «владеть ИКТ-компетенциями, необходимыми и достаточными для планирования, реализации и оценки образовательной работы с детьми раннего и дошкольного возраста» соответствуют среднему уровню сформированности трудовых умений (рис. 4).

В табл. 2 представлены трудовые действия и оценка экспертами их сформированности у молодых педагогов дошкольного образования.

В целом, наблюдается преобладание среднего уровня сформированности трудовых действий начинающих педагогов дошкольного образования (13 из 17 позиций оценки). И только 3 из 17 трудовых действий оцениваются экспертами как сформированные на низком уровне. Лишь одно действие – создание позитивного психологического климата в группе и условий для доброжелательных отношений между детьми – оценено экспертами высоко – 4.3 балла. Недостаточный уровень сформированности трудовых действий и умений не выявлен.

Заключение

Сравнительно-сопоставительный анализ результатов самооценки и экспертной оценки профессиональной деятельности молодых педагогов дошкольного образования показывает, что наименее «проблемной» для данной группы педагогов является коммуникативная деятельность, связанная с установлением взаимоотношений с детьми и созданием благоприятного психологического климата. Наиболее «проблемные» зоны профессиональной деятельности: гностическая деятельность, связанная с освоением, пониманием и применением концепций воспитания и ФГОС ДО, необходимая для разработки образовательных программ, организации психолого-педагогического просвещения родителей воспи-

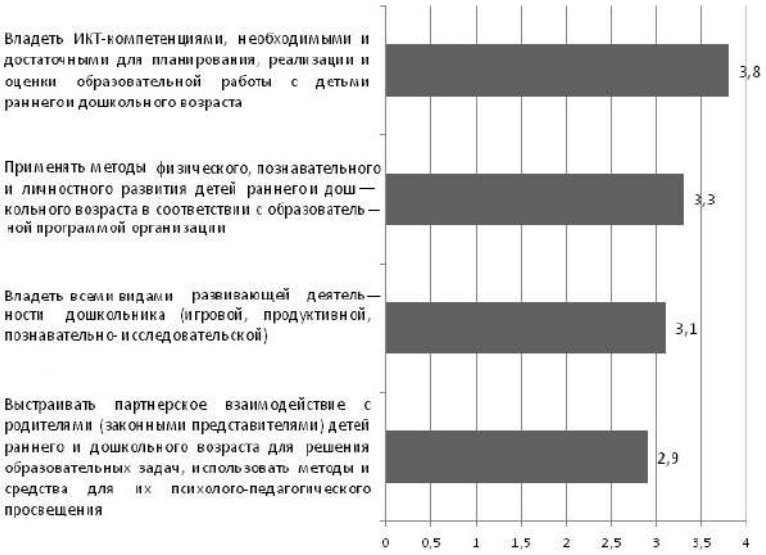


Рис. 4. Экспертная оценка сформированности трудовых умений молодых педагогов

Таблица 2

Экспертная оценка сформированности трудовых действий молодых педагогов

№ п/п	Название диагностируемой позиции: *Трудовое действие*	Средний балл оценки	Уровень сформированности
1	Участие в разработке основной общеобразовательной программы образовательной организации	2.1	низкий
2	Участие в создании безопасной и психологически комфортной образовательной среды образовательной организации через обеспечение безопасности жизни детей, поддержание эмоционального благополучия ребенка в период пребывания в образовательной организации	3.5	средний
3	Планирование и реализация образовательной работы в группе детей раннего и/или дошкольного возраста в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами и основными образовательными программами	3.3	средний
4	Организация и проведение педагогического мониторинга освоения детьми образовательной программы и анализ образовательной работы в группе детей раннего и/или дошкольного возраста	3.7	средний
5	Участие в планировании и корректировке образовательных задач (совместно с психологом и другими специалистами)	2.8	низкий
6	Реализация педагогических рекомендаций специалистов (психолога, логопеда, дефектолога и др.) в работе с детьми, испытывающими трудности в освоении программы, а также с детьми с особыми образовательными потребностями	3.4	средний
7	Развитие профессионально значимых компетенций, необходимых для решения образовательных задач развития детей раннего и дошкольного возраста с учетом возрастных и индивидуальных особенностей их развития	3.5	средний
8	Формирование психологической готовности к школьному обучению	3.3	средний
9	Создание позитивного психологического климата в группе и условий для доброжелательных отношений между детьми	4.3	высокий
10	Организация видов деятельности, осуществляемых в раннем и дошкольном возрасте: – предметной,	3.6	средний
	– познавательно-исследовательской,	3.1	средний
	– игры (ролевой, режиссерской, с правилом),	3.2	средний
	– продуктивной;	3.6	средний
	– конструирования, создания широких возможностей для развития свободной игры детей, в том числе обеспечение игрового времени и пространства	3.3	средний
11	Организация конструктивного взаимодействия детей в разных видах деятельности, создание условий для свободного выбора детьми деятельности, участников совместной деятельности, материалов	2.9	низкий
12	Активное использование недирективной помощи и поддержка детской инициативы и самостоятельности в разных видах деятельности	3.3	средний
13	Организация образовательного процесса на основе непосредственного общения с каждым ребенком с учетом его особых образовательных потребностей	3.3	средний

танников, поддержки непосредственной образовательной деятельности детей; проектировочная деятельность, связанная с разработкой основной общеобразовательной программы, планированием, выбором адекватных технологических способов и приемов педагогической деятельности; рефлексивная деятельность, связанная со способностью адекватной самооценки и пониманием и анализом собственной деятельности.

Выявленные затруднения начинающих педагогов дошкольного образования могут быть вызваны двумя основными группами причин: внешними (обусловленные объективной сложностью и спецификой педагогической деятельности, материально-технические) и внутренними (обусловленные недостатками теоретической и практической готовности к профессиональной деятельности (компетентности), субъективно-личностные).

Как показывает экспертная оценка, все молодые воспитатели (даже тот № 6, который не ощущает трудностей в профессиональной деятельности) не вполне готовы к самостоятельной продуктивной деятельности, им требуется профессиональная педагогическая помощь и психологическая поддержка со стороны педагогов-наставников. Развитие наставничества [15; 16] поддерживается сегодня и на государственном уровне: 2023 год объявлен в нашей стране Годом педагога и наставника.

Проведенное исследование доказывает необходимость проведения организованной работы по преодолению затруднений в профессиональной деятельности молодых педагогов дошкольного образования, а также возможность разработки рекомендаций по совершенствованию содержания и методики профессиональной подготовки педагогов дошкольного образования в вузе.

Список литературы

1. Балакирев А.Ф. Затруднения учителей в инновационной деятельности: Дис. ... канд. пед. наук. Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т, 2000. 222 с.

2. Варгамян М.В. Психологические условия преодоления учителем трудностей в становлении профессионализма: Автореф. дис. … канд. пед. наук. М.: Рос. академия гос. службы при Президенте РФ, 2000. 22 с.

3. Муравьёва Г.Е., Куренная Е.В. Исследование затруднений учителей в педагогической деятельности // Приволжский научный журнал. 2012. № 1. С. 226–230.

4. Маланов И.А. Проблемы профессионального становления и развития современных молодых учителей // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2021. № 3. С. 32–36.

5. Полякова Т.С. Анализ затруднений в педагогической деятельности начинающих учителей. М.: Педагогика, 1983. 128 с.

6. Шитова И.Ю. Характеристика затруднений выпускника вуза в период освоения профессионально-педагогической деятельности // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Проблемы педагогики средней и высшей школы. 2013. Том 26 (65). № 1. С. 228–241.

7. Собакинских О.В. Психологические затруднения воспитателей в процессе планирования деятельности в соответствии с ориентирами ФГОС ДО // Дошкольное воспитание. 2019. № 3. С. 91–96.

8. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования. URL: http://base.garant.ru/70512244/#friends

9. Дубцова М.В. Проблема адаптации молодых педагогов к работе в дошкольной образовательной организации // Kant. 2017. № 2 (23). С. 23–25.

10. Лопсонова З.Б., Кленина Н.В. Управление развитием профессиональной карьеры молодых педагогов ДОО // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2021. № 3. С. 27–31.

11. Профессиональный стандарт. Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155553/

12. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование. URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-44-03-01-pedagogicheskoe-obrazovanie-121

13. Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М.: Высшая школа, 1990. 117 с.

14. Маркова А.К. Психология труда учителя: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1993. 192 с.

15. Куренная Е.В. Возрождение и развитие института наставничества в образовательных организациях Краснодарского края // Роль и место профсоюза в XXI веке: актуальные вопросы социального партнерства: Материалы Всероссийской научно-практич. конференции. Краснодар, 2019. С. 97–105.

16. Левина Е.А. Организация работы с молодыми специалистами // Управление дошкольным образовательным учреждением. 2017. № 2. С. 78–86.

ANALYSIS OF DIFFICULTIES IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF YOUNG TEACHERS OF PRESCHOOL EDUCATION

C.E. Berezhnova, G.E. Muravyeva, M.V. Sheptukhovsky

Ivanovo State University

The beginning of professional pedagogical activity is always associated with a large number of problems and difficulties. The current situation in the system of preschool education adds objective factors that cause these difficulties: this is the implementation of the federal state educational standard for preschool education, and the specifics of the activities of a particular preschool educational institution. In addition, the general situation of social and, as a result, pedagogical uncertainty does not allow a young teacher to feel confident in their professional activities. The article presents the results of a study of difficulties in the professional activities of young (novice) teachers of preschool education in the city of Shuya, Ivanovo region. The study involved 12 young teachers and 12 experts - heads of preschool educational institutions and senior educators. The types of pedagogical activity and specific labor actions in which educators experience the greatest difficulties are revealed: gnostic, designing and reflective. It is concluded that it is necessary to develop the institution of mentoring in education and organize special work to overcome and prevent the difficulties of novice teachers.

Keywords: pedagogical activity, difficulty in professional activity, young teacher, novice teacher, preschool education.

УДК 378.1
DOI 10.52452/18115942_2023_1_203

ВКЛЮЧЕНИЕ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ В ПРОЕКТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ У НИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ

© 2023 г. ***С.А. Зайцева, Ю.А. Крылова, В.А. Смирнов, А.В. Ермошин***

Зайцева Светлана Анатольевна, д.пед.н.; проф.; заведующая кафедрой математики, информатики и методики обучения Шуйского филиала Ивановского государственного университета
Z_A_S_@rambler.ru
Крылова Юлия Андреевна, аспирант кафедры математики, информатики и методики обучения Шуйского филиала Ивановского государственного университета
julenkaag@mail.ru
Смирнов Вадим Анатольевич, аспирант кафедры математики, информатики и методики обучения Шуйского филиала Ивановского государственного университета
v.a.d.i.m@bk.ru
Ермошин Александр Владимирович, к.техн.н.; доц.; доцент кафедры математики, информатики и методики обучения Шуйского филиала Ивановского государственного университета
ermav@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.11.2022
Статья принята к публикации 30.11.2022

Анализируется содержание и структура понятия «исследовательская компетенция» применительно к профессиональной подготовке студентов вуза, обосновывается важность формирования данного вида компетенций у студентов педагогических специальностей, независимо от профиля их обучения. Аргументируется положение о том, что у будущих педагогов исследовательские компетенции могут формироваться только через включение их в активные виды учебной, квазипрофессиональной и внеучебной деятельности. К таким видам деятельности можно отнести проектную и учебно-исследовательскую деятельность. Целью работы является обоснование возможности, поиск методических приемов и описание этапов включения студентов бакалавриата в проектную деятельность в контексте формирования у них исследовательских компетенций.

Обобщен опыт вуза по включению студентов образовательной программы «Математика; информатика» по направлению 44.03.05 «Педагогическое образование» в индивидуальные и коллективные учебные, научные и социально значимые проекты при различных ролевых функциях и степени участия студентов. Предлагается организовать процесс формирования исследовательских компетенций у студентов с соблюдением последовательности этапов их приобщения к проектной деятельности: получение опыта участия в конкурсах проектов или олимпиадах; участие в коллективных проектах в качестве равноправного члена команды и выполнение индивидуальных учебных проектов в рамках дисциплин; участие в проектах в качестве руководителя команды; помощь практикующим учителям в организации проектной деятельности обучающихся; участие в качестве организатора мероприятия и эксперта по оценке проектов.

Ключевые слова: студент, вуз, педагог, исследовательская компетенция, soft skills, проект, олимпиада, конкурс, грант.

Введение

В условиях цифровизации общества и, в связи с этим, постоянной модернизации образования возрастают требования к подготовке педагогических кадров. Будущему педагогу для результативной профессиональной деятельности недостаточно иметь только предметные знания, практические умения и навыки. На рынке образовательных услуг востребованы выпускники, обладающие готовностью и способностью адаптироваться к меняющимся условиям современного образования, ориентированные на профессиональное развитие и поиск оптимальных педагогических решений. Способность к поиску оптимальных решений и апробации нестандартных подходов в профессиональной сфере может интерпретироваться как исследовательская компетенция.

С точки зрения классификации А.В. Хуторского понятие «компетенция» включает в себя «совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности в этой сфере» [1, с. 21]. К взаимосвязанным составляющим исследовательской компетенции А.В. Хуторским отнесены элементы методологической деятельности в определенной области науки, способы организации целеполагания, планирования, анализа, рефлек-

сии, необходимые для осуществления исследовательской деятельности [1].

В своей работе мы будем ориентироваться на расширенное структурное определение исследовательской компетентности, содержащееся в диссертационном исследовании Н.М. Соловьевой, и трактовать ее как «интегративное личностное качество субъекта исследовательской деятельности, представляющее собой процессуальную готовность к творческой преобразовательной деятельности, в том числе и в нестандартных (проблемных) ситуациях, и проявляющееся в осознанной готовности и способности самостоятельно и инициативно осваивать и получать новые знания, осуществлять рефлексивно-оценочные действия в определении границ и результатов своей деятельности» [2, с. 11].

В процессе реализации Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (ФГОС ВО) у будущих педагогов приоритетным становится формирование не только качественных знаний, умений и навыков, но и компетенций, направленных на развитие и становление профессионально развитой личности [3]. В соответствии с ФГОС ВО у выпускника должны быть сформированы универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции. В работах И.А. Зимней исследовательская компетенция отнесена к блоку общепрофессиональных компетенций и трактуется как «компетенция деятельности» [4].

Опираясь на основные положения проекта Академии Минпросвещения России «Ядро высшего профессионального образования», исследовательскую компетенцию можно считать инвариантной для всех педагогических профилей подготовки. В контексте формирования единого подхода к структуре содержания программ подготовки педагогов в вузе предусмотрен модуль учебно-исследовательской и проектной деятельности [5], который ориентирован на формирование исследовательских компетенций у студентов начиная с первого курса.

Так как исследовательская компетенция является «компетенцией деятельности», то и формироваться у будущих педагогов она может только через включение их в активные виды учебной, квазипрофессиональной и внеучебной деятельности. Мониторинг успешности развития исследовательских компетенций у будущих педагогов возможен в контексте выполнения ими предусмотренных учебными планами работ аналитического и прикладного характера, в том числе курсовых, проектных, выпускных квалификационных и других, а также опосредованно через анализ организации студентами-практикантами проектно-исследовательской деятельности школьников.

Исследовательские компетенции педагога могут быть проинтерпретированы и как характеристики его гибких навыков (soft skills). Способность креативно, нестандартно мыслить, работать в команде, способность к продвижению новых идей, коммуникабельность, способность адаптироваться к постоянно изменяющимся требованиям в образовании – все это и есть soft skills, на которые ориентируется современное профессиональное образование [6]. Педагогическая деятельность относится к сферам социальной деятельности, а исследования в данной сфере невозможны без таких качеств личности, как способность прогнозировать деятельность обучающихся; управлять исполнителями; планировать свою деятельность и деятельность обучающихся; ставить и объяснять задачи; мотивировать и контролировать обучающихся; управлять проектами разного вида и уровня.

Основываясь на всех перечисленных выше тезисах, мы пришли к выводу о том, что исследовательская компетентность – важнейшее профессиональное качество педагога, которое должно быть сформировано в процессе обучения в вузе. Для этой цели необходимо включить обучающегося в продуктивную многоролевую деятельность, направленную на достижение конкретных конечных задач, предусматривающую выбор ее направления и структуры исходя из обозначенных целевых установок. К таким видам деятельности можно отнести проектную и учебно-исследовательскую деятельность.

Обсуждение различных подходов к формированию исследовательских компетенций у будущих педагогов в диссертационных исследованиях и публикациях последних десяти лет свидетельствует о значимости и актуальности поставленной проблемы. В контексте обозначенной проблемы большинство исследователей предлагают совершенствование методик преподавания как отдельных дисциплин, так и дисциплинарных блоков подготовки будущих педагогов в вузе с точки зрения включения в них специального комплекса исследовательских заданий и проектов. Например, экспериментальное исследование В.А. Белянина подтверждает результативность формирования исследовательских компетенций у студентов посредством включения учебных исследований в систему лекционных, семинарских, лабораторных занятий и иные формы учебной и самостоятельной работы студентов при изучении курса общей физики [7]. Мы согласны с мнением автора о том, что изучение физических явлений может быть успешно реализовано в рамках предложенного им системного подхода, а осуществляя

самостоятельное учебное исследование, будущий учитель физики может пройти через все этапы научного исследования. Однако, на наш взгляд, развитие исследовательских компетенций педагога не может быть ограничено только форматом предметного исследования (физика), а должно включать и педагогический и методический компоненты.

Н.В. Сычкова рассматривает в качестве фундамента формирования у будущих педагогов исследовательских умений все педагогические дисциплины. По мнению автора, основу процесса формирования исследовательских умений составляет исследовательская задача, которая, в свою очередь, педагогом преобразована в конкретные проблемные учебно-исследовательские задания для студентов. Процесс формирования у студентов умений исследовательской деятельности предлагается реализовывать через моделирование педагогом научно-педагогических исследований и включение в них студентов [8, 9].

С точки зрения Л.А. Никитиной, становление исследовательской компетентности будущего учителя следует рассматривать через овладение студентами средствами организации совместной деятельности. Автором предложена и апробирована модель развития исследовательских компетенций у студентов в процессе их методической подготовки. Методические и практико-ориентированные дисциплины модели нацелены на использование методических средств для организации отдельных ситуаций совместной деятельности обучающихся; реализацию учителем разнообразных моделей совместной деятельности школьников на уроках; проектирование методических средств организации совместной деятельности обучающихся. При этом большинство учебных исследовательских и практико-ориентированных заданий реализуется в форме проектов [10].

В ряде исследований обосновывается мнение о том, что контекстное формирование исследовательских компетенций у студентов нерезультативно и требуется введение в учебные планы подготовки будущих педагогов специальных дисциплин. К примеру, Н.Н. Ставриновой предложена модель формирования у будущего педагога готовности к исследовательской деятельности, которая предполагает внедрение в учебный процесс единого для всех профилей подготовки учителя междисциплинарного интегрированного учебного курса [11].

Во всех рассмотренных исследованиях, посвященных формированию у будущих педагогов исследовательских компетенций, присутствует ссылка на проектную деятельность студентов, как важную составляющую методики развития данных компетенций. Учебно-исследовательская и проектная деятельности являются важными компонентами в организации профессиональной подготовки педагога, имеют схожесть в структуре компонентов и взаимно проникают друг в друга. В случае реализации образовательного проекта студентом – будущим учителем в качестве одного из средств и этапов его реализации чаще всего выступает педагогическое исследование.

Целью нашей работы является обоснование возможности, поиск методических приемов и описание этапов включения студентов бакалавриата педагогических направлений подготовки в проектную деятельность в контексте формирования у них исследовательских компетенций.

В своем исследовании мы придерживаемся позиции Т.В. Уткиной и И.С. Бегашевой, которые в качестве ведущих и определяющих признаков проектной деятельности выделяют: ориентированность на конкретный конечный результат; наличие предварительного планирования этапов и промежуточных результатов; регламентацию сроков достижения результата; мониторинг реализации проекта с необходимой коррекцией; получение продукта проектной деятельности; презентацию достигнутых результатов [12].

Организация проектной деятельности студентов

Опишем опыт кафедры математики, информатики и методики обучения Шуйского филиала ИвГУ по включению будущих педагогов в проектную деятельность с целью формирования у них исследовательских компетенций. Являясь выпускающей для образовательных программ «Математика; информатика» по направлению 44.03.05 «Педагогическое образование» (бакалавриат с двумя профилями подготовки) [13], кафедра реализует системную планомерную работу по приобщению обучающихся к реализации индивидуальных и коллективных учебных, научных и социально значимых проектов. При организации данной работы мы придерживаемся следующих принципиальных позиций:

– обеспечение участия каждого обучающегося в проектно-исследовательской деятельности;

– систематизация и плановая реализация проектной деятельности будущих педагогов через учебные дисциплины кафедры;

– поддержка и сопровождение проектной деятельности обучающихся со стороны педагогов и аспирантов кафедры;

– участие педагогов кафедры в научно-исследовательской и проектной деятельности;

– привлечение наиболее заинтересованных и успешных студентов к выполнению социально значимых проектов и проектов по грантам;

– ориентация обучающихся на участие в конкурсах проектных разработок, поощрение их инициатив по продвижению проектов.

Приобщение студентов бакалавриата к педагогически ориентированной проектной деятельности в области информационных технологий производится в первую очередь средствами таких дисциплин, как «Электронная школа XXI века», «Основы алгоритмизации и программирования», «Базы данных», «Проектирование и разработка электронных образовательных ресурсов», «Информационные системы». Названные дисциплины обеспечивают оптимальное сочетание как возможности развития у обучающихся компетенций в области методики преподавания информатики, проведения и подготовки школьников к олимпиадам и конкурсам проектов, так и совершенствование у них системы знаний, умений и навыков в области цифровых технологий.

Рассмотрим организацию проектной деятельности студентов по некоторым из указанных дисциплин. В рамках дисциплины «Базы данных» студенты, помимо усвоения теоретического материала и выполнения лабораторных работ, создают собственные проекты по индивидуальным заданиям. Приведем примеры тем индивидуальных заданий, предложенных студентам в 2021/22 учебном году: «Медицинский кабинет в образовательном учреждении», «Общежитие университета», «Сайт образовательной организации», «Юридический отдел университета», «Отдел материально-технического обеспечения университета», «Система планирования мероприятий в университете», «Столовая университета», «Система учета электронных образовательных ресурсов образовательной организации», «Библиотечный фонд университета», «Отдел содействия трудоустройству студентов университета», «Система учета диспансеризации сотрудников университета», «Центр профориентации университета». Тематика заданий намеренно связана с тем или иным отделом университета, чтобы студент имел возможность проконсультироваться с сотрудниками относительно своего проекта. Студент должен представить по своей теме: перечень данных, хранение которых должна предусматривать информационная система, структуру базы данных по заданной теме (в SQL Developer Data Modeler или аналогичной программе), а также файл готовой базы данных (в LibreOffice Base или аналогичной программе). В файле базы данных должны быть представлены: таблицы из модели, не менее 5 строк данных в каждой из них, графические формы для работы с таблицами. Некоторые учебные разработки студентов находят затем применение в образовательных организациях и оптимизируют трудозатраты персонала.

Обучение дисциплине «Основы алгоритмизации и программирования» предусматривает освоение обучающимися среды программирования Scratch, а также языков программирования КуМир и Python 3. В то же время задачей дисциплины является не только освоение студентами навыков алгоритмизации и программирования, но и развитие у них компетенций, необходимых для педагогической деятельности, связанной с обучением программированию, проведением мероприятий и подготовкой школьников к олимпиадам и конкурсам проектов.

С этой целью проектное задание по созданию собственной игры в среде программирования Scratch предваряет задание по оценке уже имеющихся проектов на официальном сайте платформы [14]. Данное практико-ориентированное задание описано следующим образом: «По ссылкам, предложенным преподавателем, размещены проекты, созданные в среде программирования Scratch. Представьте, что вы стали экспертом данного конкурса и должны оценить данные проекты. В качестве критериев оценки обозначены:

– оригинальность идеи (К1);

– качество программного кода (К2);

– сложность и объем функционала проекта (К3);

– устойчивость к действиям пользователя (например, отсутствие ошибок при некорректном вводе) (К4);

– дизайн проекта и использование оригинальных графических изображений (К5)».

В качестве ответа на задание обучающимся предлагается заполнить оценочную карту проектных заданий, структура которой представлена в таблице 1.

В этой таблице:

– оценка по критериям – баллы по каждому из критериев, перечисленных выше;

– суммарно – общее количество баллов;

– место – положение участника в турнирной таблице при ранжировании по количеству набранных баллов;

– комментарий – общее впечатление от проекта и проделанной участником работы;

– max баллов – строка для информирования участников о максимальном количестве баллов в сумме и по каждому из критериев.

Таблица 1

Оценочная карта проектных заданий, разработанных в среде Scratch

№ проекта	Оценка по критериям					Суммарно	Место	Комментарий
	К1	К2	К3	К4	К5			
Max баллов								
1								
2								
3								
...								

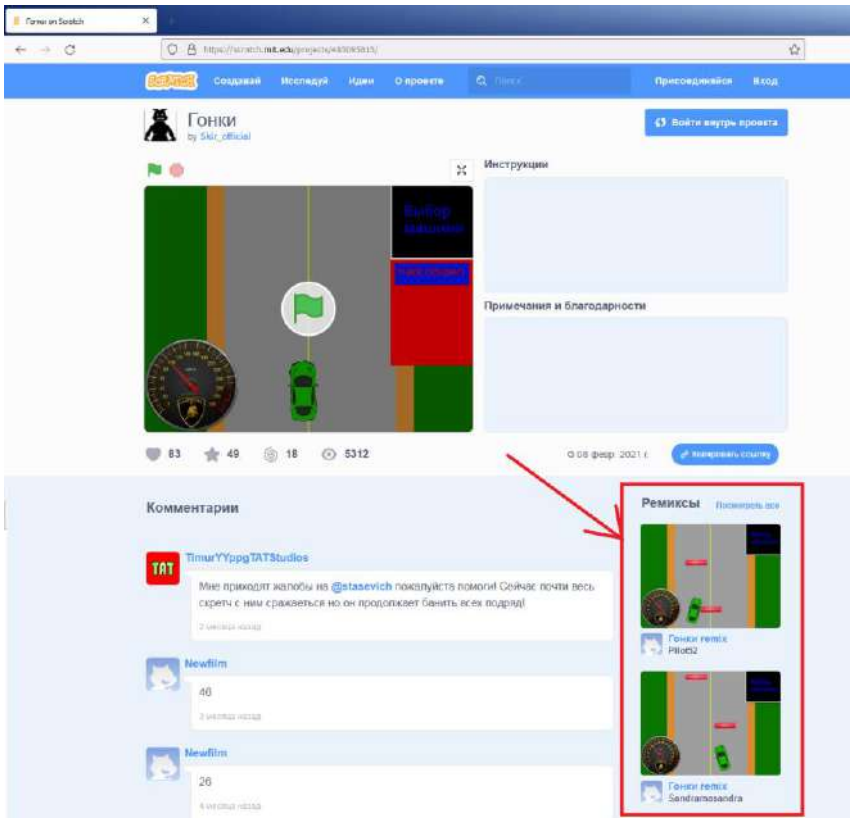


Рис. Проект «Гонки» в каталоге официального сайта Scratch

Предлагаемые для экспертизы проекты ежегодно отличаются и варьируются по тематике и степени сложности реализации. Например, в 2021/22 году для экспертизы были предложены такие игры, как «Виселица», «Прохождение лабиринта», «Крестики-нолики», «Платформер» и др. [14]. Смоделированная для студентов учебная ситуация схожа с той, в которой ежегодно оказываются члены жюри конкурсов проектов, большинство из которых педагоги. Многие конкурсы проектов не содержат ограничений по тематике проекта, из-за чего педагог должен обеспечить объективное ранжирование участников даже при подаче на конкурс работ с абсолютно разной идеей. Например, работы школьников, поданные на дистанционный конкурс компьютерных проектов ОГБУ Центра оценки качества образования в номинации «Программы» и «IT-дебют», могут представлять собой любую компьютерную программу [15].

Обладая доступом к официальному сайту среды Scratch и просматривая проект именно на ней, студент может ознакомиться с комментариями к проекту и перечнем проектов, которые были отмечены платформой как сходные с оцениваемой работой. В связи с этим у студента есть возможность самопроверки в разрезе оценки оригинальности проекта. Например, проект «Гонки» в случае выставления его на конкурс нельзя было бы считать оригинальным (см. рис.).

Обучающиеся 2 курса бакалавриата в большей степени выступают уже как исполнители собственных учебно-исследовательских проектов по информационным технологиям, программированию и робототехнике. В 2021/22 учебном году результаты проектной деятельности были представлены ими на профильной секции кафедры «Образовательная робототехника» научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Сохранение и раз-

Таблица 2

Олимпиадные задания по информатике и ИКТ

№ задания	Тематика задания	Степень сложности / кол-во баллов	«Решаемость» /процентное соотношение участников, приступивших к выполнению задания
Модуль «Алгоритмизация»			
1	Вычисление результата работы формального исполнителя для преобразования чисел (аналог задания 5 из ЕГЭ)	5	42.9%
2	Вычисление результата работы формального исполнителя для обработки строк (аналог задания 12 из ЕГЭ)	10	21.4%
3	Написание программы с подпрограммами на алгоритмическом языке (исполнитель «Робот»)	20	7.1%
Модуль «Программирование»: написание программы на выбранном языке программирования (Java, Python, Pascal, C++)			
4	Линейная программа (простая математическая задача)	10	71.4%
5	Программа с ветвлениями (определение четности чисел)	15	71.4%
6	Программа с ветвлениями (теорема Пифагора)	30	57.1%
7	Программа с применением жадного алгоритма	35	28.6%
8	Программа на обработку строки (подсчет количества указанных символов, извлечение данных)	35	35.7%
9	Программа на заполнение матрицы по указанному правилу	35	14.3%
10	Программа на применение структуры данных «стек»	50	28.6%
11	Программа с применением алгоритма скользящего окна с постоянной длиной	50	21.4%
12	Задача со сложным форматом ввода данных	65	0.0%
13	Программа для обработки графов (поиск в глубину)	60	0.0%
14	Программа с использованием метода динамического программирования (задача о рюкзаке)	60	28.6%

витие культурного и образовательного потенциала Ивановской области» [16].

Студенты 3–5 курсов бакалавриата привлекаются нами в качестве организаторов традиционной ежегодной вузовской олимпиады по информатике и ИКТ («Олимпиада по алгоритмизации и программированию») [17]. Данная олимпиада предполагает прохождение участниками двух обязательных этапов: тестирования и решения практических задач. Отдельной номинацией олимпиады выступает конкурс проектов, где будущие учителя информатики могут задавать участникам вопросы и опробовать себя в роли экспертов в реальной ситуации.

Тематика олимпиадных заданий за 2021/22 учебный год представлена в таблице 2. Степень сложности задач определялась экспертами – членами жюри. Олимпиада была организована в дистанционном формате и собрала обучающихся не только Ивановской области, но и других регионов.

Несмотря на то, что предложенные задачи не подразумевают выполнение участниками олимпиады проектов, в то же время они требуют от обучающихся навыков обработки информации, организации своего времени, вычленения отдельных шагов, значимых для достижения целей. В свою очередь развитие этих навыков содействует осуществлению обучающимися успешной проектной деятельности. В рамках проведения олимпиады по алгоритмизации и программированию реализуется конкурс проектов. За последние годы на конкурс были представлены такие проекты, как «Электронный учебник по GraphABC» (Lazarus), «Электронные карточки для запоминания соответствий терминов и их определений» (Python), «Игра Танчики» (Scratch), «LinguaHelper» (C++).

Участие будущих педагогов в конкурсах и олимпиадах

Наряду с олимпиадой для школьников, на кафедре математики, информатики и методики обучения ежегодно проводится олимпиада для студентов бакалавриата по информационным технологиям в образовании [18]. В этой олимпиаде, как и в олимпиаде по информатике и ИКТ, присутствует три этапа: тестирование, решение практических задач и конкурс проектов. Организаторами и членами жюри данной олимпиады, помимо преподавателей, являются магистранты и аспиранты кафедры.

Таблица 3

Задания олимпиады «Информационные технологии в образовании»

№ задания	Тематика задания	Степень сложности / кол-во баллов	«Решаемость» /процентное соотношение участников, приступивших к выполнению задания
1	Создание игры «Лабиринт» в программе ActivInspire	20	3.1%
2	Использование формул электронных таблиц в практической деятельности педагога	35	28.1%
3	Поиск информации в поисковых системах и в электронной библиотеке eLibrary.ru	15	31.2%
4	Создание изображения печати в программе «Штамп 1.5.1R»	25	3.1%
5	Создание анимации с использованием средств Microsoft PowerPoint	25	0.0%
6	Создание электронного учебника с использованием программы BookEditor XT	25	0.0%
7	Создание открытки с использованием средств Microsoft Word	20	6.3%
8	Построение графиков функции с использованием GeoGebra или Desmos	20	6.3%
9	Форматирование текста в онлайн-сервисе «Google Документы»	15	3.1%
10	Создание электронного теста на тему «Алгоритмизация и программирование»	25	15.6%

Тематика олимпиадных заданий за 2021/22 учебный год для олимпиады по информационным технологиям в образовании представлена в таблице 3. Среди участников олимпиады были не только студенты бакалавриата ИвГУ, но и студенты Шуйского многопрофильного колледжа и ориентированные на педагогическую деятельность выпускники школ.

Как видно из тематики заданий, большинство из них (6 из 10) представляет собой создание мини-проекта в пределах олимпиадного времени. К сожалению, 34.4% участников, половина из которых являлись студентами вуза, не приступали к выполнению практических заданий и ограничились исключительно прохождением этапа тестирования. Данный показатель актуализирует проблему внедрения в образовательный процесс университета новых методов формирования исследовательских компетенций студентов.

На конкурс проектов в рамках олимпиады по информационным технологиям в образовании за последние 3 года были представлены такие проекты, как «Геометрия эллипса» (применение возможностей интерактивной геометрической среды GeoGebra в образовании), «Знакомство с исполнителем “Робот”» (среда «ПервоЛого 3.0»), «Электронный учебник по теме «Обыкновенные дроби» (реализован в среде SunRav BookOffice), «Окно победы» (музыкальная обработка и видеомонтаж песни обучающихся Детской музыкальной школы г. Шуя), «Была война в сороковых» (видеопроект о Великой Отечественной войне), «Игра “ChitSU”» (Java-приложение для обучения игре в судоку), «Тренажер по краеведению» (Java-приложение для изучения расположения районов на карте Ивановской области), «Начни свой путь в программировании вместе с JavaScript» (электронный учебник в формате сайта).

Таким образом, студенты кафедры имеют возможность выступить: *участниками* конкурса проектов и олимпиад (на базе студенческой олимпиады), *организаторами* конкурса проектов и олимпиады (олимпиада по информатике и ИКТ), *наставниками* в процессе реализации проектов школьниками (в рамках педагогической практики). В результате этого они получают целостное представление обо всех ролях в организации педагогами учебной и конкурсной проектной деятельности.

Успешность перехода наиболее активных и заинтересованных студентов от учебно-исследовательской деятельности к научно-исследовательской во многом зависит от стремления профессорско-преподавательского состава кафедры развивать приоритетные и актуальные направления научной и проектной деятельности. Одним из показателей востребованности научных результатов кафедры является наличие проектов с грантовой поддержкой. Преподавателями кафедры, при активном участии студен-

тов и аспирантов, в 2022/23 учебном году реализуются следующие гранты: «Мобильная лаборатория робототехники “РобоВектор”» (РФФИ), «Региональная студенческая лаборатория “Семейная робототехника”» (Росмолодёжь), «Молодежный медиаресурс: коммуникационные практики просоциальной активности» (РФФИ), «Разработка программного комплекса для анализа фейковой активности» (Фонд содействия инновациям «Студенческий стартап»).

Волонтеры из числа студентов бакалавриата образовательной программы «Математика; информатика» явились основными участниками этапов разработки, тестирования и обсуждения результатов в проекте «Молодежный медиаресурс: коммуникационные практики просоциальной активности». Для реализации проекта важное значение имела система умений и навыков обучающихся, полученных в процессе изучения дисциплины «Проектирование и разработка электронных образовательных ресурсов». Качество медиаресурса оценивается, в числе прочих параметров, на основе восприятия их пользователями. Студенты проявили свои профессиональные качества в формулировке предложений по совершенствованию и наполнению медиаресурса и формы подачи материала. Для исследования были важны отзывы будущих педагогов об изменениях своего отношения к описанным в медиаресурсе событиям.

Программный комплекс проекта «Разработка программного комплекса для анализа фейковой активности» предполагает возможность его использования среднестатистическим пользователем персонального компьютера. Вследствие этого одним из показателей качества комплекса является среднее время пользователя, потраченное на изучение и работу с интерфейсом. Подобные замеры времени и оценка пользовательского интерфейса возможны лишь при наличии группы тестеров. Несмотря на то, что у студентов отсутствует техническое образование, необходимые навыки для работы в этой области у них сформированы благодаря тому, что в программу бакалавриата включены дисциплины «Системное и прикладное программное обеспечение», «Информационные системы» и факультатив «Системное администрирование».

Как активные участники проектов «Мобильная лаборатория робототехники “РобоВектор”» и «Региональная студенческая лаборатория “Семейная робототехника”» студенты включаются в качестве волонтеров в педагогическую деятельность, приобретают опыт работы с современным оборудованием, опыт проведения занятий в сфере дополнительного образования детей и взрослых, становятся организаторами и участниками форумов и конференций [19].

Документирование и представление отчетности по результатам работы над проектом является важной частью проектно-исследовательской деятельности. Подготовка и защита подобных отчетов перед фондом, поддержавшим грант, а также материалов по результатам проведения олимпиады на заседании кафедры или ученого совета вуза дисциплинируют студентов, развивают их ответственность за полученные результаты перед творческим коллективом и формируют у них дистальное видение.

По мере приобретения опыта работы в качестве исполнителей грантов у студентов развиваются проектные и исследовательские компетенции, появляется желание и готовность к подаче заявки на реализацию собственных проектов. К подготовленным, но пока ещё не поддержанным проектам студентов и аспирантов кафедры относятся «Молодёжный медиаресурс “Сделаем мир лучше!”», «Интернет-олимпиады по информатике как виртуальное пространство интеграции молодежи в будущую профессиональную деятельность».

Заключение

Проведенное анкетирование студентов бакалавриата, мониторинг публикационной и проектной активности студентов и выпускников вуза, достижения школьников, полученные под руководством бывших выпускников вуза, позволяют сделать следующие выводы:

– способность к реализации собственных проектных работ и готовность к руководству и сопровождению проектной деятельности обучающихся является значимой профессиональной характеристикой будущего педагога;

– активная позиция учителя в вопросах организации проектной и исследовательской деятельности школьников, результативность участия обучающихся в различного рода конкурсах и олимпиадах во многом определяется уровнем сформированности у педагога исследовательских компетенций;

– результативное формирование исследовательских компетенций у будущих педагогов возможно только в процессе их активного включения в реализацию индивидуальных и коллективных учебных, научных и социально значимых проектов;

– в процессе формирования исследовательских компетенций у студентов целесообразно соблюдение последовательности этапов их приобщения к проектной деятельности: 1) получение опыта участия в конкурсах проектов или олимпиадах; 2) участие в коллективных проектах в качестве равноправного члена команды и выполнение индивидуальных учебных проектов

в рамках дисциплин; 3) участие в проектах в качестве руководителя команды; 4) помощь практикующим учителям в организации проектной деятельности обучающихся; 5) участие в качестве организатора мероприятия и эксперта по оценке проектов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Ивановской области в рамках научного проекта № 20-413-370001.

Список литературы

1. Хуторской А.В., Хуторская Л.Н. Компетентность как дидактическое понятие: содержание, структура и модели конструирования // Вестник Института образования человека. 2012. № 2. С. 1–25.

2. Соловьева Н.М. Формирование исследовательской компетентности обучающихся в классах с углубленным изучением естественнонаучных дисциплин в условиях взаимодействия «школа–вуз» (с учетом региональной специфики): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Якутск, 2020. 24 с.

3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки). Режим доступа свободный. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/440305_B_3_15062021.pdf (дата обращения: 30.10.2022).

4. Зимняя И.А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2013. № 4 (4). С. 16–31.

5. Методические рекомендации по подготовке кадров по программам педагогического бакалавриата на основе единых подходов к их структуре и содержанию («Ядро высшего педагогического образования»). Режим доступа свободный. URL: https://report.apkpro.ru/uploads/share/методические%20рекомендации.pdf (дата обращения: 30.10.2022).

6. Яркова Т.А., Черкасова И.И. Формирование гибких навыков у студентов в условиях реализации профессионального стандарта педагога // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2. № 4. С. 222–234.

7. Белянин В.А. Методическая система формирования исследовательской компетенции будущего учителя при изучении физики: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2012. 46 с.

8. Сычкова Н.В. Моделирование процесса формирования умений исследовательской деятельности у студентов // Образование и наука. 2001. № 5 (11). С. 3–13.

9. Сычкова Н.В. Формирование у будущих учителей умений исследовательской деятельности в условиях классического университета: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Магнитогорск, 2002. 43 с.

10. Никитина Л.А. Становление исследовательской компетентности в методической подготовке студентов педагогического вуза в условиях инновационного развития образования: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Барнаул, 2014. 45 с.

11. Ставринова Н.Н. Система формирования готовности будущих педагогов к исследовательской деятельности: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Сургут, 2006. 45 с.

12. Уткина Т.В., Бегашева И.С. Проектная и исследовательская деятельность: сравнительный анализ. Челябинск: ЧИППКРО, 2018. 60 с.

13. Учебный план образовательной программы бакалавриата «Математика; Информатика» по направлению 44.03.05 Педагогическое образование. Режим доступа свободный. URL: http://sspu.ru/pdf/pages/edu/perechen-op/plan/ofo/plan-ofo-44.03.05-po2-mat-inf-22_v20220602142226.pdf (дата обращения: 31.10.2022).

14. Scratch – Imagine, Program, Share. Режим доступа свободный. URL: https://scratch.mit.edu/ (дата обращения: 31.10.2022).

15. ККП-2021: открыта регистрация участников. Режим доступа свободный. URL: http://portal.cioko.ru/articles/news/id412/ (дата обращения: 31.10.2022).

16. Научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Сохранение и развитие культурного и образовательного потенциала Ивановской области» на математико-технологическом факультете. Режим доступа свободный. URL: http://sspu.ru/pages/news/2022/05/42/1.html (дата обращения: 31.10.2022).

17. Олимпиада «Java Python C++ Pascal» для школьников 8–11 классов общеобразовательных учреждений и учащихся учреждений среднего профессионального образования Ивановской области. Режим доступа свободный. URL: https://jbp.ftes.ru/ (дата обращения: 31.10.2022).

18. Олимпиада по информационным технологиям в образовании для студентов бакалавриата, студентов СПО и обучающихся 10–11 классов. Режим доступа свободный. URL: https://ist.ftes.ru/ (дата обращения: 31.10.2022).

19. Зайцева С.А., Иванов В.В., Киселев В.С., Зубаков А.Ф. Развитие образовательной робототехники: проблемы и перспективы // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 2. С. 84–115.

INCLUSION OF FUTURE TEACHERS IN PROJECT ACTIVITIES AS A MEANS OF FORMING THEIR RESEARCH COMPETENCIES

S.A. Zaytseva, Yu.A. Krylova, V.A. Smirnov, A.V. Ermoshin

Shuya branch of Ivanovo State University

The article analyzes the content and structure of the concept of «research competence» in relation to the professional training of university students, substantiates the importance of the formation of this type of competence among students of

pedagogical specialties, regardless of their training profile. The position is argued that future teachers can form research competencies only through their inclusion in active types of educational, quasi-professional and extracurricular activities. These types of activities include project and educational and research activities. The purpose of the work is to substantiate the possibility, search for methodological techniques and describe the stages of inclusion of undergraduate students in project activities in the context of the formation of their research competencies.

The experience of the university on the inclusion of students of the educational program «Mathematics; Computer Science» in the direction of 44.03.05 Pedagogical education in individual and collective educational, scientific and socially significant projects with various role functions and the degree of student participation is summarized. It is proposed to organize the process of forming students' research competencies in compliance with the sequence of stages of their involvement in project activities: gaining experience in participating in project competitions or Olympiads; participation in collective projects as an equal member of the team and implementation of individual educational projects within the disciplines; participation in projects as a team leader; assistance to practicing teachers in organizing project activities of students; participation as an event organizer and expert in project evaluation.

Keywords: student, university, teacher, research competence, soft skills, project, olympiad, competition, grant.

УДК 378.147.881.1
DOI 10.52452/18115942_2023_1_213

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН ОНЛАЙН-КУРСОВ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

© 2023 г.

Ю.Н. Зиятдинова, Е.Е. Царева, Ф.Т. Галеева

Зиятдинова Юлия Надировна, д.пед.н.; доц.; заведующая кафедрой иностранных языков
в профессиональной коммуникации
Казанского национального исследовательского технологического университета
uliziat@yandex.ru
Царева Екатерина Евгеньевна, к.пед.н.; доцент кафедры иностранных языков
в профессиональной коммуникации
Казанского национального исследовательского технологического университета
cetinas@mail.ru
Галеева Фарида Тауфиковна, старший преподаватель кафедры иностранных языков
в профессиональной коммуникации
Казанского национального исследовательского технологического университета
next761@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.09.2022
Статья принята к публикации 20.11.2022

Актуализируется проблема создания качественных онлайн-курсов по иностранному языку в рамках цифровой трансформации университетов. Цель статьи – определить эффективную модель педагогического дизайна (педдизайна), а также структурные элементы для создания онлайн-курса по иностранному языку. Авторы обосновывают применение модели обратного дизайна, которая характеризуется обратным алгоритмом действий. Начинать необходимо с определения результатов достижения онлайн-курса, далее следует выбор критериев для оценки успеваемости, затем внимание уделяется содержательным и структурным элементам онлайн-курса. Прохождение всех этапов модели обратного педдизайна онлайн-курса позволяет определить конечный результат онлайн-курса, рассмотреть функциональные возможности образовательной онлайн-платформы и подобрать адекватный критерий оценивания и, сообразно результатам и критериям, интегрировать образовательный контент и формат элементов онлайн-курса.

Так, результаты прохождения онлайн-курса коррелируют с компетенциями, прописанными в рабочей программе дисциплины, критериями оценки выступают промежуточное и итоговое онлайн-тестирование, а основными структурными элементами становятся мини-видеолекции и их конспекты, презентации, упражнения на закрепление лексического и грамматического материала, тесты, задания для самостоятельной работы, отражающие технические возможности онлайн-платформы Moodl.

Ключевые слова: педагогический дизайн, онлайн-курс, модель обратного педдизайна, цифровая трансформация, образовательная онлайн-платформа.

Введение

Глобальное проникновение Интернета и цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека не оставило в стороне и сферу образования. В высшем образовании эти изменения проявились в формате цифровой трансформации университетов. Согласно этой программе, цифровые изменения должны затронуть основные сферы деятельности университета и способствовать развитию цифровых сервисов, модернизации инфраструктуры, управлению кадровым потенциалом и данными [1]. Эти изменения способствуют дальнейшему развитию стратегии интенсификации образовательного процесса, повышению качества подготовки студентов [2]. Можно по-разному относиться к появлению цифровых технологий, но этот факт остается неизбежным. Существует множество исследований, доказывающих положительные и отрицательные последствия цифровизации. Из них положительные ложатся в основу отдельных инициатив развития, а отрицательные становятся предметом исследований ученых. Цифровая трансформация университетов держит фокус только на положительные перспективы развития, и в контексте этой программы очень актуальным и логичным выглядит стремительный рост числа онлайн-курсов на образовательных платформах университетов.

Однако цифровые технологии дали возможность появления коммерческого рынка образовательных услуг. В борьбу за клиентов вступили образовательные онлайн-порталы и платформы (Skillbox, GeekBrains и др.), цифровые образовательные сервисы крупных компаний (Mail, «Сбер» и др.), а также активные представители социальных сетей. Все они продвигают

свои образовательные продукты населению и предлагают услуги по получению новых знаний и развитию умений, освоению новых профессий в любом возрасте и в любой точке планеты. Согласно статистическим исследованиям, рынок российского онлайн-образования растет с каждым годом на 20% [3]. Нарастающая конкуренция извне бросает вызов онлайн-образованию в высшей школе с точки зрения маркетинга, эффективности и длительности образовательных онлайн-продуктов и специалистов. Поэтому одной из ключевых задач онлайн-образования в высшей школе становится создание качественного педагогического дизайна онлайн-курсов в соответствии с современными требованиями и с учетом психолого-педагогического портрета целевой аудитории. Выявлением новых инициатив в педдизайне озадачены не только российские, но мировые ученые.

Обзор литературы выявил несколько подходов к педдизайну онлайн-курсов. Некоторые ученые фокусируют внимание на конкретные педагогические элементы онлайн-курса и оценивают их эффективность. По мнению исследователей D. Yang и M. Noetel, видеолекции, видеоинструкции, практические задания и дискуссионные форумы – одни из наиболее эффективных стратегий онлайн-обучения [4, 5].

Другие исследователи сосредоточились на изучении психологических аспектов личности во время прохождения онлайн-курса, таких как саморегулирование, самоуправление и самоэффективность, работа в команде, способы коммуникации и социальное взаимодействие [6, 7].

Еще одно направление исследования в ракурсе данной проблематики – методы оценки результатов обучения на онлайн-курсе, это может быть анализ образовательных данных, анкетирование либо тестирование [8, 9].

Многие ученые сходятся во мнении, что встроенные в онлайн-курс инструменты для взаимодействия между студентами и преподавателями увеличивают степень вовлеченности пользователей и, соответственно, положительно влияют на результат прохождения курса. Степень вовлеченности пользователей неразрывно связана с внутренней ценностью студентов и ощущением их полезности, от которых зависят успешность освоения курса [10, 11].

Несмотря на тщательный анализ различных аспектов онлайн-курсов, авторы не рассматривают их взаимодействие с другими элементами курса, что не дает полной картины о структуре всего онлайн-курса и модели педдизайна.

В мировой педагогической практике встречаются несколько моделей педагогического дизайна онлайн-курса:

1) анализ, дизайн, разработка, внедрение и оценка (ADDIE – analysis, design, development, implementation, evaluation);

2) модель последовательных приближений (SAM – Successive Approximation Model);

3) модель обратного дизайна (backward design, under-standing by design);

4) модель Дика и Кэри (Dick and Carey Model).

Каждая модель представляет собой четкий алгоритм шагов, распределенных на этапы, в ходе которых линейно создается прототип онлайн-курса. Все модели имеют универсальный характер и подходят для любых видов онлайн-курсов вне зависимости от дисциплины, продолжительности и других факторов.

Данные модели также учитывают уникальность целевой аудитории онлайн-курсов, которую могут составлять студенты и слушатели из разных стран, что особенно актуально для реализации сетевых и совместных образовательных программ [12], которые, как правило, реализуются модульно, на иностранном языке [13]. Следовательно, актуальность приобретает разработка на основе перечисленных выше моделей онлайн-курсов по иностранному языку для дальнейшего изучения на этом языке профессионально ориентированных модулей.

Цель данной статьи – ответить на исследовательский вопрос: какая модель педдизайна и какие структурные элементы эффективны для создания онлайн-курса по иностранному языку в инженерном вузе?

Методология

Для реализации педдизайна онлайн-курса по иностранному языку в инженерном вузе была выбрана модель обратного дизайна. Эта модель подразумевает обратный ход действий: не с планирования образовательного контента, форм, технологий и инструментов и результатов, а наоборот – с конца, то есть с результатов. Отталкиваясь от результатов, продумывается дальнейшая работа по педдизайну онлайн-курса. Модель обратного дизайна характеризуется тремя важными этапами:

1) определение конечного результата обучения;

2) выявление соответствующего критерия для оценки успеваемости;

3) планирование методологии и инструментов онлайн-курса.

В своей работе Т. Кочурина проанализировала основные модели педдизайна на предмет наличия слабых и сильных сторон. У модели обратного дизайна она видит преимущества в

четко сформулированном конечном результате и обоснованном выборе способа оценки его достижения, формы обучения [14].

Модель обратного дизайна удобна тем разработчикам, у кого есть уже четкое представление о результате, который получат студенты на выходе, и высокий профессионализм. В обратном случае разработчики могут прибегнуть к другим моделям курса с линейным ходом действий: от имеющегося контента – до получаемых знаний и навыков.

Любая модель должна учитывать пользовательский и профессиональный опыт разработчиков, преподавателей и студентов. Речь идет о сформированности навыков преподавания и обучения в онлайн-среде, которые включают в себя цифровые и медианавыки, навыки коммуникации, социального взаимодействия и др. [15]. Но выявление особенностей, связанных с наличием или отсутствием тех или иных навыков у различных категорий, задействованных в курсе, не является целью данной работы.

Актуальность

Изучение курсов по иностранному языку ведущих мировых и российских образовательных площадок показало их направленность на развитие межкультурных компетенций студентов [16], которые будут востребованы на глобальном рынке труда [17]. Были выявлены такие ключевые структурные элементы онлайн-курса по иностранному языку, как вводная секция, мини-видеолекции и их скрипты, презентации, упражнения на закрепление лексического и грамматического материала, тесты, задания для самостоятельной работы. Все эти необходимые элементы были характерны для разных иностранных языков, что свидетельствует об универсальности предложенных подходов и мультиязычных возможностях образовательной среды [18].

Педдизайн онлайн-курсов был осуществлен в Казанском национальном исследовательском технологическом университете. В рамках проекта «Приоритет-2030» команда преподавателей кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации создала пять онлайн-курсов на образовательной платформе Moodle: «Английский язык для бакалавров 1, 2 и 3 семестров» (3), а также «Профессионально ориентированный английский язык для магистрантов» (2) для направлений подготовки «Биотехнические системы и технологии» и «Химическая технология». Немаловажным фактором для онлайн-курса является онлайн-площадка для его размещения.

Образовательная платформа Moodle является виртуальной средой обучения КНИТУ, обладает широкими функциональными возможностями и удобным интерфейсом. Платформа позволила интегрировать все необходимые ресурсы и инструменты для создания полноценного онлайн-курса по иностранному языку. Было выявлено множество преимуществ данной образовательной платформы. Она позволяет задавать необходимые настройки для каждого элемента, касающиеся продолжительности времени, параметров попыток, сообразности перехода от одного задания к другому, методов оценивания и др. Немаловажным дополнением является включение интерактивного образовательного контента (плагин H5P) и возможность его адаптации под задачи и цель занятия. В программе также можно активировать различные варианты взаимодействия: студент – студент, студент – преподаватель в формате форума или комментариев. Существует мобильная версия сайта с полноценным интерфейсом.

Результаты

Согласно алгоритму модели обратного педдизайна онлайн-курсов, изначально были выявлены отправные точки в виде конечных результатов иноязычной подготовки. Они полностью совпадают с компетенциями, которые ожидаются после прохождения дисциплины и четко формулируются в рабочей программе. Например, для иноязычной подготовки бакалавров направления «Биотехнические системы и технологии» это УК 4.1, 4.2 и 4.3. Суть компетенций и, соответственно, конечных результатов обучения сконцентрирована на расширении знаний, умений и навыков студентов в трех сферах общения: учебно-социальная, деловая и профессиональная. В каждом из трех семестров студенты изучают особенности одной сферы общения. Следовательно, в первом семестре весь лексический и грамматический контент подчинен учебно-социальной сфере общения, во втором – деловой, в третьем – профессиональной, что соответствует междисциплинарному подходу при освоении иностранного языка в инженерном вузе [19].

Следующим этапом в цепочке создания онлайн-курса по выбранной модели педдизайна является определение критериев для оценки успеваемости. Здесь необходимо отметить, что онлайн-курс по замыслу разработчиков используется в формате «перевернутый класс», когда основной теоретический материал изучается студентами самостоятельно, а в аудитории происходит совместная с преподавателем активная деятельность по закреплению и обсуждению пройденного материала. Поэтому заявленные в

рабочей программе устные формы ответов студентов, такие как пересказ, проектная деятельность, сообщение, проверяются преподавателем в аудитории. Что касается онлайн-курса, то здесь широко был использован элемент «тестирование», которое и вошло в основной критерий оценивания результатов освоения онлайн-курса. Этот элемент позволяет создать и настроить тест различными способами. В онлайн-курс включено поурочное и итоговое тестирование. Для составления тестов был создан общий банк, состоящий из более 1000 вопросов. Все вопросы были распределены по соответствующим категориям, которые совпадают с грамматическими и лексическими темами уроков. Если в поурочном тестировании студентам предлагается пройти тест из определенной категории банка вопросов, то в итоговом тестировании случайным образом автоматически выбираются 2–3 вопроса из каждой категории банка. Более того, итоговое тестирование является тренировочным этапом при подготовке к тестированию остаточных знаний студентов.

Завершающий этап реализации модели обратного педдизайна онлайн-курса рассматривается как планирование методологии и выбор релевантных инструментов.

Если говорить о структуре, то каждый онлайн-курс начинается с вводной секции, где студенты могут посмотреть проморолик, видеоинструкцию, получить общую информацию об авторах, литературе, дополнительных ресурсах, ожидаемых навыках и компетенциях, а также полезные ссылки и рабочие документы. Задача вводной секции – заинтересовать и замотивировать слушателей на обучение в режиме онлайн-курса.

Отдельно стоит отметить визуальный дизайн онлайн-курсов. Визуальное оформление онлайн-курсов начиналось с выбора единой стилистической концепции, композиции, соблюдения баланса, подбора сопровождающих изображений, определения шрифта и сочетания цветов во всех текстовых форматах. Эти приемы были заимствованы из сферы маркетинга для успешного продвижения образовательных продуктов. Современный лаконичный визуальный дизайн онлайн-курса, одинаковая структура всех уроков и понятные требования к студентам обеспечивают плавное прохождение курса без излишней эмоциональной нагрузки. Если первое, на что обращает внимание новый слушатель онлайн-курса, – это визуальное оформление, то дальше он переходит к знакомству со структурой.

Структура всех уроков идентична, и их количество четко соответствует количеству занятий. В каждом уроке присутствует видеолекция, в которой преподаватель вводит новую тему. За видеофайлом следует текстовое сопровождение, словарь и презентация, основанные на видеоконтенте для лучшего понимания новой информации. Принимая во внимание психологические особенности молодого поколения и преобладание у них «клипового мышления» (которое требует частой смены картинки), видеолекции ограничены по времени, и их продолжительность составляет от 6 до 8 минут. Заставка, логотип, субтитры, картинки, инфографика, ссылки интегрированы в видео. После ввода новой информации в текстовом и видеоформате следует блок закрепляющих упражнений.

Платформа Moodle позволяет создавать обучающие задания в формате H5P. Этот интерактивный наглядный способ позволил организовать упражнения разных типов, таких как перетаскивание слов, верно-неверно, карточки, вопросы с множественным выбором и др. Во всех типах заданий предусмотрена моментальная обратная связь. Далее следует тест.

Тестирование оценивает степень усвоения словарного запаса, коммуникативных навыков и грамматики. Один тест состоит примерно из 50 вопросов в формате множественного выбора.

Урок заканчивается индивидуальным заданием, которое может быть обязательным или дополнительным к выполнению. В программе предусмотрено, что выполненное задание в виде текстового или видеофайла возможно прикрепить к заданию и на это получить обратную связь от преподавателя. В некоторые уроки удалось добавить элемент геймификации и интегрировать игровой сервис Quizlet для закрепления лексического материала на основе учебных карточек.

Правильное сочетание содержания с рабочими инструментами в онлайн-курсе позволяет расширить понимание и использование общепринятых межкультурных компетенций, в том числе у международных студентов, принимая во внимание их потенциальную возможность трудоустройства как на мировом, так и на локальном рынке труда [20].

Таким образом, проведенное исследование позволило обосновать выбор обратной модели педдизайна при создании онлайн-курсов по иностранному языку следующими факторами.

1. Понимание результатов прохождения онлайн-курса по иностранному языку, сформулированных в рабочей программе дисциплины в виде знаний, умений и навыков.

2. Наличие укомплектованного банка вопросов, который используется на образовательной площадке Moodle для разработки поурочного и итогового тестирования. Тестирование в онлайн-курсе по иностранному языку выступает как критерий оценки степени усвоения дисциплины.

3. Определение ключевых структурных элементов онлайн-курса, таких как мини-видеолекции и их конспекты, презентации, упражнения на закрепление лексического и грамматического материала, тесты, задания для самостоятельной работы, отражающих технические возможности онлайн-платформы Moodle. Все элементы становятся последовательными практическими действиями студентов и способствуют развитию основных четырех навыков речевой деятельности на иностранном языке (говорение, аудирование, письмо, чтение), что в итоге приближает студентов к поставленным результатам.

Заключение

Создание онлайн-курсов невозможно без тщательного продумывания прототипа онлайн-курса, который необходимо сделать в процессе педдизайна. От выбора модели педдизайна будет зависеть алгоритм последовательных действий. В случае с моделью обратного педдизайна онлайн-курса движение начинается с конца, то есть с определения конечных результатов. Что касается онлайн-курсов по иностранному языку для бакалавриата в инженерном вузе, то конечные результаты обучения по дисциплине коррелируют с ожидаемыми на выходе компетенциями. Здесь речь идет о развитии знаний и навыков разговорной и письменной речи в ситуациях бытового, делового и профессионального общения.

Выбор критериев оценивания в онлайн-курсе осуществляется в зависимости от функциональных возможностей образовательной онлайн-платформы. Площадка Moodle, благодаря расширенным опциям по созданию и оцениванию тестов, позволила включить поурочные тесты и итоговое тестирование. Создание кафедрального общего банка вопросов способствовало получению объективной картины по оцениванию степени усвоения материала как в конце каждого урока, так и после прохождения всего курса обучения по дисциплине. Более того, подготовка к итоговому тестированию совмещает в себе также и проверку готовности к оценке остаточных знаний. Это происходит за счет наличия аналогов типовых заданий и категорий в банке вопросов для итогового тестирования и оценки остаточных знаний.

Лаконичный визуальный дизайн, выстроенный по актуальным законам маркетинга, воспринимается студентами как внушающий доверие современный образовательный продукт, который будет понятен в использовании.

Адекватно подобранные инструменты и ресурсы в соответствии с ожиданиями и запросами целевой аудитории, такие как мини-видеолекции, презентации, интерактивные задания с элементами геймификации, тесты, индивидуальные задания с обратной связью, оптимизируют образовательный процесс внутри онлайн-курса и снимают психологические барьеры студентов.

Прохождение всех этапов модели обратного педдизайна онлайн-курса позволяет в итоге определить конечный результат онлайн-курса, рассмотреть функциональные возможности образовательной онлайн-платформы и подобрать адекватный критерий оценивания и, сообразно результатам и критериям, интегрировать образовательный контент и формат элементов онлайн-курса.

Онлайн-курсы по своей сути являются уникальной точкой сборки многих элементов, таких как выбор модели педдизайна, образовательный и профессиональный опыт всех участников, маркетинговая составляющая, содержательное и структурное наполнение, результаты, психологические особенности целевой аудитории, а также способы коммуникации. Какие-то элементы были подробно разобраны в этой работе, а какие-то еще только предстоит раскрыть в дальнейших статьях согласно публикационной стратегии авторов.

В настоящее время наличие качественных онлайн-курсов является показателем успешной цифровой трансформации вуза, так как они логично вписываются в цифровую архитектуру. Онлайн-курсы способствуют движению университета к «цифровой зрелости», которая в свою очередь привлекает новых абитуриентов, инвесторов, партнеров и обеспечивает стабильность кадровому составу.

Список литературы

1. Государственная программа Российской Федерации «Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования». URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dv6edzmr0og5dm57dtm0wyllr6uwtujw.pdf (дата обращения: 15.08.2022).

2. Осипов П.Н. Интенсификация высшего образования как средство его модернизации // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 1. С. 38–41.

3. Сайт журнала «Тинькофф». URL: https://journal.tinkoff.ru/online-stat/?ysclid=l77w44b5az326973322 (дата обращения: 25.08.2022).

4. Yang D. Instructional strategies and course design for teaching statistics online: perspectives from online students // IJ STEM Ed. 2017. Vol. 4. P. 34–39.

5. Noetel M., Gough M., Taylor L. Video improves learning in higher education // A Systematic Review. 2021. Vol. 91. P. 204–236.

6. Stephen J., Rockinson-Szapkiw A. A high-impact practice for online students: the use of a first-semester seminar course to promote self-regulation, self-direction,

online learning self-efficacy // Smart Learn. Environ. 2021. Vol. 8. P. 6–12.

7. Sjolie E., Espenes T., Buo T. Social interaction and agency in self-organizing student teams during their transition from face-to-face to online learning // Computers and Education. 2022. Vol. 189.

8. Gil-Jaurena I., Kucina Softic S. Aligning learning outcomes and assessment methods: a web tool for e-learning courses // Int. J. Educ. Technol. High. Educ. 2016. Vol. 13.

9. Feldman-Maggor Y., Blonder R., Tuvi-Arad I. Let them choose: Optional assignments and online learning patterns as predictors of success in online general chemistry courses // The Internet and Higher Education. 2022. Vol. 55.

10. Lee J., Sanders T., Antczak D. et al. Influences on user engagement in online professional learning: A narrative synthesis and meta-analysis // Review of Educational Research. 2021. Vol. 91. P. 518–576.

11. Saggars S., Xu D. How do online course design features influence student performance? // Computers and Education. 2016. Vol. 95. P. 270–284.

12. Горылев А.И., Кузнецова С.Н. Совместные образовательные программы как инструмент интернационализации (на примере юридического факультета Университета Лобачевского) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1. С. 150–155.

13. Bezrukov A., Sultanova D. Development of a «Smart Materials» Master's degree module for chemical engineering students // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2020. Vol. 1135. P. 169–180.

14. Кочурина Т.С. «Педагогический дизайн»: сущность и структура // Преподаватель XXI век. 2022. № 1. Ч. 1. С. 21–29.

15. Фахретдинова Г.Н., Дулалаева Л.П., Зиннатуллина Л.М., Царева Е.Е. Важность развития трансверсальных компетенций в системе высшего образования стран Евросоюза // Тенденции развития науки и образования. 2020. Т. 58. Вып. 8. С. 30–33.

16. Valeeva R., Ziyatdinova J. et al. Assessing intercultural competence of engineering students and scholars for promoting academic mobility // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2019. V. 917. P. 815–825.

17. Volkova E., Semushina E., Tsareva E. Developing cross-cultural communicative competence of university students in the globalized world // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2021. Vol. 1328. P. 405–416.

18. Царева Е.Е., Богоудинова Р.З. Мультиязычность как показатель оценки профессиональных качеств инженера: зарубежный опыт // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2017. Т. 3. С. 91–101.

19. Галеева Ф.Т. О реализации междисциплинарных связей на занятиях по иностранному языку с дисциплинами профессионального цикла // Мир науки, культуры, образования. 2019. Т. 2. С. 114–116.

20. Зиятдинова Ю.Н., Осипов П.Н., Безруков А.Н. и др. Интернационализация инженерного образования: российский вариант: Монография. Казань: КНИТУ, 2015. 256 с.

INSTRUCTIONAL DESIGN OF ONLINE LANGUAGE COURSES

J.N. Ziyatdinova, E.E. Tsareva, F.T. Galeeva

Kazan National Research Technological University

The article focuses on the problem of creating high-quality online foreign language courses in the context of the digital transformation of universities. The purpose of the article is to determine an effective instructional design model and structural elements for creating online foreign language course. The authors determine the use of the backward design model, characterized by a reverse algorithm of actions. Design model establishes course mapping through three stages: online course learning outcomes identifying; suitable criteria and types of assessment; the content and structural elements of the online language course as teaching strategy.

Thus, the desired results of online language course correlate with the competencies formulated in the discipline learning program; the evaluation criteria are intermediate and final online tests; and the main structural elements are mini video lectures and their scripts, presentations, lexical and grammar exercises, tests, tasks for independent work, reflecting the learning space of the Moodle online platform.

Keywords: instructional design, online course, backward design model, digital transformation, online learning platform.

УДК 372.881.111.1
DOI 10.52452/18115942_2023_1_219

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-ГУМАНИТАРИЕВ НА ОСНОВЕ АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ

© 2023 г.

Е.И. Косова, Ю.В. Данько

Косова Екатерина Ивановна, ассистент кафедры иностранных языков
Севастопольского государственного университета;
аспирант кафедры методики обучения
английскому языку и деловой коммуникации Московского городского педагогического университета
kosova945@mail.ru
Данько Юрий Владимирович, учитель иностранного языка
СОШ № 14 г. Севастополя им. И.С. Пьянзина,
аспирант кафедры педагогического образования Севастопольского государственного университета
bonifacius-zs@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 17.09.2022
Статья принята к публикации 29.11.2022

Обоснована актуальность обучения профессионально ориентированному иностранному языку на основе аутентичных текстов в условиях организации структурной модели высшего образования и концепции lifelong learning. Подчёркивается контекст дополнения традиционного обучения через расширение цифровых технологий как системы организации обучения иностранному языку на дидактических образовательных платформах и интернет-ресурсах, что дополняет возможности обучения и формирует педагогический потенциал в качестве средства расширения профессионального горизонта и личностного роста для дальнейшей профессиональной деятельности. В рамках организации педагогического исследования апробировано обучение на актуальном аутентичном практико-ориентированном текстовом материале будущих социологов в части развития навыков профессионально ориентированного чтения и общения через систему упражнений, направленных на овладение профессиональной иноязычной коммуникативной компетенцией на уровне B2 в части лексики и грамматических категорий. Подтверждается гипотеза исследования, однако отмечается длительность обучения иностранному языку и тем самым обеспечение формирования мотивационных установок на непрерывное иноязычное самообразование студентов по окончании бакалавриата.

Ключевые слова: высшее образование, непрерывное образование, иностранный язык, цифровизация образования, практико-ориентированное обучение, педагогический потенциал, информационно-образовательная среда, коммуникативная компетенция, электронное обучение.

Введение

Современная система образования в настоящее время проходит период модернизации, одним из важнейших аспектов которой является внедрение цифровых технологий в педагогический процесс.

В этом контексте, первая четверть XXI столетия – время активного внедрения электронного обучения ввело в педагогическую практику понятия «информационно-образовательная среда», «электронная дидактика», «цифровая педагогика», «сквозные образовательные технологии» и др.

Особенно заметно расширение цифровой среды педагогического образования становится с середины 10-х годов XXI столетия. В частности, система среднего образования всё больше переходит на электронные системы обучения и оценивания: ИОС школьного обучения включает использование электронных версий УМК в интеграции с электронной доской в классе и планшетами для учащихся, а также электронный журнал обучения; формируется система интеграции школьных результатов в единую структуру в виде портфолио ученика для поступления на профессиональное образование.

Система высшего профессионального образования в последние годы также модернизируется, и здесь роль электронного обучения особенно заметна: ИОС вуза включает в первую очередь электронные образовательные ресурсы (ЭОР), программное обеспечение и все технические средства, направленные на решение определённых задач в зависимости от специальности, и обучение иностранному языку с использованим современных технологий является одной из основных тенденций образования на всех его уровнях.

Однако модернизация образования затрагивает не только её структуру, но и выдвигает определённые требования к педагогам в контек-

сте непрерывного образования, формулируя тезис «образование через всю жизнь» через триединую модель необходимого уровня квалификации (формального компонента), регулярного повышения квалификации (информального компонента) и непрерывного самообразования по профилю деятельности (неформального мотивационного компонента).

Для студента вуза высшее образование обеспечивает формирование гармонично развитой личности и получение достаточного уровня профессиональной квалификации (компетентности), необходимым компонентом которой являются и общекультурные знания, и ввиду глобализации и интеграции многих сфер в мировую экономику дисциплина «Иностранный язык» становится одной из определяющих.

В условиях широкого внедрения интернет-технологий и электронных ресурсов в повседневную жизнь овладение по крайней мере одним иностранным языком (английским) становится необходимой частью профессиональной компетентности любого специалиста с высшим образованием, и педагогический потенциал его изучения может быть выражен через доступ к актуальным профессиональным достижениям и коммуникации в интернациональном профессиональном сообществе, что в первую очередь подразумевает для профессиональных целей развитие навыков профессионально ориентированного чтения и общения.

Степень изученности проблемы исследования

Проблематика педагогического потенциала за последние годы исследована в работах О.А. Батуриной, Е.А. Вишняковой, М.С. Ивинской, С.Е. Каплиной, В.А. Митраховича, Е.Е. Пироженко, А.Ю. Сироткина; структура непрерывного образования подробно описывается в исследованиях А.А. Боричевской и И.Н. Романовой.

Центральный аспект исследования – обучение профессионально ориентированному иностранному языку (языку для специальных целей) студентов бакалавриата неязыковых гуманитарных направлений подготовки основывается в исследованиях последних лет С.А. Волковой, В.В. Завьялова, О.Н. Лихачёвой, Е.В. Новиковой, Ф.Р. Норбоевой, Е.С. Павлюк, Л.Т. Рудометовой, Ю.В. Слободской, О.И. Халупо и др.

В результате анализа научно-педагогических источников формулируется проблема исследования, состоящая в недостаточной методической разработанности обучения английскому языку для профессиональных целей будущих социологов, филологов и педагогов на аутентичном текстовом материале в условиях реализации компетентностного подхода, предполагающего овладение комплексом профессиональных знаний, умений и навыков для решения профессиональных задач, учитывая специфику современного педагогического образования (ИОС обучения вуза).

Цель настоящего исследования заключена в анализе педагогического потенциала обучения английскому языку студентов-гуманитариев на аутентичном текстовом материале в развитии навыков профессионально ориентированного чтения и общения по заданной тематике в практико-ориентированых упражнениях студентов бакалавриата в контексте непрерывности профессионального образования.

На основании этого положения определяем гипотезу исследования: формирование коммуникативной компетенции студентов-гуманитариев в обучении профессионально ориентированному английскому языку и развитии навыков чтения и общения будет эффективным, если на занятиях используются аутентичные практико-ориентированные тексты и интерактивные упражнения в закреплении лексических и грамматических явлений в условиях модернизации высшего образования (сочетание очной и дистанционной форм занятий).

Достижение поставленной цели исследования предполагает решение следующих его задач: раскрыть понятие «педагогический потенциал» применительно к обучению профессионально ориентированному иностранному языку, описать структуру высшего образования в контексте непрерывности, а также составляющие педагогического процесса в высшей школе в условиях модернизации, определить исходные уровни иноязычной мотивации и коммуникативной компетенции у студентов избранных групп, по результатам анализа выделить экспериментальную группу, разработать и экспериментально проверить/опровергнуть гипотезу исследования; при отборе аутентичных англоязычных материалов исходить из принципа практической ориентации (специализации) в развитии навыков чтения и иноязычной коммуникации.

Методы исследования

Основу настоящего исследования составил комплекс теоретических и эмпирических методов; в основу теоретических методов положены анализ предшествующих научных исследований по обучению профессионально ориентированному иностранному языку, изучение нормативных документов подготовки педагогов, социологов и филологов по программам бака-

лавриата (ФГОС, РП, УП), обобщение исследований по педагогическому потенциалу и аспектам непрерывного образования; основу эмпирических методов составили сравнение групп студентов по заданным условиям (уровня иноязычной коммуникативной компетенции) и выбор экспериментальной группы. Центральной частью являлся формирующий педагогический эксперимент в рамках проверки гипотезы исследования.

Результаты и обсуждение

В условиях ориентации обучения иностранному языку на коммуникативную модель студентов неязыковых специальностей основой является формирование профессионально ориентированной иноязычной компетенции как взаимосвязанного с профессиональными интересами студентов комплекса текстов профессиональной направленности, включающими информацию о различных аспектах будущей профессии [1] на основе методик поискового и изучающего видов, поскольку именно в текстах и контексте употребления необходимо запоминать иноязычные явления – профессиональную лексику и иноязычную грамматику. Именно на текстах формируются профессионально ориентированные дидактические упражнения развития коммуникативной составляющей (навыков общения).

Как результат, «преподавание иностранного языка в неязыковых вузах представляет собой особую проблему...в части выбора и применения языковых методик, содержания курса обучения, видов языковой деятельности» [2].

Чаще всего для непрофильных специальностей изучаемым иностранным языком выбирается английский, который является частью программы обучения и включает три дисциплины: базовый курс «Иностранный язык» (1–4 семестры бакалавриата) и «Иностранный язык для специальных целей» (5–8 семестры бакалавриата, English for Specific Purposes), продолжается в магистратуре как «Академический иностранный язык» (Academic English); главной целью овладения английским языком студентами неязыковых направлений является «доступ к цифровой информации XXI века», и в этой связи «английский язык приобрёл статус «лингва франка» в среде современного международного сообщества» [2] и совершенно необходим «для иноязычной коммуникации в бытовой и профессиональной сферах общения» [3].

В результате, английский язык – ключ «к продуктивному межкультурному иноязычному общению» [4], и «овладение коммуникативной компетенцией... является приоритетной задачей подготовки квалифицированного специалиста» [5], а профессиональная компетентность не может быть полной без овладения профессионально ориентированным иностранным языком [6].

Само обучение иностранному (английскому) языку в вузе и структура высшего образования, являясь продолжающими и практико-ориентированными, следуют концепции непрерывного образования (lifelong learning, «образование через всю жизнь»), в основе которой находится «преемственность образовательного процесса» [7] на всех этапах получения квалификации (формального компонента), её повышения (информального компонента) и личностного роста (неформального компонента).

Концепция непрерывного высшего образования в части подготовки филологов, педагогов и социологов в настоящее время следует двухуровневой модели обучения бакалавриата и магистратуры, в рамках которой программы первого уровня (бакалавриата) ориентированы на базовую подготовку специалиста, формирование основ профессиональных знаний; с 1 сентября 2022 года в контексте введения ядра педагогического образования иностранный язык входит в коммуникативно-цифровой модуль профессионального обучения [8] программ бакалавриата, где «должен восприниматься как вспомогательный инструмент расширения своих знаний в других предметных областях» [9], и в результате специалисту необходимо овладеть языком на уровне, «позволяющем ему активно и свободно использовать его в сфере профессиональной деятельности» [10] «для полноценного профессионального становления» [11].

Таким образом, «формирование и развитие иноязычной коммуникативной компетенции в вузе является неотъемлемой частью академического процесса» [12], и в её основе находятся навыки профессионально ориентированного чтения и общения, развитие которых должно закладываться именно в бакалавриате, а обучение в магистратуре должно углублять сформированные профессиональные иноязычные умения (например, в части развития навыков академического письма).

При обучении профессионально ориентированному языку студентов баклавриата, прежде всего, необходимо обеспечить практико-ориентированную деятельность с аутентичным текстом по классической схеме: вводная часть (дотекстовый этап), основная (текстовый этап) и заключительная (послетекстовый этап) части в развитии навыков поискового и изучающего чтения, а также навыков работы с текстом в усвоении лексико-грамматических особенностей языка.

Каждый из этапов работы с текстом в обучении профессионально ориентированному иностранному языку имеет свои цели: вводная часть предполагает знакомство с тематикой текста и организацию работы [13], коммуникативную установку; основная часть включает поисковое чтение с целью поиска необходимой информации (решение коммуникативной задачи, поставленной преподавателем) [1] либо изучающее чтение, направленное на детальное понимание его содержания и верную интерпретацию [1]; заключительный этап предполагает коммуникативные либо практико-ориентированные упражнения на лексику и грамматику, также некоторая часть заданий может быть в дальнейшем включена в модульный контроль.

Обучение профессионально ориентированному иностранному языку может строиться как в очном (аудиторном), так в дистанционном формате. Аудиторная форма работы в практическом содержании обучения иностранному языку направлена на усвоение лингвистической, психологической, методологической, социолингвистической и социокультурной составляющих коммуникативной компетенции с учётом профессиональной специализации, индивидуальных и личностных особенностей студентов [14; 15], и именно очное обучение иностранному языку во взаимодействии преподавателя и студентов обеспечивает наибольшую эффективность и обратную связь.

Вместе с этим в последние годы традиционные методы обучения в высшей школе дополняются цифровыми технологиями, реализуемыми в виде электронного обучения, составляющими информационно-образовательную среду как систему, «объединяющую интеллектуальные, культурные, программно-методические, организационные и технические ресурсы» [16], обеспечивающие организацию, управление и сопровождение дистанционного обучения студентов.

Основой организации электронного обучения в высшей школе являются электронные образовательные ресурсы (ЭОР); одной из самых распространённых учебных платформ является Moodle (Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment), обеспечивающая целостную систему интеграции обучения, персонализированную учебную среду [17], сохраняющая портфолио каждого студента с отметками и комментариями преподавателя [16], позволяющая также не только разработать учебный контент, но и организовать различный контроль [18] в любой системе оценивания [16]. Обеспечивая коммуникацию студента и преподавателя, «система поддерживает обмен файлами любых форматов» [16].

В результате электронная образовательная платформа определяется как сетевая информационная площадка, созданная для размещения образовательного контента и педагогического взаимодействия, дополняющая традиционную форму обучения [19].

Дополнительными формами электронного обучения являются учебные форумы, чаты, вебинары, видео- и веб-конференции, блоги [20], из которых в условиях изменения образовательных условий видеоконференции (в Skype, Zoom) занимают центральное место, обеспечивая организацию практических онлайн-занятий по иностранному языку с ограниченной группой студентов в режимах демонстрации учебного материала, презентаций и организации семинаров [20].

В контексте модернизации образования появление электронных образовательных платформ является ответом на потребность совмещения аудиторной и внеаудиторной работ при изучении учебных дисциплин и организации самостоятельной деятельности студентов [21], где роль преподавателя – «ориентироваться в последних электронных разработках и направлять своих студентов на использование наиболее качественных и полезных ресурсов» [22].

Совокупность всех форм обучения иностранному языку как общеобразовательной дисциплины практико-ориентированной направленности, «посредством которых становится возможным формирование и становление личности в процессе её образования» [23], определяется как педагогический потенциал, который в условиях развития ИОС обучения и формирования системы непрерывного профессионального образования (НПО) включает мотивационный, индивидуальный, интегративный, практико-ориентированный компоненты, а его «ядром» является обучение иностранному языку в контексте профессиональной направленности, когда «отбор языкового материала следует основывать на его актуальности для обучаемых (конечно, с учетом уровня знаний и сложности темы обсуждения)» [24].

Рассмотрим педагогический потенциал обучения профессионально ориентированному иностранному языку студентов-гуманитариев в условиях формирования системы непрерывного профессионального образования на примере организации обучения в Севастопольском государственном университете (СевГУ).

Исследование педагогического потенциала обучения профессионально ориентированному иностранному языку являлось частью формирующего педагогического эксперимента и было проведено в 2021/22 учебном году на базе ка-

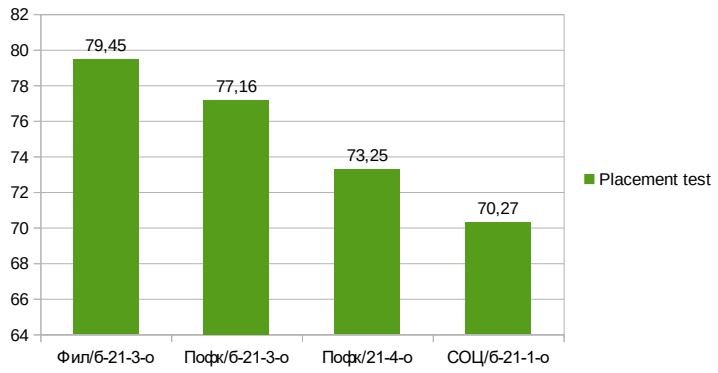


Рис. 1. Результаты входного теста по группам

федры «Иностранные языки» Севастопольского государственного университета на основе трёх последовательных этапов.

Констатирущий или входного контроля этап (октябрь 2021 года) основной целью определял выбор целевых групп студентов-гуманитариев, изучающих иностранный (английский) язык для специальных целей, и подбор материалов входного контроля уровня B1 для выделения контрольной и экспериментальной групп (в системе Moodle).

Формирующий или практико-ориентированный этап (ноябрь 2021 – март 2022 года) включал 18 аудиторных занятий в выбранной экспериментальной группе студентов, направленных на развитие навыков практико-ориентированного чтения и общения на английском языке на основе аутентичных текстов, отобранных по дидактическому принципу в части ориентации на будущую профессию и развития мотивации и организованных «от простого к сложному», завершённых по структуре, поскольку одной из целей обучения на аутентичных текстах является развитие умений студентов выделять основную смысловую информацию, и сама профессионально ориентированная коммуникативная компетенция предполагает прежде всего «чтение текстов по специальности, перевод и работу с терминами,.. общение на иностранном языке в профессиональной сфере деятельности» [25].

Контрольный или рефлексивный этап (апрель 2022 года) включал систематизацию, обработку и анализ полученных данных в оценке педагогического потенциала обучения профессионально ориентированному иностранному (английскому) языку на основе аутентичных специальных текстов как сформированности практико-ориентированной коммуникативной компетенции английского языка на уровне не менее B2.

В исследовании приняли участие студенты 4 групп первого курса: будущие филологии русского языка и литературы направления 45.03.01 (25 студентов группы Фил/б-21-3-о), учителя физической культуры направления 44.03.01 (54 студента в группах Пофк/б-21-3-о и Пофк/б-21-4-о), а также социологи направления 39.03.01 (34 студента группы СОЦ/б-21-1-о); общий объём выборки составил 113 студентов-бакалавров, из них экспериментальную группу составили 34 студента, обучающиеся по направлению социологии.

Для выделения экспериментальной группы всем студентам был предложен входной тест определения общего уровня английского языка из 50 вопросов (Placement test) [26] (в системе Moodle в рамках выполнения домашней работы), результаты которого оценивались по среднему результату всей группы; группа с наименьшим средним результатом была определена в качестве экспериментальной.

Разработанные предварительно критерии оценки в Moodle определяли творческий (90–100%), продуктивный (75–89%), средний (60–74%) и низкий (менее 60%) уровни, учитывающие итоговые результаты к требуемым знаниям, умениям и навыкам студентов на уровне английского языка B1 (достижение среднего уровеня по группе не менее 60/100).

По результатам входного контроля группа СОЦ/б-21-1-о (студенты 1 курса направления «Социология») определена в качестве экспериментальной, а группа Фил/б-21-3-о (студенты 1 курса направления «Отечественная филология») – в качестве основной контрольной группы.

Обучение профессионально ориентированному английскому языку (а именно, навыкам чтения и коммуникации) в экспериментальной группе проводилось по авторской методике с использованием ЭОР Moodle на основе аутентичных текстов, а в контрольных – по действующим учебным планам [27–29] в рамках аудиторных занятий; главным критерием отбора

упражнений в ходе исследования являлось соответствие госстандарту направления 39.03.01 «Социология» в форме результирующей способности «осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на... иностранном языке» [30].

Тематика занятий в экспериментальной группе строилась на последовательности аудиторных (практических) занятий по английскому языку и дистанционных (в ЭОР Moodle) форм обучения согласно учебному плану в рамках изучаемых тем (на каждую тему отводилось 2 академических часа (одна пара) аудиторных занятий и 1 академический час для выполнения заданий в Moodle для контроля изученной темы в рамках домашнего задания), а именно:

– 1 семестр: ноябрь–декабрь 2021 г. (11 занятий; темы вводного курса: Family. Friends. Student's life. My city/town. Travelling. Shopping. Social life. Spare time. Food. Daily routine. Work) [29];

– 2 семестр: февраль–март 2022 г. (7 занятий; темы основного курса: Changes in our life. Culture. Different countries. Holidays. Achievements. Discovery and inventions. Natural world) [29].

Авторский алгоритм учитывал традиционные методики обучения чтению, но для каждого занятия подбиралась тематика из аутентичных интернет-источников (периодической печати и журналов), и центральным компонентом занятия был текст и работа с ним индивидуально, в парах и группе (на дотекстовом и текстовом этапах).

В этом контексте двумя важнейшими установками при работе с текстом на основном (текстовом) этапе являлись поисковое (scanning) и изучающее (reading for detail) виды чтения.

При обучении поисковому чтению (как рефлексивной составляющей текстовой деятельности) [32] студентам предлагались задания на прочтение текста и поиск ответов на вопросы (например, what can help us be good specialists?), найти абзац, посвященный проблеме air pollution, разделить текст на смысловые части согласно плану (introduction, a problem statement, main body of the text, conclusion).

В обучении изучающему чтению (как интерпретационной составляющей текстовой деятельности) [32] целевой установкой являлось «вдумчивое вчитывание в текст с целью его глубокого понимания, а также максимально полного и точного извлечения содержащейся в тексте информации, как главной, так и второстепенной» [1], и предлагались упражнения следующих типов: вопросы по теме текста (Какими качествами необходимо обладать, и что может быть основным, чтобы быть успешным специалистом?), которыми можно было бы дополнить текст; подготовить в аудитории краткие тезисы по содержанию текста/рецензию на прочитанный текст и сдать их преподавателю; заполнить пропуски пропущенными словами в абзаце/перевести абзац (в этом случае предварительно текст выделялся).

Основой обучения профессионально ориентированному иностранному языку являлось именно изучающее чтение, так как «первоочередной задачей обучения... является развитие навыков восприятия и переработки читаемого текста с целью извлечения информации, необходимой для будущей профессиональной деятельности выпускника» [1].

Обучение профессионально ориентированному общению в теоретическом аспекте направлено на развитие и совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции, включающей «умение говорить правильно,.. хорошо понимать прослушиваемую или считываемую речь; ... владение всеми сторонами речи (фонетической, грамматической, лексической) и развитие на этой основе умения строить связное речевое высказывание» [33], и в практическом аспекте строилось на обсуждении тематики текста на дотекстовом и послетекстовом этапах в рамках дискуссии на основе сформулированной коммуникативной задачи в парной и групповой работе студентов.

Приоритетом обучения речи являлась содержательная часть: умение выразить мысль, максимально точно приближенную к содержательной основе текста (понимание), пусть даже и с использованием простой лексики (развитие стратегической компетенции) на основе активных речевых образцов (лексических шаблонов), в корректной форме (грамматическая компетенция). Речевыми вводными образцами студентов, предложенными преподавателем, были: The text is based on (текст основан на), I would like to point out that (я бы хотел отметить, что), the text states that (в тексте говорится, что), the focus of the text is (основной идеей текста является) и др.

Обучение профессионально ориентированному английскому языку на каждом из занятий строилось в комплексе аудиторной и дистанционной форм работ.

Аудиторная работа (практические задания по дисциплине) на каждом занятии ставила целевую установку постепенного формирования иноязычной коммуникативной профессионально ориентированной компетенции в части развития навыков чтения и общения (коммуникации) на основе системы упражнений «по числу видов речевой деятельности: для обучения говорению, аудированию, чтению и письму» [21],

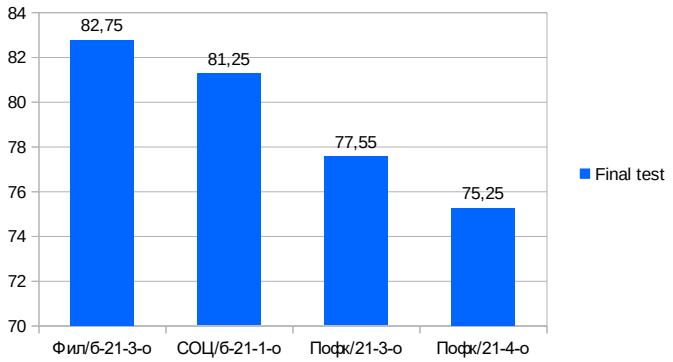


Рис. 2. Результаты итогового (выходного) тестирования

однако основой являлся текст и работа с ним как «текстовая деятельность» [32].

Работа в ЭОР Moodle предполагала оценочный контроль усвоения темы аудиторного занятия в виде теста на послетекстовом этапе, а также, ввиду среднего уровня коммуникативной компетенции большинства студентов (B1–B2), задания на определение верной и ложной информации в тексте (true vs false), на соединение частей предложения и определение логико-семантических связей и поиск конкретной информации [31].

По результатам 18 практических аудиторных занятий (36 ак. часов или 1 з.е., без учёта самостоятельной работы студентов в Moodle) в экспериментальной группе был организован контрольный или рефлексивный этап, включавший систематизацию, обработку и анализ полученных данных для оценки педагогического потенциала обучения профессионально ориентированному иностранному языку на аутентичных текстах (на примере английского языка) в экспериментальной группе и сравнение результатов с контрольными группами в форме тестового результирующего контроля в системе Moodle [34], а также возможности продолжения дальнейшего практического исследования в данном направлении.

Итоговая система оценивания также по 100-балльной шкале, учитывающей итоговые результаты к требуемым знаниям, умениям и навыкам студентов на уровне английского языка B2 (средний уровень по группе не менее 75/100).

По результатам итогового тестирования, у студентов в экспериментальной группе определяются трудности в овладении фонетическими, лексическими, словообразовательными (Use of English) и грамматическими средствами английского языка в отдельных аспектах, сложности в восприятии аутентичной текстовой информации и формулирования конкретного высказывания по теме.

Анализ полученных данных в целом зафиксировал достаточный уровень сформированной иноязычной профессионально ориентированной компетенции будущих социологов (средний уровень 34 студентов превысил 80%) по результатам рефлексивного этапа в части сравнения результатов с контрольными группами (в первую очередь, будущих филологов в группе Фил/б-21-3-о, где средний результат 25 студентов составил более 82%), увеличившись на 10% по результатам аудиторной и самостоятельной работ, в части соответствия уровню B2 навыков чтения и общения на минимально достаточном уровне. Однако остаются иноязычные грамматические сложности, в решении которых, на наш взгляд, особое внимание нужно уделить на контекстные примеры употребления соответствующих категорий.

Содержание эксперимента и полученные выводы соответствуют современной научной концепции и развивающейся тенденции на применение электронных форм обучения, а его организация и всё исследование выполнены авторами самостоятельно, отвечая требованиям, предъявляемым к научным работам такого типа.

Теоретическая и практическая значимость настоящего исследования может состоять в дальнейшем учебно-методическом сопровождении обучения будущих социологов к практической деятельности с использованием иностранного языка на основе модели формирования иноязычной профессионально ориентированной компетенции с использованием аутентичных текстов и электронных образовательных ресурсов (системы Moodle), а полученные результаты могут быть применены для оценки иноязычных грамматических трудностей студентов, изучающих иностранный язык как общеобразовательную дисциплину в вузах.

Заключение

В настоящем исследовании отмечена положительная роль развития навыков чтения и

коммуникации в контексте профессионально ориентированного обучения иностранному (английскому) языку будущих специалистов неязыковых направлений (социологов) на актуальных текстовых материалах, учитывающих будущую профессиональную деятельность.

Однако иноязычные трудности в английском языке, полученные по результатам анкетирования студентов в Moodle (прежде всего сослагательное наклонение и пассивный залог), в контексте профессиональной направленности обучения английскому языку могут быть существенными, ввиду их широкого распространения в технической и профессиональной литературе. Предлагается, в целях решения этой проблемы, обучение на контекстных примерах и формирование коммуникативных навыков на основе соответствующих речевых шаблонов.

В целом, модернизация современного педагогического процесса в высшей школе ввела понятие «информационно-образовательная среда обучения» в качестве базового компонента: аудиторные (традиционные) формы работы дополняются интерактивными технологиями и организацией обучения на образовательных платформах (например, в Moodle), что вносит вариативность в образовательный процесс.

Список литературы

1. Третьякова И.В., Куликова У.С. Профессионально-ориентированное чтение как средство формирования коммуникативной компетенции у студентов неязыкового вуза // Культурно-языковое взаимодействие в процессе преподавания дисциплин культурологического и лингвистического циклов в современном полиэтничном вузе. 2017. С. 279–284.

2. Павлюк Е.С. Профессиональный контекст преподавания иностранных языков в неязыковых вузах // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2019. № 10. С. 267–270.

3. Волкова С.А., Шиман М.Ю. Современные технологии преподавания иностранного языка в вузе // Социальные науки. 2019. № 3. С. 56–60.

4. Куклина С.С., Черемисинова И.С. Межкультурная иноязычная коммуникативная компетенция как основа обучения иноязычному общению в вузе // Язык и культура. 2018. № 41. С. 255–270.

5. Супрунов С.Е. Коммуникативная компетенция в преподавании иностранных языков // V Международная научно-практическая интернет-конференция «Гуманитарное образование в экономическом вузе» / РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2017. С. 353–356.

6. Халупо О.И. Отбор лексических единиц для профессионального иностранного языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6-2 (72). С. 212–214.

7. Романова И.Н. и др. Непрерывное образование при подготовке специалистов в современных условиях // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. № 3. С. 754–758.

8. Воронин Д.М., Воронина Е.Г., Коротков О.В. Разработка образовательной программы согласно формированию «ядра высшего педагогического образования» и унификации образовательных программ высшего педагогического образования // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 73-2. С. 57–59.

9. Боричевская А.А., Дубровская Е.В. Иностранный язык в системе непрерывного образования // Актуальные проблемы гуманитарного образования. Минск: БГУ, 2018. С. 290–297.

10. Норбоева Ф.Р. Процесс преподавания иностранного языка в неязыковом вузе // Интернаука. 2020. Т. 20. № 149. Часть 2. С. 74.

11. Завьялов В.В. Модели обучения иностранному языку для профессиональных целей студентов нелингвистических направлений подготовки // Державинский форум. 2018. Т. 2. № 6. С. 175–184.

12. Лихачева О.Н. Аспекты формирования иноязычной коммуникативной компетенции на занятиях по английскому языку в нелингвистическом вузе // Шаг в науку. Махачкала, 2020. С. 346–351.

13. Журбенко Н.Л. Использование современных педагогических технологий для повышения эффективности обучения иностранным языкам в неязыковых вузах // Мир науки. Педагогика и психология. 2018. Т. 6. № 2. С. 23.

14. Ильина С.Ю. Роль творческого потенциала педагога в процессе преподавания иностранных языков // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 1-8. С. 95–96.

15. Каменева Н.А. Содержание обучения профессионально ориентированному иностранному языку // Гуманитарное образование в экономическом вузе. 2016. С. 151–156.

16. Митрахович В.А. Потенциал как педагогическая категория // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 9. С. 16–20.

17. Пироженко Е.Е. Педагогический потенциал электронных образовательных платформ в обучении иностранному языку // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. 2021. № XIII. С. 309–314.

18. Горбунова И.Б., Панкова А.А. Организация контрольных мероприятий с применением системы дистанционного обучения Moodle в процессе профессиональной переподготовки и повышения квалификации педагогов-музыкантов // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 232–236.

19. Вишнякова Е.А., Кобзева Е.С. Педагогический потенциал образовательных веб-ресурсов в обучении английскому языку // Научный альманах. 2021. № 1-1. С. 67–70.

20. Рудомётова Л.Т. Опыт применения дистанционного обучения на примере преподавания дисциплин «иностранный язык» и «профессиональный иностранный язык» для студентов неязыковых специальностей // Вестник педагогических наук. 2020. № 2. С. 17–23.

21. Слободская Ю.В. Разработка системы заданий для самостоятельной работы студентов-бакалавров по дисциплине «практикум по культуре речевого

общения на английском языке» с использованием электронной образовательной среды Moodle // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 2 (94). С. 185–194.

22. Сироткин А.Ю. Педагогический потенциал облачных технологий в высшем образовании // Гаудеамус. 2014. № 2 (24). С. 35–42.

23. Ивинская М.С. Педагогический потенциал электронных ресурсов и электронной образовательной среды в вузе // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 217–223.

24. Батурина О.А., Высотова И.Е. Педагогический потенциал иностранного языка как учебного предмета в формировании общекультурной компетентности студентов-бакалавров по направлению подготовки «Педагогическое образование» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 11 (126). С. 125–128.

25. Новикова Е.В. Профессиональный иностранный язык: от теории к практике // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2019. № 2 (17). С. 35.

26. Placement test [Электронный ресурс] // Online Test Pad. URL: https://clck.ru/znA3R (дата обращения: 01.09.2022).

27. Аннотации к рабочим программам дисциплин направления «Педагогическое образование» [Электронный ресурс] // Официальный сайт СевГУ. URL: https://clck.ru/zn4ZQ (дата обращения: 01.09.2022).

28. Аннотации к рабочим программам дисциплин направления «Филология» [Электронный ресурс] // Официальный сайт СевГУ. URL: https://clck.ru/zn8Pz (дата обращения: 01.09.2022).

29. Аннотации к рабочим программам дисциплин направления «Социология» [Электронный ресурс] // Официальный сайт СевГУ. URL: https://clck.ru/zn2dY (дата обращения: 01.09.2022).

30. ФГОС 39.03.01 Социология [Электронный ресурс] // ФГОС. URL: https://clck.ru/zmwXY (дата обращения: 01.09.2022).

31. Семушина Е.Ю. Обучение чтению в рамках дистанционной поддержки курса «профессионально ориентированный иностранный язык» с использованием дифференцированного подхода в технологическом университете // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 3.

32. Солуянова О.Н. Обучение студентов нелингвистических вузов работе с профессионально-ориентированным иноязычным текстом // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 1 (34). С. 265–269.

33. Дмітренко Н.Є. Теоретико-методичний аспект професійно орієнтованого англомовного спілкування // Науково-методичний журнал. Іноземні мови. 2020. № 1. С. 3–9.

34. English Level Test [Электронный ресурс] // English Tag. URL: https://clck.ru/znDH4 (дата обращения: 01.09.2022).

THE PEDAGOGICAL POTENTIAL OF TEACHING A PROFESSIONALLY ORIENTED LANGUAGE TO HUMANITIES STUDENTS IN THE CONDITIONS OF LIFELONG EDUCATION

***E.I. Kosova*[1], *Yu.V. Danko*[2]**

[1]Sevastopol State University; Moscow City Pedagogical University
[2]Ivan S. Piyanzin secondary school No.14, Sevastopol; Sevastopol State University

The article substantiates the relevance of teaching a professionally oriented foreign language as a general educational discipline for students of non-linguistic areas of training in the context of the integration of many industries into the world economy and notes the importance of learning on authentic textual material in the development of reading and communication skills as components of professional competence. The context of changing traditional educational conditions is especially emphasized due to the expansion of the role of the information and educational environment as a system for organizing distance forms of work on didactic educational platforms and Internet resources, as well as the practical implementation of the principle of "education through life" in the form of continuous professional education. The modernization of the higher education system led to the transition to its structural three-level model, within which the bachelor's degree as the first level provides the basic part of professional competence, and in the context of the introduction of the "core of pedagogical education" - and training within professionally-oriented modules. The pedagogical potential of a professionally oriented foreign language is substantiated as a means of expanding the professional horizon and personal growth; in the practical part of the study, training on actual authentic practice-oriented textual material for future sociologists, teachers of physical culture and the Russian language was tested in terms of developing productive (communication) and receptive (reading) skills of forming foreign language communicative competence. The hypothesis of the study is confirmed, however, the duration of teaching a foreign language is noted, and thus ensuring the formation of motivational attitudes for continuous foreign language self-education of students upon completion of the bachelor's degree.

Keywords: higher education, continuous education, foreign language, digitalization of education, practice-oriented learning, pedagogical potential, information and educational environment, communicative competence, e-learning.

УДК 372.881.111.1
DOI 10.52452/18115942_2023_1_228

МОТИВАЦИОННО-ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ СФОРМИРОВАННОСТИ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2023 г.

Г.А. Кручинина, Л.В. Филонов

Кручинина Галина Александровна, д.пед.н.; проф.; профессор кафедры педагогики
и управления образовательными системами
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
galinakruchinina2009@rambler.ru
Филонов Леонид Викторович, старший преподаватель кафедры теории и методики спортивной подготовки
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
fill-coach@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 04.12.2022
Статья принята к публикации 24.12.2022

Цель данной статьи – психолого-педагогический анализ результатов исследования по оценке мотивационно-ценностного компонента сформированности универсальных компетенций как составляющих профессиональной компетентности будущих бакалавров физической культуры направления подготовки 49.03.01 «Физическая культура» в условиях цифровой трансформации образования. Формирование универсальных компетенций будущих бакалавров физической культуры является актуальной темой для изучения в связи с целевыми показателями Стратегии развития физической культуры и спорта до 2030 года. Эти показатели могут быть достигнуты благодаря: внедрению средств цифровых технологий в отрасли «Физическая культура и спорт» (ФКиС); реализации проектов, направленных на привлечение населения Российской Федерации систематически заниматься физической культурой и спортом и др. В статье представлен теоретический анализ научных работ по проблематике учебной мотивации в образовательных организациях высшего образования; рассмотрены универсальные компетенции для будущих бакалавров физической культуры; приведены результаты экспериментального исследования по оценке мотивационно-ценностного компонента универсальных компетенций. Представлено распределение (в процентном соотношении) будущих бакалавров физической культуры по группам в зависимости от уровня критерия сформированности универсальных компетенций (базового, оптимального, продвинутого) после проведения опытно-экспериментальной работы в контрольной и экспериментальной группах будущих бакалавров на контрольном этапе педагогического эксперимента. Статистическая обработка экспериментальных данных осуществлялась с применением непараметрического критерия Манна–Уитни. Ее результаты показали достоверные различия в оценке мотивационно-ценностного компонента сформированности универсальных компетенций будущих бакалавров физической культуры в экспериментальной группе по сравнению с контрольной на контрольном этапе педагогического эксперимента.

Ключевые слова: универсальные компетенции, профессиональная компетентность, будущие бакалавры физической культуры, мотивационно-ценностный компонент.

Введение

В современном обществе существует потребность в квалифицированных бакалаврах физической культуры – творчески мыслящих, способных к качественным результатам в профессиональной деятельности. Утвержденное Правительством Российской Федерации Распоряжение от 24 ноября 2020 г. № 3081-р «Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года» ставит перед образовательными организациями высшего образования амбициозные целевые ориентиры. Бакалавры физической культуры должны во всеоружии подойти к профессиональной деятельности, так как основная нагрузка по достижению целевых показателей Стратегии ляжет именно на них [1]. С 2017 года будущие бакалавры физической культуры стали обучаться по новому Федеральному государственному образовательному стандарту 3++ (ФГОС 3++) [2]. Определяющим отличием от предыдущего стандарта стало включение в данный документ универсальных компетенций, которые, с одной стороны, пришли на замену общекультурным компетенциям, с другой стороны, как бы дополнили их, дали новый образовательный вектор развития. Формирование универсальных компетенций, как составляющих профессиональной компетентности бакалавра направления подготовки 49.03.01 «Физическая культура», возможно как на учебных

дисциплинах общеобразовательного и профессионального циклов, так и различных видах производственных практик; в научной-исследовательской, воспитательной, внеучебной деятельности. Мы считаем, что формирование универсальных компетенций будущих бакалавров физической культуры возможно не только на общепрофессиональных и естественно-научных дисциплинах, но и на дисциплинах профессионального цикла. В нашей работе мы выделяем три компонента, которые характеризуют сформированность универсальных компетенций будущих бакалавров физической культуры, а именно – когнитивно-деятельностный, мотивационно-ценностный и рефлексивно-оценочный [3].

Одним из ведущих компонентов учебной деятельности является мотивация. Проблемам мотивации в учебной деятельности посвящено достаточно много научных работ. Исследования в отечественной науке были направлены на изучение познавательных процессов [4–8]. Зарубежные исследователи занимались проблемами мотивации через призму социальной психологии [9, 10]. И.А. Зимняя считает, что «учебная мотивация определяется как частный вид мотивации, включенной в деятельность учения, учебную деятельность» [11, с. 224]. Как указывает В.Е. Мельников, «мотивация обучения – средство побуждения учащегося к продуктивной познавательной деятельности, активному освоению содержания образования» [12, с. 62]. Учебная мотивация состоит из различных типов мотивов. По мнению А.К. Марковой, «…мотив учения – это направленность ученика на различные стороны учебной деятельности…» [13, с. 11].

Рассматривая технологию формирования мотивации как одно из условий повышения эффективности организации учебно-познавательной деятельности студентов в университете, Ю.А. Мишина отмечает, что «технология формирования мотивации представляет собой комплекс различных мероприятий и совокупность ряда приемов, направленных на формирование положительной системы мотивов, а также возбуждение познавательного интереса…» [8, с. 42]. Именно не один какой-то прием или метод, а их совокупность.

Большая часть исследователей рассматривают мотив как «побуждение, намерение к действию», «состояние или потребность, или свойство личности» [4–7]. В свою очередь мотивация – это комплекс мотивов, которые определяют поступок. Выделяют множество теорий мотиваций, которые отличаются составными элементами и связями между ними. Частным видом мотивации является учебная мотивация.

Важным аспектом в активности студента на занятиях и его мотивации к учебной деятельности является организация онлайн-обучения, которое активно используется в образовательном процессе. Среди основных факторов, влияющих на положительную мотивацию в учебном процессе, выделяют: точный круг задач и возможности их реализации, адаптивную систему образовательного процесса, эффективное взаимодействие студента и преподавателя [14]. Авторы статьи «Особенности формирования мотивации студентов при дистанционном режиме обучения» отмечают, что ведущая роль в образовательном процессе смещается с преподавателя на самого студента и успешность учебной деятельности напрямую зависит от уровня познавательной мотивации [15]. При дистанционном обучении важным фактором является активность студентов на занятиях, создание условий для обратной связи от студента и переформатирование стандартных аудиторных занятий с учетом современных средств цифровых технологий [16, 17]. М.Г. Сергеева и Г.Ю. Лесников в своей работе «Развитие познавательной мотивации обучающихся в условиях цифровизации образования» обращают внимание на проблематику формирования внутренней и внешней познавательной мотивации, которая влияет на эффективность учебного процесса в условиях цифровизации образования [18].

Взаимосвязи компонентов учебной мотивации и мотивации на профессиональную деятельность посвящена научная статья О.А. Беньковой, Т.А. Артюховой, Т.В. Щелкуновой. В своем исследовании авторы подтверждают тесную корреляционную взаимосвязь между академической мотивацией и мотивацией к профессиональной деятельности [19]. Важным фактором формирования учебной мотивации у студентов рассматривается отношение самого преподавателя к своему предмету, качество чтения им лекций, структура семинарских и практических занятий, наличие смешанных форм (традиционных и дистанционных) обучения и рекомендаций по дополнительной литературе [20]. Основные группы факторов недостаточной мотивации будущих бакалавров на различных этапах обучения: низкий уровень преподавания учебной дисциплины, недостаточный организационно-технический уровень, социально-психологические факторы. Аспекты повышения мотивации учебной деятельности в образовательной организации высшего образования: использование квазипрофессиональных заданий, отображение связи между выполняемыми заданиями и возможностями их применения в будущей профессиональной деятельности

бакалавра, применение активных методов обучения, внедрение современных образовательных средств цифровых технологий [21].

М.В. Кручининым, Г.А. Кручининой, Л.А. Петрукович осуществлен SWOT-анализ применения цифровых технологий обучения в высшей школе. Сильные стороны применения цифровых технологий: индивидуальный подход к контролю учебно-познавательной деятельности студентов; вариативность применения традиционных и цифровых технологий обучения; объективность тестового контроля; единство требований преподавателя, предъявляемых ко всем студентам; наличие различных вариантов применения цифровых технологий при удаленном контакте с преподавателем; повышение мотивации учения в случае хорошего владения цифровыми технологиями – оказывают значительное влияние на мотивацию познавательной деятельности будущих бакалавров. Повышению мотивации учения будущих бакалавров способствуют следующие возможности применения цифровых технологий в обучении: использование практически безграничного объема электронных образовательных ресурсов (в том числе иноязычных); развитие информационных компетенций студентов в процессе изучения дисциплин общего и профессионального циклов; объективная проверка интеллектуальных и практических умений студентов; повышение уровня сформированности знаний, умений и навыков, профессиональной компетентности у выпускников образовательных организаций высшего образования; работа с электронными учебниками и учебными пособиями; трансформация образовательного процесса в общее инновационное развитие страны [22]. Группой авторов в работе «Применение дистанционных технологий в образовательном процессе физкультурного вуза» положительно оценивается влияние электронного учебно-методического комплекса на уровень учебной мотивации [23].

В данной работе рассматривается один из компонентов сформированности универсальных компетенций у будущих бакалавров физической культуры – мотивационно-ценностный. Е.Б. Храмова считает, что создание условий для дискуссии, диалога на занятиях позволяет вести поиск смысла, ценностей для закрепления их в будущей профессиональной деятельности, «в результате чего происходит познание окружающей действительности на ценностно-мотивационном уровне» [24, с. 498]. По мнению В.А. Багиной и О.А. Боровковой, в структуру мотивационно-ценностного компонента входит: сознательно-позитивное отношение к профессиональной деятельности; стремления будущего бакалавра реализовать знания, умения и опыт в будущей профессии, используя гуманистические ценности [25]. В.В. Кисляков и О.Ю. Колышев полагают, что мотивационно-ценностный компонент «характеризуется системой доминирующих мотивов, выражающих осознанное отношение личности к целям и ценностям педагогической деятельности, к собственному профессиональному становлению» [26, с. 114]. Одним из определяющих компонентов в учебно-исследовательской деятельности студентов Е.В. Самсонова выделяет мотивационно-ценностный. Автор считает, что эмоционально-ценностный опыт стимулирует познавательную активность и позволяет более эффективно осваивать компоненты содержания образования; мотивационно-ценностный компонент проявляется в потребности повышать личный образовательный уровень, особое внимание уделяя результативности в образовательной деятельности [27]. В работе «Формирование готовности будущих учителей физической культуры к профессионально-личностному развитию» мотивационно-ценностный компонент рассматривается как «совокупность потребностей, мотивов, убеждений и постоянной работы над своими личностными и профессиональными качествами, а также комплекс факторов и процессов, побуждающих студента к овладению знаниями, умениями, навыками и современными технологиями» [28, с. 71].

Методология

Экспериментальное исследование по формированию универсальных компетенций будущих бакалавров физической культуры при изучении профессиональных учебных дисциплин с применением средств цифровых технологий проводилось на базе Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского». В педагогическом эксперименте принимал участие 161 студент направления подготовки 49.03.01 «Физическая культура» (в контрольной группе – 81 человек, в экспериментальной группе – 80 человек). Применялись следующие методы исследования: теоретические (изучение и анализ научно-педагогической литературы, ФГОС 3++, рабочих программ учебных дисциплин, анализ, синтез и обобщение); эмпирические (беседы, анкетирование, педагогический эксперимент; методы статистической обработки результатов исследования (непараметрический критерий Манна–Уитни)). Мы выделили универсальные

Таблица 1

Универсальные компетенции будущих бакалавров физической культуры

Наименование категории (группы) универсальных компетенций	Код и наименование универсальной компетенции выпускника
Системное и критическое мышление	УК-1 Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения системных задач
Разработка и реализация проектов	УК-2 Способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений
Командная работа и лидерство	УК-3 Способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде
Самоорганизация и саморазвитие (в том числе здоровьесбережение)	УК-6 Способен управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни
	УК-7 Способен поддерживать должный уровень физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности

компетенции для будущих бакалавров физической культуры (таблица 1). Формирование универсальных компетенций, выделенных нами, осуществлялось при изучении следующих профессиональных учебных дисциплин: «Спортивная метрология», «Спортивные игры (баскетбол)», «Организация спортивно-зрелищных мероприятий», «Производственная (организационная) практика».

Для оценки мотивационно-ценностного компонента сформированности универсальных компетенций мы использовали адаптированную методику диагностики направленности учебной мотивации (Т.Д. Дубовицкой) [29], методику диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан и В.А. Якунина, модификация Н.Ц. Бадмаевой) [30] и авторскую анкету «Мотивация будущих бакалавров физической культуры на формирование универсальных компетенций при изучении профильных дисциплин с применением средств цифровых технологий».

На формирующем этапе педагогического эксперимента обучение в контрольной группе происходило с применением традиционных методов, форм, средств и с несистемным применением средств цифровых технологий. В экспериментальной группе, наряду с традиционными технологиями обучения, использовались: активные методы обучения (метод проектов, кейс-метод, квазипрофессиональные и профессионально ориентированные задания); системный комплекс средств цифровых технологий (технический, программный и дидактический). Применяемый комплекс средств цифровых технологий включает: разработанные нами электронные образовательные курсы на платформе https://e-learning.unn.ru/, электронные и видеолекции, хот-листы по предметам профессионального цикла; электронно-библиотечные системы; массовые открытые образовательные курсы; порталы и сайты сети Интернет профессиональной направленности; программные продукты Microsoft Office; облачные хранилища; видео-конференц-связь Zoom, Webinar.ru; видео профессиональной направленности на видеохостинге YouTube; мессенджеры, социальные сети и др.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим результаты одного из элементов комплексной оценки показателей мотивационно-ценностного компонента сформированности универсальных компетенций будущих бакалавров физической культуры в контрольной и экспериментальной группах на контрольном этапе педагогического эксперимента.

Экспериментальные данные, представленные в таблице 2, подвергнуты количественной обработке с помощью стандартного отклонения и доверительного интервала с вероятностью 95%. Они показали, что основные суждения студентов экспериментальной группы достоверно различны с суждениями студентов контрольной группы.

Обработка результатов комплексного исследования (включает адаптированную методику диагностики направленности учебной мотивации (Т.Д. Дубовицкой), методику диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан и В.А. Якунина, модификация Н.Ц. Бадмаевой), авторскую анкету «Мотивация будущих бакалавров физической культуры на формирование универсальных компетенций при изучении профильных дисциплин с применением средств цифровых технологий» и авторскую анкету «Оценка ценностного компонента будущих бакалавров физической культуры по формированию универсальных компетенций при изучении профильных дисциплин с применением средств

Таблица 2

Результаты оценки мотивационной составляющей мотивационно-ценностного компонента универсальных компетенций будущих бакалавров физической культуры при изучении профильных дисциплин с применением средств цифровых технологий

Оцениваемые суждения:	M		G		Δ		Достоверность различий
	Мкг	Мэг	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	Мкг и Мэг
Желание разбираться в системе ФКиС, ее целях и задачах (УК-1, УК-2)	3.80	4.33	0.78	0.72	0.24	0.22	$p \leq 0.05$
Интерес к поиску и сбору информации в сфере ФКиС с применением цифровых технологий (УК-1, УК-2)	3.90	4.40	0.77	0.70	0.24	0.21	$p \leq 0.05$
Интерес анализировать и обобщать информацию по вопросам ФКиС (УК-1, УК-2)	3.88	4.43	0.77	0.67	0.24	0.21	$p \leq 0.05$
Желание решать проблемы в сфере ФКиС (УК-2)	3.78	4.28	0.81	0.79	0.25	0.24	$p \leq 0.05$
Интерес к разработке и проведению мероприятий в сфере ФКиС с применением средств цифровых технологий (УК-2)	3.73	4.18	0.74	0.54	0.22	0.17	$p \leq 0.05$
Отношение к тому, чтобы стать лидером проекта в сфере ФКиС (УК-2, УК-3)	3.73	4.23	0.79	0.81	0.25	0.24	$p \leq 0.05$
Заинтересованность в развитии лидерских качеств (УК-3)	3.80	4.30	0.78	0.71	0.24	0.22	$p \leq 0.05$
Проявление активности в команде при реализации проекта в сфере ФКиС (УК-3)	4.42	4.56	0.62	0.55	0.19	0.17	$p \geq 0.05$
Желание к достижению целей самообразования в течение всей жизни (УК-6)	4.50	4.63	0.63	0.62	0.19	0.19	$p \geq 0.05$
Заинтересованность в выявлении собственных проблем и попытках их решения и анализа (УК-6)	4.40	4.48	0.73	0.74	0.22	0.23	$p \geq 0.05$
Желание в поддержании собственной физической подготовленности для эффективной работоспособности (УК-7)	4.55	4.63	0.71	0.70	0.22	0.21	$p \geq 0.05$

Примечание: M – среднее значение оценки, где 1 балл – минимальное значение оценки, 5 баллов – максимальное; G – стандартное отклонение; Δ – доверительный интервал для M; * – достоверность различий (при $p \leq 0.05$).

цифровых технологий») осуществлялась при помощи непараметрического критерия статистической достоверности Манна–Уитни. Результат эмпирического значения критерия Манна–Уитни (U = 154.5) (комплексная оценка) и (U = 0) (таблица 3) меньше табличного значения при уровне статистической значимости (p = 0.01; p = 0.05), что означает статистическую достоверность различий значений между показателями будущих бакалавров контрольной и экспериментальной групп на контрольном этапе педагогического эксперимента.

Рассмотрим процентное соотношение распределения будущих бакалавров физической культуры по критериям сформированности (базовый, оптимальный, продвинутый) при оценке мотивационно-ценностного компонента универсальных компетенций (таблица 4).

Результаты исследования, представленные в таблице 4, позволяют констатировать следующее: в контрольной группе на контрольном этапе педагогического эксперимента на базовом уровне находится 37.5% обучающихся, на оптимальном уровне – 50% студентов, на продвинутом уровне – 12.5% будущих бакалавров физической культуры. В экспериментальной группе на контрольном этапе педагогического эксперимента мы наблюдаем, что на базовом уровне наличествует 3.1% обучающихся, на оптимальном уровне – 46.9% процентов студентов, на продвинутом уровне – 50% будущих бакалавров физической культуры. В экспериментальной группе по сравнению с контрольной происходит сдвиг с базового уровня сформированности универсальных компетенций на оптимальный и с оптимального – на продвину-

Таблица 3

Результаты оценки ценностной составляющей мотивационно-ценностного компонента универсальных компетенций будущих бакалавров физической культуры при изучении профильных дисциплин с применением средств цифровых технологий

Оцениваемые суждения: насколько ценно для вас	M		G		Δ		Достоверность различий
	Мкг	Мэг	КГ	ЭГ	Δ КГ	Δ ЭГ	Мкг и Мэг
Уметь критически мыслить, анализировать и применять системный подход для решения задач в сфере ФКС	3.76	4.15	0.41	0.39	0.13	0.12	$p \leq 0.05$
Формулировать цели, определять круг задач и применять эффективные решения в сфере ФКС	3.82	4.26	0.37	0.34	0.12	0.11	$p \leq 0.05$
Реализовывать свою роль в команде и проявлять лидерские качества	3.75	4.19	0.42	0.38	0.13	0.12	$p \leq 0.05$
Строить и реализовывать собственную траекторию саморазвития	4.02	4.41	0.45	0.36	0.14	0.11	$p \leq 0.05$
Поддерживать уровень общей физической подготовленности для продуктивной профессиональной деятельности	4.06	4.32	0.27	0.23	0.09	0.07	$p \leq 0.05$

Примечание: M – среднее значение оценки, где 1 балл – минимальное значение оценки, 5 баллов – максимальное; G – стандартное отклонение; Δ – доверительный интервал для M; * – достоверность различий (при $p \leq 0.05$).

Таблица 4

Критерии сформированности мотивационно-ценностного компонента универсальных компетенций будущих бакалавров физической культуры, %

Компоненты УК	Критерии сформированности УК (КГ)			Критерии сформированности УК (ЭГ)		
	Базовый	Оптимальный	Продвинутый	Базовый	Оптимальный	Продвинутый
Мотивационно-ценностный	37.5	50	12.5	3.1	46.9	50

Примечание: КГ – контрольная группа, ЭГ – экспериментальная группа, УК – универсальные компетенции.

тый. Полученные данные свидетельствуют о том, что произошли качественные изменения сформированности мотивационно-ценностного компонента у будущих бакалавров физической культуры в экспериментальной группе при обучении с применением активных методов и комплекса средств цифровых технологий.

Заключение

Что могло повлиять на такое различие в результатах, характеризующих мотивационно-ценностный компонент универсальных компетенций будущих бакалавров этих двух экспериментальных групп? Научные публикации последних лет показывают, что формирование мотивации учебно-познавательной деятельности, в которой и формируются универсальные компетенции, – актуальнейшая проблема формирования профессиональной компетентности будущих бакалавров.

Р.В. Габдреев и А.В. Смирнов в работе «Формирование мотивации учебно-познавательной деятельности студентов вуза» отмечают, что «мотивационная сфера личности студента наиболее полно раскрывается в ситуации познавательной деятельности, где она выступает как позиция субъекта и зависит от активности, целеполагания, предвидения результатов достижения…» [6, с. 228].

Комплексное применение средств цифровых технологий, таких как хот-листы по предметам профессионального цикла, порталы и сайты сети Интернет профессиональной направленности, электронно-библиотечные системы, способствует формированию умений осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения задач (УК-1), т.е. развивать системное и критическое мышление.

Использование в учебном процессе метода проектов, кейс-методов, квазипрофессиональных и профессионально ориентированных заданий способствует формированию умений определять круг задач в рамках поставленных целей и выбирать оптимальные способы их решения (УК-2), что является необходимым при разработке и реализации проектов. Разработка буду-

щими бакалаврами проектов в процессе организационной практики формирует готовность осуществления социального взаимодействия и реализации своей роли в команде (УК-3), что характерно для такой категории универсальных компетенций, как командная работа и лидерство. Т.Г. Гриценко, анализируя мотивацию познавательной деятельности студентов в процессе разработки проектов, показывает их неразрывную связь с компетентностным подходом в обучении: «Именно в процессе практической, в данном случае учебной проектной деятельности формируются и развиваются необходимые как профессиональные, так и универсальные компетенции» [31, с. 63]. Благоприятные условия для формирования познавательной мотивации создаются в контекстном обучении, «где с помощью разнообразных форм и методов моделируется предметное и социальное содержание будущей профессиональной деятельности» [32, с. 136]. Итогом обучения, считает Е.Н. Ковалюк, «должно стать то, что человек «вырастает» в специалиста не только по сумме знаний, но и по уверенности в своих силах, умению принимать ответственные решения и работать в коллективе», что обозначено ею в работе «О формировании мотивации познавательной деятельности студентов» [33, с. 241].

Исследуя использование цифровых технологий для повышения мотивации познавательной деятельности студентов, Л.В. Шайхутдинова выделяет факторы, повышающие эффективность обучения студентов: индивидуализация и интенсификация обучения, повышение его мотивации, создание условий для самостоятельной работы, выработка адекватной самооценки, создание комфортной среды обучения [34]. Применение средств цифровых технологий для получения позитивного образовательного результата требует от будущего бакалавра овладения цифровой компетентностью, центральным звеном которой является мотивационно-ценностный компонент [35]. Применение активных методов и приемов, сопровождаемых визуализацией на основе средств цифровых технологий, создает необходимые условия для положительных эмоциональных переживаний, формирования устойчивого интереса к учебным дисциплинам [36]. Устойчивая мотивация к учению, направленная на получение и постоянное совершенствование когнитивных составляющих универсальных компетенций (повышение уровня знаний, умений и навыков), способствует не только формированию профессиональных и личностных качеств, но и способности управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни (УК-6), что характеризует такую категорию универсальных компетенций, как самоорганизация и саморазвитие. Формированию данной категории универсальных компетенций способствует организация оценочной деятельности будущих бакалавров. С.М. Утакова рассматривает ее как одно из условий формирования их познавательной мотивации. Она считает, что организация оценочной деятельности в процессе формирования профессиональной компетентности, составляющими которой являются универсальные компетенции, способствует формированию их познавательной мотивации. Одним из основных компонентов оценочной деятельности является самоконтроль и самооценка студентов, как элемент их рефлексии [7]. И, собственно, само содержание учебных дисциплин профессионального цикла направления подготовки «Физическая культура» у будущих бакалавров способствует поддержанию должного уровня физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности (УК-7).

Мы считаем, что формирование универсальных компетенций и мотивации учения будущих бакалавров физической культуры в условиях цифровой трансформации образования требует своего дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 года № 3081-р. URL: http://static.government.ru/media/files/Rr4JTrKDQ5nANTR1Oj29BM7zJBHXM05d.pdf (дата обращения: 15.11.2022).

2. Приказ Министерства образования и науки РФ от 19 сентября 2017 г. № 940. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/490301_B_3_15062021.pdf (дата обращения: 15.11.2022).

3. Филонов Л.В., Кручинина Г.А. Формирование универсальных компетенций будущих бакалавров физической культуры в системе профильных дисциплин с применением цифровых технологий // Преподаватель XXI век. 2022. № 3-1. С. 200–214. URL: http://prepodavatel-xxi.ru/sites/default/files/200214.pdf (дата обращения: 10.11.2022).

4. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2006. 512 с.

5. Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б. Формирование мотивации учения. М., 1990. 192 с.

6. Габдреев Р.В., Смирнов А.В. Формирование мотивации учебно-познавательной деятельности студентов вуза // Образование и саморазвитие. 2008. № 4 (10). С. 227–233.

7. Утакова С.М. Организация оценочной деятельности студентов как условие формирования их познавательной мотивации: Автореф. дис. … канд. пед. наук. Красноярск, 2006. 26 с.

8. Мишина Ю.А. Технология формирования мотивации как одно из условий повышения эффективности организации учебно-познавательной деятельности студентов в университете // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 5. С. 40–47.

9. Маслоу А. Мотивация и личность / Пер. с англ. А.М. Татлыбаевой. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.

10. Роджерс К., Фрейсберг Д. Свобода учиться. М.: Смысл, 2002. 528 с.

11. Зимняя И.А. Педагогическая психология. М.: Издательская корпорация «Логос», 2000. 384 с.

12. Мельников В.Е. Мотивация к обучению студентов в вузе как психолого-педагогическая проблема // Вестник Новгородского государственного университета. 2016. № 5. С. 61–64. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27169825_19846169.pdf (дата обращения: 14.11.2022).

13. Маркова А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте. М.: Просвещение, 1983. 96 с.

14. Шукшина Л.В., Фролова К.Г. Особенности обучения и мотивация в условиях онлайн-взаимодействия // Современное педагогическое образование. 2021. № 2. С. 91–96.

15. Коркмазов А.В., Рашидханова А.А., Мальсагов Б.С. Особенности формирования мотивации студентов при дистанционном режиме обучения // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71-4. С. 155–158.

16. Дохтукаева П.П., Осаманова П.А., Бекова М.Р. Теоретические подходы к понятию мотивации студентов в условиях дистанционного обучения // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72-3. С. 96–99.

17. Kruchinina G.A., Tararina L.I., Sokolova E.E. et al. Information and communication technologies in education as a factor of students motivation // International Review of Management and Marketing. 2016. V. 6. № 2. P. 104–109. URL: https://www.researchgate.net/publication/298706344_Information_and_Communication_Technologies_in_Education_as_a_Factor_of_Students_Motivation (дата обращения: 10.11.2022).

18. Сергеева М.Г., Лесников Г.Ю. Развитие познавательной мотивации обучающихся в условиях цифровизации образования // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-4. С. 325–330.

19. Бенькова О.А., Артюхова Т.А., Щелкунова Т.В. Взаимосвязь учебной мотивации и мотивации к будущей профессиональной деятельность в студенческом возрасте // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9. № 4. С. 1–15.

20. Гараева Е.А. Исследование мотивации студентов университета к учебно-профессиональной деятельности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Том 8. №1 (26). С. 62–65.

21. Иванова М.М., Клочков Р.М., Швайков В.В. Факторы повышения мотивации обучающихся в вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-3. С. 106–109.

22. Кручинин М.В., Кручинина Г.А., Петрукович Л.А. Применение цифровых технологий обучения в высшей школе: проблемы и перспективы, SWOT-анализ // Казанский педагогический журнал. 2020. № 3. С. 64–74.

23. Трегубова С.Н., Бацина О.Н., Данилова А.В., Дрейко Н.Ю. Применение дистанционных технологий в образовательном процессе физкультурного вуза // Теория и практика физической культуры. 2021. № 11. С. 30–31.

24. Храмова Е.Б. Развитие систем ценностных ориентаций студентов на занятиях по иностранному языку (анализ опыта работы ГУ-ВШЭ) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 9. С. 495–501.

25. Багина В.А., Боровкова О.А. Особенности мотивационно-ценностного компонента личностной готовности к профессиональной деятельности студентов с учетом успешности обучения в вузе // Наука и современность. 2014. № 34. С. 35–40.

26. Кисляков В.В., Колышев О.Ю. Профессионально-педагогическая позиция как показатель эффективности учебно-воспитательного процесса в педвузе // Грани познания. 2016. № 2 (45). С. 112–119.

27. Самсонова Е.В. Мотивационно-ценностный компонент культуры учебно-исследовательской деятельности студентов младших курсов вуза // Проблемы и перспективы развития экспериментальной науки: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 28 ноября 2019 года. Часть 2. Новосибирск: ООО «ОМЕГА САЙНС», 2019. С. 176–178.

28. Мезинов В.Н., Захарова М.А., Карпачева И.А., Ларина И.Б. Формирование готовности будущих учителей физической культуры к профессионально-личностному развитию // Теория и практика физической культуры. 2021. № 3. С. 70–72.

29. Методика диагностики направленности учебной мотивации (по Т.Д. Дубовицкой). URL: https://psyjournals.ru/files/2259/psyedu_2002_n2_Dubovitskaja.pdf (дата обращения: 14.11.2022).

30. Методика для диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан и В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой). URL: https://amurkst.ru/branch2/upload/doc/diagnosticheskie-materialy-2017-18/Диагностика_мотивации.pdf (дата обращения: 14.11.2022).

31. Гриценко Т.Г. Мотивация познавательной деятельности студентов в процессе проектного обучения // Материалы научно-практической конференции СЗИУ РАНХиГС. 2019. № 1. С. 60–66.

32. Агарагимова В.К., Даудова Д.М., Маматханов А.К. Познавательная мотивация как основа познавательной деятельности студентов // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 136–137.

33. Ковалюк Е.Н. О формировании мотивации познавательной деятельности студентов // Гуманитарные и социально-экономические науки. Вестник АнГТУ. 2021. № 15. С. 238–241.

34. Шайхутдинова Л.В. Использование компьютерных технологий для повышения мотивации познавательной деятельности студентов // Новая наука: От идеи к результату. 2016. № 3-2 (72). С. 142–144.

35. Яковлева Е.В., Илларионова Л.П., Москвина Е.В. Формирование мотивационно-ценностного компонента цифровой компетентности бакалавров педагогики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2022. № 1. С. 58–70.

36. Потапенко Н.Е., Столярова С.И., Хмелевская С.В. О проблеме формирования мотивации учебно-познавательной деятельности // Теория и методика профессионального образования. 2017. № 4-1. С. 253–259.

MOTIVATIONAL AND VALUE COMPONENT OF THE FORMATION OF UNIVERSAL COMPETENCIES OF FUTURE BACHELORS OF PHYSICAL CULTURE: RESULTS OF EXPERIMENTAL RESEARCH

G.A. Kruchinina, L.V. Filonov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The purpose of this article is a psychological and pedagogical analysis of the results of the study on the assessment of the motivational and value component of the formation of universal competencies as components of the professional competence of future bachelors of physical culture training direction 49.03.01 "Physical culture" in the digital transformation of education. The formation of universal competencies of future masters of physical culture is an urgent topic for study in connection with the target indicators of the "Strategy for the Development of physical Culture and Sports until 2030". These indicators can be achieved through: the introduction of digital technologies in the field of "Physical Culture and Sport" (FKiS); the implementation of projects aimed at attracting the population of the Russian Federation to systematically engage in physical culture and sports, etc. The article presents a theoretical analysis of scientific papers on the problems of educational motivation in educational institutions of higher education; universal competencies for future bachelors of physical culture are considered; the results of an experimental study on the evaluation of the motivational and value component of universal competencies are presented. The article presents the distribution (in percentage ratio) of future bachelors of physical culture by groups, depending on the level of criteria for the formation of universal competencies (basic, optimal, advanced) after conducting experimental work in the control and experimental groups of future bachelors at the control stage of the pedagogical experiment. Statistical processing of experimental data was carried out using the non-parametric Mann-Whitney criterion. Its results showed significant differences in the assessment of the motivational and value component of the formation of universal competencies of future bachelors of physical culture in the experimental group compared with the control group at the control stage of the pedagogical experiment.

Keywords: universal competencies, professional competence, future bachelors of physical culture, motivational and value component.

УДК 378
DOI 10.52452/18115942_2023_1_237

ЧТЕНИЕ ЛЕКЦИЙ ПО ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В РЕЖИМЕ РАСПРЕДЕЛЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ОГРАНИЧЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ

© 2023 г.

О.Б. Лукманова, Л.М. Левина

Лукманова Ольга Борисовна, к.филол.н.; доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации
Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова
oblukmanova@lunn.ru
Левина Людмила Михайловна, к.филол.н.; доц.; заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации
Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова
levina@lunn.ru

Статья поступила в редакцию 09.11.2022
Статья принята к публикации 25.11.2022

Пандемия, заставившая педагогическое сообщество в форс-мажорных обстоятельствах массово осваивать и внедрять цифровые инструменты, одновременно выступила драйвером развития образования, дав возможность преподавателям актуализировать свой адаптационный потенциал. Статья посвящена обобщению практического опыта трансформации университетской лекции с использованием цифровых инструментов при экстренном переходе вуза в режим распределенного университета. Представленный в статье педагогический кейс и выводы авторов актуальны при создании лекционных курсов для гуманитарных дисциплин, применимых к гибридному или онлайн-обучению.

Ключевые слова: кейс, интерактивная лекция, COVID-19, цифровые инструменты, ЭИОС.

Введение

Сегодняшняя фаза пандемии, позволившая университетам вернуться к обычному режиму работы, вызвала большой интерес университетского сообщества к выявлению и анализу не только слабых мест и дефицитов, но также к обмену успешными педагогическими практиками ковидного периода и опытом внедрения новых цифровых инструментов, которые позволили бы наработкам преподавателей в режиме онлайн выступить в качестве драйвера изменений в гибридном обучении и цифровой дидактике в целом.

В первую очередь, «экстренный переход вузов на дистанционное обучение в условиях первой волны пандемии COVID-19 актуализировал имеющиеся и выявил недостающие компетенции студентов и преподавателей в ситуации, когда наряду с предметными компетенциями особое значение приобрели метапредметные компетенции и мягкие навыки, обозначил точки роста и предоставил педагогам-исследователям обширный эмпирический материал…» [1, с. 127]. Это дало возможность «накопить рефлексию участников образовательного процесса и данные для осмысления будущего развития образования» [2, с. 175]. Пытаясь очертить круг непредсказуемо возникших вызовов, обобщить и теоретически осмыслить все лучшие инновационные ответы на них, в последние три года отечественные и зарубежные авторы уделяли особое внимание изучению опыта вынужденно организованных образовательных практик. Так, в далеко не полный перечень ключевых проблемных зон входят: сложности экстренного перехода на дистант и пути адаптации к учебной работе в онлайн-формате [2–4], анализ трансформации образовательного процесса в условиях пандемии [5–8], оценка эффективности дистационного обучения в ковидный период [9, 10].

Наряду с теоретическим осмыслением новых вызовов педагогами-исследователями, существенные изменения, которые претерпевало высшее образование в период пандемии, побудили преподавателей-практиков к самостоятельному поиску способов сохранения эффективности обучения при вынужденном переносе традиционных форм обучения в дистанционный формат, анализу собственного опыта преподавания ковидного периода. В оперативном режиме пришлось преодолевать одно из главных ограничений процесса цифровизации – социальную инерцию, частным проявлением которой считается «неготовность педагогических кадров к быстрому отказу от традиционных педагогических подходов и методов обучения и «цифровой трансформации» своей профессио-

нальной деятельности» [11, с. 48]. Анализ профессиональной готовности преподавателей средней [12] и высшей [13] школы к срочному освоению и внедрению цифровых инструментов в форс-мажорных обстоятельствах показал, что несмотря на невысокую готовность педагогов к столь резкой перестройке образовательного процесса, они сумели актуализировать свой адаптационный потенциал. Пандемия оказалась мощным стимулом к ускорению массового внедрения цифровых инструментов, улучшению взаимодействия, появлению творческих решений и желанию учиться друг у друга, оптимизации учебного процесса. Эта перестройка затронула все формы учебных занятий, научно-исследовательской и воспитательной деятельности студентов, в том числе и системообразующую форму университетского образования – лекцию.

Важно отметить, что изменения этой самой традиционной формы университетских занятий были инициированы задолго до попыток ее трансформации в экстренных условиях пандемии. Теоретическая дискуссия о целесообразности трансформации традиционной лекции, представляющей собой плотный информационный поток, транслируемый лектором, как передатчиком максимального объема знаний в отведенную единицу учебного времени, продолжается не одно десятилетие. Преобладающую в вузе традиционную лекцию давно критикуют за одностороннюю коммуникацию в пассивной образовательной среде [14, 15], противопоставляя ей направленные на преодоление инертности слушателей студенто-центрированные интерактивные лекционно-диалоговые формы, стимулирующие совместные размышления, формирующие критическое мышление и навыки научного общения [16, 17]. Особый интерес в этом контексте представляют исследования, посвященные сравнению этих противоположных подходов [18, 19]. В целом, анализ теоретических источников и практического опыта позволяет сделать вывод о том, что лекция как феномен вузовского обучения до сих пор неоднозначно оценивается его участниками. Одни авторы в качестве аргумента за классическую лекцию отмечают, что при разнообразии и доступности современных информационных источников не все студенты могут «осуществить необходимую аналитическую работу по селекции информации, по ранжированию научных источников с точки зрения их фундаментальности» [20, с. 130]. Другие считают электронные образовательные ресурсы и «модульно-интегрированные цифровые учебники» [21, с. 138] обязательным условием трансформации современного лекционного занятия и делают акцент на необходимости перестраивать весь учебный процесс с учетом новой реальности информационного общества – клипового мышления студентов поколения Z [22].

В условиях перехода к цифровому обществу и компетентностно-ориентированному, студенто-центрированному, направленному на «учение» (learning) и совместную деятельность студентов образованию закономерно появились новые виды лекций с использованием как современных образовательных, так и информационно-коммуникативных технологий. Так, для создания интерактивной лекции была модифицирована стратегия «Бортовой журнал», предложенная создателями технологии развития критического мышления Ч. Темплом, Дж. Стил и К. Мередитом [23]. Такой формат лекции позволяет преподавателю выяснить первоначальные знания студентов по теме, организовать запрос обучающихся на последующее раскрытие темы, проструктурировать конспект и провести мини-опрос усвоенного материала с помощью графического организатора информации [24, с. 104]. В случае использования лектором технологии «перевернутый класс» [25] студент приходит на лекцию с определенным интеллектуальным багажом и мотивацией к организуемому в активных формах анализу материала, заранее изученного им самостоятельно в удобном для него темпе. В результате внедрения элементов электронного обучения появляются лекция-визуализация, веб-лекция, слайд-лекция, лекционный электронный комплекс и др., меняются пространственно-временные характеристики лекции, ее структура, особенности подачи материала и взаимодействия обучаемых с образовательным контентом в цифровом мире.

В то же время нельзя не подчеркнуть, что несмотря на быстро меняющуюся образовательную среду высшей школы, постоянно возникающие новации и принципиальное значение владения лектором современными технологиями, эффективности лекционного занятия в любом формате способствуют личностные характеристики преподавателя, его ораторское мастерство, профессионализм, общая и научная эрудиция, опыт публичных выступлений, владение приемами взаимодействия с аудиторией [26]. Отдельно следует добавить творческое начало лектора, умение выстроить совместное с обучаемыми «проживание», прочувствование и осмысление предлагаемого в течение лекции контента, внести в управление вниманием слушателей элемент неожиданности, подарить студентам уникальный опыт удовольствия от открытия нового. В современных условиях, когда ЭИОС в определенной степени «выхолащива-

ет» лекционный формат, остается актуальным понимание университетской лекции как феномена культуры [27] и сохранение в новой образовательной среде ее гуманитарного смысла.

Таким образом, анализ теоретических источников и опыта педагогов-практиков приводит к заключению о том, что сохранение качества обучения при проведении лекций в дистанционном формате невозможно обеспечить простым переносом в режим онлайн-конференции даже успешно апробированного содержания традиционной лекции, которую преподаватель читает в контактном режиме в аудитории, и размещением слайдов сопутствующей ей презентации Power Point в ЭИОС.

В связи с вышеизложенным целью исследования стала разработка собственного лекционного курса непосредственно для контактного удаленного обучения.

В статье представлен анализ педагогического кейса, содержащего описание опыта адаптации лекционного курса для малой и большой групп обучаемых во время вынужденного использования сервиса для проведения онлайн-конференций. В основе данного кейса лежит опыт О.Б. Лукмановой, как пример удачного способа повышения эффективности лекций в период работы НГЛУ в режиме распределенного университета. На основе данного прецедента можно решать подобные проблемы при создании лекционных курсов для гуманитарных дисциплин, применимых к гибридному или онлайн-обучению.

Новизна предлагаемого формата онлайн-лекции заключается в предложенных автором способах повышения визуальной и содержательной привлекательности онлайн-лекции традиционной академической продолжительности в условиях интенсивного и неоднородного информационного потока, использования дополнительных цифровых инструментов для интерактивных онлайн-опросов в начале и конце лекции с целью максимального удерживания внимания студентов и их активного синхронного взаимодействия с учебным материалом, преподавателем и другими студентами в виртуальной среде.

Методология

В ходе исследования используются методы теоретического анализа отечественной и зарубежной научной литературы по проблеме, анализ и обобщение проблем, педагогический дизайн лекционного курса с точки зрения его содержания, методов подачи и визуализации материала, организации совместной деятельности студентов, педагогическое наблюдение, опрос, анкетирование и тестирование студентов.

В исследовании последовательно принимали участие: группа студентов первого курса англоязычной магистратуры НГЛУ (7 человек) и поток (170 человек) студентов бакалавриата первого года обучения.

Обучение осуществлялось в синхронном режиме на платформе для проведения онлайн-конференций Zoom с размещением основных и дополнительных материалов для чтения и просмотра и заданий для самостоятельной работы в стандартизированной системе менеджмента обучения НГЛУ Moodle. Студентам также предоставлялась видеозапись каждой лекции, сделанная с помощью сервиса YouTube, с которой они могли дополнительно ознакомиться в режиме асинхронного взаимодействия.

Результаты и обсуждение результатов

В начале ноября 2020 г., в соответствии с нормативными требованиями по борьбе с коронавирусной инфекцией, студенты одной из групп англоязычной магистратуры НГЛУ были вынуждены экстренно перейти на полное онлайн-обучение, и преподавателю лекционно-семинарского курса «Cross Cultural Communication», начавшегося в сентябре, пришлось проводить всю вторую половину курса в режиме онлайн.

Следует отметить, что серьезных проблем даже при экстренном переходе на онлайн-обучение ни у студентов группы, ни у преподавателя не возникло: все участники процесса отлично владели соответствующими интернет-технологиями и инструментами интерактивного онлайн-обучения, имели доступ к личным компьютерам, высокоскоростной Интернет и возможность подключаться к синхронным занятиям: с самого начала пандемии в марте 2020 г. синхронное проведение всех занятий (или максимально возможного их количества) оставалось в НГЛУ одним из обязательных требований к работе в режиме распределенного обучения. К тому же за первые два месяца занятий между преподавателями и студентами установились доброжелательные и доверительные отношения, что значительно облегчило дальнейшее общение в режиме онлайн и позволило отчасти сохранить эмоциональный контакт, хотя, безусловно, не могло стать полным аналогом живого общения в аудитории. Небольшой размер группы (7 человек) позволял проводить занятия в интенсивном интерактивном режиме со свободным изложением материала, элементами неформальной дискуссии, спонтанным разбором конкретных ситуаций (кейсов), блиц-тестирования, ролевых игр и т.п. В онлайн-

формате использование ряда этих элементов стало затруднено, в том числе из-за технических проблем; к тому же в связи с экстренностью перехода в режим онлайн у преподавателя не было физической возможности переработать курс с учетом новых условий и внести туда какие-либо значительные изменения.

В результате, несмотря на положительные отзывы студентов о прослушанном курсе и высокие оценки, полученные преподавателем при анонимном опросе в конце семестра, результаты зачетного тестирования показали, что материал, представленный и проработанный во время обучения в традиционном очном формате, был усвоен студентами гораздо полнее и лучше, чем материал второй половины курса, проходившей онлайн. Соответственно, когда перед преподавателем встала задача проведения лекционного курса по дисциплине «Всемирная литература» в режиме онлайн, было принято решение переработать уже имеющиеся презентации для чтения лекций в традиционном формате, а также, в некоторой степени, содержание лекций для того, чтобы адаптировать курс к новым условиям преподавания.

Поскольку лекционный курс состоял всего из четырех занятий и носил обзорный характер, основными целями преподавателя были следующие:

1) в условиях интенсивного и неоднородного информационного потока «без потери части информации сбалансировать ее потоки для осознания, понимания… обучающимися» [29, с. 1], осуществив качественную выборку материала и представив ее в краткой, логичной, доступной и интересной форме;

2) систематизировать и дополнить уже имеющиеся у обучающихся знания по европейской литературе, обозначив основные философские и культурные школы и течения в качестве опорных точек для дальнейшего освоения общего культурного наследия человечества;

3) по возможности, вызвать интерес к изучаемым авторам и произведениям и желание познакомиться с ними поближе через самостоятельное чтение, научную работу, просмотр спектаклей и т.п. и указать на доступные ресурсы для такого знакомства (проект Theatre HD, лекции, вебинары и МООК на различных российских и зарубежных образовательных платформах («Открытое образование», Coursera и т.п.));

4) последовательно и постоянно связывать историю европейской литературы от античности до начала XX в. с современными литературными и культурными процессами, обозначать релевантность осваиваемого материала для нынешнего момента для активизации мыслительной и творческой деятельности студентов;

5) подготовить студентов к заинтересованной и активной работе на семинарских занятиях по изучению ключевых авторов и произведений европейской культуры;

6) максимально удерживать внимание студентов во время онлайн-лекции с помощью постоянного переключения внимания, создания разнообразных ассоциативных связей, включения фактов в разного рода истории и повествования (случаи из личной жизни авторов и других исторических личностей, личный опыт преподавателя, истории из жизни студентов и т.п.), юмора, элементов интерактивного взаимодействия, творческого подхода к объяснению и изложению материала.

С одной стороны, задача переработки курса для нового формата облегчалась тем, что в данном случае переход в онлайн-режим не был экстренным, и у преподавателя было некоторое время, чтобы переработать курс с учетом необходимости вести его в онлайн-режиме. С другой стороны, она осложнялась целым рядом факторов.

Во-первых, лекции предназначались для сравнительно большой (170 чел.) аудитории первокурсников, с большинством из которых преподаватель не была знакома лично. К тому же с самого начала было понятно, что зрительный контакт и полноценное интерактивное общение со студентами будут невозможны, и поэтому для создания на занятиях доброжелательной, доверительной и творческой атмосферы, необходимой для успешного овладения материалом, понадобятся дополнительные усилия.

Во-вторых, в рамках короткого лекционного курса (4 лекции по 75–80 минут) необходимо было представить обзор истории европейской литературы от мифологии до модернизма, что само по себе предполагало обширный объем материала и высокую концентрацию содержания.

В-третьих, поскольку проведение дальнейших семинарских занятий по дисциплине было поручено другим преподавателям, возможности отследить эффективность онлайн-лекций и усвоения представленного материала были достаточно ограниченными.

В-четвертых, в отличие от виртуальных мини-лекций типичных онлайн-курсов, продолжительность которых варьируется от 3 до 15 минут, в данном случае продолжительность каждой лекции составляла 75–80 минут, без возможности дробления ее на более краткие сегменты.

Опираясь на существовавшую на тот момент теоретическую базу, предыдущий опыт проведения онлайн-занятий, примеры виртуальных обзорных мини-лекций, доступных на различных образовательных платформах, а также на рекомендации коллег и методистов, занимаю-

щихся е-дидактикой, преподаватель дисциплины внесла в свой курс ряд принципиальных изменений.

1) Для того, чтобы более эффективно удерживать внимание студентов через переключение внимания, было увеличено число слайдов презентации и усилена их визуальная привлекательность. Если в лекционных презентациях по курсу «Cross-Cultural Communication» (рассчитанных на стандартную лекцию в 75–80 минут) среднее количество слайдов было около 40, то в презентациях для онлайн-лекций по литературе их число увеличилось практически вдвое, в среднем до 90, без увеличения темпа речи преподавателя и, фактически, без добавления текста на слайдах. Визуальная и содержательная привлекательность достигалась через добавление ярких картинок, эффектов анимации и актуальных юмористических мемов.

2) Практически все видео- и аудиоматериалы, входившие в традиционные лекции, были вынесены за пределы онлайн-лекций и размещены в дополнительных материалах курса на платформе Moodle, отдельно для каждой лекции. Несмотря на то, что демонстрация видеороликов обычно вызывает у студентов большой интерес и позитивный эмоциональный отклик (например, при разговоре о Петрарке студентам особенно запомнился единственный показанный во время курса отрывок из фильма «Формула любви»), во время онлайн-лекций показ видео нередко вызывает технические сбои и оказывается контрпродуктивным. Кроме того, неподготовленное восприятие видеоматериалов на иностранном языке во время лекции может быть затруднено, особенно в условиях дистанта, и поэтому все дополнительные видеоматериалы (например, занимательно-познавательные ролики на английском языке «Horrible Histories», мини-лекции платформы «Точка» и проекта «Arzamas»), ссылки на доступные онлайн-спектакли и экранизации упомянутых произведений, на лекции и лекционные курсы от ведущих российских литературоведов с более углубленным изучением отдельных авторов, произведений и литературных течений, а также на другие полезные ресурсы для самостоятельной работы выкладывались на платформе Moodle в отдельно созданное по каждой лекции занятие, где также обязательно размещалась видеозапись самой лекции, сделанная с помощью сервиса YouTube.

3) В начале каждой лекции в реальном времени проводился интерактивный онлайн-опрос, заранее составленный преподавателем с помощью приложения «Ментиметр» (Mentimeter), где студентам предлагалось ответить на ряд вопросов разного типа, антиципирующих содержание предстоящего занятия, например: «Дайте три ассоциации со словом “миф”», «Закончите фразу “Земную жизнь пройдя до половины…”», «Феномен Баадера-Майнхофа – что это такое?», «“Дон Жуан”, “Антигона”, “Мнимый больной”, “Тартюф”, “Мизантроп” – что здесь лишнее?» и т.п. Безусловно, в опросе принимали участие не все студенты: из 100 подключившихся к лекции студентов в первом опросе участвовали 49, во втором 46, в третьем – 21 и в четвертом – 18 человек. Тем не менее такой опрос позволял внести в занятие элемент объединяющей интерактивной игры и настроить студентов на общий процесс, выявлял остаточные знания, производил эффект узнавания в процессе лекции, давал опаздывающим возможность подключиться к лекции не упуская ключевых моментов материала, а также помогал преподавателю несколько персонализировать лекцию в зависимости от ответов студентов.

4) В конце каждой лекции проводился еще один онлайн-опрос, целиком состоявший из вопросов по предыдущей лекции, с целью отсроченного повторения уже пройденного материала. Кроме того, с целью немедленного повторения в последнем вопросе студентам предлагалось написать то, что им больше всего запомнилось на сегодняшней лекции. Этот опрос проводился с помощью инструмента Google Forms, так что, в отличие от викторины в реальном времени в начале занятия, студенты, слушавшие лекцию в асинхронном режиме (в записи на платформе YouTube), также могли дать на него ответы в любое удобное им время. Естественно, после первой лекции вопросов на отсроченное повторение не было; студентам предлагалось ответить только на два вопроса. Вопрос 1: Как вы смотрели и слушали лекцию (синхронно на платформе Zoom, синхронно на платформе YouTube или асинхронно на платформе YouTube)? Вопрос 2: Что вам больше всего запомнилось с сегодняшней лекции (для немедленного повторения)?

В опросах для отсроченного повторения использовались разные типы вопросов и заданий, задействующих высокие уровни мышления:

1) *выбор из нескольких вариантов* («Кому был предложен выбор, где короноваться лавровым венком? a. Франческо Петрарке; б. Франсуа Вийону; c. Леонардо да Винчи; d. Джованни Боккаччо»), задание «Кто тут лишний?» (выбор из четырех картинок с именами), вопросы, требующие более развернутого ответа («Кошечки в средневековом искусстве и кошечки в искусстве Возрождения: какая разница?»);

2) *множественный выбор* («“Гаргантюа и Пантагрюэль” – это прекрасный пример (выбе-

рите все, что подходит)»), задание на узнавание прецедентных текстов разного типа (цитат, изображений и т.п.), задание на узнавание использовавшихся в лекционной презентации изображений, мемов и связанных с ними явлений или авторов (например, известный мем про Декарта «Мыслю – не мыслю», изображение весла, фигурировавшее в рассказе об «Одиссее» и т.д.) и др.

Некоторые вопросы на выбор из нескольких вариантов сопровождались *дополнительным вопросом*, требующим более развернутого ответа с элементами анализа («Что здесь лишнее: a. Мир как театр; b. Жизнь как сон; c. Всё – суета сует; d. Единство места, времени и действия; e. Упор на воображение и иносказательность. Почему вы так думаете?»).

На опросы в конце занятия было получено достаточно большое количество ответов: 75 после первой лекции, 107 – после второй, 82 – после третьей и 37 – после четвертой (в последнем случае из-за ошибки преподавателя ссылка на опрос не была включена в презентацию, и у студентов возникли технические трудности). Помимо уже обозначенных целей немедленного и отсроченного повторения для более эффективного усвоения материала, в будущем нечто подобное можно использовать также как средство контроля посещаемости и успеваемости – например, в рамках внедрения и применения балльно-рейтинговой системы, позволяющей «применить дифференцированный подход к студентам, имеющим, как известно, разную степень мотивации» [28, с. 84]. Кроме того, эти опросы стали обратной связью для преподавателя дисциплины и позволили проанализировать полученный опыт с целью дальнейшего улучшения качества лекционных занятий как в режиме онлайн, так и в традиционном формате, с тем, чтобы они максимально соответствовали актуальным требованиям, предъявляемым к лекции в современном вузе.

Опираясь на результаты опросов в конце онлайн-лекций, можно говорить об успешном достижении, по крайней мере, некоторых из поставленных целей, а также сделать выводы о том, какие методы и приемы преподавателя этому способствовали. Например, из 301 ответа на вопрос «Что вам больше всего запомнилось с сегодняшней лекции?» в 51 ответе содержалась фраза «было интересно» и ее варианты. При том, что некоторые комментарии носят общий характер («Все было интересно»; «Было интересно слушать» и т.п.), большинство из них указывают на конкретные моменты, вызвавшие особую заинтересованность, и их можно подразделить на несколько категорий.

А. Содержание курса («интересная информация по мифам», «интересный материал», «интересные факты»; «было интересно узнать о влиянии Шиллера на Гете»; «интересные факты о представителях эпохи Возрождения в разных странах», «вызвала большой интерес “Божественная комедия”» и т.п.). Примерно в 85% ответов содержатся упоминания конкретных авторов, течений, произведений, фактов («ваганты», «хронология средневековой литературы», «провансальская лирика», «Джеффри Чосер», «“Утопия” Томаса Мора посвящена Эразму Роттердамскому», «стихографика», «Буря и натиск», «драма “The Rock” Т.С. Элиота» и т.п.).

Б. Организация и подача материала («интересные презентации», «интересный интерактив», «интересная подача материала», «интересные сравнения», «интересные вставки», «интересные объяснения» и т.п.). Студенты особенно отмечали интерактивную викторину в начале занятия («интересный квиз», «интересная игра в начале», «интересный интерактив со студентами», «викторина в начале, сразу вовлекающая студентов и прохождение и погружение в материал»), а также хорошую выстроенность лекций, доступность изложения, его легкость для восприятия и запоминания («доступность материала, было очень легко и интересно слушать преподавателя», «запомнилось много», «легко слушать и записывать», «грамотный подбор материалов для презентации»; «подача материала с помощью ассоциаций, картинок и прочего», «простота в рассказе лекции», «оригинальная подача информации студентам» и т.п.). Студенты также оценили информативную насыщенность лекций и новизну материала («очень информативная лекция», «лекция очень насыщенная, я многое для себя открыла нового», «сравнения для легкости понимания и насыщенные описания», «много новой и интересной информации» и т.п.).

В. Интерес к дальнейшему знакомству с отдельными авторами и произведениями («очень хочется почитать “Mrs. Dalloway”», «Джеффри Чосер, которого захотелось почитать», «захотелось почитать Рабле», «философия Мишеля Монтеня, захотелось почитать книгу»; «Захотела почитать Уильяма Блейка и Томаса Элиота. Только недавно думала, что почитать из зарубежной поэзии. Теперь знаю», «После сегодняшней лекции я пополнила свой “must read” список и уже начала читать первую книгу» и т.п.). Студенты также оценили возможность посмотреть спектакли по упоминавшимся в курсе пьесам (и современным пьесам европейских драматургов) с помощью проекта Theatre HD, фильмы, поставленные по изучав-

шимся произведениям и посвященные релевантным историческим эпохам, и положительно оценили ресурсы, упоминавшиеся в лекции и выложенные в материалы занятия на платформе Moodle («насколько много различных воплощений и экранизаций творчества Шекспира», «много интересных фильмов и сериалов, которые стоит посмотреть (“Wolf Hall”, “The Tudors”, “Вам и не снилось”)»; «можно посмотреть разные видеоролики по материалу»; «“Horrible Histories”, которые я захотела очень посмотреть»; «много источников, где можно посмотреть фильмы или почитать книги по теме»; «взяла на заметку, куда можно сходить посмотреть интересные вещи»; «сразу захотелось что-нибудь почитать или посмотреть»; «хотелось бы попросить прикрепить меня к платформе “Coursera”» и др.).

Г. Полезность ассоциативных связей и отсылок к современным литературным течениям, произведениям, авторам, общественно-политическим реалиям, насущным вопросам образования, науки и культуры и т.п. («отсылки к настоящему», «отсылки к современной культуре», «отсылки к [Дмитрию] Быкову», «упоминания мюзикла “Гамильтон”», «мозг как барокко – Татьяна Черниговская», «упоминания о Дэвиде Теннанте, которого я нежно люблю», «Для меня стало открытием, что очень много современных фильмов сняты с отсылками на литературу Средних веков и эпохи Возрождения. Хочется пересмотреть еще раз и посмотреть на все это уже с другой стороны и новым взглядом», «Лекция была интересной и запоминающейся из-за частых отсылок к современным произведениям, благодаря которым представление об истории формируется гораздо лучше» и т.п.).

Студенты также оценили многократно проводившиеся связи между разными авторами и эпохами, размышления о диалогической природе литературы и о широте влияния литературных деятелей, произведений и процессов на исторические события и общекультурные явления («упоминание Маршака и произведений Гюго», «Татьяна Гнедич переводила Байрона по памяти, находясь в тюрьме», «Диккенс “создал” Рождество такое, какое мы сейчас его представляем»; «было очень познавательно услышать объяснения культурной связи между разными эпохами», «рэперы – это трубадуры в прошлом», «наши коллеги – ваганты», «интересно, что сейчас вся англоязычная поэзия без рифмы», «проведение параллели перерождения в лесу с тем, как это используется в мировом кинематографе и мультфильмах» и т.п.). Судя по ряду откликов, ассоциативные связи, проводившиеся преподавателем, вызывали у студентов собственные ассоциации и тем самым активизировали их процессы критического мышления и в одном случае даже подтолкнули студентку к лингвистическому мини-исследованию («рыцари должны были служить Прекрасной даме – есть ассоциации по поводу прекрасной дамы с Блоком», «оказывается, черепашки-ниндзя названы в честь художников Возрождения, и теперь мне кажется, что черты характера черепашек схожи с их прототипами»; «слово ingenioso, которое встретилось мне второй раз за эту неделю, первый – в тексте о Колумбе, мысли о его связи с ingenuo, а еще этимология слова “идальго” – этого не было в лекции, но я посмотрела: “hijo de algo” – так чудесно!»).

Д. Юмор, использование актуальных мемов, общая манера и подход преподавателя как основные средства создания конструктивной, эмоционально положительной и коллегиальной атмосферы, максимально способствующей эффективному овладению материалом. Наряду с удержанием внимания обучающихся задача установления положительного эмоционального контакта и создания творческой и доброжелательной атмосферы на онлайн-лекции, где студенты видят только «говорящую голову» преподавателя в углу экрана, а преподаватель практически совсем не видит студентов (еще и потому, что ради более стабильной работы Интернета большинство студентов отключают видеосвязь), представлялась наиболее сложной. Однако отзывы студентов позволяют сделать вывод о том, что она была решена достаточно успешно и выбранные для ее решения средства оказались весьма удачными («оригинальный и главное взрослый подход к описанию миротворческой культуры прошлого», «все мемы на слайдах запомнились», «еще [запомнился] мем, на котором было написано “шта”; было весело и интересно», «мемы, картинки, шутки», «изучение всемирной литературы с помощью мемов – лучший подход!», «очень понравилась оптимистичность преподавателя», «непринужденная обстановка, но вместе с тем очень даже рабочая и интересная» и т.п.). Надо отметить, что элементы юмора и шутки входили во все элементы курса, включая начальные викторины и опросы в конце занятий. Во многих вопросах с выбором правильного ответа были юмористические варианты («Жеста – это… ?» а. «песнь о подвигах» (ну, как о Роланде); б. другое название жонглеров; в. музыкальный инструмент; г. такая жестяная средневековая жесть»). В ряде вопросов использовались актуальные мемы и юмористические картинки (как фигурировавшие в лекционных презентациях, так и новые), а также изображения, связывающие те или иные

явления или произведения с современными реалиями для установления еще более прочной ассоциативной связи.

Заключение

Исходя из наблюдений, результатов тестирования и полученных от студентов отзывов, в целом, опыт проведения данного лекционного курса в режиме онлайн можно признать положительным. Опросы после лекций проводились, главным образом, с целью отложенного повторения, а не тестирования, их результаты студентам не сообщались и никаким образом не включались в финальную оценку. Однако даже самый поверхностный анализ опросов показывает, что и через неделю после прослушанной лекции без какого-либо предупреждения, дополнительной внешней мотивации или предварительной подготовки к тестированию, в среднем, около 70–75% участников давали на вопросы верные ответы и лишь в редких случаях верных ответов было менее 50%. Хотя в опросах принимали участие не все студенты курса, тем не менее, уровень усвоения студентами представленного на лекциях материала, можно считать удовлетворительным.

Этот опыт также оказался весьма полезным и информативным для дальнейшего повышения качества лекционных занятий в любом формате. Практически все элементы, введенные в лекции для оптимизации проведения их в режиме онлайн, можно, в той или иной форме, сохранить и при проведении курса в традиционной очной форме, с теми же целями – безусловно, при условии адекватной технической поддержки (наличия нужного оборудования, бесперебойной работы высокоскоростного Интернета и др.).

Более того, при желании интерактивные элементы с использованием цифровых технологий можно усилить промежуточными онлайн-опросами (на платформе «Ментиметр» или в других сходных приложениях). Однако при введении таких элементов в очную лекцию следует учесть технические вопросы, связанные с очным проведением синхронных онлайн-викторин, и продумать, насколько вложенные в их подготовку усилия и отведенное на них время оправдывают желаемый результат: вполне возможно, того же эффекта можно добиться с помощью менее затратных средств, за счет физического присутствия и непосредственного контакта преподавателя со студентами. К тому же некоторые онлайн-средства (в том числе и опросы) можно использовать и в асинхронном режиме – как для отложенного повторения, так и для более дифференцированного подхода к оценке работы студентов по курсу.

Изначальная затратность подготовки к качественной онлайн-лекции со всеми перечисленными выше элементами действительно высока: оптимизация каждой из четырех лекций (переработка уже имеющегося содержания и готовых презентаций, разработка и подготовка онлайн-викторин и опросов в конце лекции, поиск и настройка нужных ресурсов и приложений, обработка видеозаписи, размещение основных и дополнительных материалов и ресурсов на платформе Moodle) заняла у преподавателя данного курса от 6 до 8 часов, при высоком КПД, уверенном владении техническими средствами и хорошем знакомстве с образовательными онлайн-ресурсами. Так как в будущем уже разработанные опросы, викторины и ресурсные страницы можно использовать повторно лишь с небольшими модификациями, можно предположить, что затратность на подготовку к курсу каждым годом будет несколько снижаться.

По мнению авторов, эти вложения, безусловно, оправдываются полученными результатами: даже частичное достижение большинства поставленных целей, несомненно, повышает мотивацию лектора для дальнейшей творческой работы, и комментарии студентов уже дали толчок к новым идеям и разработкам. Кроме того, размещение всех материалов курса на университетской платформе Moodle является прекрасным подспорьем не только для студентов (которые, при необходимости и желании, всегда могут вернуться к предыдущим лекциям, повторить нужный материал и обратиться к другим ресурсам – и, как показывает опрос, действительно это делают), но и для преподавателей семинарских занятий (которые могут посмотреть, какой материал был включен в лекции и какие дополнительные ресурсы были рекомендованы студентам), а также в качестве опорного материала для будущих лекторов, которым будет поручено читать похожие курсы.

В заключение остается только согласиться с мнением Дэвида Ричардсона, ставшим заглавием одной из его публикаций: «Don't dump the didactic lecture; fix it» [30].

Список литературы

1. Левина Л.М., Ермакова О.А. Обучение иностранному языку в лингвистическом университете в условиях экстренного перехода на дистанционное обучение во время пандемии COVID-19 // Обучение, тестирование и оценка: Материалы Междунар. конф. Вып. 20. Н. Новгород: НГЛУ, 2021. С. 121–126.

2. Борисова А.А., Рязанцева И.В. Организация образовательного процесса в период распространения пандемии: опыт адаптации и решения противоречий // Экономика труда. 2021. Т. 8. № 2. С. 175–188.

3. Akram H. et al. The Challenges of Teaching and Learning in the COVID-19 Pandemic: A Case Study of Public Universities in Karachi, Pakistan // Journal of Information Technology Education: Research. 2021. № 20. P. 263–282.

4. Mittal Amit et al. A Unified Perspective on the Adoption of Online Teaching in Higher Education during the COVID-19 Pandemic.// Information Discovery and Delivery. 2021. № 50 (2). P. 117–132.

5. Стрекалова Н.Б. Риски внедрения цифровых технологий в образование // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 84–88.

6. Айсханов С.К., Ильясова К.Х., Садуева М.А. Дистанционное обучение в период пандемии // Педагогический журнал. 2020. № 4-А. С. 247–252.

7. Paudel P. Online education: Benefits, challenges and strategies during and after COVID-19 in higher education // International Journal on Studies in Education. 2021. № 3 (2). P. 70–85.

8. Peimani N., Kamalipour H. Online Education and the COVID-19 Outbreak: A Case Study of Online Teaching during Lockdown // Education Sciences. 2021. № 11. P. 72.

9. Хлебникова Н.А., Оконникова Т.И. Оценка и анализ цифровой грамотности педагогов и студентов вуза как фактора готовности к использованию дистанционных образовательных технологий // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 3. № 4. С. 390–406.

10. Gawanmeh A. et al. Evaluating the Effectiveness of Distance Learning in Higher Education during COVID-19 Global Crisis: UAE Educators' Perspectives // Contemporary Educational Technology. 2021. № 13. P. 311.

11. Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения. М.: Перо, 2019.

12. Мурзина Н.П. Профессиональная готовность учителей к дистанционному обучению в условиях напряженной ситуации в обществе и образовании // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. № 2 (27). С. 152–156.

13. Пучкова Е.Б., Темнова Л.В., Сорокоумова Е.А., Чердымова Е.И. Готовность преподавателей вузов к дистанционной работе в период пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] // Перспективы науки и образования. 2020. № 6 (48). С. 89–102. URL: https://doi.org/10.32744/pse.2020.6.8 (дата обращения: 21.02.2022).

14. Остапенко И.А., Кроливецкая И.Е. Недостатки лекционной формы обучения и пути их преодоления [Электронный ресурс] // «Концепт»: научно-метод. электрон. журн. 2016. Т. 23. С. 77–81. URL: http://e-koncept.ru/2016/56397.htm (дата обращения: 17.05.2022).

15. Bligh D. A. What's the Use of Lectures? San Francisco: Jossey-Bass, 2000. 384 p.

16. Загашев И.О., Заир-Бек С.И. Критическое мышление: технология развития: перспективы для высшего образования. СПб.: Скифия Альянс-Дельта, 2003. 284 с.

17. Hermens A., Clarke E. Integrating Blended Teaching and Learning to Enhance Graduate Attributes // Education+Training. 2009. № 51 (5/6). P. 476–490.

18. Chilwant K. Comparison of Two Teaching Methods, Structured Interactive Lectures and Conventional Lectures [Электронный ресурс] // Biomedical Research. 2012. № 23(3). P. 363–366. URL: http://www.biomedres.info/biomedical-research/comparison-of-two-teaching-methods-structured-interactive-lectures-and-conventional lectures.pdf. (дата обращения: 10.02.2022).

19. Miller C. et al. A Comparison of Traditional and Engaging Lecture Methods in a Large, Professional-level Course. // Advances in Physiology Education. 2013. № 37(4). P. 347–355.

20. Роботова А.С. Университетская лекция: прошлое, настоящее, будущее // Высшее образование в России. 2011. № 4. С. 127–133.

21. Чичерина М.М., Чичерина Ю.В. Современный цифровой учебник по иностранному языку: структура и содержание // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 2021. Вып. 56. С. 131–140.

22. Полевой С.А., Павлова В.В. Особенности обучения студентов с клиповым мышлением [Электронный ресурс] // Открытое образование. 2017. № 2. С. 56–67. URL: https://doi.org/10.21686/1818-4243-2017-2-56-67 (дата обращения: 21.04.2021).

23. Темпл Ч., Стил Дж., Мередит К. Чтение, письмо и обсуждение для любого учебного предмета. Пособие III (Подготовлено в рамках проекта «Чтение и письмо для развития критического мышления»). М.: Изд-во «ИОО», 1997. 86 с.

24. Швец И.М., Левина Л.М., Марико В.В., Груздинская Е.Ю. Современные педагогические технологии в контексте ФГОС третьего поколения: Методическое пособие для преподавателей вузов [Электронный ресурс]. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2011. С. 104. Режим доступа: http://www.unn.ru/books/resources.html (Фонд электронных публикаций ННГУ – рег. № 359.11.12 от 29.04.2011). URL: http://www.unn.ru/books/met_files/current_teaching.pdf (дата обращения: 10.12.2020).

25. Lage M. et al. Inverting the Classroom: A Gateway to Creating an Inclusive Learning Environment [Электронный ресурс] // The Journal of Economic Education. 2000. № 31(1). P. 30–43. URL: https://doi.org/10.2307/1183338 (дата обращения: 16.04.2022).

26. Макарова Е.Л., Пугач О.И. Лекционный курс в учебном процессе вуза: вопросы модернизации [Электронный ресурс] // АНИ: педагогика и психология. 2016. № 2 (15). С. 95–98. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lektsionnyy-kurs-v-uchebnom-protesse-vuza-voprosy-modernizatsii (дата обращения: 29.05.2022).

27. Роботова А.С. Современная лекция: гуманитарный смысл // Высшее образование в России. 2007. № 4. С. 20–24.

28. Эрштейн М.О. Опыт применения балльно-рейтинговой системы по университетской дисциплине «История зарубежной литературы» в условиях дистанционного обучения // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 83–86.

29. Дьяченко Н.В. Методические особенности подготовки лекции в вузе [Электронный ресурс] // «Концепт»: научно-метод. электрон. журн. 2019. № VI. URL: http://e-koncept.ru/2019/196005.htm (дата обращения: 05.02.2022).

30. Richardson D. Don't Dump the Didactic Lecture; Fix it [Электронный ресурс] // Advances in Physiology Education. 2008. № 32 (1). P. 23–24. URL: https://journals.physiology.org/doi/full/10.1152/advan.00048.2007 (дата обращения: 26.03.2022).

ONLINE LECTURES IN WORLD LITERATURE WITHIN THE FRAMEWORK OF HYBRID/BLENDED LEARNING: CHALLENGES, LIMITATIONS, AND OPPORTUNITIES

O.B. Lukmanova, L.M. Levina

N.A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod

While the COVID-19 pandemic did indeed catch the academic and educational community somewhat off guard, forcing many faculty members to master and implement a variety of digital tools with record speed, at the same time it served as a driver of numerous constructive changes in teaching and learning practices, enabling many educators to actualize their adaptive potential. This article examines the “forced” transformation of university lectures through using online conference services and other digital tools. The case study presented in the article and the results of discussion may serve as a helpful reference point in creating lecture courses in humanities within the framework of hybrid/blended or online learning.

*Keywords***:** case study, interactive lectures, COVID-19, digital tools, LMS.

УДК 37.01(092)+37.034
DOI 10.52452/18115942_2023_1_247

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ УЧИТЕЛЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГИМНАЗИИ В НАЧАЛЕ XX в. (ПО ПИСЬМАМ С.Н. ШАМОНИНОЙ К Н.Н. ПЛАТОНОВОЙ)

© 2023 г.

В.В. Митрофанов

Митрофанов Виктор Владимирович, д.и.н.; доц.; профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Университета при Межпарламентской ассамблее при ЕврАзЕС, Санкт-Петербург
viktor-n1962@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.11.2022
Статья принята к публикации 09.12.2022

На основе эпистолярных материалов рассматриваются отдельные факты из жизни представителей рода Шамониных, многие из них связали свою жизнь с системой образования. Семья Владимира Николаевича, рано умершего родного брата Н.Н. Платоновой, еще до 1895 г. перебралась в Нижний Новгород. Его жена С.Н. Шамонина осталась с 6 детьми разного возраста. Привлекая её письма за 1912 г., адресованные в Петербург, нарисована запоминающаяся картина повседневных забот. Имея педагогическое образование и знание ряда иностранных языков на уровне профессионального переводчика, она многие годы трудилась учителем Мариинской женской гимназии в Нижнем Новгороде. Немало интересных сведений об учебном процессе, наполняемости классов, материальных трудностях, бытовых условиях, необходимости искать дополнительный заработок – репетиторство находим в публикуемых письмах. Важны факты из личной жизни семьи, взаимоотношения между старшими Шамониными и их детьми, проблемы, возникавшие в их среде. Надежда Николаевна выступала в роли координатора помощи и общения между родственниками.

Ключевые слова: С.Н. Шамонина, Н.Н. Платонова, Мариинская женская гимназия, повседневность преподавателя, дети, переписка, архивный материал.

Введение

Дворянский род Шамониных стал привлекать исследователей недавно. В основном он известен через Надежду Николаевну Платонову – жену выдающегося отечественного историка С.Ф. Платонова. Она является автором замечательного «Дневника» [1], публикация которого стала важным событием в издании мемуарной литературы и является интереснейшим источником о развитии отечественной науки в конце XIX – начале XX в., межличностных коммуникациях многих представителей научного сообщества. Её имя стоит по праву поставить в один ряд с известными выпускницами Высших (Бестужевки) Женских Курсов (В(Б)ЖК). Этому учебному заведению отведено немало страниц в «Дневнике».

У Н.Н. Платоновой было 3 брата (умершие не в старости) и 2 сестры. О брате Николае (1858–1917) оставил немало теплых строк в воспоминаниях [2, с. 80] и не раз упоминавший в письмах [3, с. 11, 108, 123, 132, 134] его однокурсник по Московскому университету, выдающийся историк и политический деятель П.Н. Милюков. Недавно появились публикации писем Н.Н. Шамонина, адресованных С.Ф. и Н.Н. Платоновым [4–6]. Среди братьев Николай самый известный, он много лет трудился в области образования, был директором Костромской и Рязанской гимназий, активно занимался переводами педагогической и научной литературы. Но несмотря на имевшиеся предрасположенности, не сделал значимой научной карьеры, как видим, скромные были его успехи и в административной сфере.

Сергей (1868–1916) – самый младший из детей, учившийся, но не окончивший физико-математический факультет Московского университета, живший в Москве, профессиональную деятельность связал с адвокатурой [7, с. 24, 129]. Пока неизвестно, как он смог занять должность присяжного поверенного, которая предполагала наличие высшего юридического образования. В браке детей не было.

Третий брат Владимир (1860–1906) последние годы жил и похоронен в Нижнем Новгороде у Покровской церкви. Краткие сведения о его семье получаем из «Дневника» Надежды Николаевны. Так, 15 апреля 1891 г. она записала: «Соня-невестка беременна и ходит уже последние дни; а между тем Володя из Витебска переведен в Покров Влад[имирской] губ[ернии]. Он очень доволен этим переводом; но семья теперь в Москве, а сам он уехал в Покров, чтобы всё приготовить к Сониному приезду: им хочется ко времени родов быть уже на месте, но я сомневаюсь, чтобы это им удалось» [1, с. 55].

Очень интересные подробности о службе брата, но о каком ребенке идет речь, не ясно, вероятно, он умер во младенчестве, так как он не упоминается в следующей записи Надежды Николаевны, она сделана 4 ноября 1895 г.: «В начале августа мы с С[ергеем] Ф[ёдоровичем]… ездили в Нижний, там были у Володи. Сильно чувствовалось, до какой степени за эти 10 лет мы отдалились друг от друга. Еленочка (1886–?) мне понравилась, а Юрочка (1894–1944) производит жалкое впечатление: такие у него большие грустные глаза, не детски-серьёзные» [1, с. 136].

Посещение С.Ф. Платоновым Нижнего Новгорода

Следовательно, в 1895 г. С.Ф. Платонов первый раз побывал в древнем городе на знаменитой стрелке. А связи с нижегородскими краеведами были установлены еще раньше. 30 мая 1888 г. его изберут членом Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, а в 1911 г. – и почетным. В начале XX в. он несколько раз приезжал в Нижний Новгород, принимал участие в значимых просветительных мероприятиях, организовывавшихся под руководством НГУАК. В 1902 г. профессор читал там лекции на педагогических курсах [9], принимал участие в заседании Особого отдела комиссии по организации празднования 300-летнего юбилея Нижегородского ополчения, в 1903 г. он присутствовал на заседании архивной комиссии в октябре и выступил с благотворительной лекцией, в 1911 г. ученый приглашался на торжественное заседание комиссии [10] (выявить публикацию этой лекции в нижегородской газете помогло письмо С.Н. Шамониной. Этот факт существенно расширяет наши представления о его просветительской деятельности в российской провинции и обогащает местную прессу интересными публикациями будущего академика. Очень мало подобных изданий может гордиться подобными материалами. Сегодня известно только о новгородской [11] и севастопольской газетах [12]), как и в мае 1916 г. по случаю памятных торжеств в честь Кузьмы Минина [13]. Многие факты сотрудничества комиссии с С.Ф. Платоновым зафиксированы в «Действиях» – официальном органе комиссии. Введена в научный оборот многолетняя переписка с председателями комиссии: А.А. Савельевым, А.Я. Садовским, библиотекарем комиссии Н.И. Дружининым, видным деятелем образования Н.Н. Иорданским и др.

Примечательно, что в одном из публикуемых писем есть упоминание о «нижегородских историках» и назван, в частности, Парийский. Их интересовал вопрос о 25-летнем служении С. Ф. Платонова науке.

О кратком пребывании у Шамониных в Нижнем Новгороде писал 31 июля 1910 г. Надежде Николаевне и брат Николай. Краткий фрагмент письма позволяет оценить непростую ситуацию: «У С[офьи] Н[иколаевны] в Нижнем я был проездом, всего на несколько часов, и мне показалось, что без Юры ей все-таки несколько спокойнее. Её по-прежнему не покидает геройское мужество; вопрос только в том, как долго продержится её здоровье. Ещё более ненадёжна на мой взгляд Еленочка и здоровьем и настроением – естественный результат тяжёлого положения» [6, с. 171–172]. Но приезды родных в Нижний были не часты.

Кстати, имя С.Н. Шамониной встречается и в переписке нижегородских краеведов с С.Ф. Платоновым. 10 мая 1916 г. Н.И. Драницын сообщал интересный факт: «Проводя вчера Вас и направляясь в помещение вокзала, у выходных дверей я с В.П. Павинским встретил Вашу сестру[1] (я хотя и знаю ее, но не знаком, а Павинский знаком) с двумя дочками, из них младшая плакала навзрыд, что не видела Вас. Оказалось, что сторож без перронного билета никак не хотел пропускать их, несмотря на слезные мольбы, но в то же время и не объяснил, где можно получить перронный билет. Таким образом, они были в нескольких шагах от Вас, не будучи в состоянии проводить и проститься, благодаря церберу перронного сбора. С большим горем они ушли от вокзала» [14, с. 41].

В одном из писем С.Ф. Платонову С.И. Архангельский упоминает С.Н. Шамонину. Они преподавали в гимназии, первый – историю и литературу с 1907 г. [15, с. 276]. По мнению А.А. Кузнецова, будущий родоначальник нижегородского исторического образования таким образом хотел привлечь внимание адресата к своему письму [16, с. 470].

Таким образом, имя С.Н. Шамониной было известно в среде краеведов и профессиональных историков, с которыми был знаком или переписывался С.Ф. Платонов.

Повседневная жизнь преподавателя нижегородской гимназии

Повседневная жизнь нижегородской ветви Шамониных в 1912 г. является предметом этой публикации. Для этого мы привлекаем письма С.Н. Шамониной (не путать с Софьей Николаевной Шамониной (1867–1921) – сестрой Надежды Николаевны), адресованные Н.Н. Платоновой [17, д. 6116–6118]. Корреспонденций за этот год насчитывается 22 письма и одна телеграмма,

общим объемом 62 л., написаны крупным разборчивым почерком. Как видно из хронологии, активная переписка началась уже после смерти мужа. Сведений о нём совсем немного. Сколько родилось – не известно (об одном упомянуто выше), но в живых осталось 6 детей, которые и остались на содержании матери: старшая Елена, Юрий[2], Андрей (около 1900), Владимир (1902), Софья (1904–1972), Екатерина (?). Как видно, только у Юрия и Софьи известны годы жизни. Это последнее поколение этой линии, о котором остались более-менее лаконичные сведения, дальше нити об их жизни растворяются во времени.

Жизнь детей, их учеба, здоровье, увлечения за годовой отрезок времени как раз и являются одной из тем названных писем. Вторая – преподавательская деятельность С.Н. Шамониной, подробности учебного процесса, расписание занятий, взаимоотношения в коллективе, наполняемость классов, репетиторство, плата за услуги, внешний облик Нижнего Новгорода и другие интересные сведения.

Из племянников в «Дневнике» Надежда Николаевна чаще других пишет о Юрии [1, с. 25, 26, 236, 215, 226 и др.], который учился в столице и часто бывал у тёти Нади дома. Е.А. Ростовцев в одной из работ приводит важные малоизвестные факты о взаимоотношениях семьи Платоновых с нижегородскими Шамониными: «Другой объект постоянной заботы Н.Н. – сыновья ее рано умершего брата Владимира, Юрий и Владимир – воспитанники Морского кадетского корпуса в 1910-е гг. Платоновы помогали племянникам чем могли: деньгами, книгами, заступничеством перед начальством, равно как и их сестре Катерине, пристроенной на Бестужевские курсы. Вообще, судя по переписке Софьи Николаевны с Н.Н., Платоновы постоянно выступали в роли опекунов этой (нижегородской) ветви семьи Шамониных» [19, с. 25–26].

Его имя упомянуто в известной книге: «Шамонин Георгий Владимирович р. 22 сен. 1894, Морской корпус 1914. Мичман. Во ВСЮР и Русской Армии штурманский офицер на канонерской лодке «Страж» до эвакуации Крыма. Лейтенант (1918.11.26). На 1921.03.25 в составе русской эскадры в Бизерте. В эмиграции в США (Огайо) на 1944.01.31 член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Ум. 1944.09.17 в Кливленде (шт. Огайо). Брат (штабс-капитан артиллерии), воевал в белых войсках Восточного фронта» [20, с. 524]. Вероятно, речь идёт об Андрее, про него 16/29 декабря 1919 г. Надежда Николаевна в «Дневнике» записала: «Несколько дней назад я получила отчаянное письмо от Сони из Нижнего: третий месяц нет вестей от Андрюши, а теперь до матери стороной дошло известие, будто он убит наповал. Она, бедная, в отчаянии и только цепляется за надежду, что это м[ожет] б[ыть] – только ложный слух» [1, с. 499].

С Еленой, ушедшей в монастырь и потом принявшей постриг в рясофор, тетя находилась в многолетней переписке (подготовлена к печати), которая датируется 1912–1927 гг. [17, д. 6098–6099]. Она обучалась в Мариинском институте благородных девиц и в 1903 г. окончила его с золотой медалью, по количеству баллов была второй – 401, опередила её только Вера Виноградова с 402 баллами. Эти результаты обнаруживаются в «Ведомости за два последних года о поведении и успехах воспитанниц..., окончивших курс учения в 1903 году» [21, л. 3–10]. Елена получила право преподавать русский язык, следовательно, и должна была продолжить учительскую династию матери и своих дяди и тетей. Журнал за 1906 г. совета института упоминает о решении назначить свою выпускницу на должность классной дамы. Вторая часть её жизни, начиная с 1912 г., связана с Казанским Головинским монастырём. После их разгона, вместе с насельницами монастыря, поселилась в деревне и занималась рукоделием – вручную стегали одеяла, чем и обеспечивали свое существование. О времени смерти сведения предположительные – 1930-е гг.

О Екатерине Надежда Николаевна не упоминает ни разу. Имеются сведения о рождении у неё сына Сергея в 1917 г. Е.А. Ростовцев указывает на любопытный факт из её жизни: «бывшая бестужевка Катерина оказалась секретарем волостного комитета в Нижегородской губернии» [19, с. 26]. Следовательно, училась в Санкт-Петербурге на родных для Надежды Николаевны Курсах. В таком случае несколько странным является отсутствие сведений в «Дневнике» о её пребывании в столице, да и устройство на Курсы было явно при непосредственном участии С.Ф. Платонова.

Публикуемые письма свидетельствуют о взаимопомощи между старшими Шамониными. Примером тому являются регулярные переводы в Нижний. Так, 3 сентября 1912 г. о своем желании на предложение участвовать в помощи своим племянникам и невестке писал Н.Н. Шамонин: «Милая Надя, само собою разумеется, я и хочу, и могу участвовать в помощи С.Н., на первых порах указываемою суммою (15 руб.), а там, освоившись с новыми штатами и покрыв расходы по переезду и устройству на новом месте, я постараюсь увеличить её» [6, с. 174]. Этот факт нашел отражение в письме от 14 сентября.

Помимо сведений о Шамониных в корреспонденции немало находим сведений о системе образования Нижнего Новгорода и повседневных заботах по гимназии и по дому рядового преподавателя. Эти сведения являются интересными и позволяют дополнить отдельными фактами положение учителей и преподавателей ряда учебных заведений, прежде всего Мариинской женской гимназии, где вела свою педагогическую деятельность С.Н. Шамонина. Наполняемость классов, некоторые штрихи процесса обучения, материальный достаток и дополнительные уроки (французский и русский язык), плата за которые составляла важное подспорье в финансовом положении семьи, и другие детали сообщает эпистолярный источник. Старшие дочери помогали матери: Елена работала в институте, Катя занималась репетиторством по французскому и немецкому языкам. Среди тех, кто пользовался услугами репетиторов, были «институтец и гимназистка». Стоимость услуги была 12 р. в месяц. После окончания 7 класса гимназии Катя поступила в 8 класс (педагогический), после окончания давалось право преподавания в народных училищах.

Денег многочисленной семье не хватало, даже с учётом помощи, поэтому С.Н. приходила к мысли о пансионерке.

В 1912 г. С.Н. выпускала гимназический класс, который вела на протяжении 5 лет. А с 1 сентября в её нагрузке появились вторые классы – 80 человек.

Владея профессионально иностранными языками, С.Н. занималась переводами специальной литературы для дополнительного заработка. Интерес представляет стоимость услуги: одна печатная страница – 1 руб. Но заказы были нерегулярные.

Бытовые условия семьи Шамониных – съёмная квартира. Она располагалась далеко от гимназии, а трамвая рядом не было. Переезд на другую произошёл летом, за наём устанавливалась плата 23 руб. При этом её расположение было удобнее: ближе до гимназии и устроенная дорога – асфальт, что было важно для сыновей.

Так как жалованья постоянно не хватало, несколько раз вставал вопрос о смене работы, но не сферы деятельности, например рассматривался вопрос о переходе на должность начальницы. Но этот вопрос был настолько сложным, что от него в это время пришлось отказаться.

Среди забот матери как маленькие дети, так и взрослые. Её беспокоит отсутствие писем от Юры, устроенного при участии С.Ф. Платонова в Морской корпус, и постоянная угроза отчисления из него ввиду проблем дисциплины и успеваемости. Письма позволяют определить степень участия старших Платоновых в его судьбе и оказании помощи.

Печалил мать и решенный вопрос об уходе старшей дочери Елены в монастырь. Только желание финансово помочь матери удерживало её от этого шага, но он состоялся.

Времени постоянно не хватало, так что и письма порой приходилось писать во время занятий.

Часто упоминаются и дети Платоновых, их зятья: Николай (младший) Шамонин (он был усыновлен Н.Н. Шамониным, был женат на дочери Платоновых Вере) и Б.К. Краевич.

Непростые отношения у С.Н. складывались с золовкой Зинаидой Николаевной, которая довольно часто упоминается в письмах.

Заключение

Таким образом, значительный по объему эпистолярный пласт позволяет изучать, во-первых, историю семьи Шамониных, прежде всего ее нижегородскую ветвь.

Во-вторых, взаимоотношения между целым поколением рода и выяснить малоизвестные факты жизни и учебы их детей.

В-третьих, извлечь важные сведения о ряде учебных заведений Нижнего Новгорода и Санкт-Петербурга в начале XX в.

В-четвёртых, проследить повседневность, в том числе материальное положение рядового преподавателя авторитетной гимназии Нижнего Новгорода.

С.Н. Шамонина предстаёт заботливой матерью, которая переживает за судьбу старших детей, оставивших родной дом, и создает необходимые условия, оберегает более младших, порой отказывая себе во многом, прежде всего в отдыхе.

Надежда Николаевна Платонова выступает как координатор сохранения теплых семейных отношений, постоянно оказывает моральную и материальную поддержку близким, заботу и помощь в деле воспитания отдельных племянников. При этом становится понятным, что многочисленная семья постепенно теряет сплоченность, дворянский статус размывается, хотя позволяет детям поступать в привилегированные учебные заведения (Институт для благородных девиц, Морской корпус, ВЖ(Б)К), и только хорошее образование позволяет еще занимать достойное положение в обществе. В дальнейшем судьба разбросала потомков Шамониных, в том числе и за рубеж.

Тексты на конвертах (л. 2, 7, 10, 12, 24, 27, 31, 40, 46, 49, 52, 55, 58, 63) (всего 14) на известный адрес в Петербурге, Малая Посадская, 26 не помещаем. Несколько текстов на конвер-

тах сохранены, чтобы показать мобильность семьи Платоновых. Они сохранили адреса их летнего отдыха.

Примечания

1. Автор допускает ошибку. Речь идёт о Софье Николаевне Шамониной. С.Ф. Платонов в семье был единственным ребёнком.

2. В 1906–1907 учебном году обучался в 3 классе Нижегородского дворянского института [18, с. 58]. Под № 34 Георгий Шамонин. Стоимость в среднем за год составляла 143 р. 61 к. [18, с. 73].

Список литературы

1. Платонова Н.Н. Дневник (1889–1921) / Рук. проекта А.Н. Цамутали. Рязань, 2020. 881 с.

2. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). В 2-х т. / Сост. и авт. вступ. ст. М.Г. Вандалковская. М.: Современник, 1990. Т.1: (1859–1907). 445 с.

3. Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2 т. / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Феория, 2011. Т. 2. Кн. 1: Переписка С.Ф. Платонова и П.Н. Милюкова, 1886–1901. 320 с.

4. «…Попрошу Вас оказать нам с Вашей стороны возможное содействие»: письма Н.Н. Шамонина С.Ф. Платонову (вступ. ст. публик., коммент. В.В. Митрофанова) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова.2016. № 1. С. 8–15.

5. «Мы отправляемся в Кострому…»: некоторые факты из жизни Н.Н. Шамонина (вступ. ст. публик., коммент. Митрофанова) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2016. № 5. С. 18–24.

6. Митрофанов В.В. «О Москве пока ни слуху, ни духу»: главная мечта Н.Н. Шамонина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 1 (65). С. 166–178.

7. Список присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников к 15 ноября 1913 г. М.: Тип. В.И. Воронова, 1914. 344 с.

8. Список присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников к 15 ноября 1916 г. М.: Тип. В.И. Воронова, 1917. 353 с.

9. Беседы С.Ф. Платонова // Педагогические курсы Нижегородского губернского земства с 4 по 25 июня 1902 года. Н. Новгород, 1903. С. 239–260.

10. Речь профессора С.Ф. Платонова на торжественном юбилейном заседании Нижегородской Городской Думы и Ученой Архивной Комиссии 25-го августа 1911 г. // Волгарь. 1911. 14 сентября; 15 сентября.

11. Лекция профессора Платонова в г. Новгороде // Новгородские епархиальные ведомости. 1909. № 16. С. 455–459.

12. Крым и археологические съезды // Маяк Коммуны. Севастополь, 1927. № 210. 11 сент. С. 3.

13. Речь Платонова // Волгарь. 1916. 9 мая. № 125. С. 2.

14. Митрофанов В.В. «Без хорошей специальной библиотеки… работать нельзя»: о сотрудничестве С.Ф. Платонова с Н.И. Драницыным по созданию библиотеки НГУАК // Клио. 2015. № 2. С. 26–49.

15. Кузнецов А.А. Новые факты биографии С.И. Архангельского // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 267–282.

16. Кузнецов А.А. Письма С.И. Архангельского С.Ф. Платонову (1923–1925) как историографический источник // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. СПб.: Любавич, 2011. С 470–476.

17. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6116–6118; Д. 6098–6099.

18 Отчет о состоянии Нижегородского Дворянского Института императора Александра Второго за 1906–1907 учебный год. 23-1 год издания. Составлен воспитателем и преподавателем института К.Н. Муфтиевым. Н. Новгород: Тип. Губернского правления, 1907. 158 с.

19. Ростовцев Е.А. Надежда Николаевна Платонова (Шамонина): очерк жизни и научной деятельности // С. 17–28. С. 25–26.

20. Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2004. 560 с.

21. РГИА. Ф. 759. Оп. 58. Д. 145. Л. 3–10.

Приложение

Письма С.Н. Шамониной Н.Н. Платоновой за 1912 г.

№ 1

Дорогая Надя!

Пишу наспех, собираясь в гимназию[1]. Поздравляю тебя, дорогая, и Сергея Фёдоровича. Всё ли у вас хорошо? Давно я от тебя не получала писем, а моё последнее было большое-пребольшое. Перевода у меня всё нет и господин этот ещё не возвращался из П[е]т[е]рб[урга].

Больше писать не могу: глаза очень разболелись, и я не вижу строчек.

Будьте все здоровы. Напоминай, дорогая, Юре писать. Крепко тебя и всех твоих целую. Твоя С. Шамонина. 13 января 1912 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 1–1 об.

№ 2

Дорогая Надя!

Много хочется написать тебе, но принуждена быть краткой: сейчас столько дела, и старого, и нового, с которым ещё надо освоиться: мне дали перевод, но только вчера и одну только главу (о маслах); затем к нам начали ходить институтец и гимназистка для занятий франц[узским] и русск[им] яз[ыком]. Собственно говоря, это урок для Кати, но пока надо мне самой направить их занятия. Так весь вечер и уходит в приготовлениях уроков со своими и чужими, а когда дети разойдутся спать, я сажусь переводить. В гимназии сейчас тоже очень много письма и суеты, п[отому] ч[то] начинаются пробные уроки у моих девиц и в то же время заканчивается треть[2].

У мальчиков моих двоек в четвертях нет; правда у Андрюши преобладают 3, но он так худ и бледен, что я счастлива, что у него все удовлетворительно; кроме того, мне видно, знания у него есть, и пополняет он же, что задано, но пишет грязновато и в классе очень рассеян и вял. У Володи одна 3 (порусс[кому]), а по остальным все 4. Плохо, что по поведению у него по 4 из-за опаздываний: так трудно их поднимать утром, да и заехали мы далеко, а на их пути нет трамвая.

Еленочка свежее, чем была в прошлом году, и не так устаёт. У Кати, бедняжки, очень болят зубы и теперь огромный флюс, котор[ый] держит её дома.

Юра совсем уже не пишет – хоть ты, дорогая, скажи, что о нём знаешь.

Относительно места начальницы: ведь, подавая прошение, я должна порвать с гимназией – нельзя же потихоньку: а если ничего из этого не выйдет, опять проситься в классн[ые] дамы? Затем я еще не избавлена от возможности карантинов. Какая же это начальница? А главное – всё ликвидировать и переезжать – чего де то будет стоить? И жаль переводить мальчиков в неизвестные условия из института[3], где им хорошо. А, впрочем, я сама все это переворачиваю, думаю, думаю, и никак не могу разобраться в том: что было бы лучше? Ведь и сейчас очень трудно, сложно. И это работай, работай, работай без передышки, часто над делом, котор[ое] не по душе, а только из-за лишней копейки, да ещё под постоянным страхом, что заработаешься. Меня это так волнует, что я боюсь, что ты меня не поймёшь. А самое мучительное – это эксплуатирование Еленочки, хотя я знаю: если сегодня она убедится, что мы устроены, она завтра уйдёт в монастырь – это и чувствуется, да и сама она не раз говорила.

Не скоро часто можно писать такие больные письма, а потому выложу уже всё, что на душе: умоляю тебя, дорогая Надюша! Забудь сама и не поминай про те несчастные 500 р. Если б ты знала, как больно, когда требуют живых и мёртвых – главное последних, которые, милые, сами за себя не ответят – и перечисляют сколько и кому они должны.

Голубочка, не напоминай больше никогда Зине[4]. Крепко тебя целую и всех твоих детей.

Сергею Фёдоровичу крепко жму руку и очень-очень благодарю за готовность помочь мне. Милые вы. Твоя С. Шамонина. 26 янв[аря] 1912 г.

Распечатала в гимназии письмо, потому что не поблагодарила тебя за присланные деньги. А ещё вот что: пиши мне лучше на гимназию (Ильинка, Мар[иинская] Ж[енская] Гим[назия]), потому что я на полдня раньше получаю здесь, а если даже пришлось бы в праздник, то сторожа немедленно мне принесут на дом. Целую тебя, дорогая. Твоя С.Ш.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 3–6.

№ 3

Дорогая Надя!

Наконец собралась написать тебе, и то в гимназии на уроке. Спасибо за присланные деньги. Я ничего не выиграла, Надюша, так что и в этом году ещё не расплачусь с тобой. Перевод одной главы я кончила (25 печ[атных] стр[аниц]) и получила за это 25 р. и обещание, что мне будет дана для перевода вся книга (294 л.), так что на лето будет, может быть, работа.

Катюша очень успешно занимается французским со своим учеником и ученицей, вчера получила первые свои деньги, и мы ходили с ней покупать её собственное пальто.

Приближается такое страшное для меня время – экзамены у Юры, Кати и Володи и переход Андрюши; он так худ и бледен, что я сильно за него тревожусь и не дождусь конца учебн[ого] года, впрочем, за всю зиму он только раз прихворнул недавно, после масленицы.

Как я рада, что Верушечка[5] поправилась. Она, конечно, поедет тоже в Крым?[6] Покрепче поцелуй её от меня.

Какая стала Соня, очень ли изменилась, вспоминала ли о нас?

Юрочка писал мне, что на Пасху он не собирается домой, потому что может получше подготовиться к экзаменам. В добрый час! Помешать ему я боюсь, почему и не претендую, но всё же просила бы тебя, дорогая, поговорить с ним и выяснить этот вопрос: живой обмен мысли, т. е. словесный может больше и скорее выяснить положение вещей, неужели письма, да ещё такие редкие как Юрочкины.

Будь здорова, моя дорогая, крепко тебя целую и всех моих любимых племянниц и Мишутика, Сергею Фёдоровичу мой сердечный привет.

Твоя С. Шамонина. 2 марта 1912 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 8–9 об.

№ 4

Дорогая Надюша!

Я получила все твои письма, которые только разминулись с моими и деньги – за всё благодарю и целую. Сейчас я немного успокоилась, но вообще чувствую себя, как на вулкане. Андрюша и Володя и в эту четверть совершенно благополучны; у Кати дела идут прекрасно и поведение всё время 12. Еленочка осталась на Пасху с нами, потому что её батюшку перевели в Голутвин монастырь[7], близ Коломны. В причинах особенно даже разбираться не буду, а просто очень рада, что она с нами.

Крепко тебя, дорогая, целую, всех моих милых племянниц, дорогого Мишутика и кланяюсь Сергею Фёдоровичу и Коле[8], а также Катерине и Маше. Всем желаю вполне <u>светлого</u> праздника!

Всем сердцем твоя С. Шамонина. 22 марта 1912 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 11–11 об.

№ 5

Сейчас с почты получила очень милый ответ от Корнилова[9], который пишет, что есть «полная надежда на оставление Юры в Корпусе, если он выдержит экзамены», но просит не очень обнадёживать Юру, «так как он очень слабохарактерен, и ему полезно быть под страхом, что он может покинуть Корпус».

Разумеется, я не буду его обнадёживать, п[отому] ч[то] вполне согласно с мнением К[орнилова], но Юра уже сам жизнерадостно пишет, надеясь, что всё кончится пустяками; впрочем, радует тем, что обещает исправить поведение.

Крепко-крепко тебя, дорогая моя, целую и за всё благодарю тебя и милого Сергея Фёдоровича (и за то, что собирается Юру пробрать). Ваша всем сердцем С.Ш.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 12–12 об.

№ 6

26 марта 1912 г. Воистину воскресе!

Дорогая Надюша, крепко тебя ещё раз обнимаю.

Я получила в ответ на своё очень милое письмо от Корнилова, который «спешит сообщить мне, что есть полная надежда, что, если Г[еоргий] будет себя хорошо вести и выдержит экзамены, то он будет оставлен в Корпусе», но просит не очень обнадёживать себя характерного Юру, находя полезным для него «быть под страхом».

Но, кажется, я тебе уже об этом писала, дорогая? Тогда извини: мне очень нездоровится, и я думаю о Юре – вот и договорилась.

Еленочка с нами, дети здоровы и очень веселы. Вчера (в 1-й день) утром совершенно неожиданно приехала к нам сестра Олимп[иады] Ник[олаевны][10], Александра Матвеевна[11] по поручению Олимп[иады] Н[иколаевны] и твоей милой Наденьки. Ал. М. приехала в Нижний петь по контракту на 2 недели. Она очень мила и симпатична, по её словам, имеет средства, и я не могу понять, что ей за охота и неволя петь в Каже-шант, попросту, трактира «Венеция», о котор[ом] когда упоминают, то с каким-то двусмысленным видом? У меня даже была мысль, что А.М. заключила контракт сама, не зная, что из себя представляет это место, но потом стало ясно, что она знает это лучше моего.

Пасха у нас преудивительная: третьего дня лил дождь, а сегодня 3° и идёт снег. Я сижу дома вторую неделю, а хозяйничали у меня, т.е. всё закупали, Еленочка и Катя. Мне всё-таки лучше: жару нет и голова не болит, только кашель замучил.

Будь здорова, дорогая моя, и всем твоим того же желаю. Крепко обнимаю тебя, кланяюсь Сергею Фёдоровичу. Ниночку, Верочку, Наташу и Марусю и Мишеньку крепко целую и желаю всем успешно кончить учебный год. Твоя С. Шамонина.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 14–15 об.

№ 7

Дорогая Надя!

Поздравляю Мишеньку и тебя с успехом. Что же Миша и теперь не поступит, а будет дома продолжать?

Андрюша вот уже две недели как болен, у него инфлюэнца с осложнением – воспаление правого лёгкого в нижней части. Теперь ему лучше, не выходит, не знаю, когда будет (он ещё в постели, обвязанный компрессом), и как совершится его переход во 2-й класс – тоже неизвестно. У Володи экзамены начнутся 27 апр[еля], у Кати 25-го.

Какое же назначение получил Коля во Владивосток?[12] Одна Нижегородская институтка вышла замуж за моряка и живёт там; пишет, что там очень хорошо и климат дивный.

У Юры, я думаю, всё обойдётся, вот как-то он себя ведёт, не знаю.

Надя, спроси Наденьку, получила ли она моё пасхальное письмо, кажется, я адрес неверно написала.

Катя получила приглашение от Зины погостить у неё на даче. Катя очень рада, а мне как-то не хочется хоть какое-нибудь «одолжение» принимать от Зины. Это крёстная и крестница, надо ли их отдалять друг от друга? Напиши, дорогая, твоё мнение: я так им дорожу.

Крепко тебя, Мишеньку и Наденьку целую, Бор[ису] Конст[антиновичу][13] кланяюсь. Думаю, что ты остановилась у Краевичей? Твоя С. Шамонина. 14 апр[еля] 1912 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.4. Д. 6117. Л. 17-18.

Москва. Малая Арбатная, д. Поля №47. Её высокородию Надежде Сергеевне Краевич, для Надежды Николаевны Платоновой[14].

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 19.

№ 8

Дорогая Надя!

Благодарю тебя! Как поживаешь? Как твоё здоровье? Что это за постоянные лихорадки бывают? Я о них не знала.

Вчера Володя кончил свои экзамены и будет переведён в 1-й класс, но они будут теперь ещё учиться до 12 мая. Андрюша поправился, но всё время стояла ужасная погода, и его нельзя было выпустить до вчерашнего дня (суб[бота]); завтра, надеюсь, он пойдёт, и, если благополучно закончит год, будет переведён без экзаменов во 2-й кл[асс]. У Кати хорошо пока сходят экзамены. Сонечка ещё в постели и обвязана компрессом, т[а]к к[а]к всё ещё очень много хрипов; в гимназию ей уже не придётся идти, но по годовым её, вероятно, переведут в средний приготовительный. Вот и у Юры остался один только экзамен; думаю, что всё у него обойдётся, но как-то боюсь и заикнутся об отпуске перед плаванием.

Я теперь поздно возвращаюсь домой, потому что у моих девиц тоже экзамены, а из гимназии я хожу на урок, последний экзамен у меня в классе 31-го мая, потом несколько советов и конец. Урок мой тоже только до половины мая, а потом надо будет искать других. Не знаю, какой класс мне теперь дадут, а только мне жаль своих девиц, с которыми мы так хорошо провели 5 лет.

Напиши, Надюша, твоё мнение относительно Зининого приглашения: с одной стороны – Кате очень было бы полезно уехать на время из Нижнего, а с другой – не хочется прямо быть обязанной Зине. Не обижайся, дорогая, что я так говорю, в сущности, я сама Зину всё-таки люблю.

Как дела у твоих девочек? Наверное, прекрасно всё идёт. Скоро, верно, и они отдыхать будут.

Пиши, милая. Крепко-крепко целую тебя и твоих детей. Сергею Фёдоровичу передай мой искренний привет. Всего вам хорошего, мои милые, дорогие.

Всем сердцем ваша С. Шамонина. 29 апреля 1912 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 20–21 об.

№ 9

2 мая 1912 г.

Милая, милая, Надя!

Как мне благодарить тебя: такой заботы, какую ты постоянно имеешь о нас, я ни от кого и ждать не могла. Когда ты только успеваешь думать о нас?

Получивши твоё письмо, мы с Еленочкой отправились на вокзал – на всякий случай – и встретили Юру. Он говорит, что о нём и совещаться не будут на уч[ебно]-воспит[ательном] Совете!

Володя перешёл в 1-й класс, теперь очень занят гимназическим праздником, который будет 6-го. Андрюша ходит в институт, но ещё не опрошен. Еленочка[15] страшно возмущена тем безобразием, какое теперь совершается в женск[ом] институте[16]. Что-то такое дикое там происходит, уж кончала бы скорее Катя[17].

Я в третий раз принимаюсь за это письмо. Сейчас была Марья Павловна Голубева – наш гимназический доктор, и нашла у Сони ухудшение в левом боку, да и температура снова повысилась, но Сонечка весёленькая, хотя может быть, это только от сознания, что сегодня день её рождения (подумай только ей уже 8 лет!). Я так счастлива, что до 8-го мая могу не ходить утром в гимназию и только 2 раза вечером – на Советы, это потому, что у моих девиц до 8-го ничего нет, но главным образом вследствие доброго отношения начальницы, которая даёт мне возможность поухаживать за моей больной.

Когда кончатся экзамены у Наташи и Марусеньки и когда вы уезжаете?

Что с Ниночкой? Юра говорит, что оставил её больной?

Будь здорова, моя дорогая, тебе, Сергею Фёдоровичу и всем твоим желаю всего самого лучшего.

В четвёртый раз сажусь тебе писать. У Кати З[акон] Бож[ий] – 12, русс[ое] сочинение – 10, французское – 9 (уст[ого] ещё не было), а физика – 5. Не знаю, дают ли переэкзаменовку выпускным. Завтра пойду в институт поговорить с начальницей[18] и инспектором, думаю, что хуже не сделаю. Не то, так другое или тот, так другой. Твоя С. Шамонина.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 22–23 об.

№ 10

Дорогая Надя!

Не обиделась ли ты на моё последнее письмо. Больше всего на свете боюсь я тебя чем-нибудь обидеть. Но я надеюсь, что ты в конце концов поймёшь меня: уж если я решаюсь отказаться от дачи, безусловно, благотворной для детей, то значит, на это есть серьёзные причины. Не сердись, дорогая, мне это больно. Андрюша, Володя и Соня перешли безо всяких переэкзаменовок. О Кате пока подожду писать: у неё ещё два экзамена.

У Наташи и Маруси[19], наверное, дела идут прекрасно?

Еленочкины занятия в институте кончаются 25-го, у моих – последний экзамен 30-го, частные уроки кончились вообще, зимние дела ликвидируются, и мы скоро перейдём на летнее положение, которое для меня совсем ещё не выяснились. Я думаю, что снаряжу Катю к Зине, насколько ей там поживётся, Юрочка мне пишет в виде дневника. Из Корпуса я ещё ничего не получала (экзам[ены], годов[ые] баллы и пр.)

Пиши, моя дорогая, какой Верочкин маршрут будет? Не едут ли твои девочки в какую-нибудь экскурсию с Сергеем Фёдоровичем?[20] Был ли у Вас Юра 13–14-го? Он собирался.

Крепко целую тебя, Надюша, Ниночку, Верочку, Наташу, Марусю, Мишу и кланяюсь Сергею Фёдоровичу и Коле.

Всем сердцем твоя С. Шамонина. 16 мая 1912 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 25–26.

№ 11

23 мая 1912 г.

Дорогая Надюша!

Как досадно, что Юра затерял моё письмо: во-первых, трудно во второй раз говорить о том, что так тяжело сказалось в первый раз, а во-вторых, - очень неприятно думать, что письмо это где-нибудь валяется или попало в чужие руки. Пробери и ты Юрку хорошенько.

Из моего второго письма, которое я писала, думая, что ты не пишешь потому, что опять на меня обиделась, ты верно догадалась, что я просила тебя не присылать денег на дачу; но не потому, чтобы я с ужасом о ней вспомнила, напротив, вспоминаю с глубокой благодарностью и только даче приписываю то, что дети так сравнительно легко отделались от своих болезней. Я всё лето радовалась на детей, которым было так хорошо. Но я не могла найти ни одного урока, в городе же они у меня всегда бывают.

Надюша, не хочется больше расписывать. Я тебя так люблю, так тебя благодарю за всё и удивляюсь тебе: ты находишь время и желание так много о нас заботиться, дорогая.

Сейчас моё самое горячее желание, чтобы Еленочка поехала к тебе, я так за неё боюсь, как ни за кого.

Завтра у Кати последний экзамен и если он сойдёт благополучно, то может быть, уладится и физика: так мне говорила баронесса. Маленькие все трое перешли и до 11 июня будут беспечно бегать. У моих девиц ещё два экзамена, и все дни, даваемых на подготовку, я дома и занята сбором Кати, которая после экзаменов поедет погостить на Выксунские заводы[21] к подруге, которая звала её уже несколько лет подряд. Там она пробудет, я думаю, не больше двух недель, а затем, если Зина не передумала, поедет к ней. Поздравляю Наташу с окончанием курса, наверное, у неё всё прекрасно. Кланяюсь Сергею Фёдоровичу и крепко целую тебя и всех твоих детей. Твоя С. Шамонина.

Должна была сняться для своих девиц, посылаю карточки тебе и Верочке, кому какая понравится.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 28–29 об.

№ 12

Дорогая Надя!

Письма наши всё расходятся. Спасибо за присланные деньги, но, по всей вероятности, на дачу мы не попадём, а будем отправляться в разные стороны за город. Впрочем, когда освобожусь от гимназии (числа 3-го), попытаюсь поискать дачу.

Катя кончила, 25-го был выпуск; по физике ей написали «посредственно». Вчера я её проводила на пароход: прогостит она недели две у своей подруги Бородачёвой на Выксунских заводах.

Юрочка мечтал повидать вас ещё в Петербурге, куда они должны были доставить своего адмирала[22], не знаю, удалось ли это ему.

Целую тебя и детей. Всего хорошего, дорогая!

Твоя С. Шамонина. 28 мая 1912 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 30–30 об.

№ 13

Дорогая Надя!

Вот оно и свершилось: Еленочка уехала от нас совсем 2-го, сначала в Голутвин, а потом на приготовленное ей место в Головин монастырь[23].

Верь я твёрдо, что она там найдёт всё то, что ей нужно, я бы, пожалуй, только радовалась, но я боюсь, что её и там постигнет разочарование, а из той кабалы, в какую она идёт, не так-то легко вырваться. С другой стороны, не сделай она этого, то всю жизнь, казалось бы, что она лишена как раз того, что ей даст место в жизни. Всё же я сейчас этого ещё не ждала. Еленочка, вероятно, всё про себя написала. Я от неё ещё не получила ни строчки, и меня пугает мысль: ну а как она только утешала меня, говоря, что будет писать, а на самом деле ей ни писать, ни получать писем не позволят, и я ничего о ней долго не узнаю.

Катенька изнывает от желания поступить в какую-нибудь школу в качестве классн[ой] дамы или учительницы, чувствую, что это необходимо как будто для неё же самой, и в то же время так жаль её, совсем девочку, которой надо бы ещё самой многому поучиться, впрягать в эту тяжёлую работу.

Мы устроились на новой квартире (23 р.), к гимназии она много ближе, и дорога хорошая, так что Сонечке хорошо, мальчикам же далеко, хотя много значит, что ходить надо по асфальту, а не по страшной грязи.

Надя, дорогая! Я не знаю, как буду жить и готова просить Вас обоих устроить мне место начальницы, но только такое, чтобы мальчики, живя у меня, могли учиться в гимназии. Откровенно говоря, мне страшно браться за такое дело: боюсь оказаться несостоятельной: страшно и мальчиков отрывать от налаженного дела и вводить в новую обстановку, но боюсь оставаться и при настоящем объяснении вещей. Конечно, сейчас уже поздно: все должны быть на своих местах, но была бы лишь надежда на облегчение. Всего хорошего тебе, дорогая, Сергею Фёдоровичу и детям. Юрочка приехал гардемарином. Твоя С. Шамонина.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 32–33 об.

Ялта. Её Превосходительству Надежде Николаевне Платоновой. Воронцовская ул. Балаклавский тупик, дом Чечулиных. Штемпель 12. 8. 12[24].

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 34.

№ 14

Дорогая Надя!

Захватит ли тебя ещё в Ялте моё письмо?

Катя надумала поступать в 8 класс, третий день ходит в мою гимназию, всё ей очень нравится, и ей кажется, что она со всем справится, специальностью она выбрала русский яз[ык]. Начальница[25] освобождает её от платы за ученье, говоря, что я имею на это право. Правда, очень много придётся приобретать книг, но на это пойдут (вообще на Катю) те 12 р., которые она будет получать за репетирование гимназистки 4-го кл[асса] по немецкому. Пока я занимаюсь с этой девочкой, так как кончила со своими: ученик выдержал переэкзаменовки, а ученица уехала их держать в Петер[бург]. Сейчас у меня кроме жалования и этих 12 р. ничего нет. Взяла бы я даже пансионерку, как ни боюсь карантинов из-за чужих, но пока ни этого, ни урока ещё не предвидится.

Голубушка! Помоги придумать что-нибудь. Пишу тебе во время урока в моём классе У меня два вторых класса (70 челов.); девочки славные и мне с ними приятно! Что будет дальше!.. Крепко тебя целую и детей. Расцелуй за меня Наденьку, кланяйся Борису Константиновичу. Что я хотела бы иметь их карточки. Будь здорова, дорогая.

Твоя С. Шамонина. 23 августа 1912 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 35—36.

Колпна, Орловской губ. имение Ярище. Её высокородию Надежде Сергеевне Краевич. Для Н.Н. Платоновой[26].

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л.

№ 15

Дорогая Надя!

Думаю, что ты уже в Петербурге. Спасибо, дорогая, за присланные деньги, только меня многое смущает. Я получила сначала 40 и так поняла, что 15 р. ты посылаешь Юрочке на возвращение в Корпус, и была тронута таким вниманием. Но вот, 3-го сентября мне принесли в гимназию перевод на 15 р, на котором (т. е. на купоне) написан лишь Зинин адрес и больше ни строчки. Что это такое? Исполнение ли твоего поручения, данного проездом, или что-н[и]б[удь] другое? Выясни, пожалуйста.

Как ты нашла Наденьку, наверное, всё хорошо у неё? Что делает Борис Констант[инович]? Здоровы ли вы все?

Ты ведь получила мои письма, Надюша, и знаешь, что Катя в 8 классе моей гимназии. Ей пока всё очень нравится, кроме учительницы по методике русск[ого] яз[ыка], а это самый страшный предмет у нас, успехи по которому влияют на всё остальное. Что-то будет?

Юра собирается ехать 8-го, чтобы заехать к Еленочке между утрен[ним] и вечерн[им] поездами: они списались об этом. 10-го он должен явиться. Юрин товарищ, юнкер Павловск[ого] уч[илища], Шура Козелло,и другой нижегородец - артиллер[ист] Саша Марковников уже уехали, и Юра скучает, п[отому] ч[то] полдня никого дома нет. Он собирается остепениться и озабочен уже тем, по какому разряду выйдет в добрый час.

Младшие учатся, бодры, здоровы.

Еленочка не нарадуется, что попала в свою сферу. Последний раз она писала, что занята в аптеке, теперь уже, вероятно, начались занятия в школе, но ей, должно быть, ещё некогда написать.

Крепко тебя, дорогая, целую Ниночку, Наташу, Марусю и Мишу. Сергею Фёдоровичу кланяюсь и благодарю за сообщение о Яшновой. Всего самого лучшего! Твоя С. Шамонина.

У меня 2-е классы (80 чел.) очень милые, так что с непривычки устаю. Урок для девочки (но я очень

много им занята) у меня только один за 12 р., но родители нашли, что дочь и так поправилась, что можно больше не заниматься с ней, значит 14-го конец. Вот все уроки так!

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 38–39 об.

№ 16

14 сентября 1912 г.

Дорогая моя Надя!

Поздравляю тебя с именинами и всех вас с дорогими именинницами. Не с тобой ли будет 17-го Наденька? Тогда поцелуй её покрепче. Жаль, я не знаю Верочкиного адреса.

Надюша, вижу твою заботу, чувствую, что ты всколыхнула проездом через Москву Серёжу[27] и Зину: оба они решили высылать мне ежемесячно – один 25, другая 15 р. для детей. Надо ли тебе говорить, как мне всё это тяжело, как страдает самолюбие – и нет сил отказаться от этого. Не презирай меня, дорогая!

Как хорошо, что 17-е – день учебный, и я проведу большую его часть в гимназии.

Про Еленочку ты уже, верно, слышала от Юры – очевидца.

Надюша, ведь ни ты, ни Сергей Фёдорович ничего не имеете против того, чтобы Юра снова ходил к Вам в отпуск? Он не плохой мальчик, только грубоват. А ведь в сущности, эти три чада очень быстро пролетели, несмотря на все шероховатости: кажется, так недавно я собиралась с Юрочкой в Петербург.

Катя занимается в 8-м классе, но я не вижу той живой, горячей, упорной работы, какая постоянно чувствовалась у моих прошлогодних восьмиклассок; может быть, это ещё впереди – буду надеяться. Катя унывает, что у неё нет уроков (у меня тоже сейчас нет). Обыкновенно они бывают после 1-й четверти.

Дети здоровы и не унывают; все очень любят Юрочку.

Пиши, дорогая, о себе, детях (для нас они все детьми будут). Кланяйся Сергею Фёдоровичу, целуем Наташу, Марусю и Мишеньку. Всем вам желаю всего радостного, светлого – всего лучшего! Твоя С. Шамонина.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 41–42 об.

№ 17

4 окт[ября].

Дорогая моя Наденька, спасибо!

Что у вас делается и как вы все себя чувствуете? Что пишет Верочка?

Сейчас получила письмо от Еленочки: она очень довольна, ей поручена аптека и лечение – это, собственно говоря, меня удивляет, т[ак] к[ак] всё-таки у Еленочки в этой области знания только домашние; мне пришла, может быть дикая мысль: не обернется ли Еленочкино послушание так, что её пошлют изучать медицину? Поживем – увидим. Дети все здоровы, я уже похварала целых три недели, хотя не пропускала учебных дней в гимназии, по праздникам же лежала и обошлась без доктора.

Кате очень нравится в гимназии, занимается она теперь усердно, получила вчера 5 по психологии – больше нет отметок; в свободные часы она начала давать урок французского яз. Девочка 2-го класса за 5 р. в месяц. Андрюша недурно учится, а главное очень добросовестно относится к делу; к сожалению, не могу того же сказать про Володю.

Ты мне давно ничего не писала про Наденьку (по твоём возвращении от неё я не получала от тебя письма): где они будут жить и что Борис Конст[антинович] думает делать?

Завтра я должна вести свои классы в кинематограф смотреть Отеч[ественную] войну и Моск[овские] торжества, прихвачу и Сонечку. Квартира у нас очень теплая и довольно удобная.

Пиши, Надюша, дорогая, когда выберешь время. Юрочка очень редко мне пишет – говорит, что очень занят. Я его не дёргаю – только бы уж занимался так как он может.

Целую тебя, милая и детей. Сергею Фёдоровичу кланяюсь.

Твоя С. Шамонина.

Напиши, пожалуйста, Сонин адрес: Катюше очень захотелось ей написать.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 44–45 об.

№ 18

30 октября 1912 г.

Дорогая Надя!

Конечно, я не получила твоего письма после лета, т[а]к только теперь от тебя узнала про Наденьку. Дай Бог, чтобы всё было хорошо, и я очень этому рада.

Напиши, если знаешь что-нибудь новое про Сережу, из Москвы ничего не пишут.

Спасибо, дорогая, за присланные деньги.

Я сейчас в большом беспокойстве: Володя, прыгая через козла на уроке гимнастики, стукнулся коленкой так, что она сильно распухла, теперь он лежит в постели, я ему делаю два раза в день массаж с прописанной мазью.

У Кати дела идут прекрасно – не знаю, что будет дальше, т[а]к к[а]к у них в эту четверть будет другой учитель, по её специальности – русск[ой] словесности.

Еленочка редко мне пишет, но ей очень нравится её деятельность и, по её словам, наконец исполнилась мечта всей жизни «с самого детства». Занята она целый день. Пишет ли она тебе, Надя?

Какое счастье, что Юрочкины дела наладились! И я очень много приписываю Вашему общему влиянию на весь его склад. Я вас так всех люблю и крепко мысленно обнимаю. Придётся ли когда-нибудь сделать это на самом деле.

Будьте здоровы, счастливы, мои дорогие, хорошие, Надя, Сергей Фёдорович, Ниночка, Наташа, Маруся и Мишенька. Пишите. С. Шамонина.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 47–48.

№ 19

Дорогая Надя!

Не подумали ли вы, что я сошла с ума? Пожалуй, немного вы были бы правы.

Дело в том, что Сережа написал мне много хорошего про Юрочку, от которого я только что перед тем узнала, что он зачислен в 1 разряд; у меня тотчас же связалась мысль о нём с мыслью о вас всех, о вашем добром влиянии на него, о Ниночке и 14 чис-

ле, только месяцем ошиблась. Прошу извинить мою рассеянность.

Катя исправилась, опять ходит в гимназию и догнала всё пропущенное. У неё в трети ни одной 3.

А вот Андрюшка лежит, и первый день сегодня температура близка к нормальной, кашляет он отчаянно, но доктор сказал, что теперь можно не опасаться за его лёгкие. У Володи опухоль всё ещё есть, и колено массируется и бинтуется. Ведь я тебе писала, что он ушибся на гимнастике в институте.

Как вы все поживаете, как здоровье? Как себя чувствует Наденька? Пишет ли тебе Еленочка? Если б ты знала, Надюша, как меня тянет в Москву, но это немыслимо.

Надечка, Серёжа ничего не пишет о своём здоровье, советовался ли он в Петербурге, и что у него нашли? Пиши, дорогая, обо всём.

Крепко целую тебя, Ниночку, Наташу, Марусю, Мишеньку. Сергею Фёдоровичу кланяюсь. Твоя С. Шамонина. 18 ноября 1912 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 50–51.

№ 20

Дорогая Надя!

Я встала, только выходить мне доктор не позволил до конца недели. У меня была сильная инфлюэнца и отозвался бывший раньше плеврит. Дети тоже сидят все дома и сильно кашляют; кроме того, на Володю какая-то сыпь, не похожая ни на какую известную инфекционную, и доктор ни гимназический, ни приглашённый по просьбе первого, не могут понять, что это такое, а мальчик пестрый до самых глаз.

Катюша за всеми нами ухаживала, а теперь сама слегла: сильный жар и горло болит. Вообще совсем как-то всё разладилось, а я как-то вся ослабела.

Как приятно знать, что у тебя всё хорошо, моя дорогая. Я нашла несколько старых писем твоих, Над[ежды] Дм[итриевны][28] и др. и несколько раз прочла, что ты собиралась как-н[и]б[удь] заехать в Н[ижний] Новг[ород] повидать нас. Надюша, когда всё наладится у Наденьки, когда-ниб[удь] сделай. А то побывай, так хочется тебя видеть, к тебе прислониться.

Крепко тебя обнимаю и всех твоих дорогих и мне.

Твоя С. Шамонина. 8 дек[абря] 1912 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 53–54 об.

№ 21

16 дек[абря] 1912 г.

Дорогая Надя!

Болезни нас не оставляют: походил три дня в институт, а сегодня у него опять головная боль и 38, 8; Соня очень кашляет и сидит дома, а про Володю, который вот уже 2 ½ недели в постели, сейчас выразили подозрение – не перенёс ли он тиф.

Надюша, поговори с Юрочкой: не веселей ли ему будет остаться в Петербурге? Про меня уж тут нечего думать. Вот только что: если он останется в Корпусе, то как бы со скуки опять чего-нибудь не надурил, а тебя на все праздники стеснить тоже не хочется.

От Еленочки, наконец, получила вчера письмо: ей некогда писать.

Ещё неделю похожу в гимназию (у нас в субботу всё кончится), а там уж неотступно буду с моими бедненькими больными и выздоравливающими.

Нижегородские историки очень заинтересованы предстоящим юбилеем[29] Сергея Фёдоровича и г-н Парийский[30], которого я знаю, но не знакома, почему-то прислал спросить у меня: какого числа и месяца этот юбилей будет. Надюша, ответь мне, пожалуйста, поскорее.

Крепко-крепко тебя, моя дорогая, целую. Пиши мне: у вас так всё хорошо, отрадно, что я душой отдыхаю, читая и думая о вас.

Крепко целуй за меня Сергея Фёдоровича и твоих детей, а заодно уж и моего милого Юрочку.

Надечка, юбилей С[ергея] Ф[ёдоровича] не совпадает ли с Верочкиным 25-летием?

Всего-всего светлого, радостного тебе, С[ергею] Фёд[оровичу] и всем твоим. Всем сердцем ваша С. Шамонина.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 56–57 об.

№ 22

СПб. Малая Посадская, 26. Платоновым. 22.12 1912

Опасности нет. Ждём Юру. Деньги возвращу. Телеграфируйте. Шамонина[31].

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.4. Д. 6117. Л. 59.

№ 23

Дорогая Надя!

Поздравляю тебя, Сергея Фёдоровича и детей с наступающим праздником. Будьте все здоровы и счастливы!

Не негодуйте на меня за то, что я так путаю с Юрочкой: сначала, когда подозревали у Володи тиф, а потом явилась мысль о коклюше у всех, мне стало страшно вводить сюда Юрочку, когда уже все страхи миновали, всё оказалось ложными подозрениями, мне так сделалось грустно встретить и провести праздники и без Юры, что я и дала телеграмму, чтобы из-за меня он не пропустил ещё лишнего дня. Извини, что я так тобой располагаю, но я подумала, что тебя не затруднит дать Юрочке на дорогу (всё для скорости), а я тебе постараюсь поскорее выслать эти деньги.

Впрочем, повторяю, если Юра предпочтёт остаться в Петерб[урге] (ему виднее, насколько это удобно относительно вас), я буду очень рада, что ему весело после усиленных занятий и работы над собой; в Нижнем же, правда, и скучно.

У детей столько прикопилось уроков (особенно по языкам, надо усиленно догонять), что мы со 2-го дня начнём ежедневно заниматься; сейчас я даю им оправиться, так как только 3 дня спала темпер[атура], и только вчера я спустила их с постели, когда освободилась от гимназии. Дай Бог вам всего хорошего, особенно я думаю о Наденьке. Хорошенько поцелуй её за меня, когда увидишь. Твоя С. Шамонина. 23 дек[абря] 1912 г.

Поздравляю тебя, дорогая моя, с днём твоего рождения! Жаль, что немного опоздала с письмом.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 60–62 об.

Примечания к приложению

1. Мариинская женская гимназия в Нижнем Новгороде. Ведет историю с 1870 г., когда Мариинское женское училище 1-го разряда было преобразовано в гимназию. Подробнее., Снежневский В.И. Нижегородский Мариинский институт благородных девиц 1852–1902. Н. Новгород: Типография У.А. Скирмунт, 1902. 189 с.

2. Здесь и далее подчёркнуто автором.

3. Речь идёт о Нижегородском дворянском институте – среднем учебном заведении.

4. Шамонина Зинаида Николаевна (1864–1940/1944) – преподаватель, владелица частной мужской гимназии в Москве, после 1917 г. перебралась в Петроград и работала в музее Н.П. Лихачева.

5. Дочь Платоновых Вера Сергеевна (1888–1944).

6. В 1912 г. семья Платоновых отдыхала в Крыму. Адрес см., в приложении текст на конверте на л. 34. В письме В.Г. Дружинину 7 июня 1912 г. из Ялты С.Ф. писал: «Наш точный адрес: Ялта, Балаклавский тупик, д. № 8, Чечулиной» (Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2-х т. / Сост. В.Г. Бухерт. М.: Наука, 2003. Т. 1. 166).

7. Богоявленский Старо-Голутвин монастырь — мужской монастырь Русской православной церкви на окраине Коломны. Расположен недалеко от места впадения реки Москвы в Оку. Основан в конце XIV века. Действующий.

8. Речь идёт о муже Веры Шамонине Николае Николаевиче (1888–1932). Усыновлен Шамониным Николаем Николаевичем – братом Надежды Николаевны Платоновой.

9. Воспитатель Корпуса.

10. Шамонина (Фёдорова) Олимпиада Николаевна – жена Сергея Николаевича Шамонина с 1901 г.

11. Сведений обнаружить не удалось.

12. В письме В.Г. Дружинину 7 июня 1912 г. из Ялты С.Ф. писал: «Получили от Верочки известие, что они прибыли хорошо во Владивосток. Итак, это дело совершилось! Нас разделяет 8000 верст» (Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. С. 166).

13. Краевич Борис Константинович (1866–1947), окончил физико-математический факультет Московского университета, в 1920 г. эмигрировал из России. Муж дочери Платоновых Надежды Сергеевны (1890–1965).

14. Текст на конверте.

15. Личное дело Е. Шамониной. (РГИА. Оп. 461 за 1875–1918 гг. За 1905 г.)

«Ведомость за два последних года о поведении и успехах воспитанниц..., окончивших курс учения в 1903 году»: 1. Виноградова Вера, 402 балла, шифр. 2. Шамонина Елена, 401 балл, золотая медаль. (РГИА. Ф. 759. Оп. 58. Д. 145. Л. 3–10.

К 1913 г. Е.В. Шамонина стала послушницей в Казанском Головинском монастыре, скончалась монахиней Евфимией. Была одной из ближайших последовательниц прп. Варсонофия Оптинского, написала о нем воспоминания (тогда же в 1913 г.). Есть сведения о дружбе Е.В. Шамониной с Валентиной Ивановной Шмелинг (родилась в 1895 г., закончила институт в 1912 г.). Об этом свидетельствует их переписка. В.И. Шмелинг называла Е.В. Шамонину своей учительницей «не только по русскому языку, но и в духовной жизни». В.И. Шмелинг закончила институт одновременно с сестрой Е.В. Шамониной – Екатериной.

По сведениям священника Николая Солодова, который собирает материалы о монахинях Казанского монастыря, Е.В. Шамонина скончалась в 30-е гг., В.И. Шмелинг дожила до 60-х годов или дольше. forum.vgd.ru.

16. Нижегородский Мариинский институт благородных девиц основан в 1852 г., первое женское учебное заведение Нижнего Новгорода, находился в системе Ведомства учреждений императрицы Марии, в 1918 г. ликвидирован. Подробнее см.: Сорокин В.К. К 150-летию открытия Нижегородского Мариинского института // Труды НГТУ. Нижний Новгород, 2003. Т. 38. С. 5–8; Урлина Е.И. Нижегородский Мариинский институт благородных девиц // Город славы и верности России. Нижний Новгород, 1996. С. 67–70; Нижегородская школа XVIII – начала XX века: очерки истории образования. Н. Новгород, 2003. С. 92–98.

17. «Ведомость за два последних года о поведении и успехах воспитанниц..., окончивших курс учения в 1912 году»: Шамонина Екатерина, 304 балла (РГИА. Ф. 759. Оп. 59. Д. 482. Л. 4–8). Всего в ведомости учтены 20 выпускниц.

18. Речь идёт о Вере Александровне Лепель (? – после 1915) (баронесса) (Справочная книжка и Адрес-календарь Нижегородской губернии на 1914 год. Нижний Новгород, 1914. С. 119). Об её авторитете свидетельствует членство в Витебской археографической комиссии (НИАБ. Ф. 2771. Д. 148. Л. 121–138). Известны её публикации (Елисавета Петровна Глебова-Стрешнёва. Рассказы ея внучки, записанные баронессою В.А. Лепель // Русский архив. 1895. № 1. С. 91–104).

19. Обе дочери Платоновых.

20. Из письма от 28 июля 1912 г. В.Г. Дружинину из Ялты: «В июле пришлось мне поездить. 14-го мы все уехали из Ялты в Севастополь и провели там несколько интересных дней. Были на линии обороны, в Херсонесе, в Георг[иевском] монастыре, Балаклаве, Бахчисарае, Чуфут-кале etc., etc.* Дети были полны впечатлениями» (Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. 167).

21. Выксунский металлургический завод – один из старейших центров российской металлургии, основан в 1757 г.

22. Русин Александр Иванович (1861–1956) – русский военно-морской деятель, адмирал (1916). В 1909–1913 – директор Морского корпуса.

23. Казанский Головинский монастырь (Казанской иконы Божией Матери Головинский монастырь) – разрушенный большевиками женский монастырь в честь Казанской иконы Божией Матери.

24. Текст на конверте.

25. Начальницей Мариинской женской гимназии была Елена Алексеевна Остафьева (Нижегородский иллюстрированный календарь на 1911 год. Н. Новгород, 1911. С. 10; Справочная книжка и Адрес-календарь Нижегородской губернии на 1914 год. Н. Новгород, 1914. Ч. 1. С. 107).

26. Текст на конверте.

27. Шамонин Сергей Николаевич (1868–1916) – брат Н.Н. Платоновой. (Присяжный поверенный Сергей Николаевич Шамонин… // Русское слово. 1916. 26 ноября. № 273. С. 1).

28. Шамонина (Башкирцева) Надежда Дмитриевна (1830–1908) – мать Н.Н. Платоновой.

29. 25-летие научной работы.

30. Парийский Сергей Михайлович (1870–1930) – нижегородский историк-краевед, преподаватель палеографии и исторической географии Нижегородского отделения Московского археологического института, с 1922 г. работал в Нижегородском педагогическом институте, где в 1928 г. стал доцентом кафедры краеведения.

31. Текст телеграммы.

EVERYDAY TEACHER OF THE NIZHNY NOVGOROD GYMNASIUM IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (FROM THE LETTERS OF S.N. SHAMONINA TO N.N. PLATONOVA)

V.V. Mitrofanov

University under the Interparliamentary Assembly of EURASEC, Saint-Petersburg

On the basis of epistolary materials, individual facts from the life of representatives of the Shamonin family are considered, many of them connected their lives with the education system. The family of Vladimir Nikolaevich, N.N. Platonova, even before 1895 she moved to Nizhny Novgorod. His wife S.N. Shamonina stayed with 6 children of different ages. Drawing on her letters for 1912, addressed to St. Petersburg, a memorable picture of everyday worries is drawn. Having a pedagogical education and knowledge of a number of foreign languages at the level of a professional translator, she worked for many years as a teacher at the Mariinsky Women's Gymnasium in Nizhny Novgorod. A lot of interesting information about the educational process, class occupancy, financial difficulties, living conditions, the need to look for additional income - we find tutoring in published letters. Important facts from the personal life of the family, the relationship between the older Shamonins and their children, the problems that arose in their environment. Nadezhda Nikolaevna acted as a coordinator of assistance and communication between relatives.

Keywords: S.N. Shamonina, N.N. Platonova, Mariinsky Women's Gymnasium, everyday life of a teacher, children, correspondence, archival material.

УДК 81:372.881
DOI 10.52452/18115942_2023_1_260

ЗНАЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ, ТЕРМИНОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА У СТУДЕНТОВ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

© 2023 г.

Н.Л. Орлова

Орлова Надежда Львовна, преподаватель кафедры английского языка
для естественно-научных специальностей
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
lnadin56@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.12.2021
Статья принята к публикации 29.11.2022

Цель статьи заключается в создании дидактической проекции профессионально ориентированной лексики в обучении английскому языку у студентов естественно-научных направлений. Рассматриваются проблемы развития терминологической грамотности и способы преодоления трудностей при определении смыслового содержания профессионально ориентированной лексики. Исследуются способы формирования осознанного и произвольного употребления терминов в академической речи студентов. Установлены структурно-грамматические особенности профессионально ориентированной лексики. Определены методологические подходы к формированию у студентов компетенций, направленных на накопление терминологического потенциала. Обоснована необходимость построения модели формирования иноязычной компетенции. Доказано значение интериоризации понятия и его переход в идеальный план осознанности того или иного явления. Анализируются механизмы осмысления терминологического образа в сознании студентов. Предложена система упражнений, направленных на интеллектуализацию смыслового содержания терминов и расширение профессиональной компетентности.

Ключевые слова: терминология, профессионально ориентированная лексика, термины, лексико-семантическое поле, лексические гнезда, интериоризация, интеллектуализация, интеграция в контекст, терминологическая грамотность.

Введение

Языковой барьер всегда служил препятствием развитию общекультурных, деловых и научных коммуникаций, поэтому не вызывает сомнения необходимость повышения уровня владения иностранным языком специалистами разнообразных профессий. Межнациональные контакты между специалистами разного профиля в сфере производства, культуры, науки, а также в общественной и межличностной коммуникации постоянно расширяются. Кроме этого, активизируются научные связи внутри отдельных областей знания. Растет поток информации, усвоение которой необходимо для расширения профессиональной компетентности. Развитие и совершенствование профессиональных коммуникативных умений является неотъемлемой частью подготовки высококвалифицированных специалистов разных областей науки. Современные стандарты обучения иностранным языкам предполагают развитие как общеязыковых умений, так и узкопрофессиональных компетенций, обеспечивающих полноценное общение на иностранном языке. Усвоение профессиональной терминологии обеспечивает студенту не только профессиональные преимущества, но и благоприятно сказывается на развитии общенаучной концептуальной базы. Актуальность проблемы изучения терминологии непосредственно связана с возросшей потребностью современного общества в появлении профессионалов высокого уровня, способных воспринимать новые технологии, знание которых предполагает в свою очередь владение английским языком. Данная компетенция означает соответствующую адаптацию к переменам в социальной, информационной и технологической сферах. Профессиональное общение подразумевает не только свободное владение иностранным языком в пределах возможных социальных контактов, но и свободное владение англоязычной профессиональной терминологией, интегрированной в уже действующую систему научного знания.

Цели исследования

1. Определение содержания и особенностей терминологического корпуса иноязычной лексики, опосредованного профессиональным опытом студентов. При этом актуально решение

проблем отбора терминологического корпуса, поскольку студентам неязыковых направленностей предстоит усвоить его за сравнительно короткий период пребывания в вузе.

2. Определение способов формирования осознанного и произвольного употребления терминов в академической речи студентов.

3. Классификация видов и приемов учебной деятельности, направленных на совершенствование использования профессиональной терминологии в академической среде.

Таким образом, настоящая работа имеет двоякую направленность. Во-первых, рассматриваются особенности терминологического содержания предмета, определяющего организацию подготовки студентов по данной дисциплине. Во-вторых, устанавливаются виды, формы, приемы общения, направленные на развитие терминологической грамотности как важной составляющей профессиональной и языковой компетентности. Для этого необходимо:

– установить содержание понятия профессионально ориентированной иноязычной компетенции студентов бакалавриата в соответствии с профилем и направлением образования;

– построить модель успешного формирования профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции;

– апробировать экспериментальным путем методики формирования профессионально ориентированной иноязычной компетенции студентов бакалавриата;

– разработать показатели для оценки степени сформированности данной компетентности в процессе работы над терминологией при обучении иностранному языку.

Структурно-грамматические признаки и особенности терминов и профессионально ориентированной лексики

Возникновение профессионально ориентированной лексики – это продукт исторического, социального и культурного развития общества. Следует отметить, что часто общеупотребительные слова могут претерпевать исторические трансформации и становиться терминами. Например, происхождение термина calculation связано с латинским calculus (небольшой камень). Древние греки производили расчеты с помощью камней, передвигая их слева направо, а древние египтяне – справа налево. По мнению Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, «термин – слово, которому соответствует определенное понятие или изолированное, или входящее в состав суждения или умозаключения. Научные термины – слова, имеющие специальное строго определенное в данной научной области значение. Совокупность прочно установленных в данной науке терминов образует терминологию данной науки» [1, с. 957–958].

Большой энциклопедический словарь «Языкознание» определяет термин как «однозначное слово, фиксирующее определенное понятие науки, техники, искусства и т.п. Термин является элементом языка науки, введение которого обусловлено необходимостью точного и однозначного обозначения данных науки, особенно тех, для которых в обыденном языке нет соответствующих названий. В отличие от слов обыденного языка, термины лишены эмоциональной окраски» [2, с. 456].

По мнению И.Р. Гальперина, термины – это слова, которые обозначают вновь появляющиеся понятия, связанные с развитием науки, техники и искусства. Термины в основном лишены эмоционального значения, хотя и могут в отдельных случаях приобретать в тексте определенную эмоциональную окраску. По своей природе они оказывают большее сопротивление процессу обрастания дополнительными значениями [3, с. 58].

С точки зрения семантических особенностей термина Г.О. Винокур выделяет:

1) специализированность его значения, точность его семасиологических границ;

2) его интеллектуальную чистоту, т.е. отрешенность от эмоциональных переживаний [4, с. 3].

Р.А. Будагов дает следующую характеристику термина: «термин – это слово со строго определенным значением. Как правило, у термина бывает одно значение. Точнее говоря, термин стремится к однозначности (моносемии)» [5, с. 29]. Но современная эпоха научного развития устанавливает многочисленные междисциплинарные связи, что приводит к появлению новых дополнительных оттенков значений терминов. В результате привычные представления о неизменности значений терминологической единицы уступают место признанию возможной многозначности. Например, pinch а) рычаг, б) выклинивание (геол.); derivative а) производный, б) эволюционный. Тенденция к расширению лексического поля терминов (приобретение термином новых значений) усиливает терминологизацию словосочетаний. Это означает, что терминологические единицы имеют ограниченную сочетаемость с рекурсивными словами, характерными для академического общения.

Большой энциклопедический словарь «Языкознание» 1998 г. дает следующее определение термина: «Термин – слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области

знания или деятельности. Термин входит в общую лексическую систему языка, но лишь через посредство конкретной терминологической системы (терминологии). К особенностям термина относятся: 1. Системность; 2. Наличие дефиниции (для большинства терминов); 3. Тенденция к моносемичности в пределах своего терминологического поля, то есть терминологии данной науки; 4. Отсутствие экспрессии; 5. Стилистическая нейтральность» [2, с. 508–509].

Кроме этого, важно провести границу между термином и нетермином. Термин соотносится с конкретной областью научного знания, а слово-нетермин не имеет такой соотнесенности. Термину свойственна четкая дефиниция внутри своего терминологического поля, хотя не исключается многозначность и наличие синонимов (например, член уравнения (мат.) – a member / term of an equation, член пропорции – a term of proportion, a proportional). Слово-нетермин может не иметь фиксированного содержания. Термин лишен эмоциональных ассоциаций, стилистически нейтрален. Слову-нетермину часто свойственна эмоционально-стилистическая окрашенность [7, с. 80–83].

Профессионально ориентированная лексика тесно связана с таким явлением, как лексико-семантическое поле. Например, понятие, представление – idea, term, notion, concept, conception; утверждение, высказывание, суждение – phrase, sentence, statement, expression, wording, utterance, assertion, affirmation, judgment; значение – meaning, sense, value, bearing, implication, importance, significance, signification; цель – end, aim, intent, goal, target, object, objective, purpose; средство – aid, means, tool, device, medium, instrument, apparatus, technique, appliance.

В каждом конкретном случае необходимо принять верное «контекстуальное решение». Известно, например, что многие математические термины имеют нематематические значения, а целый ряд слов бытовой лексики часто употребляется в качестве математических терминов. Например, At this point we wish to add a number of arguments along the same general line.

Point: а) вопрос, б) точка (термин);

Argument: а) доказательство, довод, б) аргумент, независимая переменная (термин);

Line: а) образ действий, линия поведения, б) линия (термин).

И наоборот, такие понятия, как set, function, relation, operation, имеют такие математические значения, которые полностью абстрагированы от реального мира. Поэтому математики предпочитают вводить подобные термины эксплицитно, посредством дефиниций или использовать их в качестве терминов, не имеющих формальных определений.

Широкое распространение в профессионально ориентированной лексике получили «лексические гнезда» – однокоренные слова, образованные посредством аффиксации [6, с. 360].

Например, *to derive* – выводить, получать путем замещения (хим., мат.); *Derivative* (прил.) – производный, вторичный; *derivative theory* – эволюционная теория (в биологии); *derivative* – (сущ.) – дериват, производное, производная функция (мат.); *approximate derivative* – приближенное значение производной; *derivationist* – сторонник эволюционного учения (в биологии); *derivation* – операция взятия производной (мат.); *derivate* (прил.) – производный, вторичный; *derivable* (прил.) – извлекаемый, получаемый.

Особенности трансформации значений терминов в современной научной сфере

Наблюдения позволяют сделать вывод, что диагностика «гнездовых слов» способствует более глубокому пониманию научных текстов. Например, слово method имеет несколько общеупотребительных значений:

1) *метод, способ, система* / comparative, experimental method – сравнительный, экспериментальный метод;

2) *система, порядок / a man of method* – человек, любящий порядок;

3) *классификация*;

4) *логичность, последовательность.* There is method in his research. – Его научные исследования логичны и последовательны.

Однако словосочетания с данным словом приобретают значения терминов:

Flow hardening method – *метод текучести с уплотнением* (метод исследования ползучести железобетонных колонн);

Floating shock-fitting method – *метод плавающих ударных волн*;

Conjugate gradient method – *метод сопряженных градиентов* (метод поиска минимума или максимума функции многих переменных);

Pole adjustment method – *метод распределения полюсов* (для обеспечения устойчивости различных механических систем);

Method of constant deflection contours – *метод линий равных перемещений* (в механике твердых деформируемых тел).

При образовании новых терминов значительную роль играют имена собственные. Они приобретают особое значение, так как связаны с именами исследователей, ведущих научные разработки в данной области:

Modified Davidon’s variable method – *модифицированный метод Дэвидона с переменной метрикой* (в оптимальном проектировании);

Miklowitz-Kolsky model – *модель Микловича – Кольского* (в задаче распространения волн нагружений);

Kagibad-Kalaba method of invariant bending – метод *инвариантного вложения Кагибада-Калабы*;

Love wave operator – *волновой оператор Лява* (для случая распространения гармонических сдвиговых волн в упругой изотропной слоистой среде);

Koiter's general postbuckling theory – общая *теория закритичного поведения* Койтера.

Еще одним фактором, влияющим на появление терминов, является языковой обмен. Следует отметить ряд слов – терминов, заимствованных из латинского и греческого языков:

Continuum – континуум, *equilibrium* – равновесие, *datum* – данная величина, *Latus rectum* – фокальный параметр, *momentum* – количество движения, *directrix* – директриса, *vertex* – вершина, *locus* – геометрическое место точек, *lacuna* – пустота, *nebula* – туманность.

Научно-технический прогресс способствует не только появлению узкоспециальных новых терминов, но и неологизмов. Неологизмы IT-сферы связаны с представителями таких профессий, как программисты, специалисты в области программной инженерии, компьютерного дизайна и других, связанных с информационной сферой. Главным источником возникновения новых слов является Интернет, так как в этой сфере неологизмы появляются с устойчивым постоянством.

Например, Computer fiction – *The first university course on writing computer fiction started this semester at Carnegie Mellon* / News Week 25, Apr., 2008/. Cyberphobic – a *person who does not understand & is afraid of computers. – Three specific visitor groups have been identified: computer – naïve visitors or cyberphobics, computer – literate visitors, & specialists* /Guardian 1 Oct 2007/. Intelligent knowledge-based system (IKBS) – *a computer system with problem solving & decision-making capacity, an expert system.* Techno-babble – *jargon used by technologists, full of high-sounding technical terms, incomprehensible to the layperson. – Techno-babble* is *murdering the English language. People of the computer industry use words & phrases such as* analyzation *instead of analysis,* prognozation *instead of* prognosis / Daily Telegraph 22 Sept, 2003/. Vapourware – *newly-developed computer software or hardware whose introduction* has *been announced but which is not yet actually available for purchase.* Bogusware – *computer software intended to damage the computer it is used with.* Electronic virus – a *bug deliberately & maliciously inserted into a computer program in order to spoil it.* Phantom bug – a *concealed instruction within a computer program, which* is *activated by a particular set of circumstances.* «Phantom *bugs are not always antisocial. They are liable to discourage illicit copying*» /New scientist 28 Jan 2002/. Neural network (neural net) – a *type of computer function which works by processing separate pieces of information all at once rather than step-by-step manner.* «*Modes of neural networks keep the neuroscientist to understand how the brain works*» / New scientist 28 May 2007/. Noodle – t*o doodle at a computer keyboard, hitting keys at random* / Newsweek 25, Apr 1998/. Porting (in computing) – the *process of transferring (software) to another system* without *the need for modification* / Computer weekly 3 Mar 2012 /. Relational database – a *computer database in which the data can be accessed via various routes & using several routes simultaneously as well as individually* / Mini-Micro News Jan 2011/.

Очень часто известные слова приобретают совершенно новый смысл и становятся неологизмами. В широких научных кругах слово everything применяется в значении «всеобщности, тотальности естественных явлений и физических сил вселенной, от космологической системы всемирного тяготения до поведения микрочастиц внутри атома. «It's been called the *theory of everything, a way of describing the very nature of matte*» / Radio Times 16, Apr.1998/. A chaos (в физике «*непредсказуемое поведение* динамических систем»), по мнению ученых-физиков, способен подорвать все основы классической физики. «The *chaos theory challenges the basic assumption of Newtonian physics*» / Observer 29 May 2002/.

Моделирование способов изучения иноязычной терминологии: определение способов формирования осознанного и произвольного употребления терминов

Необходимость моделирования способов изучения иноязычной компетенции обусловлена задачей формирования у студентов теоретического типа мышления с участием терминов как особых специфических объектов. По мнению И.В. Леушиной, «применение когнитивного, информационно-синтетического и аксиологического подходов обеспечивает эффективность моделирования иноязычной составляющей подготовки специалистов технического профиля с целью её совершенствования, что проявляется в расширении научно-обоснованного выбора технологий, методов, организационных форм и средств обучения» [10, с. 58–60].

Термины как особые специфические объекты должны изучаться явно и целенаправленно. Одной из важных и сложных проблем, от решения которой во многом зависит успешность подготовки студентов, является отбор терминологического корпуса. С.В. Гринев-Гриневич выделяет следующие принципы отбора терминологической лексики: тематическая принадлежность (за исключением терминов смежных областей); ориентация на словарный запас обучаемых (предполагается, что у студентов и специалистов уже есть запас общелитературных и общенаучных слов); системность (для исключения пропуска важных понятий); полнота охвата терминолексики; синхронность (временной фактор); употребительность (частотность); семантическая ценность термина; терминообразовательная способность; нормативность и сочетаемость [8 , с. 57]. Таким образом, отбор может осуществляться двумя способами: экспертным (в роли экспертов выступают наиболее опытные и компетентные специалисты в области образования); экспериментальным (в качестве объекта эксперимента выступает профессиональная деятельность студентов, специалистов и выпускников), на основе полученных результатов формируется терминологический корпус. В процессе этой работы необходимо обеспечить выполнение следующих педагогических действий:

– ассоциировать уже имеющиеся у студентов научные знания с вновь предъявляемыми научными понятиями и соответствующими им терминами;

– сформировать точность понимания и адекватность выражения студентами содержания понятий;

– использовать приемы сравнительного анализа типологических характеристик терминов в русском языке с их соответствиями в иностранном языке [9, с. 47].

Это достигается сочетанием ориентировочных, осознанных и исполнительных учебных компонентов, представляющих для студентов новое знание, которое первоначально воспроизводится только во внешней вербальной форме. В дальнейшем термины с помощью иноязычных эквивалентов переносятся на знаковый уровень посредством иноязычной речи. На этом уровне происходит интериоризация понятия, представляющая собой переход в идеальный план осознанности того или иного явления. На этом уровне ориентировочные операции становятся способом получения знания о содержании термина и запускается универсальный механизм познания о его предмете.

В качестве конкретных приемов можно использовать:

1) работу с рефератами и заголовками научных статей;

2) последующую работу над статьей;

3) создание нового текста с заданным количеством терминов;

4) составление глоссария наиболее употребительных терминов;

5) составление собственного текста, включающего анализ того или иного терминологического содержания и его связей с другими понятиями;

6) анализ текстов с целью определения ключевых слов;

7) организацию научных дискуссий, направленных на уточнение действующих терминов с целью анализа и тщательной структуризации терминологической составляющей учебного материала, что предполагает отбор терминов и приведение их в соответствие с уже сформированным у студентов пониманием предъявляемых значений на родном языке.

Ведущую роль в этом процессе играет интеллектуализация как механизм осмысления, являющаяся основополагающим условием интериоризации терминологического образа в сознании студентов. Наш многолетний педагогический опыт показывает, что наиболее эффективным средством является система упражнений, построенная по принципу нарастания трудностей с опорой как на текстовую, так и на экстралингвистическую информацию. Как очевидно из выше сказанного, работа над терминологией не ограничивается спорадическим анализом той или иной единицы словаря, но спонтанно распространяется на все виды речевой деятельности: чтение, письмо, аудирование, говорение. На всех этапах обучения необходимо соблюдать следующие принципы.

1) Принцип наглядности. Усвоение новых лексических единиц происходит не только в процессе чтения новых учебных текстов, но и при аудировании, использовании таблиц, схем, чертежей, видеофрагментов. В качестве опорного источника можно использовать учебные материалы по специальной дисциплине. Высокая степень наглядности, детальная зрительная представимость каждого предмета обсуждения и каждой учебной ситуации достигается с помощью выразительных и профессионально точных средств, делающих предмет обсуждения предельно ясным, понятным и легко узнаваемым студентами. Именно по этой причине сообщаемые студентам русские эквиваленты вводимых английских терминов должны точно соответствовать той терминологии, с которой студент сталкивается на занятиях по специальным предметам. Нарушения этого правила обычно ведут к неправильной интерпретации, поверх-

ностному и формальному пониманию, появлению «эмоционального фильтра» [10, с. 104–109].

2) Принцип межпредметной интеграции. Техническая направленность требует включения в содержание программы по иностранному языку материалов из таких дисциплин, как программирование, математическое моделирование, компьютерная безопасность и др.

3) Принцип последовательности. Формирование лексических навыков и умений начинается с работы над адаптированными, общенаучными текстами. Постепенное усложнение лексического и грамматического материала, введение аутентичных текстов позволяет совершенствовать навыки и умения студентов.

4) Принцип дифференцированного подхода. Уровень языковой подготовки студентов в одной учебной группе часто неодинаков. Поэтому и во время аудиторных занятий, и при отборе материала для самостоятельной работы преподавателю необходимо дифференцировать задания.

5) Принцип взаимообучаемости, который позволяет организовывать истинно научные дискуссии. Данный принцип можно проиллюстрировать на следующем примере. В процессе исследования студентам было предложено найти новые термины по специальности «Механика твердого деформируемого тела», то есть термины, не зафиксированные в англо-русских словарях по специальности на основе анализа аутентичных текстов. В результате были установлены такие термины, как *accelerated automatic root search algorithm* – ускоренный автоматизированный алгоритм определения корней (для итерационных методов исследования колебаний), *flow induced crack* – трещина под действием потока, *hoop force* – окружная сила (при погружении осесимметричных конструкций), *releif cracking* – система разгруженных трещин, *stepped thickness* – кусочно-постоянная величина. Техническая обеспеченность процесса обучения позволяет использовать on-line словари, имеющие функцию фонетического воспроизведения слов и словосочетаний, основываясь на детальном знакомстве со всеми аспектами будущей профессиональной деятельности студентов.

Упражнения по запоминанию терминов должны носить логически-смысловой характер. Например, построение семантических блоков. Студентам предлагается самим сконструировать схему понятий конкретного сегмента научного знания. При изучении темы «*What is an element in mechanics?*» студенты должны выстроить и занести в схему ряд новых терминов:

(ELEMENT) – *infinite domain element* (конечный элемент для моделирования бесконечных сред);

– *Doubly curved element* (элемент двойной кривизны);

– *Element stiffness factor* (коэффициент жесткости элемента);

– *Element averaging technique* (методика усредненного элемента);

– *Elemental equilibrium* (равновесие элементов);

– *Folded plate element* (элемент сложенной пластины).

Таким образом можно одновременно изучать и запоминать термины и их значения.

Во время аудиторных занятий целесообразно использовать упражнения с применением дефиниций (сопоставление терминов и их определений).

Match the following words to their definitions:

1. abacus /номограмма/, 2. calculus /математическое исчисление/, 3. promulgation /промульгация/,4. refining /уточнение формулы/, 5. hyperbola /гипербола/.

a. form *of digital computer,* b. *spread of widely developed beliefs, opinions,* c. *branch of mathematics,* d. *clever development,* e. *curve, produced* when a cone is *cut by a plane, passing anywhere except through its point.*

Данная практика позволит студентам не только узнавать термины в текстах, но и давать им соответствующее толкование и использовать в собственной речи, а упражнения на формирование навыков описательного перевода профессионально ориентированной лексики, терминов и неологизмов направлены на то, чтобы избежать необоснованного использования англоамериканизмов в русском языке. Работа с диалогами закрепляет степень владения иностранной лексикой. Эффективной, максимально приближенной к живой речи формой диалогов являются ролевые игры по заданной ситуации. В качестве примера ролевой игры может быть предложено проведение научной конференции. Студентам следует подготовиться к научной конференции. Для этого необходимо: обсудить в группе тематику конференции; написать пригласительные билеты и программу конференции для студентов других групп; написать реферат или доклад на одну из тем, касающихся практического приложения научных достижений по избранной специальности; выбрать председателя, который будет вести конференцию. Процесс обучения выстраивается не по вертикали, а принимает форму спирали, где каждый виток – новая ступень, являющаяся продолжением предыдущей. Тестирование в начале курса обучения показало у студентов недостаточный уровень владения терминологической лексикой (~ 15%). После завершения

курса студенты демонстрировали повышение уровня владения терминологической лексикой (~ 67%). Вслед за О.Г. Красиковой мы полагаем, что при отборе материала необходимо учитывать «значимость, научную достоверность, соответствие содержания текста уровню современного состояния науки, возрастающую трудность учебного материала, вариативность содержания, системность содержания, комплексность и сбалансированность содержания текста, взаимосвязь содержания и формы» [12].

Выводы

Терминологический ресурс изучаемого иностранного языка обеспечивает создание благоприятной ментальной среды для усвоения студентами содержания специальных предметов, поддерживаемого новыми языковыми соответствиями. Работа над терминологическим корпусом профессиональной области вносит дополнительный мотивирующий фактор, развивающий у студентов вербальное мышление и создающий непосредственные коммуникативные ситуации на занятии. Обучение иноязычной терминологии, таким образом, создает синергетический эффект усвоения иностранного языка и основополагающих дисциплин, обеспечивая формирование общей научно-дискурсивной компетенции. Понимание профессионально ориентированной лексики, терминов и неологизмов устанавливает более широкие связи с реальным миром, что позволяет студентам:

– правильно разобраться в смысловом содержании текста;

– творчески интерпретировать и обобщить информацию;

– увидеть взаимоотношения и связи между элементами информации;

– определить, какое значение слова в данном контексте превалирует.

Образовательные программы и содержание профессиональной подготовки студентов способствуют установлению связей между такими важнейшими компонентами профессиональной подготовки, как теоретическая подготовка, технологическая подготовка и исследовательская деятельность студентов. Планомерно-поэтапное формирование профессионально ориентированных знаний и их интериоризация предусматривает точное управление образованием и учебным процессом в соответствии с той или иной образовательной или педагогической технологией [13, с. 18].

Прочное усвоение профессионально ориентированной лексики, терминологии и неологизмов способствует формированию как профессиональных, так и общих компетенций, стимулирующих самостоятельность и гибкость мышления, и расширению профессионального кругозора.

Список литературы

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1901. 1215 с.

2. Большой энциклопедический словарь «Языкознание» / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998. 607 с.

3. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. 80 с.

4. Винокур Г.О. О некоторых явлениях в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. Т. 5. М., 1939. 75 с.

5. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М., 1965. 120 с.

6. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English language. Cambridge, New York, Melbourne, 1995. 360 p.

7. Lewis M. The lexical approach. The state of ELT and a way forward. Language Teaching publications, 1993.

8. Гринев-Гриневич С.В. Введение в терминографию. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 224 с.

9. Буренко Л.В., Мельник О.В. Лексический подход в обучении английскому языку // Перспективные информационные технологии и интеллектуальные системы. 2008. № 1.

10. Леушина И.В., Леушин И.О. Моделирование в подготовке выпускников технических вузов // Известия высших учебных заведений. Черная металлургия. 2005. № 12. С. 58–60.

11. McQuillan J.L, Krashen S.D. // Language Learning & Technology. 2008. Vol. 6. P. 104–109.

12. Красикова О.Г. К вопросу о построении модели профессионализации иностранного языка на всех этапах обучения в юридическом вузе // Проблемы теории и практики подготовки современного специалиста. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Добролюбова, 2003. С. 110–113.

13. Леванова Е.А., Пушкарева Т.В Методологические подходы к интериоризации профессионально ориентированных знаний в процессе подготовки в вузе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (часть 1).

THE ROLE OF PROFESSIONALLY – ORIENTED VOCABULARY, TERMS & PROFESSIONAL NEOLOGISMS IN THE PROCESS OF TEACHING ENGLISH TO STUDENTS OF NATURAL SCIENCES& SCIENCES

N.L. Orlova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The aim of the article is to form the didactic projection of professionally – oriented vocabulary in the process of teaching English to students of natural sciences. The article tackles the problem of developing terminological literacy for gaining successful comprehension. The methods of forming the deliberate & non-deliberate usage of terms in the academic speech of students are investigated. The structural & grammatical peculiarities of professionally – oriented vocabulary are determined. The methodological approaches to forming competences, aiming to enriching terminological potential are established. The necessity of constructing the model of forming a foreign competence is well-grounded. The importance of a notion interiorization & its transforming into the perfect mindfulness plan is proved. The mechanisms of students 'comprehending the terminological pattern are analyzed. The system of exercises, directed to intellectualization of semantic contents of terms & broadening the professional outlook is proposed.

Keywords: terminology, literacy, vocabulary, lexical, semantic set, lexical family, intellectualization, integration to the context, interiorization.

УДК 372.881.111.1
DOI 10.52452/18115942_2023_1_268

ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРУДНОСТЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ (МЕСТОИМЕНИЕ *IT*)

© 2023 г.

Е.Н. Пушкина

Пушкина Елена Николаевна, к.филол.н.; доц.; доцент кафедры английского языка
для естественно-научных специальностей
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
enpushkina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.12.2022
Статья принята к публикации 24.12.2022

Местоимение *it* и конструкция *it is ... that/who* представляют определённую трудность для студентов неязыковых специальностей при переводе текстов избранного профиля подготовки. Предотвращение типичных ошибок делает необходимым установление их причин и выявление факторов, регулирующих выбор эквивалента перевода.

Изучение вопроса позволяет говорить о том, что ошибочный перевод обусловлен сочетанием факторов языкового и методического характера, поскольку он связан со структурными различиями английского и русского языков, с одной стороны, и недостатками в организации работы над соответствующим грамматическим материалом, с другой стороны. Затруднения в переводе замещающего местоимения *it* объясняются расхождениями в системах местоименно-соотносительных связей и отсутствием упражнений на замещение в имеющихся учебниках и учебно-методических пособиях. Неточности в переводе конструкции *it is ... that/who* связаны с различиями в порядке слов и недооценкой роли контекста в упражнениях, составленных на основе изолированных предложений. К тому же в том и в другом случае ощущается неполнота предлагаемых студентам теоретических сведений, которые могли бы облегчить понимание специфики изучаемого материала и выбор адекватного эквивалента перевода. Между тем практика обучения языку и переводу свидетельствует о том, что учёт этих моментов имеет принципиальное значение и является необходимым условием работы по предотвращению типичных ошибок перевода.

Ключевые слова: обучение переводу грамматических трудностей, учебная литература, задания, перевод местоимения *it*, перевод конструкции *it is ... that/who*, анализ предложения, контекст.

Постановка проблемы

Перевод местоимения *it*, как и многие другие объекты научного познания, может показаться и достаточно изученным, и требующим дальнейшего исследования. Он прост, если мы ограничимся констатацией общих правил, разъясняющих, что где-то местоимение *it* переводится как *он, она, оно* или *это*, а где-то оно переводу не подлежит. Но он становится сложнее, когда мы переходим от отдельных примеров к связному тексту, тем более если перевод осуществляется студентом неязыкового вуза, не имеющим, в силу объективных причин, достаточной лингвистической подготовки.

Для устранения и предотвращения возникающих в процессе перевода затруднений студенты нуждаются в сведениях теоретического характера и упражнениях для тренировки в применении полученных знаний. Между тем в имеющейся учебно-методической литературе переводу местоимения *it* достаточного внимания не уделяется, и в тех случаях, где этот вопрос затрагивается, представленный материал имеет не обучающий, а скорее справочно-ознакомительный характер, при этом упражнения на замещение существительных местоимениями третьего лица отсутствуют.

В базовых учебниках английского языка для математиков способы перевода местоимения *it* излагаются в краткой форме, в виде правил и примеров, в соответствующих разделах грамматического приложения. Так, в учебнике М.М. Глушко и др. говорится о том, что местоимение *it* переводится (1) словами *он, она, оно,* (2) словом *это* и (3) не переводится в предложениях с формальным подлежащим и дополнением, а также с эмфатической конструкцией *it is (was) ... that* [1, с. 151].

В учебнике С.А. Шаншиевой находим, что местоимение *it* переводится на русский язык местоимениями всех трёх родов (*он, она, оно*) и выполняет четыре функции, в которых оно выступает как личное, указательное, безличное и усилительное, в последнем случае являясь частью усилительной конструкции *it is (was) + выделяемый член предл. + that* [2, с. 339].

В известной работе А.Л. Пумпянского, посвящённой техническому переводу и по праву считающейся настольной книгой начинающего

переводчика, местоимение *it* выделяется в отдельный пункт в оглавлении. Однако в нём говорится лишь о трудности перевода местоимения, когда оно находится на значительном удалении от замещаемого им существительного [3, с. 41].

В других, более поздних работах, включая пособия для специалистов различных профилей подготовки, перевод местоимения *it* в заместительной функции не рассматривается и акцент переносится на эмфатическую конструкцию *it is ... that/who.* Тем не менее и здесь приводимой информации недостаточно, поскольку работа над конструкцией ограничивается упражнением на перевод с использованием рекомендуемого усилительного слова, чаще всего слова *именно*.

Необходимо более детальное исследование вопроса, ориентированное на решение практических задач обучения. Это требует, в первую очередь, выявления причин типичных переводческих затруднений и анализа факторов, влияющих на выбор эквивалента перевода, что и является целью настоящей работы.

Ввиду того, что наиболее распространённые ошибки в переводе связаны с замещающим местоимением *it* и с конструкцией *it is ... that/who,* анализируемый материал рассматривается, соответственно, в двух нижеследующих разделах.

1. Перевод местоимения *it*

Правила замещения существительных личными местоимениями известны студентам ещё со школьных времён. В русском языке соотнесённость с местоимениями *он, она, оно* регулируется грамматическим родом существительного. В английском языке личные местоимения употребляются по иным правилам: местоимения *he* и *she* относятся к лицам мужского и женского пола, в то время как местоимение *it* употребляется по отношению к обозначениям предметов и животных. Сходство в обоих языках проявляется в том, что местоимения *он, она* и *he, she* связаны с дифференциацией одушевлённых существительных по гендерному признаку. Однако в русском языке с местоимениями *он, она* соотносятся и неодушевлённые существительные, а в английском языке названия животных, наряду с местоимением *it,* соотносятся также с местоимениями *he* и *she.*

Далее, в русском языке местоимения *он, она, оно* и *это* представляют собой четыре разных слова. В английском же языке одна форма, местоимение *it,* в переводе может быть эквивалентна каждому из этих четырёх слов. К тому же падежные окончания, которые помогают устанавливать связь существительных и местоимений в русском языке, в английском языке отсутствуют.

Наблюдаемые существенные различия при частичном сходстве двух языков лежат в основе затруднений, связанных с переводом замещающего местоимения *it*.

Если говорить о местоименно-соотносительных связях, а не о категории рода в её традиционной трактовке, есть все основания включить в рассмотрение и местоимение *they – они,* поскольку оно, подобно остальным местоимениям третьего лица, реализует функцию замещения. Речь идёт о существительных, известных под названием *pluralia tantum* (*scissors, tongs,* etc.), которые всегда переводятся местоимением *они (they-nouns),* и о существительных типа *advice – совет, советы*: *он – они*; *evidence – улика, улики: она – они (it/they nouns),* в переводе которых наряду с местоимениями единственного числа участвует и местоимение множественного числа.

В процессе перевода студенту приходится держать в уме обе модели замещения, языка оригинала и языка перевода, и осуществлять операции отождествления и дифференциации практически мгновенно. И если сильный студент чаще всего с этим справляется успешно, то не столь хорошо подготовленный студент в любом случае, не задумываясь, зачастую переводит местоимение *it* местоимением *это*.

Причина смешения местоимений *он, она, оно* и *это* в переводе местоимения *it* коренится в школьной практике, когда первыми фразами ученика становятся *It's a book/ it's a table/ it's a window,* etc. – это книга/ это стол/ это окно и т.д. В результате, местоимение *it* прочно ассоциируется в сознании учащегося со словом *это,* поскольку какой-либо иной лингвистический опыт у него на начальном этапе обучения отсутствует. Подобные ошибки можно предотвратить, включив курс перевода в школьную и вузовскую программу обучения иностранному языку или предоставив студентам нужную им информацию из области языка и перевода при работе над грамматической стороной речи. Так или иначе, студенты неязыковых специальностей нуждаются в информации, касающейся основных моментов использования и перевода замещающего местоимения *it*.

Перевод предложений с местоимением *it* предполагает умение установить связь местоимения с существительным и дать адекватный рабочий и литературно обработанный вариант перевода, опираясь на результаты структурного и смыслового анализа предложения и использование, при необходимости, основных переводческих приёмов.

Самой заметной характеристикой местоимения *it* при анализе предложения является его

место относительно замещаемого им слова. Соотносимое с существительным личное местоимение *it* или притяжательное местоимение *its*, как правило, следует за существительным, в связи с чем решающую роль в его переводе играет предшествующий контекст:

If we replace the parallel ***postulate*** *by* ***its*** *negation, we have the axioms of a non-Euclidean geometry* [1, с. 60]. – Если мы заменим *аксиому* о параллельности *её* отрицанием, мы получим аксиомы неевклидовой геометрии.

Но местоимение может и предшествовать существительному, что требует перестановки соотносимых слов при переводе:

As ***it*** *loses energy, the* ***object*** *becomes more tightly bound by gravity and therefore contracts* [1, с. 131]. – По мере того, как *объект* теряет энергию, *он* в большей мере подвергается гравитации и, как следствие, сжимается.

Как правило, замещающее местоимение относится к слову, которое непосредственно предшествует ему. Однако это не следует понимать буквально, и выделить главное слово, помимо структурного анализа, часто помогает смысловой контекст:

Earth is a planet unique in our solar system and, perhaps, in our galaxy. ***It*** *stands out as a rich and fertile haven in the stark vastness of space* [4, с. 92]. – *Земля* – уникальная планета в нашей солнечной системе и, возможно, в нашей галактике. *Она* подобна цветущему оазису в бескрайних и безжизненных просторах космического пространства.

Местоимению *it* в данном примере предшествуют четыре существительных: *Earth, planet, system, galaxy*, но логические связи слов в предложении показывают, что оно относится к первому из них. Об этом говорит и структурный анализ: существительные *system* и *galaxy* употребляются с предлогом и не претендуют на роль подлежащего, а существительные *Earth* и *planet* объединены отношением тождества, в котором главным словом является первое из них. Оно употреблено в общем падеже и предшествует глаголу-сказуемому, что характерно для подлежащего как главного члена предложения. Замещающее местоимение *it* зеркально отражает те же характеристики: именительный падеж, предшествование сказуемому, инициальное положение и функция подлежащего в последующем предложении.

Формальные признаки являются внешними, видимыми сигналами и первыми привлекают к себе внимание при анализе предложения, но если их недостаточно, помогает опора на смысл, поскольку одновременно со структурным анализом в сознании всегда идёт работа по выявлению логических связей между словами.

Для правильного выбора эквивалентного местоимения нередко важен учёт темы или содержания предшествующей части текста:

They (the later Greeks) often placed a mark (/or') by each letter to show that it stood for a number [1, с. 15]. – Они (*поздние греки*) нередко ставили знак (*косая черта или штрих*) перед буквой, чтобы показать, что она означает число.

Установить, что местоимение *it* относится к слову *letter – буква, она*, а не *mark – значок, он*, помогает анализ смысловых отношений между словами и знание того, что в тексте речь идёт о написании цифр в Древней Греции с помощью букв греческого алфавита.

В предложении может быть несколько пар соотносительных связей, в которых местоимение *it* соответствует местоимениям разного грамматического рода в русском языке:

This was a ***half-solution*** *of Cantor's problem;* ***it*** *was not a proof of the* ***continuum hypothesis*** *but only a proof that* ***it*** *cannot be disproved* [1, с. 60]. – Это было неполным решением проблемы Кантора, и оно не являлось доказательством континуум-гипотезы, но лишь доказывало то, что её невозможно опровергнуть.

В первом случае местоимение *it* соотносится со словом *solution* (*решение*) и переводится местоимением среднего рода, во втором оно замещает слово *hypothesis* (*гипотеза*) и соответствует местоимению женского рода в русском языке. Распространённые структуры, в которых местоимение *it* употребляется несколько раз и при этом переводится по-разному, представляют наибольшую трудность, и в их переводе особую роль играет структурный и смысловой анализ предложения.

Помощь в переводе местоимения *it* оказывает не только предшествующий, но и последующий контекст. В приводимом ниже примере это повтор главного слова, существительного *achievement*, к которому относятся местоимения *itself, it* и *one*, в начале следующего предложения:

This is in itself no mean achievement, but ***it*** *is not the most important one. The most important achievement of game theory, in my opinion, is that game theory analysis reveals its own limitations* [1, с. 113]. – Это само по себе немаловажное достижение, но оно не самое важное. Самым важным достижением теории игр, на мой взгляд, является то, что её анализ выявляет её же собственные недостатки.

В тех случаях, когда местоимение *it* относится не к слову, а к предшествующему предложению, оно переводится указательным местоимением *это*:

If you hold the sharp end of a compass fixed on a sheet of paper and then turn the compass com-

pletely around, you will draw a curved line enclosing parts of a plane. ***It*** *is a circle* [2, с. 239]. – Если закрепить острый конец циркуля на бумаге и обвести его вторым концом, то получится кривая линия, охватывающая части плоскости. *Это* круг.

Перевод местоимения *it* одним из личных местоимений здесь и в других подобных случаях невозможен. Местоимение *это* не замещает, а отождествляет: *a curved line enclosing parts of a plane = a circle,* и его нельзя заменить местоимением *она.*

На перевод местоимения *it* оказывают влияние структурные различия языков, в результате чего переведённое предложение при сохранении смыслового соответствия может внешне довольно значительно отличаться от соответствующего предложения в оригинале. Влияют на перевод и стилистические нормы родного языка, в связи с чем местоимение вообще может остаться непереведённым:

For an area always to have a fixed point when ***it*** *is transformed,* ***it*** *must be bounded* [1, с. 151]. – Для того чтобы *при трансформации* область имела неподвижную точку, она должна быть ограничена.

Местоимение *it* здесь используется дважды, и в первом случае при переводе оно опускается. Вместо глагольной конструкции *когда она трансформируется* употребляется номинативная конструкция с предлогом: *при трансформации*. С точки зрения стилистических норм русского языка, неприемлем вариант перевода с двумя местоимениями *она* на минимальном удалении друг от друга.

Стилистическое форматирование проводится на уровне литературно обработанного перевода. Ему предшествует уровень рабочего перевода, на котором необходимо понять смысл, и здесь для проверки понимания можно применить приём подстановки: если заменить местоимение *it* в каждом случае тем словом, которое оно замещает, и от этого значение не изменится, то можно полагать, что перевод сделан правильно. Естественно, в результате трансформации пострадает стилистическое оформление предложения, но это легко исправить, когда смысл понятен. В вышеприведённом примере это перевод *когда область трансформируется, область должна быть ограничена.* Недостатком рабочего перевода – *когда она трансформируется, она должна быть ограничена* – является повторное употребление местоимения *она* на стыке придаточного и главного предложений. Этим объясняется предпочтение вышеупомянутой конструкции с предлогом переводу замещающего местоимения *it.*

Рабочий перевод можно было бы назвать переводом «про себя». Когда мы переводим «вслух», мы поднимаемся на более высокую ступень, на уровень литературно обработанного перевода, и здесь возможны любые трансформации, которые применяются по отношению ко всем единицам языка, входящим в состав предложения. Главным требованием при этом является соответствие стилистическим нормам языка, с помощью которого осуществляется перевод. Местоимение *it*, как и любое другое слово, подпадает под общее правило, согласно которому, исходя из стилистических соображений, его не обязательно переводить везде и всегда. Но применению приёма опущения должны предшествовать анализ предложения и грамотный рабочий перевод.

Тренировка в переводе местоимения *it* столь же необходима, как и тренировка в переводе других грамматических форм, а это, в свою очередь, предполагает наличие упражнений, составленных с учётом основных вариантов его использования в тексте.

Наблюдаемую недооценку роли упражнений на замещение можно объяснить обманчивой простотой вопроса. Дело в том, что процесс соотнесения местоимения и существительного, на первый взгляд, кажется несложным и привычным, как и процесс порождения речи в целом. Но он по-своему сложен, и это с особой силой ощущается при работе над иностранным языком. Неслучайно освоение английской системы местоимений требует немало времени и является сложной задачей для школьников начального этапа обучения. Очевидно, восприятие и использование местоимений требует достаточно высокого уровня абстрактного мышления, необходимого для изучения структурных связей другого языка.

Внешняя лёгкость, с которой мы оперируем местоимениями в родном языке, может создать ощущение, что этот процесс столь же прост и в английском языке и что он не требует пристального внимания и особой организации учебного материала. Но, как показывает практика, в упражнениях на замещение, уже на более высоком уровне сложности, нуждаются и студенты неязыковых специальностей, осваивающие чтение и перевод иноязычных текстов по избранному профилю подготовки.

2. Перевод конструкции *it is ... that/who*

Ещё одним вариантом использования местоимения *it*, вызывающим затруднения при переводе, является конструкция *it is ...that/who,* формальные элементы которой переводу не подлежат. В имеющейся учебно-методической лите-

ратуре данная конструкция называется поразному: *эмфатическая конструкция*, которая употребляется для выделения любого члена предложения, кроме сказуемого [1, с. 170]; *усилительная конструкция*, которая служит для эмоционального и смыслового выделения того или иного члена предложения [2, с. 339]; *конструкция с вводным it, или так называемая эмфатическая конструкция, у*потребляемая для выделения (*эмфазы*) одного из членов предложения, перевод которой обычно начинается со слов *именно, только* [5, с. 39]; *эмфатический оборот it is ... that* – эквивалент русских усилительных слов *именно, вот ... и, несомненно* [6, с. 12]; *конструкция it is ... that (which, who),* употребляющаяся для *логического выделения* подлежащего, дополнений и обстоятельств, которая переводится с помощью эмфатических наречий (*именно, только, это*) и изменения обычного порядка слов [4, с. 157]. Определяется она и как *эмфатическое сочетание it is ... that (which, who)*, или рамочная конструкция, которая используется для выделения любого члена предложения, кроме сказуемого, а также как *конструкция с предваряющим it* [7, с. 150].

А.Л. Пумпянский в разделе «Логическое выделение» говорит о *конструкции it is (was) ... that (who, which, where),* содержащей формальные элементы, которые при переводе опускаются; нередко с введением усилительных слов (*наречий*) типа *именно, только* [3, с. 97]. Обращает на себя внимание тот факт, что в переводе приводимых примеров усилительные слова заключены в скобки.

Все вышеупомянутые определения, несмотря на некоторые различия, содержат указание на выделение, или эмфазу. Конструкция *it is ... that/who*, бесспорно, обладает формальными признаками, которые доступны зрительному восприятию и благодаря которым всегда выделяется то или иное слово или часть предложения. В связи с этим её можно назвать эмфатической конструкцией с вводным *it* (*эмфатической,* в отличие от других конструкций с данным местоимением) или, короче, конструкцией *it is ... that/who*.

В качестве эквивалентов перевода конструкции чаще всего приводятся усилительные слова *именно, только, это*. Упоминаются и другие слова (*как раз, вовсе не, совсем не*), но вопрос о причинах их выбора и различиях в контексте употребления не затрагивается.

Из всей информации, которую можно почерпнуть из доступной учебно-методической литературы, наибольший интерес для студента представляют способы перевода данной конструкции, и поскольку среди эквивалентов перевода преимущественно фигурирует усилительное слово *именно*, предпочтение отдаётся ему. Факты показывают между тем, что в одних случаях оно уместно, а в других вызывает сомнения.

Рассмотрим для сравнения следующие примеры:

(1) *The greatest mathematical centre of ancient world was neither Crotona nor Athens but Alexandria. It is with Alexandria that the names of Euclid, Archimedes, Apollonius, Ptolemy, Hero, Pappus, Hypatia, Diophantus, Hipparchus, etc. are connected* [8, с. 85]. – Крупнейшим математическим центром древнего мира были не Кротона и не Афины, а Александрия. *Именно* с Александрией связаны такие имена, как Эвклид, Архимед, Аполлоний, Птолемей, Герон, Папп, Гипатия, Диофант, Гиппарх и др.

(2) *It was principally through the Arabs that algebra entered Europe* [8, с. 107]. – Алгебра проникла в Европу *главным образом* через арабов.

В первом случае употребление *именно* идеально подходит по смыслу, поскольку название *Александрия* вступает в явно выраженное противопоставление с другими названиями, упомянутыми в предыдущем предложении.

Во втором примере перевод с помощью усилительного слова *именно* исключен, поскольку его место занимает оборот *главным образом (principally).*

Это крайние случаи. Но есть и промежуточные варианты, где перевод возможен как с помощью усилительного слова *именно*, так и без него:

Despite the paradoxes and inconsistencies, it is Cantor's intuitive set theory that holds the key position in modern mathematics [8, с. 295]. – Несмотря на все её парадоксы и противоречия, (*именно*) наивная теория множеств Кантора занимает ключевую позицию в современной математике.

В варианте перевода без усилительного слова *именно* даётся максимально высокая оценка теории множеств Кантора: смысловой центр высказывания приходится на его финальную часть и усиливается эмоциональным эффектом выражения *занимать ключевую позицию*, т.е. играть самую важную, определяющую роль, а следовательно, быть лидером, значительно выигрывать, превосходить.

В варианте с *именно* основное значение сохраняется, но дополнительно подчёркивается, что именно *эта* теория Кантора, а не какая-либо иная теория, играет столь почётную роль. Зная о том, скольких моральных сил и душевных страданий стоила учёному борьба за отстаивание своих научных взглядов, можно допустить, что второй вариант точнее отражает реальное положение вещей. Выдвинутая Канто-

ром теория казалась современникам необычной, спорной и уязвимой, но в исторической перспективе именно она по своим научным достоинствам затмила все остальные.

Напрашивается вывод, что для выбора между этими двумя вариантами перевода необходим контекст. Однако здесь и в других учебных материалах используемые в упражнениях примеры, по сложившейся традиции, ограничиваются рамками одного предложения, которое рассматривается вне связи с предыдущей или последующей частью текста. Следует признать, что в иных случаях предложение, являясь, по существу, микротекстом, само по себе обеспечивает необходимый контекст перевода используемой языковой единицы. Что же касается эмфатической конструкции с вводным *it*, то для её перевода требуется анализ контекста, выходящего за пределы предложения.

Только контекст может подсказать, какое усилительное слово следует употребить при переводе следующего предложения:

It was Dmitri Ivanovich Mendeleyev, a Russian scientist, professor of St Petersburg University, who built up a workable periodic classification of all then-known elements, arranging them in a table [9, с. 42].

Если бы это было изолированное предложение, то студент, следуя самой распространённой рекомендации, скорее всего, перевел бы его следующим образом:

Именно *Дмитрий Иванович Менделеев, русский учёный, профессор Санкт-Петербургского университета, создал рабочую классификацию всех известных на тот момент элементов, сведя их в единую таблицу.*

Между тем до этого в тексте говорится о многочисленных попытках учёных всего мира систематизировать химические элементы и о том, что некоторым из них удалось сделать это лишь частично, на примере нескольких элементов. После этого сами собой напрашиваются изменения в приведённую выше версию перевода: не *именно*, а *лишь,* и не *создал,* а *удалось создать*:

И лишь *Дмитрию Ивановичу Менделееву, русскому учёному, профессору Санкт-Петербургского университета,* ***удалось создать*** *рабочую классификацию всех известных к тому времени элементов и свести их в единую таблицу.*

Место традиционно упоминаемых усилительных слов *именно, только, лишь* могут занимать и другие слова, выбор которых определяется контекстом. В приводимом ниже примере в качестве усилительного слова при переводе можно предложить наречие *здесь*:

Now scientists hope that it (the universal law of gravitation) may provide a key to understanding processes in a microcosm, at the quantum level. ***It is*** *at the junction of quantum and gravitational ideas* ***that*** *science can expect to make the most sensational discoveries* [8, с. 167]. – В настоящее время учёные полагают, что он (*закон всемирного тяготения*) может послужить ключом к пониманию процессов в микрокосме, на квантовом уровне. ***Здесь,*** на стыке квантовых и гравитационных понятий, науку могут ожидать самые удивительные открытия.

Наречие *здесь* не только выделяет слова *at the junction of quantum and gravitational ideas*, но и связывает их с содержанием предыдущего предложения. Функция выделения и связующая функция реализуются в нём одновременно, обеспечивая смысловое единство текста и подчёркивая важность отдельной его части.

Если заменить *здесь* на *именно,* смысловой акцент сместится и появится нежелательный подтекст: можно подумать, что неожиданные открытия возможны лишь на стыке этих двух, а не каких-либо иных физических понятий. Слово *здесь* свободно от нежелательных коннотаций, и, выполняя функцию логической связки, оно органично вписывается в общий смысловой рисунок текста.

Наречие *здесь* является подходящим вариантом перевода конструкции *it is ... that* в предложениях с перечислением:

The arithmetic unit contains adders, multipliers, dividers and subtractors. These calculating devices are electronic and are made up of transistors, vacuum tubes, diodes. Also in the arithmetic unit are delay lines, amplifiers, and the generators which initiate the signals utilized. ***It is*** *in the arithmetic unit* ***that*** *calculations are performed at incredible speeds as compared to the ordinary desk calculators* [8, с. 249]. – ***Здесь*** совершаются вычисления с молниеносной скоростью, несопоставимой со скоростью обычных настольных калькуляторов.

Конструкция *it is ... that* в данном случае участвует в оформлении одного из звеньев в цепочке перечисления и позволяет избежать однообразия в их формулировке: the arithmetic unit contains... – *арифметическое устройство* содержит ...*;* also *in* the arithmetic unit are... – *в арифметическом устройстве* находятся также ...*; it is* in the arithmetic unit *that* ... – *здесь* совершаются ....

Опущение слов *в арифметическом блоке* в переводе возможно благодаря тому, что их замещает слово *здесь*, избавляющее от повторного употребления структуры с предлогом *в (в арифметическом устройстве),* которая уже была использована в предыдущем отрезке перечисления. Связывая последний элемент перечисления с двумя предыдущими, слово *здесь*

сохраняет и функцию выделения, поскольку по своей природе, подобно усилительным словам *именно, лишь*, оно всегда выделяет (*здесь, а не в каком-либо ином месте*).

Адекватным способом перевода может быть не слово, а изменение порядка слов, с помощью которого сохраняется баланс смысловых центров обоих предложений:

It was the need for large-scale ballistic computations during World War II which gave rise to the development of electronic computers [3, с. 188]. – Создание компьютеров было обусловлено потребностью в крупномасштабных баллистических вычислениях во время Второй мировой войны.

Использование приёма перестановки здесь обусловлено знанием того, что в русском языке наиболее важная информация чаще всего располагается в конце высказывания, в то время как в английском языке, вследствие фиксированного порядка слов, она сосредоточена в его начале. В центре внимания в вышеприведённом примере являются обстоятельства, которые сыграли роль отправной точки в разработке компьютеров и их появлении в жизни человечества. В связи с этим в русском предложении причина их создания приводится в конце, в то время как в оригинале она упоминается в начале предложения, в той его части, которая заключена между *it was* и *which*.

Аналогичным образом перемещается на конец предложения обстоятельство места, заключённое между начальной и завершающей частью конструкции:

It is in the area of equation solution that computers are invaluable [3, с. 167]. – Особенно полезны компьютеры при решении уравнений.

То же самое может быть сказано и в отношении конструкции *it is not ... until*:

It was not, however, until the sixteenth century that the blast furnace process was finally adopted in Sweden [3, с. 167]. – Тем не менее, доменное производство окончательно сформировалось в Швеции лишь в шестнадцатом столетии.

В случае если бы в предложении особо выделялось слово *finally*, порядок слов был бы иным, с помещением слова *окончательно*, в зависимости от контекста, в начало или конец предложения:

(1) *Тем не менее, окончательно доменное производство в Швеции сформировалось лишь в шестнадцатом столетии.* (2) *Тем не менее, лишь в шестнадцатом столетии доменное производство в Швеции сформировалось окончательно*.

Приём перестановки может сочетаться с использованием усилительного слова:

It is the physical property of the substance that is known to attract the attention of our scientists [3, с. 184]. – Известно, что внимание наших учёных привлекают именно физические свойства этого вещества.

Исходя из смысла изолированного предложения, возможен перевод без использования усилительного слова и без перестановки, посредством опущения конструкции *it is ...that* и при сохранении исходного порядка слов в оставшейся части предложения:

It is hydrogen, one of the elements composing water, that attracts the attention of scientists in the whole world [3, с. 174]. – Водород, один из элементов, входящих в состав воды, привлекает внимание учёных всего мира.

Конструкция *it is ... that/who*, как и другие структуры, связанные с отклонением от фиксированного порядка слов, не имеет аналога в русском языке. Однако она адекватно передаётся другими языковыми средствами, и мощнейшим из них является изменение порядка слов, которое возможно именно благодаря отсутствию фиксированного характера связей между словами. В данном случае можно сказать, что если в английском языке сильной позицией является фиксированный порядок слов, то в русском языке таковой оказывается его отсутствие. Порядок слов русского предложения, отдельно или в сочетании с лексическими средствами, обеспечивает свободу и разнообразие в передаче любых оттенков значений, заложенных в высказывании с конструкцией *it is ... that/who*.

Ключевую роль в переводе конструкции играет контекст, помогающий выбрать как подходящее усилительное слово, так и соответствующее построение предложения. По существу, условием адекватного перевода конструкции является анализ конкретных условий её употребления, и когда оно не соблюдается, это нарушает картину логических связей в контексте и приводит к типичным ошибкам, или неточностям в переводе.

Контекст, обусловливающий выбор эквивалента перевода, обычно не ограничивается рамками одного предложения. В связи с этим включение синтаксических структур, по объёму превосходящих предложение, в задания на перевод данной конструкции представляется требованием, имеющим обязательный характер и принципиальное значение.

Важную роль в работе над эмфатической конструкцией с вводным *it* играет регулярная тренировка. Только постоянная практика поможет студенту быстро и безошибочно определить, с каким вариантом использования местоимения *it* он имеет дело, и применить подходя-

щую рекомендацию в его переводе. Диагностическую трансформацию для выявления данной конструкции студент также сможет осуществить не раньше, чем в результате тренировки научится различать её в тексте. В данной трансформации предлагается опустить формальные элементы конструкции, и если это не приведёт к нарушению синтаксической целостности предложения, то можно сделать вывод, что она является эмфатическим оборотом [4, с. 158].

Действительно, при опущении эмфатического оборота оставшаяся часть предложения сохраняет вид цельнооформленной синтаксической структуры, что можно проиллюстрировать на примере следующих предложений:

It was Newton who was the first to discover the method = ... Newton ... was the first to discover the method.

Верно и то, что подобная операция невозможна с предложением, которое имеет похожее начало, но содержит иную синтаксическую структуру:

It is a well known fact that Newton was the first to discover the method.

Однако местоимения *who* и *that* нередко находятся на значительном удалении от начала эмфатического оборота, и студент с недостаточно высоким уровнем подготовки автоматически переводит их как *который* или *что.* Всё дело в том, что ему ещё надо научиться узнавать эту конструкцию в тексте и помнить, что её элементы должны оставаться непереведёнными.

При обучении переводу конструкции *it is ... that/who* целесообразно привлекать к рассмотрению и другие варианты использования данного местоимения, такие как обороты с глаголом в страдательном залоге и переводимым местоимением *that*: *it is considered that, it is claimed that, it is generally agreed that,* etc. Внешне они напоминают конструкцию *it is ... that,* но отличаются от неё синтаксической структурой и лексическим наполнением, связанным с выражением мнения, оценки, предположения и т.д. Интерес представляют и такие распространённые в научной речи обороты с местоимением *it,* как *it takes, it remains to determine, it follows,* etc. Чем больше примеров разнообразного использования местоимения *it* представлено в упражнениях, тем легче студенту идентифицировать тот или иной оборот в незнакомом тексте и выбрать адекватный эквивалент перевода.

Все варианты употребления местоимения *it* можно представить в виде классификации, или условного деления на два основных разряда. Один их них охватывает варианты с переводимым замещающим и указательным местоимением, во второй входят разнообразные структуры с непереводимым *it,* отдельной разновидностью которых является конструкция *it is ... that/who*. Данный подход удобен в организации языкового материала, используемого в учебно-методическом пособии по переводу англоязычных текстов научной направленности [10, с. 22–28]. Знание основных характеристик переводимых и непереводимых вариантов употребления местоимения *it* способствует более прочному освоению грамматического материала и предотвращению ошибок в переводе.

Выводы

Вопрос о местоимении *it* как определённой трудности перевода связан с замещающим местоимением *it* и с конструкцией *it is ... that/who.*

Сложности возникают по причинам как языкового, так и методического характера. К первым относится различие языковых систем, ко вторым – недооценка ряда моментов, важных для организации работы над соответствующим грамматическим материалом.

Типичные ошибки перевода замещающего местоимения *it* во многом объясняются различиями систем местоименного замещения в английском и русском языках, представляющими определённую трудность для русскоговорящих студентов, и отсутствием упражнений на замещение в соответствующих разделах доступной учебной литературы.

Трудности в переводе конструкции *it is ... that/who* связаны с различиями в порядке слов, влияющими на реализацию смысловой направленности высказывания, и недооценкой роли контекста, выходящего за пределы предложения, при составлении заданий на перевод.

При переводе замещающего местоимения *it* в центре внимания оказывается выявление местоименно-соотносительных связей, в то время как перевод конструкции *it is ... that/who* требует анализа логических связей в языковом окружении содержащего её предложения. Это обусловливает потребность в упражнениях на замещение и необходимость использования синтаксических структур большего, чем предложение, объёма при переводе эмфатической конструкции с вводным *it.*

Работа над переводом предложений, содержащих местоимение *it,* развивает навыки структурного и смыслового анализа, необходимого для понимания и адекватного перевода англоязычных текстов профессиональной направленности. Перевод конструкции *it is ... that/who* к тому же привлекает внимание к построению высказывания и точности в выражении мысли, что способствует формированию ценных языковых и коммуникативных компетенций.

Список литературы

1. Глушко М.М., Введенская Ф.В., Шаншиева С.А. Английский язык для математиков. М.: Изд-во Московского университета, 1971. 208 с.

2. Шаншиева С.А. Английский язык для математиков: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 1991. 400 с.

3. Пумпянский А.Л. Чтение и перевод английской научной и технической литературы: Лексика, грамматика, фонетика, упражнения / Худ. обл. М.В. Драко. Мн.: ООО «Попурри», 1997. 608 с. ил.

4. Глушко М.М., Выгонская Л.Н., Перекальская Т.К. Учебник английского языка для студентов-математиков старших курсов. М.: Изд-во МГУ, 1992. 176 с.

5. Резник И.В., Федотова И.Г., Старосельская Н.В., Толстопятенко Г.П. Английский язык для юристов (трудности письменного перевода): Учебное пособие. М.: ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2005. 80 с.

6. Дедюхина А.С. Теория грамматики в переводческом освещении: Учеб. метод. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 111 [1] с.

7. Михельсон Т.М., Успенская Н.В. Практический курс грамматики английского языка. СПб.: Специальная литература, 1995. 255 с.

8. Дорожкина В.П. Английский язык для математиков: Учебник. Издание 2-е, доп. и перераб. М.: Изд-во Московского университета, 1986. 344 с.

9. Маркушевская Л.П., Рущенко Г.В., Сухарева М.Э., Примакина Т.В. English for Part-Time Students: учебное пособие по английскому языку для студентов вечерней и заочной формы обучения. Часть I. СПб.: СПбГУ ИТМО, 2005. 161 с.

10. Пушкина Е.Н. Перевод англоязычных текстов математической направленности: Учебно-методическое пособие [Электронный ресурс]. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2021. 168 с.

TEACHING ENGLISH GRAMMAR DIFFICULTIES OF TRANSLATION IN NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES (PRONOUN *IT*)

E.N. Pushkina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The substituting pronoun *it* and the construction *it is ... that/who* present a translation difficulty to students of non-linguistic universities working on professionally-oriented texts. Error prophylaxis necessitates the study of the causes of faulty translation and of the factors governing the choice of the translation equivalent.

The research testifies to the fact that mistranslation is caused by the structural differences of the languages and the methods of treating the corresponding grammar material in the available teaching aids. So, the difficulties in translating the substituting pronoun *it* are explained by discrepancies in the pronominal substitution systems in English and Russian and the absence of exercises on substitution in the training materials. Misinterpretation of the construction *it is ... that/who* is due to the differences in word order and underestimation of the role of context in exercises built on separate sentences. There is also a need for more detailed information in the study materials that could provide better understanding of the grammatical difficulties and facilitate the right choice of the translation equivalent. The practice of teaching shows that the above mentioned observations should be taken into consideration in compiling exercises, since it is a mandatory condition for the prevention of typical mistakes.

Keywords: teaching grammar difficulties of translation, teaching aids, exercises, translation of substituting pronoun *it*, translation of construction *it is ... that/who*, sentence analysis, context.

ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 1 (69)

2023

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 36,8. Усл. печ. л. 32. Тираж 100 экз. Заказ № 116.
Дата выхода в свет: 31.03.2023
Свободная цена

Учредитель журнала: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет